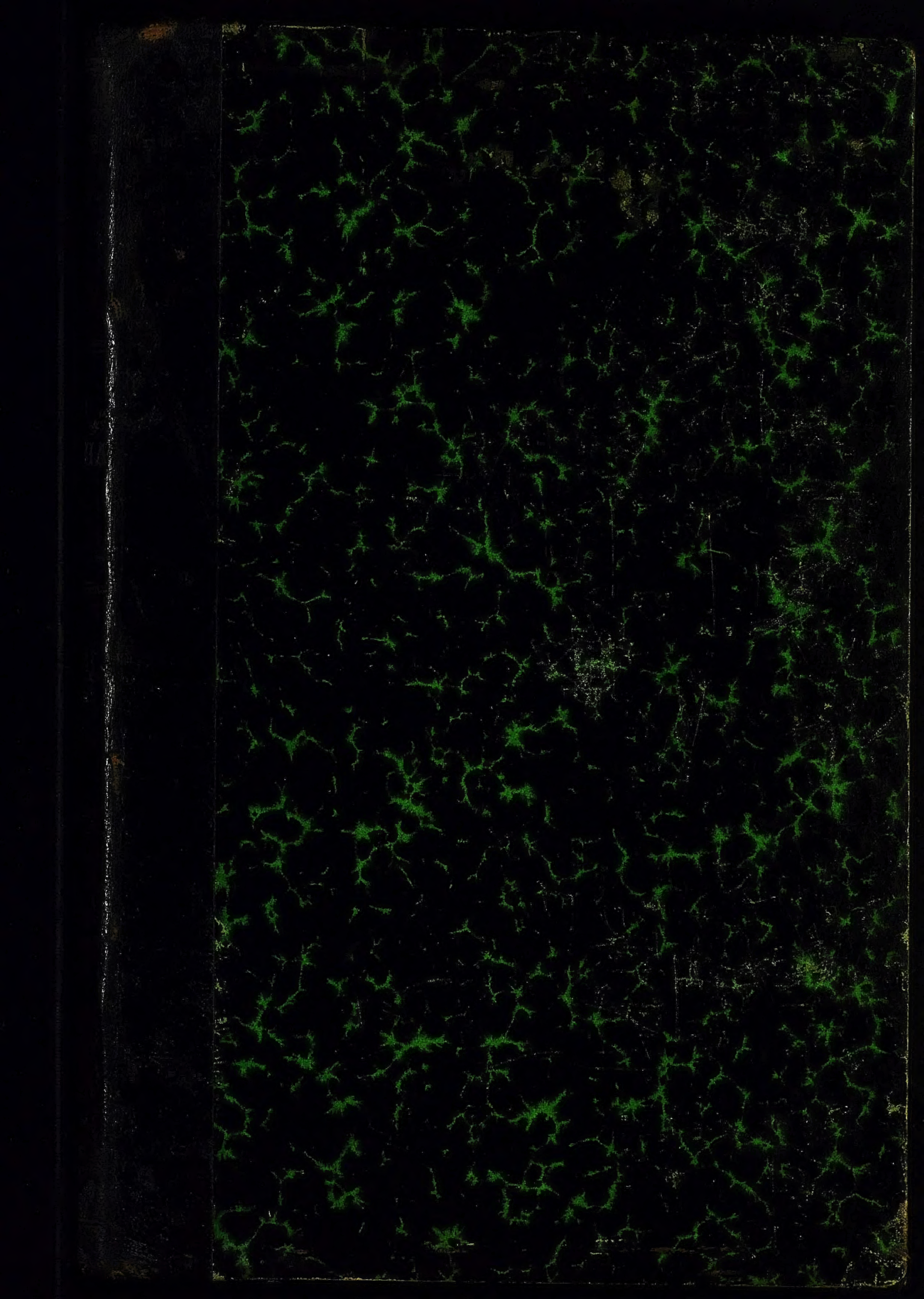


РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLV-й. ІЮЛЬ. 1914 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: 4 рисунка къ статьѣ „Асканія-Нова въ ея прошломъ и настоящемъ“.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1914 года.

Подписная цѣна на 1914 годъ—9 руб., за границу—11 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1914 года.

Библіографическій листокъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 144-й. Спб. 1914. (Матеріалы Екатерининской законодательной комиссіи. Часть XIII).

Этимъ матеріаламъ редакція Сборника посвятила уже нѣсколько томовъ, гдѣ опубликовано 144 наказа городовъ своимъ депутатамъ, посланнымъ въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Въ настоящемъ томѣ помѣщено 39 наказовъ отъ городовъ Малороссійской, Воронежской и Бѣлгородской губерніи. „Вращаясь въ общемъ“ — говорится въ предисловіи—„въ кругу тѣхъ же вопросовъ, какъ и ранѣе изданные наказы, печатаемые теперь наказы вносятъ очень много любопытныхъ, рельефныхъ и живыхъ подробностей, рисующихъ одну изъ наименѣе изслѣдованныхъ и извѣстныхъ сторонъ въ русской исторіи XVIII вѣка,—положеніе городовъ и бытъ ихъ населенія. Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія даютъ эти наказы о тогдашней внутренней торговлѣ, о состояніи путей сообщенія, о цѣнахъ на разные продукты, объ экономическомъ положеніи обширныхъ областей; многіе наказы сообщаютъ въ высшей степени интересные факты о постойной повинности. Немало можно почерпнуть въ этихъ наказахъ свѣдѣній о нравахъ купечества, о состояніи въ немъ просвѣщенія; много почерпаемъ свѣдѣній о состояніи судопроизводства, о дѣлахъ наслѣдственныхъ и т. д. Нелегко указать какой-либо другой источникъ, который бы давалъ для исторіи городского населенія въ Россіи XVII вѣкѣ столько матеріала, и столь же любопытнаго, какъ эти наказы. Очень любопытны подробности, находящіяся во многихъ наказахъ предлагаемаго тома, рисующія взаимныя отношенія разныхъ группъ населенія, жившихъ совмѣстно въ томъ или другомъ городѣ, но еще не объединенныхъ, не слитыхъ не только въ одно сословіе, но даже въ одно городское общество. Въ городахъ того времени жили еще особыми слободами разные, старыхъ службъ служилые люди — казаки, пушкари, воротники, казенные лѣсные сторожа, ямщики и многіе другіе; эти люди имѣли не только свои собственныя земли, но и свои особыя права, правда второстепенныя, несли свои обязанности, подсудны были разнымъ судебнымъ мѣстамъ и т. д. Изъ многихъ мелкихъ сообщеній, которыя встрѣчаемъ въ печатаемыхъ ниже наказахъ, очень живо вырисовываются многочисленныя бытовыя затрудненія и неудобства, возникавшія вслѣдствіе такого положенія вещей, и данныя нашихъ наказовъ въ болѣе яркомъ свѣтѣ рисуютъ, что внесено было въ жизнь русскаго купеческаго сословія и вообще русской провинціи „Учрежденіемъ о губерніяхъ и Жалованною грамотою городамъ“.

Е. В. Тарле. Континентальная блокада. I. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона. Издательство „Задруга“. М. 1913.

Обширный трудъ г. Тарле представляетъ собою полную разработку ряда вопросовъ, связанныхъ съ политической и экономической исторіей первой французской имперіи. Авторъ на основаніи множества первоисточниковъ, отчасти имъ самимъ и добытыхъ, выясняетъ экономическія стремленія тогдашняго французскаго правительства и торгово-промышленнаго класса, состояніе французской промышленности до и послѣ установленія блокады и экономическія отношенія между Франціей и Европой, возникшія на почвѣ этой безцеремонной борьбы за гегемонію французскаго рынка. Особенно цѣнна для насъ глава, посвященная русско-французскимъ отношеніямъ. „Значеніе континентальной блокады“— говоритъ авторъ — „современниками понималось гораздо больше, чѣмъ потомствомъ, и масса склонна была даже преувеличивать это значеніе, въ утрированномъ стилѣ характеризовать его. „Война съ Россіей не была предпріятіемъ изъ-за сахара и кофе, какъ сначала думалъ простой народъ“, говоритъ о двѣнадцатомъ годѣ Фуше. Фраза будетъ несравненно ближе къ истинѣ, если вмѣсто словъ „сахаръ и кофе“ напишемъ слова „континентальная блокада“; конечно, и въ такомъ случаѣ необхо-

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ И КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ, ПРИНИМАЮЩИХЪ ПОДПИСКУ.

Редакція журнала «Русская Старина» доводитъ до свѣдѣнія, что **съ 1-го января будущаго 1915 года, подписная цѣна на это изданіе будетъ увеличена на одинъ рубль.**

Съ доставкой и пересылкой внутри Россійской Имперіи **вмѣсто 9-ти рублей—10 рублей; за границу, вмѣсто 11-ти рублей—12 рублей.**

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, будетъ дѣлаема скидка 5% съ подписной цѣны.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 18.

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году въ историческомъ журналѣ

„РУССКАЯ СТАРИНА".

Вступая въ 1914 г. въ сорокъ пятый годъ своего существованія, ред. журн. **„Русская Старина"** предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ѳ. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". **Дневныя записки генерала Патрика Гордона**, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и Петра Великаго. **С. Е. О.** — „Письмо Императора Александра I къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о взятіи Парижа". „Письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны". **П. А. Зотова.**—„Война за независимость славянъ 1877—78 г.г.". Записки **Н. В. Исакова.**—„Военныя дѣйствія на Кавказѣ при кн. Воронцовѣ". **Г. И. Бобрикова.**—Воспоминанія. **Е. С. Шумигорскаго.** — „Кристинъ въ перепискѣ съ княжной Туркестановой, изъ эпохи Александра I". „Смольный монастырь". „О запискахъ Екатерины II". **А. З. Попельницкаго.**—„Спеціальная цензура книгъ". **П. К. Козлова.**—„Асканія-Нова въ прошедшемъ и настоящемъ". **А. М. Колонтай.**—„Записки генерала М. А. Домонтовича" **П. Л. Юдина.**—„Посольство Марины къ шаху Аббасу". „Лихолѣтье на Кавказскомъ рубежѣ". **А. С. Панкратова.** — „Старообрядцы и Наполеонъ I". **В. А. Андерсона.** — „Дневникъ И. М. Снѣгирева 1825—1828 гг." **Н. К. Полеваго.**—„Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1865—1870 г.г." (касаются Императора Александра II-го, Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева и др.). **Сообщ. Е. С. Шумигорскій.** — „Донесеніе Датскаго посланника Гастгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года". „Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина". „Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I". **Н. А. Вилламова.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **С. Н. Брайловскаго.**—„Александръ Ѳедоровичъ фонъ-деръ-Бринкенъ на родинѣ". **А. С. Лацинскаго.**—„Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамѣ въ 1814 году". **В. А. Арсеньева.**—„Письмо Императора Александра I къ А. С. Кологривову". Письма И. А. Гончарова къ Никитенко. **П. А. Висковатова.** „Письма В. А. Жуковскаго къ К. К. Зейдлицу". **И. В. Мѣщанинова.** — „Два письма Аракчеева". **И. П. Мордвинова.**—„Гибель крамольнаго рудомета". „Демократъ двадцатыхъ годовъ". „Непризнанный геній". **Ф. П. Уловича.**—„Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій". **Н. А. Мурзанова.**—„Къ біографіи декабристовъ: [кн. С. Г. Волконскаго и М. А. Лунина". **В. Дометти.**—„Воспоминанія о спектакляхъ въ эрмитажномъ театрѣ". **Н. П. Хитрово.**—„Послѣдній штурмъ Карса въ 1877 году". **М. В. Безобразовой.**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова". **В. А. Степанова.**—„Таинственный преступникъ". **А. М. Самбурскаго.**—„Очерки изъ семейной жизни". **Владиславлева.** — „Подонки родины". **С. В. Танѣева.**—„Курьезы старой Москвы". **З. А. Слезкинской.**—„Неудачная опека". **С. С. Чеха.**—„Елена Ивановна Шидянская, капитанъ Амазонской роты". **М. В. Станиславскаго.**- „Э. Ф. Направникъ". **С. Н. Введенскаго.**—„Непригожія рѣчи о патріархѣ Филаретѣ". „Демонскіе лики въ Рязани". **Т. М. Оленникова.** — „Іеромонахъ Юрьева монастыря Платонъ и его рукописи". **Е. С. М.**—„Депутатъ отъ Россіи". **Н. Ф. Мельницкаго.**—„Среди казаковъ въ русско-японскую войну". **Д. М. Лаврова.** — „Углицкій ссыльный колоколъ". **Н. И. Морозова.**—„Люди и нравы за полвѣка". **Б. В. Каховскаго.**—„Дневникъ М. И. Каховскаго о походѣ 1814 г." **Е. К. Андріяшевой.**—„Воспоминанія стараго педагога". Воспоминанія **Е. А. Рагозиной, Е. К. Андреевскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Веселовскаго** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Также будутъ печататься съ 1 марта 1914 г. Воспоминанія графа **Н. П. Игнатьева** о поѣздкѣ по Европейск. столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

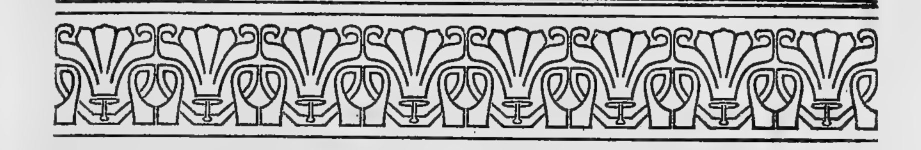
1914.

ІЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯБРЬ.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.
1914.



Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. [1]).

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова).

Первое мое свиданіе съ лордомъ Биконсфильдомъ, въ субботу 5 марта, въ тотъ день, когда я обѣдалъ у лорда Дерби, происходило въ присутствіи гр. Шувалова. Англійскій премьеръ видимо избѣгалъ серьезнаго разговора о Восточныхъ дѣлахъ и ограничился общими мѣстами. Онъ увѣрялъ меня, что онъ всегда былъ другомъ Россіи, говорилъ высокопарно о своихъ дружескихъ отношеніяхъ къ гр. Шувалову и превозносилъ его личныя достоинства. Если вѣрить ему онъ искренно желаетъ, чтобы между Россіей и Англіей установилось серьезное, прочное соглашеніе, такъ какъ только эти державы дѣйствительно заинтересованы въ дѣлахъ Востока и въ состояніи справиться съ его трудностями. Мнѣ показалось, что лордъ Биконсфильдъ не довѣряетъ гр. Шувалову и не хотѣлъ говорить при немъ откровенно и, дѣйствительно, въ среду, когда я видѣлся послѣдній разъ съ лордомъ Дерби въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и когда мы съ женой были приглашены къ лорду Биконсфильду на обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и принцъ Уэльскій, Биконсфильдъ, улучивъ послѣ обѣда минуту, когда гр. Шуваловъ говорилъ съ кѣмъ-то въ другой комнатѣ, чтобы побесѣдовать со мною, высказался гораздо опредѣленнѣе. „Со свойственной ему впечатлительностью, какъ я писалъ кн. Горчакову, лордъ Биконсфильдъ увѣрялъ меня, что онъ потерялъ всякую надежду на окончательное соглашеніе, которое удовле-

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюнь 1914 г.

творило бы всѣхъ, и что онъ смотритъ мрачно на будущее, ибо безъ демобилизаціи не будетъ протокола. Онъ долго говорилъ о томъ, что Россія поступила въ высшей степени ошибочно, дѣйствуя совмѣстно съ Германіей и Австро-Венгріей, которымъ очень мало дѣла до Востока и которыя не имѣютъ возможности осуществить то, что было условлено между нами. Если бы дѣло, которымъ мы заняты въ настоящее время, было рѣшено какъ того хочетъ Англія, то онъ конечно высказалъ бы болѣе вѣскія соображенія относительно *неизбѣжнаго паденія* Турецкой имперіи, которое могло бы совершиться мирнымъ путемъ. Всѣ его старанія клонятся, по его словамъ, только къ тому, чтобы доказать намъ необходимость союза Россіи съ Англіей и безполезность всѣхъ прочихъ союзовъ.

„Я отвѣчалъ, что мы готовы придти къ соглашенію, но что само собою разумѣется, я хотѣлъ бы знать его виды на будущее, чтобы освѣдомить объ нихъ нашего августѣйшаго монарха. Онъ возразилъ, что это было бы преждевременно, что онъ долженъ прежде всего представить парламенту осязательный результатъ своей иностранной политики, и что онъ воспользуется затѣмъ наступившимъ успокоеніемъ, чтобы основательно познакомиться съ этимъ вопросомъ".

Онъ отлично видѣлъ, что меня нельзя обойти и что я не дамъ никакихъ обѣщаній, не зная, выгодны ли они Россіи; поэтому онъ не сталъ болѣе говорить о томъ, что интересовало насъ въ данный моментъ, но такъ какъ мнѣ хотѣлось основательно узнать точку зрѣнія противника, то я навелъ лорда Биконсфильда на обсужденіе другихъ вопросовъ съ принципіальной точки зрѣнія.

„Прежде всего мы остановились, конечно, на проливахъ. Лордъ Биконсфильдъ долженъ былъ согласиться со мною, что Англіи было бы не особенно выгодно завладѣть Дарданеллами [1]), такъ какъ это заставило бы Россію овладѣть Босфоромъ, чтобы обезопасить свое южное побережье отъ нападенія. Но два контингента войскъ разной національности не могли бы избѣжать столкновеній при столь близкомъ сосѣдствѣ, а постоянное соперничество и недовѣріе порождали бы ссоры и столкновенія и дали бы возможность укорениться тому недружелюбію (bad feeling), которое намъ хотѣлось изгнать изъ отношеній, существующихъ между Англіей и Россіей.

[1]) Вначалѣ онъ утверждалъ, что проливы должны принадлежать султану или Англіи и *болѣе никому*. *Прим. авт.*

„Что касается гарантій относительно пути въ Индію, то мы обсудили вопросъ объ островахъ Хіосъ, Мителене [1]), Лемносъ [2]), Родосъ, о Кипрѣ и о портѣ на о. Критѣ“. Я энергично протестовалъ противъ оккупаціи англичанами Мителене или Лемноса, говоря, что это было бы равносильно завладѣнію проливами, въ виду близости къ нимъ этихъ острововъ и ихъ важнаго значенія, какъ морскихъ станцій. Я замѣтилъ лорду Биконсфильду, что Критъ въ полномъ смыслѣ слова греческій островъ и что его населеніе слишкомъ интеллигентно и воинственно, чтобы какая-нибудь иноземная держава могла безнаказанно овладѣть имъ. Рано или поздно этотъ цвѣтущій, но злополучный островъ долженъ будетъ принадлежать Греціи и если англичане поселятся на немъ, то они будутъ вынуждены покинуть его такъ же точно, какъ Корфу.

Перечисливъ пункты, которые казались ему полезными для Англіи, лордъ Биконсфильдъ, несмотря на все мое стараніе заставить его высказаться, не сказалъ ничего вполнѣ ясно и опредѣленно. Онъ обусловливалъ обмѣнъ мыслей по всѣмъ этимъ вопросамъ подписаніемъ протокола и успокоеніемъ умовъ, которое было бы послѣдствіемъ нашего разоруженія. „У меня сложилось впечатлѣніе, какъ я и писалъ канцлеру, что премьеръ хочетъ сдѣлать на Востокѣ что-то блестящее [3]), но что его планъ еще не созрѣлъ окончательно. Онъ готовъ всѣмъ пожертвовать ради блестящаго успѣха своей иностранной политики и чтобы заслужить одобреніе Англіи; это было бы для него большимъ удовлетвореніемъ.

„Мнѣ удалось узнать изъ вѣрнаго источника [4]), что все подготовлялось къ тому, чтобы овладѣть въ случаѣ надобности Дарданелльскимъ проливомъ, если бы мы пошли дальше Адріанополя и приблизились къ Константинополю; переправа черезъ Дунай не вызвала бы, повидимому, противодѣйствія со стороны англичанъ. Говорятъ, будто уже сдѣланы всѣ нужныя распоря-

---

[1]) Древній Лесбосъ самый крупный островъ въ Эгейскомъ морѣ, имѣющій хорошо защищенные порты. *П. В.*

[2]) Лемносъ одинъ изъ крупныхъ острововъ Эгейскаго моря. *П. В.*

[3]) Моя догадка оправдалась поведеніемъ Биконсфильда во время кризиса, и въ особенности при аннексіи Кипра. Императорскій кабинетъ былъ предупрежденъ объ этомъ за годъ, и все-таки англо-турецкая конвенція была сюрпризомъ какъ для кн. Горчакова, такъ и для гр. Шувалова и даже для бывшаго въ Константинополѣ Лобанова. *Прим. авт.*

[4]) Главнымъ образомъ отъ русскаго военнаго агента въ Англіи, ген. Горлова. *Прим. авт.*

женія для посадки на суда 60.000 человѣкъ, но оказывается, что они прибудутъ на мѣсто назначенія не ранѣе какъ черезъ два мѣсяца, и если бы мы повели кампанію энергично, то англійскія войска явились бы слишкомъ поздно. Поэтому англійскія военныя власти не особенно одобряютъ послѣднее время мысль о длительномъ занятіи Дарданеллъ; при обсужденіи этого вопроса выяснилось, что въ случаѣ осуществленія этой мѣры англійскій гарнизонъ не трудно было бы прогнать, но это было бы сопряжено съ огромнымъ расходомъ [1]). Я, со своей стороны, поддерживалъ этотъ взглядъ въ домѣ Салисбюри и въ бесѣдахъ съ англійскими военными, доказывая, что, съ военной точки зрѣнія, гарнизонъ, расположенный между Дарданеллами и Галлиполи [2]), всегда могъ бы подвергнуться нападенію нашихъ превосходныхъ силъ съ двухъ сторонъ (съ европейской и азіатской), такъ какъ мы всегда могли бы сосредоточить нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ на европейскомъ и азіатскомъ берегахъ. Большинство англичанъ также не особенно одобряетъ мысль о захватѣ Египта, опасаясь большихъ расходовъ, которые это можетъ повлечь за собой. Здѣсь предпочитаютъ управлять имъ такъ, какъ это дѣлается въ настоящее время. Съ другой стороны, во Франціи, либеральная партія довольно равнодушна къ возможной оккупаціи Египта англичанами; по крайней мѣрѣ этого мнѣнія держится Тьеръ, отказавшійся отъ своей политики 1841 г., Гамбетта и другіе. И такъ, въ Англіи, какъ заявилъ мнѣ лордъ Биконсфильдъ, были бы склонны занять въ случаѣ раздѣла Турціи, *островное положеніе*, которое обезпечило бы путь въ Индію отъ нападенія со стороны Чернаго моря. Помимо этого, въ Англіи очень озабочены, все изъ-за того же пути въ Индію, дальнѣйшей судьбою бассейна Тигра и Евфрата“.

Желая придать моей поѣздкѣ въ Англію совершенно частный характеръ, въ особенности въ виду положенія, занятаго гр. Шуваловымъ относительно моей миссіи, я рѣшилъ не дѣлать никакихъ шаговъ къ тому, чтобы получить аудіенцію при дворѣ. Тѣмъ не менѣе въ субботу я былъ принятъ въ Лондонѣ

---

[1]) И однако, годъ спустя, гр. Шуваловъ успѣлъ, своими грозными донесеніями о воинственномъ настроеніи лорда Биконсфильда, заставить позабыть эти данныя и заставилъ насъ остановиться подъ стѣнами Константинополя! *Прим. авт.*

[2]) Галлиполи, турецкій портъ, находится на небольшомъ полуостровѣ при Дарданеллахъ. Военное значеніе Галлиполи основано на возможности запереть путь по морю. *П. В.*

принцемъ и принцессой Уэльскими, а въ слѣдующій вторникъ королевой Викторіей въ Виндзорѣ.

Вечеромъ, въ день моего пріѣзда въ Лондонъ, принцъ Уэльскій пригласилъ гр. Шувалова въ клубъ и заявилъ ему, что онъ приметъ бывшаго русскаго посла въ Константинополѣ и его жену на другой же день. Принцъ и принцесса приняли насъ, какъ старыхъ знакомыхъ, въ высшей степени благосклонно и любезно. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ они видѣли насъ въ Константинополѣ и въ Петербургѣ. Въ то время принцъ Уэльскій остался такъ доволенъ мною, что онъ отличилъ меня, въ присутствіи турокъ, болѣе, нежели своего собственнаго посланника Генри Элліота, и намекалъ мнѣ, что онъ былъ бы радъ видѣть меня посланникомъ въ Лондонѣ, вмѣсто бар. Бруннова. Какъ во время аудіенціи у него, такъ и за обѣдомъ у лорда Биконсфильда и на вечерѣ у лорда Дерби (гдѣ я былъ съ женою по настоянію принца), онъ вспоминалъ съ удовольствіемъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ во время пребыванія въ Россіи, и высказывалъ самое горячее желаніе, чтобы всѣ политическія недоразумѣнія между обѣими странами прекратились. Но онъ не могъ скрыть, что относительно восточныхъ дѣлъ онъ находился всецѣло подъ вліяніемъ Биконсфильда, такъ какъ онъ настаивалъ на необходимости одновременнаго разоруженія Россіи и Турціи. Принцъ Уэльскій сообщилъ мнѣ, что королева приметъ меня и мою жену въ Виндзорѣ во вторникъ. Аудіенція у королевы прошла согласно обычному этикету, при чемъ Ея Величество вовсе не касалась политическихъ вопросовъ.

Встрѣчаясь въ Гатфильдѣ и на вечерахъ у гр. Дерби и у лорда Деднея съ самыми выдающимися англійскими дѣятелями, съ которыми у меня всегда завязывался разговоръ о Восточныхъ дѣлахъ, я имѣлъ случай опровергнуть безчисленные предразсудки и ошибочные взгляды на турецкій, греческій и славянскій вопросы, которые укоренились въ англійскомъ обществѣ.

„При этомъ я могъ убѣдиться, какъ я и писалъ канцлеру, что мысль о близкомъ и роковомъ паденіи Турецкой имперіи сдѣлала въ Англіи огромные успѣхи. Вмѣсто того, чтобы говорить о поддержкѣ Турціи во что бы то ни стало, теперь думаютъ только, какъ бы продлить ея существованіе или, въ случаѣ ея паденія, заключить соглашеніе съ Россіей“.

Посѣтивъ Гладстона, я писалъ канцлеру послѣ бесѣды съ нимъ, что глава либеральной партіи обвиняетъ торіевъ въ томъ, что они толкаютъ турокъ въ пропасть, и утверждаетъ, что, дѣйствуя энергично и принявъ репрессивныя мѣры,

которыя заставили бы Турцію приступить къ серьезнымъ реформамъ, можно было бы еще продлить ея существованіе, какъ самостоятельнаго государства. По его мнѣнію, роспуска парламента было бы достаточно, чтобы въ двое сутокъ рѣшить Восточный вопросъ въ пользу христіанъ. Онъ не хочетъ раздѣла Турціи, а освобожденія христіанскихъ народностей. Очень жаль, что, увлекаясь своимъ блестящимъ ораторскимъ и писательскимъ талантомъ, Гладстонъ впадаетъ иной разъ въ крайности и вредитъ этимъ торжеству праваго дѣла. Торіи, напуганные тѣмъ, то они потеряли недавно одно мѣсто въ парламентѣ, и опасаясь, что ихъ партія, если въ ней начнутся раздоры, утратитъ свое значеніе, сплотились вокругъ правительства и готовы пожертвовать нѣкоторыми личными взглядами (намекъ на Салисбюри), чтобы удержаться у власти. Наконецъ опрометчивые отзывы нѣкоторыхъ виговъ и либераловъ касательно дѣлъ Индіи, которымъ они не придавали значенія, повредили имъ во мнѣніи англійской публики, весьма чувствительной ко всему, что касается Индіи. Желая достигнуть своей цѣли черезчуръ скоро и зайти слишкомъ далеко, преждевременно учитывая наслѣдіе лорда Биконсфильда, Гладстонъ и его друзья вызвали нѣкоторую реакцію и охлажденіе среди тѣхъ торіевъ, которые относились (въ 1876 г.) сочувственно къ судьбѣ христіанъ въ Турціи. Люди, наилучше настроенные, подчиняясь партійной дисциплинѣ, молчатъ и стушевываются, чтобы не вызвать раздора. Такъ, маркизъ Салисбюри, котораго я обвинялъ въ равнодушіи, оправдываясь, увѣрялъ меня, что его взгляды остались неизмѣнны, что, какъ англичанинъ и христіанинъ, онъ оскорбленъ тѣмъ, что Великобританія предоставляетъ Россіи одной покровительствовать христіанскимъ народамъ Турціи, что онъ болѣе чѣмъ когда-либо желаетъ дружескаго соглашенія съ Россіей; но что его обязанность въ отношеніи партіи заставляетъ его дѣйствовать чрезвычайно осторожно. Онъ только высказываетъ свое мнѣніе въ совѣтѣ и не можетъ теперь вмѣшиваться активно въ турецкія дѣла, которыя его болѣе не касаются...

„Къ сожалѣнію, бюро министерства иностранныхъ дѣлъ остались вѣрны традиціямъ и предразсудкамъ временъ Крымской кампаніи и настроены въ высшей степени дружелюбно къ Турціи и враждебно къ Россіи. Другой враждебный намъ элементъ это армія и все имѣющее къ ней близкое отношеніе; живя до сихъ поръ идеями, которымъ минула двадцатилѣтняя давность, эта часть англійскаго общества хранитъ традиціи и

предразсудки англо-турецкаго союза. Среди виговъ также есть лица, настроенныя къ намъ недружелюбно и покровительствующія христіанамъ только съ цѣлью положить преграду „честолюбивымъ замысламъ Россіи“.

„Наконецъ, радикальная партія ненавидитъ турокъ, но относится недовѣрчиво и къ намъ, памятуя 1848 годъ. При всемъ томъ можно расчитывать на ея оппозицію правительству, когда надобно будетъ помѣшать Англіи оказать матеріальную поддержку туркамъ.

„Такимъ образомъ, хотя почти двѣ трети англійскаго общества до сихъ поръ сочувствуютъ туркамъ, но противуположные взгляды все же дѣлаютъ успѣхи и если нами не будетъ сдѣлано какихъ-нибудь грубыхъ ошибокъ, то мнѣ кажется, ни одинъ англійскій министръ не сможетъ болѣе оказать туркамъ матеріальной поддержки противъ насъ. Всѣ единогласно признаютъ, что въ случаѣ русско-турецкой войны Англія потребуетъ какой-нибудь залогъ, который дастъ ей возможность участвовать въ дальнѣйшемъ рѣшеніи Восточнаго вопроса“.

Я не только старался познакомиться изъ первоисточниковъ съ общественнымъ мнѣніемъ Англіи относительно остраго фазиса Восточнаго вопроса, я постарался также разузнать настроеніе англійскихъ государственныхъ людей въ среднеазіатскихъ дѣлахъ, вліяніе которыхъ на славяно-турецкій вопросъ всегда было для меня ясно.

Возобновивъ съ Салисбюри бесѣды, которыя мы вели съ нимъ въ Константинополѣ относительно разграниченія сферы великобританскихъ и русскихъ интересовъ въ Центральной Азіи, мнѣ удалось до извѣстной степени узнать его взгляды на этотъ вопросъ, какъ статсъ секретаря по дѣламъ Индію, и я счелъ долгомъ написать канцлеру изъ Вѣны нижеслѣдующее конфиденціальное письмо: „Во время многочисленныхъ конфиденціальныхъ бесѣдъ моихъ съ маркизомъ Салисбюри въ Гатфильдѣ, мы обмѣнялись мыслями о возможномъ расширеніи англійской и русской власти въ центральной Азіи, и пробовали опредѣлить теоретически границы, которыя будутъ установлены въ будущемъ. Если бы это осуществилось, мы не только не мѣшали бы другъ другу впредь, но могли бы помогать другъ другу, положивъ конецъ всѣмъ мѣстнымъ интригамъ.

„Я говорилъ, что по моему мнѣнію самой естественной, самой надежной и неприступной границей могъ бы быть Гиндукушъ и его отроги; южный склонъ и бассейнъ Инда могъ бы отойти подъ владычество Англіи, а сѣверный склонъ могъ быть предо-

ставленъ намъ. Эта комбинація понравилась лорду Салисбюри, и онъ намѣренъ, воспользовавшись случаемъ, узнать на этотъ счетъ мнѣніе англійскаго общества. Онъ сдѣлалъ впрочемъ одну оговорку, а именно, что пока живъ Ширъ Али-ханъ, въ мѣстностяхъ, именуемыхъ Балхъ, Хулумъ, Хундузъ, Гиссаръ и Бадахшанъ должно быть сохранено status quo, хотя онѣ и лежатъ въ бассейнѣ Аму-Дарьи. Я успокоилъ своего собесѣдника, увѣривъ его, что въ данный моментъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо перемѣнахъ и что мы ни въ какомъ случаѣ не стремимся къ расширенію нашихъ владѣній къ югу.

„Что касается Кашгара и Мерва, маркизъ Салисбюри подтвердилъ мнѣ то, что онъ говорилъ въ Константинополѣ. Не имѣя никакихъ особенныхъ видовъ на эту мѣстность, Англія не хотѣла бы, однако, чтобы она подпала подъ владычество Россіи, допуская, впрочемъ, что мы могли быть вынуждены совершить экспедицію въ Мервъ, чтобы покарать туркменовъ. Маркизъ далъ мнѣ понять, что присоединеніе Кашмира къ Индіи составляетъ лишь вопросъ времени. Съ другой стороны занятіе вновь китайцами Кашгара и прекращеніе враждебнаго намъ правленія мусульманъ не встрѣтило бы препятствія. Маркизъ Салисбюри не раздѣляетъ мнѣнія сэра Г. Элліота и бывшаго вице-короля Индіи, которые хотѣли подчинить Кашгаръ власти султана и использовать противъ насъ этотъ фанатическій мусульманскій центръ, расположенный у нашей границы.

„Персія, по словамъ моего собесѣдника, не можетъ долго оставаться въ ея теперешнемъ положеніи; было бы полезно выяснить ея дальнѣйшую судьбу. Я высказалъ мысль о ея нейтралитетѣ подъ гарантіей Англіи и Россіи. Салисбюри раздѣляетъ это мнѣніе, но онъ не скрылъ опасеній Англіи, какъ бы мы не округлили нашихъ владѣній до Атрека. Я отвѣтилъ, что эта рѣка составляетъ въ настоящее время естественную пограничную линію и что трудно было бы найти другую со стороны пустыни. Въ концѣ концовъ онъ согласился признать это относительно верхняго теченія рѣки, лишь бы отъ средняго теченія была проведена къ Аму-Дарьѣ прямая линія, въ значительномъ разстояніи отъ Мерва, которая и образовала бы границу нашихъ владѣній въ этомъ направленіи.

„На мой вопросъ о Белуджистанѣ, онъ признался, что эта страна хотя не по праву, но фактически находится подъ владычествомъ Англіи. Маркизъ Салисбюри предвидитъ, что южный Афганистанъ въ концѣ концовъ будетъ присоединенъ къ Индіи. Я воспользовался высказанными имъ предположе-

ніями, чтобы замѣтить, что въ такомъ случаѣ Гератъ долженъ быть возвращенъ нейтральной Персіи. Но маркизъ находитъ эту комбинацію невозможной, въ виду *стратегическаго значенія*, которое въ Англіи приписываютъ, правильно или нѣтъ, обладанію Гератомъ, считая его *ключемъ къ Индіи.* Ни одинъ англійскій министръ не посмѣетъ отдать его Персіи, или какой-нибудь другой странѣ, которая находилась бы подъ вліяніемъ Россіи... Бесѣдуя однажды со мною объ Азіи, Салисбюри спросилъ, что будетъ съ Малой Азіей въ случаѣ раздѣла Турціи. Я отвѣтилъ, что мы ничего не имѣли бы противъ того, если бы султанъ, не имѣя возможности удержаться долѣе въ Европѣ, перенесъ свою столицу въ Бруссу, колыбель своей династіи. На это мой собесѣдникъ возразилъ, что, по его мнѣнію, едва-ли Турецкая имперія распавшись въ Европѣ, могла бы возродиться въ Азіи и врядъ ли власть султановъ могла бы процвѣтать тамъ; онъ предвидѣлъ скорѣе возможность какой-нибудь новой группировки мусульманскихъ государствъ. Лордъ Салисбюри интересуется особенно бассейномъ Тигра и Евфрата. Онъ не скрывалъ меня, что Англія отнеслась бы крайне непріязненно къ тому, если бы мы появились когда-либо въ этомъ бассейнѣ, и далъ понять, что въ Англіи придаютъ большое значеніе тому, чтобы этотъ путь въ Индію никогда не подпалъ подъ наше вліяніе. Кажется, это первый разъ, что Великобританія обнаружила свои виды на весь бассейнъ Эвфрата. Поэтому я считаю это заявленіе маркиза Салисбюри заслуживающіемъ особаго вниманія Императорскаго кабинета. Впрочемъ, онъ просилъ меня считать всѣ высказанныя имъ соображенія не болѣе какъ дружескимъ обмѣномъ его личныхъ, конфиденціальныхъ и теоретическихъ мыслей.. Что касается вопроса о демобилизаціи нашихъ войскъ, маркизъ Салисбюри далъ себѣ въ концѣ концовъ вполнѣ ясный отчетъ въ тѣхъ трудностяхъ, которыя онъ ранѣе упускалъ изъ вида“.

Въ понедѣльникъ утромъ какъ я сообщилъ уже въ Вѣну и въ Петербургъ, я выѣхалъ изъ Лондона въ Вѣну, черезъ Парижъ. Послѣ объясненій, которыя я имѣлъ съ англійскими министрами и съ видными членами разныхъ партій, и послѣ тѣхъ сообщеній, которыя я сдѣлалъ имъ и получилъ отъ нихъ, мнѣ было безполезно далѣе оставиться въ Лондонѣ; это могло даже имѣть нѣкоторыя неудобства, въ особенности въ виду страннаго поведенія гр. Шувалова, который самъ однако настоятельно просилъ меня, въ особенности въ послѣдній моментъ, (заѣхавъ въ отель Claridge съ вечера отъ лорда Дедлея) пробыть

въ Англіи еще нѣсколько дней до тѣхъ поръ, пока вопросъ о протоколѣ не будетъ окончательно рѣшенъ имъ и графомъ Дерби. А я, въ виду извѣстнаго настроенія Лондонскаго кабинета, его колебаній и недомолвокъ, считалъ нужнымъ не терять ни минуты, чтобы произвести на него давленіе при посредствѣ другихъ кабинетовъ. Я не допускалъ возможности, чтобы князь Горчаковъ, пославъ меня къ европейскимъ дворамъ для обсужденія вопроса о протоколѣ (pour faire „la tournée du protocole en Europe"), отказался отъ мысли объ этомъ дипломатическомъ актѣ, рѣшилъ бы вопросъ съ плеча, не подождавъ возвращенія человѣка, посланнаго имъ со специальной миссіей, и не познакомившись съ впечатлѣніями, вынесенными мною изъ поѣздки. Я надѣялся, что при всей нетерпѣливости и нервности онъ съумѣетъ выждать недѣлю въ этотъ важный моментъ.

Отъѣздъ изъ Лондона казался мнѣ неотложнымъ еще и потому, что австро-венгерскій посланникъ въ Лондонѣ, гр Бейстъ, сказалъ мнѣ, что „въ Вѣнѣ очень недовольны тѣмъ что я не спѣшу ѣхать туда и что Италія познакомилась съ текстомъ нашего проекта раньше Австро-Венгріи [1]).

„Я отвѣтилъ, какъ я и передалъ это въ своемъ письмѣ отъ 14/26 марта, что въ виду нашихъ отношеній къ Вѣнскому кабинету, послѣдній ближе знаетъ наши намѣренія, нежели прочіе кабинеты, но что, во всякомъ случаѣ, я не могу дать окончательной редакціи текста до тѣхъ поръ, пока мнѣ не будетъ извѣстно мнѣніе Лондона, ибо иначе можетъ произойти путаница".

Вечеромъ 10 марта, тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Парижъ, меня посѣтили герцогъ Деказъ и гр. Шодорди; встревоженные, они спѣшили узнать о ходѣ переговоровъ, происходившихъ въ Лондонѣ. Дѣло въ томъ, что отъ герцога Даркура была по-

---

[1]) Такъ какъ я долженъ былъ ѣхать въ Вѣну, то, узнавъ о появленіи новаго проекта протокола, составленнаго Дерби, я не счелъ себя въ правѣ переслать гр. Андраши привезенный мною проектъ черезъ австро-венгерскаго посланника въ Парижѣ, какъ я это сдѣлалъ чрезъ италіанскаго посланника, имѣя въ виду, что я не поѣду въ Римъ. Если гр. Андраши жаловался на то, что русскій текстъ протокола былъ полученъ въ Римѣ нѣсколько дней до того, какъ онъ былъ полученъ имъ оффиціально, то можно себѣ представить, сколько зависти и недовѣрія было бы вызвано съ его стороны, если бы я поѣхалъ изъ Парижа въ Римъ, какъ мнѣ совѣтовалъ представитель Италіи. Хорошо, что я руководствовался въ этомъ случаѣ не своимъ желаніемъ, а пользой службы.

Прим. авт.

лучена телеграмма съ извѣстіемъ, что все разстроилось, такъ какъ Англія не согласилась подписать протоколъ до тѣхъ поръ, пока русская армія не будетъ демобилизована. Деказъ потерялъ надежду на успѣхъ задуманнаго нами миролюбиваго соглашенія, предвидя, что затрудненія, возникшія въ Лондонѣ, вызовутъ наблагопріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ и усугубятъ то натянутое отношеніе, которое онъ старался разсѣять.

Вслѣдъ за обмѣномъ мыслей, происходившимъ послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга, между Берлиномъ, Петербургомъ и Парижемъ, кн. Бисмаркъ поручилъ гр. Мюнстеру заявить англійскимъ министрамъ самымъ категорическимъ образомъ, что Германія отнюдь не собирается напасть на Францію. Очевидно, это дѣлалось съ цѣлью довести о томъ до свѣдѣнія Парижа, а можетъ быть для того, чтобы торійскій кабинетъ поменьше заботился впредь объ общеевропейскихъ дѣлахъ, а Франція не такъ усердствовала въ своей миролюбивой тактикѣ на Востокѣ. Герцогъ Деказъ, успокоенный этими заявленіями о миролюбивыхъ намѣреніяхъ Германіи касательно Франціи, все же очень жаловался на затрудненія редакціоннаго характера, которыя держали всѣхъ на чеку; подъ вліяніемъ англійской точки зрѣнія онъ обвинялъ насъ съ большой горячностью въ томъ, что будто бы вслѣдъ за подписаніемъ протокола мы намѣрены объявить войну; впрочемъ, все это говорилось въ самомъ дружескомъ тонѣ.

„Мнѣ не трудно было, какъ я и писалъ канцлеру, доказать герцогу Деказу и гр. Шодорди, на кого падаетъ отвѣтственность за неудачу переговоровъ; я высказалъ ему, что Англія оскорбляетъ наше національное самолюбіе, требуя отъ *насъ* обязательствъ, которыя она не можетъ получить отъ *Турціи*“, и доказывалъ абсолютную невозможность, въ осбенности при тогдашнемъ состояніи умовъ въ Россіи, принять какое-либо обязательство, несовмѣстимое съ нашими традиціями и съ чувствомъ національнаго достоинства, а также невозможность отозвать хотя бы одинъ батальонъ съ турецкой границы до тѣхъ поръ, пока заключеніе мира съ Черногоріей не будетъ обезпечено, пока не будетъ гарантирована безопасность христіанъ и пока Турція не приступитъ серьезно къ реформамъ въ Болгаріи и Герцеговинѣ. Я телеграфировалъ это кн. Горчакову 11 марта, утромъ, и въ тотъ же день видѣлся еще разъ съ Деказомъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ жаловался на настойчивое требованіе кабинетовъ, чтобы въ протоколѣ было упомянуто о разоруженіи турецкой арміи; „съ точки зрѣнія Россіи,

говорилъ Деказъ, можно только привѣтствовать рѣшеніе Турціи, которое усугубляетъ ея финансовое разрѣшеніе.

Я оспаривалъ эту мысль и указалъ на положеніе нашей кавказской арміи, которая стояла лицомъ къ лицу съ недисциплинированными турецкими войсками. Мы не могли увести нашихъ войскъ, не поставивъ на карту безопасности нашей границы. Герцогъ Деказъ замѣтилъ на это, что Европа интересуется не кавказской, а только нашей Кишиневской арміей. На его вопросъ, правда ли, что я предлагалъ Дерби исключить изъ протокола пунктъ, касающійся разоруженія, если бы онъ оказался камнемъ преткновенія при переговорахъ, я отвѣчалъ утвердительно, присовокупивъ, что съ практической точки зрѣнія вопросъ о разоруженіи долженъ былъ обсуждаться непосредственно между русскимъ и турецкимъ правительствами. Герцогъ Деказъ, кажется, согласился съ этимъ и высказалъ готовность телеграфировать французскому посланнику въ Лондонъ, чтобы онъ объяснилъ гр. Дерби серьезность положенія и необходимость подписать протоколъ, пріемлемый для Россіи".

Я видѣлъ герцога Деказа послѣдній разъ послѣ его свиданія съ лордомъ Лайонсомъ; послѣдній, по его словамъ, также былъ въ отчаяніи отъ неудачи Лондонскихъ переговоровъ. Желая избѣжать войны, державы хотятъ одного—говорилъ Деказъ—чтобы наши войска, сосредоточенныя на румынской границѣ, были отозваны; что касается кавказскихъ войскъ, они, разумѣется, должны остаться на мѣстѣ, пока турки не уведутъ окончательно своихъ войскъ. Я рѣшительно уклонился отъ обсужденія этого вопроса и совѣтовалъ министру энергично воздѣйствовать на Лондонъ; вмѣстѣ съ тѣмъ я старался поддержать и его доброе расположеніе къ намъ, указавъ на то, что мы дѣйствовали съ величайшей искренностью, тогда, какъ Англія относилась къ намъ съ ничѣмъ не объяснимой подозрительностью.

„Неудачи съ протоколомъ, присовокупилъ я, конечно, заставятъ насъ самихъ искать выхода изъ создавшагося положенія; несмотря на все наше стремленіе къ миру, можетъ случиться, что мы будемъ вынуждены дать войскамъ приказъ къ выступленію. Хотя я знаю, какое положеніе займетъ по всей вѣроятности Франція въ случаѣ войны, но все-таки мнѣ хотѣлось бы, какъ я сказалъ Деказу, слышать отъ него что-нибудь опредѣленное на этотъ счетъ. Деказъ отвѣтилъ, что Франція ни въ какомъ случаѣ не будетъ противъ насъ и не пойдетъ ни на какія непріязненныя по отношенію къ

намъ комбинаціи; она не свяжетъ себя ничѣмъ, она отгородится, замуруется отъ всѣхъ (elle se calfeutrerait) и не сдѣлаетъ ни шага, если ее не вынудятъ къ тому какія-либо чрезвычайныя обстоятельства; она выждетъ, пока буря не уляжется, чтобы не пострадать самой". Взволнованный положеніемъ дѣлъ, Деказъ телеграфировалъ герцогу Даркуру, прося его еще разъ сдѣлать попытку убѣдить гр. Дерби, и вмѣстѣ съ тѣмъ звалъ его въ Парижъ, чтобы обмѣняться съ нимъ мыслями и дать ему дополнительныя инструкціи. Герцогъ Деказъ надѣется, что французскій посланникъ въ Лондонѣ и лордъ Лайонсъ въ Парижѣ существенно облегчатъ своимъ поведеніемъ задачу гр. Шувалова".

„Я постарался повидаться съ лордомъ Лайонсомъ и, воспользовавшись нашими издавна дружественными отношеніями, изложилъ ему откровенно положеніе дѣлъ съ моей точки зрѣнія и доказывалъ, что, противодѣйствуя нашимъ миролюбивымъ стремленіямъ, англійское правительство вынуждаетъ насъ оставить всякую мысль о соглашеніи, а это можетъ повлечь за собою послѣдствія, за которыя вся отвѣтственность падетъ на Сентъ-Джемскій кабинетъ. Лордъ Лайонсъ обѣщалъ воздѣйствовать на лорда Дерби, но просилъ меня принять во вниманіе трудность его положенія какъ парламентскаго дѣятеля; пославъ въ Лондонъ обстоятельное донесеніе, Лайонсъ изложилъ въ немъ какъ мой взглядъ, такъ и свой разговоръ съ герцогомъ Деказомъ".

„Такимъ образомъ, съ завтрашняго дня писалъ я въ заключительныхъ строкахъ письма, посланнаго мною въ Петербургъ на министра иностранныхъ дѣлъ будутъ воздѣйствовать лордъ Лайонсъ и французскій посланникъ. Мнѣ хотѣлось бы заставить и гр. Андраши дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, чтобы произвести извѣстное давленіе на Лондонскій кабинетъ".

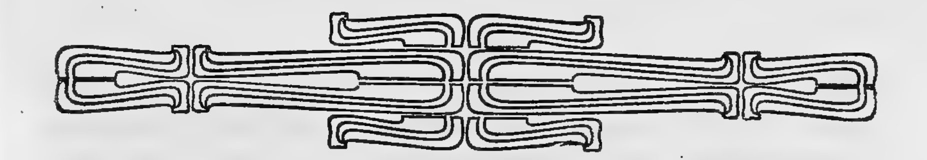
Когда я уѣзжалъ изъ Парижа вечеромъ 11 (23) марта, мнѣ вполнѣ естественно пришло на умъ, что старикъ баронъ Брунновъ отлично съумѣлъ бы воспользоваться тѣми средствами, какія были въ данное время въ рукахъ нашего посланника въ Лондонѣ, добровольно взявшаго на себя веденіе съ Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ переговоровъ о протоколѣ, и моимъ дружественнымъ и дѣятельнымъ содѣйствіемъ и конечно не довелъ бы дѣла до несчастнаго протокола и до двухъ противорѣчивыхъ декларацій, которыя, отрѣзавъ Россіи всякій выходъ, вынуждали ее въ случаѣ неудачи переговоровъ обнажить мечъ, сдѣлавъ

такимъ образомъ войну неизбѣжной и не обезпечивъ даже участи христіанъ, въ случаѣ принятія протокола Портою.

Въ моментъ моего отъѣзда изъ Франціи, я получилъ отъ русскаго посланника въ Лондонѣ двѣ телеграммы; одну—непосредственно отъ него самого, въ которой онъ писалъ: „Я не успѣю сообщить вамъ до 8 часовъ о результатѣ сегодняшняго засѣданія совѣта" и другую—переданную мнѣ кн. Орловымъ. Въ ней говорилось: „предметъ нашего вчерашняго совѣщанія съ Дерби (о разоруженіи) не составляетъ уже ни для кого тайны; поэтому всѣ относятся къ протоколу несочувственно и на принятіе его весьма мало шансовъ. Сообщите Игнатьеву". Гр. Шуваловъ былъ по крайней мѣрѣ послѣдователенъ: онъ съ самаго начала допустилъ обсужденіе вопроса въ такой плоскости: если Россія не приступитъ къ демобилизаціи, протоколъ не будетъ подписанъ. Его послѣднія слова были: „Вы, также какъ и я, были противъ разоруженія; поэтому протоколъ по всей вѣроятности не будетъ подписанъ. Я въ этомъ не виноватъ".

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Асканія-Нова въ ея прошломъ и настоящемъ [1]).

Современное положеніе Асканія-Нова.

Асканія-Нова, какъ собственность Фейна.—Откуда начался родъ Фальцъ-Фейновъ и кто изъ нихъ послужилъ причиною выясненія этого рода.—Основаніе зоопарка.—Мое знакомство съ владѣльцемъ этого зоопарка.—Снаряженіе экспедицій въ Монголію за поимкою лошади Пржевальскаго...—Географическое положеніе Асканія-Нова.—Таврическая степь весною.—Зоологическій и ботаническій парки Асканія-Нова.—Представители орнитологической и маммологической фауны всѣхъ уголковъ нашей планеты.—Страусы, фламинго, вѣнценосные журавли, лафофоръ съ одной стороны и дикая лошадь, зубръ, американскій бизонъ, кенгуру съ другой...—Гибридизація.—Зоотехническая лабораторія.—Фауна мѣстныхъ прудовъ.—Асканійскій музей.—Посѣщеніе зоопарка Государемъ Императоромъ... Замѣтка о бобрахъ Налибокской пущи.—Заключеніе.

Въ августѣ 1856 года колоніальное имѣніе Ангальтовъ— Асканія-Нова, въ количествѣ сорока восьми тысячъ десятинъ, перешло въ руки крупнаго землевладѣльца на югѣ Россіи, Ѳедора Ивановича Фейна — прадѣда нынѣшняго обладателя Асканія-Нова. Единственная дочь Фейна — Елизавета Ѳедоровна, отличавшаяся своеобразностью и самостоятельностью, вышла замужъ за помѣщика Фальца, который вмѣстѣ со всѣми имѣніями Ѳедора Ивановича унаслѣдовалъ, согласно грамотѣ Императора Николая I, и фамилію своего тестя, слывшаго въ округѣ за разумнѣйшаго общественнаго дѣятеля. Родоначальникъ Фальцъ-Фейновъ Иванъ Ивановичъ имѣлъ трехъ сыновей: Эдуарда, Густава и Александра и нѣсколькихъ дочерей. Старшій изъ сыновей Эдуардъ Ивановичъ и его жена Софья Богдановна суть родители Фридриха или Ѳедора Эдуардовича Фальцъ-Фейна, стяжавшаго міровую извѣстность своимъ аккли-

---

[1]) См. „Русская Старина“, май 1914 г.

матизаціоннымъ садомъ въ Асканія-Нова. Строго говоря, только личныя заслуги Өедора Эдуардовича и послужили поводомъ къ разъясненію рода Фальцъ-Фейновъ.

Въ раннемъ возрастѣ лишившись отца, даровитый мальчикъ остался на попеченіи матери—выдающейся женщины нашего времени... Въ настоящее время Софья Богдановна Фальцъ-Фейнъ счастливо проживаетъ въ своемъ богатомъ черноморскомъ имѣніи Преображенка, замѣчательномъ не только образцовымъ хозяйствомъ, но и дворцомъ и паркомъ. Во дворцѣ, между прочимъ, имѣется лучшая серія картинъ И. К. Айвазовскаго, бывшаго другомъ Фальцъ-Фейновъ.

Өедоръ Эдуардовичъ Фальцъ-Фейнъ родился въ 1863 году, въ привольной Таврической степи. Въ этой степи онъ росъ, развивался, крѣпчалъ духомъ и тѣломъ, въ этой же „родной“ степи онъ научился любить и проникать въ сокровенныя тайны природы. Первый гувернеръ и воспитатель Фальцъ-Фейна г. Конрадсъ—нынѣ инвалидъ Асканія-Нова—скоро подмѣтилъ въ своемъ ученикѣ необычайное стремленіе къ степи, влеченіе къ ея растительному и животному міру, и много способствовалъ развитію мальчика въ этомъ направленіи. Конрадсъ умѣлъ во-время подвести своего питомца къ первому цвѣтку степного растенія, къ первой пѣвчей птичкѣ, въ особенности соловью, и своимъ собственнымъ увлеченіемъ ими легко увлекалъ чуткую душу мальчика. И теперь, при случаѣ, Өедоръ Эдуардовичъ указываетъ на Конрадса, какъ на одного изъ тѣхъ людей, который, вмѣстѣ съ его студенческимъ другомъ Вальтеромъ и товарищемъ по заграничному путешествію съ цѣлью ознакомленія съ зоологическими садами Бельгіи и Голландіи Же-Фруа-Сантъ-Илеромъ, привили ему горячую любовь къ естествознанію. Десятилѣтній Фальцъ-Фейнъ поймалъ зяблика и заботливо посадилъ его въ клѣтку. Любуясь опереніемъ и наслаждаясь громкимъ пѣніемъ этой птички, будущій великій другъ природы мечталъ уже объ устройствѣ большой вольеры съ птицами. Мечтамъ счастливаго мальчика вскорѣ суждено было осуществиться: въ награду за успѣшный экзаменъ для поступленія въ гимназію Фальцъ-Фейнъ получилъ отъ отца право на устройство въ саду вольеры по его усмотрѣнію. Первый зябликъ и первая вольера послужили основаніемъ всего того, что нынѣ подразумѣвается подъ асканія-новскимъ зоопаркомъ. Свои гимназическія (Хер-

сонская гимназія) и студенческія (Юрьевскій университетъ, естественный факультетъ) каникулы Ѳедоръ Эдуардовичъ большею частью проводилъ въ Таврической степи и меньшую за границей.

Въ 1889 году Фальцъ-Фейнъ окончилъ университетъ и почти всецѣло отдался устройству зоологическаго сада... По словамъ близкихъ его, садъ Фальцъ-Фейна росъ со сказочной быстротою. Представители животнаго міра привозились не только изъ уголковъ Россіи и Сибири, но даже изъ Средней Азіи, Америки, Африки, Австраліи... Добывъ американскаго бизона, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало пріобрѣсти изъ Джунгаріи дикую лошадь Пржевальскаго (Equus Przewalskii)...

Вотъ съ этого-то времени и начинается мое личное знакомство съ Ѳедоромъ Эдуардовичемъ. Въ 1896-мъ году, вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ экспедиціи, оффиціально именовавшейся „экспедиція спутниковъ Пржевальскаго, Роборовскаго и Козлова", я встрѣтился съ Фальцъ-Фейномъ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ спеціально посовѣтоваться объ организаціи экспедиціи въ Джунгарію за поимкою Equus Przewalskii. Съ живымъ интересомъ Ѳедоръ Эдуардовичъ разспрашивалъ меня о дикой лошади, объ ея мѣстонахожденіи, о прирученіи мѣстными обитателями, и страшно завидовалъ мнѣ, что я видѣлъ „отлично прирученнаго" жеребенка Equus Przewalskii, содержавшагося въ конюшнѣ люкчунскаго вана...

Самъ Н. М. Пржевальскій о лошади его имени оставилъ намъ такое описаніе:

„Новооткрытая лошадь, называемая киргизами *кэртàгъ*, а монголами *такè*, обитаетъ лишь въ самыхъ дикихъ частяхъ Чжунгарской пустыни. Здѣсь кэртаги держатся небольшими (5—15 экз.) стадами, пасущимися подъ присмотромъ опытнаго стараго жеребца. Вѣроятно такія стада состоятъ исключительно изъ самокъ, принадлежащихъ предводительствующему самцу. При безопасности звѣри эти, какъ говорятъ, игривы. Кэртаги вообще чрезвычайно осторожны; при томъ одарены превосходнымъ обоняніемъ, слухомъ и зрѣніемъ. Встрѣчаются довольно рѣдко, да при томъ, какъ сказано выше, держатся въ самыхъ дикихъ частяхъ пустыни, откуда посѣщаютъ водопои. Впрочемъ, описываемыя животныя, какъ и другіе звѣри пустыни, вѣроятно надолго могутъ оставаться безъ воды, довольствуясь сочными солончаковыми растеніями.

„Охота за дикими лошадьми чрезвычайно затруднительна; при томъ на такую охоту можно пускаться лишь зимою, когда въ безводной пустынѣ выпадетъ снѣгъ.

„Мнѣ лично удалось встрѣтить только два стада дикихъ лошадей. Къ одному изъ этихъ стадъ можно было подкрасться на мѣткій выстрѣлъ, но звѣри почуяли по вѣтру, по крайней мѣрѣ за версту, моего товарища и пустились на уходъ. Жеребецъ бѣжалъ впереди, оттопыривъ хвостъ и выгнувъ шею, вообще съ посадкою совершенно лошадиною; за нимъ слѣдовали семь, вѣроятно самокъ. По временамъ звѣри останавливались, толпились, смотрѣли въ мою сторону и иногда лягались другъ съ другомъ; затѣмъ опять бѣжали рысью и наконецъ скрылись въ пустынѣ.

„За исключеніемъ Чжунгаріи, кэртагъ нигдѣ болѣе не водится. Такимъ образомъ, прежній обширный, какъ показываютъ палеонтологическія изысканія, раіонъ распространенія дикой лошади въ Европѣ и Азіи нынѣ ограниченъ лишь небольшимъ уголкомъ центрально-азіатской пустыни. Въ другихъ ея частяхъ дикихъ лошадей нѣтъ"...

— „Въ нашихъ таврическихъ степяхъ, съ своей стороны говорилъ Ѳедоръ Эдуардовичъ, еще недавно жили тарпаны; въ дѣтствѣ мой отецъ видѣлъ такую дикую лошадь (пойманную жеребеночкомъ и вскормленную при нашихъ конюшняхъ) и даже катался на ней въ экипажѣ... У меня въ Асканіи-Нова уже имѣется зоопаркъ, и мнѣ очень хотѣлось бы украсить его лошадью Пржевальскаго... Не откажите помочь совѣтомъ, какъ мнѣ добыть дикихъ лошадей"...

Живой, энергичный, любящій и понимающій природу Фальцъ-Фейнъ произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе, и я охотно пошелъ навстрѣчу его предпріятію.

Планъ экспедиціи обсуждался при участіи старшаго зоолога зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, нынѣ покойнаго, Е. А. Бихнера, Д. А. Клеменса, Ѳ. Э. Фальцъ-Фейна и меня.

Бихнеръ съ живымъ участіемъ отнесся къ организаціи экспедиціи, такъ какъ мечталъ подробно описать Equus Przewalskii. Въ силу этого обстоятельства Е. А. обезпечивалъ зоологическому музею исключительное право изучать добытыхъ живыхъ лошадей въ зоопаркѣ Фальцъ-Фейна и получать въ собственность шкуры и скелеты экземпляровъ, могущихъ пасть въ дорогѣ. Это право было закрѣплено утвердительнымъ словомъ Фальцъ-Фейна.

Три года подрядъ 1897—1899, Өедоръ Эдуардовичъ Фальцъ-Фейнъ снаряжалъ экспедиціи въ западную Монголію, потребовавшія расходовъ свыше десяти тысячъ рублей, и каждый разъ, черезъ посредство гг. Клеменса и Ассанова (русскій торговецъ въ Монголіи—въ Кобдо), получалъ молодыхъ дикихъ лошадей.

Но,—увы,—лошадки первыхъ двухъ экспедицій (1897—1898 гг.), изнуренныя большимъ путешествіемъ и суровостью сибирскаго климата, заболѣвали мытомъ, и большинство изъ нихъ околѣвали или въ дорогѣ, или въ Асканія-Нова. Слабость и невыносливость дикихъ лошадокъ справедливо приписывалась неподходящему способу ловли—догономъ на откормленныхъ скакунахъ. Жеребята запаливались, ослабѣвали и никогда не могли вполнѣ оправиться. Өедору Эдуардовичу пришлось самому выработать программу поимки дикихъ жеребятъ и первоначальнаго за ними ухода, и снабдить ею русскихъ и монголовъ-охотниковъ.

Только послѣ того, какъ охотники стали строго слѣдовать указаніямъ Фальцъ-Фейна, имъ удалось добыть нѣсколько хорошихъ, здоровыхъ жеребятъ (нынѣ взрослыхъ лошадей—съ приплодомъ), которыми въ правѣ гордиться зоопаркъ Фальцъ-Фейна.

Такимъ образамъ, Ө. Э. Фальцъ-Фейнъ былъ *первый*, которому удалось, благодаря его настойчивости, добыть живою нѣсколько головъ Equus Przewalskii [1]).

Съ 1896 года я собирался въ Таврическія степи, чтобы посмотрѣть на привольный зоологическій садъ Фальцъ-Фейна, и на то, какъ въ немъ чувствуютъ себя хорошо знакомыя мнѣ азіатскія антилопы, аргали, олени, или маралы, яки, а также многочисленныя пернатыя... Все это меня страшно тянуло, но въ то же самое время продолжительныя путешествія въ Центральной Азіи отдаляли исполненіе моей мечты. И только минувшимъ лѣтомъ, въ первой его половинѣ, я наконецъ посѣтилъ Асканію-Нова, прожилъ въ ней непрерывно пять недѣль... Много новыхъ мыслей и много лучшихъ воспоминаній вынесъ я изъ этого замѣчательнаго уголка... То, что я здѣсь увидѣлъ и наблюдалъ, во много разъ превысило мои

[1]) См. мою статью „Правда о дикой лошади Пржевальскаго (Equus Przewalskii)“. Географическій журналъ „Землевѣдѣніе“ 1913 г. Книжка III, стр. 69—73 (съ рисункомъ).

ожиданія! Всѣмъ, всѣмъ, кому только представится малѣйшая возможность, совѣтую побывать въ Асканія-Нова, въ особенности же подобная экскурсія полезна для молодежи—будущихъ зоологовъ...

Акклиматизаціонный зоологическій садъ Ѳ. Э. Фальцъ-Фейна сравнительно мало извѣстенъ не только русской широкой публикѣ, но даже и спеціалистамъ. Но зато за границею о немъ знаютъ давно... Нѣмецкіе зоологи и художники неоднократно посѣщали этотъ садъ и знакомились какъ съ его представителями въ области млекопитающихъ и пернатыхъ, такъ и съ тѣми научными результатами, которые достигнуты здѣсь путемъ акклиматизаціи и гибридизаціи...

Асканія-Нова расположена въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, подъ 46°27′ сѣверной широты и 3°33′ восточной долготы отъ Пулкова; иными словами, пріютилась въ семидесяти верстахъ къ западу-сѣверо-западу отъ станціи Ново-Алексѣевки Курско-Севастопольской жел. дор... Издали, среди безбрежнаго степного моря, Асканія-Нова представляется какъ бы оазисомъ въ пустынѣ... Здѣсь родовое гнѣздо Фальцъ-Фейновъ, которое нынѣ обособлено въ видѣ значительнаго, въ тринадцать тысячъ десятинъ земельнаго участка съ основными зданіями, построенными еще ангальтъ-кетенской администраціей... Подъ земледѣліе въ Асканія-Нова отведено лишь три тысячи десятинъ, остальное же пространство занято или выпасомъ (9.500 десятинъ) или же „заповѣдною степью"—пятьсотъ десятинъ.

Асканія-Нова представляетъ собою рядъ бѣлокаменныхъ, съ черепичными крышами построекъ, раздѣленныхъ меридіональной улицей на двѣ части, на два парка: къ западу—большій, зоологическій, въ семьдесятъ десятинъ, къ востоку—меньшій, ботаническій, въ пятнадцать десятинъ.—Къ паркамъ непосредственно прилегаетъ жемчужина Асканія-Нова—*заповѣдная степь.*

Еще задолго до „оазиса" Асканія-Нова, южно-русская степь отрадно привѣтствуетъ взоръ наблюдателя. На южномъ горизонтѣ ея пасутся табуны лошадей, стада крупнаго рогатаго скота, овецъ-мериносовъ, верблюдовъ и разныхъ другихъ животныхъ... Изъ заросли ковыля взлетаютъ фазаны (Phasianus colchicus), красиво блестя на солнцѣ своимъ яркимъ опереніемъ. Въ мягкой синевѣ неба паритъ степной орелъ (Aquila orientalis). Прозрачный воздухъ переполненъ звонкими голосами по-

Асканія Нова. Американскіе бизоны въ степи, рядомъ съ украинскимъ скотомъ.

Асканія Нова. Дикая лошадь. Пржевальскаго (Equus Przewalskii)
Подарокъ Государя Императора.

левыхъ жаворонковъ (Alauda). При видѣ всего этого вспомнились картины далекаго Куку-Нора, и еще сильнѣе забило тревогу соскучившееся сердце путешественника... Еще сильнѣе потянула къ себѣ завѣтная даль Азіи...

Дѣвственная степь полна живой гармоніи: она дышитъ днемъ, дышитъ и ночью. Волна серебристаго ковыля вечеромъ—это поэтическое восхищеніе, въ особенности при разгорѣвшихся лучахъ заходящаго солнца, когда по сторонамъ отъ него играетъ сизая дымка... Куда ни посмотришь—безграничный просторъ. Лишь изрѣдка курганы, съ каменными бабами, да стога сѣна нарушаютъ равнинное однообразіе степи.

Владѣлецъ Асканія-Нова долго боролся изъ-за древесныхъ насажденій парковъ, прежде, нежели получилъ блестящіе результаты. Сначала не доставало воды и не было подходящей для парковой растительности перегнойной почвы. Въ степи, какъ и въ пустынѣ—гдѣ вода—тамъ и жизнь. Съ устройствомъ же водонапорной башни, дающей до ста тысячъ ведеръ воды въ самое короткое время дня, асканіяновскіе парки ожили, деревца окрѣпли, листва расширилась, сгустилась, создалась благодатная тѣнь; пруды переполнились водою, которая пріятно зажурчала по самой сложной сѣти каналовъ и многочисленнымъ артеріообразнымъ оросительнымъ вѣтвямъ, поддерживающимъ пышную жизнь современныхъ могучихъ парковъ. Растительность парковъ заключаетъ въ себѣ—платаны, туйи, крымскую ель, біоты, разнообразныя сосны и ели, пирамидальный дубъ, сапфору, нѣсколько сортовъ тополя, клены, бересты, акаціи и много другихъ.

Самые парки, въ особенности ботаническій, разбиты съ высокимъ знаніемъ дѣла, съ большою любовью ко всему простому и естественному. Куда бы ни зашелъ наблюдатель по извивающимся дорожкамъ, онъ всюду видитъ новыя, естественныя картины, новые уголки... Необычайную прелесть ботаническому парку придаютъ его замѣчательныя поляны, по которымъ тамъ и сямъ вспархиваютъ или просто рѣзвятся самые разнообразные красавцы-фазаны: королевскій, кавказскій, золотистый, алмазный, монгольскій, серебристый, ушастый и др. Въ утренніе и вечерніе часы паркъ оживленъ очень веселыми голосами пернатыхъ, а въ ночной майской тиши—чарующей трелью мѣстнаго соловья (восточнаго).

Такимъ образомъ въ Асканія-Нова создались разнообразная картина природы, разнообразные ея уголки. Создателю зоопарка представилась возможность завести лѣсныхъ, степныхъ и во-

ядныхъ представителей животнаго царства, въ особенности въ отдѣлѣ пернатыхъ.

Лѣсной зоологическій паркъ граничитъ со степнымъ; между парками, съ одной стороны, имѣется открытый, чистый прудъ, съ пустынной отмелью, обычно занятой краснокрылами или фламинго, съ другой—прудъ болотистый, съ большими, поросщими тростникомъ отвѣтвленіями, забѣгающими далеко на сѣверъ, и въ весеннее половодье соединяющимися съ обширнымъ разливнымъ озеромъ, на поверхности котораго во множествѣ отдыхаютъ пролетные дикіе гуси, утки, журавли и много другихъ.

Кругомъ царитъ приволье и своеобразная тишина: выстрѣлы раздаются лишь въ крайнихъ случаяхъ по четвероногимъ или крылатымъ хищникамъ, да въ осеннее время по многочисленнымъ зайцамъ... Ни кошекъ, ни бродячихъ собакъ вы въ Асканіи-Нова не встрѣтите.

Въ лѣсной части зоопарка животная жизнь также бьетъ ключомъ... Здѣсь, помимо птицъ—фазановъ, голубей, перепеловъ, китайскихъ соловьевъ, попугаевъ, иволгъ, кобчиковъ и множества другихъ, вы встрѣчаете стройныхъ газелей, муфлоновъ, патагонскихъ зайцевъ, кенгуру—родина которыхъ Австралія. Въ Асканія-Нова имѣются три породы кенгуру. Несмотря на громадное различіе въ климатѣ между родиной этихъ животныхъ и таврическими степями, все же они чувствуютъ себя здѣсь хорошо, размножаются, хотя чувствительны къ морозамъ и нерѣдко отмораживаютъ себѣ уши и кончики хвостовъ.

Приближаясь къ степному парку, вы уже слышите всевозможные голоса плавающихъ пернатыхъ, а вотъ и они сами картинно скользятъ по поверхности водъ. Впереди величаво выступаютъ лебеди, которыхъ здѣсь шесть видовъ: шипунъ, кликунъ, пигмей, трубачъ, черношейный и черный—представители Европы, Азіи, Сѣверной и Южной Америки и Австраліи. За лебедями, мѣшаясь съ различными утками, плывутъ группы дикихъ гусей, также обитателей всѣхъ частей свѣта. Изъ гусей наиболѣе характерными являются: большой полярный гусь, малый полярный, индійскій, бѣлощекій, египетскій, канадскій, австралійскій. Тутъ и тамъ выдаютъ себя полностью представленныя въ Асканія-Нова казарки: бѣлолобая, черная, огорь, галагазъ, каролинка, мандаринка и красавица изъ красавицъ—казарка краснозобая (Rufibrenta ruficollis), которой нѣтъ ни въ одномъ изъ зоологическихъ садовъ.

Сѣверо и средне-африканцы, равно и обитатели прикаспія и киргизскихъ степей--фламинго—также украшаютъ собою зоопаркъ Фальцъ-Фейна; эти птицы здѣсь не размножаются и розовую окраску перьевъ удерживаютъ только на крыльяхъ; на всѣхъ же другихъ мѣстахъ перья имѣютъ бѣлый цвѣтъ. Днемъ, на солнцѣ, стоя въ длинномъ ряду, эти красавцы напоминаютъ собою мраморныя изваянія. Поодаль отъ пруда важно расхаживаютъ журавли— красавка и вѣнценосные, а также и сѣрыя и бѣлыя цапли. Надъ прудомъ нерѣдко кружатъ чайки-хохотуньи, гнѣздящіяся обычно на болотномъ пруду, на спеціально для нихъ устроенныхъ каменистыхъ островкахъ—это съ одной, открытой части пруда, тогда какъ въ сторону противуположную удалились наиболѣе строгіе журавли: болотный, стерхъ, антигонскій, манчжурскій, австралійскій и др.

Къ числу наиболѣе выдающихся птицъ въ Асканія-Нова относятся страусы: египетскій, сомалійскій, американскій и австралійскій.

Африканскіе страусы хотя и переносятъ зимній холодъ, но чувствительны къ сырости и склонны къ заболѣванію, въ особенности если много наглотаются снѣгу. Красивую картину представляютъ танцы этихъ страусовъ, во время ухаживанія за самкою. Высиживаніемъ же яицъ заняты бываютъ оба родителя.

Американскій страусъ, или нанду, переноситъ здѣшній климатъ хорошо. Снѣга и холода не боится, хотя во время сильныхъ холодовъ требуетъ небольшой защиты въ видѣ навѣсовъ, открытыхъ сараевъ и проч. Размножается легко. Къ особенностямъ этихъ страусовъ относится раздѣленіе труда въ заботахъ о потомствѣ: самка строитъ гнѣздо и кладетъ яица, самецъ же ихъ высиживаетъ. Въ одно гнѣздо могутъ класть яица нѣсколько самокъ.

Сравнительно небольшое число хищныхъ птицъ содержится въ умѣло устроенныхъ, просторныхъ вольерахъ, преимущественно парами, за исключеніемъ одной—двухъ вольеръ, въ которыхъ имѣются по двѣ или даже по четыре—пяти паръ. Самые крупные хищники, санитары центрально-азіатскихъ степей и горъ—грифы-монахи (Vultur monachus), которыхъ здѣсь парочка. Одинъ изъ нихъ—мой хорошій знакомый, мой спутникъ послѣдняго монголо-сычуанскаго путешествія, сдѣлавшій на верблюдѣ около четырехъ тысячъ верстъ пути, да по желѣзной дорогѣ шесть тысячъ. Интересно, что онъ меня узналъ и, слетѣвъ съ жердочки на землю, началъ ласкаться, какъ ласкался

часто во время путешествія. Этотъ грифъ выглядитъ здѣсь превосходно... И мнѣ въ высшей степени пріятно повѣдать объ этомъ всѣмъ тѣмъ, кто съ первыхъ дней пребыванія въ Россіи Vultur monachus'а, познакомился съ нимъ и интересовался дальнѣйшею участью моего крылатаго спутника.

По сосѣдству съ грифами расположены обособленными парами: орлы беркута, орланы-бѣлохвосты (Haliaëtus albicilla) и друг. Въ одной общей вольерѣ съ давняго времени мирно уживаются: пара филиновъ, нѣсколько соколовъ, коршуны, сарычи. Но зато больно достается всякому новому пришельцу, пока къ нему не привыкнутъ старые обитатели вольеры. Пополненіе хищниковъ въ Асканія-Нова обыкновенно происходитъ весною или осенью, на перелетахъ этихъ птицъ, когда ихъ подстрѣливаютъ съ далекихъ разстояній, съ цѣлью перебить крыло или вообще легко подранить. Раны у птицъ залѣчиваются очень быстро.

Вольеры для среднихъ и мелкихъ птичекъ, для ихъ первоначальнаго прирученія, не оставляютъ желать ничего лучшаго, ни въ смыслѣ благоустройства—внутри журчитъ или переливается вода, зеленѣютъ травы, деревца—ни въ смыслѣ простора, такъ какъ вольеры, во-первыхъ, велики сами по себѣ, а во-вторыхъ, онѣ соединены между собою открытыми входами или выходами... Одна изъ такихъ вольеръ—центральная, въ которой жизнь пернатыхъ представляется наиболѣе полной и своеобразной и наиболѣе оживлена серебристыми струйками водопада, всегда притягивала къ себѣ послѣ обѣда и самого хозяина и его гостей... Съ чашкой кофе мы просиживали здѣсь цѣлыми часами... Привычныя птички нисколько не боялись насъ, наоборотъ, многія изъ нихъ прилетали вплотную къ человѣку и получали изъ его рукъ червячковъ. Къ числу такихъ относятся: зоряночка, синешейка, древесная щеврица, красавецъ и чудный пѣвецъ—шамо,—китайскій дроздъ, выводокъ перепелочекъ, кулички-зуйки и много друг. Кормя этихъ птичекъ, мы любовались другими—тѣми, которыя ютились или у каскадика, или по сосѣднимъ кустамъ.

Вотъ прилетѣлъ кардиналъ, весь красный, съ поднятымъ хохолкомъ и осторожно усѣлся подлѣ серебристыхъ брызгъ... По ниже купаются въ студеныхъ струйкахъ воды желтыя овсянки (Emberiza luteola), рядомъ съ ними изящныя желтыя и бѣлыя плиски... Въ ожиданіи свободныхъ мѣстъ, сидятъ на вѣточкѣ лапландская пуночка и маленькій голубокъ... Возлѣ бас-

сейна съ золотыми рыбками хлопочетъ на гнѣздѣ пигалица-чибисъ, жестоко гоняясь за ходулочникомъ или другими меньшими куличками. Изъ сосѣдней вольеры бѣжитъ цѣлая стайка мелкихъ пташекъ, гонимыхъ съ крикомъ куликомъ-сорокой... У проволочной сѣтчатой крыши, у подвязаннаго снопа, компанія синичекъ тщательно изслѣдуетъ хлѣбные колоски; на другихъ такихъ снопахъ, съ пискомъ, заняты снѣгири, щуры и бѣлые щеглы... На песочкѣ, взадъ и впередъ, быстро перебѣгаютъ дорожки кулички-песочники, ржанки, турухтаны,—послѣдніе сильные драчуны—жестоко дерутся другъ съ другомъ длинными, словно шпаги, клювами... Это своего рода птичій турниръ: турухтаны, въ весеннемъ убранствѣ, нападаютъ одинъ на другого, словно рыцари съ забраломъ...

Центральная вольера—это одинъ изъ лучшихъ уголковъ для наблюденія за жизнью мелкихъ птичекъ, хотя и у садовой или парковой столовой также интересно. И здѣсь я съ большимъ восхищеніемъ просиживалъ подолгу, въ особенности въ послѣдніе дни мая, когда неподалеку отъ стола, на полянѣ, токовалъ тетеревъ или важно проходилъ, блестя несравненнымъ по красотѣ опереніемъ, лофофоръ, или же просто перебѣгали, изъ стороны въ сторону, калифорнскія перепелки, скалистыя куропатки и др. За отсутствіемъ горъ, скалистыя куропатки, подобно лофофоркѣ, часто взбирались на черепичныя крыши, бѣгали вдоль ихъ гребня и кричали, словно въ горахъ. Тутъ же вы слышите и пѣніе канареекъ, свободно перелетающихъ съ дерева на дерево, или невольно внемлете монотонному воркованію голубя-турлушки, обычно воркующаго на тополяхъ, спускающихъ свои вѣтви прямо къ столу... У стола то и дѣло снуютъ дрофы, ревниво оберегая это мѣсто отъ посѣщенія другихъ птицъ. Поодаль, на лужайкахъ, прогуливаются фазаны, другіе голубки, и вѣчно недѣлимая парочка австралійскихъ маленькихъ гусей...

Познакомившись съ пернатыми, можно перейти и къ обозрѣнію дикихъ четвероногихъ...

Къ юго-западной окраинѣ лѣсного парка примыкаетъ степной—большая, въ шестьдесятъ десятинъ, площадь, куда животныхъ впускаютъ вначалѣ для прирученія и освоенія... Чтобы увидѣть этотъ паркъ, необходимо подняться на вышку...

Въ лучшую погоду, лѣтомъ, владѣлецъ Асканія-Нова здѣсь нерѣдко почуетъ. „Съ большимъ удовольствіемъ—говорилъ мнѣ Ѳ. Э. Фальцъ-Фейнъ, провожу я тихія ясныя ночи среди нашей

южной природы, среди питомцевъ моего парка... Проснешься на зарѣ, взглянешь на животныхъ—одни бродятъ, другія предаются отдыху, а вотъ сегодня слышу какой-то хрустъ подъ вышкой, смотрю: „Германъ“, крупнѣйшій оленебыкъ упражняется своими могучими рогами, пробуетъ ихъ силу объ устои вышки... Дивная, очаровательная ночь... Звѣзды свѣтятъ, какъ алмазы. Набѣжитъ вѣтеръ, освѣжитъ прохладой, закутаешься плотнѣе въ одѣяло, и вновь забудешься сладкимъ, крѣпкимъ сномъ до утра“...

Въ утреннее или вечернее время животныя мирно пасутся на всемъ пространствѣ участка, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, преимущественно крупныя, держатся обособленно, равно какъ и азіатскія антилопы—сайгаки, почему-то облюбовавшія удаленную на западѣ окраину парка, напоминавшую мнѣ кукунорскія степи...

Самымъ крупнымъ животнымъ здѣсь является африканская антилопа *оленебыкъ* (Oreas oreas), съ высокостоящими массивными рогами, которыми животное любитъ поддѣвать древесныя вѣтви, разбрасываемыя въ видѣ корма. Эта красивая, граціозная антилопа хорошо акклиматизировалась и успѣшно размножается; часть олене-быковъ пасется въ степи, вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ, или обособленнымъ стадомъ, состоящимъ исключительно изъ дикихъ, но уже полу-прирученныхъ животныхъ, какъ, напримѣръ, гну, оленей, нильгау, ламъ, бубаловъ, африканской зебры и др.

Гну (Catoblepas gnu)—уроженецъ южной Африки, въ таврическихъ степяхъ хорошо акклиматизировался, плодится, приспособляясь съ дѣторожденіемъ къ нашимъ временамъ года. Гну въ высшей степени оригинальное животное, съ корпусомъ лошади и головою буйвола. Кричитъ, какъ хищная птица, а когда сердится—фыркаетъ и храпитъ по-лошадиному... „Изъ всѣхъ животныхъ—пишетъ Гаррисъ—гну самое неловкое и странное, какъ по своей внѣшности, такъ и по отношенію нрава и привычекъ. Природа сотворила его въ моментъ дурного расположенія духа; смотрѣть на его неуклюжія повадки врядъ ли возможно безъ смѣха: продѣлывая всевозможныя кривлянья, опустивъ свою косматую, бородатую голову между тонкими мускулистыми передними ногами, предоставивъ развѣваться по вѣтру свой длинный бѣлый хвостъ, странное и всегда пугливое животное это производитъ одновременно и дикое и смѣшное впечатлѣніе. Вотъ оно вдругъ остановилось, показываетъ видъ, что хочетъ защищаться, наклоняетъ косматую голову

для нанесенія удара, глаза его мечутъ молніи, а голосъ, напоминающій ревъ льва, раздается съ силой и выраженіемъ; но вотъ оно начинаетъ нещадно хлестать себя длиннымъ хвостомъ по бокамъ, вспрыгиваетъ, становится на дыбы, вертится, припадаетъ на колѣна, снова вскакиваетъ и чрезъ мгновеніе несется стрѣлой по равнинѣ, взвивая за собой цѣлыя облака пыли". Это животное дѣйствительно чрезвычайно рѣзво въ движеніяхъ, хорошо скачетъ, и, по мнѣнію Ѳ. Э. Фальцъ-Фейна, способно къ дрессированію. Я наблюдалъ, какъ гну, по командѣ пастуха: „Васька" или „Мишка, ложись!"—быстро и красиво исполнялъ приказаніе своего командира.

Нильгау (Portax pictus) изъ Индостана, акклиматизируется труднѣе другихъ, но размножается успѣшно.

Южно-американская *лама* (Auchenia glauca) имѣется въ значительномъ количествѣ, часть пасется въ степи... У себя на родинѣ это животное замѣняетъ верблюда, ходитъ подъ вьюкомъ и даетъ длинную, мягкую шерсть.

Изъ другихъ антилопъ въ Асканія-Нова имѣются два вида бубаловъ—бѣлолобый (Damaliscus albifrons) и степной (Bubalis buselaphus), антилопа черная (Hippotragus niger), антилопа Леше (Cobus Lechée), гарна (Antilope cervicapra), прыгунъ (Gazella luchore), газель аравійская (G. dorcas [Tripolix]), краснолобая (G. rufifrons Salmi), нубійская (G. isabella), хара-сульта или чернохвостая (G. subgutturosa), персидская (G. marica) и бунтебокъ (Tragelaphus ronaleyni)...

Олени (Cervus) здѣсь также богато и разнообразно представлены, а именно: олень благородный, крымскій, кавказскій, алтайскій, манчжурскій, сика, аксисъ, мунджакъ, свиной оленекъ (Hyelaphus porcinus), лань (Dama vulgaris) и косуля (Capreolus caprea). Изъ оленей особенно много оленей—мараловъ—пасущихся, какъ это замѣчено выше, въ степи. Ѳ. Э. Фальцъ-Фейнъ развелъ ихъ между прочимъ съ цѣлью сбыта маральихъ роговъ въ Китай. Какъ извѣстно, китайцы дорого платятъ за *рога-панты*, необходимые имъ, какъ лѣкарственные препараты. (См. мою „Монголію и Камъ". Т. I, стр. 18—22). Маралы привыкаютъ къ степи очень легко, дѣлаются ручными, за исключеніемъ, впрочемъ, любовнаго періода, въ августѣ и сентябрѣ, когда они злобно ревнивы и не безопасны, въ особенности наиболѣе рогатые красавцы, всего чаще бросающіеся на человѣка и другихъ животныхъ.

Изъ дикихъ овецъ имѣются муфлоны, гривистые бараны, аргали, кавказскій туръ. Родина муфлона—скалистыя мѣста

Корсики и Сардиніи, тѣмъ не менѣе онъ легко акклиматизируется въ степи. Въ Асканія-Нова муфлоны держатся и въ степи и въ огороженномъ степномъ участкѣ. Если дѣтенышей муфлоновъ, равно какъ и дѣтенышей дикихъ животныхъ вообще, воспитывать молокомъ изъ рожка, при содѣйствіи человѣка, то они становятся совершенно ручными, тогда какъ воспитанные матерью держатся очень строго и не подпускаютъ къ себѣ человѣка.

Надо полагать, что такимъ именно образомъ происходило прирученіе человѣкомъ дикихъ животныхъ и на зарѣ человѣческой жизни. Со временъ глубокой древности человѣкъ поработилъ животныхъ, и вѣроятно самое порабощеніе или прирученіе начиналось съ животныхъ наиболѣе миролюбивыхъ и наиболѣе полезныхъ для человѣка. По мѣрѣ общенія съ природою, умственныя рамки первобытнаго человѣка раздвигались, самъ человѣкъ поднимался: изъ звѣролова-охотника переходилъ въ болѣе мирнаго скотовода-номада, а изъ этого послѣдняго—въ земледѣльца и т. д. И въ этомъ отношеніи зоологическій садъ Фальцъ-Фейна, устроенный совершенно на иныхъ началахъ, нежели зоологическіе сады вообще, представляетъ большой интересъ. Ѳ. Э. Фальцъ-Фейнъ не задается мыслью показать только то или другое дикое животное. Его цѣль иная—акклиматизировать животныхъ, могущихъ процвѣтать въ его привольныхъ степяхъ, какъ процвѣтали здѣсь прежде тарпаны, сайгаки, сурки и пр.

Въ высшей степени интересно то обстоятельство, что лѣсные звѣри, какъ зубръ или олень, отлично выживаютъ въ степи. И тѣ и другія животныя достигаютъ здѣсь полнаго своего развитія. Въ Асканія-Нова американскій бизонъ чувствуетъ себя такъ же хорошо, какъ чувствовалъ нѣкогда въ родныхъ преріяхъ, и мирно пасется въ общемъ стадѣ съ зубрами и рогатымъ скотомъ...

На своей родинѣ бизоны исчезли съ необыкновенной быстротой, и въ настоящее время въ Америкѣ насчитываютъ не болѣе шестисотъ головъ этихъ животныхъ, находящихся въ Уеллостоновскомъ паркѣ, подъ охраною правительства. Американцы спохватились поздно; лишь съ недавняго времени въ Буффало организованъ особый комитетъ по охранѣ и разведенію бизоновъ, прилагающій всѣ старанія, чтобы развести эту породу животныхъ...

Въ аналогичномъ отношеніи съ американскимъ бизономъ

Асканія Нова. Страусы въ степи.

Асканійскій зоопаркъ. У водопоя: зебра, олене-быки, сабельныя антилопы, гну, сайгаки и друг.

стоитъ нашъ бѣловѣжскій и кавказскій зубръ, количествомъ 400—500 головъ, имѣвшій въ историческое время широкое распространеніе въ Средней Европѣ. Надъ этими двумя видами большихъ и дикихъ животныхъ разныхъ континентовъ и были поставлены опыты акклиматизаціи въ Асканія-Нова.

Бизонъ былъ полученъ Ѳ. Э. Фальцъ-Фейномъ въ 1897 году, а зубръ—въ 1902 году. За истекшій періодъ времени выяснилось полное одомашненіе какъ чистой породы—только лишь при условіи содержанія ея совмѣстно съ домашнимъ скотомъ—такъ и гибридизаціи зубра и бизона въ различныхъ комбинаціяхъ между собой и съ домашнимъ скотомъ.

Въ высшей степени интересны въ Асканія-Нова зубро-бизоны, въ особенности тѣ два производителя, которыхъ я наблюдалъ минувшимъ лѣтомъ, не уступающіе по величинѣ и красотѣ прославленному въ этихъ отношеніяхъ зубру... Не менѣе интересны здѣсь и зеброиды—новая оригинальная полосатая порода животныхъ, полученная отъ скрещиванія зебры съ домашней лошадью. Зеброидъ, это своего рода асканіяновскій мулъ—безплодное, но очень сильное, выносливое и неприхотливое къ корму животное, употребляемое Фальцъ-Фейномъ для тяжелой работы. Сила зеброида въ полтора раза превосходитъ силу обыкновенной лошади; они возятъ преимущественно мѣшки съ зерномъ и землею.

Лучшее украшеніе зоопарка Ѳ. Э. Фальцъ-Фейна—*дикая лошадь Пржевальскаго* (Equus Przewalskii), которой въ настоящее время въ Асканія-Нова семь головъ чистокровныхъ, остальныя—помѣси съ монгольской и русской домашней лошадью. Дикія лошади—одна другой лучше—сытыя, округлыя, рѣзвыя. Въ таврическихъ степяхъ лошадь Пржевальскаго нашла настоящую родину... Часть дикихъ лошадей пасется въ степи, въ общемъ табунѣ съ ремонтными лошадьми, часть—производители — содержатся на конюшняхъ, или въ спеціальныхъ, просторныхъ загражденіяхъ. Особенно рѣзвъ, статенъ и гибокъ дикій красавецъ, подаренный Фальцъ-Фейну Государемъ Императоромъ. Этого жеребца я много разъ наблюдалъ и подолгу къ нему присматривался... Могучая шея, крѣпкій, округлый корпусъ, тонкія скаковыя ноги, при всемъ томъ—дикій, самостоятельный нравъ и необычайная сила. Equus Przewalskii всегда внушаетъ страхъ домашней лошади и человѣку. Когда я впервые подъѣхалъ въ экипажѣ къ дикимъ лошадямъ,—нѣсколькимъ маткамъ и царскому жеребцу, находившимся въ

оградѣ, то еще издали, почуявъ лошадей, дикій жеребецъ высоко поднялъ голову, втянулъ въ себя воздухъ, фыркнулъ нѣсколько разъ и, согнувъ колесомъ шею, побѣжалъ къ намъ навстрѣчу. Остановившись у очень высокой рѣшетчатой ограды, дикарь-красавецъ гордо билъ копытомъ землю, быстро повертывался, подбѣгалъ къ кобылицамъ и снова съ большой яростью бросался въ сторону экипажа... И только по удаленіи послѣдняго, жеребецъ нѣсколько успокоился, приблизился къ конюху, и началъ изъ его рукъ ѣсть зерновой кормъ... Царскій жеребецъ вначалѣ не подпускалъ къ себѣ человѣка и только впослѣдствіи сдѣлался настолько ручнымъ, что позволялъ садиться на себя и даже производить джигитовку.

Любуясь дикой лошадью въ Асканія-Нова, мнѣ невольно приходили на память наблюденія братьевъ Грумъ-Гржимайло надъ повадками Equus Przewalskii, на мѣстѣ его родины.... „Вдругъ гдѣ-то далеко-далеко раздалось давно желанное конское ржаніе. Сердце радостно забилось...

„Не успѣлъ я отползти шестидесяти шаговъ, какъ съ фырканьемъ и храпомъ вылетѣлъ изъ кустовъ жеребецъ. Казалось, это сказочная лошадь—такъ хорошъ былъ дикарь! Описавъ крутую дугу около меня, онъ поднялся на дыбы, какъ бы желая своимъ свирѣпымъ видомъ и храпомъ испугать врага. Клубы пара валили изъ его ноздрей. Вѣроятно, онъ меня не почуялъ, потому что, вдругъ опустившись на всѣ четыре ноги, снова пронесся карьеромъ мимо меня и остановился съ подвѣтренной стороны. Тутъ, поднявшись на дыбы, онъ съ силою втянулъ воздухъ, и, фыркнувъ, какъ-то визгливо заржалъ. Табунъ, стоявшій, цугомъ, мордами къ намъ, какъ по командѣ, повернулся кругомъ (при чемъ лошадь, бывшая въ головѣ, снова перебѣжала впередъ) и рысью помчался отъ озера. Жеребецъ, давъ отбѣжать табуну шаговъ двѣсти, послѣдовалъ за нимъ, то и дѣло описывая направо и налѣво дуги, становясь на дыбы и фыркая.

„Наши ночныя сидѣнія на озерахъ продолжались еще дня три, но безъ удачи: лошади подходили шаговъ на двѣсти, но болѣе приближаться не рѣшались.

„На шестой день нашего пребыванія въ Гашунѣ, мы встрѣтили табунъ дикихъ лошадей днемъ и тотчасъ же устроили на него облаву.

...„Почуявъ что-то недоброе, старый жеребецъ фырканьемъ далъ знать табуну о приближеніи людей; лошади мгновенно выстроились гуськомъ, имѣя впереди молодого жеребца, а

жеребятъ по серединѣ, между кобылъ. Пока табунъ шелъ, имѣя сбоку охотниковъ, жеребецъ держался съ той же стороны, направляя табунъ то голосомъ, то ударами копытъ, на избранный имъ путь. Когда лошади прошли сквозь цѣпь охотниковъ, жеребецъ сталъ въ арьергардѣ. Забавно было, какъ онъ понукалъ маленькаго жеребенка, который не могъ поспѣть за всѣми на своихъ слабыхъ ножкахъ. Сперва, когда жеребенокъ началъ отставать, кобыла старалась его подбодрить тихимъ ржаніемъ, но, видя, что ничего не помогаетъ, она отдѣлилась отъ табуна, не желая, повидимому, бросать своего дѣтища. Однако, жеребецъ не допустилъ подобнаго безпорядка: сильно лягнувъ кобылу два раза, онъ заставилъ ее догнать табунъ, а самъ принялъ попеченіе о жеребенкѣ. Онъ то подталкивалъ его мордой, то тащилъ, ухвативши за холку, то старался подбодрить, налетая и брыкаясь въ воздухѣ.

... „Мы рѣшили перекочевать далѣе на востокъ, къ сосѣднимъ ключамъ, гдѣ была еще надежда встрѣтиться съ дикими лошадьми... Не успѣли мы проѣхать и двѣнадцати верстъ въ указанномъ направленіи, какъ впереди насъ раздался храпъ. Оказалось, мы встрѣтились какъ разъ съ табуномъ, который шелъ на водопой по той же тропинкѣ, но съ противоположной стороны Почуявъ насъ, вожакъ храпомъ извѣстилъ лошадей; тѣ мигомъ повернули назадъ и, отбѣжавъ шаговъ триста, стали. Жеребецъ то уходилъ въ кусты, то снова появлялся, мечась изъ стороны въ сторону. Наконецъ, сообразивъ опасность, онъ перебѣжалъ на тропинку, параллельную нашей и находившуюся шагахъ въ четырехстахъ, и ржаніемъ позвалъ къ себѣ табунъ. Лошади мигомъ перебѣжали къ нему и крупною рысью направились мимо насъ къ Гашуну“...

По словамъ владѣльца зоопарка, Equus Przewalskii — умная, самостоятельная, находчивая лошадь. Она всегда первая сообразитъ, первая избѣжитъ опасности, она лучше и искуснѣе другихъ проникнетъ въ середину табуна и никогда никакой другой лошади не позволитъ себя обидѣть. Что же касается до взятія или преодолѣнія встрѣчныхъ препятствій, повидимому самыхъ трудныхъ, то таковыя для нея почти не существуютъ—такъ легко и граціозно она скачетъ...

Гибриды обыкновенной лошади съ Equus Przewalskii—полукровки—хорошій верховой сортъ, годный для ремонта. По общему виду они близки къ лошади, отличаясь лишь болѣе массивной головой, нѣсколько укороченнымъ корпусомъ, жест-

коватой холкой, гривой и хвостомъ, который кромѣ того еще и жидокъ...

Вопросы гибридизаціи, въ связи съ законами Менделя, успѣшно разрабатываетъ профессоръ И. И. Ивановъ. При его посредствѣ въ Асканія-Нова основана и зоотехническая лабораторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Теперь нѣсколько словъ о жизни въ прудахъ Асканія-Нова. Кромѣ европейской болотной черепахи, рѣчныхъ раковъ, карасей, линей, вьюновъ, въ нихъ водится и такъ называемая „золотая рыбка“, золотая орфа, хигой, карпъ и другіе. Золотые японскіе хигои достигаютъ двѣнадцати и болѣе фунтовъ вѣсомъ. Многіе хигои снабжены серебрянымъ кольцомъ съ датою и занесены въ ихтіологическій журналъ, который періодически, при ловлѣ рыбы, пополняется замѣтками.

Нельзя не упомянуть также объ асканіяновскомъ музеѣ, расположенномъ въ отличномъ сухомъ помѣщеніи. Музей представляетъ большое цѣнное собраніе чучелъ млекопитающихъ и птицъ, погибшихъ въ зоопаркѣ, кромѣ того птицъ, добытыхъ на весеннемъ и осеннемъ перелетахъ... Любопытны между прочимъ чучела альбиносовъ: ласточекъ, воробья, коростеля... Въ ближайшемъ селеніи парочка ласточекъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ производила птенцовъ частью бѣлыхъ, частью нормальныхъ. Здѣсь же имѣется коллекція яицъ страусовъ. Изъ спиртовыхъ препаратовъ собраны рѣдкіе эмбріоны—лошади Пржевальскаго, гну, антилопы сабельной, сайги, газели, кенгуру, страуса и др.

Витрины съ археологическими находками въ разрытыхъ курганахъ, образцы почвъ поверхности и мощнаго разрѣза (при буреніи, въ поискахъ водоноснаго горизонта)—все это придаетъ музею характеръ естественно-историческаго собранія.

Въ музеѣ, равно какъ и въ домѣ владѣльца, имѣются книги для внесенія въ нихъ именъ посѣтителей, которыхъ съ каждымъ годомъ все больше и больше.

Какъ извѣстно, нынѣшней весной, Державный Хозяинъ земли Русской, Государь Императоръ милостиво посѣтилъ Асканійскій зоопаркъ и очень подробно ознакомился съ его разнообразнымъ населеніемъ.

Отъ души привѣтствуемъ это замѣчательное явленіе въ жизни таврическаго зоопарка и его счастливаго основателя, который, надѣемся, съ новыми силами и новой любовью, бу-

детъ продолжать поучительное и высоко культурное начинаніе охраны памятниковъ природы.

Слѣдуетъ замѣтить, что у Ѳ. Э. Фальцъ-Фейна на западѣ, на границѣ Минской и Виленской губерніи, въ южныхъ предѣлахъ послѣдней имѣется огромная—около 30.000 десятинъ лѣсная пуща „Налибоки“, съ глубоководнымъ озеромъ Кромань и рѣчкой Кроманица, на которой, въ апрѣлѣ этого года, я наблюдалъ рѣчныхъ бобровъ и ихъ оригинальныя постройки—плотины... Въ лѣсныхъ дебряхъ Налибокской пущи водятся во множествѣ дикіе лоси, олени, козы и кабаны, пользующіеся охраной и покровительствомъ своего владѣльца. Въ просторныхъ загонахъ Ѳ. Э. Фальцъ-Фейнъ держитъ прирученныхъ оленей и сибирскихъ козуль, и въ небольшихъ вольерахъ живутъ и размножаются разнообразные фазаны.

По общему характеру мѣстности, растительной и животной жизни, Налибокская пуща сильно напомнила мнѣ „Слободу“ Смоленской губ.—имѣніе моего незабвеннаго учителя Н. М. Пржевальскаго. Какъ тамъ, такъ и здѣсь много интереснаго и поучительнаго, но въ „Слободѣ“ нѣтъ бобровъ... Вообще это интересное животное крайне рѣдко въ нашемъ отечествѣ, и всякая попытка къ его сохраненію заслуживаетъ глубочайшей признательности...

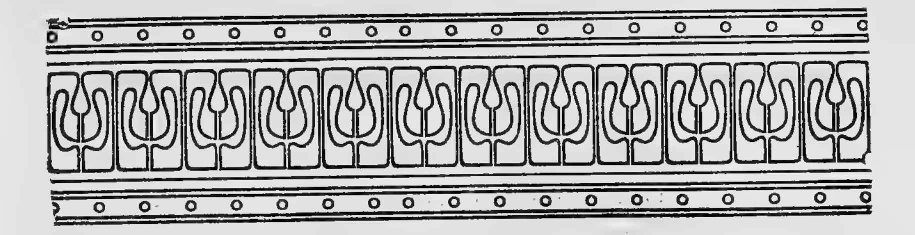
Въ глубинѣ Налибокской пущи, въ урочищѣ Буда, имѣется „Охотничій домъ“, который представляетъ собой небольшой естественно-историческій музей образцовъ мѣстной маммологической и орнитологической фаунъ. Въ одной изъ комнатъ виситъ, между прочимъ, портретъ княгини Витгенштейнъ—потомка князей Радзивилловъ, въ составъ огромныхъ земельныхъ угодій которыхъ входила и Налибокская пуща. Еще въ концѣ минувшаго столѣтія сюда пріѣзжали изъ Германіи именитые охотники на такъ называемую великосвѣтскую охоту на лосей и на кабановъ.

Покойная княгиня очень любила Налибокскую пущу, подолгу жила въ ней и, какъ страстная охотница, бывала запѣвалой охотничьихъ начинаній... Она стрѣляла медвѣдей и лосей, и имѣла отличныхъ вабельщиковъ-приманщиковъ. Пріѣзжая изъ роскошнаго замка Любча, расположеннаго на лѣвомъ высокомъ берегу Нѣмана (нынѣ принадлежащаго сестрѣ владѣльца Налибокской пущи—Лидіи Эдуардовнѣ Пейкеръ), княгиня уступала гостямъ большой охотничій домъ, сама же обыкновенно помѣщалась въ ея любимомъ маленькомъ и очень скромномъ домикѣ.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать искреннее пожеланіе, чтобы Асканійскій зоопаркъ—гордость Россіи—скорѣе перешелъ въ національную собственность и явился бы, такимъ образомъ, живымъ откликомъ на современный вопросъ *„объ охранѣ памятниковъ природы“*. Только при широкомъ содѣйствіи правительства, при скорѣйшемъ изданіи соотвѣтствующаго *закона*, вопросъ объ охранѣ памятниковъ природы станетъ на твердую почву подобно тому, какъ онъ уже сталъ въ Германіи. При Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, по живому призыву профессора-академика И. П. Бородина, создалась комиссія, которая разрабатываетъ этотъ вопросъ; среди членовъ этой комиссіи находится и Ѳ. Э. Фальцъ-Фейнъ, который, горячо сочувствуя великой идеѣ, пришелъ на помощь и матеріальными средствами, передавъ комиссіи тысячу рублей, составившіе ея первый фондъ, необходимый для существованія.

Хочется вѣрить, что всѣ чистые, дѣвственные образцы нашей родной природы,—и въ центрѣ, и въ Крыму, и на Кавказѣ, и въ Сибири, найдутъ себѣ высокое покровительство закона; только тогда мы будемъ въ состояніи передать нашему потомству полную, живую исторію природы нашей матери-земли.

П. Козловъ.



Лирика Е. А. Боратынскаго [1]).

(Окончаніе).

Въ первомъ періодѣ своей литературной дѣятельности, сохраняя связи съ современной жизнью и литературой, Боратынскій достигъ большого успѣха, но по мѣрѣ того, какъ развивалась его индивидуальная поэзія, поэтъ все дальше и дальше отходилъ отъ современныхъ интересовъ и былъ какъ бы полузабытъ въ 30-хъ годахъ. Послѣдній сборникъ поэта—„Сумерки"—произвелъ впечатлѣніе привидѣнія и вызвалъ недоумѣніе въ читателяхъ, не умѣвшихъ дать отчета въ томъ, „какая это тѣнь". „Сумерки" открывались посвященіемъ князю П. А. Вяземскому „счастливаго сына уединенья", привѣтомъ одинокаго пѣвца изъ глуши, „гдѣ сердца вѣтреные сны и мысли праздныя стремленья разумны усыплены" имъ, гдѣ поэтъ

Позабылъ, какъ бы во гробѣ,
Но добровольно, шумный свѣтъ.

Самъ поэтъ такъ говорилъ въ посвященіи о своихъ стихахъ:

Вамъ приношу я пѣснопѣнья,
Гдѣ отразилась жизнь моя,
Исполнена тоски глубокой,
Противорѣчій, слѣпоты
И между тѣмъ любви высокой,
Любви добра и красоты.

Поэзію третьяго періода лирики Боратынскаго можно опре-

---

1) См. „Русская Старина" іюнь 1914 г.

дѣлить, какъ поэзію разлада, или вѣрнѣе—поэзію разладовъ, внушающихъ поэту глубокую тоску и глубоко-скорбныя пѣсни:

Обращусь-ли къ небесамъ,
Оглянуся-ли на землю,—
Грозно, черно тутъ и тамъ;
Вопль унылый я подъемлю.

Живо почувствовалъ поэтъ свой разладъ съ окружающей его дѣйствительностью, съ печальной, какъ ему казалось, современностью, пошедшей „желѣзнымъ путемъ" утилитаризма: современная „общая мечта" безстыдно занята „насущнымъ и полезнымъ", и „не слышны лиры звуки въ первобытномъ раѣ музъ". И Боратынскій создаетъ своего „Послѣдняго Поэта" [1]), какъ онъ чуждаго и ненужнаго въ кипящей жизни, занятой другими вопросами; послѣдній поэтъ воспѣваетъ любовь и красоту, но суровымъ смѣхомъ отвѣчаютъ ему на горячіе призывы:

Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ!

Поэзія или, по крайней мѣрѣ, такая поэзія ненужна въ новомъ желѣзномъ вѣкѣ, и передъ скалой Левкада, тамъ, гдѣ родилась интимная міровая лирика, въ волнахъ моря

Погребетъ питомецъ Аполлона
Свои мечты, свой *безполезный даръ*!

Трагедіей одиночества, разладомъ съ современною жизнью и ея интересами открываются „Сумерки", и этимъ разладомъ окрашивается весь послѣдній періодъ въ творчествѣ Боратынскаго, и обусловливаются другіе разлады въ душѣ поэта.

Вмѣстѣ съ обостреніемъ разладовъ въ лирикѣ Боратынскаго, муза его пріобрѣтаетъ еще болѣе личное „необщее" выраженіе и достигаетъ поразительной художественной силы, какъ въ музыкальныхъ тонахъ гармоніи, такъ и въ яркихъ и смѣлыхъ краскахъ образовъ его поэзіи. Самыя отвлеченныя понятія и глубокія душевныя мысли и движенія поэта находятъ себѣ пластическое выраженіе. Таковъ міръ въ „Послѣд-

---

[1]) „Послѣдній Поэтъ написанъ въ 1834 году, но былъ включенъ поэтомъ въ „Сумерки".

немъ Поэтѣ“, когда преданъ погребенію послѣдній безполезный даръ:

И попрежнему блистаетъ
Хладной роскошію свѣтъ:
Серебритъ и позлащаетъ
Свой безжизненный скелетъ.
Но въ смятеніе приводитъ
Человѣка гласъ морской,
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой.

Таковы, въ особенности, картины „Осени“, въ которыхъ рисуется духовная нищета „оратая жизненнаго поля“ — человѣка „въ осень дней“:

Зови-жъ теперь на праздникъ честный міръ!
Спѣши, хозяинъ тороватый!
Проси, сажай гостей своихъ за пиръ
Затѣйливый, замысловатый!
Что лакомству пророчитъ онъ утѣхъ!
Какимъ разнообразьемъ брашенъ
Блистаетъ онъ! Но вкусъ одинъ во всѣхъ
И какъ могила людямъ страшенъ;
Садись одинъ и тризну соверши
По радостямъ земнымъ твоей души!
(„Осень“, 1837).

Въ „Осени“ проявились всѣ особенности третьяго періода творчества Боратынскаго, въ „Осени“ выразился наиболѣе ярко не только поэтъ-мыслитель, но и поэтъ-художникъ, неразрывно связанный съ первымъ. Въ этомъ стихотвореніи — лирической поэмѣ замѣчательны не только сила и богатство образовъ и выраженій [1]), не только широко-написанныя кар-

[1]) См., напримѣръ, 10 строфу:

Но если бы негодованія крикъ,
Но если бъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ
Вполнѣ торжественной и дикой:
Костями бы среди своихъ забавъ
Содроглась вѣтреная младость,
Играющій младенецъ, зарыдавъ,
Игрушку бъ выронилъ, и радость
Покинула бъ чело его на вѣкъ,
И заживо бъ въ немъ умеръ человѣкъ.

тины, но и глубокій символизмъ ихъ, гармоническое сліяніе картинъ природы съ душевнымъ состояніемъ человѣка, осень природы, когда „сіяньемъ хладнымъ солнце блещетъ, и лучъ его въ зерцалѣ зыбкомъ водъ невѣрнымъ золотомъ трепещетъ“, когда „сѣдая мгла віется вкругъ холмовъ“,—и осень человѣка, когда „неодолимый свѣтъ“ разгоняетъ всѣ призраки, обнажая „язвительный неотразимый стыдъ“ обмановъ и обидъ души оратая жизненнаго поля. Таковъ высокій символическій смыслъ, и въ послѣдней строфѣ наиболѣе сильно передаетъ зиму человѣка богатая художественными достоинствами картина зимы природы:

Зима идетъ, и тощая земля
Въ широкихъ лысинахъ безсилья,
И радостно блиставшія поля
Златыми класами обилья:
Со смертью жизнь, богатство съ нищетой,
Всѣ образы годины бывшей
Сравняются подъ снѣжной пеленой,
Однообразно ихъ покрывшей:
Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ;
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ.

(1837)

Этотъ безотрадный исходъ „Осени“, глубокая тоска, слышится въ очень многихъ стихотвореніяхъ Боратынскаго третьяго періода, но ни въ одномъ не достигаетъ той степени страшной обнаженности, какъ въ его мрачномъ гимнѣ безнадежности—„На что вы дни“, въ которомъ грядущее

Безсмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ,
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ ночной безплодный вечеръ канетъ,
Вѣнецъ пустого дня!

(1840).

Въ связи съ воззрѣніями, выраженными въ „Послѣднемъ Поэтѣ“, въ связи съ признаніемъ себя ненужнымъ въ желѣзномъ вѣкѣ, разладъ поэта и общества создаетъ въ его поэзіи разладъ и между признаніемъ творчества „божественнымъ порывомъ“ и его отрицаніемъ. Пусть искусство является „божественнымъ порывомъ“, пусть голосъ Генія будетъ звученъ „въ

горномъ клирѣ“,—можетъ быть, все же слѣдуетъ опрокинуть треножникъ и не только потому, что грядущее сулитъ только повторенія, и

Эти радости, печали,
Музыкальныя скрижали
Выражаютъ ихъ давно.

Но и потому, можетъ быть, слѣдуетъ опрокинуть треножникъ, что какъ бы ни была звучна пѣсня Генія, она *ненужна* людямъ,—и послѣдній поэтъ погребаетъ свой *безполезный* даръ. Но если высшій, божественный даръ является безполезнымъ, ненужнымъ „въ здѣшнемъ мірѣ“, то можно ли назвать этотъ ненужный даръ высшимъ даромъ?

Межъ насъ не вѣдаетъ поэтъ,
Его полетъ высокъ иль нѣтъ!
Самъ судія и подсудимый,
Пусть молвитъ: пѣснопѣвца жаръ—
Смѣшной недугъ иль высшій даръ?
Рѣшитъ вопросъ неразрѣшимый.

И до конца жизни въ творчествѣ Боратынскаго остался этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ, да и не могъ произойти судъ поэзіи, потому что не было (или, по крайней мѣрѣ, такъ казалось поэту) судей—не было тѣхъ, для кого поетъ пѣвецъ, являвшійся, такимъ образомъ, одновременно и въ роли судьи, и въ роли подсудимаго; въ третьемъ періодѣ, подъ вліяніемъ общаго мрачнаго тона, которымъ окрашивалась его лирика, поэтъ готовъ былъ признать творчество „смѣшнымъ недугомъ“, игрушкою, которою тѣшится младенецъ, роняющій ее при голосѣ истины. Въ эти минуты поэту кажется, что „жизнь и волненье одно“, жизнь дана для безцѣльнаго волненія, а искусство является игрушкою для тѣхъ, кого миновали общія смуты, и кто „заботу самъ вымышляетъ себѣ: лиру, палитру, рѣзецъ“. И это антологическое стихотвореніе, написанное почти скульптурно, прекраснымъ элегическимъ дистихомъ,носитъ заглавіе „Мудрецу“ (1840). Искусство безсильно не только потому, что оно не въ состояніи измѣнить пути желѣзнаго вѣка, но и безсильно само по себѣ. — Чѣмъ бы ни кончилось „послѣднее вихревращеніе“ думъ и чувствъ,—мертвящимъ ли душу хладомъ, или признательнымъ смиреньемъ предъ оправданнымъ Промысломъ:

Знай, *внутренней своей вовѣки ты*
Не передашь земному звуку
И темныхъ чадъ житейской суеты
Не посвятишь въ свою науку:
Знай, дольняя иль горная, она
Намъ на землѣ не для земли дана.

Наиболѣе ярко обозначился въ третьемъ періодѣ и разладъ между голосомъ разума и непосредственнымъ чувствомъ, разладъ, составляющій основу всей скорбной поэзіи Боратынскаго, но углубляющійся и обостряющійся въ особенности къ 40 годамъ, когда поэтъ готовъ былъ проклинать торжество мысли, разрушающей призраки чувства и мечты. Этотъ разладъ чувства и разума поистинѣ можно назвать міровой трагедіей человѣчества, о которой знали древніе и которую воплощали въ образахъ Дельфійской религіи. „Послѣдняя Смерть“ Боратынскаго страннымъ образомъ напоминаетъ лирическія партіи хора въ „Антигонѣ“: и здѣсь и тамъ мы находимъ прославленіе гордаго человѣчества, непрерывными трудами, при руководящей роли разума, достигшаго высокой степени культуры, но несостоятельнаго передъ смертью и передъ высшими божественными законами. Начало этой міровой трагедіи въ творчествѣ Боратынскаго относится ко второму періоду, къ „Послѣдней Смерти“ (1827), въ которой поэтъ описываетъ „разума великолѣпный пиръ“: человѣкъ заставилъ всѣ стихіи признать свой хитрый законъ,

Ужъ онъ морей мятежныя пучины
На островахъ искусственныхъ селилъ,
Онъ разсѣкалъ небесныя равнины
По прихоти имъ вымышленныхъ крилъ;
Все на землѣ движеніемъ дышало,
Все на землѣ какъ будто ликовало.
Исчезнули безплодные года:
Оратаи по волѣ призывали
Вѣтра̀, дожди, жары и холода̀,
И вѣрною сторицей воздавали
Посѣвы имъ; и хищный звѣрь исчезъ,
Во тьмѣ лѣсовъ, и въ высотѣ небесъ,
И въ безднѣ водъ сраженный человѣкомъ.
И царствовалъ повсюду свѣтлый миръ.
Вотъ, мыслилъ я, прельщенный дивнымъ вѣкомъ,
Вотъ разума великолѣпный пиръ!

Врагамъ его и въ стыдъ и въ поученье,
Вотъ до чего достигло просвѣщенье!

Разумное начало побѣдило въ человѣкѣ и изгнало страсти, „и умственной природѣ уступила тѣлесная природа“, но результатомъ этого великолѣпнаго пиршества былъ одинъ туманъ надъ тишиной смерти, туманъ, дымившійся „жертвою чистительной“. Намѣченная яркими картинами во второмъ періодѣ, эта трагедія развивается въ „Сумеркахъ“ въ цѣломъ рядѣ стихотвореній. „При свѣтѣ просвѣщенія“ исчезаютъ „поэзіи младенческіе сны“: „лучше, смертный! въ дни незнанья радость чувствуетъ земля“; „при свѣтѣ просвѣщенія“ сынъ земли отходитъ отъ земли, нарушаетъ свой извѣчный договоръ съ матерью-землею и порабощаетъ ее: земля перестаетъ чувствовать радость и не внушаетъ ее болѣе своимъ оторвавшимся въ отвлеченное сынамъ. Только море остается „свободнымъ и просторнымъ“, только „море синее одно человѣку непокорно“, и потому-то

...въ смятеніе приводитъ
Человѣка гласъ морской,
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой.

Насколько эта міровая тема обусловлена у Боратынскаго воздѣйствіемъ Руссо и отчасти Шиллера [1]), опредѣлить невозможно, но воздѣйствіе должно быть незначительнымъ, такъ какъ этотъ разладъ Боратынскій сознаетъ какъ личный, и онъ проходитъ черезъ всю жизнь и творчество поэта въ ярко-индивидуальной окраскѣ и въ самостоятельной постановкѣ. Гармонія природы нарушается призрачной свободою человѣка: „душа не то поетъ, что море и ропщетъ мыслящій тростникъ“, по слову другого поэта; у Боратынскаго эта тема широко развита въ „Примѣтахъ“:

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой,
Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;

---

[1]) Сравнить „Элевзинскій праздникъ“ послѣдняго:

Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью-землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ...
(переводъ В. А. Жуковскаго).

Покуда природу любилъ онъ,—она
Любовью ему отвѣчала.

. . . .

Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ однимъ:
Привѣтная жизнь въ ней дышала.
Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету изысканій...
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

Мысль исключаетъ, по мнѣнію Боратынскаго, все живое; мысль является источникомъ дисгармоніи человѣка и природы, мысль разрушаетъ „чудный градъ" искусства, мысль уничтожаетъ чувство и подымаетъ покровъ съ сокровеннаго, обнажаетъ правду, лишаетъ жизнь красочности, является слишкомъ трезвой на праздникѣ жизни. Даръ насмѣшливо торжествующаго ума—„мертвящій душу хладъ":

Все мысль, да мысль! художникъ бѣдный слова!
О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ;
Все тутъ, да тутъ и человѣкъ, и свѣтъ,
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.
Рѣзецъ, органъ, кисть! счастливъ, кто влекомъ
Къ нимъ, чувственнымъ, за грань ихъ не ступая!
Есть хмѣль ему на праздникѣ мірскомъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечемъ,
Мысль, острый лучъ!—блѣднѣетъ жизнь земная.

Изъ этой трагедіи, изъ коллизіи между хмѣлемъ жизни и острымъ лучемъ мысли не можетъ быть никакого исхода, потому что кто увидѣлъ правду безъ покрова, тотъ не можетъ принимать участія на праздникѣ жизни и удовлетворяться только чувственнымъ искусства, не ступая за его грань: мысль и чувство до конца остаются непримиренными въ творчествѣ Боратынскаго. Но есть другой исходъ — подчинить и то, и другое—и мысль и чувство—одному высшему началу.

И Боратынскій пытается опереться одной пятой своей на живую вѣру, зная, что и въ этомъ случаѣ онъ неуязвимъ для безжалостнаго нагого меча мысли. И поэтъ начинаетъ въ своемъ творчествѣ внимать „въ весельи и тиши лучамъ небесъ раскрывшейся души", и хотя предчувствуетъ утоленное разумѣніе въ признательномъ смиреніи передъ оправданнымъ Промысломъ, не падаетъ ницъ, такъ какъ въ немъ еще силенъ ропотъ, и

душевный разладъ не находитъ себѣ примиренія. Поэтъ—крылатый вздохъ, какъ недоносокъ, носится межъ землей и небесами, и не дано ему завистливой судьбой провидѣніе небесъ:

Міръ я вижу какъ во мглѣ;
Арфъ небесныхъ отголосокъ
Слабо слышу... На землѣ
Оживлялъ я недоносокъ:
Отбылъ онъ безъ бытія,
Роковая скоротечность!
Въ тягость роскошь мнѣ твоя,
О безсмысленная вѣчность!

И такъ же остро сознаетъ поэтъ разладъ неба и земли, какъ сознавалъ разладъ ума и чувства, какъ сознавалъ разладъ между собой и новымъ поколѣніемъ, и въ этомъ возгласѣ—„въ тягость роскошь мнѣ твоя, о безсмысленная вѣчность“!—далеко еще до паденія ницъ предъ оправданнымъ Промысломъ.

И прежде, чѣмъ признать оправданіе Высшаго начала, поэтъ задается вопросомъ о добрѣ и злѣ, о возможности примиренія между добромъ и зломъ, между свѣтомъ и тьмою:

Двѣ области—сіянія и тьмы—
Изслѣдовать равно стремимся мы.

Быть можетъ, обѣ области равноцѣнны, равно правы, и только одно пошлое, суета страшна? Быть можетъ, равно отрадны и правы упоенія и отравы бытія, милыя преданія сердца и прошлыя страданія? Въ творчествѣ Боратынскаго отсутствуетъ демонологическая поэзія, и онъ рѣдко подымалъ завѣсу съ откровеній преисподней, но нѣкоторымъ намекомъ, только намекомъ, могутъ служить его стихотворенія „Бокалъ“ (1835), „Благословенъ святое возвѣстившій“ (1839) и „Толпѣ тревожный день привѣтенъ“ (1839). Въ „Бокалѣ“ поэтъ не открываетъ „таинъ счастья“ своего, но все же говоритъ:

Вотъ теперь со мной бесѣдуй,
Своенравная струя!
Упоенья проповѣдуй
Иль отравы бытія;
Сердцу милыя преданья
Благодатно оживи
Или прошлыя страданья
Мнѣ на память призови!

О бокалъ уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатлѣнья,
Словно чашей круговой:
Плодородный, благородный,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней
Иль небесныя мечты!

Быть можетъ, разрѣшеніемъ вопроса, „примиреніемъ откровеній преисподней“ и небесной мечты является стихотвореніе „Толпѣ тревожный день привѣтенъ“: толпѣ страшна ночь безмолвная съ ея видѣніями раскованной мечты, но не страшно это безмолвіе „легкокрылыхъ грезъ“ поэту:

Видѣній дня боимся мы,
Людскихъ суетъ, заботъ юдольныхъ.

Но не страшны „легкокрылыя грезы“—дѣти волшебной тьмы:

Ощупай возмущенный мракъ:
Исчезнетъ, съ пустотой сольется
Тебя пугающій призракъ,
И заблужденью чувствъ твой ужасъ улыбнется.

Не долженъ страшиться сынъ фантазіи, баловень благодатныхъ фей—поэтъ и тревожнаго дня, не долженъ слабѣть душою передъ заботою земною, такъ какъ:

Ей исполинскій видъ даетъ твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою,—
Исчезнетъ; а за нимъ опять передъ тобою
Обители духовъ откроются врата.

Въ 1842 году выпустилъ поэтъ свои сумерки души, и пріемъ, оказанный его „Сумеркамъ“, заставилъ его еще больнѣе и острѣе почувствовать свое одиночество среди „новыхъ племенъ“, къ которымъ онъ летѣлъ душой, но которыя не захотѣли или не смогли понять сумеречнаго поэта-пессимиста. Въ 1842 году онъ написалъ три стихотворенія, и въ послѣднемъ изъ этихъ стихотвореній („На посѣвъ лѣса“) поэтъ погребаетъ свой безполезный даръ:

Отвѣта нѣтъ! Отвергнулъ струны я,
Да кряжъ другой мнѣ будетъ плодоносенъ!

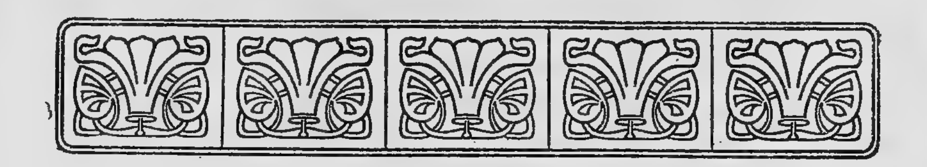
И вотъ ему несетъ рука моя
Зародыши дубовъ, елей и сосенъ.
Пусть вѣрую, простясь я съ лирой моей,
Что нѣкогда ее замѣнятъ эти
Поэзіи таинственныхъ скорбей
Могучія и сумрачныя дѣти!

Къ 1843 году относится всего одно стихотвореніе, и въ немъ поэтъ отрывается „отъ музы ласковой" къ нему и говоритъ: „до завтра звуки, пусть день угаснетъ въ тишинѣ".

Въ 1844 году начинается новая весна въ творчествѣ Боратынскаго, и „Молитвой" (первымъ стихотвореніемъ этого года) начинается разрѣшеніе разладовъ, мучительныхъ въ теченіе всей жизни поэта. Смерть пресѣкла новый путь развитія творческой думы поэта, и всѣ поднятые имъ вопросы остались неразрѣшенными и глубоко скорбными передъ новыми поколѣніями, передъ тѣми читателями, которыхъ нашелъ Боратынскій въ потомствѣ:

Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ;
Но я живу, и на землѣ мое
Кому-нибудь любезно бытіе!
Въ стихахъ моихъ далекій мой потомокъ
Узритъ его: какъ знать! душа моя
Окажется съ душой его въ сношеньи,
И какъ нашелъ я друга въ поколѣньи—
Читателя найду въ потомствѣ я.

М. Гофманъ.



Къ 200-лѣтію Гангоутской побѣды.

Описаніе Гангутскаго сраженія, составленное Александромъ Глотовымъ [1]) и помѣщенное въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1821 г. въ № 14. Іюнь, при нижеслѣдующемъ письмѣ [2]) морского офицера Александра Глотова.

Тогда какъ Шведская война должна была занимать единственно вниманіе Государя, дѣятельный, неутомимый Петръ заводилъ флотъ на Балтійскомъ морѣ и въ нѣсколько лѣтъ привелъ его въ столь значительное состояніе, что могъ онымъ противупоставить сильный отпоръ непріятелю, славящемуся искусствомъ и опытностію на морѣ. Въ то же время онъ старался привести въ твердое положеніе всѣ завоеванныя имъ мѣста.

---

1) Редакція воспроизводитъ, какъ интересное описаніе Гангоутской побѣды.

2) Получено редакторомъ Павл. Павл. Свиньинымъ при слѣдующемъ письмѣ:

М. Г. П. П.

Усердіе ваше собирать примѣчательныя событія и дѣянія соотечественниковъ нашихъ, пріятно для всякаго русскаго, и всякій изъ насъ, по возможности, долженъ вамъ содѣйствовать въ семъ благородномъ и почтенномъ подвигѣ. Въ таковомъ убѣжденіи препровождаю къ вамъ краткую выписку изъ морской компаніи, бывшей въ 1714 году противу шведовъ, въ которую послѣдовало Гангоудское сраженіе подъ личнымъ начальствомъ Петра Великаго. Сраженіе сіе на морѣ увѣнчало первою побѣдою Россійскій флотъ, и проч.

Алекс. Глотовъ.

1714 г. генваря 24-го, взявъ съ собою генералъ-адмирала графа Апраксина и генерала Вейда, Государь поѣхалъ изъ С. Петербурга въ Ревель, куда прибылъ 29 числа. Здѣсь осмотрѣвъ мѣстоположеніе, февраля 2-го заложилъ гавань. Послѣ сего отправился черезъ Перновъ въ Ригу, изъ коей возвратился въ С. Петербургъ февраля 15 дня. Въ слѣдствіе учиненныхъ распоряженій касательно сухопутныхъ войскъ, повелѣно было князю Репнину отправить изъ своего корпуса, стоявшаго въ Смоленскѣ, семь полковъ, для расположенія ихъ отъ Великихъ Лукъ до Пскова, а въ Петербургъ возвращены были изъ Помераніи два полка гвардіи, бывшіе подъ командою Менщикова. Между тѣмъ корабельный и гребной флотъ, состоявшій почти изо-100 судовъ, снаряжался въ Кронштатѣ, для наступающей компаніи. Первый порученъ былъ въ команду самому Государю, имѣвшему чинъ шаубенахта (контръ-адмирала), а надъ другимъ принялъ начальство генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ.

Мая 10-го Государь прибылъ къ Кроншлоту и поднялъ флагъ свой на 66-пушечномъ кораблѣ С. Екатерина. 22-го учиненъ былъ на немъ военный совѣтъ, относительно начинающейся компаніи и положено за подписаніемъ всѣхъ флагмановъ: „1-ое) корабельному флоту итти напередъ къ Ревелю. 2-ое) Въ бой вступать съ непріятельскимъ флотомъ въ такомъ только случаѣ, когда мы будемъ сильнѣе его третію долею кораблей одинаковаго ранга или мѣры. 3-е) Ежели по сю сторону встрѣтятся непріятельскіе корабли, и нашихъ гребныхъ судовъ къ Абову не пропустятъ, то немедленно дать знать о томъ въ Ревель, и согласиться какъ лучше дѣйствовать. 4-е) А когда съ Божіею помощію къ Абову счастливо наши гребныя судна пройдутъ, то отъ Абова итти на Аландъ, а отъ Аланда на Шведскую сторону; буде же непріятель итти туда не допуститъ, то оставить у Аланда скампавей сколько удобно, по разсмотрѣнію; имъ велѣть смотрѣть на непріятельскія обращенія и чаще рапортовать, а со всѣми прочими итти до Вазы, отъ Вазы на другую сторону, куда удобнѣе и взять съ собою лошадей сколько возможно. 5-е) Ежели на Стокгольмскомъ берегу какого ни есть знатнаго дѣйствія учинить будетъ не возможно, то къ августу мѣсяцу возвратиться назадъ къ Абову, и передъ тѣмъ временемъ, какъ возвращаться, дать знать въ Ревель, къ которому времени господинъ адмиралъ будетъ къ Абову. Запасясь тамъ провіантомъ и оставя больныхъ, итти къ Аланду; нашедъ же тамъ удобное мѣсто, съ общаго совѣта, гдѣ будетъ пристойнѣе, сдѣлать крѣпость. 6-е) Ежели съ непріятельской стороны станутъ желать мира, и при-

томъ будутъ просить, чтобы учинить армистицію (перемиріе), то—на оное согласиться; только для лучшаго увѣренія, дабы обманомъ не протянули времени, потребовать отъ нихъ въ залогъ отъ семи до десяти линейныхъ кораблей, изъ тѣхъ, которые противъ насъ имѣютъ, а не въ Карлскронѣ стоятъ, и ежели въ томъ будутъ они требовать со стороны нашей письменнаго обязательства, то имъ оное дать, хотя и съ присягою. 7-е) Въ землю непріятельскую не заходить гораздо вдаль, а чинить все съ совѣту и по обстоятельствамъ, какъ лучше. 8-е) Корреспонденцію съ господиномъ адмираломъ (сирѣчь между флотомъ корабельнымъ и гребнымъ) имѣть чрезъ Гельсингфорсъ [1]), для чего нынѣ оставить тутъ нѣсколько русскихъ бригантиновъ.

Тогда жъ было назначено при корабельномъ флотѣ быть эскадрѣ галеръ и состоять оной подъ командою оберъ-сорвайера генералъ-маіора Головина.—Сверхъ того послано было Высочайшее повелѣніе въ Ревель, дабы отъ онаго по берегу содержать кордонъ, для наблюденія за непріятельскими кораблями и увѣдомленія о томъ нашего флота. По учиненіи всѣхъ таковыхъ распоряженій (21 мая) флотъ отправился въ море. Отошедъ отъ Кронштата (не болѣе 32 верстъ: близъ Гирвалдая), Государь получилъ чрезъ генералъ-лейтенанта князя Голицына, отъ абовскаго ландсгевдинга письмо, которое было писано симъ послѣднимъ по приказу Шведской правительствующей принцессы и сенаторовъ. Онъ испрашивалъ пасъ (видъ) шведскому маіору Адольфу Снолькому, имѣвшему отправиться въ Санктпетербургъ, для нѣкотораго важнаго дѣла. Пасъ сей былъ тотъ часъ же высланъ; но офицеръ не пріѣзжалъ: нѣсколько лѣтъ не могли узнать тому причины, какъ въ послѣдствіи открылось, что Шведское правительство, отчаясь возвращеніи Карла XII изъ Турціи, намѣрено было безъ него учинить миръ съ Россіею, а въ государствѣ своемъ установить республику (для чего и сеймъ уже былъ назначенъ), но увѣдомясь внезапу, что король ихъ возвращается въ отечество, дѣло сіе предали глубокому молчанію.

31-го маія вся гребная флотилія подъ командою генералъ-адмирала графа Апраксина, отдѣлясь отъ корабельнаго флота, отправилась по Высочайшему повелѣнію къ Гангоуду, куда и пребыла въ половинѣ іюня мѣсяца; корабельный же флотъ за штилями и противными вѣтрами, при томъ наблюдая большую

---

[1]) Гельсингфорсъ за годъ до сего времени былъ нашими войсками занятъ.

осторожность, весьма медленно подвигался къ Ревелю, и пришелъ туда не ближе 11-го іюня. Здѣсь нашелъ онъ два корабля: одинъ о 70 пушкахъ Лефермъ, купленный въ Англіи, а другой Св. Михаилъ, построенный у города Архангельска.

17-го іюня непріятельская эскадра подъ командою вице-адмирала Лиліо, въ числѣ 6 кораблей, показалась у острова Наргина (въ виду Ревеля); усмотрѣвъ оную, флотъ нашъ тотчасъ снялся съ якоря и учинилъ за нею погоню, однакожъ она успѣла удалиться къ Гангоуду для соединенія со своимъ флотомъ, состоящимъ, кромѣ сей эскадры, изъ 13 кораблей, подъ командою адмирала Ватранга. 27-го іюня присланъ былъ отъ генералъ-адмирала графа Апраксина бригантинъ съ донесеніемъ, что непріятель стоитъ у Гангоуда и что по сей причинѣ галерамъ нашимъ къ Абову пройти не возможно, а потому и почитаетъ онъ за нужное, чтобъ корабельный флотъ нашъ выступилъ въ море для обращенія на себя и раздѣленія непріятельскихъ силъ; буде же сего учинить невозможно, то командующій пріѣхалъ бы самъ въ галерный флотъ, для осмотрѣнія мѣстъ и совѣщанія. Въ слѣдствіе сего письма собраны были всѣ капитаны и командиры военныхъ судовъ для консиліума, въ которомъ положено, что корабельному флоту, по соображенію обстоятельствъ, выходить въ море не должно, а шаубенахту (Государю) ѣхать въ галерный флотъ; капитанъ командиру же Сиверсу съ штурманами итти къ Гельсингфорсу, для промѣра глубины шкеръ и освидѣтельствованія: не можно ли корабельному флоту съ восточной стороны соединиться съ галернымъ, уповая тѣмъ заставить непріятеля отойти отъ Гангоуда.

Іюля 4 числа Государь (или по морскому званію своему корабельный шаубенахтъ,) отправился изъ Ревеля къ Гельсингфорсу на фрегатѣ С. Павлѣ, а съ нимъ для прикрытія пошла шнява Принцесса, двѣ галеры и бывшіе въ крейсерствѣ корабли: Рафаилъ и Лансдоу; команда же надъ флотомъ поручена капитанъ-командору Шельтигпну, при чемъ оставлены были ему нужныя по тогдашнему времени предписанія. Между тѣмъ отъ генералъ-адмирала Апраксина было вторично съ нарочно-посланнымъ бригомъ донесено, что онъ съ галернымъ флотомъ прибылъ къ Тверминде [1]) и что непріятельской флотъ въ числѣ тридцати пяти судовъ стоитъ по-прежнему у Гангоуда, растояніемъ отъ нашего флота въ двухъ или трехъ миляхъ.

---

[1]) Тверминде мѣстечко на полу-островѣ Ганго, разстояніемъ въ двухъ нѣмецкихъ миляхъ отъ мыса Гангоуда.

26 іюля въ 8 часовъ утра Государь прибылъ въ галерный флотъ и пересѣлъ съ фрегата С. Павла на полугалеру.—По прибытіи своемъ, на другой день ѣздилъ онъ на гребномъ суднѣ для рекогносцированія непріятельскаго флота, какъ съ моря, такъ и съ берега; оный состоялъ изъ 13 линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ, одного прама, 2-хъ бомбардирскихъ галіотовъ, 2-хъ шнявъ, 6-ти большихъ и малыхъ галеръ и 3-хъ провіантскихъ судовъ (кромѣ кораблей и разнаго рода судовъ, находившихся въ крейсерствѣ). Симъ флотомъ командовали адмиралъ Ватрангъ, вице-адмиралъ Лиліо и два шаубенахта: Анкерштернъ и Ереншильдъ.

Положеніе нашего флота въ Твермидѣ было такое, что надлежало немедленно рѣшиться: впередъ ли итти, или возвратиться назадъ; ибо долговременное пребываніе въ семъ мѣстѣ сопряжено было съ великими опасностями, поелику выходъ изъ онаго былъ одинъ (къ Востоку), слѣдовательно, непріятель могъ легко запереть оный.—Въ сихъ обстоятельствахъ, прозорливый, предпріимчивый монархъ, неисчерпаемый въ изобрѣтеніи способовъ, укрывающихся отъ всѣхъ прочихъ, осматривая Гангоудской мысъ, примѣтилъ, что перешеекъ между Вереминскимъ заливомъ и другимъ, находящимся по западную сторону мыса Гангоута весьма узокъ, и рѣшился чрезъ него сдѣлать мостъ, дабы по оному перетащить нѣсколько легкихъ галеръ, и съ ними сдѣлавъ съ неожиданной стороны на непріятеля нападеніе, привести его въ замѣшательство и тогда съ остальною частію флота пройти мимо его. Уже готовились къ начинанію сей работы, какъ услышали въ морѣ пушечную пальбу, и потомъ узнали, что шведскій вице-адмиралъ Лиліо съ четырнадцатью различными парусными судами, отдѣлясь отъ своего флота, вступилъ подъ паруса. Сіе движеніе непріятельской эскадры подало причину думать, что онъ устремляется къ Ревелю, или намѣревается галерный флотъ нашъ запереть и атаковать съ восточной стороны. По сему корабельный шаубенахтъ просилъ адмирала, чтобъ онъ послалъ его съ тридцатью пятью галерами къ стоящей впереди нашей брандвахтѣ, для ближайшаго разсмотрѣнія движеній непріятельскихъ; а когда онъ отправленъ былъ туда, то по прибытіи къ назначенному мѣсту послалъ къ генералъ-адмиралу рапортъ, въ которомъ увѣдомлялъ, что непріятель повидимому имѣетъ скрытое намѣреніе произвесть предполагаемую на насъ атаку, ибо между прочими судами ведетъ съ собою и бомбардирскіе галіоты. При томъ просилъ адмирала, чтобъ онъ къ утру, для лучшаго осмотрѣнія, самъ къ нему пріѣхалъ. 26 числа адмиралъ

прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ расположился съ галерами шаубенахтъ, и когда увидѣли, что шведская эскадра путь свой направляетъ къ Тверминду, а не къ Ревелю, то послали тотчасъ повелѣніе во флотъ, чтобъ оный готовился къ выходу изъ узкаго мѣста, въ которомъ находился; замѣтивъ же при семъ, что между непріятельскимъ флотомъ и Гангоутскимъ мысомъ проходъ довольно широкъ и свободенъ, отрядили, не упуская времени, двадцать галеръ подъ командою капитанъ-командора Змаевича, бригадира Волкова и капитана Бредаля, давъ имъ повелѣніе при бывшемъ тогда тихомъ вѣтрѣ итти впередъ. Когда, несмотря на непріятельскій огонь, галеры наши обошли Гангоутской мысъ, то вслѣдъ за оными отправили и остальныя пятнадцать галеръ, подъ командою бригадира Лефорта и капитановъ Дежимонта и Гриса; онѣ, также придержась къ мысу, прошли счастливо мимо непріятеля.

Въ сіе время оба флагмана наши, генералъ - адмиралъ и шаубенахтъ, возвратились во флотъ, а шведскій адмиралъ съ своимъ снялся съ якоря и старался, по причинѣ штиля, сколько можно буксироваться (тащить корабль) всѣми своими гребными судами къ западу, поднявъ на кораблѣ своемъ бѣлый флагъ, что по движеніямъ означало обратное призваніе вице-адмирала Лилія къ своему флоту. Въ наступившую ночь положено было всему нашему флоту на разсвѣтѣ пройтить мимо непріятельскихъ кораблей, — какъ получено извѣстіе, что по западную сторону Гангоудскаго мыса, близъ того мѣста, гдѣ наши хотѣли строить мостъ для перетаскиванія галеръ, показался непріятельскій отрядъ, состоявшій изъ одного фрегата, шести галеръ и трехъ шхерботовъ, подъ командою контръ - адмирала Ереншильда; того ради къ капитанъ - командору Змаевичу послано было повелѣніе, чтобъ онъ сей шведскій отрядъ старался атаковать. Между тѣмъ шведскій вице-адмиралъ возвратился ко флоту своему и сталъ на своемъ мѣстѣ. На другой день (то есть 27-го іюля) съ разсвѣтомъ сдѣланъ отъ генералъ-адмирала сигналъ: „всему флоту сняться съ якоря и не огребая непріятельскихъ кораблей итти прямо сквозь линію оныхъ". Послѣ сего весь флотъ потянулся мимо непріятельскихъ кораблей, съ которыхъ хотя и производили жестокую пальбу, однакожъ, по причинѣ отдаленнаго разстоянія, мало вредили; только одного капитана у насъ ранили, да одна галера стала на мель, которая по причинѣ поврежденія досталась въ руки непріятелю; впрочемъ всѣ суда, флотъ нашъ составлявшія, прошли благополучно.

Сіе столь смѣлое и отважное предпріятіе имѣло чрезвычай-

ной успѣхъ и произвело совершенное недоумѣніе въ непріятелѣ.—Когда же нашъ флотъ обходилъ Гангоудской мысъ, тогда капитанъ - командоръ Змаевичъ приближился къ отдѣльной эскадрѣ контръ-адмирала Еренширьда, производилъ фальшивую на него атаку, и между тѣмъ старался окружить его своими судами и привести чрезъ то сей шведской отрядъ въ блокаду. что наконецъ исполнилъ съ желаемымъ успѣхомъ, давъ тотчасъ же знать о томъ главнокомандующему флотомъ. Генералъ-адмиралъ, получивъ сіе пріятное извѣстіе, приказалъ всему флоту пріуготовиться къ бою, а между тѣмъ послалъ генералъ-адъютанта Ягужинскаго къ командовавшему тѣмъ отрядомъ контръ-адмиралу Еренширьду, съ предложеніемъ немедленной сдачи; но, получивъ отъ него противный и упорный отвѣтъ, сдѣлалъ сигналъ авангардіи, бывшей тогда подъ командою корабельнаго шаубенахта и генерала Вейда, атаковать непріятеля, а за нею и самъ съ кор-де-бателіею сдѣлалъ надлежащее движеніе.

Сраженіе съ обѣихъ сторонъ началось съ великою жестокостію и продолжалось болѣе двухъ часовъ. Непріятель расположенъ былъ полумѣсяцемъ, имѣя флагманской фрегатъ въ срединѣ, а по сторонамъ шхерботы. Онъ оборонялся съ такою упорностію, что, не взирая на сильный огонь, производимый съ нашихъ галеръ, ни одно изъ его судовъ не спустило флага, доколѣ оный во время абордажа не былъ сорванъ руками нашихъ людей. Напротивъ того и наши съ такимъ мужествомъ абордировали непріятельскія суда, что многіе изъ солдатъ не ядрами и картечами, но пороховымъ духомъ изъ пушекъ разорваны были.

Наконецъ шведской контръ-адмиралъ долженъ былъ уступить храбрости русскихъ и въ виду сильнаго своего флота спустить флагъ передъ галерой россійскаго шаубенахта. По учиненіи сего Эреншильтъ, будучи раненъ въ голову, скочилъ въ шлюбку и подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ гранадеръ старался удалиться отъ своего фрегата; но въ самомъ пылу сраженія русскіе быстрыми глазами наблюдали всякое движеніе непріятеля, и замѣтя его покушеніе спастись капитанъ Ингерманландскаго полку Бакеевъ бросился съ своими солдатами на близъ-стоящія гребныя суда, остановилъ намѣреніе Эреншильта, взялъ его изнеможеннаго и тутъ же представилъ шаубенахту, какъ побѣдителю цѣлой шведской эскадры, взятой въ плѣнъ въ виду многочисленнаго непріятельскаго корабельнаго флота [1]).

[1]) Шведскій флотъ не могъ подать помощи своей эскадрѣ по неимѣнію гребныхъ судовъ; на счетъ же плѣненія Эреншильта, въ нѣкоторыхъ шведскихъ лѣтописяхъ въ донесеніи г-на Феросваля, сказано: „Еренштльтъ

Плѣнную эскадру составляли нижеслѣдующія суда.

ИМЕНА СУДОВЪ.	Число пушекъ.	Вѣсъ ядра въ ф.
Фрегатъ Олифантъ, на немъ былъ флагъ шаубенахта	14	12
	4	3
Галера Ернъ	2	36
	14	3
Галера Трана	2	18
	14	3
Галера Грапенъ	2	18
	14	3
Галера Лаксенъ	2	6
	10	3
Галера Генедъ	2	6
	10	3
Галера Валфитъ	2	6
	10	3
Шхерботъ-Флюндра	6	3
Шхерботъ-Мортанъ	4	3
Шхерботъ-Симпанъ	4	3
Всего пушекъ	116	—

На сихъ судахъ взято въ плѣнъ:

Шаубенахтъ Эреншильтъ . . . . 1.
Капитанъ-командоръ . . . . 1.
Капитановъ . . . . 3.
Лейтенантовъ . . . . 7.
Сухопутныхъ и морскихъ оберъ-офицеровъ . . . . . . 16.
Унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ матросъ и солдатъ . . 913.

Съ нашей стороны убито:

Полковникъ Равенштейнъ . . . . 1.

былъ раненъ въ голову, въ руку и лѣвую ногу, отъ чего упалъ за бортъ своего фрегата; его вытащили изнеможеннаго безъ чувствъ и перенесли на галеру генерала Вейда, гдѣ Государь имѣлъ свой флагъ. Первой предметъ, открывшійся глазамъ Еренширьта, при возвращеніи къ жизни, былъ Россійскій Императоръ, старающійся о помощи своему плѣннику; когда же Ереншильтъ пришелъ въ чувство, то великодушный побѣдитель, цѣлуя окровавленное его лицо, успокоивалъ и поздравилъ его съ надеждою къ жизни. Въ заключеніи сказано, что Россійскій Царь воздавалъ своему плѣннику великія почести, и, по заключеніи мира, отпуская въ отечество, наградилъ его своимъ портретомъ, бриліантами осыпаннымъ, и снабдилъ его письмомъ къ королю, въ коемъ отзывался его Государю съ большимъ о немъ уваженіемъ.

Оберъ-офицеровъ . . . . 7.
Унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ . . . . 120.

Ранено:

Бригадиръ Волковъ . . . . 1.
Оберъ-офицеровъ . . . . 16.
Унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ . . . . 309.

На другой день послѣ сраженія адмиралъ Ватрангъ присылалъ нарочнаго съ письмомъ къ генералъ-адмиралу и просилъ увѣдомить, сколько ихъ людей взято въ плѣнъ, желая учинить онымъ размѣнъ; но, не дождавшись, ни отвѣта ни посланнаго своего, вступилъ подъ паруса и ушелъ со флотомъ въ море. Сіе скорое движеніе непріятеля подало мысль полагать, что онъ имѣетъ намѣреніе внезапно сдѣлать нападеніе на Ревель; почему тогда же было послано повелѣніе къ капитанъ-командору Шелтингу, чтобы онъ, взявъ всѣ предосторожности, со всею своею эскадрою немедленно шелъ къ Гельсингфорсу.

30 іюля весь галерный флотъ сосредоточился, построился въ видѣ овальнаго круга и, по сдѣланному сигналу, призваны были командиры всѣхъ судовъ на галеру главнокомандующаго, гдѣ принесено было благодареніе Богу, Царю Небесному, за одержанную побѣду надъ непріятелемъ; при возглашеніи же многолѣтія Государю-побѣдителю, загремѣла пушечная и ружейная пальба со своего флота, и при семъ военномъ звукѣ происходило поздравленіе главнокомандующему генералъ-адмиралу, шаубенахту и всѣмъ его сотрудникамъ, съ первою значительною побѣдою, одержанною россіянами на морѣ. Наконецъ весь день сей проведенъ былъ въ празднествѣ и ликованіи [1]). На пиръ

---

[1]) Сей день 27-го іюля чрезъ шесть лѣтъ послѣ сего, т. е. въ 1720, благопріятствовалъ также одержать знаменитую побѣду нашему гребному флоту (бывшему подъ командою генералъ-аншефа князя Голицына) надъ шведами, гдѣ при Гангоутѣ и островѣ Грейнгамѣ взяты въ плѣнъ фрегаты: Шторфениксъ, Венкеръ, Сиксенъ, Данекъ-Ернъ. По сему и поднесь при нашихъ церквахъ отправляется молебствіе въ 27 день іюля: взятіе фрегатовъпри Гангоутѣ и Грейнгамѣ; сверхъ того въ память сего дня всегда существовалъ въ россійскомъ флотѣ корабль Пантелеймонъ.— Первый таковой корабль былъ построенъ о 66 пушкахъ мастеромъ Пангалою и спущенъ при Государѣ Петрѣ Великомъ въ 1721 году іюля 27 дня, съ наименованіемъ Пантелеймонъ-Викторія. — Въ ознаменованіе сей достопамятной побѣды воздвигнута еще Петромъ Великимъ въ 1718 году церковь на Фонтанкѣ (при городской верфи) во имя Св. Великомученика Пантелеймона.

приглашены были и плѣнные офицеры. Великодушный монархъ, не взирая на торжество, заботился и всевозможное имѣлъ попеченіе о раненомъ шаубенахтѣ Эреншильтѣ, доставивъ ему всѣ средства къ спокойствію и къ скорѣйшему выздоровленію отъ полученныхъ въ сраженіи ранъ.

1-го августа плѣнныя суда отправлены въ Гельсингфорсъ подъ начальствомъ капитанъ-командора Сиверса, прибывшаго къ тому времени изъ шхеръ, куда онъ, какъ выше упомянуто, посланъ былъ для промѣра глубины. На счетъ сего порученія онъ донесъ, что глубина прохода вездѣ весь мала и для кораблей недостаточна. Въ тотъ же день весь галерный флотъ отправился къ Абову, для преслѣдованія небольшой шведской эскадры, стоявшей, по полученнымъ извѣстіямъ, близъ Юнгферзунда; но она успѣла уйти въ слѣдъ за своимъ флотомъ.

Въ половинѣ сего мѣсяца сдѣланъ былъ объ окончаніи сей компаніи военной совѣтъ. На немъ положено: генералъ-адмиралу съ галернымъ флотомъ иттп по восточной сторонѣ Нордъ-Бодена, отогнать непріятеля отъ финляндскихъ береговъ и овладѣть всею Финляндіею, потомъ сыскать удобное для зимованія судовъ мѣсто, откуда бы весною тотчасъ по вскрытіи льда можно было выступить, и при устьѣ онаго сдѣлать нѣсколько батарей; изъ Гельсингфорса всѣ тягости и гошпиталь перевезти въ Абовъ, и тутъ учинить главную квартиру. По исправленіи же помянутыхъ дѣлъ, господину генералъ-адмиралу до заморозовъ пріѣхать въ С. Петербургъ, а шаубенахту корабельному возвратиться во флотъ свой для отведенія онаго къ порту.—Сего ради генералъ-адмиралъ со флотомъ своимъ тотчасъ же сталъ приготовляться къ походу, а корабельнаго шаубенахта съ полоненными шведскими контръ-адмираломъ и офицерами отпустилъ на пяти галерахъ къ Гельсингфорсу, куда онъ и прибылъ того-жъ мѣсяца 21 числа. По пріѣздѣ своемъ Государь послалъ повелѣніе, чтобы весь корабельный флотъ выступилъ изъ Ревеля въ Кронштатъ и на пути своемъ оставилъ небольшую эскадру въ крейсерствѣ подъ командою капитанъ-командора Шельтинга; самъ же шаубенахтъ, взявъ всѣ галеры и прочія парусныя суда и посадивъ на нихъ Кіевской и Ростовской гренадерскіе полки, также Ревельской и Перновской гарнизоны, отправился изъ Гельсингфорса въ Кронштатъ.

28-го августа вся сія флотилія прибыла къ береговымъ островамъ, а на другой день туда пришелъ и корабельный флотъ и за противнымъ вѣтромъ сталъ на якорь. Государь тогда же пріѣхалъ на шлюпкѣ на корабль свой Св. Екатерину и поднялъ

контръ-адмиральскій флагъ. 1-го сентября сдѣлался ужасный штормъ: флотъ нашъ, стоя на якорѣ на открытомъ мѣстѣ, хотя взялъ заблаговременно морскія предосторожности, но вѣтеръ столь жестоко свирѣпствовалъ, что угрожалъ всѣмъ судамъ гибелью и сокрушеніемъ. На кораблѣ Есперансъ, на которомъ капитаномъ былъ Эдвардъ, сломило фокъ-мачту, бушпритъ и гротъ-стенгу, на кораблѣ Святыя Екатерины удареніемъ валовъ бушпритъ въ двухъ мѣстахъ переломило; также и на другихъ корабляхъ многія оказалися поврежденія. Люди отъ сего бѣдствія пришли въ несказанную робость и отчаяніе, думая, что всѣ корабли неминуемо волнами поглощены будутъ. Великодушный и мужественный Государь, видя неопытныхъ своихъ подданныхъ объятыхъ страхомъ, пріемлетъ для одобренія ихъ смѣлое и отважное намѣреніе;—ночью, во время ужасной бури, садится на шлюпку и отъѣзжаетъ на подвѣтренный берегъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы зажженнымъ тамъ огнемъ показать устрашеннымъ людямъ своимъ близость земли, и дать имъ надежду, что, въ случаѣ разбитія кораблей, есть тамъ человѣкъ, бдящій о спасеніи жизни. Всѣ усильныя просьбы и слезы подданныхъ не могли отвратить Государя отъ сего намѣренія; онъ оставляетъ ихъ въ ужасномъ безпокойствѣ и трепетѣ, уже не о своей собственной, а его безцѣнной для всѣхъ жизни; но вскорѣ блеснувшій на берегу огонь исполняетъ всѣ сердца радостію; всѣ увидѣли, что Государь здравъ и объ нихъ помышляетъ. Чрезъ нѣсколько потомъ часовъ вѣтеръ утихаетъ и флотъ приходитъ благополучно къ Кронштату, гдѣ при обыкновенной салютаціи съ крѣпости, встрѣтилъ Государя генералъ-фельдмаршалъ князь Меньщиковъ съ нѣкоторымъ числомъ другихъ знаменитыхъ особъ.

Сентября 9-го взятыя шведскія суда введены были торжественнымъ образомъ въ С. Петербургъ. Порядокъ церемоніи сей былъ слѣдующій: напередъ шли три россійскія галеры, за ними слѣдовали три плѣнныхъ шхербота, потомъ шесть плѣнныхъ галеръ, за оными плѣнный фрегатъ, на которомъ находился и контръ-адмиралъ Эреншильтъ; позади сего фрегата шла флагманская галера, на коей присутствовалъ самъ побѣдитель въ званіи корабельнаго шаубенахта, а за нею еще двѣ галеры, изъ коихъ на одной былъ генералъ Вейде; на всѣхъ сихъ судахъ развѣвались флаги. По обѣимъ сторонамъ Невы рѣки стояло безчисленное множество яхтъ и ботиковъ; берега покрыты были ликующимъ народомъ; изъ крѣпости и даже изъ многихъ при-

брежныхъ домовъ шествующій побѣдитель поздравляемъ былъ пушечною пальбою, на которую онъ съ своихъ судовъ, въ знакъ благодарности, отвѣтствовалъ таковою же. Шествіе сихъ судовъ остановилось передъ Сенатомъ и расположилось на якорѣ; шведской эскадрѣ дана была та самая позиція, въ которой она находилась во время сраженія. По устроеніи всѣхъ прочихъ судовъ, шаубенахтъ съ генераломъ, штабъ и оберъ - офицерами отправился на берегъ, и вошелъ въ городъ чрезъ тріумфальныя ворота, нарочно для сего устроенныя у Сената. Шествіе было торжественное:—въ ономъ находились плѣнные шведскіе офицеры, и разночинцами несены были всѣ полученные въ сію компанію трофеи. По прибытіи въ Сенатъ, корабельный шаубенахтъ всѣмъ знаменитымъ сословіемъ онаго былъ встрѣченъ, и за службу свою и подвиги пожалованъ вице-адмираломъ, генералъ же Вейде орденомъ Св. Андрея; прочіе штабъ и оберъ-офицеры награждены золотыми, а рядовые серебряными медалями и деньгами.

Изъ Сената новопроизведенный вице-адмиралъ возвратился на свою галеру, тотчасъ приказалъ поднять вице-адмиральскій флагъ, и былъ салютованъ изъ крѣпости и со всѣхъ стоящихъ на якорѣ судовъ пушечною пальбою. Тогда же онъ былъ поздравляемъ съ повышеніемъ въ чинѣ многими чужестранными министрами и всѣмъ своимъ генералитетомъ. Восхищеніе монарха при полученіи вице-адмиральскаго чина было тѣмъ болѣе, что онъ домогался онаго прежде за многіе свои труды, получилъ въ томъ отъ Адмиралтействъ-Коллегіи отказъ [1].

Компанія галернаго флота кончилась въ семъ году крейсерствомъ у финскихъ береговъ, гдѣ многія суда потерпѣли отъ бурной осени разныя бѣдствія, отъ чего и весь флотъ не могъ

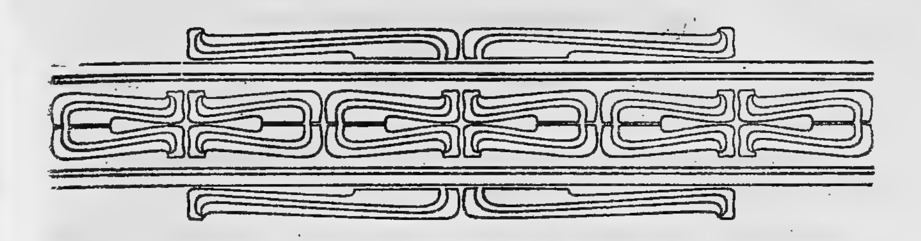
---

[1]) Извѣстно, что когда случилась убылая вице-адмиральская ваканція долженствовавшая быть занята по штату, то Государь подалъ челобитную въ Адмиралтействъ-Коллегію, въ коей, прописавъ свою службу, просилъ произвесть его на открывшуюся ваканцію.—Коллегія рѣшила, что хотя признаетъ оказанныя имъ заслуги, и надѣется, что и впредь будетъ онъ служить еще ревностнѣе, но, сравнивая его морскую службу съ другимъ шаубенахтомъ (контръ-адмираломъ), „находитъ, что тотъ гораздо долѣе его служитъ морскимъ офицеромъ и во многихъ случаяхъ на морѣ себя отличилъ, а потому Адмиралтействъ-Коллегія, наблюдая справедливость, не можетъ дать ему на сей разъ предъ другимъ преимущества и произвесть вице-адмираломъ“. Государь симъ рѣшеніемъ весьма былъ доволенъ. (Анекдоты Петра Великаго. Стр. 122).

выполнить положеннаго на вышесказанномъ консиліумѣ намѣренія. Напослѣдокъ всѣ суда для зимованія собрались въ мѣстечко Ништатъ, куда и генералъ-адмиралъ 28 октября прибылъ со всѣмъ своимъ флотомъ, и, поручивъ оный въ команду князю Голицыну, самъ отправился въ С. Петербургъ [1]).

Сообщилъ **Б. Колюбакинъ.**

[1]) Въ присутственной комнатѣ Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи находится прекрасная картина, представляющая сіе знаменитое сраженіе и именно въ ту минуту, когда державный герой—Петръ всходитъ съ обнаженнымъ мечемъ на непріятельскій адмиралтейскій фрегатъ. Она писана Робертомъ Портеромъ по заказу бывшаго морскимъ министромъ адмирала Чичагова.—Въ адмиралтейскомъ музеумѣ хранится также одна изъ подлинныхъ медалей, розданныхъ россійскимъ воинамъ за сію побѣду. Она представляетъ съ одной стороны атаку непріятельскаго флота съ надписью сверху: прилежаніе вѣрность превосходятъ силы, а внизу іюня 27 дня 1714. Съ другой стороны изображеніе Петра Великаго съ надписью вокругъ: Царь Петръ Алексѣевичъ всея Россіи.



Изъ бытовой исторіи древней Руси.

10-го декабря 7206 года въ Москвѣ скончалась послѣдняя Воротынская, княгиня Анастасія Львовна, вдова князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго, урожденная Измайлова. Со смертью княгини въ могилу сходила именитая и выдающаяся личность Московскаго общества конца XVII вѣка. Знатное происхожденіе, богатство, строго церковное настроеніе княгини дѣлали ее извѣстной не только въ Москвѣ, но и въ отдаленныхъ углахъ древней Руси [1]). Естественно поэтому, что смерть такой боярыни не могла пройти незамѣченной въ самыхъ широкихъ слояхъ древне-русскаго общества. Смерть ея опечалила многихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ для многихъ же она несла отраду и утѣшеніе. Непосредственно послѣ смерти княгини съ разныхъ концовъ древней Руси поступаетъ цѣлый рядъ челобитій отъ разныхъ лицъ и учрежденій съ ходатайствами о дачѣ на поминъ ея души. Смерть княгини дѣлается источникомъ людского обогащенія...

Изъ этой массы челобитій особенное наше вниманіе останавливаетъ одна, именно — челобитная попа Зиновія Иванова, поданная имъ патріарху Адріану. Она содержитъ въ себѣ очень цѣнное упоминаніе объ одномъ обычаѣ, тѣсно связанномъ съ институтомъ древне - русскаго духовничества въ тотъ

---

[1]) Въ нашемъ распоряженіи имѣется цѣлый рядъ документовъ изъ утраченнаго архива князей Воротынскихъ. Эти документы ярко рисуютъ имущественное и бытовое положеніе двора послѣдней Воротынской и вообще заключаютъ въ себѣ немало генеалогическаго матеріала по исторіи этого угасшаго рода.

моментъ его историческаго бытія, когда онъ замѣтно заканчивалъ свое существованіе [1]).

Приводимъ здѣсь полностью какъ эту челобитную, такъ и все дѣлопроизводство, вызванное ею.

„Великому Господину Святѣйшему Киръ Адриану, Архиепископу Московскому и всеа Росиі и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патриарху бьетъ челомъ богомолецъ твой церкви Преподобнаго Сергия, что в Китае городе на Старыхъ Поляхъ, а строение та церковь князей Воротынскихъ, попъ Зиновей Ивановъ. Преставися бояроли княгиня Настасья Лвовна Воротынская декабря в день нынешняго 206-го году, а при смерти она учинилася мнѣ дочь духовная і прежъ была и во здравие у меня на исповѣди, і по старой духовной прежнему отцу ея духовному церкви Великомученика Егоргия, что на Варварскомъ кресце, попу Никифору в духовной ему написано пятьдесятъ рублевъ денегъ; а та духовная писана за многия лѣта. Милостивыі Великиі Господинъ Святѣйшиі Киръ Адрианъ, Архиепископъ Московскиі и всеа Росиі и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патриархъ, пожалуй меня богомолца своего, вели, Государь, мнѣ после ея бояроли Настасьи Лвовны отдать постелю, потому что і у смерти ея отходную души ея я говорилъ, потому что хто учинится при послѣднемъ концѣ смерти отецъ духовной, тѣмъ отдается постеля; а какъ преставися бояринъ Ѳедоръ Петровичъ Салтыковъ і бояринъ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій і у нихъ прилучилися при смерти отцы духовные вновь і постели отданы имъ. Великі Господинъ смилуйся“.

На оборотѣ подпись: „Къ сей челобитной попъ Зиновей руку приложилъ“.

Здѣсь же сдѣлана слѣдующая помѣта: „206 году генваря въ 14 день Святѣйшиі Патриархъ челобитья сего въ Крестовой Полатѣ слушавъ, указалъ ему попу Зиновью, буде онъ при кончинѣ, какъ преставлялась боярыня княгиня Настасья Лвовна Воротынская, отцемъ духовнымъ учинился, а преж-

---

[1]) Въ самое послѣднее время вышла въ свѣтъ прекрасная работа проф. С. И. Смирнова: „Древне-русскій духовникъ. Изслѣдованіе съ приложеніемъ. Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины“. Того бытового явленія, о которомъ говоритъ челобитная попа Зиновія Иванова, въ книгѣ г. Смирнова не отмѣчено; между тѣмъ оно довольно любопытно и содержитъ въ себѣ такія черты, которыя могутъ быть предметомъ сужденій общаго характера.

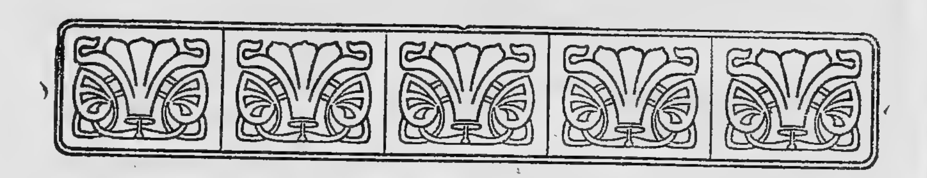
няго отца духовного в то число не случилось тое постелю отдать ему въ поминъ".

Но это патріаршее „указаніе" не дало желательныхъ для попа Зиновія Иванова результатовъ. Бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, которому было поручено Государемъ завѣдываніе оставшимся послѣ смерти княгини имуществомъ, отказалъ въ искательствѣ попа Зиновія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщалъ попу взамѣнъ постели выдать что-либо изъ платья княгини. Но и это обѣщаніе почему-то замедлялось исполненіемъ. Тогда попъ Зиновій рѣшилъ обратиться съ челобитной къ боярину Стрѣшневу, въ которой писалъ:

„Государю боярину Тихону Никитичю бьетъ челомъ богомолецъ твой церкви Преподобнаго отца Сергия Чюдотворца попъ Зиновей Ивановъ. Служилъ я богомолецъ твой у той церкви блаженные памяти при боярынѣ княгинѣ Настасьи Лвовнѣ Воротынской многия годы; и в тѣ годы она случилась мнѣ дочь духовная не по одно время, также и при кончинѣ еѣ я жъ богомолецъ твой исповѣдывалъ и причащалъ; а какъ она преставися и я богомолецъ твой билъ челомъ Великому Господину, чтобъ мнѣ приказалъ богомольцу твоему отдать тое постелю, на которой она блаженные памяти преставилась, потому, Государь, что я богомолецъ твой при животе и при кончинѣ еѣ случился я жъ отцемъ духовнымъ; и по тому моему челобитью Великиі Господинъ приказалъ то мое челобитье въ Крестовой пре(дъ) собою слушать, и, слушавъ, приказалъ на томъ моемъ челобитье помѣтить, что та постеля отдать мнѣ богомолцу твоему; и я богомолецъ твой в то время тебѣ Государю бил челомъ і ты Государь отъ той постели отказалъ и рекся пожаловать мнѣ богомольцу своему вмѣсто той постели ис платья, и мнѣ богомолцу твоему и по се число послѣ смерти дочери моей духовной блаженные памяти боярыни княгини Настасіи Лвовны Воротынской в вѣчное поминовение ничево не выдано. Умилостивися Государь бояринъ Тихонъ Никитичъ, пожалуй меня богомолца своего, прикажи Государь выдать в вѣченное поминовение дочери моей духовной блаженные памяти боярыни княгини Настасіи Лвовны Воротынской ис платья чемъ тебя Государя Господь Богъ по сердцу положитъ. Государь, смилуйся пожалуй".

Чѣмъ окончилось все это дѣло — изъ нашихъ документовъ не видно.

Н. Г. Высоцкій.



Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава IX[1]).

Скобелевъ и славянское дѣло.

Недавнее присоединеніе Босніи и Герцеговины, какъ и каждое посягательство Австріи на Балканы, возбуждали протестъ Ольги Алексѣевны. Въ 1882 г., когда она издала свою замѣчательную книгу „Скобелевъ и славянское дѣло"; въ 1888 году, когда она указала на предполагаемые виды Австріи на Салоники и наконецъ въ 1908 г., когда она первая, заявила въ „Таймсѣ" о незаконной аннексіи Босніи и Герцоговины; она была неутомимымъ, твердымъ и безстрашнымъ противникомъ австрійскихъ узурпацій. Соперниковъ въ этомъ у нея нѣтъ, ни мужчинъ, ни женщинъ. Она заявила кн. Горчакову о несправедливости къ южнымъ славянамъ въ 1878 г., черезъ тридцать лѣтъ она же напоминаетъ Извольскому о его долгѣ въ славянскомъ дѣлѣ.

Судьба какихъ-нибудь двухъ милліоновъ славянъ въ горныхъ мѣстностяхъ, на сѣверо-западѣ Оттоманской имперіи, вопросъ большой важности для славянъ. Судьба Гроба Господня волновала всю средневѣковую Европу изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ 1396 году, Боснійскій король первый поднялъ знамя единенія славянъ на религіозной почвѣ, взывая, во имя Славянскаго единенія, къ полякамъ поддержать его противъ враждебныхъ мадіаръ. Въ Босніи и Герцоговинѣ возникли первыя волненія въ 1875 г. результатомъ которыхъ было освобожденіе Болгаріи. Для славянъ это своего рода свя-

[1]) См. „Русская Старина", іюнь 1914 г.

тотатство видѣть колыбель славянской свободы въ австрійскихъ рукахъ.

Ольга Алексѣевна не только раздѣляетъ эти чувства, она ихъ выражаетъ, чѣмъ въ большой степени способствуетъ западному міру понять славянство и сочувствовать ему. Своей книгой „Скобелевъ и славянское дѣло", вышедшей въ 1882 г., она именно преслѣдовала эту задачу. У нея было много основаній написать эту книгу; она была другомъ генерала Скобелева, она была его политической союзницей. Она вполнѣ раздѣляла его симпатіи и антипатіи.

Мать Михаила Дмитріевича Скобелева приглашала г-жу Новикову ѣхать съ нею въ освобожденную Болгарію, гдѣ сынъ ея командовалъ оккупаціонной арміей, но болѣзнь ея мужа помѣшала Ольгѣ Алексѣевнѣ воспользоваться этимъ заманчивымъ предложеніемъ. Г-жа Скобелева была обречена на смерть въ этомъ путешествіи; она была убита черногорцемъ Узатисомъ, котораго генералъ Скобелевъ выбралъ ей въ провожатые изъ своего штаба, какъ вѣрнаго человѣка. Скобелевъ, чья слава была очень велика, прославился еще своими двумя рѣчами, произнесенными имъ въ послѣдній годъ его жизни; ими онъ парализовалъ корысть Австріи и на двадцать пять лѣтъ отдалилъ присоединеніе Босніи и Герцеговины. Онъ умеръ 39 лѣтъ; будь онъ живъ теперь, Австрія вѣроятно не рѣшилась бы поглотить эти двѣ провинціи [1]).

Книгу свою г-жа Новикова написала не для того только, чтобъ познакомить англичанъ съ жизнью народнаго героя, но также, чтобы уяснить имъ стремленія славянъ.

Это прелестное сочиненіе наполнено блестящими подвигами Скобелева. Бельгійскій ученый г. де-Лавеле былъ отъ него въ восторгѣ, онъ написалъ О. А.: „Я получилъ Вашего Скобелева и съ жадностью его читаю; кромѣ таланта, съ которымъ книга написана, я любуюсь энтузіазмомъ, которымъ дышитъ каждая страница. Она не похожа на наши западныя книги; здѣсь все старо и безплодно. Вы еще имѣете вѣру восемнадцатаго вѣка.

„А это потому, что у васъ есть будущее впереди, у насъ же что останется?—кромѣ надежды на реформы, слушать экономистовъ и наживать деньги. Біографія и личный характеръ

---

[1]) За нѣсколько недѣль до своей смерти М. Д. Скобелевъ привезъ Ольгѣ Алексѣевнѣ великолѣпный свой портретъ съ надписью: О. А. Новиковой отъ восторженнаго цѣнителя ея политической дѣятельности. Портретъ этотъ О. А. пожертвовала Румянцевскому музею, гдѣ онъ находится и теперь.

Скобелева составляютъ первую часть книги, вторая посвящена дѣлу славянъ. До сихъ поръ не было въ Англіи такого яснаго и популярнаго объясненія панславизма. Здѣсь трудно исчислить всѣ стремленія, симпатіи и антипатіи, которыя должны измѣнить карту восточной Европы, но слѣдуетъ упомянуть о томъ, что касается Босніи и Герцеговины.

По мнѣнію Биконсфильда, Берлинскій трактатъ усилилъ Оттоманскую Имперію прибавкой двухъ пунктовъ къ Санъ-Стефанскому договору. Болгарію раздѣлили на три части: свободная Болгарія, Восточная Румелія или полусвободная Болгарія и Македонія—возвращенная въ рабство. Второй пунктъ: согласіе Европы на занятіе Австріей Босніи и Герцеговины. Теперь эти два пункта уже уничтожены, а политика Россіи оправдывается.

Россія честнѣе всѣхъ государствъ соблюдала условія Берлинскаго трактата. Когда Болгарія завладѣла Восточной Румеліей, Россія менѣе другихъ государствъ это поддерживала. Занятіе Австріей Босніи и Герцеговины было допущено ею лишь для того, чтобъ освободить Болгарію и Сербію.

Лордъ Биконсфильдъ грозилъ войной Россіи, если туркамъ не будетъ разрѣшено ставить гарнизонъ на проливахъ. Онъ въ этомъ расчитывалъ на поддержку Австріи. Опасеніе войны съ двумя державами оправдывало въ глазахъ кн. Горчакова уступчивость русской политики въ Берлинѣ.

Турки, не увѣдомленные о русско-австрійскомъ соглашеніи, относительно ихъ двухъ сѣверо-западныхъ провинцій, сначала отказались подписать трактатъ; они на это согласились лишь тогда, когда Австрія сдѣлала имъ секретное заявленіе, что оккупація будетъ временная и что главенство въ Турціи остается неизмѣннымъ.

Въ 1879 г. былъ подтвержденъ этотъ договоръ между султаномъ и Австро-Венгріей, обезпечивающій главенство султана надъ занятыми провинціями.

Вотъ текстъ этого секретнаго соглашенія:

Sur le désir exprimé par les plenipotentiaires Ottomans, au nom de leur gouvernement, les plenipotentiaires Austro-Hongrois déclarent, au nom de S. M. Jmpérial et royal Apostolique que les droits de souveraineté de S. M. le Sultan sur les provinces de Bosni et de le Herzegovine ne subirent aucune atteinte par le fait de l'occupation, dont il est question dans l'artiele relatif aux dites provinces, du traité à signer aujourd' hui; que l'occupation sera considérée comme provisoire et qu' une entente pré-

alable sur les détails de l'occupation se fera immédiatement après la clôture du congrès entre les deux gouvernements.—Revue des deux mondes. Octobre.

Когда, 5-го іюля, обсуждалась статья 25-я, Бисмаркъ такъ опредѣлилъ роль Австро-Венгріи: Она уполномочена пополнить недостатки турецкаго управленія, осуществить великую задачу: „сохраненіе порядка и обезпеченіе будущности населенія".

Повторяю, полномочіе не передавало власть въ руки двуединой монархіи, которая продолжала принадлежать султану, договоры, заключенные Турціей, оставались въ силѣ, иностранцы были подвѣдомственны своимъ консульствамъ. Австрійскіе законы не касались ихъ.

Замѣчательно, что со времени занятія Австріей Босніи и Герцеговины, не разъ уже появлялась опасность войны по поводу этого занятія. Первая произошла послѣ двухъ рѣчей генерала Скобелева, въ Парижѣ и въ Петербургѣ, испугавшихъ всю Европу въ то время, но предотвратившихъ опасность, которая казалась неизбѣжной. Содержаніе парижской рѣчи г-жа Новикова приводитъ въ своей книгѣ; это было знаменательное, всенародное заявленіе, достойное глубокаго вниманія и въ настоящую минуту.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этой рѣчи:

„Европѣ грозитъ опасность великой войны, она неизбѣжна. Берлинскій трактатъ топчется въ грязь Австріей, Россіи нѣтъ причинъ быть довольной этимъ трактатомъ, для нея и для южныхъ славянъ это былъ плохой договоръ, по крайней мѣрѣ онъ спасаетъ ихъ отъ гнета иностранныхъ деспотовъ. Если онъ будетъ нарушенъ, будетъ война. Вы скажете, что эта война будетъ безумна, что это будетъ самоубійство, можетъ быть, но есть обстоятельства, когда самоубійство неизбѣжно. Въ войнѣ нѣтъ нужды. Миръ можетъ быть сохраненъ, если факты будутъ во-время признаны. Объ этихъ фактахъ я и хочу вамъ напомнить, такъ какъ дипломаты ихъ затемнили.

„Я не имѣю вражды противъ Германіи, но почему не удерживаетъ она Австрію отъ посягательствъ. Еслибъ Берлинъ сказалъ: „руки прочь", Вѣнѣ пришлось бы повиноваться. Славяне одного желаютъ, остаться славянами; они не хотятъ быть мадіаризованы, германизованы или подъ властью Іезуитовъ, говоритъ Скобелевъ.

„Австріи дано право занять и управлять двумя провинціями для установленія въ нихъ порядка, но она превышаетъ свои полномочія, усиливая рекрутскій наборъ и распространяя въ

народѣ іезуитское ученіе. Славяне были самостоятельнѣе даже подъ турецкимъ владычествомъ, чѣмъ подъ гнетомъ вѣнской бюрократіи. Почему не хочетъ Австрія дать имъ развиваться по-своему и жить своею жизнью, можетъ быть суровой и грубой, но эта жизнь должна служить основой ихъ общественнаго и политическаго развитія.

„Россія, единственная страна въ Европѣ, гдѣ достаточно идеализма, чтобъ воевать изъ-за чувства. Ея народъ не уклоняется отъ жертвъ за вѣру и братство. Остерегайтесь довести эти чувства до крайнихъ предѣловъ", заключилъ свою рѣчь Скобелевъ.

Въ то время какъ Скобелевъ говорилъ это въ Парижѣ, Ольга Алексѣевна, въ статьѣ своей „Кризисъ въ Сербіи", выражала совершенно тождественныя мысли. Оба они руководились общей ихъ любовью къ славянству; у обоихъ прозвучала нотка предостереженія, и Австрія приняла это во вниманіе. Она смутилась: гроза прошла.

Турція заявила, что усиленіе рекрутскаго набора есть извращеніе Берлинскаго трактата, незаконный захватъ власти Австріей, но,—говоритъ дальше Стедъ, это было только начало нарушеній; имѣется въ виду: присоединеніе Сербіи, занятіе Черногоріи, Болгарія должна была стать вассальной Габсбурговъ. Австрія распространяла свое вліяніе на Румынію и печать полна была сообщеніями отъ весьма освѣдомленныхъ корреспондентовъ о томъ, что готовится походъ на Салоники. Россія молчала, но когда храбрые герцеговинцы и босняки подняли оружіе противъ австрійскаго гнета, русскія сердца забились и Скобелевъ заговорилъ. Слова его, какъ разразившаяся бомба въ непріятельскій лагерь, разсѣяли заблужденіе, будто бы Россію раздражить нельзя.

„Я помню, писала Ольга Алексѣевна, какъ однажды, за нѣсколько недѣль до смерти, Скобелевъ сказалъ: Меня забавляло, что говорили за границей про мою рѣчь въ Петербургѣ: „Военный, а говоритъ о политикѣ; это чудовищно". Они забыли, что въ Россіи отношенія Государя къ своимъ подданнымъ совершенно иныя, чѣмъ въ ихъ конституціонныхъ странахъ. Между Царемъ и нами есть что-то отеческое. Почему намъ не сказать Ему, что мы думаемъ, отъ чего мы страдаемъ и что мы желаемъ.

Я думалъ, что мой долгъ былъ высказаться, и я это сдѣлалъ.

Его рѣчь принесла пользу, говоритъ г-жа Новикова, она очистила атмосферу.

Тѣнь русской сабли предостерегла готовящагося узурпатора.

Скобелевъ, уѣзжая въ Парижъ, былъ увѣренъ, что будетъ война, если Австрія будетъ настаивать на программѣ, объявленной ея печатью. Ей необходимо было напомнить о Берлинскомъ трактатѣ, а такъ какъ никто объ этомъ не подумалъ, Скобелевъ взялъ это на себя. Дѣйствіе было произведено; вотъ что по этому поводу говоритъ г-жа Новикова: „я часто видѣла Скобелева послѣ его возвращенія и всякій разъ онъ отрицалъ свою рѣчь въ Парижѣ; мои слова, сказанныя вскользь, не слѣдуетъ считать рѣчью, но вотъ что произвело впечатлѣніе: „Западъ ошибается на счетъ Россіи", сказалъ я. Онъ думаетъ, что мы такъ ослаблены войной, что все наше могущество уже изсякло. Это ошибка. Націю, состоящую изъ ста милліоновъ людей, способныхъ жертвовать собой за идею, не такъ легко стереть. Россія жива и если будутъ перейдены извѣстные предѣлы, она рѣшится воевать.

Гамбетта привѣтствовалъ слова Скобелева, „они принесли большую пользу", говорилъ онъ ему, „они наполнили сердца патріотическимъ пыломъ и даютъ надежду на франко-русскій союзъ. У Гамбетты одинъ врагъ—Германія, у Скобелева врагъ—Австрія, нападающая на Балканы.

Результаты оправдали слова Скобелева, а многихъ его рѣчь устрашила, между прочимъ Фруда; онъ писалъ г-жѣ Новиковой:

„Война, о которой говоритъ Скобелевъ, хуже преступленія, это было бы безуміе, преступленія могутъ прощаться—безуміе никогда".

„Вамъ дѣлать вызовъ всей Европѣ! это возбудило бы порицаніе всего безпристрастнаго міра и вы пострадаете. Ваши здѣшніе друзья, друзья въ вашемъ отечествѣ, должны будутъ признаться въ своей ошибкѣ. Что вы найдете у себя? я ничего хорошаго не предвижу отъ разсужденій Каткова, который не защищаетъ того, что самъ считаетъ справедливымъ".

Ольга Алексѣевна отвѣтила ему нѣсколько ѣдко; 30-го марта 1882 г. Фрудъ смиренно пишетъ:

„Удивленный, какъ и всѣ, выступленіемъ Скобелева, я хотѣлъ узнать, готовъ ли походъ славянъ противъ тевтоновъ? Въ такомъ случаѣ я бы зналъ, что дѣлать. Вы въ этой борьбѣ могли бы побѣдить, Австрія могла бы быть разбита, но ваши финансы оказались бы истощенными. Выжать изъ Вѣны пять милліардовъ вы бы не могли, даже изъ Вѣны и Берлина вмѣстѣ взятыхъ; а по моему глупому разсужденію ваша настоящая задача теперь заняться внутренними дѣлами; Россія, сильная въ мирное время, съ развитіемъ ея неисчерпаемыхъ богатствъ

сдѣлаетъ все, что захочетъ, своимъ молчаливымъ вліяніемъ, страхомъ и уваженіемъ, которые она внушаетъ.

Въ одномъ разговорѣ съ Скобелевымъ г-жа Новикова у него спросила: Такъ не было въ Вашей рѣчи нападенія на Германію?

„Конечно нѣтъ", отвѣтилъ онъ, я сказалъ, чтобы договоръ, заключенный въ Германіи и подписанный кн. Бисмаркомъ, былъ свято исполненъ; вотъ и все".

Славянская тактика состояла въ томъ, чтобъ изолировать Австрію: Россія подтверждала свою дружбу Германіи, подъ условіемъ, чтобъ Бисмаркъ не поддерживалъ Австрію въ ея нападеніяхъ на Балканахъ. Повидимому, это удалось, такъ какъ Австрія не двигалась 26 лѣтъ.

Въ своей статьѣ „Австрія и Россія", г-жа Новикова излагаетъ точку зрѣнія славянъ. Въ 1882 г. она писала, начавъ съ остроты кн. Горчакова „Австрія не нація, она даже не государство, она только правительство". Почему такъ глубоко ненавидятъ Австрію, спрашиваетъ она, всѣ славянскія страны, принадлежащія ей и не принадлежащія? и сама отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: да за ея ненависть, ея несправедливость, ея жестокость, за преслѣдованіе всѣхъ славянъ, не желающихъ быть ренегатами.

Прекратите это преслѣдованіе и ненависти не будетъ. Даже слабая попытка справедливости могла бы вызвать дружбу къ ней въ Россіи.

Ольга Алексѣевна продолжаетъ:

Чего мы требуемъ отъ Австріи? Мы только желаемъ, чтобы славяне могли жить своею жизнью, какъ славяне, и какъ православные. Когда графъ Таафе провозгласилъ, что Австрія должна признавать историческое право народностей, славяне стали надѣяться на лучшее будущее. Гегель сказалъ: Австрія не нація, это Имперія. Если это федеративная Имперія,—она можетъ существовать, но если она представляетъ власть меньшинства, она обречена на гибель.

Затѣмъ г-жа Новикова переходитъ къ жгучему вопросу о Босніи и Герцеговинѣ.

„Занятіе этихъ провинцій было пробнымъ камнемъ австрійской добросовѣстности. Въ 1877 г. были сдѣланы приготовленія къ занятію Босніи и Герцеговины въ то самое время, когда гр. Андраши торжественно заявлялъ, что правительство никогда не имѣло въ виду такого шага.

Австрія напустила на несчастныхъ славянъ подонки своихъ должностныхъ лицъ, еврейскую саранчу и своихъ іезуитскихъ

агентовъ; военные расходы въ 1882 г. въ занятыхъ провинціяхъ, достигли 3.000.000 фун.

Австрія заняла Боснію, продолжаетъ г-жа Новикова, чтобъ сокрушить славянство, и въ этомъ успѣла. 29 сентября 1882 г. корреспондентъ „Таймса“ пишетъ: турецкіе законы вошли въ поговорку, въ Европѣ, однако въ Босніи о нихъ теперь думаютъ почти съ сожалѣніемъ; этотъ чудный край отданъ на съѣденіе австрійскимъ чиновникамъ.

„Австрія не основала никакихъ учрежденій, увеличила рекрутскій наборъ, что стоило 3.000.000 фун., и австрійскіе чиновники управляютъ съ военной строгостью и съ чиновничьимъ безразсудствомъ“. Они бы стрѣляли въ насъ при первой возможности, говоритъ австрійскій офицеръ о боснякахъ, а почему? потому что не слушали благоразумнаго совѣта И. Бейста, а слушались Биконсфильда и стремились уничтожить всякую независимость въ славянскихъ провинціяхъ. Австрія, вникая въ ихъ мѣстные обычаи, старалось превратить славянъ въ нѣмцевъ, мадіаровъ или евреевъ.

Въ 1882 г. г-жа Новикова надѣялась, что Австрія поняла, или начинаетъ понимать, что антиславянская политика Тиссы измѣна.

„Въ прошломъ году, я рѣшилась написать въ англійской газетѣ пишетъ она то, что г-нъ Каллей говоритъ теперь. Будапестское правительство сдѣлало мнѣ честь запретить № газеты съ моей статьей; едва нѣсколько экземпляровъ достигли Сербіи.

Не русская, а австрійская газета „Narodni Listy“ обратилась къ нашему Государю, какъ къ естественному покровителю Славянъ, умоляя его принять участіе въ австрійскихъ славянахъ, какъ онъ это сдѣлалъ относительно балканскихъ.

Докторъ Ригеръ, вліятельный лидеръ богемскихъ панславистовъ, писалъ Московскому Славянскому Комитету въ 1878 г.:

„Какъ могъ не радоваться богемскій народъ успѣху русской арміи? Не сражаются ли русскіе люди за право, свободу и вѣру, за человѣколюбіе, за честь славянскаго племени, такъ долго угнетенныя въ христіанской Европѣ? Въ этой борьбѣ слава Россіи наша слава, гордость славянъ въ сознаніи, что кровь нашихъ братьевъ льется за нашихъ же братьевъ.

Мы радуемся тому, что могущественные славяне защищаютъ славянъ слабыхъ, этимъ они пріобрѣтаютъ право на любовь и благодарность всего славянства.

Англійскій вице-консулъ въ Сербіи пишетъ г-жѣ Новиковой слѣдующее:

„Не касаясь министерскаго кризиса и политическихъ интригъ, для меня совершенно ясно, что сербскій народъ благодаренъ Россіи за прошлое и надѣется на нее, какъ на старшую сестру въ будущемъ.

Въ 1888 г. Ольга Алексѣевна снова принялась за протестъ. 7-го февраля она помѣстила въ Палъ-Малъ газетѣ статью подъ названіемъ „Бѣдная Австрія“.

„Единственное опасеніе войны у насъ съ 1879 г.“, пишетъ она, „въ томъ случаѣ, если Австрія, поддерживаемая Германіей, нарушитъ Берлинскій трактатъ и пойдетъ на Салоники, такой шагъ непремѣнно поведетъ къ войнѣ. Россія не можетъ допустить, чтобъ Австрія стала тюремщикомъ для православныхъ народовъ, отъ Дуная до Эгейскаго моря. Если же Австрія вспомнитъ грозныя слова „руки прочь“,—нѣтъ никакой причины для войны. Ошибка Германіи въ томъ, что она допускаетъ Австрію дѣйствовать двулично на Балканскомъ полуостровѣ. Избраніе католическаго принца на болгарскій престолъ, постоянная вражда къ православной церкви, жадность къ захвату славянскихъ земель невольно вызываютъ возмездіе.

Чтобъ не нарушать миръ, Россія можетъ исполнить всѣ условія Берлинскаго договора, но нельзя требовать, чтобъ она его ухудшала и подвергала бы опасности интересы тѣхъ, которыхъ благоденствіе ей близко.

Въ мартѣ Ольга Алексѣевна написала еще статью „Слово предостереженія и ободренія“. Въ ней она яснѣе, чѣмъ когда-либо доказываетъ, что причина вражды къ Австріи—религіозный вопросъ; католицизмъ вездѣ враждебенъ къ православію.

Откровенность лучшее средство для поддержанія мира, продолжаетъ она.

„Всякій, кто колеблется употребить всѣ мѣры, чтобъ сохранить миръ, преступникъ. Молчать значитъ иногда потворствовать беззаконію и этимъ поощрять къ войнѣ. Многіе, даже друзья наши, не признаютъ, чтобы Австрія нашла иной способъ нарушить миръ Европы, какъ походъ на Салоники.

Намъ также больно видѣть австрійское распространеніе католичества въ славянскихъ странахъ, какъ и угрожающее движеніе ея войска за предѣлы Босніи и Герцеговины.

Когда, въ октябрѣ 1908 г., Австрія объявила о присоединеніи этихъ провинцій противно условіямъ трактата, Ольга Алексѣевна первая заговорила о томъ, что Австрія не права. Что въ протоколѣ Лондонскаго договора 1871 г. Австрія обязывалась, вмѣстѣ съ другими державами, въ слѣдующемъ:

„Существенный законъ для націй тотъ, что ни одно государство не можетъ освободиться отъ договорнаго обязательства, или измѣнить его условія иначе, какъ съ согласія договаривающихся державъ, посредствомъ новаго соглашенія.

Г-жа Новикова написала два письма въ „Таймсъ". Въ первомъ она говорила о безцеремонности отношеній къ присоединеннымъ славянамъ.

„Съ такой увѣренностью утверждаютъ, что австрійское правительство намѣрено воспользоваться настоящимъ положеніемъ, что я задаю себѣ вопросъ для обсужденія, если это дѣйствительно такъ, что правильно было бы предпринять при этихъ обстоятельствахъ.

Я отвѣчаю: положеніе Австріи въ Босніи и Герцеговинѣ ясно опредѣлено и ограничено Берлинскимъ трактатомъ. Если Австрія желаетъ измѣненій, она должна обратиться къ державамъ, подписавшимъ этотъ трактатъ, за согласіемъ.

Вопросъ долженъ поэтому предстать передъ ареопагомъ Европы, который, прежде чѣмъ рѣшить его, долженъ бы, по справедливости, выслушать жалобы жителей этихъ несчастныхъ провинцій на своихъ умиротворителей. Какія это жалобы? Европейскія правительства имѣютъ уже трогательное прошеніе, поданное босно-герцеговинскими представителями уполномоченнымъ Гаагской конференціи. Я позволю себѣ вкратцѣ изложить содержаніе этого прошенія.

„Оно было написано сербскими эмигрантами, бѣжавшими изъ Босніи и Герцеговины отъ австрійскихъ притѣснителей, и отъ имени сербскаго народа и адресовано Гаагской конференціи, какъ авторитетной представительницѣ мира и справедливости. Подписавшіе это историческое порицаніе австрійскихъ порядковъ въ Босніи и Герцеговинѣ заявляли, что владычество австрійское въ тысячу разъ нестерпимѣе турецкаго. Быть можетъ, это преувеличеніе, но нельзя отрицать, чтобы это не было доказательствомъ чрезмѣрнаго ожесточенія сербовъ при видѣ своей чудной страны уничтоженной тѣми, кому она поручена Берлинскимъ договоромъ для умиротворенія. Главный пунктъ, которому каждый православный долженъ сочувствовать, это утвержденіе, что австрійскія власти обращаются съ православными, составляющими большинство населенія, съ неслыханной несправедливостью. Они вмѣшиваются въ ихъ религіозные обряды, безпрестанно высказываютъ предпочтеніе католикамъ, которые, повидимому, болѣе сочувствуютъ начальству. Есть жалоба на то, что съ магометанами обращаются одинаково

несправедливо, такъ что магометане и православные братья по страданію отъ притѣсняющаго и несправедливаго правительства. Православные подъ постояннымъ надзоромъ полиціи, тогда какъ католики пользуются всѣми преимуществами іезуитскаго управленія.

Богатые мусульмане принуждены были бѣжать изъ страны, и на ихъ оставленныхъ помѣстьяхъ устроились нѣмецкія и еврейскія колоніи. Не обезпечена личная свобода. Управленіе ведется въ полномъ противорѣчіи съ понятіемъ о справедливости. Полиція дѣлаетъ домашніе обыски безъ судебнаго предупрежденія, во всякомъ часу дня и ночи и не преминетъ застрѣлить несчастнаго крестьянина, ежели тотъ сопротивляется позорному оскорбленію жены или дочери. Шпіонство возведено въ систему.

Устраиваются искусственные заговоры для того, чтобы избавиться отъ лица, ненавистнаго правительству. Туземцы не имѣютъ права переѣхать изъ одного округа въ другой безъ разрѣшенія полиціи. Въ городахъ объявлено осадное положеніе, и дурное обращеніе съ гражданами на улицѣ считается вещью обыкновенной. За всякую переписку съ Сербіей или съ Черногоріей назначено строжайшее наказаніе. Іезуиты и евреи шныряютъ по провинціямъ, и австрійское правительство не колеблясь прибѣгаетъ къ постыднымъ средствамъ, чтобъ разрушать нравственность несчастнаго населенія, порученпаго его заботамъ. Вся администрація Босніи и Герцеговины въ рукахъ не туземцевъ, а иностранцевъ. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ въ Босніи и Герцеговинѣ было 1.840 должностныхъ лицъ изъ нихъ 189 человѣкъ: немного больше 10 проц. православные сербы и 106 мусульманъ. Остальные 1.545 австрійцы. Эта саранча чиновниковъ такъ же безнравственна, какъ и бездѣятельна. Вотъ причина того горькаго недовольства населенія и застой во всемъ, по сравненію съ странами, освобожденными войной 1877 г. Петиція кончалась просьбой во имя справедливости избавить провинціи отъ австрійскаго владычества. Они просили о назначеніи европейской комиссіи, которая бы на мѣстѣ убѣдилась въ точности ихъ обвиненій и справедливость ихъ указаній должна бы вызвать немедленное прекращеніе австрійскихъ полномочій.

Мнѣ неудобно входить въ подробности этихъ обвиненій, но всѣмъ славянамъ и всѣмъ православнымъ давно извѣстно, что австрійское занятіе имѣло единственную цѣль—уничтоженіе православія и славянскаго духа въ этихъ провинціяхъ.

Корреспонденты различныхъ газетъ возражали на эти обвиненія, утверждая, что матеріальное благоденствіе занятыхъ провинцій увеличено, и на это Ольга Алексѣевна отвѣчала:

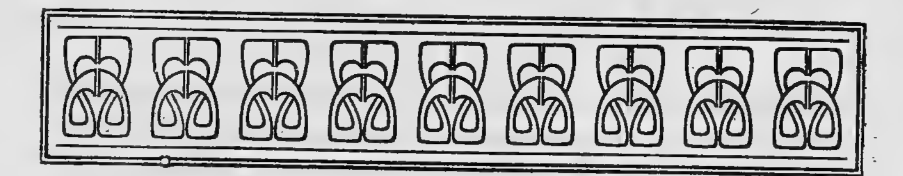
Таймсъ 7-го Октября 1908 г.

Нѣкоторые изъ Вашихъ корреспондентовъ англиканскаго, католическаго и еврейскаго вѣроисповѣданія, протестуютъ противъ объясненій боснійскихъ выходцевъ.

Они говорятъ, что австрійское управленіе увеличило матеріальное благосостояніе провинцій, а это все, что требуется. Но такъ ли это. Могутъ ли матеріальныя богатства замѣнить потерю вѣры, потерю души. Мы, православные, жалуемся на то, что за эти тридцать лѣтъ Австрія преслѣдовала православную церковь во всѣхъ ея догматахъ и обрядахъ. Она наполнила страну іезуитами и губитъ молодежь нравственно и физически. Тутъ повторяется система Меттерниха относительно сына Наполеона. Всѣ знаютъ, что это значитъ.

Меня больше всего заботитъ судьба населенія Босніи и Герцеговины. Неужели его сдадутъ Австріи, какъ стадо овецъ? Неужели эти люди, первые возбудившіе восточный вопросъ (своимъ возстаніемъ въ 1875 г.), не достойны вниманія Европейскаго ареопага. Не обратиться ли къ плебисциту. Но будетъ ли этотъ плебисцитъ добросовѣстенъ,—въ этомъ весь вопросъ. Мой голосъ вѣроятно гласъ вопіющаго въ пустынѣ, но и одинъ человѣкъ можетъ произнести одно вѣское слово. Въ данную минуту это слово: „Остерегайтесь“.

Е. С. М.



Блестящее дѣло, открывшее дорогу къ штурму Карса въ 1877 году.

Къ числу особенно блестящихъ и молодецкихъ дѣлъ, совершенныхъ нашими славными войсками, такъ сказать, накапунѣ окончательнаго покоренія Карса, несомнѣнно принадлежитъ взятіе укрѣпленія Хафизъ.

Взятіе это имѣло громадную важность и виновникомъ его былъ герой Карса, полковникъ Ѳаддеевъ, занимавшій 35 лѣтъ тому назадъ постъ командира 158-го пѣхотнаго Кутаисскаго полка. Онъ 35 лѣтъ назадъ, во время русско-турецкой войны, командовалъ славнымъ 158-мъ пѣхотнымъ Кутаисскимъ полкомъ, съ восемью ротами котораго сдѣлалъ чудо, увѣковѣчившее его имя на скрижаляхъ военной исторіи, вообще, и, въ частности, въ исторіи Кавказскихъ войнъ.

Герой взялъ укрѣпленіе Хафизъ и отбилъ самую отчаянную атаку турокъ, открывъ этимъ, какъ изволилъ выразиться тогда главнокомандующій арміею Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ въ приказѣ: „дорогу къ штурму Карса".

Укрѣпленіе Хафизъ расположено въ юго-восточной части Карса, представляя издали незамѣтную цѣль для противниковъ, хотя само могло хорошо обстрѣливать какъ впереди лежащую мѣстность, такъ и примыкающіе къ нему форты Карадагъ и Каплы. Укрѣпленіе это было устроено со всѣми принадлежностями новѣйшаго типа и имѣло весьма значительную, несомнѣнно стратегическую важность. Оно имѣло видъ сомкнутаго редута, внутри котораго находилась каменная оборонительная казарма, при чемъ въ фортификаціонномъ отношеніи оно не оставляло желать ничего лучшаго. И, вотъ, такое силь-

ное укрѣпленіе, защищаемое многочисленнымъ гарнизономъ, численностью чуть-ли не въ пять-шесть разъ больше, чѣмъ было нашихъ войскъ, не могло устоять противъ восьми ротъ лихихъ кутаисцевъ и ихъ талантливаго начальника полковника Ѳаддеева.

Какъ извѣстно, послѣ знаменитаго погрома арміи Мухтара-паши, русскія войска обложили Карсъ. Первый и второй батальоны Кутаисскаго полка, вмѣстѣ съ батареей 40-й артиллерійской бригады и сотней казаковъ, составивъ колонну, подъ начальствомъ полковника Ѳаддеева, расположились лагеремъ на горѣ Визинкевъ, отстоящей въ 14-ти верстахъ противъ сѣверо-восточной стороны Карса; третій же батальонъ кутаисцевъ вошелъ сначала въ составъ мацринскаго отряда, а потомъ былъ присоединенъ къ магараджикскому отряду. Лагерь визинкевской колонны тянулся по скату крутой, изрытой турецкими укрѣпленіями горы; на самой верхней точкѣ ея поставлены были два девятифунтовыхъ орудія. Военно-походная жизнь на Визинкевѣ, да притомъ еще въ такое время года, къ которому относится взятіе Хафиза, а затѣмъ и Карса, была полна разными лишеніями, созданными военными дѣйствіями. Главное же бѣдствіе заключалось въ недостаткѣ хотя-бы маломальски сносной воды; два мутныхъ, едва-едва сочившихся родника плохо утоляли жажду солдатъ, а для варки пищи имъ нужно было возить воду за 15 цѣлыхъ верстъ, откуда въ Визинкевъ былъ проведенъ турецкій водопроводъ, испорченный турками при бѣгствѣ ихъ 3 октября. Водопроводъ впослѣдствіи былъ возстановленъ, и тогда войска могли пить воды, сколько имъ было угодно, но этого было для нихъ мало. Они находились на высокой мѣстности, гдѣ леденящій холодъ, отсутствіе теплой обуви и одежды, тяжелая сторожевая служба, напряженное состояніе не давали имъ ни минуты покоя, а въ конецъ физически и нравственно изнуряли. Всѣ они съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали какой бы то ни было развязки.

Турки, видя, какимъ прочнымъ кольцомъ наши войска размѣщались вокругъ Карса, почувствовали, что Карсу грозитъ бѣда, хотя, въ свою очередь, въ ночь на 22 октября выстроили впереди Хафиза небольшую полевую батарею и начали наносить довольно ощутительный вредъ нашимъ дальнобойнымъ батареямъ. Турецкія батареи пробудили войска отъ ознобавшей их спячки, поднявъ между ними много животрепещущихъ надеждъ. И, вотъ, наступило утро 24 октября, когда густая мгла царила въ лагерѣ кутаисцевъ и порывистый вѣтеръ раз-

носилъ повсюду мокрые хлопья снѣга. Лагерь давно уже всталъ на ноги и солдатики успѣли закусить своей походной закуской — сухарями. Вдругъ раздалась команда: „Людей выводить“. Роты немедленно собрались и были построены въ батальонную колонну. Тутъ къ нимъ подъѣхалъ полковникъ Ѳаддеевъ и послѣ обычнаго привѣтствія произнесъ: „Ребята, покажемъ туркамъ, каковы есть кутаисцы... Безъ приказанія не стрѣлять, а доберемся до врага, не жалѣй штыка. Работай лихо... Съ Богомъ“... Эти простыя, но глубоко прочувствованныя слова, произнесенныя любимымъ начальникомъ въ такую патетическую минуту, проникли гальваническимъ токомъ въ глубину души каждаго офицера и солдата, и всѣми овладѣлъ какой-то неудержимый энтузіазмъ и желаніе скорѣй двинуться на врага и прогнать его. Когда же полковникъ Ѳаддеевъ скомандовалъ: „Ружья вольно. Шагомъ маршъ“... то у каждаго мелькнуло сознаніе, что насталъ конецъ тому томительному ожиданію, которымъ такъ тяготились солдаты.

Пройдя отъ лагеря верстъ восемь, кутаисцы расположились на позиціи. Туманъ сталъ понемногу рѣдѣть и выглянувшее изъ-за свинцовыхъ тучъ солнышко какъ-то оживило всѣхъ и подбодрило. Между тѣмъ, далеко влѣво отъ занятой кутаисцами позиціи разгорѣлся сильный бой, бѣлые дымки змѣились, составляя двѣ линіи—нашу и турецкую. Сердце у каждаго кутаисца болѣзненно сжималось и каждый думалъ: „Скорѣе бы послали выручать своихъ“. Но, вотъ, раздалась спасительная команда „въ ружье“, и кутаисцы двинулись по направленію къ параллельному фронту Карса. Пройдя версты три, артиллерія, лихо въѣхавъ на позицію, открыла, по приказанію Ѳаддеева, убійственно мѣткій огонь по дымящейся впереди турецкой батареѣ, а кутаисцы въ это время, войдя, такъ сказать, въ сферу непріятельскаго огня, перестроились изъ походной колонны по-ротно въ двѣ линіи, имѣя въ резервѣ три роты 1-го батальона, и зорко слѣдили за непріятелемъ. Въ это самое время къ полковнику Ѳаддееву подъѣхалъ ординарецъ отъ генерала Лазарева и передалъ ему приказаніе „обходить“.

Послѣ такого приказанія наша цѣпь, быстро наступая, открыла огонь и начала тѣснить непріятельскую цѣпь, а затѣмъ полковникъ Ѳаддеевъ отдалъ приказъ первой линіи ротныхъ колоннъ развернуться въ густую цѣпь, а второй—разомкнуть ряды и прибавить шагу. По мѣрѣ отступленія турокъ къ Хафизу, кутаисцы отходили все болѣе и болѣе вправо и, нако-

нецъ, благодаря волнистой мѣстности и довольно глубокой впадинѣ, скоро скрылись отъ Хафиза, но за то Карадагъ ни за что не хотѣлъ освободить кутаисцевъ отъ огня и только благодаря быстрому движенію и частой перемѣнѣ направленія турки не могли имѣть вѣрнаго прицѣла въ живыя мишени.

Начало смеркаться. Цѣпь взяла ружья вольно. Въ воздухѣ пахнуло удушливою гарью, на душѣ у каждаго было какъ-то мрачно и жутко. Вдругъ среди подавляющей тишины, изрѣдка нарушаемой выстрѣлами изъ орудій, до кутаисцевъ долетаетъ слабый отголосокъ могучаго „ура". Всѣ встрепенулись. Оказалось, что центръ нашихъ силъ бросился на батарею; турки не выдержали и, взявъ орудія на передки, быстро умчались въ Карсъ вмѣстѣ съ прикрывавшею батарею пѣхотою.

Выбивъ турецкую батарею съ позиціи, генералъ Лазаревъ вернулся въ лагерь и въ то же время приказалъ ординарцу вернуть отрядъ полковника Ѳаддеева, но сдѣлать этого не удалось, такъ какъ ординарецъ не могъ найти отряда.

Полковникъ Ѳаддеевъ давно уже обратилъ вниманіе на Хафизъ и поставилъ себѣ отважную цѣль—взять его во что бы то ни стало; но взять его при той горсти солдатъ, которая была въ колоннѣ полковника Ѳаддеева, казалось дѣломъ совершенно невозможнымъ. Однако, военный талантъ, храбрость и выносливость начальника и русскаго солдата не остановились и въ данномъ случаѣ передъ громадною опасностью. „Правое плечо впередъ",—раздалась громкая команда полковника Ѳаддеева, разомъ объясняя путь движенія. Пройдя нѣкоторое разстояніе, кутаисцы подошли къ лѣвому фасу Хафиза, гдѣ завѣдывающій стрѣлками доложилъ Ѳаддееву, что съ лѣвой стороны нѣтъ русскихъ войскъ, а впереди укрѣпленіе. „Тѣмъ больше будетъ чести, если мы возьмемъ укрѣпленіе",—отвѣтилъ Ѳаддеевъ. „Прикажите только цѣпи зайти правымъ плечомъ и молча броситься на укрѣпленіе, а я за вами буду итти слѣдомъ". Затѣмъ, указывая на чернѣвшее укрѣпленіе, полковникъ Ѳаддеевъ обратился къ солдатамъ: „Кутаисцы, слава ваша прикована къ этимъ орудіямъ. Прибавь шагу". Солдатики, сохраняя полное молчаніе, двинулись впередъ. Энергично и во-время сказанныя слова любимаго начальника влили въ солдатскую душу притокъ нравственно-физическихъ силъ. Куда дѣлись усталость и жажда. Каждый рвался поскорѣй кинуться на „ура". Когда кутаисцы заняли пространство между Хафизомъ и Карадагомъ, они наткнулись на площадь, усѣянную самодѣйствующими минами. „Вотъ ужъ воистину,—шутили солдаты,—мы

попали въ чертово пекло". Куда кто ни ступитъ, отовсюду раздавались взрывы, происходила страшная трескотня. Но адскій огонь, особенно страшный среди темной, холодной ночи, не устрашилъ кутаисцевъ; они быстро прошли поле, гдѣ смерть витала надъ головою каждаго, и затѣмъ, сомкнувшись тѣсными рядами, бросились на „ура", отъ котораго оврагъ затрепеталъ. Моментально отъ ружейныхъ и орудійныхъ выстрѣловъ весь брустверъ вспыхнулъ, какъ будто-бы освѣщенный бенгальскимъ огнемъ. Высота бруствера съ каменнымъ основаніемъ явилась трудно преодолимымъ препятствіемъ. И, вотъ, тутъ-то, въ такую ужасную минуту, рѣшилось: быть или не быть.

Солдатики подсаживали другъ друга, карабкались, отрывались и снова лѣзли. Полковникъ Ѳаддеевъ тоже силился влѣзть на брустверъ, но сначала все обрывался, затѣмъ, послѣ долгихъ усилій, ему, наконецъ, удалось вскочить на брустверъ. Видя своего командира на брустверѣ, солдаты напрягли свои силы и мигомъ очутились около начальника, послѣ чего кутаисцы рѣшительнымъ ударомъ въ штыки сломили защитниковъ Хафиза. Послѣ штыковъ завязалась рукопашная, въ которой русская сила и мощь тоже восторжествовали. Въ рукопашной битвѣ кутаисцы первымъ долгомъ уничтожили артиллерійскую прислугу. У нѣкоторыхъ орудій наводчики оказались прикованными, дабы отъ страха не могли бѣжать; одинъ изъ такихъ узниковъ, какъ только солдаты вошли на бастіонъ, сорвалъ цѣпь и бросился бѣжать, при чемъ наткнулся на Ѳаддеева и чуть было не сбилъ его съ ногъ, но два штыка и пуля кутаисцевъ уложили неразумнаго турка на мѣстѣ.

Уступивъ гребень бруствера, турки упорно держались внутри укрѣпленія. Минутъ съ десять шла рукопашная свалка, въ которой слышались „ура" да „Алла", стоны и стенанья. И, вотъ, среди этого ада, окутаннаго неприглядной темною ночью, солдатики слышатъ голосъ своего командира: „Лихо, кутаисцы, штыки, ребята, штыки!" Кутаисцы съ новою силою, какъ львы, ринулись на непріятеля, который не выдержалъ натиска и бѣжалъ въ страшной паникѣ; настигли его и тутъ кутаисцы и стали бить, что называется, на выборъ...

Потерпѣвъ полное пораженіе и потерявъ Хафизъ, оставшіяся въ укрѣпленіи турецкія войска побросали оружіе и сдались.

Одержавъ такую безпримѣрную и блестящую побѣду надъ Хафизомъ, полковникъ Ѳаддеевъ приказалъ приступить къ заклепкѣ отбитыхъ турецкихъ орудій, каковыхъ взято было

цѣлыхъ шестнадцать. Заклепавъ орудія и взявъ съ собою замки, а также и другіе трофеи,—кавалерійскій штандартъ, около 80 человѣкъ плѣнныхъ солдатъ и около десяти человѣкъ офицеровъ,—кутаисцы выступили изъ Хафиза въ свой лагерь. Когда они двинулись съ плѣнными турками, одинъ изъ плѣнныхъ турокъ наскочилъ на Ѳаддеева, но, благодаря подоспѣвшимъ солдатамъ, турка моментально оттолкнули и хотѣли было прикончить съ нимъ, и только приказаніе Ѳаддеева спасло его отъ смерти.

Послѣ блестящаго взятія Хафиза кутаисцы возвращались къ себѣ въ лагерь до того изнуренные отъ физической усталости и отъ сильной жажды, что еле-еле передвигали ноги и переходы могли дѣлать самые маленькіе, самые короткіе, — до того томила ихъ жажда. Какъ только они останавливались на привалъ, сейчасъ же ползкомъ отыскивали воду, и если кто-либо натыкался на какую-нибудь лужицу,—припадалъ къ ней и втягивалъ въ себя грязную дождевую влагу, похожую видомъ на кофейную гущу. Какъ ни труденъ былъ переходъ, но солдатики, не доходя до лагеря, подтянулись, выстроились по-ротно и грянули молодецкую пѣсню. При входѣ хафизскихъ героевъ въ лагерь ихъ встрѣтили музыкой, игравшей гимнъ „Боже, Царя храни". Общему ликованію и радости не было конца. Главный герой полковникъ Ѳаддеевъ получалъ отъ всѣхъ поздравленія и благодарности. Объ этомъ геройскомъ дѣлѣ было донесено немедленно Государю Императору, и Его Величество осчастливилъ кутаисцевъ слѣдующею телеграммой на имя Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Кавказской арміей:

„Кутаисцамъ мое особое спасибо за молодецкое дѣло. Ты можешь гордиться славными войсками, находящимися подъ твоей командой. Да будетъ благословеніе Божіе и впредь съ ними".

Молодецки открывши дорогу къ штурму Карса, полковникъ Ѳаддеевъ со своими кутаисцами не почилъ на лаврахъ; онъ послѣ малой передышки вновь участвуетъ въ жаркомъ бою при взятіи укрѣпленія Карадага, которое было взято имъ съ пятью ротами лихихъ кутаисцевъ.

Палъ Карадагъ, составляющій главное укрѣпленіе по системѣ обороны Карса; не выдержала натиска русскихъ войскъ и неприступная, первоклассная турецкая крѣпость Карсъ, въ штурмѣ которой полковникъ Ѳаддеевъ со своими славными кутаисцами принималъ самое горячее боевое участіе и надъ этою крѣпостью,

къ общему ликованію нашей арміи, развѣвался уже россійскій флагъ.

Полковникъ Ѳаддеевъ за молодецкіе боевые подвиги въ турецкую кампанію удостоился рѣдкой высокой награды: будучи въ чинѣ полковника, онъ получилъ за военныя отличія орденъ св. Георгія третьей степени, жалуемый только генеральскимъ чинамъ, а въ память знаменательнаго штурма карадагскихъ укрѣпленій, Карадагу нынѣ присвоено названіе „Фортъ Ѳаддеевъ".

Помнится, когда Семенъ Андреевичъ Ѳаддеевъ, при жизни, въ одной изъ бесѣдъ съ нимъ, разсказывалъ мнѣ о томъ, въ какое смущеніе привелъ его полученный орденъ св. Георгія. Прибывъ послѣ окончанія войны въ Петербургъ, онъ въ числѣ многихъ высшихъ военныхъ чиновъ представлялся въ Зимнемъ дворцѣ Императору Александру II. „Пріѣхавъ во дворецъ, меня", говорилъ Семенъ Андреевичъ, „въ числѣ другихъ внесли въ списокъ представлявшихся, которыхъ было очень много". Среди представлявшихся были Великіе Князья, генералы, которые, какъ бы, не замѣчали маленькой фигуры полковника Ѳаддеева.

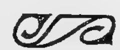
Но, вотъ, извѣстили о Высочайшемъ выходѣ Государя Императора въ залъ, гдѣ выстроились всѣ представлявшіеся. Выйдя изъ внутреннихъ покоевъ, Императоръ Александръ II, поздоровавшись съ Великими Князьями и высшими чинами, сталъ осматривать представлявшихся, какъ бы ища глазами кого-то, а затѣмъ съ ласковою улыбкою подошелъ къ полковнику С. А. Ѳаддееву, протянулъ ему руку, поблагодарилъ его за молодецкое дѣло при взятіи Хафиза, Карадага и Карса и милостиво сказалъ: „Ты у Меня одинъ въ арміи полковникъ съ генеральскимъ орденомъ св. Георгія, ты вполнѣ заслужилъ его". „Послѣ этихъ милостивыхъ словъ Императора, я сталъ центромъ общаго вниманія", говорилъ Семенъ Андреевичъ,— „ко мнѣ стали подходить Великіе Князья, высшіе чины и многіе изъ представлявшихся съ поздравленіями и разспросами о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Карсомъ... Вотъ это-то высокое вниманіе Его Величества Императора Александра II за полученный мною орденъ и смутило меня, хотя, какъ сейчасъ помню", говорилъ Семенъ Андреевичъ, — „смущеніе это было какое-то пріятное".

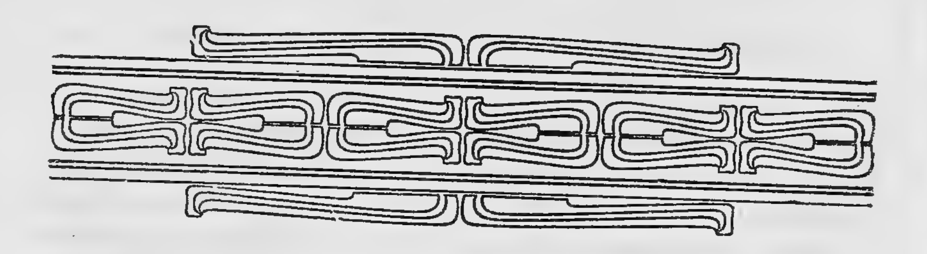
С. А. Ѳаддеевъ умеръ въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи 31 января 1909 года и похороненъ въ Тифлисѣ, въ оградѣ Александро-Невскаго военнаго собора. Онъ не дожилъ года съ

лишнимъ до Карскихъ торжествъ, бывшихъ въ ноябрѣ 1910 года по случаю освященія памятника на братскихъ могилахъ въ Карсѣ, подъ которымъ погребены герои, павшіе въ бояхъ при четырехъ штурмахъ Карса.

Вотъ уже 35 лѣтъ, какъ подъ сѣнью россійскаго двуглаваго орла протекаетъ въ Карсѣ и, вообще, во всей области мирная жизнь съ ея культурными начинаніями, развитіемъ гражданственности, насажденіемъ грамотности, оказаніемъ населенію медицинской помощи (путемъ открытія сельскихъ лѣчебницъ), устройствомъ новыхъ дорогъ, поднятіемъ всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства для улучшенія благосостоянія населенія, на что русскимъ правительствомъ за эти 35-ть лѣтъ положено много заботъ и труда, а изъ русской казны потрачено много денежныхъ средствъ.

М. Бѣлозерскій.





Люди и нравы за полвѣка [1]).

XXX.

Въ половинѣ іюля этого года на ночномъ поѣздѣ я укатилъ въ одинъ изъ губернскихъ городовъ, расположенныхъ на большой судоходной рѣкѣ. Поѣздъ пришелъ часа въ два пополуночи. Было прекрасное утро: солнышко только-что выглянуло изъ, за горизонта; на небѣ—ни одного облачка; утренній вѣтерокъ навѣвалъ легкую прохладу.

Я, по обыкновенію, не сомкнулъ глазъ во всю дорогу. Десять лѣтъ тому назадъ для меня были совершенно другія условія поѣздки въ Донецъ: я оставлялъ Москву восемнадцатилѣтнимъ юношей, зараженнымъ мыслью служить своему дѣлу и... только. Правда, проявлялась у совершенно неопытнаго юнца нѣкоторая боязнь законопатить себя въ какой-то мурьѣ послѣ матушки-Москвы-то; но съ этимъ я очень скоро примирился, такъ какъ мнѣ, что называется, съ первыхъ шаговъ самостоятельной жизни повезло. Теперь—другое дѣло. Теперь я былъ уже женатъ, имѣлъ извѣстныя обязательства, и такъ легко сжиться съ новыми условіями службы, какъ сжился въ Донцѣ, было для меня, конечно, несравненно труднѣе.

Но... что Богъ ни дѣлаетъ, все къ лучшему.

Поѣздъ подходитъ къ станціи. Звонокъ; свистокъ кондуктора, все, какъ слѣдуетъ.

Вышелъ изъ вагона, попросилъ носильщика помочь мнѣ вытащить всѣ вещи (ужъ по этому видно, что обзавелся женой: безъ носильщика не обойдемься!) и нанялъ извощика на пароходъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“, Февраль 1913 г.

Въ первый разъ въ жизни мнѣ предстояла поѣздка на пароходѣ и, очень понятно, что новый способъ передвиженія меня очень интересовалъ.

Когда я, обложившись всѣми своими вещами, пересчиталъ, тыкая пальцемъ въ каждую изъ нихъ (таковъ былъ приказъ Богомъ данной мнѣ подруги жизни), тронулся чрезъ городъ на пароходную пристань, то былъ чрезвычайно счастливъ тѣмъ, что на улицахъ соннаго губернскаго города не встрѣтилъ ни одной души. Я не считаю дворниковъ, которые подметали улицы, подымая тучи пыли.

Извощикъ, какъ на грѣхъ, попался совсѣмъ особенный. Это какой-то уличный музыкантъ, а не извощикъ; колеса скрипятъ, какія-то развинченныя гайки, у лошаденки селезенка шлепаетъ на всю улицу...

А когда мы выѣхали за городъ, то пошли такія колдобины, что я просто жизнь проклялъ: то на одну сторону валишься, то на другую; то чемоданъ поддерживаешь, то корзину, то картонку, а то и цѣлую постель. Просто рукъ не хватало!

Но, однако, всему бываетъ конецъ, пришелъ конецъ и моему страданью. Вдали блеснула шировая лента многоводной рѣки; какъ мертвая лежала бы она въ своемъ ложѣ, если бы мѣстами разыгравшіяся рыбки не выпрыгивали изъ нея и, падая стремглавъ, не нарушали ея величественнаго покоя.

Жизнь на рѣкѣ еще не просыпалась. Даже на длинномъ плашкоутѣ виднѣются только одинъ дежурный мостовщикъ, да два-три заядлыхъ рыболова снаряжали свои удочки и подпуски.

Вотъ пристань. Я думалъ, что, какъ сторожа на желѣзныхъ дорогахъ, накинутся на меня и на мою кладь „матросы“, но— на „Шипкѣ все было спокойно“... Пришлось съ извощикомъ раздѣлить наши труды по переноскѣ тяжестей.

Забрался я прямо во второй классъ и тутъ же около себя разложилъ вещи, точно какъ дома. Это не то, что на желѣзной дорогѣ; тамъ только и слышишь: „господинъ, уберите ваши вещи; тутъ мѣсто на троихъ“!

На пароходѣ дѣло другое: просторъ, свобода.

Само собой разумѣется, что, не будучи знакомъ съ пароходными порядками, я постарался размѣстить багажъ на сколько возможно уютнѣе; диванъ выбралъ себѣ около окна, разстелилъ одѣяло и подушку и сразу почувствовалъ себя гражданиномъ.

Пассажировъ пока было очень мало: времени не болѣе четырехъ часовъ; а пароходъ отчаливалъ отъ пристани только въ семь; понятно, что съ такого ранья забирались очень не-

многіе: или семейные пріѣзжали съ вечера, чтобы не тревожить дѣтей переѣздомъ въ ночное время, или же съ желѣзной дороги переправлялись прямо на пароходъ, чтобы не останавливаться въ гостиницѣ на два-три часа.

Спать уже не хотѣлось, чаю взять было негдѣ, такъ какъ буфетъ еще не работалъ, и я вышелъ на палубу.

Все та же тишь окружала меня; чистѣйшій рѣчной воздухъ, пропитанный ароматомъ заливныхъ луговъ низменнаго берега красавицы-рѣки, проникалъ въ легкія и сонъ бѣжалъ отъ моихъ глазъ.

Я вышелъ на палубу—ни одной бодрствующей души! Всѣ пассажиры третьяго класса спали врастяжку на полу и на рѣшетчатыхъ лавкахъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ; даже дежурный матросъ, прислонясь спиною къ пароходной трубѣ, никакъ не могъ побороть одолѣвавшей его дремоты, лѣниво поднимая при моемъ проходѣ тяжелыя вѣки и тотчасъ же смыкая ихъ опять.

Изрѣдка стали подъѣзжать пассажиры... Въ рубкѣ перваго класса какая-то безпутная компанія изъ трехъ мужчинъ играла въ карты; около нихъ сидѣла измученныя подневольнымъ бдѣніемъ въ теченіе цѣлой ночи дама, очевидно, страдалица-жена одного изъ партнеровъ.

— Надя! да ты бы шла, голубчикъ, спать... слышится ласковый мужской голосъ.

— Да... уйди... попробуй... опять кошеванье начнется... Не надоѣло еще... Лучше ты вотъ иди спать-то...

— Да вѣдь нельзя: намъ еще полпульки осталось играть...

Я совершенно понималъ этого любвеобильнаго супруга: играть еще полпульки... горла промочить нечѣмъ... а она тутъ торчитъ!..

Не ко времени, милая дамочка, право, не ко времени...

Достать холодную закуску, водку, вино, пиво—все можно въ буфетѣ (это вѣдь не на желѣзной дорогѣ, гдѣ изволь, высуня языкъ, бѣгать по звонку), а тутъ вотъ законный церберъ сидитъ и всему мѣшаетъ.

— Послушайте! обращается кто-то изъ партнеровъ къ пароходному лакею: принесите полдюжины Ермолаевскаго пива...

— И лучше не носите!.. яростно вопитъ энергичная супруга: все выкину въ рѣку... Мало вамъ еще той прорвы, что въ цѣлую ночь-то вылакали... Посмотрите-ка на себя, на что похожи?!

Это послѣднія будутъ... Ей-Богу послѣднія... Больше спрашивать не будемъ.—Разрѣшите, Надежда Ивановна...

— Ни... Ни... Ни... ни за что! взвизгнула Надежда Ивановна.

„Ну, доняли, однако, ее, бѣдняжку"! подумалъ я.

Отходя тихо отъ рубки, я мелькомъ заглянулъ въ ея окно: кромѣ ломбернаго стола былъ еще накрытъ столикъ, на которомъ мрачными свидѣтелями безпутно проведенной ночи валялись объѣдки хлѣбныхъ корокъ, толстая кожа отъ кусковъ осетрины, огрызки малосольныхъ огурцовъ, чайная посуда съ давно остывшею водой и двѣ пустыхъ бутылки изъ-подъ водки; вдали, на полу около стѣнки, выстроились въ рядъ съ дюжину опорожненныхъ пустыхъ бутылокъ изъ-подъ пива...

Тутъ хоть бы и не Надеждѣ Ивановнѣ, этому хрупкому созданію, впору завизжать!..

Стала просыпаться пароходная прислуга, изъ люка вылѣзали съ заспанными физіономіями матросы, степенно умывались они холодною рѣчною водой, вытирались подоломъ собственной рубахи, истово крестились на виднѣвшіеся издали храмы Божіи, и рабочій день выходилъ на свою трудовую дорогу.

Побойчѣе пошелъ и пассажиръ. Вотъ пріѣхалъ полицейскій чинъ и прошелъ прямо въ первый классъ. Должно быть богатый, подумалъ я.

— Это, что, исправникъ что-ли? спрашиваю матроса.

— Н... не... Какой такъ исправникъ... Нашъ становой...

— А... а... а..!

Прошелъ коридоромъ, по бокамъ котораго размѣщены семейныя каюты; осмотрѣлъ общій залъ перваго класса; наткнулся на маленькую каютку съ закопченною вывѣской „буфетъ".

Эта свобода передвиженія произвела на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

Публика понемножку все подъѣзжала, да подъѣзжала; съ берега ужъ неслись шумъ и ругань; матросы и золотородцы стали нагружать товаръ, намѣченный къ отправкѣ съ этимъ пароходомъ; появился помощникъ командира.

— А гдѣ берутъ билеты?

— А вы далеко?

— До В...

— О, это успѣете: дорогой возьмете...

Господи, какъ все просто-то!

А на желѣзной дорогѣ?

Первое дѣло—порядокъ.

Жандармъ во всякое время къ твоимъ услугамъ...

Сдачу провѣрять некогда...

Взялъ билетъ и скорѣй отходи. Не прохлаждайся, другимъ не мѣшай, потому просятъ честью, не затруднять гг. кассировъ сдачею, и не затрудняешь, а тамъ глядь—двухъ трехъ копѣекъ не досчитался...

Есть имъ когда возиться съ тобой!

Ариѳметикѣ-то учись раньше, во младости, а не около кассы. Тутъ тебя обучатъ практически...

Вотъ это Европа!

Вотъ это порядокъ!

Нѣтъ, какъ хотите, а вода—великое дѣло: она вольный духъ развиваетъ... Любовь къ свободѣ...

Стенька Разинъ гдѣ дѣйствовалъ?

На Волгѣ.

А откуда появился Емельянъ Ивановичъ Пугачевъ?

Съ Дону...

Гдѣ устроили грандіознѣйшую забастовку?

На почтѣ... На желѣзной дорогѣ...

Впрочемъ, это кажется дѣло было на сухомъ пути...

Спустился въ свой адъ машинистъ, гдѣ давно шла подготовительная работа его помощниковъ. Затопили пекло, слѣдовательно—скоро будетъ чай.

Пассажиры все прибываютъ. Наблюдая за ними, я замѣтилъ, что и они великолѣпно располагаются на пароходѣ, совершенно по-домашнему: одинъ, напримѣръ, снялъ съ себя длинные съ бураками сапоги, досталъ изъ чемодана туфли и надѣлъ ихъ; другой—крахмальную сорочку смѣнилъ на ситцевую, подпоясался ремешкомъ, взялъ полотенце и мыло и пошелъ умываться.

Все это мнѣ очень нравилось.

Появились лакеи.

— Эй, милый! Какъ дѣла на счетъ кипяточку? — спрашиваетъ пассажиръ.

— Можно-съ. Сколько приборовъ прикажете?

— Четыре чашки и стаканъ, заказалъ пассажиръ.

Лакей придвинулъ небольшой продолговатый столикъ, развернулъ два боковыя его крыла и получился столъ довольно помѣстительный; накрылъ его бѣлой скатертью и вскорѣ принесъ чайную посуду. Въ маленькій чайникъ пассажиръ насыпалъ собственнаго чаю, и лакей побѣжалъ его заваривать.

— Да ты только, смотри, сырой воды не давай: а то ребя-

тамъ опять придется животомъ маяться, какъ въ прошлый разъ.

— Помилуйте! что вы-съ... У насъ постоянно кипитъ...

— Знаемъ мы, какъ кипитъ-то...

— Скажите, пожалуйста, обращаюсь я къ сосѣду: здѣсь можно и свой чай имѣть?

— А то какъ же-съ иначе-то? Они вѣдь гладятъ по гривеннику за стаканъ, или сорокъ копѣечекъ полпорціи. Это въ одинъ день пропьешься...

— Экая досада, я не зналъ этого. Не захватилъ съ собою ни чаю, ни сахару.

— Времени еще много... Ступайте на берегъ да тамъ въ лавкѣ и купите... На пароходѣ чай, я вамъ скажу, первое дѣло... Какъ скучно, такъ пятакъ въ зубы за приборъ, воды сколько хочешь и наслаждайся...

Я внялъ голосу благоразумія и поднялся на берегъ. Здѣсь въ какой-то капельной лавченкѣ на курьихъ ножкахъ пріобрѣлъ полъ-осьмушки чаю за 13 коп., фунтъ сахару, два бѣлыхъ хлѣба и бутылку молока.

Вернулся на пароходъ и заказалъ себѣ тоже приборъ.

Въ это время вся семья моего сосѣда размѣстилась на диванахъ около стола. Семья довольно большая: онъ самъ, сама, два мальчика и дѣвочка въ возрастѣ отъ 7-ми до 12-ти лѣтъ, затѣмъ дѣвочка лѣтъ 4-хъ, а пятый ребенокъ съ роговымъ рожкомъ во рту откровенно валялся на своихъ не совсѣмъ чистыхъ пеленкахъ.

Какъ же это такъ, думаю я: не считая даже младенца въ пеленкахъ, ихъ все-таки шесть человѣкъ, а приборовъ только пять?

Но мамаша скоро разрѣшила мнѣ этотъ вопросъ: она напоила сперва младшую дѣвочку, а потомъ сама стала пить изъ этой же чашки. Анъ пятакъ въ карманѣ.

Принесли и мнѣ чай. Ужъ я пилъ его, пароходъ тронулся, а я все пью.

Дорвался за пятакъ-то, радъ, словно отъ роду чаю не видалъ. Да я бы и не скоро отсталъ отъ него, если бы не одолѣло меня любопытство подняться на верхъ, посмотрѣть на ходъ парохода, на работу машины, на берега рѣки, на публику.

Поднялся я на нижнюю палубу; народу масса: артель рабочихъ съ своими инструментами (пильщики), двѣ-три семьи татаръ болтали что-то на своемъ прыткомъ языкѣ; бойкіе чер-

ноглазые татарчата въ своихъ тюбетейкахъ шныряли туда и сюда; богомолки съ клюками и мѣшками растянулись тутъ же...

Выйдя изъ-подъ верхней палубы на открытое мѣсто, около рубки I класса, я тутъ засталъ уже другую публику: вотъ мамаша съ дочкой; у дочки въ рукахъ красивый зонтикъ, охраняющій отъ загара ея бѣлую кожу лица и шеи, надъ мамашей раскрытъ синій дождевой зонтъ огромнѣйшихъ размѣровъ; это скорѣй цѣлая палатка венгерскихъ цыганъ, а не зонтъ. Да зонтъ другихъ размѣровъ и не смогъ бы защитить эту огромнѣйшую даму отъ солнечныхъ лучей; и при такомъ-то зонтѣ она изнывала отъ жары, хотя это былъ всего восьмой часъ утра и навстрѣчу парохода подувалъ легкій вѣтерокъ.

— Маменька! пора бы ужъ и за чай приняться!

— И... и... Любочка! Будетъ тебѣ болты-то болтать... Въ экую жарынь и слышать-то про него тошно, а не то что пить. Хошь, такъ спроси приборъ да и пей съ Богомъ.

— Да! жарко ей, бѣдняжкѣ: даже ноги раздвинула на аршинъ другъ отъ друга.

— Страсть тутъ хорошо!.. Продуваетъ!.. И не уйдешь отсюда...

Удивительно для меня было одно явленіе: немного погулялъ я по палубѣ, немного подышалъ этимъ чуднымъ по чистотѣ и аромату воздухомъ, а ужъ что-то ѣсть захотѣлось...

Неужели это дѣйствіе рѣки?

Очень можетъ быть: не даромъ же въ послѣднее время, въ видахъ укрѣпленія организма, особенно дѣтскаго, стали устраиваться морскія экскурсіи, кромѣ чистоты воздуха, путешественникъ пользуется прекраснымъ сномъ и аппетитомъ, а это, если не все, то очень многое для разбитой нервной системы городского жителя.

Да, трехъ-четырехнедѣльное путешествіе на пароходѣ, даже на рѣчномъ, можетъ, мнѣ думается, несравненно больше принести пользы, нежели каторжная жизнь на дачѣ, а особенно для такъ называемыхъ дачныхъ мужей, сплошь и рядомъ обращающихся въ какихъ-то вьючныхъ животныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что-то позываетъ къ буфету...

Пошелъ. Маленькая каютка сплошь увѣшана чайной и другой посудой—въ предупрежденіе боя ея, если не отъ качки, которая не можетъ быть опасна на этой спокойной рѣкѣ, то отъ мелей, встрѣчающихся здѣсь въ это время очень часто.

Посмотрѣлъ на часы — безъ четверти десять; ни то, ни се,

а ѣсть хочется. Обѣдать рано, а если завтракать, такъ этакъ, пожалуй, и прозавтракаешься... Начетисто будетъ.

Но когда я вошелъ въ общую каюту второго класса, то увидалъ, что этимъ дѣломъ всѣ занимаются, стало быть не на меня одного ѣдунъ напалъ.

Впрочемъ, тутъ много помогаетъ не одинъ воздухъ; многіе ѣдятъ просто отъ нечего дѣлать.

Спросилъ карточку. Она интересна: на первомъ мѣстѣ красуется рыба и дичь—осетрина, стерлядь, рябчикъ, тетеревъ и т. д. Одно только неизвѣстное мнѣ блюдо поразило меня въ прейсъ-курантѣ „за пробку—50 коп“!

Оказывается, что вино и водку вы можете пить свои, но откупоривать ихъ дозволяется только штопоромъ пароходнаго лакея, за что вы и платите буфетчику косвеннаго налога по полтинничку съ бутылки.

Но русскаго человѣка этимъ не проймешь: много, много разъ я замѣчалъ, какъ подъ покровомъ громаднаго сакъ-вояжа наливалась изъ цѣлой бутылки рюмочка, опрокидывалась въ ротъ, и такимъ упрощеннымъ образомъ обходился законъ о пошлинахъ.

Но вотъ и первая пристань.

XXXI.

Раздались обычные свистки; на палубѣ бѣготня, суматоха...

— Что такое за свистки? спрашиваю у лакея.

— Подходимъ къ пристани.

— А!.. Интересно посмотрѣть.

Поднялся на верхнюю палубу и ужъ совсѣмъ иная обстановка, иная жизнь представилась моимъ глазамъ — жизнь рабочая, изъ-за копейки.

Высокая и крутая гора была усѣяна народомъ, преимущественно бабами и ребятами, сбѣжавшимися поглазѣть на пароходъ, на прибывшихъ пассажировъ. Однѣ изъ любопытства скатились внизъ подъ гору, поближе къ пароходу; другія — нажить деньгу, заняться коммерческими оборотами. У пятишести бабъ въ рукахъ лукошки съ вареными и печеными яицами; а нѣкоторыя догадались изжарить въ постномъ маслѣ пойманную мужемъ-рыбакомъ небольшую рыбешку и предлагали ее потребителю; у третьихъ на самодѣльныхъ лоткахъ—пироги и хлѣбы; четвертыя притащили ягоды, незрѣлую падаль—яблоки, и т. д.

Крестьянки въ пестрыхъ паневахъ, бѣлыхъ холщевыхъ съ ластовицами рубахахъ домашняго издѣлія; изъ-подъ паневъ виднѣются крѣпкія, мускулистыя рабочія ноги, покрытыя густымъ налетомъ загара, наслоившимся постепенно въ теченіе цѣлаго лѣта.

Громкій говоръ толпы носится надъ рѣкою, но пароходъ отчалитъ, и все вновь погрузится въ могильную тишину деревенской жизни. Только лѣтомъ и то два раза въ сутки живетъ такою жизнью береговая деревня.

Но вотъ и другой видъ деревенскаго заработка: молодыя, здоровыя, на стальныхъ ногахъ женщины и дѣвушки, попарно, таскаютъ съ берега на пароходъ дрова. Эта работа непродолжительная, но тяжелая; тащутъ двѣ бабы на носилкахъ такую пропащину дровъ, какую двое мужчинъ порознь никогда не въ состояніи унести. На тяжесть труда вамъ указываютъ тѣ крайне напряженныя вены, которыя обрисовываются на коричневыхъ ногахъ труженицъ.

Но онѣ этого не замѣчаютъ; онѣ только посмѣиваются на откровенныя любезности ловеласовъ всѣхъ возрастовъ и званій. Въ эту мѣстность, далекую отъ столичной жизни, далекую отъ фабричныхъ и заводскихъ центровъ, еще не успѣли проникнуть прелести „прогресса“, которыми красна жизнь нашего времени; не было еще тогда ни башмачковъ на высокихъ каблукахъ съ подковками, ни лифовъ въ обтяжку, ни полинялыхъ зонтиковъ, охраняющихъ физіономіи отъ загара, ни двухъ дырочекъ на томъ мѣстѣ лица, гдѣ по положенію долженъ бы сидѣть носъ. Однимъ словомъ, деревня еще не торопилась стать на путь такого прогресса, и врачамъ не такъ много приходилось возиться съ шалостями игривой бабенки—богини Венеры.

Дрова натасканы, кладь размѣщена, пассажиры всѣ на мѣстахъ; даютъ свистокъ, за нимъ — другой; убираются сходни; слышится команда капитана, и пароходъ тихонько отходитъ отъ пристани.

Что-то ѣсть хочется... Спросилъ полпорціи ветчины, съ большимъ аппетитомъ съѣлъ ее и улегся на свое мѣсто; растянулся во весь ростъ, а что-бы было поспокойнѣе даже снялъ штиблеты; очень хорошо! Развернулъ захваченную съ собой книгу, началъ было читать... да скоренько что-то буквы стали прыгать въ глазахъ... Какая-то тяжесть легла на вѣки, и я не замѣтилъ, какъ заснулъ...

Когда же проснулся, большинство пассажировъ уже пило вечерній чай. Взглянулъ на часы — пять. Что же теперь дѣ-

лать? Давай по-барски обѣдать. Заказалъ себѣ два блюда. Подали кушанье, превосходно приготовленное. Очевидно, буфетчикъ-татаринъ добросовѣстно относился къ своему дѣлу и бралъ недорого, что-то шесть-семь гривенъ.

Солнце уже подошло къ горизонту, когда я вышелъ посидѣть на палубѣ. Все тотъ же чистый, цѣлебный воздухъ питалъ мои легкія. Тишина на рѣкѣ и на берегахъ поразительная...

Въ десять часовъ спустился къ себѣ внизъ, отворилъ маленькое окошечко и улегся.

Ночью все было бы хорошо, если бы чей-то монотонный голосъ не разбудилъ меня. Прислушиваюсь и понять не могу этихъ выкрикиваній: „Подъ табакъ!.. Подъ табакъ! Пять!.. Четыре!.. Три съ половиной!.. Три!..“ Пароходъ еле-еле двигался. Затѣмъ опять пошло „подъ табакъ“...

Это, какъ я узналъ потомъ, былъ промѣръ рѣки, что особенно необходимо дѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобы не очутиться на мели.

А несчастіе—сѣсть на мель—грозило всѣмъ большими непріятностями: и владѣльцу парохода, изъ кармана котораго приходилось бы платить цѣлой деревнѣ за помощь, оказанную при съемкѣ парохода съ мели; и командиру съ матросами предстояло бы удовольствіе много поработать тутъ, а пассажирамъ простоять на мѣстѣ три, четыре, а иногда и двѣнадцать часовъ. Разумѣется, для всѣхъ тутъ былъ убытокъ, и потому такъ называемые перекаты пароходы ночью проходили тихо и съ большими предосторожностями.

Но несмотря на всѣ выкрикиванья, на палубную возню и движеніе во время остановокъ, я скоро къ этому привыкъ и опять заснулъ богатырскимъ сномъ, какъ и всѣ пассажиры общей каюты.

Проснулся и вижу—пять часовъ утра. По росписанію я долженъ прибыть на мѣсто не позже семи, слѣдовательно, скоро покажется и городъ, гдѣ мнѣ придется жить. Я умылся, неторопясь собралъ и связалъ весь багажъ и вышелъ на палубу.

Недавно появившееся солнышко ярко освѣщало клочекъ вселенной. Мнѣ бросилось въ глаза громадное пространство, занятое непроходимымъ сосновымъ боромъ, спокойно росшимъ въ теченіе многихъ лѣтъ подъ охраною нашихъ прадѣдовъ, дѣдовъ и отцовъ; посторонняя рука еще не коснулась этого богатства; Колупаевы и Разуваевы не добрались до него, а

только еще протягивали крючковатыя лапы хищника плели, и мѣстами уже и набрасывали мертвую петлю...

Да: небо, вода, сосна и песокъ—вотъ что было нарисовано Создателемъ на картинѣ, представившейся моимъ глазамъ.

Вижу, не я одинъ, а многіе пассажиры стали появляться на палубѣ; это указывало на близость цѣли моего путешествія.

— Скажите, пожалуйста, скоро В.? обратился я съ вопросомъ къ пассажиру, тоже собиравшему свои пожитки.

Онъ взглянулъ въ окошко и отвѣтилъ:

— Да вотъ... Косауръ проѣхали... черезъ полчаса подойдемъ къ пристани.

Благодаря высокому берегу, сильно изломавшему прямую линію рѣки, города не было видно; но когда пароходъ прошелъ этотъ выступъ, то на лѣвомъ берегу забѣлѣлъ рядъ прибережныхъ домиковъ.

Передъ городомъ потянулась сосновая роща; изъ-за высокихъ стволовъ сосенъ проглядывали двѣ заводскія трубы—это канатная фабрика; далѣе шла уже улица, начинался рядъ домовъ, небольшихъ, большею частью деревянныхъ, не отличавшихся особой замысловатостью архитектуры, но новенькихъ, чистенькихъ, повидимому, недавно покрашенныхъ; надъ ними, вдали, высились главы церквей, виднѣлась пожарная каланча—все какъ быть слѣдуетъ.

Широко раскинувшись по берегу рѣки, городокъ своими постройками, окутанными уже блекшею зеленью, въ общемъ производилъ очень хорошее впечатлѣніе. Сойдя съ пристани, я нанялъ извозчика, взвалилъ на экипажъ всю поклажу и велѣлъ везти въ гостиницу.

Извозчики тамъ не такіе, какъ вездѣ: ни у одного изъ нихъ вы не найдете рессорной пролетки, всѣ ѣздятъ на долгушахъ, въ родѣ коротенькихъ линеекъ, на рейкахъ — (дрожинахъ). Я не зналъ, чѣмъ объяснить это обстоятельство: дешевизною, прочностью, или же требованіемъ мѣстной почвы — сыпучихъ песковъ.

Поворотъ влѣво открылъ подъемъ на улицу, представлявшую изъ себя довольно крутую гору, такъ что лошадь пошла шагомъ, еле-еле таща кромѣ долгуши какіе-нибудь 10—12 пудовъ.

Взобрались на гору и вступили на базарную площадь, посреди которой высился большой соборный храмъ, который съ двухъ сторонъ былъ охваченъ каменными рядами съ магазинами и лавками.

Городъ только-что начиналъ жить, лавки попроще готовились къ пріему покупателя, а такъ называемые магазины еще не отпирались. Съ площади мы вступили въ большую, прямую, какъ стрѣла, главную улицу, въ началѣ которой были номера Молодякова, гдѣ я долженъ былъ найти первый для себя пріютъ въ городѣ В.

Я занялъ небольшой номерокъ и велѣлъ дать мнѣ умыться; привелъ себя въ приличный видъ и въ 9 часовъ направился въ прогимназію, гдѣ жилъ инспекторъ.

Хотя глава эта и коротенькая, но я думаю ее закончить. Все дальнѣйшее я посвящу, главнымъ образомъ, средней школѣ, съ которой въ слишкомъ тридцатилѣтній періодъ успѣлъ познакомиться довольно коротко. Не пройду мимо и тѣхъ дѣятелей, съ которыми такъ ли, сякъ ли мнѣ приходилось имѣть дѣло.

XXXII.

Уѣхалъ я изъ одного уѣзднаго г. К. въ другой, В., сосѣдней губерніи. Увлекшись своими личными дѣлами и дѣлишками, я съ непростительнымъ невниманіемъ прошелъ мимо такого важнаго момента исторіи, какъ возстаніе славянъ на Балканахъ въ 1876 году, и жизни русскаго общества того времени. Вызванный этимъ возстаніемъ небывалый подъемъ духа сознательнаго русскаго гражданина вынуждаетъ меня вернуться назадъ. Да проститъ мнѣ читатель и хронологія сіе преступленіе, но я не могу оставить этого въ сторонѣ. Моментъ— черезчуръ захватывающій русскаго человѣка, пережившаго его...

На востокѣ показалось страшное зарево пожара.

Возстаніе славянъ Балканскаго полуострова, война сербовъ, болгаръ и черногорцевъ съ Турціей, этихъ мелкотравчатыхъ милостивыхъ государей съ великой державой, цѣликомъ захватила въ свои лапы все русское общество. Да вы не думайте, что это фраза. Это вытекало изъ каждаго движенія, каждой мины лица, каждаго полуаршина холстины, пожертвованной голодающей крестьянкой въ пользу Краснаго Креста. Казалось,— (да не казалось) не было ни одного города, ни одного села, которые бы не откликнулись чѣмъ-либо на призывъ страдальцевъ-братьевъ. Газеты были переполнены телеграммами и статьями и о звѣрствахъ турецкихъ баши-бузуковъ, и о тѣхъ страданіяхъ, которыя переносили отъ нихъ славяне.

Иллюстрированные журналы того времени рисовали такія

за сердце хватающія картины, что не было возможности хладнокровно относиться къ этимъ описаніямъ.

Слишкомъ глубоко залегали эти картины въ душѣ сознательнаго русскаго человѣка.

Появился на міровой сценѣ генералъ Черняевъ. Одни его считаютъ неудавшимся карьеристомъ; другіе—человѣкомъ, которому больше терять нечего; это ихъ дѣло. Но мы, милліоны маленькихъ людей, считали его человѣкомъ, отмѣченнымъ божественнымъ перстомъ.

Съ Черняевымъ одновременно является полковникъ Кирѣевъ и многіе другіе, которые предложили свои услуги Сербіи.

Славянскій Комитетъ формировалъ отряды русскихъ добровольцевъ и отправлялъ ихъ на театръ войны. Многіе изъ нихъ были отбросы русскаго общества; такіе отбросы, которые не въ состояніи были удержать имени русскаго на извѣстной высотѣ; но еще болѣе было такихъ, которые ставили на карту собственную жизнь за славянское дѣло. Душу свою отдавали за други своя.

Отправка добровольцевъ всегда сопровождалась такими оваціями съ громами, молніями и пушечными выстрѣлами, обѣдами и зажигательными крайне откровенными рѣчами и тостами, что въ сочувствіи самого правительства не оставалось мѣста для сомнѣній.

Народное движеніе не только увлекло за собою правящія сферы, но захватило и Царя-Освободителя...

Повсюду устраивались гулянья, концерты и спектакли въ пользу славянъ, и трудовая народная копейка рѣкою лилась на помощь страдающимъ братьямъ.

Да вѣдь это былъ не опереточный фарсъ, а сама жизнь!..

Замѣтно было и передвиженіе войскъ.

Нашъ маленькій кружокъ учителей уѣзднаго и приходскихъ училищъ, къ которому примыкали и офицеры квартировавшей тутъ конно-артиллерійской бригады, и другія лица интеллигентныхъ профессій, не могъ не примкнуть къ общему движенію и проявилъ необычайную дѣятельность, рискуя многими трудовыми копейками, добытыми собственнымъ горбомъ.

Нужно сказать, что этотъ небольшой кружокъ часто ставилъ любительскіе спектакли; и такъ хорошо сыгрался и сплотился, что, пользуясь лѣтнимъ временемъ, задумалъ дать три гулянья въ пользу славянъ, съ глубокой вѣрой въ благопріятные результаты своего предпріятія.

Въ городѣ былъ вѣковой садъ съ превосходными густыми аллеями—свидѣтелями широкой, безпечальной барской жизни крѣпостного времени. Но... теперь, увы!

Большинство бесѣдокъ обратились въ руины, „густолиственныхъ кленовъ аллеи" были запущены и заросли травой; деревья аллей срослись, спутались и служили удобнымъ убѣжищемъ для семейныхъ удовольствій галокъ и воронъ; нѣсколько гипсовыхъ статуй стояли съ отбитыми носами, съ проломленными головами, съ выдернутыми руками, покрытыя пылью, обратившеюся въ грязь...

Окружавшій владѣнія каменный заборъ, у котораго давнымъ давно облупилась штукатурка, поросъ чуть ли не деревьями.

Безпощадное время наложило на все свою всеразрушающую руку...

Прошло всего какихъ-нибудь шестнадцать, семнадцать лѣтъ со дня эмансипаціи крестьянъ и...—такая разруха!..

Со стороны смотрѣть—и то тяжело!

Оставимъ думы въ сторонѣ и пойдемъ далѣе.

Нашъ кружокъ задумалъ воспользоваться этимъ прелестнымъ мѣстечкомъ, этой „забытой усадьбой", для предположенныхъ гуляній. Нашелъ ходы къ владѣльцамъ сада и встрѣтилъ полное сочувствіе съ ихъ стороны къ нашимъ затѣямъ. Съ каждымъ совѣтомъ нашихъ главарей затѣи эти все ширились и ширились. Мы уже не довольствовались спектаклями, да музыкой, да танцами; нѣтъ, мы привлекли къ этому дѣлу заводскихъ инженеровъ, которые устроили намъ электрическое солнце!

Электрическое солнце въ семидесятыхъ годахъ, въ уѣздномъ городѣ, когда сама старушка-Москва освѣщалась еще газовыми рожками, да и то не вездѣ...

И вдругъ, въ нашей-то захолустной Мурьѣ—электрическое солнце!!.

Конечно, при нашихъ широкихъ затѣяхъ мы не могли ограничиться однимъ гуляньемъ. Доходъ съ него, имѣя въ виду очень скромную плату, назначенную за входъ въ садъ, едва-ли бы покрылъ наши расходы, а потому мы рѣшили дать три гулянья.

На громадномъ лугу поставили обширную эстраду, устроили сцену, на которой поставлены были спектакли, состоявшіе изъ небольшихъ веселенькихъ комедій и водевилей.

Публика (за особую плату) занимала партеръ подъ открытымъ небомъ, а остальная гуляющая бѣднота пользовалась спектаклемъ за кровный пятачекъ стоя. Всѣ недоступныя свѣту

солнца Божія аллеи сада освѣщались разноцвѣтными бумажными фонариками и были довольно эффектны.

Каково было большинство публики, можете судить по тому, что послѣ каждаго гулянья одну подсолнечную шелуху приходилось вывозить возами!..

Особенно запечатлѣлось въ моей памяти послѣднее гулянье.

Какъ разъ въ это время чрезъ нашъ городъ проходилъ казацкій полкъ, которому была назначена здѣсь трехдневная стоянка.

Это было то время, когда пѣхота не затруднялась ходить, артиллерія таскать ядра, кавалерія, а особенно казаки, скакали когда угодно, куда угодно, за чѣмъ угодно и какъ угодно...

Они еще не были сознательными гражданами, понятія не имѣли о забастовкахъ, но умѣли дѣлать свое дѣло. Это ихъ неотъемлемая доблесть и достоинство, до котораго въ настоящее время надо дорости...

Курицу казакъ украдетъ, бывало; это вѣрно, но за то и дѣло сдѣлаетъ чисто...

Милѣйшій полковой командиръ и гг. офицеры не только что прибыли чуть ли не всѣмъ составомъ къ намъ на гулянье, но и прислали свой хоръ трубачей, своихъ казацкихъ пѣсельниковъ и плясуновъ. Это было самое веселое гулянье, которое принесло и самый большой доходъ.

Весь этотъ день хмурилось небо. Бродили подозрительныя тучи. Все говорило за то, что гулянье легко можетъ не удасться и поглотить остатки и отъ предыдущихъ двухъ гуляній... Ребромъ ставился вопросъ быть, или не быть?

Но, въ надеждѣ на казацкихъ офицеровъ, большинство рѣшило—быть гулянью.

Во время самаго спектакля хлынулъ проливной косой дождь. Хляби небесныя разверзлись, и море воды опрокинулось на бѣдную землю.

Я игралъ какую-то роль въ піесѣ, когда водяныя веревки съ неба хлестали меня прямо по лицу и заставляли оборачиваться къ публикѣ задомъ и такъ вести сцены чуть ли не въ теченіе 10—15 минутъ.

Я хохоталъ, какъ сумашедшій, а публика...

Да вы, можетъ, думаете, что она вся разбѣжалась?

Ничуть не бывало: открыла зонтики и, не трогаясь съ мѣста, хохота во все горло.

Я отъ роду никогда не испытывалъ такого веселаго настроенія и не видалъ ничего подобнаго!..

Разразившійся ливень только напугалъ насъ, но ничего не испортилъ; напротивъ, онъ приподнялъ настроеніе.

Хорошо убитыя еще крѣпостнымъ трудомъ дорожки сада, подъ непроницаемымъ покровомъ сросшихся деревьевъ, были почти сухи и не мѣшали гулять; иногда только шаловливый вѣтерокъ покачивалъ верхушками деревьевъ, и на публику падали застрявшія крупныя капли дождевой воды; но это только подогрѣвало общее веселье.

Нежданные гости наши—казаки донцы—держали себя очень мило, любезно, просто, были ко всѣмъ крайне внимательны, и никому не приходило въ голову, что ваша курица въ это время могла очутиться на пикѣ какого-нибудь денщика...

На войнѣ — другое дѣло... Хоть и казакъ, а желудокъ-то дурацкій съ нимъ прибылъ на войну...

Офицерство приняло весьма живое участіе въ нашемъ праздникѣ. Хоръ казацкихъ пѣсельниковъ, обладая великолѣпными голосами, взрощенными привольнымъ воздухомъ степей, познакомилъ публику съ своими напѣвами и съ своею удивительно ловкою граціозною пляскою, въ которой принимали участіе и простецы-офицеры. Какъ было замѣтно, что они плоть отъ плоти, и кость отъ казацкихъ костей!

Они имѣли громадный успѣхъ среди к—го общества!

Танцы затянулись далеко, далеко за тьму ночную; электрическое солнце—дѣло ума и рукъ человѣческихъ—давно поблѣднѣло и отъ злости, и отъ усталости, а съ востока уже глядѣла на насъ однимъ глазкомъ міровая свѣча Предвѣчнаго Творца міра!..

Музыка неустанно гремѣла, то артилерійская, то казацкая; то раздавалась ухарская хоровая казацкая пѣсня, то слышалась мелкая дробь казацкой пляски.

Но вотъ пауза въ двѣ минуты.

Раздался ритурнель безконечной кадрили съ разными фокусами, которые выдѣлывала публика подъ дирижерствомъ неутомимаго артиллерійскаго офицера, превзошедшаго въ этотъ вечеръ...

Кого бы это превзошедшаго?

Ей, ей, не подыщу даже и сравненія!..

Буфетъ, конечно, торговалъ исключительно великолѣпно...

Но—пожалуйста... На вашихъ губахъ, кажется, появилась подозрительная улыбка?..

Повѣрьте, она неумѣстна: въ пользу славянъ три гулянья принесли болѣе 500 руб. чистенькихъ, несмотря на плату отъ 5 коп. до полутора рублей, и на громадные расходы, вызванные

главнымъ образомъ подготовкой сада, постройкой сцены, пріобрѣтеніемъ флаговъ, фонариковъ и т. п. вещей. Такой цифры у насъ не давало ни одно благотворительное предпріятіе.

Я всегда отдалялся отъ коммерческихъ сторонъ подобныхъ предпріятій, и потому мнѣ оправдываться въ этомъ нѣтъ надобности.

Народъ: заводскіе рабочіе; прикащики, мѣщане,—многіе съ своими семьями—выплыли можетъ быть въ первый и въ послѣдній разъ въ своей жизни на свѣтъ Божій и принесли свои пятаки. Немудрено, что очистка сада послѣ каждаго гулянья требовала большого расхода на уборку одной подсолнечной шелухи...

Гулянья эти зародили во мнѣ мысль написать о нихъ въ столичныхъ газетахъ. Я выбралъ „Современныя извѣстія", весьма распространенную въ то время газету, издававшуюся Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ, а редактировавшуюся его племянникомъ, Ѳ. А. Гиляровымъ.

Мои корреспонденціи, помѣщавшіяся редакціей цѣликомъ, натолкнули меня на продерзостную мысль: а не смогу ли я написать что-либо другое, а не какую-то корреспонденцію?...

Написалъ небольшой разсказецъ, всего въ 6—7 главъ и отправилъ; жду приговора редакціи. Каждый день съ трепетнымъ біеніемъ сердца я разрывалъ газетную бандероль и бросался прежде всего къ „почтовому ящику".

Проходитъ недѣля... другая... отвѣта нѣтъ!..

Плохо!

Заброшенъ, думаю, мой трудъ, моя первая попытка шагнуть по стезѣ литератора, въ редакціонную корзину—въ эту могилу недоношенныхъ, недозрѣлыхъ и непризнанныхъ талантовъ, несбывшихся надеждъ и упованій.

Наконецъ, дождался: „ваша повѣсть не будетъ напечатана"!

Коротко и ясно!

По третьему пункту!

Безъ объясненія причинъ! Ловко!

Ну, что жъ дѣлать! Не будетъ, такъ не будетъ! глубоко вздохнувши надъ могилою своего дѣтища, подумалъ обанкрутившійся авторъ.

Но у меня уже образовалась привычка читать „Современныя извѣстія", и начиналъ я свое чтеніе всегда съ „почтоваго ящика". Точно ходилъ на кладбищѣ, гдѣ похоронили мое всетаки дорогое для меня „дите"...

И вдругъ... Представьте мое удивленіе: чрезъ три-четыре дня я вторично читаю въ томъ же „почтовомъ ящикѣ“: „ваша повѣсть будетъ напечатана“!

Ужъ не сонъ ли? Нѣтъ... дѣйствительность! Мое дѣтище воскресло и ему суждено увидѣть свѣтъ Божій!..

Почему произошла такая скоропалительная метаморфоза, право, не знаю.

Вскорѣ получилъ я письмо отъ С. А. Гилярова съ подтвержденіемъ, что повѣсть будетъ напечатана и даже указанъ построчный гонораръ.

Этого уже я никакъ не ожидалъ!

Вскорѣ же я рѣшился съѣздить въ Москву съ исключительной цѣлью познакомиться съ Гиляровымъ, поблагодарить его и, если можно, завязать постоянныя сношенія.

Собрался и поѣхалъ. Боже! какъ разыгралась моя безудержная фантазія, когда я, усѣвшись въ вагонъ, выпустилъ ее на вольную волюшку... Ужъ если не Тургеневъ, не Толстой, не Достоевскій сидѣлъ въ вагонѣ третьяго класса и ѣхалъ въ Москву, то по меньшей мѣрѣ я видѣлъ въ себѣ одного изъ Успенскихъ...

Контора редакціи „Современныхъ извѣстій“ помѣщалась на Воздвиженкѣ, въ Ваганьковскомъ переулкѣ. Помѣщеньице довольно грязноватое и темноватое. Встрѣтила меня тамъ какая-то почтенная дама, очень любезно побесѣдовала со мной, сообщила, что Гилярова въ городѣ нѣтъ, что живетъ онъ на дачѣ въ Петровскомъ паркѣ, и дала его адресъ, такъ какъ поджидать его въ Москвѣ у меня не было ни времени, ни охоты, а главное денегъ.

Такъ какъ я ѣхалъ на свиданіе не съ этой дамой, а съ Гиляровымъ, то не повидаться съ нимъ значило не достигнуть своей цѣли, ради которой я порядочно растрясъ свой и безъ того тощій кошелекъ, и я рѣшилъ добраться до него по указанному адресу. Нашелъ дачу. Вхожу за низенькую рѣшетку и направляюсь по дорожкѣ къ террасѣ, на которой легкій вѣтерокъ беззаботно поигрывалъ полотняными драпировками, обшитыми красною кумачевой каймой съ разными фестонами.

Никого что-то не видать... Не у кого даже спросить... А, между тѣмъ, двери дома, ведущія на террасу, отворены настежь... Какое-то сонное царство!

„Ну, народъ!.. подумалъ я: жулья въ Москвѣ пропасть... Одна Хитровка со своимъ голоднымъ и пьянымъ населеніемъ

чего стоитъ, а они живутъ, какъ говорится, душа на распашку.

Наконецъ, слышу сзади голосъ: вамъ кого?

Оборачиваюсь и вижу дѣвицу, или даму—(Христосъ ее знаетъ),—повидимому, горничную, вооруженную травяною метелочкой; голова накрыта платочкомъ; передъ платья заткнутъ за поясъ.

— Мнѣ бы нужно видѣть Ѳедора Александровича:

— Пожалуйте на балконъ... я сейчасъ доложу—и скрылась..

О, простота, простота! Отъ старушки-столицы въ то время еще несло чѣмъ-то былымъ, давно ушедшимъ въ область преданій... Не знали (да и нужды на видали въ томъ) ни американскихъ замковъ, ни наложенныхъ на двери цѣпочекъ, черезъ которую васъ насквозь проглядываетъ единый глазъ, а въ головѣ мелькаетъ обычный вопросъ: жуликъ, или не жуликъ? Пускать, или не пускать?

Да, несло царившимъ въ то время духомъ великаго бытописателя „темнаго царства" А. Н. Островскаго, который гдѣ-то, кажется въ „Тяжелыхъ дняхъ", говоритъ: „я живу въ той странѣ, гдѣ дни дѣлятся на легкіе и тяжелые; гдѣ лѣчатся отъ дурного глаза; гдѣ вѣрятъ, что земля стоитъ на трехъ китахъ, изъ коихъ одинъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, кажется, начинаетъ шевелиться... Однимъ словомъ—я живу въ Пучинѣ"!..

Вошелъ на балконъ: стоитъ столъ, накрытый скатертью; на немъ самоваръ, кофейникъ, посуда, серебряныя ложки...

Цапъ! и прощай!

Да вѣдь настоящаго серебра! Не то, что нынѣ, въ вѣкъ пара, электричества, бумажнаго бѣлья Мей и Эдлихъ и готовыхъ лодзинскихъ штановъ изъ діагонали какого угодно цвѣта за 1 р. 75 коп., а съ пересылкой—1 р. 90 к. съ ручательствомъ на... двѣ недѣли...

Наконецъ-то въ дверяхъ показывается высоченная, довольно плотная фигура въ пиджакѣ, подъ нимъ бѣлая сорочка съ разстегнутымъ воротомъ, на босыя ноги надѣты шмыгалки-туфли безъ задниковъ, больничнаго фасона. Это и былъ Ѳ. А. Гиляровъ, племянникъ Н. П. Гилярова-Платонова, преподаватель одной изъ московскихъ гимназій, соредакторъ „Современныхъ извѣстій" и составитель незамысловатой русской грамматики, впрочемъ, въ то время весьма распространенной.

Слишкомъ 30 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и я, конечно, не могу въ точности воспроизвести нашу краткую бесѣду. Да она и не могла имѣть общаго интереса; она была интересна исключительно для меня...

Онъ снисходительно отнесся къ моему первенцу, совѣтовалъ больше не только читать, но и вчитываться въ произведенія нашихъ литературныхъ магнатовъ: Тургенева, Толстого, Достоевскаго...

Я вышелъ отъ него, точно съ седьмого неба, и рѣшилъ все свободное время отдавать чтенію и писанію. Читать-то я, дѣйствительно, много читалъ, но писать... увы! Болото уѣздной жизни понемногу затягивало мои благія намѣренія... Служба... карты... выпивка... политическіе и литературные споры, отъ которыхъ даже у плѣшивыхъ вставали волосы дыбомъ.

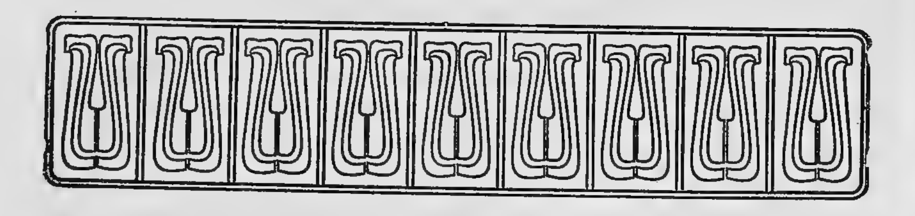
Какая ужъ тамъ литература!.. Гдѣ тамъ писать!

А повѣсть моя была напечатана. Заработалъ я на ней рублей 80; на нихъ была куплена хорошенькая мебель для гостиной, глядя на которую, мнѣ частенько приходила на память притча о талантахъ...

Я былъ рабъ лукавый и лѣнивый!

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Указъ о заготовкѣ провіанта въ началѣ Великой Сѣверной войны (1702 г.).

От Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексѣевича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержца, богомолцу нашему преосвященному Гавриілу, архиепископу Вологоцкому и Бѣлоозерскому. Въ нашемъ Великого Государя монастырской приказъ ис-правиантского приказу писано: велено з-городовъ Московскаго Государства, съ которыхъ положено имать окладной и запросной хлѣбъ з-дворцовыхъ и патриаршихъ и архиерейскихъ и монастырскихъ и съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ и бобылей въ Московской и въ городовые сборы на прошлые годы доимочной и на нынѣшней 1702-й годы по окладу, взять и поставить имъ въ указныхъ мѣстахъ, гдѣ которые городы по росписке платежемъ надлежатъ, нынѣшнимъ зимнимъ путемъ въ генварѣ или кончая ѳевраля въ первыхъ числѣхъ нынѣшняго 1702-го году противъ окладу и наряду сполна безъ доимки неотложно, чтобъ удобного зимнего пути и водяного вешняго первого ходу,—и которыхъ городовъ довелось тѣмъ запасомъ отпуску быть не испустить для того: будучи въ тѣхъ городѣхъ ратнымъ людемъ наше, Великого Государя, денежное годовое жалованье дастца на три срока въ годъ—въ декабрѣ, въ марте, в-июле мѣсяцахъ—для службъ помѣсечно. А по отпискамъ изъ тѣхъ городовъ воеводъ и правиантовъ въ тѣхъ городѣхъ на личныхъ хлѣбныхъ запасовъ малое число, а в-ыныхъ городѣхъ и ничего нѣтъ и въ дачи де ратнымъ людемъ не достанетъ многова числа. А буде того окладного и запросного хлѣба нынѣшнимъ зимнимъ путемъ въ генварѣ или ѳевралѣ мѣсяцахъ противъ окладу и наряду вышеимянованныхъ чиновъ люди въ указныхъ

мѣстехъ не поставятъ и сполна не заплатятъ и отъ того въ дачѣ ратнымъ людемъ нашего, Великого Государя, годового и мѣсячного жалованья будетъ оскудѣніе, — и за то на тѣхъ плательщиковъ тотъ хлѣбъ взять вдвое да пени по рублю з-двора. А которыхъ городовъ и уѣзднымъ людемъ окладной и запросной и какой хлѣбъ платить, и то писано ниже сего. *На Москвѣ—рожью и овсомъ:* Арзамасского, Балахонского, Гороховского, Городецкого, Зубцовского, Кинемшемского, Луховского, Муромского, Нижегороцкого, Пошехонского, Псковского, Романовского съ Волги, Старицкого, Шуйскаго, Юрьевца Поволского, Устюжны Желѣзопольской; — *овсомъ*: Костромского, Суздальского, Ярославского. *Во-Брянску въ Кіевской отпускъ рожью и овсомъ:* Боровского, Воротынского, Волока Ламского, Дмитревского, Звенигороцкого, Кашинского, Клинского, Можайского, Переславля Залѣского, Ростовского, Ру(з)ского, Трубчевского. *Въ Бѣлѣгородѣ рожью и овсомъ*: Белевского, Болховского, Веневского, Дѣдиловского, Колужского, Козельского, Крапивинского, Коширского, Лихвинского, Мядынского, Масальского, Мещевского, Перемышеского, Переславля Рязанского, Серпуховского, Серпейского, Тульского, Тарусского, Оболенского, Одоевского. *Въ Курску рожью и овсомъ:* Бѣлогороцкого, Елецкого, Курского, Ливенского, Мценского, Новомиского, Сокольского, Чернского. *Въ Сѣвску рожью и овсомъ:* Аленшского, Брянского, Вяземского, Верейского, Карачевского, Кромского, Орловского, Путимльского, Рыльского, Углецкого. *Въ Путивлѣ рожью и овсомъ*: Коломенского, Юрьева Польскаго, Ржевы Владимеровы—съ вотчинъ и з-Боровского Паѳнутьева монастыря, Новогородского уѣзду Спаса Футина монастыря, Ярославца Малого. *Въ Великомъ Новгородѣ рожью и овсомъ*: Бѣжецкого Верху, Лукъ Великихъ, Новогороцкаго Ржевы Пустой, Ржевы Владимеровы, Торопецкаго, Холмского, *У города Архангельского* за рожь *мукою* съ примоломъ по полуосминѣ на четверть, за овесъ *крупами* противъ окладу вполы: Вяцкого, Двинского, Каргопольского, Кольского острогу, Курмышского, Пермского, Устюжского. *На Воронежѣ въ Азовской отпускъ* за рожь *мукою* съ примоломъ, за овесъ *крупами и толокномъ*: Богородицкого, Воронежского, Донковского, Епиѳанского, Лебеданского, Ря(ж)ского, Танбовского, Шацкого; рожь *мукою, овесъ по окладу*: Владимерского, Верхоломовского, Касимовского, Нижнеломовского, Скопинского, Темниковского, Романовского, что въ степи, Суздальского. За рожь мукою *на Вологдѣ*: з-Бѣлозерского, съ Вологоцкого, рожью и овсомъ доимочной и з-Галицкого уѣзду окладной и доимочной, за рожь мукою

за овесъ крупами съ Костромского, съ Ярославского, за рожь мукою съ примоломъ, а муку сухарями въ полтора, за овесъ крупами вполы: Тверского уѣзду архиерейскихъ вотчинъ, въ Торжку—дворцовыхъ и монастырскихъ, въ Клину помѣщиковыхъ, *Во Твери:* Новоторжского дворцовымъ монастыремъ, въ Торжку *запросной полуосминной хлѣбъ*, Великомъ Новѣ городѣ Арзамаского, Белозерского, Балахонского, Брянского, Бѣлгороцкаго, Бѣлевского, Болховского, Богородицкого, Вологоцкого, Воронежского, Верхоломовского, Галицкого, Городецкого, Гороховского, Донковского, Елецкого, Епиѳанского, Костромского-Кинешемского, Корачевского, Кромского, Курского, Ливенского, Лебедянского, Муромского, Мядынского, Мценского, Нижегороцкого, Орловского, Скольского, Путивлского, Рыльского, Ря(ж)ского, Романовского, что въ степи, Скопинского, Трубчевского, Танбовского, Чернского, Шацкого, Юрьевца Польского, Въ *Ладогѣ*—Пошехонского, Романовского, что на Волгѣ, Во *Псковѣ* — Алексинского, Боровского, Бѣльского, Бѣжецкого Верху, Вяземского, Воротынского, Верейского, Волока Ламского, Володимерского, Веневского, Дмитревского, Дѣдиловского, Дорогобужского, Звенигороцкого, Зубцовского, Кашинского, Клинского, Касимовскаго, Калужского, Козелского, Крапивенского, Коломенского, Коширского, Луховского, Лихвенского, Луцкого, Московского, Можайского, Масальского, Мещевского, Новогороцкого съ пригороды, Новоторжского, Одоевского, Оболенского, Переславля Залеского, Переславля Резанского съ пригороды, Перемышльского, Псковского съ пригороды, Ростовского, Рузского, Ржевы Володимеровы, Ржевы Пустой, Суздальского, Старицкого, Серпуховского, Серпейского, Смоленского, Старорусского, Тверского, Тарусского, Тульского, Торопецкого, Устюжны Желѣзопольского, Углецкого, Холмского, Шуйского, Юрьева Польского, Ярославского, Ярославца Малого, Олонецкого, на Олонцѣ, у *города Архангельского*—Вяцкого, Важского, Двинского, Еренского, Колмогорского, Кунгурского, Каргопольского, Турчасовского, Кевральского и Мезенского, Перлиного, Кольского острогу, Соли-Камской, Соли-Вычегоцкой, Тотемского, Устюжского, Чардынского, Чаранского уѣздовъ.

И какъ къ тебѣ ся наша, Великого Государя, грамота придетъ, и ты-бъ, богомолецъ нашъ, долгу своего и епархіі своей степенныхъ и не степенныхъ и приписныхъ своихъ монастырей о вышеписанныхъ платежахъ, которыхъ городовъ съ вотчинныхъ крестьянъ надлежитъ и въ которыхъ мѣстахъ, велѣлъ о

всемъ чинить по вышеписанному нашему Великого Государя указу, какъ о томъ писано выше сего, и епархіи своей во всѣ монастыри велѣлъ отъ себя послать памяти. Писанъ на Москвѣ. Лѣта 1702-го генваря въ 22 день.

На оборотѣ: Богомольцу нашему Преосвященному Гавриілу, архиепископу Вологоцкому и Бѣлозерскому.

Помѣчено: 1702-го февраля въ 12 д. Великого Государя грамота прислана черезъ почту.

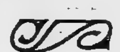
Еще ниже помѣчено: безъ пошлинъ. Изъ монастырского приказу о вѣдомѣ платежа Государева хлѣба въ розныхъ городехъ.

По склейкамъ написано: діакъ Гаврила Окуневъ.

Въ концѣ оборотной стороны: справилъ Ѳедоръ Ивановъ.

Подлинникъ представляетъ длинную ленту, нѣкогда сложенную въ квадратъ, стороною почти въ $3^1/_2$ вершка, запечатанный печатью, отъ которой остались слѣды.

Сообщ. **Ив. Суворовъ.**



Лѣтопись и мысли стараго педагога [1]).

Такъ въ первый годъ существованія интерната былъ присланъ исключенный изъ одной военной гимназіи воспитанникъ П—ръ. Онъ укралъ у матери цѣнныя вещи и въ заведеніи былъ нетерпимъ по своему невозможному поведенію и лѣности. Это былъ мальчикъ лѣтъ 14—15, наглый и самонадѣянный, но въ сущности трусъ. Ему очень не понравились порядки и духъ новаго заведенія, и онъ намѣренно и систематически сталъ нарушать ихъ и подбивалъ товарищей къ самымъ дикимъ выходкамъ. Мнѣ раза три пришлось долго бесѣдовать съ нимъ и вызывать на размышленія о томъ, что ожидаетъ его, если онъ не воспользуется послѣднимъ снисхожденіемъ, сдѣланнымъ ему, т. е. переводомъ въ другое заведеніе. Съ матерью его шла непрерывная переписка. П. почтительно выслушивалъ меня и, хитро посматривая на меня, обѣщалъ забрать себя въ руки, видимо совершенно не помышляя выполнить своего обѣщанія. Однажды онъ тайно ушелъ изъ заведенія и его съ трудомъ отыскали въ какой-то трущобѣ. Наконецъ онъ сталъ такъ дерзокъ, что я велѣлъ запереть его въ отдѣльную комнату при лазаретѣ, предполагая изслѣдовать его физическое состояніе. Онъ тамъ началъ бить прислугу и когда я, вызванный на производимый имъ безпорядокъ, вошелъ къ нему, то онъ выхватилъ изъ кровати штырь и, размахивая имъ, закричалъ: „не подходите, г-нъ полковникъ, не вводите въ грѣхъ—убью“. Мнѣ удалось, подойдя къ нему вплотную, выхватилъ штырь и когда я сказалъ прислугѣ—„розогъ“, то П. вдругъ поблѣднѣлъ, опустился на колѣни, умоляя меня не наказывать его. Я оставилъ его, сказавъ, что при первомъ его проступкѣ ему не будетъ пощады. Недѣли двѣ онъ былъ со-

[1]) См. „Русская Старина“, іюнь 1914 г.

вершенно покоенъ, но затѣмъ пришелъ ко мнѣ и просилъ, чтобы я исключилъ его изъ заведенія, что онъ больше не можетъ сдерживать себя. Онъ былъ вскорѣ выпущенъ вольноопредѣляющимся въ какой-то кавалерійскій полкъ, былъ очень доволенъ, надѣлъ франтоватую форму, пришелъ ко мнѣ и горячо благодарилъ меня—не знаю, за что. Я скоро потерялъ его изъ вида, но говорили, что онъ сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ.

Были также случаи, когда повидимому хорошія дѣти портились подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыхъ мы своевременно не успѣли предупредить. Воспитанникъ С., круглый сирота и не имѣвшій даже какихъ-либо родственниковъ, поступилъ въ младшій классъ и своею привѣтливостью и добротою пріобрѣлъ общую любовь. Онъ былъ очень талантливый мальчикъ, прекрасно рисовалъ, игралъ на какомъ-то духовомъ инструментѣ, обладалъ замѣчательнымъ голосомъ и на домашнихъ концертахъ исполнялъ соло. С. сталъ извѣстенъ въ городѣ. Его приглашали въ лучшіе дома, начиная съ губернатора и губернскаго предводителя дворянства, дарили ему конфеты, игрушки. Начиная съ 4-го класса, онъ началъ проявлять свойства избалованнаго, дерзкаго мальчика, сталъ грубъ и дерзокъ и часто оказывалъ открытое неповиновеніе воспитателямъ и учителямъ. Принялись за его исправленіе, не пускали въ отпускъ, чѣмъ онъ очень дорожилъ, вели долгія бесѣды, примѣняли разныя наказанія, поручали лучшимъ ученикамъ изъ его товарищей, но все это помогало не надолго и выходки его становились все грубѣе. Дошелъ до 6-го класса. Въ одинъ несчастный день прислали мнѣ сказать, что С. не повинуется распоряженію ротнаго командира, который приказалъ ему отправиться въ карцеръ. Когда я пришелъ въ роту, С. былъ очень возбужденъ и на мой вопросъ—какъ онъ могъ позволить себѣ ослушаться ротнаго командира, онъ отвѣчалъ: „меня несправедливо наказываютъ, и я въ карцеръ не желаю идти“. Я объяснилъ ему, что на несправедливость онъ можетъ мнѣ жаловаться, и я разберу дѣло, но приказаніе командира онъ долженъ исполнить немедленно и безпрекословно. С. послѣдовалъ за мною, и я самъ отвелъ его въ карцеръ, поговорилъ съ нимъ и посовѣтовалъ хорошенько взвѣсить свой поступокъ, сказавъ, что я приду его выслушать часа черезъ два. Придя домой, я сѣлъ позавтракать, ко мнѣ прибѣжалъ служитель сказать, что С. ушелъ изъ карцера и объявилъ, что онъ болѣе туда не пойдетъ. Прихожу въ роту. С. стоитъ страшно возбужденный, съ налитыми кровью глазами. Кругомъ его воспи-

танники, а въ сторонѣ нѣсколько дядекъ, убиравшихъ комнаты. Со всею строгостью я обратился къ нему: „какъ осмѣлились вы уйти изъ карцера, когда я велѣлъ вамъ тамъ оставаться“. „Не пойду, что хотите“, захрипѣлъ онъ. Ротный командиръ, возмущенный такимъ нахальствомъ, не выдержалъ и крикнулъ дядькамъ: „взять его и отвести въ карцеръ“. Ничего подобнаго въ заведенiи прежде не бывало. Я взглянулъ на воспитанниковъ; они стояли блѣдные, и на лицахъ ихъ я прочелъ недоумѣнье и нерѣшительность—какъ поступить, если дядьки начнутъ борьбу съ С. Тогда я крикнулъ дядькамъ: „не трогать его“ и, обращаясь къ воспитанникамъ, говорю: „возьмите его сами и отведите въ карцеръ“. Лица воспитанниковъ сразу измѣнились; они дружно подхватили С. на руки и понесли въ карцеръ. Я послѣдовалъ за ними. Дорогой они говорятъ мнѣ: „у него въ сапогѣ ножъ, и онъ сказалъ, что зарѣжетъ того, кто подойдетъ къ нему“. Когда его внесли въ карцеръ, я выслалъ за дверь его товарищей и, оставшись съ нимъ, говорю: „Вы хотѣли кого-то зарѣзать, рѣжьте меня, мнѣ все равно, кого бы вы не зарѣзали, вы, значитъ, зарѣжете меня“. С. наклонилъ упрямо голову и сквозь зубы говоритъ: „Васъ я не хочу рѣзать“.—„Тогда, говорю, отдайте мнѣ ножъ, который при васъ“. Онъ вынулъ ножъ, изо всей силы бросилъ его въ сторону и съ крикомъ: „Э, все равно“, подбѣжалъ къ окну (карцеръ былъ въ 3-мъ этажѣ), выбилъ стекло, бросился самъ, чтобы кинуться внизъ. Я подбѣжалъ къ окну и такъ какъ выбитое стекло было недостаточно велико, чтобы ему пролѣзть, то онъ сталъ протискиваться. Я стоялъ возлѣ и не трогалъ его, надѣясь, что высота испугаетъ его, но когда прошли уже бедра, я схватилъ его за ноги и крикнулъ воспитанниковъ, стоявшихъ за дверью. Они вбѣжали и схватили С. Видъ у этого 15-ти лѣтняго мальчика былъ страшный: лицо почернѣло, онъ весь дрожалъ. Я приказалъ воспитанникамъ отвести его въ лазаретъ, такъ какъ очевидно онъ боленъ. Доктора я просилъ дать ему успокоительнаго такъ, чтобы онъ заснулъ. С. проспалъ въ лазаретѣ цѣлые сутки. И когда я пришелъ къ нему, то мы мирно начали бесѣду. Мы прошли съ нимъ всю его жизнь внѣ корпуса, жизнь не радостную. Онъ смягчился и заплакалъ. „Больше ничего подобнаго не будетъ“, сказалъ онъ мнѣ. Я ушелъ отъ него взволнованный и удовлетворенный. Прошло два дня. С. оставался въ лазаретѣ. На третiй день докладываютъ мнѣ, что съ С. нѣтъ никакого слада; онъ дерется и грозитъ убить не только директора, но и Царя. Я пригласилъ докторовъ,

которые высказали мнѣ, что держать его въ лазаретѣ нѣтъ никакой возможности и что мы рискуемъ нажить себѣ большую бѣду. Что С. очевидно душевно больной и въ лазаретѣ нѣтъ приспособленій для такого рода болѣзней. Рѣшено было отправить его въ Казань, въ клинику душевно-больныхъ. Опасаясь только, что онъ очевидно боленъ и наши доктора не умѣютъ справиться съ его болѣзнью я рѣшилъ послать его въ Казань посовѣтоваться съ болѣе свѣдущими спеціалистами. Онъ охотно согласился и въ тотъ же день въ сопровожденіи фельдшера и дядьки отправили его на пароходѣ въ клинику. Тамъ его приняли и стали лѣчить. Черезъ три или четыре мѣсяца я получилъ извѣщеніе отъ главнаго врача клиники, что С. совершенно здоровъ, что его нѣтъ надобности болѣе держать въ клиникѣ и просилъ меня взять его обратно. Опасаясь, что, возвратясь въ прежнюю обстановку и къ тѣмъ же людямъ, съ нимъ могутъ повториться прежніе припадки, я написалъ Главному Начальнику и, изложивъ всѣ обстоятельства, просилъ о переводѣ его въ другой корпусъ. Представленіе мое было уважено, и С. перевели въ Нижегородскій корпусъ, гдѣ онъ благополучно окончилъ курсъ, но не захотѣлъ идти въ военную службу, надѣлъ статское платье и сталъ пріискивать себѣ занятіе.

Въ августѣ мѣсяцѣ этого года, я, вернувшись изъ каникулярнаго отпуска къ пріемнымъ экзаменамъ, пошелъ въ ближайшую гостиницу обѣдать. Я уже сѣлъ за свой приборъ, когда отворилась дверь и вошелъ какой-то молодой господинъ. Увидавъ меня, онъ пріостановился и вдругъ, сжавъ кулаки, стремительно бросился по направленію ко мнѣ. Я узналъ въ немъ С. и, не зная его намѣреній относильно меня, повидимому, не особенно благопріятныхъ, я быстро всталъ изъ-за стола и вплотную подошелъ къ нему: „Радъ очень васъ видѣть уже окончившимъ курсъ, пойдемте побесѣдуемъ и пообѣдаемъ вмѣстѣ“. С. сначала смутился, но пошелъ вслѣдъ за мной. Я велѣлъ подать ему приборъ. Понемногу мы разговорились и стали обсуждать его настоящее положеніе, какъ человѣка безъ всякихъ средствъ и занятій. Подъ конецъ бесѣды онъ говорилъ мнѣ: „Знаю и понимаю, что я у васъ въ корпусѣ велъ себя глупо и непозволительно, но одного я никакъ не могу забыть и простить вамъ—это то, что вы упрятали меня въ сумасшедшій домъ. Умирать буду, но все-таки упрекъ этотъ останется“.— „Что же мнѣ было съ вами дѣлать... Припомните, вѣдь вы были невмѣняемы“.—„Лучше вы велѣли бы меня наказать розгами,

чѣмъ сажать въ сумасшедшій домъ. Вѣдь вы меня опозорили на всю жизнь". Мои возраженія не поколебали его убѣжденія. Затѣмъ, я потерялъ его изъ вида; знаю однако, что онъ былъ вольноопредѣляющимся, выдержалъ хорошо экзаменъ на офицерскій чинъ, служилъ въ одной артиллерійской бригадѣ на югѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ я получилъ запросъ изъ бригады объ С., гдѣ просятъ сообщить свѣдѣнія о его нравственныхъ качествахъ и поведеніи въ корпусѣ. Я долженъ былъ изобразить его какъ человѣка въ высшей степени нервнаго и раздражительнаго и между прочимъ упомянулъ, что онъ нѣкоторое время находился въ клиникѣ душевно-больныхъ. Это обстоятельство спасло его. Онъ былъ отданъ подъ судъ за то, что обнажилъ оружіе, съ намѣреніемъ ударить своего батарейнаго командира. Благодаря тому, что онъ былъ когда-то въ клиникѣ, онъ отдѣлался продолжительнымъ арестомъ. С. кончилъ печально, но думаю—къ счастью для него. При разрядѣ какихъ-то снарядовъ произошелъ взрывъ, коимъ С. былъ убитъ.

Съ каждымъ годомъ интернатъ расширялся; прибывали новые воспитанники изъ разныхъ мѣстъ имперіи, преимущественно съ Кавказа,—туземцы, съ особымъ складомъ характера и темперамента, не всегда желательные для закрытаго учебнаго заведенія, южные славяне, дѣти военно-служащихъ и мѣстнаго населенія, преимущественно дворянъ. Педагогическій персоналъ тоже пополнялся и часто мѣнялся. Прежніе воспитатели изъ учительской семинаріи постепенно выбывали, и открывавшіяся вакансіи замѣщались исключительно военными. Нѣсколько человѣкъ были приглашены мною изъ гвардейскихъ полковъ. Они вносили свѣтскую благовоспитанность, но нѣкоторые совсѣмъ не были знакомы съ требованіями современной педагогіи и все вниманіе обращали на внѣшніе порядки и манеру дѣтей, хотя сами невсегда были сдержаны. Новые преподаватели скоро усваивали методы преподаванія, но не всегда были вдумчивы въ психику дѣтей и свой авторитетъ преимущественно основывали на постановкѣ балловъ. Инспектора классовъ и старшіе врачи мѣнялись часто. Въ теченіе моего 25-ти лѣтняго директорства перемѣнилось 6 инспекторовъ и 7 старшихъ врачей. Не всегда это было на пользу заведенію. Особенно я жалѣлъ о перемѣщеніи инспектора Поливанова, старшаго врача Ретивцева, помощника инспектора классовъ Линдеберга и воспитателя Гриневича. Все-таки мнѣ удалось образовать изъ служащихъ прочное, сплоченное ядро, которое давало общій токъ и направленіе вновь прибывающимъ. Съ удоволь-

ствіемъ долженъ отмѣтить, что всѣ жили дружно и никакихъ конфликтовъ въ частной жизни служащихъ не было. Работали за малымъ исключеніемъ очень добросовѣстно. Не разъ мнѣ приходилось отправлять домой совершенно больного, но все-таки приходившаго на службу учителя, не желавшаго пропускать уроки. Никто изъ преподавателей не засиживался въ учительской комнатѣ послѣ звонка и всѣ дружной толпой выходили по классамъ. Я очень дорожилъ всѣмъ этимъ, ибо видѣлъ въ этомъ хорошій поучительный примѣръ для учащихся.

Отдѣльные проступки и капризы воспитанниковъ носили совершенно дѣтскій характеръ, хотя въ старшихъ классахъ, въ особенности среди бывшихъ экстерновъ, случались серьезные проступки.

Массовыхъ безпорядковъ было три или четыре въ теченіе всего времени. Они возникали внезапно, оканчивались быстро и не имѣли дурныхъ послѣдствій для отдѣльныхъ лицъ. Причиною ихъ иногда бывала безтактность кого-либо изъ насъ. Чаще всего неудовольствіе высказывалось эконому, который былъ въ сущности честный и добрый человѣкъ и даже иногда баловалъ воспитанниковъ, но плохой и нераспорядительный хозяинъ. Однажды воспитанники старшихъ классовъ подняли шумный протестъ во время утренняго чая: поданныя булки показались имъ малы. Я вызвалъ тѣхъ, которые были недовольны своими порціями, привелъ ихъ къ вѣсамъ, велѣлъ взвѣшивать каждую булку и къ той, которая не выходила по вѣсу противъ положеннаго—прирѣзывать соотвѣтствующій кусокъ. Когда воспитанники увидали, что недовѣсъ такъ ничтоженъ, что приходилось прибавлять по нѣсколько крошекъ, то они очень сконфузились и послѣ 5—6 взвѣшиваній разбрелись по своимъ столамъ. Послѣ чая просили извиненіе у эконома. Бывали претензіи на эконома и основательныя—тогда воспитанники удовлетворялись по мѣрѣ возможности.

Однажды присылаютъ мнѣ сказать, что строевая рота отказывается дѣлать ружейные пріемы. Я отправился въ роту. Медленно шагъ за шагомъ подходилъ я къ выстроенной ротѣ, прошелъ по фронту не здороваясь и пристально глядя въ глаза каждому. Рота по командѣ взяла на караулъ, и въ полномъ порядкѣ начались ружейные пріемы. Минутъ черезъ 20 я отпустилъ всѣхъ имѣвшихъ неудовлетворительные баллы по поведенію, за ними постепенно отпускалъ имѣвшихъ высшіе баллы и наконецъ оставилъ въ строю только вице-фельдфебелей

и вице-унтеръ офицеровъ, объяснивъ, что они своимъ вліяніемъ и примѣромъ не должны были допустить такого безпорядка.

Когда происходилъ какой-либо безпорядокъ въ классѣ и виноватые не обнаруживались, то обыкновенно я приходилъ въ классъ и спрашивалъ учениковъ, желаютъ ли они и находятъ возможнымъ говорить со мной откровенно. Иногда они тутъ же высказывались, иногда заявляли, что не могутъ говорить откровенно. Тогда я молча уходилъ и не показывался въ этотъ классъ. Иногда это тянулось дня 2—3, но я не помню ни одного случая, чтобы въ концѣ концовъ виновные не пришли ко мнѣ съ повинною или съ объясненіемъ своего проступка.

Случилось, что нѣсколько воспитанниковъ забрались въ ледникъ и съѣли хранившійся тамъ сыръ. Придя въ роту, которая во время пропажи гуляла на дворѣ, я позвалъ старшихъ лучшихъ учениковъ, сказалъ имъ о событіи и просилъ узнать, кто это сдѣлалъ. Черезъ нѣсколько минутъ виновные были обнаружены. Я не сдѣлалъ имъ никакого замѣчанія, но приказалъ каждый день за обѣдомъ подавать имъ по куску сыра, такъ какъ они очень его любятъ. На третій день они пришли ко мнѣ и слезно умоляли не посылать имъ сыра, товарищи засмѣяли ихъ.

Записалъ эти случаи потому, что виновные, впослѣдствіи, будучи офицерами, напомнили мнѣ о нихъ.

Крупныя событія мѣстной общественной жизни не проходили безслѣдно для воспитанниковъ. Мы всегда привлекали участіе нашихъ питомцевъ какъ къ торжественнымъ случаямъ, такъ и къ постигавшимъ край бѣдствіямъ, и надо сказать, что они были отзывчивы. Когда въ 1891 году постигъ губернію неурожай и начались бѣдствія отъ голода, служащіе и воспитанники стали дѣлать добровольные взносы. Кадеты просили уменьшить столовое довольствіе, отказываясь отъ третьяго блюда за обѣдомъ, и собирали цѣлыя корзины ржаного хлѣба въ пользу голодающихъ. На собранныя такимъ образомъ деньги были устроены столовыя въ сельскихъ школахъ, гдѣ дѣтямъ давали горячее и кашу.

Иногда нѣсколько воспитанниковъ съ моего разрѣшенія отправлялись въ ближайшія села, чтобы лично производить раздачу пищи и одежды дѣтямъ. Нѣкоторые сельскіе учителя заставили потомъ дѣтей писать благодарственныя намъ письма. Я тщательно собиралъ ихъ, прочитывалъ воспитанникамъ и до сего времени храню ихъ у себя. Чтеніе этихъ безхитростныхъ и наивныхъ писемъ необыкновенно поднимало духъ и приводило въ восторгъ нашихъ питомцевъ. Не могу отказать себѣ

въ удовольствіи привести здѣсь образцы этихъ писемъ (они помѣщены въ матеріалахъ для исторіи Симбирскаго корпуса).

„Ваше Превосходительство, благодарю Васъ и добрыхъ учениковъ Вашихъ за то, что Вы насъ кормите хлѣбомъ, благодарю и желаю Вамъ и имъ отъ Господа добраго здоровья, подольше, подольше пожить, порадоваться. Если бы не Ваша милость, то вовсе не сталъ ходить учиться, потому что ходить сталъ бы по міру. Бывало, пойдешь по міру, одеженка плохая ходишь, ходишь, дрогпешь, дрогнешь, а не наберешь себѣ поѣсть, сидишь себѣ голодный, да приходилось и ляжешь спать голодный, а теперь, славу Богу, хоть одинъ разъ поѣшь въ день и то можно терпѣть, дома и былъ хлѣбъ, такъ съ лебедой, а теперь пекутъ для насъ хорошій хлѣбъ, да еще съ горячими щами“. Подписалъ ученикъ Еденевской школы Степанъ Гурьяновъ 1891 года 8-го ноября.

„Благодаримъ Васъ, Ваше Превосходительство, за то, что Вы насъ кормите хлѣбомъ, а кабы Вы насъ не кормили, то бы мы не ходили въ школу, а ходили бы по міру и какъ пойдешь, такъ не подаютъ, а еще смѣются и оговариваютъ. Мы ходили въ школу безъ хлѣба и придешь домой—нѣтъ хлѣба, а когда и былъ, такъ изъ посыпки. Дай Богъ Вамъ и Вашимъ ученикамъ добраго здоровья, подольше пожить, порадоваться“. Ученикъ Еденевской сельской школы Яковъ Кулаженковъ. 1891 года 8 ноября.

„Ваше Превосходительство. Благодарю Васъ за Ваше милосердіе, что Вы не оставили насъ голодныхъ. Мы каждый день не уходимъ голодные, а каждый день ѣдимъ кашицу, похлебку и сухари. Господь прогнѣвался на насъ и послалъ голодъ. Нѣкоторые два и три дня не ѣдятъ, мы каждый день бываемъ сыты и молимся Богу, чтобы Онъ далъ Вамъ здоровья и счастья за Ваше добродѣтельство“. Ученикъ Зачудаевскаго училища Петръ Цыпленковъ.

„Христосъ Воскресе. Милостивые Господа. Посылаю я Вамъ благодарное письмо. Поздравляю Васъ съ Праздникомъ и благодарю Васъ за то, что Вы объ насъ позаботились. Всю зиму мы кормилися Вашимъ хлѣбомъ и по Вашей милости разговѣлись говядиной, а весной станутъ намъ покупать молоко. Теперь мы должны очень благодарить Васъ за Вашъ подарокъ, потому что мы бы на Пасху не ѣли говядину. Покорный Вашъ слуга ученикъ Силинскаго училища Павелъ Тихоновичъ Петрушкинъ“. 1892 г. апрѣля 13 дня.

Молва о помощи Симбирскихъ кадетъ голодающимъ уче-

никамъ сельскихъ школъ распространилась за предѣлы Симбирской губерніи и вызвала сочувствіе. Кружокъ Петербургскихъ ученыхъ, писателей, художниковъ и педагоговъ, послѣ своихъ товарищескихъ обѣдовъ присылалъ намъ ежемѣсячно сборъ, который они дѣлали „на усиленіе средствъ пропитываемымъ Симбирскими кадетами школамъ“ [1]).

Николаевскій Сиротскій Институтъ въ Петербургѣ прислалъ намъ свое пожертвованіе. Англійское „Общество Друзей“ прислало 500 р.

Въ 1887 году въ Симбирскѣ случился большой пожаръ, охватившій нѣсколько кварталовъ при сильномъ вѣтрѣ. Кадеты были въ лагерѣ и многіе находились въ отпуску въ городѣ. Они бросились помогать семьямъ своихъ товарищей, проживавшимъ въ этой части города, а потомъ и постороннимъ, спасали дѣтей и выносили имущество.

Бывшій тогда инспекторъ классовъ полковникъ Литвиновъ, узнавъ о пожарѣ въ городѣ, поспѣшилъ туда изъ лагеря, гдѣ онъ оставался за директора во время моего отпуска. Съ большимъ трудомъ онъ сталъ собирать кадетъ и, не видя возможности остановить ихъ благородный порывъ, организовалъ изъ кадетъ правильную помощь для прекращенія пожара и охраненія имущества. (Войска гарнизона были въ лагеряхъ на далекомъ разстояніи отъ города и не могли прибыть). Помощь эта была настолько существенна, что Городская Дума выразила въ письмѣ ко мнѣ свою признательность кадетамъ за оказанныя ими услуги.

Главный Начальникъ генералъ Махотинъ съ своей стороны написалъ свою благодарность кадетамъ, хотя инспектору классовъ приказалъ объявить выговоръ за то, что подвергалъ опасности кадетъ, и мнѣ съ трудомъ удалось убѣдить генерала Махотина отмѣнить это приказаніе.

Съ особымъ отраднымъ чувствомъ я вспоминаю радушіе кадетъ Симбирскаго корпуса и ихъ въ большинствѣ случаевъ

---

[1]) Кружокъ составляли: Я. П. Гуревичъ, В. Д. Сиповскій, В. П. Острогорскій, С. А. Венгеровъ, А. Ф. Ивановъ, В. П. Далматовъ, В. А. Крыловъ, И. Е. Рѣпинъ, Н. М. Минскій, И. К. Ефронъ, И. Ф. Васильевъ, Г. К. Градовскій, А. М. Скабичевскій, А. А. Исаевъ, О. К. Нотовичъ, М. Л. Песковскій, П. А. Гайдебуровъ, Маминъ-Сибирякъ, П. М. Свободинъ, Э. И. Пильцъ, А. И. Поповицкій, В. М. Никитинъ, М. Н. Семенковскій, С. Н. Шубинскій, Н. А. Лейкинъ, Р. К. Корнфельдъ, Н. Ф. Соловьевъ, В. С. Балашовъ, И. Ѳ. Горбуновъ, В. О. Михневичъ.

незлобливое отношеніе къ тѣмъ изъ наставниковъ, которые, какъ имъ казалось, были несправедливы или часто наказывали. Они проявляли трогательное, сердечное и теплое участіе къ семейнымъ интересамъ ихъ товарищей и наставниковъ.

Во время опасныхъ болѣзней и разныхъ несчастій въ семьяхъ служащихъ, кадеты почти всегда выражали, какъ могли, свое участіе къ горю наставниковъ. Служили молебны, подавали просфоры о здравіи, посылали телеграммы О. Іоанну въ Кронштадтъ. Никогда не забуду того трогательнаго участія, которое проявляли кадеты во время болѣзни дифтеритомъ моей дочери. По словамъ служащихъ и разсказамъ доктора, они поджидали его, когда онъ выходилъ отъ больной, чтобы узнать о состояніи ея здоровья, молились за нее и выразили мнѣ самый искренній восторгъ, когда я, послѣ выздоровленія дочери, пришелъ поблагодарить ихъ за сочувствіе.

Новыя лица, вступавшія на службу въ заведеніе, нерѣдко выражали удивленіе мягкости и податливости воспитательному вліянію ихъ новыхъ питомцевъ. Одинъ изъ инспекторовъ, вновь назначенный въ корпусъ, писалъ мнѣ въ Крымъ, гдѣ я находился въ отпуску:

„Двѣ недѣли, проведенныя мною въ стѣнахъ Симбирскаго корпуса, произвели на меня самое отрадное впечатлѣніе. Я безъ лести долженъ сказать, что дѣло воспитанія стоитъ въ заведеніи высоко, а если и случались послѣ Вашего отъѣзда проступки, то ихъ такъ мало и сами по себѣ такъ ничтожны, что не нарушаютъ правильнаго теченія жизни“.

Когда въ 1891 году генералъ Граве окончилъ смотръ лагерныхъ запятій кадетъ и всѣ служащіе и выпускные кадеты собрались, чтобы провести послѣдній вечеръ, то Граве, остававшійся все время съ нами, уѣзжая, сказалъ мнѣ: „Я никогда ничего подобнаго не видѣлъ;—это не казенное заведеніе, а большая семья“.

Такая благопріятная атмосфера взаимныхъ отношеній въ заведеніи создалась съ самаго начала его существованія благодаря тому, что Симбирскъ былъ глухой провинціальный городъ съ уцѣлѣвшимъ еще патріархальнымъ укладомъ семейной жизни. Отсутствіе въ городѣ учрежденій, способныхъ удовлетворить духовнымъ запросамъ, невольно сближало корпорацію педагоговъ съ интересами заведенія, гдѣ протекала ихъ служба и гдѣ они скорѣе всего могли найти удовлетвореніе этимъ запросамъ.

Дѣти служащихъ находили въ стѣнахъ заведенія единственное мѣсто, гдѣ, выходя изъ тѣснаго круга семьи, могли получить соотвѣтствующее возрасту развлеченіе среди кадетъ. Общность дѣтскихъ интересовъ несомнѣнно содѣйствовала сближенію кадетъ съ семьями служащихъ, такъ что нѣкоторые воспитанники, не имѣвшіе въ городѣ родныхъ, по праздникамъ ходили въ отпускъ къ воспитателямъ и преподавателямъ. Всѣ семьи служащихъ въ первые годы по открытіи интерната собирались періодически въ залахъ заведенія, гдѣ вмѣстѣ съ воспитанниками проводили время безъ затѣй, устраивая имъ игры. Такимъ образомъ неоффиціальная жизнь заведенія главнымъ образомъ способствовала созданію того духа и традицій массы, которые составляютъ главную силу для воспитанія отдѣльныхъ личностей, являясь не врагомъ, а союзникомъ для воспитывающихъ. Отзывчивость и пылкое отношеніе къ явленіямъ жизни свойственно молодежи, но направленіе этихъ свойствъ, опирающееся на удачно сложившійся духъ школы, безконечно упрощаетъ работу педагоговъ. Оффиціальная жизнь и внѣшніе порядки не теряли ничего даже при суровыхъ требованіяхъ. *Девизъ—дружба дружбой, а служба службой—соблюдался твердо.* Географическое положеніе г. Симбирска, удаленнаго отъ большихъ центровъ и лишеннаго въ то время удобныхъ путей сообщенія зимою, было причиной, что на Рождественскіе праздники и Пасху оставалось въ заведеніи болѣе половины всѣхъ кадетъ, которые не имѣли даже знакомыхъ въ городѣ и обречены были на однообразную и замкнутую жизнь въ интернатѣ. Весьма серьезная и нелегкая задача ложилась на заведеніе, наполнить праздничный досугъ питомцевъ такими занятіями и развлеченіями, которыя способствовали бы ихъ нравственному и эстетическому развитію и давали бы имъ дѣтскія и юношескія радости, какія они находили въ родительскомъ домѣ. Для этой цѣли: 1) устраивались общія чтенія или разсказы преподавателей и воспитателей. Такъ въ теченіе первыхъ лѣтъ, сколько помнится, я разсказывалъ имъ эпизоды изъ обороны *Севастополя;* полковникъ Литвиновъ—о Туркестанѣ, путешествіи *Пржевальскаго въ Средн. Азію и Стэнли* въ центр. *Африку.* Полковникъ Поливановъ о Полтавской битвѣ и архитектурныхъ стиляхъ; преподаватель Ивановъ о мясоѣдныхъ растеніяхъ, о вредѣ отъ куренія табаку, о путешествіяхъ *къ Сѣверному полюсу,* о роли самопомощи въ дѣлѣ образованія и воспитанія и „Вопросы молодости“, впослѣдствіи напечатан-

ные. *„Вопросы молодости"* возбуждали большой интересъ воспитанниковъ, какъ изложенные въ доступной для нихъ формѣ. Много было разговоровъ и споровъ послѣ чтеній. Преподаватель Рязановъ—о литературной дѣятельности нѣкоторыхъ нашихъ классиковъ; Книперъ—о новѣйшихъ открытіяхъ въ области естествознанія и астрономіи. Пузыревскій—о воспитательномъ значеніи искусствъ. Агаповъ—о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Туркестанѣ и Китаѣ. Покровскій—разные эпизоды изъ русской и всеобщей исторіи. Законоучитель Успенскій, велъ бесѣды по очереди во всѣхъ возрастахъ. Нѣкоторыя изъ чтеній сопровождались свѣтовыми картинами. Чтенія о Глинкѣ и Чайковскомъ—исполненіемъ отрывковъ изъ ихъ произведеній хоромъ или оркестромъ. Преподавателемъ Ивановымъ были поставлены три дѣтскія оперы: „Котъ, Козелъ и Баранъ", „Квартетъ" и „Волшебная Флейта". 2) Подъ руководствомъ учителя гимнастики—англичанина Варда, устраивались гимнастическіе праздники, на которыхъ воспитанники состязались въ бѣгѣ, лазаніи, прыганіи и фехтованіи и разныхъ играхъ, между прочимъ въ футъ-болъ. Лучшіе при этомъ получали призы. Устраивались также съ нѣкоторою торжественностью бѣга на конькахъ и катанье съ горъ. 3) Въ VII-мъ классѣ бывали диспуты, т. е. нѣкоторые ученики прочитывали свои сочиненія, а желающіе изъ товарищей дѣлали свои замѣчанія, что вызывало оживленные споры, не лишенные интереса. 4) Устраивались мукальные вечера. Оркестръ и хоръ воспитанниковъ былъ постепенно поставленъ очень недурно, и вечера эти охотно посѣщались приглашенными лицами изъ родственниковъ кадетъ и жителей города. Вечера эти обыкновенно заканчивались танцами. 5) Домашніе спектакли были любимыми развлеченіями кадетъ. Женскія роли исполнялись дѣвицами и дамами изъ семей служащихъ. Домашніе спектакли, музыкальные и танцовальные вечера я считалъ весьма полезными для эстетическаго развитія юношей. Характеръ дѣйствующихъ лицъ наглядно изучался, что служило подспорьемъ при изученіи образцовъ литературы. Приготовленіе къ этимъ вечерамъ украшеній, декорацій, костюмовъ и репетиціи—значительно наполняли свободное время кадетъ. Обращеніе въ порядочномъ кругу сглаживало угловатость манеръ, вырабатывало порядочное и сдержанное отношеніе къ женскому полу и не только не приносило вреда нашимъ питомцамъ, но положительно было полезно, удерживая многихъ отъ грязныхъ и безнравственныхъ

увлеченій. Характеръ самыхъ вечеровъ былъ простой и незатѣйливый. Въ залѣ приготовлялся столъ съ самоваромъ, печеньемъ, фруктами и бутербродами. Воспитанники сами наливали чай и угощали гостей. Бесѣдовали, устраивали хоръ и кадетскій оркестръ исполнялъ музыкальныя пьесы. Иногда все это заканчивалось танцами не позже 12 часовъ.

Въ 1893 году спектакли и танцовальные вечера во всѣхъ корпусахъ были прекращены, такъ какъ Педагогическій Совѣтъ при Главномъ Управленіи и главный начальникъ В. У. З. находили эти развлеченія вредными для нравственности кадетъ, и только въ 1898 г. мнѣ удалось убѣдить военнаго министра въ пользѣ этихъ развлеченій для молодежи, и онъ приказалъ отмѣнить запрещеніе. Для того, чтобы ознакомить съ художественнымъ исполненіемъ музыкальныхъ пьесъ, всѣ гастролировавшія въ Симбирскѣ музыкальныя знаменитости приглашались въ наше заведеніе и всегда безвозмездно давали концерты въ залахъ корпуса для воспитанниковъ.

Особенно сильное впечатлѣніе производилъ хоръ Славянскаго, который каждый свой проѣздъ черезъ Симбирскъ доставлялъ удовольствіе кадетамъ, и однажды хоръ его пѣлъ Литургію въ нашей церкви. Онъ пробудилъ въ кадетахъ любовь къ народнымъ пѣснямъ и далъ имъ образецъ стройнаго и тихаго церковнаго пѣнія.

Связь корпуса съ бывшими его питомцами я старался поддерживать всѣми возможными мѣрами. 8-го сентября, въ день основанія корпуса, всегда устраивался обѣдъ, на которомъ собирались всѣ находившіеся въ городѣ или по близости бывшіе воспитанники нашего заведенія. Установлено было братство Св. Николая для оказанія помощи бывшимъ питомцамъ заведенія при случайно постигшемъ ихъ несчастіи. Всѣ бывшіе питомцы, пріѣзжавшіе въ городъ, безпрепятственно допускались во всѣ помѣщенія корпуса и всегда имѣли входъ на всѣ празднества. При проѣздѣ моемъ чрезъ нѣкоторые города— Петербургъ, Москва, Саратовъ, Рязань, Тифлисъ, бывшіе мои питомцы всегда собирались, и мы проводили время въ воспоминаніяхъ и разсказахъ о ихъ родномъ гнѣздѣ. Я считаю лучшею для себя наградою въ жизни тѣ чудныя минуты, которыя я проводилъ среди своихъ старыхъ питомцевъ, окруженный ихъ лаской и трогательнымъ вниманіемъ.

Хотя въ общемъ воспитанники были благодушны и подат-

ливы, поведеніе ихъ было удовлетворительно и отношенія къ воспитывающимъ, за нѣсколькими исключеніями, были нормальны, но были и такіе дефекты, съ которыми приходилось вести упорную борьбу. Путь нашъ не былъ усыпанъ однѣми розами—были и шипы, такъ: крайняя небережливость и небрежность къ казенному имуществу, къ вещамъ, находившимся въ ихъ пользованіи: книги, столы, мебель, одежда, очень быстро приходили въ печальный видъ. Завести порядокъ и опрятность въ ихъ классныхъ столахъ было очень трудно. Въ этомъ отношеніи вліяніе семьи оказывалось рѣзко. Дѣти изъ семьей, гдѣ наблюдалась порядливость, аккуратность и бережливость, легко поддавались въ этомъ отношеніи требованіямъ заведенія, но большинство были неисправимы. Можетъ быть и нѣкоторые воспитатели въ этомъ отношеніи грѣшили, недостаточно часто осматривали столы, вещи и книги своихъ питомцевъ. За намѣренно испорченныя вещи приходилось платить родителямъ, но это мало помогало. Пробовали мы объяснять воспитанникамъ, что за исправленіе испорченныхъ вещей будутъ употреблять деньги, предназначенныя на ихъ праздничныя удовольствія, которыхъ они такимъ образомъ лишаются. Прибѣгать къ такой мѣрѣ хотя и не приходилось, такъ какъ удовольствій лишались бы и порядочные кадеты, но, сколько помнится—такая угроза дѣйствовала на непродолжительное время, такъ какъ аккуратные кадеты стали упрекать беззаботныхъ и присматривать за ними. Борьба съ куреньемъ была совершенно безплодна и на нее затрачивалось большое количество энергіи со стороны воспитателей, которая могла бы съ большей пользой быть употреблена на другое. Испробованы были всѣ мѣры и строгія наказанія и убѣжденья во вредѣ куренія для здоровья, и чтенія разныхъ статей на эту тему. Наконецъ возникъ вопросъ о разрѣшеніи курить кадетамъ старшихъ классовъ. Явленіе это обычное для всѣхъ учебныхъ заведеній, о причинѣ такого распространенія этой привычки такъ много писалось и говорилось, что новаго едва-ли что можно придумать. Между тѣмъ преслѣдованіе этой привычки практикуетъ среди учащихся скрытность, обманъ и ложь. Допустить же куреніе было бы дѣйствительно вредно для несложившагося еще организма дѣтей. Разрѣшеніе этой дилеммы, кажется, еще не найдено.

Еще болѣе затрудненій представляетъ борьба съ нѣкоторыми дурными качествами нравственной и духовной жизни питомцевъ. Одно изъ печальныхъ явленій, которое проявлялось

время отъ времени,—это приставаніе къ новичкамъ, вымогательство и разныя обиды до побоевъ включительно.

Не могу сказать, чтобы это было заурядное явленіе, но нерѣдко происходило оно подъ давленіемъ нѣсколькихъ физически развитыхъ и грубыхъ мальчиковъ. Воспитатели довольно скоро усматривали ненормальныя отношенія и скоро устраняли ихъ разными мѣрами, преимущественно при помощи чтеній подходящихъ исторій и разговорами выясняли мальчикамъ некрасивость и неблагородство такихъ отношеній къ болѣе слабымъ товарищамъ, не имѣющимъ силы дать имъ отпоръ.

Долженъ замѣтить, что случалось—приставаніе и преслѣдованіе одного какого-либо мальчика вызывалось характеромъ и несимпатичными его свойствами. Часто избалованный дома, онъ въ сущности былъ самъ задира, а когда давали ему сдачи, то онъ бѣжалъ жаловаться, а при разборѣ дѣла самъ оказывался виновнымъ. Иногда мнѣ приходилось призывать къ себѣ нѣсколькихъ хорошихъ, надежныхъ кадетъ изъ 7 кл. и поручать имъ разслѣдовать причины приставанія и повліять на маленькихъ, проявлявшихъ жестокость и алчность по отношенію къ своимъ товарищамъ. Попытки мои въ этомъ направленіи почти всегда увѣнчивались успѣхомъ. Преслѣдованія и поборы быстро прекращались. Если преслѣдованіе мальчика происходило по причинѣ какихъ-либо безнравственныхъ поступковъ съ его стороны: воровства, обмана, безстыдства, то я всегда къ осужденію его привлекалъ его товарищей. Только общій приговоръ надъ нимъ производилъ на виновнаго потрясающее впечатлѣніе и служилъ хорошимъ урокомъ для прочихъ.

Иногда возникала вражда между цѣлыми классными отдѣленіями. Обыкновенно я въ эту вражду не вмѣшивался, и она прекращалась сама собою. Случалось, что разряжалась дракой, служившей потомъ предметомъ моей насмѣшки надъ ними.

Два раза произошла ссора между воспитанниками кадетскаго корпуса и классической гимназіи. Причиной оба раза была ревность и соперничество изъ-за учениць женской гимназіи. Общими усиліями съ директорами классической и женской гимназіи вражда замирала, но не угасала и выходила, случалось, на улицу. Юноши на мои выговоры обыкновенно отвѣчали: „Что же намъ дѣлать, когда насъ толкаютъ и оскорбляютъ, не бѣжать же намъ жаловаться, мы и сами должны умѣть по-

стоять за свою честь".—„Защищайте свою честь, но не задирайте сами", твердилъ я имъ.

Самымъ страшнымъ и тревожнымъ для меня было опасеніе, чтобы не распространилось среди мальчиковъ вновь сформированнаго заведенія половой извращенности и преждевременнаго развитія половыхъ инстинктовъ.

Въ первый годъ было обнаружено 2 случая открытаго онанизма. Я немедленно предложилъ родителямъ взять своихъ сыновей изъ заведенія. Тайный порокъ видимо существовалъ въ заведеніи, но онъ былъ тайный и никогда не переходилъ въ цинизмъ, что было весьма важно въ смыслѣ задержки его распространенія. Если мальчикъ предавался этому пороку тайно, стыдясь и скрывая это отъ товарищей, которые преслѣдовали бы его за это насмѣшками, то это было—половина бѣды. Борьба съ этимъ порокомъ всегда была трудна, по особенно она стала трудной, когда наступило порнографическое время въ нашемъ отечествѣ. Всѣ рекомендуемыя мѣры въ различныхъ сочиненіяхъ и лекціяхъ носятъ такой общій характеръ и ничего, кромѣ словъ, въ себѣ не вмѣщающій. Развитіе воли, откровенныя бесѣды съ воспитателемъ, довѣрчивое сознаніе къ нему въ своемъ порокѣ, чтеніе назидательныхъ книгъ, научное знакомство съ актомъ оплодотворенія и проч. и проч. Всѣ эти пріемы одинаково необходимы для развитія всей духовной жизни питомцевъ и выработки ихъ характера. Указывать на нихъ, какъ на спеціальные для сексуальнаго воспитанія, значитъ топтаться на одномъ мѣстѣ и повторять давно и всѣхъ извѣстныя истины. Едва-ли найдется такое заведеніе, въ которомъ этотъ порокъ въ большей или меньшей степени не существовалъ. Я долженъ сознаться, что всегда избѣгалъ говорить съ своими питомцами, о ихъ порокѣ и вообще о половыхъ актахъ. Я чувствовалъ себя неспособнымъ для такихъ разговоровъ и какъ-то стыдился ихъ. Я думалъ, что ежели мальчикъ со мною будетъ беззастѣнчиво и откровенно говорить о такихъ вещахъ, то ему совершенно будетъ не стыдно говорить съ товарищами, называя предметъ своимъ именемъ. Мнѣ казалось, что чувство стыдливости въ мальчикѣ наиболѣе гарантируетъ не искушеннаго отъ паденія. Я бывалъ доволенъ, когда мальчикъ стыдится своей наготы и выходя, напримѣръ, изъ воды во время купанья, инстинктивно прикрывался рукою и спѣшилъ надѣть рубашку. Отсутствіе всякой стыдливости можетъ быть только у маленькихъ дѣтей, а не у тѣхъ, которыя

поступаютъ въ наши заведенія. Можетъ быть я и ошибался, считая, что разговоры съ мальчиками о половыхъ чувствахъ и ихъ извращеніяхъ лежатъ внѣ моей компетенціи и что функціи эти должны лежать на законоучителѣ, докторѣ и родителяхъ.

Вообще воспитатели, по моему мнѣнію, могутъ касаться этихъ вопросовъ очень осторожно, издали, возвышая въ бесѣдахъ и идеализируя женщину и съ омерзѣніемъ относясь даже къ намекамъ на что-либо безнравственное. Очень опасно воспитателямъ вступать въ откровенные разговоры о половыхъ извращеніяхъ. Нужно для этого большое умѣнье и тактъ, чѣмъ далеко не всѣ воспитатели обладаютъ, а безъ этого можно принести не пользу, а вредъ. Половые инстинкты такъ чудовищно владѣютъ человѣкомъ при нѣкоторыхъ особенностяхъ организма и наслѣдственности, что бороться съ ними не только постороннему человѣку при помощи благочестивыхъ разговоровъ, но и самому, одержимому повышенной чувственностью— почти невозможно. Мнѣ всегда казалось, что изъ всѣхъ золъ чувственности, уничтожить коихъ мы не можемъ, надо до нѣкоторой степени мириться съ меньшимъ и болѣе естественнымъ.

Не забуду одного случая, когда я былъ инспекторомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Юноша лѣтъ 17, уроженецъ юга, полный силъ и здоровья, былъ очень хорошимъ и неглупымъ юношей и вдругъ совершенно измѣнился, сталъ раздражителенъ, дерзокъ, лѣнивъ. Мы недоумѣвали. Однажды я сидѣлъ въ кабинетѣ у директора П. И. Носовича, и мы вели бесѣду объ этомъ юношѣ и совѣщались, что бы такое сдѣлать, чтобы вернуть его на прежнюю линію. Позвали его самого, и директоръ спросилъ его, что такое съ нимъ случилось, что онъ такъ невозможно сталъ вести себя. Юноша потупился, густая краска залила его лицо, и онъ глухимъ голосомъ сказалъ: „Павелъ Ивановичъ, мнѣ стыдно сказать, но я ужасно мучаюсь... Мнѣ хочется..., я не могу съ собой справиться... Мнѣ нужна женщина“... Мы оба потупились и долго молчали, наконецъ Павелъ Ивановилъ вынулъ изъ кошелька кредитную бумажку, подалъ ее юношѣ и, не глядя на него, сказалъ: „Ступай“. Я ужаснулся и высказалъ Павлу Ивановичу, что онъ такимъ образомъ санкціонируетъ развратъ. „Что же, по вашему мнѣнію, отвѣтилъ мнѣ П. И., лучше было бы, если бы онъ другимъ способомъ удовлетворилъ свое возбужденіе“.

Я не видѣлъ зла, если мальчики ухаживали и влюблялись въ порядочныхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ; это во всякомъ слу-

чаѣ было лучше, чѣмъ порнографическая литература и скабрезныя картины, оградить отъ которыхъ нашихъ воспитанниковъ внѣ стѣнъ заведенія не было никакой возможности. Чистая, идеальная любовь, обыкновенно, не возбуждаетъ половыхъ инстинктовъ у юноши, а скорѣе сдерживаетъ ихъ. Возможны конечно исключенія, если дѣвушка сама слишкомъ развязна и плохо воспитана, что всегда можно усмотрѣть и своевременно устранить. Мнѣ удавалось даже утилизировать чистую влюбленность юношей. Я обращался иногда съ просьбой къ предмету его обожанія—повліять въ хорошую сторону на ея обожателя, если онъ былъ лѣнивъ или имѣлъ недостатки въ характерѣ.

Воспитатель въ закрытомъ учебномъ заведеніи можетъ вліять на задержку половыхъ инстинктовъ своихъ питомцевъ и на успѣшную борьбу съ ними кромѣ общихъ мѣръ для воспитанія: 1) охраняя и поддерживая всѣми силами стыдливость и съ ужасомъ относясь къ половымъ извращеніямъ; 2) превознося въ разговорахъ и при помощи литературы высокое качество юноши, если онъ обладаетъ мужествомъ твердо отстаивать свои чистыя убѣжденія передъ толпою товарищей, идущихъ на безнравственное дѣло, которому онъ лично не сочувствуетъ и не одобряетъ; что такая стойкость съ его стороны не только не идетъ въ разрѣзъ съ обычаями товарищества, но напротивъ доказываетъ высокое ихъ пониманіе, и великая заслуга человѣка, если онъ устоитъ противъ заблужденія толпы, чѣмъ непремѣнно пріобрѣтаетъ себѣ уваженіе и послѣдователей; 3) принимать всѣ доступныя ему мѣры, чтобы не допускать чтеній безнравственной литературы и картинъ; 4) развивать потребность въ чистоплотности согласно указаній гигіены. Большаго нельзя требовать отъ воспитателя. Надо между прочимъ помнить общеизвѣстную истину, что никто не можетъ дать того, чего самъ не имѣетъ.

Воспитанники наши формировались не исключительно подъ вліяніемъ режима и идей, существовавшихъ въ стѣнахъ заведенія. Родители, родственники и знакомые, къ которымъ они ходили въ отпускъ въ теченіе года и среди которыхъ проводили цѣлое лѣто, конечно вносили очень многое въ міросозерцаніе и характеръ нашихъ питомцевъ.

Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что внѣшнее вліяніе въ большинствѣ случаевъ не служило помощью въ нашемъ дѣлѣ. Рѣзкая критика порядковъ заведенія и отдѣльныхъ членовъ

нашей корпораціи происходила зачастую въ присутствіи и при участіи питомцевъ корпуса и конечно колебала авторитетъ и уваженіе къ наставникамъ и требованіямъ заведенія, которыя считались родителями излишними и не только ими не поддерживались, но и нарушались при ихъ содѣйствіи. Случались кутежи и даже распутство при участіи взрослыхъ членовъ семьи. Строгое отношеніе къ нимъ со стороны заведенія, когда они обнаруживались, вызывало открытый протестъ со стороны родственниковъ.

Помню, однажды я былъ съ визитомъ въ одномъ семействѣ изъ интеллигентнаго общества Симбирска. Въ гостиной, гдѣ приняла меня хозяйка дома, былъ ея сынъ кадетъ и еще двое его товарищей. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, она обратилась къ кадетамъ:—„Господа, что же вы не курите, пожалуйста не стѣсняйтесь“, и когда тѣ смущенно посмотрѣли на меня, то почтенная дама обратилась ко мнѣ: „Вѣдь Вы, конечно, не запретите въ моемъ домѣ курить моимъ гостямъ“ и въ присутствіи кадетъ начала цѣлый трактатъ, что слѣдуетъ разрѣшить имъ курить, что лучше, если они будутъ это дѣлать явно, а не тайно, съ обманомъ. Юноши, сконфуженные, тотчасъ одинъ за другимъ удалились изъ гостиной, вѣроятно въ отдѣльныя комнаты для куренія не въ моемъ присутствіи.

Однажды войдя въ буфетъ при театрѣ, я увидѣлъ господина, который наливалъ въ рюмку водку себѣ и своему сыну кадету, тутъ же стоящему. Увидя меня, онъ, нисколько не смущаясь, любезно обратился ко мнѣ: „Ваше Превосходительство, не выкушаете ли вмѣстѣ съ нами“. Въ отвѣтъ я обратился къ кадету:—„Отправляйтесь немедленно въ корпусъ“.

Въ перепискахъ съ родителями я часто получалъ благодарности и восхваленія себѣ и заведенію, но нерѣдко и жалобы на отдѣльныхъ лицъ и порицанія принятымъ мѣрамъ относительно ихъ дѣтей. Хотя я всегда внимательно относился къ этимъ жалобамъ, но очень рѣдко находилъ ихъ основательными, а подчасъ онѣ возмущали меня, а случалось и смѣшили.

Какъ образецъ, приведу выдержку изъ письма одного родителя:

„Вслѣдствіе полученныхъ мною отзывовъ о поведеніи и занятіяхъ моего сына, кадета V класса, имѣю честь просить Ваше Превосходительство употребить противъ него отеческія мѣры, хорошенько посѣчь его розгами, и я вполнѣ увѣренъ— лѣнь и баловство совершенно прекратятся. Если одинъ окажется мало, то по пяти разъ повторять въ день, пока не получится

хорошихъ результатовъ, а что будетъ въ этомъ польза, то прошедшія каникулы въ моемъ домѣ имѣли большой успѣхъ въ его занятіяхъ и поведеніи".

Подобныя пожеланія и рекомендаціи такихъ мѣръ со стороны родителей я получалъ не разъ. Былъ даже случай, когда отецъ, пріѣхавшій изъ отдаленной мѣстности навѣстить сына, пришелъ ко мнѣ и просилъ моего распоряженія приготовить розги и указать мѣсто, гдѣ онъ могъ бы высѣчь своего сына. Случалось, что отецъ формально просилъ не отпускать сына къ матери и обратно. Частые дефекты современной семейной жизни неблагопріятно отражались на дѣтяхъ. Непривлекательная сторона ихъ, можетъ быть, иногда и служила поучительнымъ примѣромъ для вдумчивыхъ юношей, но вообще она вносила горечь и какую-то разочарованность въ дѣтскую душу. Заведеніе не могло вторгаться въ эту сферу, хотя и приходилось мнѣ иногда становиться посредникомъ въ спорахъ родителей изъ-за дѣтей.

Тогда еще не существовало родительскихъ комитетовъ, но я иногда приглашалъ къ себѣ родителей для частной педагогической бесѣды. Особой пользы за весьма малымъ исключеніемъ для дѣла изъ этого не выходило.

Впослѣдствіи въ Симбирскѣ образовался родительскій педагогическій кружокъ съ цѣлью сближенія родителей и учителей. Я очень сочувствовалъ ему и съ своей стороны способствовалъ осуществленію этой мысли. Но онъ вскорѣ перешелъ на политическія темы и занялся пропагандой ихъ.

Я уже оставилъ службу и покинулъ Симбирскъ, когда получились результаты дѣятельности этого кружка, результаты чуждые его первоначальной цѣли.

Въ послѣднее десятилѣтіе минувшаго столѣтія послышались въ обществѣ и литературѣ нападки на наши военно-учебныя заведенія. Указывалось на слабость умственнаго развитія кадетъ, на отсутствіе въ нихъ интереса къ книгамъ, на недостатокъ самостоятельности мышленія и отсутствіе принциповъ нравственнаго поведенія. Говорили, что классная дисциплина имъ незнакома и привлечь вниманіе учениковъ къ предмету занятій на урокѣ становится почти невыполнимой задачей. Постоянно практикуются — отказъ, уходъ въ лазаретъ и до крайности искусно организованныя подсказыванье и списыванье. Приготовленіе уроковъ плохо и показываетъ полное равнодушіе къ наукѣ. Стремленіе кадетскихъ корпусовъ, чтобы всѣ воспитанники успѣшно оканчивали курсъ заведенія, вызывало сочув-

ствіе, но утверждали, что цѣль если и достигается, то только крайней снисходительностью въ оцѣнкѣ успѣховъ, а въ дѣйствительности познанія учениковъ крайне слабы и разъ допущенныя послабленія въ требованіяхъ научныхъ знаній идутъ все дальше. Всѣмъ этимъ яко-бы объясняется, что при сравнительно лучшихъ внѣшнихъ условіяхъ кадетскіе корпуса достигаютъ въ учебномъ дѣлѣ значительно худшихъ результатовъ, нежели гимназіи и реальныя училища.

Причину такого мрачнаго положенія учебнаго дѣла въ кадетскихъ корпусахъ видѣли въ противорѣчіи между задачами воспитывающаго обученія и требованіями военной субординаціи, въ преждевременной спеціализаціи учащихся на поприщѣ военной выправки, которая яко-бы стремится всѣхъ обезличить и нивеллировать, все сводитъ къ служебному формализму, забиваетъ самолюбіе, требуетъ полнаго послушанія, дѣйствуя не убѣжденіемъ, а силою власти—приказаніемъ; караетъ не заботясь объ исправленіи и что военный ореолъ воспитателя подрываетъ внѣшній авторитетъ представителя науки.

Указывалось также на необезпеченность и ненормальность положенія учебнаго персонала какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ недостаткѣ свободы и иниціативы въ преподаваніи. Наконецъ указывалось на излишнюю регламентацію и неумѣренное желаніе направлять дѣло циркулярами и предписаніями свыше.

Во всѣхъ этихъ нареканіяхъ была доля правды, но краски были слишкомъ сгущены и видимо накладывались людьми мало знакомыми съ жизнью военно-учебныхъ заведеній. Мнѣ пришлось тогда же возражать въ печати противъ такихъ преувеличенныхъ заключеній.

Въ томъ, что въ обществѣ и печати существовало недовольство на неудовлетворительность нашихъ средне-учебныхъ заведеній и въ особенности военныхъ, нѣтъ ничего безотраднаго и это вполнѣ естественно. Было бы странно и нежелательно, если бы общество и педагоги пришли къ убѣжденію, что въ школьномъ дѣлѣ все обстоитъ благополучно и болѣе не требуется никакихъ поправокъ. Жизнь властно требуетъ движенія, предлагая все новые и новые запросы.

Недостатокъ классной дисциплины въ учебныхъ заведеніяхъ въ значительной степени лежитъ въ личныхъ свойствахъ учителя, ибо одно и то же классное отдѣленіе нерѣдко представляетъ разнообразныя картины класснаго благоустройства, но, правда,

бываютъ и такіе классы, на которые жалуются почти всѣ преподаватели.

Безъ сомнѣнія, въ каждомъ учебномъ заведеніи, будь оно военное или иное, всегда есть дѣти и юноши малоспособные, лѣнивые по натурѣ и нравственно испорченные, не поддающіеся по разнымъ причинамъ воздѣйствію ни педагоговъ, ни родителей. Они дѣйствительно тормозятъ классную работу, мѣшаютъ учителямъ и товарищамъ. Чѣмъ больше такихъ субъектовъ на урокѣ, тѣмъ чаще возможны случаи нарушенія класснаго порядка даже у хорошихъ и опытныхъ преподавателей. Для исправленія этихъ по истинѣ жалкихъ существъ, каждое заведеніе принимаетъ мѣры, которыя однако же не всегда увѣнчиваются успѣхомъ и тогда приходится удалять ихъ изъ заведенія, что бываетъ необходимо для пользы всѣхъ остальныхъ.

Но вотъ тутъ военно-учебныя заведенія поставлены въ весьма неблагопріятныя условія сравнительно съ другими школами, вслѣдствіе чего и является, быть можетъ, больше затрудненій въ достиженіи образцовой классной дисциплины.

Кадетскіе корпуса кромѣ учебно-воспитательныхъ цѣлей преслѣдуютъ въ извѣстной степени и цѣли благотворительныя. Въ нихъ воспитываются преимущественно дѣти военно-служащихъ, которые по роду своей службы часто жертвуютъ своею жизнью на пользу Государству, которое, въ уваженіе службы таковыхъ, приходитъ имъ на помощь, беря на себя воспитаніе ихъ дѣтей.

Въ гимназіяхъ, реальныхъ и другихъ училищахъ исключеніе изъ заведенія дѣлается довольно просто: Педагогическій Совѣтъ постановляетъ рѣшеніе и оно немедленно приводится въ исполненіе съ донесеніемъ попечителю округа. Исключенные мальчики тотчасъ же обращаются къ обычному занятію той среды, изъ коей они происходятъ. Родители - ремесленники пристраиваютъ мальчика къ ремеслу, купецъ посылаетъ его въ лавку, въ земледѣльческомъ быту тоже находится для него работа, мѣстное дворянство можетъ помѣстить его въ другое учебное заведеніе, даже мелкій чиновникъ скорѣе найдетъ возможность куда-нибудь его пристроить.

Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ находятся дѣти въ кадетскихъ корпусахъ. Ихъ дальнѣйшая участь бываетъ самая печальная.

Родителямъ трудно, часто невозможно бываетъ куда-либо пристроить изгнаннаго. Ни ремесленникомъ, ни прислугой не позволяютъ ему сдѣлаться извѣстныя традиціи и соціальное

положеніе родителей, а матеріальныхъ средствъ для болѣе подходящаго исхода нѣтъ. Положеніе по истинѣ трагическое.

Тотъ, кому приходилось видѣть отчаяніе матерей въ подобныхъ случаяхъ, пойметъ смыслъ моихъ словъ. А ежели у мальчика нѣтъ ни отца, ни матери, ни близкихъ родственниковъ, то вѣдь такого ребенка приходится изгонять на улицу. Надо при этомъ замѣтить, что жизнь въ интернатѣ сближаетъ ребенка съ воспитателемъ и другими членами корпораціи, между ними образуется невидимая связь, и на исключеніе мальчика на улицу часто не подымается рука. Въ силу этого нерѣдко приходится держать въ заведеніи дѣтей видимо неспособныхъ, лѣнивыхъ и испорченныхъ, дѣлать всевозможныя снисхожденія въ ихъ научныхъ занятіяхъ, чтобы довести до окончанія курса и тѣмъ понижать уровень знаній и нравственныхъ качествъ будущихъ юнкеровъ и офицеровъ. Надо, однако, отмѣтить, что бываютъ случаи, когда эта снисходительность вознаграждается, и изъ обреченнаго на изгнаніе выходитъ хорошій работящій юноша. Такимъ образомъ, въ силу обстоятельствъ, помимо теоретическихъ соображеній о необходимости для школы доводить всѣхъ своихъ питомцевъ до окончанія курса, образуется постепенно, иногда довольно значительный, балластъ для заведенія въ видѣ малоспособныхъ, лѣнивыхъ и испорченныхъ дѣтей, балластъ, который понижаетъ общій уровень требованій и тормозитъ успѣшный ходъ классныхъ занятій. Преподаватель и воспитатель производятъ значительную затрату энергіи, отнимая ее отъ дѣла болѣе плодотворнаго, отъ работы со способными и желающими учиться учениками. Послѣдніе скучаютъ отъ пережевыванія уже усвоеннаго ими матеріала, мало-по-малу отвыкаютъ отъ необходимости извѣстнаго умственнаго напряженія, поддаются временной апатіи на урокѣ или занимаются дѣломъ, не относящимся къ уроку. Здѣсь же заключается причина неспокойнаго состоянія класса. Преподаватель волнуется, теряетъ необходимое равновѣсіе и малоопытный или малодаровитый дѣлаетъ промахи. Это еще болѣе подливаетъ масла въ огонь и поневолѣ ему приходится искать поддержки во власти воспитателя или инспектора классовъ. Во всемъ сказанномъ, я думаю, лежитъ главная причина того, что классную дисциплину быть можетъ труднѣе поддерживать въ кадетскихъ корпусахъ, нежели въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ то утверждаютъ въ упомянутыхъ нареканіяхъ, ежели они справедливы.

Какимъ же способомъ можно разрѣшить эту дилемму: не по-

нижая уровня познаній и развитія учениковъ, дать имъ возможность докончить свое образованіе.

Кромѣ усиленныхъ заботъ о неуспѣшныхъ, посредствомъ дополнительныхъ уроковъ усиленной помощи воспитателей въ часы приготовленія уроковъ, въ послѣднее время сталъ часто практиковаться еще переводъ безнадежныхъ учениковъ изъ одного Корпуса въ другой. Мѣра эта иногда оказывается успѣшной. Мальчикъ, переведенный въ другое заведеніе, при иной обстановкѣ, окруженный другими людьми, наученный горькимъ опытомъ и свободный отъ составившейся и тяготѣвшей надъ нимъ дурной репутаціи, подтягивается, принимается за работу и хотя не блестяще оканчиваетъ курсъ. Всѣ эти мѣры, однако же, далеко не достигаютъ цѣли, имѣютъ и обратную сторону, и балластъ продолжаетъ тяготить заведеніе въ ущербъ общему ходу дѣла.

Прежде, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, существовали военныя прогимназіи, переименованныя потомъ въ военныя школы. Военныя гимназіи, а потомъ кадетскіе корпуса имѣли возможность переводить въ другое заведеніе своихъ неудачниковъ. Тамъ курсъ былъ пониженъ и посильный для слабыхъ учениковъ. Чрезъ это выигрывали и корпуса, и дѣти, и родители.

Заведенія низшаго типа въ системѣ военно-учебныхъ заведеній были учреждены или преобразованы въ эпоху реформъ въ 60-хъ годахъ именно съ цѣлью дать возможность малоспособнымъ дѣтямъ пройти курсъ болѣе для нихъ посильный и получить способъ для дальнѣйшаго существованія. Мѣра эта была въ высшей степени гуманной и необходимой при извѣстномъ откликѣ благотворительности, которую носили военныя гимназіи. Кромѣ того, для нравственно-испорченныхъ дѣтей была Вольская военная школа, имѣвшая спеціальный характеръ исправительнаго учебнаго заведенія. Имѣя возможность своевременно освобождаться отъ непригоднаго матеріала, военныя гимназіи могли тогда выше держать уровень научныхъ знаній, да и возрастъ учащихся тогда рѣже переходилъ извѣстный предѣлъ, выше котораго неудобно держать юношей при одинаковомъ режимѣ съ 10—11 лѣтними дѣтьми. Уничтоженіе низшаго типа военно-учебныхъ заведеній отразилось крайне неблагопріятно на положеніи учебнаго и воспитательнаго дѣла въ кадетскихъ корпусахъ.

Не знаю, какія причины вызвали уничтоженіе военныхъ школъ.

Думаю, что и военныя училища, въ которыя теперь иногда попадаютъ крайне слабо подготовленные кадеты, тоже выиграли бы, если бы военныя школы продолжали существовать.

Что касается упрековъ въ отсутствіи научныхъ интересовъ и любви къ умственнымъ занятіямъ нашего юношества въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, то такое огульное обвиненіе несправедливо и невѣрно. Искать чистаго интереса къ наукѣ въ средней школѣ, особенно въ младшихъ классахъ, мнѣ кажется, преждевременно, ибо тамъ потребляются корни ученія, которые по старинному изреченію — горьки. Въ господствующемъ нынѣ усиленномъ стремленіи облегчить дѣтямъ трудъ пріобрѣтенія знаній, съ цѣлью возбудить въ нихъ охоту къ нему, мнѣ кажется, есть нѣкоторое увлеченіе. Ученье есть все-таки серьезный трудъ, а не исключительно пріятное препровожденіе времени, каковымъ желаетъ его сдѣлать современная педагогія, которая вся ушла въ заботу объ облегченіи.

Иногда облегченіе не только не способствуетъ развитію, а напротивъ вызываетъ отупленіе въ томъ удовольствіи, которое испытываетъ человѣкъ отъ сознанія преодолѣнія труднаго дѣла. Впечатлѣнія, выжитыя въ дѣтствѣ собственнымъ усиліемъ, гораздо глубже остаются въ послѣдующей жизни, чѣмъ самая облегченная система. Чистый интересъ къ знанію начинаетъ проявляться только въ старшихъ классахъ у отдѣльныхъ учениковъ и постепенно заражаетъ другихъ.

Въ кадетскихъ корпусахъ это наблюдается, какъ и въ другихъ школахъ, и каждый годъ многіе изъ учениковъ оканчиваютъ курсъ съ стремленіемъ работать дальше. Наши военныя академіи не терпятъ недостатка въ офицерахъ, желающихъ продолжать научныя занятія, а напротивъ, не могутъ удовлетворить всѣхъ желающихъ. Можетъ быть ученики гимназій и реальныхъ училищъ производятъ впечатлѣніе болѣе развитыхъ юношей. Объясняю это тѣмъ, что они лишній годъ посвящаютъ курсу среднихъ учебныхъ заведеній, что въ этомъ возрастѣ составляетъ значительный плюсъ. Надо еще принять во вниманіе, что воспитанники кадетскихъ корпусовъ, обставленные всѣмъ необходимымъ, не знаютъ нужды, не принуждены добывать себѣ въ годы ученья средствъ къ жизни и плату за обученіе, какъ то нерѣдко случается съ учениками другихъ учебныхъ заведеній, не имѣющихъ въ себѣ элементовъ благотворительности. Между ними есть такіе, которые послѣ классовъ идутъ на заработокъ въ качествѣ репетиторовъ. Они такимъ образомъ видятъ тотчасъ матеріальный, а не чисто на-

учный интересъ въ своихъ научныхъ занятіяхъ, утилизируютъ пріобрѣтенныя знанія. Такимъ образомъ, трудъ ихъ ощутительно вознаграждается, и это служитъ вѣскимъ стимуломъ для успѣшности ихъ научныхъ занятій, гораздо большимъ, чѣмъ всяческія облегченія. Большинство учениковъ открытыхъ учебныхъ заведеній пользуются большей свободой, чаще вращаются въ средѣ тѣхъ старшихъ товарищей, которые учатся или окончили курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Общеніе съ ними развиваетъ ихъ умственно, хотя весьма часто неправильно. Не рѣдко можно встрѣтить среди нихъ юношей, съ увѣренностью трактующихъ о предметахъ, мало доступныхъ ихъ пониманію, и погруженныхъ въ чтеніе книгъ, для нихъ непосильныхъ; отъ этого, быть можетъ, и происходитъ обманчивое впечатлѣніе объ ихъ умственномъ развитіи. Не знаю, слѣдуетъ ли этому радоваться или сожалѣть. Охота къ осмысленному чтенію серьезныхъ книгъ имѣетъ, конечно, немаловажное значеніе для общаго развитія юношей. Такія чтенія организуются во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ и практикуются больше или меньше въ зависимости отъ личнаго педагогическаго состава, отъ разныхъ, часто побочныхъ обстоятельствъ.

Когда внѣклассныя чтенія удается хорошо обставить, то замѣчается, что настроеніе кадетъ и ихъ отношенія къ ученію и своимъ нравственнымъ качествамъ, къ порядкамъ заведенія, къ наставникамъ, товарищамъ и прислугѣ принимаютъ болѣе разумный и вдумчивый характеръ, кругозоръ ихъ дѣлается шире, замѣчается усиленіе духовныхъ интересовъ. Большинство кадетъ очень охотно и съ интересомъ слушаютъ эти чтенія, многіе охотно входятъ въ область отвлеченныхъ вопросовъ, зарождающихся въ ихъ головахъ при этихъ чтеніяхъ. Это даетъ обильный матеріалъ для разговоровъ съ наставниками.

Не меньшее значеніе имѣетъ организація кружковъ между учениками съ научной или художественной цѣлью. Все это практикуется въ кадетскихъ корпусахъ.

Надо, однако же, замѣтить, что и въ хорошемъ должно быть чувство мѣры. Не мало есть кадетъ, которые читаютъ много и увлекаются чтеніемъ. Такое неумѣренное чтеніе, доставляя пріятное и легкое занятіе, пріучаетъ скользить по теченію чужихъ мыслей, ослабляетъ способность къ самостоятельному мышленію и вдумчивости. Быстрая смѣна впечатлѣній и идей колеблетъ привычку къ болѣе серьезному труду. Не рѣдко юноша, много читающій, оказывается слабымъ въ знаніи того, что составляетъ предметъ уроковъ.

Неумѣренная склонность къ разговорамъ на отвлеченныя темы можетъ образовать резонеровъ и фразеровъ, которые съ удовольствіемъ будутъ разсуждать и спорить на разныя темы: о свободѣ воли, о счастіи, о значеніи труда, объ общественныхъ идеалахъ и проч., не имѣя при этомъ элементарныхъ фактическихъ знаній. Споры эти носятъ голословный бездоказательный характеръ и могутъ образовать привычку считать легкимъ и понятнымъ то, что въ дѣйствительности трудно, и вмѣсто добраго и яснаго настроенія внесутъ чувство вѣчной тревоги. Частое отвлеченіе отъ здравой дѣйствительности въ область чистыхъ идей, непосильныхъ для неокрѣпшаго ума, иногда порождаетъ безмѣрное самомнѣніе, постоянное недовольство существующимъ и пагубную привычку искать причину всѣхъ золъ и собственныхъ неудачъ не въ себѣ, а внѣ себя. Юноши впадаютъ въ какую-то странную мизантропію и разочарованность и утрачиваютъ самое цѣнное свойство молодости—жизнерадостность. Поэтому внѣклассное чтеніе должно вызвать самое внимательное и серьезное отношеніе къ себѣ со стороны педагогической корпораціи. Оно, по моему мнѣнію, должно служить дополненіемъ къ различнымъ отраслямъ знаній, преимущественно литературныхъ, проходимыхъ на курсѣ. Тогда эти чтенія являются могущественнымъ средствомъ для возбужденія интереса къ наукамъ.

До крайности искусно организованное подсказываніе, считываніе и проч., за что такъ усердно упрекаютъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ, конечно, существуетъ вездѣ и существовало всегда, и на эти грѣхи, я думаю, не слѣдуетъ смотрѣть очень мрачно, оно вовсе не указываетъ на дурныя свойства дѣтей и юношей. Въ этихъ грѣхахъ, на мой взглядъ, есть даже симпатичная сторона: товарищъ забылъ, не знаетъ чего-либо, сбился, „захлеснуло“, какъ говорятъ,—ну, какъ же не придти на помощь, даже съ рискомъ для себя. Никогда никто изъ учащихся не считалъ это мошенничествомъ, а напротивъ осуждается тотъ, кто, видя бѣду, не поспѣшилъ на выручку и равнодушно смотритъ на провалъ и неудачу товарища. Въ это время никто не думаетъ, что такимъ наивнымъ способомъ обмануть сколько-нибудь опытнаго преподавателя трудно и помочь ничего незнающему тоже нельзя.

Мнѣ случалось, замѣтивъ покушеніе кого-либо подсказать отвѣчающему, говорить: „Вы желаете подсказать товарищу. Подскажите,—я Вамъ разрѣшаю“. Послѣ подсказа дѣло не налаживалось. И два и три раза разрѣшалъ подсказывать, а

часто никакого благого результата отъ этого не получалось. Случалось мнѣ просто давать отвѣчающему въ руки учебникъ, чтобы онъ прочелъ чего не знаетъ. И если онъ дѣйствительно не зналъ или не понималъ того, что ему надо было отвѣчать, то и учебникъ не всегда приносилъ пользу. Если же это средство помогало, то я могъ только радоваться: значитъ, зналъ да забылъ, что всегда возможно при томъ тревожномъ состоянiи духа, въ которомъ многiе находятся при отвѣтахъ, а въ особенности на экзаменахъ подъ давленiемъ балловъ 5 или 6, рѣшающихъ дальнѣйшую судьбу его. Сознаю, такiя мысли могутъ показаться ересью въ глазахъ педагоговъ.

Такъ называемые общiе отказы всѣмъ классомъ бываютъ:— иногда происходятъ они по причинамъ уважительнымъ, т. е. когда дѣйствительно классъ заваленъ работой, а чаще въ угоду нѣсколькихъ учениковъ и по товарищескому чувству и обычаю остальныхъ.

Когда я былъ преподавателемъ, то въ случаѣ общаго заявленiя, что урокъ не успѣли приготовить, я, обыкновенно спросивъ причину, говорилъ „не приготовили, ну такъ садитесь и готовьте“ и минутъ черезъ 20 начиналъ спрашивать и объяснять дальше. Отвѣты большею частью получались удовлетворительные и никакого неудобства я отъ этого не испытывалъ. Я думаю, что такiе отказы существуютъ во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ.

Перехожу къ тѣмъ причинамъ неудовлетворительности въ кадетскихъ корпусахъ положенiя учебной и воспитательной части, на кои указываютъ въ литературѣ и обществѣ. Начну съ военной дисциплины. Я знаю и педагоговъ, которые считаютъ, что элементы военной дисциплины, принятой въ кадетскихъ корпусахъ, обезличиваютъ ихъ питомцевъ, подавляютъ самостоятельность мысли и проч.; они считаютъ, что военная дисциплина неумѣстна въ школѣ, ибо ничего общаго съ школьной дисциплиной не имѣетъ. По моимъ личнымъ наблюденiямъ и опыту, я не могу раздѣлить такого взгляда и думаю, что школьная дисциплина есть та же военная, разумно понимаемая и примѣняемая къ возрасту. Та и другая въ сущности преслѣдуетъ однѣ и тѣ же цѣли и имѣетъ въ себѣ одинаковый внутреннiй смыслъ. Думаю даже, что въ такомъ видѣ, какъ она понимается въ кадетскихъ корпусахъ, она не помѣшала бы дѣлу и въ учебныхъ заведенiяхъ другихъ вѣдомствъ.

Военная дисциплина, напримѣръ, требуетъ извѣстнаго внѣш-

няго вида, извѣстной манеры по отношенію къ другимъ людямъ, умѣнья и прилично себя держать въ обществѣ. Почтительность къ старшимъ нисколько не мѣшаетъ тому же ребенку или юношѣ свободно, довѣрчиво и откровенно бесѣдовать съ старшими. Выдержка и тактъ, т. е. умѣнье быстро переходить отъ отношеній дѣловыхъ, служебныхъ къ отношеніямъ иного житейскаго порядка,—умѣнье очень цѣнное и въ военной средѣ было хорошо развито (Дружба дружбой, а служба службой). Юноша сдержанный въ манерахъ скорѣе пріобрѣтетъ внутреннее спокойствіе. Слѣдовательно, забота о приличіи и благовоспитанности служитъ также средствомъ для душевнаго воспитанія, да и вообще хорошія привычки служатъ могущественнымъ союзникомъ въ воспитаніи человѣка, оставляя ему больше досуга и сохраняя его силы для сознательной дѣятельности.

Думаю, что такая выправка ничего отталкивающаго въ себѣ не имѣетъ и не противорѣчитъ цѣлямъ всякой школы. Военная дисциплина требуетъ повиновенія и исполненія своихъ обязанностей не только за страхъ, но и за совѣсть. Уваженіе къ личности и чужому мнѣнію, забота и внимательное отношеніе къ младшимъ, находчивость, забвеніе себя въ интересахъ дѣла и долга,—все это, требуемое военной дисциплиной, развѣ не цѣнно для всякой школы или противорѣчитъ правиламъ школьной дисциплины. Едва-ли здѣсь можетъ быть два различныхъ мнѣнія. Я думаю, рѣчь можетъ идти только о внѣшнихъ пріемахъ для достиженія этихъ общихъ цѣлей и для военной и вообще для школьной дисциплинъ. Пріемы эти подробно изложены и разработаны въ инструкціи по воспитательной части въ кадетскихъ корпусахъ. Тамъ же изложены принципы примѣненія наказаній, принципы весьма разумные и гуманные. Въ нихъ рѣшительно нѣтъ ничего противорѣчащаго тѣмъ педагогическимъ принципамъ и пріемамъ, которые могли бы считаться разумными въ примѣненіи ко всякой школѣ. Невѣрное примѣненіе ихъ на практикѣ конечно встрѣчается въ особенности у молодыхъ военныхъ воспитателей, только что покинувшихъ строй и еще не усвоившихъ себѣ особенностей кадетскаго режима.

Примѣненіе командныхъ словъ громкимъ голосомъ, часто неизбѣжное въ большихъ массахъ, практикуется ими на первыхъ порахъ не умѣренно, но способный офицеръ скоро пойметъ, что исключительно громкимъ голосомъ нельзя достигнуть авторитетности, а иногда это можетъ даже повредить дѣлу и вызоветъ нѣкоторое равнодушіе къ его словамъ. Пойметъ также,

что рѣзкое, начальническимъ тономъ отдаваемое приказаніе не служитъ гарантіей его добросовѣстнаго исполненія.

Бываютъ однако же случаи, когда общепринято отдавать приказаніе громко и кратко. Такъ: дѣти или юноши въ свободное отъ занятія время предаются шумной, свойственной возрасту рѣзвости, одни прыгаютъ и бѣгаютъ, другіе громко спорятъ, третьи борются, ссорятся и даже дерутся. Пришло время прекратить шумъ, понадобилось общее вниманіе для отдачи какого-либо приказанія. Громко на всю залу или дворъ раздается командное слово — „смирно", и по этому магическому слову привыкшая къ дисциплинѣ толпа мгновенно умолкаетъ и замираетъ. Отдается извѣстное распоряженіе среди полной тишины, и когда оно высказано, то приводится немедленно въ исполненіе, или говорятъ—командуютъ—„вольно", и шумная жизнь возобновляется. Никто никогда изъ воспитанниковъ такимъ пріемомъ не тяготился и не видѣлъ покушенія на его самобытность или свободу, и, если вообще въ школѣ при подобныхъ условіяхъ произносятся другія слова, а не принятыя въ военной терминологіи, и достигаютъ такихъ же результатовъ,—то это конечно безразлично. Привычка повиноваться звукамъ военной терминологіи оказываетъ нерѣдко важную услугу въ случаѣ, когда масса воспитанниковъ почему-либо возбуждена и готова перейти границы извѣстнаго школьнаго благоустройства и такимъ образомъ совершить проступокъ, не терпимый во всякой школѣ, называемый массовымъ безпорядкомъ. Въ этихъ случаяхъ иногда бываетъ достаточно нѣсколькихъ секундъ общаго молчанія, чтобы измѣнить общее настроеніе. Этими секундами тишины опытный и способный воспитатель воспользуется, чтобы спокойнымъ тихимъ голосомъ возбудить любопытство молодежи и дать другой импульсъ ихъ настроенію. Разумѣется, воспитатель, который не можетъ подыскать другихъ словъ, кромѣ громко произносимыхъ „смирно", „равняйтесь" и проч., не всегда возстановитъ порядокъ. Не знаю, какіе иные пріемы должны быть немедленно употреблены въ аналогическихъ случаяхъ школьной дисциплиной. Видѣлъ я не разъ разбушевавшихся школьниковъ заведенія, гдѣ совсѣмъ не практикуются внѣшніе пріемы такъ называемой военной дисциплины, и, откровенно говоря, не могъ въ эти минуты позавидовать положенію ихъ надзирателей и наставниковъ. Уваженіе къ воинскому строю и привычка повиноваться командным словамъ военной терминологіи конечно болѣе важны для юношей, которые готовятся для строевой

службы, чѣмъ для гражданской, но и для послѣднихъ едва-ли она можетъ быть вредна. Для спеціальной роли будущихъ воиновъ весьма важно съ дѣтства привить имъ свойства, нужныя для этой роли.

Очень ошибаются тѣ, кто думаетъ, что внѣшняя суровость, строгая, но справедливая требовательность отталкиваетъ молодежь и забиваетъ ее. Повѣрьте, что молодежь очень чутка къ характеру внутренняго отношенія къ нимъ воспитывающихъ и обучающихъ; они даже больше любятъ грубыхъ и строгихъ по виду, но любящихъ ихъ и справедливыхъ, чѣмъ тѣхъ, которые вѣжливымъ и безупречнымъ тономъ наставляютъ ихъ, не любя. Ученики лучше чувствуютъ себя при внѣшнемъ порядкѣ и сами не любятъ распущенности, хотя пользуются ею. Они въ душѣ не очень уважаютъ ту слащавую гуманность, которая, непомѣрно стремясь развить чувство собственнаго достоинства и самостоятельности, нерѣдко создаетъ уродливое самолюбіе и вливаетъ въ ихъ обиходъ отравляющую струю безотвѣтственности. Они инстинктивно понимаютъ мудрый совѣтъ Крыловскаго повара. Принужденіе еще не можетъ быть исключено изъ обихода человѣчества. Оно въ большинствѣ случаевъ у дѣтей не оставляетъ горькихъ воспоминаній впослѣдствіи, а иногда вспоминается даже съ благодарностью. Мнѣ приходилось встрѣчать своихъ бывшихъ питомцевъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, которымъ много отъ меня доставалось, и я слышалъ отъ нихъ: —„спасибо, что во-время приструнили". Ихъ отношенія ко мнѣ часто были добродушнѣе и сердечнѣе, чѣмъ примѣрныхъ юношей, съ которыми мнѣ меньше приходилось имѣть дѣло въ заведеніи. Я думаю, каждый можетъ вспомнить случаи изъ своей жизни, когда страсти и увлеченія подавлялись не собственными усиліями воли, а силою, исходящею извнѣ, что спасало отъ нежелательныхъ и часто гибельныхъ послѣдствій и потомъ вспоминалось съ благодарностью къ этой внѣшней силѣ. Думаю, что сознаніе необходимости подчинять иногда свою волю не есть доказательство слабости характера.

Несправедливость воспитывающихъ, подчасъ даже кажущаяся воспитанникамъ, производитъ на нихъ потрясающее впечатлѣніе: у нѣкоторыхъ неудержимыя слезы и рыданія, у другихъ, которые желаютъ удержать слезы,-конвульсивныя движенія въ лицѣ и судорожное хватаніе за голову, крайнее озлобленіе и рѣзкія выходки у однихъ и совершенная подавленность у другихъ.

Не разъ мнѣ приходилось, обходя спальни кадетъ ночью,

увидѣть мальчика, вздрагивающаго, судорожно подъ одѣяломъ. Я подходилъ къ нему и открывалъ голову. Заплаканное лицо и судорожное всхлипываніе. „Что съ тобой, о чемъ ты,“—онъ неспр-а-а-вед-ли-во меня наказалъ, я не-вино-оватъ. Сядишь къ нему на кровать и начнешь разспрашивать; съ трудомъ онъ разскажетъ. „Ну, успокойся и спи, завтра разберу“ — и на лицѣ у него блаженная улыбка.

Считаю, что всѣ мы, педагоги, должны быть крайне внимательны и осторожны въ этомъ отношеніи, ибо та внутренняя справедливость, которая оцѣниваетъ проступки и промахи питомцевъ не только съ формальной стороны, но и по внутреннимъ мотивамъ есть самое главное и обязательное свойство педагога. Не обладающій этимъ свойствомъ и не умѣющій отличать важное отъ второстепеннаго въ поступкахъ дѣтей долженъ совершенно отказаться отъ педагогической дѣятельности.

Конечно, никто изъ насъ не можетъ съ полной увѣренностью сказать о себѣ, что онъ никогда не погрѣшалъ въ этомъ. То вѣчно напряженное состояніе, въ которомъ находится педагогъ среди массы дѣтей, даже при всей выдержанности характера выходитъ иногда изъ равновѣсія и не въ силахъ быть находчивымъ и строго справедливымъ въ случаяхъ проявленія дѣтской строптивости и упорства. Поправить свою ошибку возможно только прямодушнымъ сознаніемъ въ ней предъ потерпѣвшимъ. Мнѣ приходилось говорить съ успокоеннымъ мною ночью кадетомъ на другой день. Часто, считавшій себя обиженнымъ, скоро успокаивался, не чувствовалъ горечи и легко поддавался разъясненіямъ, что онъ былъ виноватъ, если въ дѣйствительности былъ таковымъ. Въ случаѣ, если несправедливость дѣйствительно существовала, я говорилъ ему приблизительно въ такомъ духѣ: — „Вотъ и хорошо, что ты испыталъ несправедливость на себѣ, узналъ всю ея горечь; выростешь большой и будешь понимать, какъ тяжело ее переносить, и будешь самъ справедливъ къ другимъ, которые будутъ отъ тебя зависѣть, да и теперь, развѣ ты всегда справедливъ къ товарищамъ.— Знай, что въ жизни ты много встрѣтишь и сознательной и невольной несправедливости. Возмущайся, когда она относится къ другимъ, а по отношенію къ себѣ не забывай ученія Христа“.

Неудовлетворительность педагогическаго персонала, на которую указываютъ какъ на причину несовершенствъ въ учебно-воспитательномъ строѣ кадетскаго корпуса, сознана давно и объ этомъ уже не мало было толковъ и предположеній лучше обста-

вить выборъ на эту должность. Приглашеніе на службу воспитателя носило случайный характеръ. Директоръ имѣетъ довольно длинный списокъ желающихъ поступить на эту должность. Нѣкоторыхъ изъ кандидатовъ онъ знаетъ по воспоминаніямъ, какъ бывшихъ питомцевъ того же заведенія, нѣкоторыхъ знаетъ случайно, большинство же ему совершенно незнакомы даже по внѣшнему виду и, при выборѣ ихъ на службу въ заведеніе, директору приходится руководствоваться только аттестаціей ихъ начальниковъ. Аттестаціи эти обыкновенно ничего не говорятъ для характеристики офицера, какъ будущаго руководителя юношества. Слѣдовательно, приходится часто брать офицера на удачу, на испытаніе, которое продолжается, по закону, два года, въ теченіе коихъ полагается опредѣлить степень его пригодности. Совершенно непригодные откомандировываются обратно въ свои строевыя части. Остающіеся имѣютъ свои достоинства и свои недостатки. Слишкомъ большая разборчивость при этомъ невозможна, и приходится либо мириться съ нѣкоторыми недостатками поступившаго, либо практиковать частую смѣну воспитателей, что также неблагопріятно отражается на дѣлѣ.

Качества, нужныя для воспитателя, не такъ часто встрѣчаются. Чтобы быть хорошимъ воспитателемъ, недостаточно одного даже обширнѣйшаго научнаго образованія. Нужна любовь и преданность дѣлу воспитанія (призваніе), умѣнье, тактъ, много любви и терпѣнія и черты характера, привлекающія дѣтей къ воспитателю, внушающія уваженіе и довѣріе къ нему. Было бы слишкомъ смѣло разсчитывать найти человѣка, вполнѣ обладающаго такими качествами, но одно изъ важныхъ условій при выборѣ воспитателя возможно соблюсти и установить: онъ долженъ имѣть твердыя знанія тѣхъ научныхъ предметовъ, кои преподаются въ корпусѣ, и знакомство съ педагогической литературой. Офицеръ, прослужившій нѣсколько лѣтъ въ строю, давно окончившій курсъ въ военномъ училищѣ, часто забываетъ научныя свѣдѣнія, вынесенныя изъ школы. Между тѣмъ, первая функція воспитанія при вступленіи его въ должность, это—помощь въ учебныхъ занятіяхъ питомцевъ. Онъ сейчасъ же на первыхъ шагахъ подвергается вольному или невольному экзамену со стороны своихъ питомцевъ. Ему, позабывшему то, чему его учили, приходится попадать въ просакъ и сразу колебать свой авторитетъ въ глазахъ учениковъ. Не говоря объ иностранныхъ языкахъ, онъ, случается, не помнитъ математическихъ доказательствъ и не свѣдущъ въ географіи и исторіи.

Конечно большинство спѣшитъ пополнить и освѣжить свои знанія, но не всегда успѣваетъ.

Замѣчательно, что офицеры, желающіе поступить въ военныя академіи, подвергаются строгому повѣрочному испытанію. Признается, что для того, чтобы имѣть право посвятить себя какой-либо спеціальной отрасли знаній, надо показать основательное знаніе общеобразовательныхъ предметовъ, а воспитатель, которому именно и необходимо это основательно знать, никакой провѣркѣ при поступленіи не подвергается. При такомъ порядкѣ не удивительны разныя легенды среди учениковъ о научныхъ промахахъ ихъ воспитателей.

Въ правящихъ сферахъ въ послѣднее время признана необходимость большаго умственнаго кругозора у воспитателей и учреждены годичные для нихъ курсы въ Петербургѣ съ цѣлью „перестройки ихъ умственнаго аппарата“. Полагаютъ, что дѣло воспитанія столь сложно, что безъ спеціальной подготовки, безъ знанія законовъ развитія умственныхъ и душевныхъ силъ ребенка, не будетъ строго послѣдовательно, будетъ страдать отсутствіемъ системы и носить характеръ случайности и крайняго разнообразія въ зависимости отъ личныхъ вкусовъ и характера воспитателя, незнакомаго съ опытомъ предшествовавшихъ дѣятелей и съ ихъ ошибками. Знаніе научныхъ основъ педагогіи даетъ воспитателю возможность вдумчивѣе относиться къ каждому явленію въ его педагогической дѣятельности и установить однообразіе въ требованіяхъ со стороны воспитывающихъ. Запасъ теоретическихъ свѣдѣній ни въ какомъ случаѣ не можетъ повредить воспитателю, а пользу принесетъ несомнѣнную.

Нельзя не привѣтствовать такого учрежденія и сомнѣваться въ его условной пользѣ. Нельзя однако же слишкомъ радужно смотрѣть на ожидаемые результаты отъ сообщенія теоретическихъ положеній едва зарождающейся науки педагогіи, которая все еще пребываетъ больше въ области искусства и таланта. Нельзя разсчитывать на ожидаемое однообразіе въ требованіяхъ и воздѣйствіяхъ и не считаться со вкусами и характерами живыхъ людей. Ни въ одной области человѣческой дѣятельности, даже научно обоснованной, нельзя быть увѣреннымъ, что не встрѣтишь двухъ совершенно противоположныхъ мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ. Много есть на свѣтѣ людей, не умѣющихъ сочетать теорію съ практикой. Не надо забывать, что рядомъ съ системой и теоріей есть дѣйствительная жизнь съ ея частыми отступленіями, жизнь

властно требующая примѣненія къ ея заявленіямъ и заставляющая практическихъ дѣятелей всегда поступаться пунктуальностью теоретической схемы. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать, что люди, весьма посредственные въ практической дѣятельности, съ особой охотой предаются теоретическимъ соображеніямъ и праздной игрѣ діалектики. Усвоивъ себѣ спеціальный научный жаргонъ, они такъ далеко забираются въ дебри философскихъ формулъ, что теряютъ способность понимать чужую мысль, находящуюся внѣ ихъ якобы научнаго кодекса. Мнѣ кажется, что практическое дѣло всегда поучительнѣе и больше говоритъ уму. За живымъ дѣломъ человѣкъ творитъ, увлекается и становится энергичнѣе. Въ педагогическомъ дѣлѣ случаются такія неожиданности, когда нѣтъ времени теоризировать, а надо быстро принимать рѣшенія, часто по вдохновенію чуткой души.

Говорю это не въ осужденіе воспитательскихъ курсовъ— мы результатовъ ихъ еще не видимъ. Вреда они конечно не принесутъ, но видѣть въ нихъ панацею отъ всѣхъ неудачъ воспитательной дѣятельности—не могу. Сожалѣю однако же, что не оказано больше вниманія научнымъ свѣдѣніямъ воспитателей при пріемѣ ихъ на службу, свѣдѣніямъ столь необходимымъ на первыхъ шагахъ ихъ педагогической дѣятельности. Нельзя забывать, что научныя занятія кадетъ и преодолѣніе трудностей есть одно изъ могущественныхъ средствъ для выработки трудоспособности и твердой воли. Конечно, воспитатель, забывшій много изъ полученныхъ имъ нѣкогда научныхъ свѣдѣній, легко можетъ пополнить ихъ, уже вступивъ въ должность. Примѣры такіе бывали, но къ сожалѣнію они очень рѣдки въ дѣйствительности, и даже нѣкоторые воспитатели, поступивши впослѣдствіи на курсы, оказываются незнакомыми съ инструкціей по воспитательной части, что, казалось бы, должно составлять ихъ первую и необходимую обязанность.

Можетъ быть я, будучи автодидактомъ, какъ и всѣ мои сверстники, придаю слишкомъ большое значеніе опыту въ педагогическомъ дѣлѣ, но вѣдь нашъ опытъ шелъ рядомъ съ знакомствомъ новыхъ и старыхъ идей, которыя не оставались безъ вліянія на нашу дѣятельность и среди автодидактовъ было не мало выдающихся педагоговъ. Я только хотѣлъ бы, чтобы идеи и научныя теоріи освѣщали собственный опытъ, а не доминировали, какъ это нерѣдко случается съ людьми, оставившими уже практическую дѣятельность и посвятившими себя исключительно педагогической литературѣ и установле-

ніямъ научно обоснованныхъ педагогическихъ правилъ и пріемовъ воспитанія.

Что касается нареканій, раздававшихся въ обществѣ на чрезмѣрную регламентацію и неимовѣрное желаніе направлять дѣло циркулярами и предписаніями, то нѣкоторое время въ этомъ была значительная правда.

Припомню здѣсь исторію постоянныхъ перемѣнъ по учебной части:

Несмотря на всѣ улучшенія, вносимыя въ учебное дѣло въ военныхъ гимназіяхъ съ самаго преобразованія ихъ изъ кадетскихъ корпусовъ, результатъ былъ далеко неудовлетворительный.

Въ 1879 году по приказанію военнаго министра графа Милютина были произведены во всѣхъ военныхъ гимназіяхъ повѣрочныя письменныя испытанія. Для этого всюду были разосланы въ запечатанныхъ конвертахъ темы для VI класса по русскому, иностраннымъ языкамъ и математикѣ. Въ назначенный день и часъ пакеты вскрыли и сообщили содержаніе ученикамъ въ классѣ, въ присутствіи комиссіи.

Въ циркулярномъ предписаніи 25 мая 1880 года было заявлено, что при просмотрѣ военнымъ министромъ этихъ работъ, оказалось, что правописаніе очень слабо, что сочиненія по русскому языку были безсодержательны, что переводы на иностранные языки оказались до крайности слабы и что по математикѣ не болѣе половины учениковъ въ каждомъ заведеніи довели рѣшеніе задачъ до конца, еще менѣе правильно ихъ рѣшили и все, что не переписано на чисто, такъ написано, что разобрать и понять въ нихъ ничего нельзя.

Такой отзывъ столь компетентнаго въ учебномъ дѣлѣ лица, какъ графа Милютина, показалъ, что многое въ учебномъ дѣлѣ было неблагополучно. Все отнесено было къ неудовлетворительности учебныхъ плановъ, программъ, учебниковъ.

Немедленно образована была комиссія для пересмотра и измѣненія плана, объема и распредѣленія по классамъ учебныхъ предметовъ.

Выработанныя комиссіей главныя положенія были представлены графу Милютину. Онъ ихъ одобрилъ, но относительно частностей далъ нѣкоторыя существенныя указанія. Согласно этихъ указаній были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и выработаны: 1) программы преподаванія въ главныхъ основаніяхъ, 2) общія систематическія программы предметовъ курса военныхъ гимназій, 3) поясненіе къ программамъ.

Главныя положенія, выработанныя комиссіей, стремились главнымъ образомъ къ приданію курсу военныхъ гимназій возможно большей полноты и законченности и согласованію съ общимъ типомъ средне-учебнаго заведенія, образцомъ коего признавались прусскія реальныя училища. Для сей цѣли, между прочимъ, положено упразднить элементарный курсъ, чтобы выиграть для систематическаго, къ коему прибавленъ 7-й классъ, и этимъ предполагалось облегчить военныя училища въ прохожденіи общеобразовательныхъ предметовъ; увеличены пріемныя требованія отъ поступающихъ въ первый классъ, освободивъ ихъ отъ экзамена по французскому языку.

Такое стремленіе къ полнотѣ и законченности курса военныхъ гимназій и приведеніе ихъ къ типу средне-общеобразовательныхъ заведеній обусловливалось, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ смутную пору конца 70-хъ годовъ въ разгаръ борьбы между сторонниками классическаго и реальнаго образованія появились сомнѣнія и раздались голоса противъ разумности существованія военныхъ гимназій и доказывалось, что военныя училища могутъ вполнѣ комплектоваться молодыми людьми, оканчивающими курсъ въ классическихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

Графу Милютину не пришлось докончить это дѣло. Наступило новое царствованіе, назначенъ новый военный министръ и новый главный начальникъ.

Страшное событіе 1 марта измѣнило внутреннюю политику. Произошла реакція во всѣхъ сферахъ государственной жизни, она отразилась естественно и на учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и на военныхъ.

Работы комиссіи были представлены новому военному министру, генералу Ванновскому, который прежде, чѣмъ утвердить ихъ, призналъ нужнымъ спросить мнѣніе директоровъ и педагогическихъ комитетовъ военныхъ гимназій.

Началось обширное писанье, каждый директоръ и каждый преподаватель письменно излагали свои взгляды на программы и на распредѣленіе ихъ по классамъ. Нѣкоторые директора и комитеты прямо не сочувствовали расширенію программъ, уменьшенію числа уроковъ по иностраннымъ языкамъ и находили, что военныя гимназіи, согласно первоначальной цѣли ихъ учрежденія, должны быть приготовительными заведеніями для военныхъ училищъ и не стремиться къ тому типу общеобразовательныхъ средне-учебныхъ заведеній, преслѣдующихъ полноту и законченность познаній, и находили, что совершен-

ное выдѣленіе изъ курса военныхъ училищъ общеобразовательныхъ предметовъ и крайняя спеціализація ихъ курсовъ поведутъ къ упадку общаго развитія будущихъ офицеровъ, коимъ обусловливается успѣхъ во всякомъ спеціальномъ дѣлѣ.

Въ 1882 году послѣ доставленія всей этой литературы, за военными гимназіями признали характеръ военно-подготовительныхъ заведеній. Надежды, что военныя училища могутъ комплектоваться средне-учебными заведеніями гражданскаго вѣдомства—не оправдались. Поступило изъ нихъ въ военныя училища ничтожное количество.

Переходъ отъ стараго къ новому долженъ былъ совершаться постепенно, начиная съ младшихъ классовъ и окончательно установиться въ 1884—85 учебномъ году.

Переходъ этотъ, несмотря на то, что былъ опредѣлителенъ до мелочей, совершался съ изрядной путаницей, что̀, конечно, неблагопріятно отражалось на знаніяхъ учениковъ. Не такъ просто было втягиваться въ новыя требованія, какъ то казалось издали.

Настали иныя времена: центръ тяжести развитія учебно-воспитательнаго дѣла былъ перенесенъ въ канцеляріи.

Устроена, такъ сказать, центральная топка. Настала эпоха кодификаціи, нужно было привести къ строгой регламентаціи все нажитое до сего времени. Послѣдовательно были изданы самыя опредѣлительныя инструкціи по учебной, по воспитательной, по административной, по медицинской, по канцелярской, по хозяйственной и проч. частямъ. Инструкціи, умно составленныя, точно опредѣлявшія весь укладъ жизни заведенія, но... часто совсѣмъ не примѣнявшіяся къ дѣлу, хотя точное исполненіе ихъ поддерживалось циркулярами и посылкой особыхъ генераловъ, спеціально для этого предназначенныхъ.

Но и пріѣзжіе генералы не могли дать жизненной энергіи буквамъ и начавшемуся уже охлажденію къ педагогическому дѣлу, очень замѣтному послѣ педагогическаго одушевленія 60-хъ годовъ.

Вскорѣ послѣдовало преобразованіе военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса. Въ приказѣ по военному вѣдомству 22 іюля 1882 года значится: „Во Всемилостивѣйшемъ вниманіи къ вѣковымъ заслугамъ бывшихъ въ Имперіи кадетскихъ корпусовъ, питомцы коихъ прославили русское оружіе въ достопамятныхъ войнахъ прошлаго и текущаго столѣтій, доблестно

подвизались на различныхъ поприщахъ полезнаго служенія престолу и отечеству, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: всѣ военныя гимназіи именовать на будущее время кадетскими корпусами, а воспитывающихся въ нихъ— кадетами". При этомъ переименованіи предположено дать кадетскимъ корпусамъ устройство болѣе подходящее къ тому быту, къ которому подготовляются кадеты.

Были организованы строевыя роты изъ двухъ старшихъ классовъ: имъ даны ружья, установлены должности вице-фельдфебеля и вице-унтеръ-офицера, усилены требованія по строевой части и отчасти введены элементы воинской дисциплины. Такимъ образомъ воспитанію кадетъ въ двухъ старшихъ классахъ придавался военный характеръ.

Первымъ ротнымъ командиромъ въ Симбирскомъ кадетскомъ корпусѣ былъ полковникъ Добошинскій, который прекрасно поставилъ роту въ воспитательномъ отношеніи и разумно примѣнялъ воинскую дисциплину, что было весьма важно для вновь возникающаго учрежденія. Долженъ сказать, что Добошинскій былъ человѣкъ беззавѣтно преданный своему дѣлу, обладавшій выдающейся неутомимостью, скромностью и прямодушіемъ, что служило прекраснымъ образцомъ для будущихъ офицеровъ и способствовало установленію хорошихъ традицій въ нѣсколько измѣненномъ характерѣ учебнаго заведенія.

Въ 1885 году должность воспитателей 3-хъ младшихъ классовъ изъ питомцевъ учительской семинаріи была упразднена и въ число воспитателей велѣно принимать только офицеровъ. Всѣ не военные съ нѣкоторыми льготами были оставлены за штатомъ, исключеніе сдѣлано для немногихъ, выдающихся по своимъ способностямъ къ педагогическому дѣлу.

Мы, военные люди, въ большей части радовались и привѣтствовали эту реформу, возвращавшую насъ къ тому родному режиму, при которомъ мы сами воспитывались, хотя и опасались нѣсколько, чтобы, при измѣненіи названій и новой постановкѣ, военныя гимназіи не превратились бы въ старые кадетскіе корпуса, съ ихъ признанными въ свое время недостатками, и чтобы установленіе пріемовъ воспитанія не уступило мѣсто заботамъ о наружной выправкѣ. Опасенія эти оказались преувеличенными и преобладаніе обнаруживалось очень рѣдко и со стороны нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ и скоро сглаживалось.

Періодъ военныхъ гимназій внесъ безъ сомнѣнія значительныя улучшенія въ режимъ старыхъ кадетскихъ корпусовъ, обставивъ ихъ болѣе образованными и подготовленными дѣятелями, измѣнивъ, согласно требованіямъ эпохи, методы обученія и воспитанія, но сохранивъ названіе—„военные". Сохранился и особый оттѣнокъ отъ другихъ учебныхъ заведеній,—оттѣнокъ желательный въ виду будущей дѣятельности ихъ питомцевъ.

Съ 1886 года Симбирскій кадетскій корпусъ пересталъ быть всесословнымъ учебнымъ заведеніемъ; къ пріему въ него стали допускаться только тѣ изъ малолѣтнихъ, которые по происхожденію имѣютъ право на поступленіе и въ другіе корпуса. Симбирскому земству предложено было, въ виду вносимой имъ субсидіи, назначать на земскія вакансіи дѣтей купцовъ и чиновниковъ, но губернское земское собраніе отвѣтило Главному Управленію В.-У. З., — „что если по государственнымъ соображеніямъ нельзя оставить существующихъ правилъ для замѣщенія земскихъ вакансій въ Симбирскомъ военномъ корпусѣ, то Симбирское земство, подчиняясь тѣмъ измѣненіямъ, кои вызываются государственною необходимостью, хотя эти измѣненія и не вполнѣ отвѣчаютъ частнымъ интересамъ земства, всецѣло въ этомъ дѣлѣ полагается на милость Монарха".

Съ 1888 года Симбирское земство было освобождено отъ ежегоднаго взноса 12.000 руб. и земскія вакансіи закрыты.

Почти одновременно съ переименованіемъ военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса были упразднены педагогическіе курсы при 2-й Петербургской военной гимназіи и учительская семинарія военнаго вѣдомства. Прежде чѣмъ упразднить ихъ, спрашивали мнѣнія директоровъ, насколько они необходимы. Нужно полагать, что большинство мнѣній было не въ пользу этихъ учрежденій.

Педагогическіе курсы ознакомляли теоретически и практически слушателей съ новыми дидактическими и методическими пріемами преподаванія. Этого они вполнѣ достигали, но въ дальнѣйшей дѣятельности не болѣе половины изъ бывшихъ на курсахъ оправдывали ожиданіе и матеріальныя затраты, кои требовались для содержанія курсовъ. Объяснить это можно тѣмъ, что допускаемые въ нихъ съ высшимъ образованіемъ молодые люди не всегда принадлежали къ первому сорту. Большинство шло не по призванію, а по невозможности скоро куда-либо выгоднѣе пристроиться. Педагогическая дѣятельность сама

по себѣ была дѣятельностью не видною, далеко не легкою и мало кого манила своимъ внутреннимъ содержаніемъ, и курсы изъ мало-способныхъ къ этой дѣятельности не формировали умѣлыхъ педагоговъ.

Учительская семинарія была нужна, пока существовали элементарные курсы въ военныхъ гимназіяхъ и въ военныхъ прогимназіяхъ, которые были тоже упразднены, о чемъ я упоминалъ выше.

Едва въ 1886 году кадетскіе корпуса установили по всѣмъ классамъ новыя программы, какъ возникла новая комиссія, извѣстная въ лѣтописяхъ военно-учебныхъ заведеній, — комиссія Симашки.

Чѣмъ было вызвано учрежденіе этой комиссіи, какія были для того основанія и поводы—никто, кажется, хорошенько не зналъ.

Въ циркулярѣ по этому поводу было сказано: „опытъ примѣненія на практикѣ, утвержденныхъ въ 1882 году программы и инструкціи для преподаванія въ кадетскихъ корпусахъ, выяснилъ нѣкоторые недостатки существующей постановки учебнаго курса".

Какіе это были недостатки, кѣмъ они были усмотрѣны и вообще могъ ли быть какой-либо опытъ въ теченіе трехлѣтняго существованія только-что утвержденныхъ программъ.

Въ это время въ общество стала проникать легенда о переутомленіи дѣтей отъ умственнаго напряженія и лозунгомъ современной педагогіи, какъ говорили—сдѣлалось „господа, дѣти какъ можно меньше должны учиться и какъ можно больше шалить".

Высказывалось, что практическія требованія современной жизни вызываютъ въ человѣкѣ постоянно возрастающее напряженіе его силъ и способностей; но воспитаніе должно всегда помнить, что чрезмѣрный избытокъ умственныхъ усилій наноситъ неисправимый вредъ не только физическому, но и духовному развитію человѣка. Если каждая школа обязана содѣйствовать равномѣрному развитію духовныхъ и физическихъ силъ юношей, то требованіе это несомнѣнно пріобрѣтаетъ особую важность въ школѣ военной, готовящей своихъ питомцевъ для дѣятельной службы при усиленныхъ тѣлесныхъ трудахъ и лишеніяхъ; непосильныя же умственныя занятія въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастахъ, при сидячей комнатной жизни воспитанниковъ, неизбѣжно дѣлаютъ изъ нихъ людей слабыхъ тѣломъ и духомъ, безхарактерныхъ и нервно раздражительныхъ.

Нельзя оспаривать правильность этихъ мыслей (здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ), но я утверждаю самымъ категорическимъ образомъ, что никакого переутомленія дѣтей, кромѣ 2—3 извѣстныхъ мнѣ случаяхъ, въ военно-учебныхъ заведеніяхъ въ продолженіе моей 40-лѣтней въ нихъ службѣ—не существовало. Временное утомленіе весьма скоро проходило. Можетъ быть оно наблюдалось въ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которыхъ скорѣе всего обусловливалось дурнымъ устройствомъ классныхъ помѣщеній, скученностью и многолюдствомъ классовъ, душной въ нихъ атмосферой и высокой температурой, въ которыхъ находились дѣти; не гигіеническими и крайне плохими условіями домашней жизни многихъ изъ нихъ и необходимостью для нѣкоторыхъ добывать себя матеріальныя средства при помощи уроковъ, кои они давали вслѣдъ за приготовленіемъ собственныхъ.

Ничего подобнаго не существовало въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ чемъ удостовѣряло и санитарное состояніе ихъ и здоровый видъ юношей. Образовался новый культъ служенія физическому развитію, и новая богиня „Гимнастика" потребовала и особаго храма, и особыхъ жрецовъ, и особаго времени для служенія ей, что обходилось не дешево.

Какъ и во всякомъ культѣ, и здѣсь было немало разногласій и системъ, смѣнявшихъ одна другую.

Преклоняясь предъ искренностью исповѣданія и служенія новой богинѣ, я не считалъ себя компетентнымъ въ рѣшеніи вопроса, насколько современные, безъ сомнѣнія, болѣе раціональные пріемы гимнастическихъ упражненій болѣе пригодны для общаго правильнаго развитія кадетъ; но мое непросвѣщенное око не усматривало особой разницы въ этомъ отношеніи, а замѣчало, что прежней охоты и лихости, какъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ, такъ и въ играхъ, нѣтъ, и думалось мнѣ, что уменьшеніе класснаго времени въ пользу физическихъ упражненій не создастъ желаемыхъ богатырей, между тѣмъ показная сторона этихъ упражненій по своей новизнѣ отвлекала вниманіе начальствующихъ лицъ отъ болѣе существенныхъ вопросовъ воспитанія.

Другимъ результатомъ комиссіи Симашки было измѣненіе учебниковъ по нѣкоторымъ предметамъ, при чемъ введено было совершенно новое и не бывалое правило, весьма слабо мотивированное, чтобы всѣ кадетскіе корпуса обязательно пользовались однимъ и тѣмъ же учебникомъ. До сего времени каждое заведеніе имѣло право избирать учебникъ по своему

усмотрѣнію изъ числа рекомендованныхъ Главнымъ Управленіемъ.

Нововведеніе это стоило изрядныхъ денегъ заведеніямъ, такъ какъ прежде употреблявшіеся учебники пришлось сложить въ кладовыя.

Программы учебныхъ предметовъ были измѣнены очень незначительно, объемъ по нѣкоторымъ предметамъ сокращенъ и сдѣланы передвиженія изъ одного класса въ другой. Объяснительныя записки къ программамъ были почти дословное повтореніе таковыхъ 1882 г.

Введено было преподаваніе Законовѣдѣнія въ старшемъ классѣ. Главная цѣль была сообщеніе правильныхъ и ясныхъ понятій о тѣхъ отношеніяхъ, въ коихъ каждый человѣкъ неизбѣжно находится въ семьѣ, обществѣ и Государствѣ, какъ равно о томъ, что власть и законъ представляютъ собой существеннѣйшіе элементы всякаго организованнаго общежитія. Составленъ учебникъ „Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи", который былъ введенъ въ 1889 году.

Отъ каждаго класснаго урока отнято по 10 минутъ въ пользу внѣклассныхъ физическихъ упражненій.

Подтверждено и усилено требованіе „Чтобы главная работа по усвоенію учениками преподаваемыхъ знаній особенно въ младшихъ и среднихъ классахъ, должна исполняться во время классныхъ уроковъ, подъ дѣятельнымъ и участливымъ руководствомъ самого преподавателя и что количество задаваемыхъ ученикамъ на внѣклассное время практическихъ работъ должно быть сокращено до возможнаго минимума, такъ какъ исполненіе ихъ въ классахъ подъ непосредственнымъ руководствомъ преподающихъ всегда будетъ производительнѣе", постановлено требованіе, чтобы на внѣклассное приготовленіе уроковъ задавалось не болѣе трехъ предметовъ въ старшихъ классахъ.

Всѣ эти безспорно основательныя и желательныя требованія далеко не всегда исполнялись въ силу иногда дѣйствительной невозможности въ виду обширности программъ и нерѣдко въ силу несочувствія и недостаточнаго вниманія и умѣнья со стороны преподающихъ.

Все это служило поводомъ къ разнообразнымъ конфликтамъ.

Постепенное введеніе новыхъ программъ предположено закончить въ 1891—92 учебномъ году.

Отнятіе 10 минутъ отъ каждаго урока при большомъ составѣ классныхъ отдѣленій и обязательная перемѣна учебниковъ произвела на людей близко стоявшихъ къ дѣлу—тяжелое

впечатлѣніе, возбудило недоумѣніе, неодобреніе и даже ропотъ. Престижъ того учрежденія, въ коемъ вырабатывались эти ненужныя по мнѣнію многихъ реформы—упалъ.

Въ немъ они перестали видѣть серьезное отношеніе къ жизненнымъ задачамъ педагогіи, а желали видѣть преслѣдованіе какихъ-то личныхъ цѣлей и синекуру для почтенныхъ заслуженныхъ педагоговъ и поѣздки ихъ по заведеніямъ стали называть—„отхожими промыслами". Упрекали ихъ и въ томъ, что они въ неумѣренномъ измѣненіи учебниковъ и программъ усматривали какъ бы единственное средство къ поднятію уровня и основательности знаній учениковъ, упуская изъ вида, что центръ тяжести успѣха въ учебныхъ занятіяхъ лежитъ не въ учебникахъ, а въ исполнителяхъ, что хорошій учитель и при посредственномъ учебникѣ будетъ имѣть успѣхъ, а плохой учитель и при хорошемъ учебникѣ не будетъ имѣть его. Всѣ эти упреки и недовольство конечно отражались долгое время на отношеніи къ дѣлу недовольныхъ.

Въ 1889 году при Главномъ Управленіи была организована комиссія для пересмотра изданной въ 1878 году „инструкціи объ испытаніи воспитанниковъ" и проектированія новыхъ правилъ для производства пріемныхъ, переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ. При предстоящей работѣ комиссіи, было предложено ей озаботиться изысканіемъ всѣхъ мѣръ къ возможному устраненію замѣчаемаго нынѣ особеннаго утомленія и нервнаго напряженія у большинства воспитанниковъ въ періодъ годичныхъ испытаній, а также и къ тому, чтобы на производство экзаменовъ отдѣлялось какъ можно меньше времени.

Мнѣнія раздѣлились и были крайне разнообразны.

Въ силу различныхъ соображеній остановились на томъ, что совершенно отказаться отъ производства экзаменовъ нельзя и они были назначены по нѣкоторымъ предметамъ во всѣхъ классахъ кромѣ перваго. При выпускѣ экзаменъ оставленъ по всѣмъ предметамъ.

Въ 1891 году былъ возбужденъ вопросъ объ оцѣнкѣ баллами поведенія учениковъ. Предлагалось установить предѣльный баллъ за поведеніе при переходѣ учениковъ въ VI-й и VII-й классъ.

Предложеніе это возбудило бурные споры и разногласіе. Большинство было противъ него, но несмотря на это предѣльный баллъ былъ установленъ, но никогда практическаго примѣненія не имѣлъ. Увлеченіе балльной системой около этого времени достигло чрезвычайныхъ размѣровъ. Вся жизнь воспи-

танниковъ во всѣхъ ея проявленіяхъ оцѣнивалась баллами. Успѣхъ въ учебныхъ занятіяхъ, прилежаніи, въ поведеніи, характерѣ, въ строевыхъ занятіяхъ, въ гимнастикѣ, танцахъ, пѣніи и даже въ религіозныхъ вѣрованіяхъ—все оцѣнивалось баллами.

По мѣткому выраженію почтеннаго педагога, „ученикъ какъ бы весь былъ покрытъ ярлыками съ цифрами—на основаніи этихъ цифръ дѣлались всевозможные статистическіе выводы и оцѣнка дѣятельности воспитателей и преподавателей".

Въ 1896 году возникъ въ центральномъ управленіи вопросъ о причинахъ неудовлетворительности успѣховъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ по иностраннымъ языкамъ. Опять были запрошены мнѣнія директоровъ, и послѣдовалъ рядъ циркуляровъ и предписаній. Но чтобы ученики умѣли передавать прочитанное своими словами на иностранномъ языкѣ—все-таки не достигли.

Въ 1897 году опять принялись за передѣлку программъ по всѣмъ предметамъ курса кадетскаго корпуса. Лѣтомъ опять сдѣлано распоряженіе, чтобы на физическое воспитаніе кадетъ было обращено еще больше вниманія, чѣмъ было до того времени, и указано на желательность нѣкотораго уменьшенія времени, опредѣленнаго на учебныя занятія съ тѣмъ, чтобы можно было соотвѣтственно еще увеличить время для прогулокъ, игръ и другихъ физическихъ упражненій на открытомъ воздухѣ.

Образована комиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Лалаева. Результатомъ было сокращеніе уроковъ съ I до IV класса и сокращеніе времени на внѣклассное приготовленіе уроковъ. Объемъ учебныхъ курсовъ остался тотъ же.

Въ 1899 году военный министръ генералъ Куропаткинъ, проживая на дачѣ въ Теріокахъ, прислалъ собственноручную записку, въ которой указывалъ на необходимость, для выработки самостоятельнаго характера у воспитанниковъ, сообщать имъ свѣдѣнія, полезныя для жизни, и принять мѣры, дабы общеніе съ природой нашихъ кадетъ и юнкеровъ было болѣе энергичнымъ и послѣдовательнымъ, чѣмъ нынѣ. Для этого предлагалось: сообщать подробныя свѣдѣнія путемъ практическимъ съ разными видами растеній, животныхъ и матеріаловъ, имѣющихъ особо важное значеніе въ военномъ быту. Ознакомить съ производствами: печенія хлѣба, пищи, мытья бѣлья, шитья одежды, столярнымъ, слесарнымъ, токарнымъ дѣломъ, постройкой простѣйшихъ видовъ мебели и жилищъ, ремонтомъ ихъ. Посѣщеніе разныхъ мастерскихъ, заводовъ, складовъ, музеевъ и выставокъ. Признавалось необходимымъ возобновить выводъ

кадетъ старшихъ классовъ въ лагери, съ измѣненіемъ характера лагерныхъ занятій.

На первомъ планѣ ставилось между прочимъ практическое изученіе явленій природы, устройство метеорологискихъ станцій подъ руководствомъ учителя физики и космографіи.

Рекомендовались разныя полевыя работы, сборъ коллекцій и путешествія на нѣсколько дней пѣшкомъ или водой безъ всякой прислуги, дабы кадеты могли заботиться и удовлетворять свою находчивость и смѣлость. Я привелъ здѣсь сущность, не вдаваясь въ подробности обширной собственноручной записки, разосланной по корпусамъ для руководства и исполненія.

Лично я былъ увлеченъ этой запиской, очень ей сочувствовалъ и энергично принялся осуществлять, что было возможно, можетъ быть въ ущербъ другимъ физическимъ упражненіямъ.

Кадеты старшихъ классовъ, по окончаніи уроковъ, партіями отправлялись колоть дрова, подметать дворъ, убирать снѣгъ и лошадей. На кухнѣ сами, подъ руководствомъ повара, приготовляли хлѣбъ, квасъ и пищу. Подъ руководствомъ плотника соорудили теплицу для растеній, за которыми сами ухаживали. Собственноручно изготовляли мебель. Осматривали разныя мастерскія и учрежденія. Предпринимали дальнія прогулки пѣшкомъ и собирали коллекціи растеній и минераловъ. Ѣздили на пароходѣ въ Нижній, Казань, Саратовъ и на Уральскіе заводы. Все достопримѣчательное осматривали подъ руководствомъ знающихъ лицъ и записывали въ свои дневники.

Я искренно признавалъ, какъ важно воспитать молодыхъ людей, умѣющихъ удовлетворять свои обыденныя нужды и быть въ этомъ отношеніи въ наименьшей зависимости отъ другихъ; воспитать людей, знающихъ по опыту—что такое серьезный физическій трудъ и трудовой потъ, умѣющихъ дать надлежащую оцѣнку этому труду, привычныхъ къ простой жизни, хорошо знающихъ нужду и потребности солдата и вообще простолюдина, понимающихъ толкъ въ свойствахъ и качествахъ предметовъ будничнаго обихода и своей спеціальности, знакомыхъ съ природой, людей умѣлыхъ, способныхъ зорко видѣть, самостоятельно, прямодушно и энергично дѣйствовать и горячо любить.

Я постоянно до конца моей службы до 1903 года энергично поддерживалъ эту реформу, но она вообще, повидимому, не встрѣтила сочувствія и, кажется, теперь заглохла, оставивъ только

заботы о ручномъ трудѣ въ мастерской, который былъ организованъ согласно выработанной системѣ.

Нельзя отрицать, что каждый пересмотръ учебныхъ плановъ и разныхъ распорядковъ во внутренней жизни заведенія не вносилъ нѣкоторыхъ улучшеній и частью желательныхъ измѣненій въ нашемъ живомъ дѣлѣ, но нельзя забывать, что такая непрерывная погоня вслѣдъ нарождающихся пріемовъ для достиженія педагогическихъ идеаловъ часто неблагопріятно отражалась на работѣ учащихъ и учащихся. Не измѣняя сущности, она измѣняла внѣшніе пріемы и нерѣдко вносила нежелательный элементъ шаткости въ обиходъ учебнаго и воспитательнаго дѣла учебныхъ заведеній.

Нѣкоторые старые педагоги по этому поводу высказывали слѣдующія соображенія: „Въ нашемъ дѣлѣ мы слишкомъ небрежно относимся къ школьнымъ традиціямъ. Между тѣмъ авторитетъ педагогической дисциплины покоится, главнымъ образомъ, на твердыхъ традиціяхъ, установленныхъ долгимъ продуманнымъ опытомъ прежнихъ поколѣній. Вся школьная жизнь состоитъ изъ множества мелочей, но каждая изъ нихъ должна имѣть свой смыслъ и законность своего существованія. Для того, чтобы въ воспитанникахъ прочно установилось чувство долга, покорность закону, любовь къ труду и порядку, необходимо, чтобы каждое правило и каждый обычай, освѣщенные долгимъ временемъ, тщательно соблюдались и корпораціей начальниковъ, и питомцами. Всѣ должны сознавать, что существующее въ школѣ правило сдѣлано не вчера по чьей-либо фантазіи и завтра будетъ отмѣнено, но что оно есть нѣчто необходимое, разумно созданное“.

Непригодные и отжившіе порядки обыкновенно исчезаютъ сами собой безъ циркуляровъ и предписаній, умираютъ естественной смертью.

Служащіе въ Симбирскомъ кадетскомъ корпусѣ признали необходимымъ собираться на частныя, не оффиціальныя бесѣды для обсужденія общихъ педагогическихъ вопросовъ. Собранія эти носили совершенно семейный характеръ. Они посѣщались не обязательно желающими изъ служебной корпораціи заведенія и иногда допускались и посторонніе. Собирались разъ или два въ мѣсяцъ. Къ каждому собранію подготовлялся докладъ кѣмъ-либо изъ участвующихъ и по приглашенію его высказывались взгляды, возникали споры, и головы освѣжались. Всѣ были отлично, непринужденно настроены. Рефераты касались весьма разнообразныхъ вопросовъ школьной жизни не только въ на-

шихъ, но и заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, знакомили съ педагогическими идеями не только современными, но и минувшихъ лѣтъ. Бесѣды эти вносили и нѣкоторый коррективъ въ требованія и порядки нашего корпуса.

Съ наступленіемъ XX-го столѣтія опять приступлено къ пересмотру и измѣненію программы учебнаго курса кадетскихъ корпусовъ.

Основныя мысли, изложенныя въ объяснительной запискѣ новой комиссіи, безспорно очень хороши и написаны вразумительно, но новаго въ нихъ нѣтъ ничего.

Въ объяснительной запискѣ выражается забота объ измѣненіи самаго характера обученія для приданія сему послѣднему большей продуктивности въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, для развитія активнаго мышленія и большей самостоятельности въ учебныхъ занятіяхъ кадетъ, и высказывается также желаніе для этой цѣли объединить всѣ учебные предметы.

Забота и стремленіе кадетскихъ корпусовъ въ этомъ направленіи были всегда присущи имъ и проводились съ большими или меньшими успѣхами, въ зависимости отъ состава преподавателей и сообразно ихъ силамъ.

Думаю, что съ этой цѣлью и дѣлали всегда непрерывныя измѣненія въ объемѣ учебныхъ предметовъ, въ распредѣленіи ихъ по классамъ и въ установленіи числа уроковъ по каждому предмету.

Объяснительныя записки всѣхъ комиссій, возникавшихъ при Главномъ Управленіи, неизмѣнно толковали о таковыхъ методахъ. Всѣ учебники и педагогическая литература, какъ отечественная, такъ и иностранная, какъ новая, такъ и старая говорили неустанно на эту тему.

Такъ, еще *Амосъ Коменскій* говорилъ: „ни одинъ изъ учебныхъ предметовъ не можетъ быть изучаемъ отдѣльно, внѣ всякой связи съ другими предметами преподаванія. Въ теченіе всего курса они должны изучаться въ совокупности".

Дистервегъ пишетъ: „Все задаваемое должно способствовать усвоенію предмета, увеличивать самодѣятельность и самостоятельность ученика". *Диттесъ* высказываетъ такое мнѣніе: „Центральнаго предмета, въ которомъ заключались бы всѣ другіе, не существуетъ, но нельзя также всему учить сразу, а необходимо выдѣлять самостоятельные элементы въ каждой области знанія. При этомъ, конечно, родственное связывать одно съ другимъ и одинъ предметъ дополнять другимъ", и „Преподаватель не имѣетъ дѣла съ таинственными силами, раз-

витіе которыхъ требовало бы чрезмѣрныхъ трудовъ, а долженъ заботиться только о томъ, что бы дитя своею собственною дѣятельностью пріобрѣтало какъ можно болѣе совершенныхъ и цѣльныхъ представленій, вѣрно сохраняло ихъ, систематически умножало и *самостоятельно* переработывало. Душа человѣческая отъ природы *активна* и *продуктивность* ума не есть какая-либо особенная способность".

Въ журналѣ педагогическаго совѣта 1859 года занесено слѣдующее постановленіе: „Изученіе науки должно приносить пользу, должно сообщать полезныя свѣдѣнія, развивать умственныя способности, память, воображеніе, соображеніе. Преподаватель долженъ пріучить къ мышленію, приготовить къ предстоящей жизни и дальнѣйшему самообразованію, помочь уразумѣнію общественныхъ отношеній и явленій окружающей природы. Изученіе начинается съ ознакомленія съ ближайшими предметами и явленіями, окружающими ученика, изъ усвоенія понятій обыденной жизни".

Такихъ изреченій и прекрасныхъ мыслей можно было бы привести очень много и изъ учебниковъ, и изъ литературы, и изъ журналовъ педагогическихъ совѣтовъ. Я привелъ здѣсь нѣсколько выдержекъ, чтобы подтвердить, что мысли эти, нынѣ проповѣдуемыя, не суть новорожденныя и человѣчество знало и говорило о нихъ очень давно.

Теперь оно стало усиленно говорить о нихъ, очевидно оттого, что мысли эти не получили прочнаго и общаго примѣненія на практикѣ, быть можетъ по несовершенству техники и пріемовъ.

Авторы современныхъ педагогическихъ статей трактуютъ объ этихъ давно извѣстныхъ истинахъ съ такимъ тономъ, какъ будто ничего подобнаго до нихъ людямъ не приходило въ голову.

Говорятъ, не безъ основанія, что въ мірѣ ново только то, что хорошо забыто, и что повторять хорошее старое никогда не лишнее. Въ этомъ смыслѣ напоминаніе педагогической азбуки имѣетъ свое raison d'être и порицать этого нельзя.

Сила жизни такъ велика, что безъ движенія человѣческая жизнь оставаться не можетъ, и въ данномъ случаѣ можно только пожелать, чтобы движеніе было соразмѣрно съ силами и нашлись бы средства для практическаго его осуществленія.

Почти въ каждой статьѣ современныхъ педагогическихъ журналовъ можно встрѣтить немолчный говоръ о томъ, что средне-учебное заведеніе должно дать своимъ питомцамъ „строй-

ное, цѣлостное міросозерцаніе", и указанія на отсутствіе объединяющихъ началъ въ преподаваніи, на недостаточность активности, продуктивности и самостоятельности въ занятіяхъ дѣтей и юношей.

Мысль дать ученикамъ стройное и цѣлостное міросозерцаніе циркулируетъ въ педагогическомъ мірѣ очень давно, хотя имѣла другую форму. Долго существовала фраза, что средне-учебное заведеніе должно имѣть „надлежащую полноту и законченность", потомъ она смѣнилась другой фразой: „надо дать ученикамъ общія, руководящія нормы".

Всѣ эти фразы послѣдовательно доминировали въ педагогической литературѣ, но внутренній смыслъ оставался теменъ и понимался каждымъ по-своему, что говорилъ и покойный Пироговъ.

По правдѣ сказать, задумываешься надъ фразой: „дать ученикамъ стройное, цѣлостное міросозерцаніе".

Какъ сдѣлать, чтобы отношенія человѣка къ явленіямъ внутренняго и внѣшняго міра были стройнѣе и цѣлостнѣе. Вѣдь это такое смутное общее мѣсто и кто изъ педагоговъ можетъ похвалиться, что самъ обладаетъ таковымъ. Я думаю, что каждый изъ насъ имѣетъ личное міросозерцаніе и свои вожделѣнія, каковыя и считаетъ стройными и цѣлостными. Не говоря уже о заурядныхъ людяхъ, но и такіе умы, какъ Декартъ, Спиноза, Фихте, Шопенгауеръ и проч.—всѣ проповѣдывали свое особое міросозерцаніе и всю жизнь посвятили на рѣшеніе этихъ вопросовъ. Исторія человѣческой мысли указываетъ поразительную измѣнчивость ея, и вотъ хотятъ, чтобы дѣти и юноши, которые только-что начинаютъ присматриваться къ явленіямъ міра и которымъ школа даетъ только средства для дальнѣйшаго образованія, имѣли бы стройное и цѣлостное міросозерцаніе.

Единственное міросозерцаніе по отношенію къ внутреннему человѣку, которое можно назвать цѣльнымъ—это ученіе Христа, но и оно далеко не усвоено даже людьми, называющими себя христіанами, и, конечно, современный человѣкъ при всей увѣренности въ своемъ умѣ и самообожаніи не сможетъ сдѣлать и капли того, что не удалось сдѣлать Христу, коего, кажется, хотятъ совсѣмъ упразднить. Къ чему же эти громкія фразы.

Насаждая и укрѣпляя въ дѣтяхъ вѣрное пониманіе и исполненіе правилъ христіанской нравственности, мы скорѣе всего внушимъ имъ правильное отношеніе и къ своему внутреннему міру и къ людямъ.

Точно также кажется мнѣ мало содержательной другая повсемѣстно повторяющаяся фраза: „отсутствіе общихъ принциповъ, объединяющихъ учебные предметы“. Что это за общіе принципы. Безъ сомнѣнія, во всякой отрасли знаній найдутся такіе моменты, которые живой нитью связаны съ живой жизнью и способны возбудить живой интересъ учащихся, и слѣдуетъ только пользоваться нѣкоторыми изъ этихъ моментовъ. Нѣкоторыя науки имѣютъ между собой точки соприкосновенія, но ассоціація понятій—своя въ каждой области знаній: иныя понятія и ихъ отношенія—въ наукахъ математическихъ, иныя—въ наукахъ историческихъ или естественныхъ. Однѣ науки главнымъ образомъ научаютъ мыслить, другія облекать эти мысли въ ясныя формы, третьи даютъ матеріалъ для мыслей; однѣ главнымъ образомъ развиваютъ память, другія — воображеніе, третьи—соображеніе.

Образованный человѣкъ долженъ имѣть навыкъ мышленія въ каждой отрасли знанія. Таково мнѣніе нѣкоторыхъ компетентныхъ и извѣстныхъ педагоговъ.

Нѣкоторыя группы наукъ имѣютъ естественную связь между собою, и вполнѣ разрушить ее нельзя даже при желаніи сдѣлать это. Преподаватель естественной исторіи неизбѣжно приходитъ въ соприкосновеніе съ физикой и химіей; преподаватель физики и химіи—съ математикой; преподаватель исторіи и географіи имѣетъ много связей съ естественной исторіей. Всѣ научные предметы неизбѣжно связаны съ законами родного языка и проч. Одинъ преподаватель пользуется этими естественными связями умѣло, а другой—неумѣло, и послѣднему не поможетъ и та искусственная связь, которую, подъ именемъ общихъ объединяющихъ принциповъ, хотятъ выдвинуть на первый планъ при преподаваніи учебныхъ предметовъ.

Для этого нужно имѣть чувство мѣры. Увлеченіе въ этомъ смыслѣ можетъ въ неумѣлыхъ рукахъ принести больше вреда, чѣмъ пользы, и дѣлая винегретъ изъ учебныхъ предметовъ, будетъ именно формировать многознаекъ, безъ основательнаго знакомства съ отдѣльными предметами. Я могъ привести не одинъ извѣстный мнѣ промахъ такихъ неразумныхъ преподавателей-энциклопедистовъ, которые на своихъ урокахъ уносились въ области различныхъ наукъ и къ концу урока не успѣвали сообщить того, что лежало на прямой ихъ обязанности. Стараясь расширить кругозоръ и развитіе учениковъ, они слишкомъ пренебрегали фактическимъ знаніемъ.

Я думаю, что даже посредственный человѣческій умъ въ

силахъ самъ переварить умѣренную умственную пищу и найдетъ соотношеніе въ различныхъ пріобрѣтенныхъ имъ знаніяхъ.

Преподаватель взялъ бы на себя слишкомъ много, если бы вздумалъ во всѣхъ мелочахъ управлять этимъ таинственнымъ процессомъ, сущность котораго неизвѣстна, несмотря на ученіе матеріалистовъ, что мысль есть ничто иное, какъ нѣкоторое выдѣленіе изъ могзового вещества. Наконецъ, при чемъ была бы самостоятельность мышленія, если бы посторонній человѣкъ могъ такъ легко управлять этимъ аппаратомъ.

Такимъ образомъ до сего времени дѣло, повидимому, сводилось къ изданію руководящихъ началъ и перемѣнѣ программы.

Опять обращаюсь къ Пирогову, который 50 лѣтъ тому назадъ говорилъ: „мы оказались бы слишкомъ вѣрующими, если бы вздумали вѣрить, что реформы можно достигнуть однимъ измѣненіемъ уставовъ, курсовъ, распредѣленіемъ лекцій, программъ, испытаній. Для коренного преобразованія чего бы то ни было нужны не одни законы, а новые люди.—Перемѣна уставовъ измѣнитъ не сущность дѣла, а форму“.

Не такъ давно мнѣ пришлось прочесть въ одномъ изъ журналовъ справедливую жалобу публициста: „мы пренебрегли нравственнымъ воспитаніемъ, мы увлеклись образованіемъ, сочиняли, поправляли, искажали и передвигали лишь учебные планы и расписанія уроковъ и за этимъ бумажнымъ дѣломъ совершенно упустили изъ виду, что школьное воспитаніе есть дѣло живое, требующее прежде всего живыхъ, талантливыхъ, опытныхъ и сердечныхъ воспитателей“. Несомнѣнно, что и въ центральномъ нашемъ управленіи раздѣляютъ эти мысли и тамъ тоже причину неудовлетворительности учебнаго дѣла въ кадетскихъ корпусахъ относятъ отчасти къ устарѣлымъ пріемамъ нѣкоторыхъ учителей, не всегда стоящихъ на уровнѣ современныхъ педагогическихъ требованій.

Современныя педагогическія пожеланія, какъ я уже высказалъ, не заключаютъ въ себѣ ничего новаго и извѣстны педагогическому персоналу болѣе 40 лѣтъ на моей памяти. Тѣмъ не менѣе они мало примѣняются на урокахъ старыми учителями, а еще менѣе новыми.

Въ свое время педагогическіе наши курсы и учительскія семинаріи военнаго вѣдомства принесли ту пользу, что знакомили практически своихъ слушателей съ этими пріемами, тогда еще новыми и мало извѣстными и хотя нѣкоторые изъ слушателей, по недостатку природныхъ дарованій, плохо приспособлялись къ учебному дѣлу, но все-таки они вносили зна-

комство съ ними въ среду корпораціи. Затѣмъ послѣдовалъ упадокъ интереса къ учебно-воспитательному дѣлу и не такъ давно было время, когда достать сколько-нибудь толковаго учителя дѣлалось съ каждымъ годомъ все труднѣе.

Такимъ образомъ за невозможностью набрать достаточное количество пригодныхъ людей, оставалось болѣе простое и удобное средство: опять и опять обращаться къ бумажному дѣлу, охотниковъ до коего всегда находилось въ избыткѣ.

Повидимому, теперь возлагаютъ большія надежды на развитіе продуктивности, активности, и самостоятельности въ учебныхъ занятіяхъ кадетъ при помощи введенія приготовительныхъ курсовъ по естественной исторіи, физикѣ, географіи и геометріи, справедливо полагая, что такой путь обученія болѣе соотвѣтствуетъ психологіи возраста (умственнымъ силамъ дѣтей), ибо даетъ сначала представленіе о предметахъ, а затѣмъ дѣйствительное понятіе о нихъ, а не словесное ихъ обозначеніе. Этотъ путь обученія уже 40 лѣтъ тому назадъ практиковался. Занимались и отчизновѣдѣніемъ, и природовѣдѣніемъ, были предметные уроки и пропедевтики алгебры, геометріи и эпизодическій курсъ исторіи; совершались экскурсіи и были обязательны и письменныя работы по всѣмъ предметамъ. Все это обусловливалось все тѣми же тенденціями и тѣмъ же желаніемъ развить умъ и чувство дѣтей безъ обремененія памяти.

Все это мало-по-малу заглохло, отчасти и совсѣмъ оставлено. Быть можетъ теперь придуманы иные способы для продуктивности этой системы, и указанія недавняго прошлаго не могутъ имѣть значенія.

Въ половинѣ минувшаго столѣтія Тиндаль на своихъ лекціяхъ въ Королевскомъ институтѣ Великобританіи утверждалъ, что популяризація и поверхностное ознакомленіе съ научными предметами можетъ быть допущено только для людей, которые по своему экономическому положенію не могутъ посвятить достаточно времени на учебныя занятія и что для людей, которые имѣютъ возможность болѣе основательно знакомиться съ науками, такое поверхностное знакомство приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Теперь опять хотятъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, поверхностно пережевывать то, что въ V классѣ можетъ быть усвоено въ два мѣсяца, я уже не говорю о практическихъ неудобствахъ новыхъ мечтаній.

Желаніе и стремленіе ознакомить съ природой малолѣтнихъ предполагаемымъ способомъ напоминаетъ тѣхъ родителей, ко-

торые видятъ любознательность своихъ дѣтей въ томъ, что они на другой день по полученіи красивой игрушки начинаютъ потрошить ее, чтобы узнать, что находится внутри.

Такія дѣти, если и будутъ любознательны, что однако же сомнительно, то уже во всякомъ случаѣ чувство добра и красоты будетъ имъ чуждо.

Каждый учебный предметъ въ большей или меньшей степени даетъ матеріалъ для размышленій и при правильномъ его преподаваніи въ рукахъ умѣлаго учителя развиваетъ умъ.

Въ каждой отрасли знанія есть свои правила и нѣкоторые законы. Если они выводятся учениками изъ наблюденій и сравненій и затѣмъ примѣняются къ частнымъ случаямъ, то это все, что можетъ дать школа: разлагая родную рѣчь на части или рѣшая математическую задачу, ученики совершаютъ извѣстную умственную работу, которая въ средне-учебномъ заведеніи не только не менѣе продуктивна, чѣмъ примѣненіе законовъ природы для элементарнаго объясненія ея явленій, но гораздо въ большей степени заставляетъ преодолѣвать трудности, что очень цѣнно и чего не даетъ поверхностное изученіе законовъ природы и предполагаемые въ программахъ опыты.

Сторонники научнаго матеріализма правы, говоря, что предметы и явленія природы больше конкретны и даютъ обильный матеріалъ для наблюденія. И прекрасно, пусть они пріучаютъ дѣтей къ наблюденію, поводы къ этому имѣются на каждомъ шагу и въ ежедневной жизни, но для этого нѣтъ никакой надобности отнимать драгоцѣнное время отъ серьезныхъ классныхъ занятій.

Сторонники преобладанія естественныхъ наукъ въ обученіи очень правы, говоря, что естественныя науки дали очень много для удобства и комфорта, и человѣкъ, который желаетъ имѣть успѣхъ въ жизни, не можетъ ихъ игнорировать, и долженъ сдѣлать ихъ главными предметами изученія; но они увлекаются и говорятъ громкія фразы, утверждая, что сознаніе необходимости законовъ природы пріучаетъ уважать общественные законы. Законы ествественные въ своемъ примѣненіи не допускаютъ колебаній и отступленій; они вѣчны, пренебреженіе этими законами каждый неукоснительно испытываетъ на своей спинѣ. Общественные законы не имѣютъ этихъ свойствъ; они очень измѣнчивы и, какъ показалъ міровой опытъ, въ особенности въ наше время широкаго познанія природы, не мѣ-

шаютъ людямъ нарушать чужія права и постоянно быть недовольными существующими законами.

Значеніе естественныхъ наукъ для подъема нравственности тоже преувеличивается.

Естествознаніе не внушаетъ твердой вѣры въ непреложность нравственныхъ законовъ. Царство Божье не стало къ намъ ближе отъ физіологическаго объясненія жизни духа. Количество зла и страданій, среди людей, повидимому, не уменьшилось при всемъ громадномъ успѣхѣ въ познаніи природы; скорбь и наслажденіе стали болѣе интенсивны и утонченны, слѣдовательно, измѣнились въ качествѣ, а не въ количествѣ.

Пониманіе нравственнаго міра не можетъ ограничиться тѣмъ, что говорятъ о немъ физика и химія, ибо оно не исчерпывается мѣрою и вѣсомъ. Природа равнодушна: она не рукоплещетъ героямъ и не содрогается отъ злодѣяній; она не прощаетъ обиды и не молится за враговъ своихъ. „Въ эту всемірную Магдалину, какъ говоритъ Владиміръ Соловьевъ,—могутъ одинаково вселиться и злые духи и ангелы".

Изъ моихъ словъ не слѣдуетъ заключать, что я противникъ серьезнаго изученія природы въ школѣ.

Взрослые люди по необходимости изучаютъ ее въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, но запирать туда дѣтей съ малаго возраста считаю преждевременнымъ. Пусть они умѣютъ наслаждаться природой и научаются наблюдать ее до поры до времени безъ изученія ея законовъ.

Ребенокъ научается говорить и наслаждается своимъ лепетомъ безъ знанія законовъ языка. Спѣшить нѣтъ надобности и чѣмъ ребенокъ долѣе остается ребенкомъ,—тѣмъ лучше.

Что касается меня, то я готовъ раздѣлить мнѣніе, что съ гораздо большимъ удовольствіемъ можно услышать отъ дѣтей 10—11 лѣтъ, что звѣзды небесныя суть лампадки, которыя зажигаютъ ангелы для украшенія нашихъ ночей, чѣмъ серьезныя разсужденія ихъ о кислородѣ, углекислотѣ, воздухѣ и о томъ, чѣмъ дышитъ человѣкъ и растенія. Я склоненъ даже становиться на сторону тѣхъ мыслителей, которые говорятъ, что „слишкомъ полное и, если можно такъ выразиться, буквальное пониманіе всего окружающаго скоро утомляетъ. Человѣческая душа, особенно молодая, не находитъ себѣ удовлетворенія въ одномъ только обыденномъ и близкомъ, въ знакомыхъ очертаніяхъ реальнаго міра". Я такъ же склоненъ вѣрить Фулье, который утверждаетъ, что „преувеличенная вѣра въ морализующую силу позитивныхъ наукъ принесла вредъ со-

временной школѣ". Уменьшивъ на 12 число классныхъ уроковъ, предполагается употребить это время на устройство экскурсій, образовательныхъ прогулокъ для организаціи самостоятельныхъ учебныхъ занятій. Назначеніе экскурсій и прогулокъ въ заранѣе опредѣленный день и часъ недѣли совершенно невозможно и по климатическимъ условіямъ и по крайней трудности продуктивно организовать ихъ въ провинціальномъ городѣ въ виду скудости объектовъ для осмотра.

Для экскурсій, образовательныхъ прогулокъ и самостоятельныхъ занятій нѣтъ надобности отнимать систематически часы отъ класснаго времени, на недостаточность коего постоянно слышатся жалобы отъ преподавателей въ виду малой успѣшности учениковъ. Они могутъ безъ излишней регламентаціи и безъ вреда для учебнаго дѣла производиться время отъ времени по мѣрѣ возможности и надобности, которую, полагаю, всегда могутъ усмотрѣть лица учебно-воспитательнаго персонала каждаго заведенія.

Безъ сомнѣнія, взгляды на педагогическое дѣло и пріемы воспитанія и обученія дѣтей и юношей съ теченіемъ времени значительно измѣнились на моей памяти, и я не имѣю претензіи отстаивать превосходство и безошибочность такихъ взглядовъ, какіе доминировали въ мое время. Я только констатирую ихъ и всегда помню, что la critique est aisée, l'art est difficile, а также: чтобы хорошо понимать чужую молодость, надо понимать свою. Надо помнить, что юность людей, часто неразумная, но въ основѣ всегда чистая и благородная, что пылкость и увлеченія, свойственныя ей, хотя и получаютъ дурное направленіе подъ вліяніемъ страстей, характера и наслѣдственности, но на все высокое и благородное юность болѣе отзывчива, переходы отъ одного къ другому совершаются быстро и хорошія чувства всегда получаютъ преобладаніе. Здѣсь главная задача педагога.

Не могу умолчать въ своихъ воспоминаніяхъ хотя о нѣкоторыхъ тяжелыхъ минутахъ неудачъ и ошибокъ, которыя мнѣ пришлось пережить въ теченіе 25 лѣтняго управленія моего Симбирскимъ кадетскимъ корпусомъ.

Отношенія ко мнѣ моихъ непосредственныхъ начальниковъ были довольно далекія и доброжелательныя къ тѣмъ моимъ заявленіямъ, которыя касались порученнаго мнѣ дѣла. Подчиняться распоряженіямъ власти я, конечно, считалъ себя обязаннымъ. И ежели, встрѣчая неудобства и вредъ практическаго примѣненія ихъ, и заявленія мои, случалось, не имѣли успѣха,

то я принималъ на себя роль пружины для ослабленія ихъ отрицательнаго вліянія на ходъ дѣла. Послѣ Н. В. Исакова Главнымъ Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ назначенъ Н. А. Махотинъ, никогда прежде не прикасавшійся къ этому дѣлу. Говорятъ, что онъ былъ человѣкъ добраго сердца. Это весьма можетъ быть. Первое время онъ представлялъ рѣзкую противоположность Исакову. На видъ очень невзрачный, онъ все какъ бы боялся уронить свой санъ и былъ чрезмѣрно чувствителенъ къ внѣшней почтительности своихъ подчиненныхъ. Очень много говорилъ и высокомѣрно слушалъ, когда ему говорили. Любилъ свой пріѣздъ въ заведеніе обставить торжественностью и въ торжественныхъ случаяхъ говорить торжественныя рѣчи, развивая въ нихъ прописные принципы, но технику нашего дѣла зналъ слабо и нерѣдко проваливался.

Въ первый свой пріѣздъ въ Симбирскъ для ознакомленія съ корпусомъ, онъ, придя въ спальню воспитанниковъ и увидя на одномъ столѣ не стертую пыль, обратился громко къ сопровождавшему его генералу: „У нихъ здѣсь навозъ". Я не сдержался и, обратясь къ Махотину, почтительно ему сказалъ: „До пріѣзда Вашего Превосходительства здѣсь не было навоза". Послѣ этого Махотинъ уже не дѣлалъ никакихъ замѣчаній и очень сухо простился со мной. На другой день придя въ заведеніе, онъ, къ моему удивленію, былъ необыкновенно любезенъ, внимателенъ и уѣзжая изъ Симбирска благодарилъ меня. На другой годъ осматривалъ корпусъ командированный генералъ и послѣ представленія имъ отчета я получилъ отъ Махотина оффиціальную бумагу, въ которой онъ писалъ мнѣ: „Усматривая изъ отчета генерала О., инспектировавшаго ввѣренный Вашему Превосходительству корпусъ, что заведеніе это имъ найдено въ томъ же отличномъ состояніи, въ какомъ я его видѣлъ въ прошломъ году, поставляю себѣ въ пріятную обязанность выразить Вамъ свою искреннюю благодарность".

Далѣе я привожу нѣсколько случаевъ служебныхъ отношеній его къ нашему общему дѣлу.

Съ теченіемъ времени, когда онъ ознакомился съ совершенно незнакомымъ ему прежде дѣломъ, онъ очень измѣнился, высокомѣріе сгладилось, онъ внимательно и отзывчиво выслушивалъ чужія мнѣнія и шелъ неуклонно по линіямъ, начертаннымъ Ванновскимъ и Куропаткинымъ.

Однажды въ маѣ мѣсяцѣ утромъ меня разбудили извѣстіемъ, что въ корпусѣ только-что случилось несчастье.

Въ 6 часовъ утра, когда воспитанники вставали и умыва-

лись въ умывальной, кадетъ 6-го класса Б. одѣвшись пришелъ въ классъ, гдѣ нѣсколько его товарищей уже занимались приготовленіемъ уроковъ. Б., какъ хорошій ученикъ, подошелъ къ доскѣ и началъ объяснять одному изъ товарищей урокъ по математикѣ. Затѣмъ сѣлъ на подоконникъ и спросилъ товарищей: „какъ эффектнѣе выпрыгнуть", перекинулъ обѣ н огии бросился внизъ изъ 3-го этажа. При паденіи онъ ударился бокомъ и головою на тротуаръ и потерялъ сознаніе. Немедленно прибывшій докторъ нашелъ переломъ основанія черепа, угрожающее жизни больного. Немедленно по телеграфу былъ вызванъ отецъ несчастнаго мальчика, который оставался при немъ до его смерти. Б. промучился цѣлую недѣлю, не приходя въ сознаніе. Отецъ высказалъ, что онъ „всегда ожидалъ, что сынъ его кончитъ чѣмъ-либо плохимъ". Сомнѣваясь, чтобы паденіе Б. было намѣренное, я началъ разспрашивать его товарищей о поступкахъ и настроеніи Б. за послѣднее время.

Накануне Б. имѣлъ очень взволнованный видъ, что обратило на него вниманіе дежурнаго воспитателя, который и посовѣтовалъ ему лечь и отдохнуть. Вечеромъ Б. легъ въ постель и у него долго сидѣлъ его другъ Д., которому онъ высказывалъ сердечныя страданія и высказывалъ намѣреніе покончить съ собой. Д. старался его успокоить и добивался отъ него честнаго слова, что онъ съ собой ничего не сдѣлаетъ, но Б. отказался дать честное слово. Поэтому Д., когда легъ въ постель, то, стараясь не спать, слѣдилъ за нимъ и только когда убѣдился, что Б. заснулъ, задремалъ и самъ. Утромъ Д. проснулся и увидѣлъ стоящаго у его кровати Б. Онъ тотчасъ же всталъ и пошелъ въ умывальную, чтобы одѣвшись продолжать надзоръ за Б. Но за это время Б. прошелъ въ классъ и бросился изъ окна.

Подлѣ Б. нашли связку писемъ, изъ нихъ 2 къ Д. Въ одномъ была вложена фотографическая карточка съ надписью: „Алешенькѣ Д. на память о бѣдномъ другѣ, прощай, не забывай 8989".

Въ письмѣ:—„Дорогой Алеша, исполни послѣднюю просьбу твоего товарища: передай эти письма по назначенію, конфискуй все мое добро, все прочти, что гдѣ написано, что передай кому слѣдуетъ, что сожги, чтобы моя тайна никому не была извѣстна кромѣ тебя да ея. Раньше я былъ пень, съ января я началъ жить, но силъ нѣтъ и... прощай, береги Зин... не забывай меня. Твой другъ Б.". Въ другомъ письмѣ:—„Голубчикъ Алешенька, защищай меня отъ нападокъ тѣхъ дураковъ, которые

позволятъ себѣ осуждать меня, не зная ни меня, ни моихъ волненій. Поцѣлуемся, другъ. Прощая, поклонъ всѣмъ знакомымъ". Одно письмо къ товарищамъ: „Прощайте, дорогіе товарищи, не поминайте лихомъ уже потому, что своею смертью я одному изъ васъ далъ мѣсто среди нашивочныхъ, пусть хотя тотъ, кто заступитъ мое мѣсто, вспомнитъ обо мнѣ на ротномъ праздникѣ".

Одно письмо на имя своего отдѣленнаго воспитателя: „Дорогой воспитатель. Простите за огорченіе, но... Вы (да и никто) меня не знали и судить не можете... ...Причину своей смерти я не скажу; она всѣмъ слишкомъ темна и понять меня съумѣетъ только тотъ, кто самъ былъ на моемъ мѣстѣ. Прощайте".

2 конверта на имя любимой дѣвушки. Въ одномъ фотографическая карточка съ надписью: „Вспоминайте несчастнаго, дорогая Зиночка". Въ другомъ: „Милая, дорогая Зиночка. Единственно, чего бы мнѣ хотѣлось на свѣтѣ, — это чтобы Вы мнѣ вѣрили, но... судьба судила иначе, надежды мои не оправдались, и это разочарованіе послужило послѣдней каплей и въ безъ того полномъ сосудѣ. Теперь мы конечно не поѣдемъ на лодкѣ. Прощайте и не забывайте П. Б.".

Одно письмо заказное въ запечатанномъ конвертѣ къ отцу и къ брату, которыя и были переданы по принадлежности.

Въ классномъ столѣ Б. найдена еще переписка съ родными и любимой дѣвушкой, разныя замѣтки, описанія, дневникъ, стихи и проч.—большею частью смутнаго фантастическаго содержанія.

Б. послѣдніе годы былъ хорошаго поведенія, по успѣхамъ былъ первымъ ученикомъ и пытался даже держать экзаменъ черезъ классъ, но неудачно. Какъ скромный, религіозный и серьезный юноша, онъ по собственной охотѣ прислуживалъ въ алтарѣ при Богослуженіи.

Въ отпускъ ходилъ въ одно почтенное семейство, гдѣ были двѣ молодыя дѣвушки, съ которыми Б. находился съ дѣтства въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ одну изъ нихъ Б. влюбился чистою, юношескою любовью.

Повидимому, ему не отвѣчали тѣмъ же, тяготились постояннымъ его резонерствомъ и слишкомъ серьезными для ихъ лѣтъ разговорами и предпочитали бесѣдовать съ другими; къ нему же относились хотя дружески, но холодно и недовѣрчиво, что и было причиною его постояннаго волненія.

Б. при многихъ хорошихъ качествахъ имѣлъ между прочимъ одинъ большой недостатокъ въ характерѣ. Ему хотѣлось казаться оригинальнымъ, что выражалось какъ въ мелочахъ, такъ и въ серьезныхъ поступкахъ. Ничто не сердило его такъ, какъ недовѣріе товарищей въ дѣйствительность его оригинальности и насмѣшки надъ его желаніемъ чѣмъ-либо выдѣлиться.

Просматривая его дневникъ, замѣтки и письма, невольно удивляешься путаницѣ его понятій, его сомнѣнію и якобы презрительному отношенію къ людямъ. Онъ мало кого любитъ и даже не вѣритъ въ возможность любви вообще. Въ эти мысли онъ драпируется и передъ любимой имъ дѣвушкой. Будучи юношей религіознымъ, онъ хочетъ иногда казаться невѣрующимъ. Обладая прекрасными способностями и успѣшно занимаясь математикой, онъ намѣренно начинаетъ получать дурныя отмѣтки. Утверждая, что ему совсѣмъ не даются иностранные языки, иногда отвѣчаетъ блистательно, повидимому, съ цѣлью произвести эффектъ.

Недовѣріе къ нему любимой имъ дѣвушки, которая тоже думаетъ, что онъ часто ломается и интересничаетъ своими особенными, отличными отъ обычныхъ, взглядами приводило его въ крайнее раздраженіе. — Онъ часто и охотно бесѣдуетъ съ своимъ отдѣленнымъ воспитателемъ, который старается ослабить его больное самолюбіе и обидчивость, неправильность его взглядовъ и заблужденій, но не всегда успѣваетъ въ этомъ.

По заявленію другихъ, онъ очень любилъ уединяться и для этой цѣли даже добивался, чтобы его посадили въ карцеръ. Б. очень любилъ читать книги отвлеченнаго содержанія. Случалось, что воспитатель указывалъ ему, что книги еще непосильны для него, и даже отбиралъ ихъ.

Всѣ замѣчали въ немъ склонность къ рисовкѣ, и товарищи не разъ слышали отъ него разсужденія о самоубійствѣ, но относились къ этому насмѣшливо.

Родственныя чувства, повидимому, не сильно были у него развиты. Къ младшему брату-кадету онъ холоденъ потому что, какъ ему кажется, тотъ пользуется большею любовью отца. Все это заканчивается тѣмъ, что онъ бросается въ окно, какъ бы желая доказать на дѣлѣ то, что онъ говоритъ на словахъ.

Мы не уберегли этого способнаго юношу, не досмотрѣли за особенностями склада его характера, не видѣли направленія его душевнаго строя. Вѣроятно, это былъ не единственный слу-

чай нашей слѣпоты и непредусмотрительности. Но такая катастрофа была единственная за всѣ 25 лѣтъ. Она имѣла ту хорошую сторону, что, жестоко поразивъ насъ, вздернула наше вниманіе и бдительность.

Въ 1893 году, вернувшись изъ отпуска, я прошелъ въ канцелярію и, встрѣтивъ нашего казначея М., сказалъ ему, что желалъ бы получить мое жалованье за прошедшій мѣсяцъ.

Казначей отперъ свой столъ и съ изумленіемъ увидалъ, что моего жалованья въ столѣ нѣтъ, и сталъ усиленно шарить въ бумагахъ. Видя его замѣшательство, я сказалъ ему, чтобы прислали мнѣ деньги на домъ, и ушелъ. Часа черезъ два я собрался въ городъ, и, выходя изъ подъѣзда, встрѣтилъ одного изъ нашихъ преподавателей, который съ испуганнымъ видомъ спросилъ меня, правда ли, что изъ канцеляріи пропало болѣе 10.000 рублей. Я удивился и сказалъ, что казначей куда-то засунулъ мое мѣсячное жалованье и ищетъ его, но ни о какихъ тысячахъ не можетъ быть и рѣчи. Пришелъ однако же въ канцелярію и увидѣлъ, что всѣ бумаги и книги изъ шкафовъ вынуты; служащіе и писаря перебираютъ ихъ, и казначей блѣдный и растерянный мечется во всѣ углы.

Наконецъ онъ доложилъ мнѣ, что у него въ ящикѣ его стола лежали мои деньги и другихъ служащихъ, а также процентныя бумаги на 6.000, составляющія реверсъ одного изъ воспитателей, только-что женившагося. Немедленно былъ вызванъ судебный слѣдователь, и началось разслѣдованіе и обыскъ по всему зданію, но все было безуспѣшно, и я послалъ донесеніе въ Петербургъ о событіи. Написалъ также Управляющему Министерствомъ Финансовъ, коему послалъ номера пропавшихъ бумагъ, и просилъ сдѣлать распоряженіе по всѣмъ кредитнымъ учрежденіямъ на случай, если бы кто явился съ этими бумагами, и кромѣ того опубликовалъ ихъ въ газетѣ. Но никакихъ слѣдовъ не обнаруживалось.

Въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года пріѣхалъ въ Симбирскъ Н. А. Махотинъ. Я встрѣтилъ его на пристани, и мы поѣхали съ нимъ въ корпусъ. Дорогой Махотинъ говоритъ мнѣ: „А у Васъ большая непріятность въ корпусѣ, которая ложится тѣнью на все заведеніе; казначея надо удалить немедлленно.“

Я объяснилъ Главному Начальнику, что казначей пользуется репутаціей весьма честнаго человѣка, уважаемъ сослуживцами, и я увѣренъ, что въ этомъ дѣлѣ виновенъ только въ томъ, что держалъ деньги у себя въ столѣ и не сдалъ ихъ въ казначейство, несмотря на мое приказаніе, отданное предъ моимъ

отъѣздомъ въ отпускъ, за это виню больше всего себя, какъ не провѣрившаго точнаго исполненія моего приказанія, а потому считаю себя обязаннымъ пополнить эти деньги и просилъ Главнаго Начальника оставить почтеннаго казначея на его мѣстѣ. Махотинъ согласился.

По пріѣздѣ въ корпусъ и послѣ обхода всего зданія, когда воспитанники пошли къ обѣду и мы пошли вслѣдъ за ними, Махотинъ сѣлъ за однимъ изъ столовъ младшей роты и пригласилъ садиться меня и сопровождавшую его свиту, состоявшую изъ четырехъ генераловъ. Во время обѣда одинъ изъ этихъ генераловъ разговорился съ маленькимъ кадетомъ, сидѣвшимъ за тѣмъ же столомъ, и узналъ отъ него, что младшій братъ его также приготовляется поступить въ нашъ корпусъ и живетъ у казначея М. На другой день Махотинъ, отведя меня въ сторону, сообщилъ объ этомъ фактѣ, напомнивъ о его распоряженіи, чтобы никто изъ служащихъ не занимался подготовленіемъ къ экзамену въ то же заведеніе и категорически потребовалъ, чтобы казначей немедленно подалъ въ отставку, а иначе онъ предастъ его суду. Я пытался черезъ сопутствовавшихъ его генераловъ разъяснить, что мальчикъ жилъ у казначея безвозмездно, какъ знакомый его семьи, и только-что пріѣхалъ съ Кавказа съ его дочерью, которая гостила въ этой семьѣ и взялась довезти мальчика въ Симбирскъ, чтобы избавить его родителей отъ излишнихъ расходовъ. Объясненія мои не помогли, и казначей подалъ въ отставку.

На другой день послѣ отъѣзда Махотина, я возвращался вечеромъ изъ города. Въ вестибюлѣ швейцаръ подалъ мнѣ записку. Записка была отъ кадета второй роты, гдѣ онъ просилъ меня немедленно придти въ спальню второй роты, что ему необходимо передать мнѣ нѣчто важное, очень важное. Я сейчасъ же пошелъ къ нему. Онъ съ разрѣшенія воспитателя не ложился и ждалъ меня. Шопотомъ сообщилъ мнѣ, что передъ обѣдомъ онъ съ товарищами игралъ на дворѣ въ мячикъ. Мячикъ покатился въ подвалъ, гдѣ помѣщались калориферы, и когда онъ спустился въ подвалъ за мячикомъ, то увидалъ тамъ сбоку закрытую желѣзную дверь и хотѣлъ полюбопытствовать, что за ней. Попробовалъ ее отворить. Дверь легко подалась, и онъ вошелъ въ какой-то чуланъ, гдѣ на полу стояла корзинка, покрытая тряпкой, а подъ нею онъ увидѣлъ много денегъ и какихъ-то бумагъ въ 300,500 р. Зная о пропажѣ денегъ, онъ никому не сказалъ объ этомъ и ждалъ меня,

чтобы сообщить мнѣ первому. Я немедленно уже ночью взялъ дежурнаго офицера, позвалъ вахтера и вмѣстѣ съ ними и кадетомъ отправился по указанію его въ подвалъ, нашли желѣзную дверь, за нею чуланъ, корзинку, покрытую тряпкой, но... денегъ и бумагъ тамъ не было.

Обыскали всѣ углы подземелья, но ничего не нашли.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, прочитывая бумаги, принесенныя мнѣ для подписи. Въ швейцарской раздался усиленный звонокъ, затѣмъ ускоренные шаги по лѣстницѣ, и въ кабинетъ быстро входитъ мѣстный губернаторъ А. и, пожимая мнѣ руку, говоритъ: „Ну-съ, коробку конфетъ".—Я съ удивленіемъ смотрю на этого милаго, отзывчиваго человѣка и спрашиваю: — „Какую коробку конфектъ?". — „Всѣ пропавшія у Васъ въ канцеляріи деньги нашлись. Вотъ донесеніе исправника". Я такъ обрадовался, что говорю: „Неужели!—10 коробокъ". „Нѣтъ, одну", говоритъ А. и разсказалъ мнѣ подробности. Оказалось, укралъ ихъ писарь, занимавшійся въ канцеляріи и за нѣсколько дней до пропажи денегъ уволенный въ отставку. Похитивъ деньги, онъ поселился въ глухой деревнѣ Симбирской губерніи и когда пришелъ въ ближайшее село, чтобы размѣнять одинъ изъ билетовъ, то крестьянинъ, къ которому онъ обратился, заподозривъ его, позвалъ десятскаго, и они нагнали его въ лѣсу, обыскали, нашли нѣсколько незнакомыхъ имъ денежныхъ знаковъ—процентныхъ бумагъ, а затѣмъ произвели обыскъ въ его домѣ, гдѣ въ сундукѣ нашли всѣ украденныя деньги.

Проводивъ губернатора, я поспѣшилъ въ канцелярію сообщить служащимъ и казначею радостное извѣстіе. Казначей, весь потрясенный, упалъ передъ образомъ на колѣни, заплакалъ и повторялъ: „Благодарю Тебя, Господи, что не посрамилъ меня".

Немедленно я послалъ телеграмму Махотину, увѣдомляя его, что деньги нашлись, и просилъ не давать движенія отставкѣ казначея, но получилъ отказъ и на мѣсто нашего почтеннаго, честнаго казначея былъ присланъ изъ Главнаго Управленія чиновникъ, совершенно неспособный ни къ какому дѣлу, какой-то полоумный, но которому нужно было дослужить до пенсіи, а на мѣсто его въ Управленіи имѣлся въ виду другой. Чиновникъ этотъ скоро умеръ, не дослуживъ желаемаго срока. Необычайная строгость Махотина стала для меня отчасти понятна.

Въ 1894 году 28 декабря около 7 часовъ утра меня разбудили съ извѣстіемъ, что въ корпусѣ пожаръ. Наскоро одѣвшись, я побѣжалъ въ 1-ю роту. Вся спальня была наполнена густымъ дымомъ, и воспитанники полуодѣтые выбѣгали изъ спальни, схвативъ свое платье и обувь. Нѣкоторые вытаскивали кровати, столики и свои сундуки. Когда вышли всѣ кадеты, я попробовалъ войти въ спальню, но это оказалось невозможнымъ. Загорѣлась балка, которая была плохо изолирована отъ дымохода и начала тлѣть, какъ видно уже нѣсколько дней, но дымъ уносило въ трубу и гари въ помѣщеніи не ощущалось, но когда наконецъ загорѣлся конецъ балки, выходящій въ подполье 3-го этажа, то огонь сталъ быстро охватывать все пространство подъ поломъ. Пожарная команда скоро прибыла, но проникнуть къ тому мѣсту, гдѣ горѣло, не было возможности,—пожарные задыхались и падали безъ чувствъ, весь лазаретъ былъ переполненъ ими.

Въ 8 часовъ вечера распространеніе пожара было прекращено, но полъ въ спальнѣ 3-го этажа и потолокъ 2-го весь сгорѣлъ и провалился. Всѣ спальни кадетъ были испорчены огнемъ, а главное водой, такъ что помѣстить туда воспитанниковъ было невозможно. При сильныхъ, стоявшихъ тогда морозахъ вода замерзла и образовался толстый слой льда. Батареи водяного отопленія полопались. Всѣ окна въ спальняхъ были выбиты. Воспитанники размѣстились въ рекреаціонныхъ залахъ. Большихъ трудовъ стоило приспособить часть спаленъ къ концу Рождественскихъ праздниковъ, когда стали возвращаться кадеты съ зимнихъ каникулъ. Никто изъ строившихъ заведеніе инженеровъ и изъ насъ служащихъ не были привлечены къ служебной отвѣтственности.

Когда въ слѣдующемъ году я представлялся Государю Императору Николаю Александровичу, то Его Величество, послѣ нѣсколькихъ словъ разговора со мной, спросилъ: „А у васъ въ корпусѣ былъ пожаръ“ и началъ спрашивать подробности. Я былъ крайне пораженъ Его памятью къ этому событію, которое случилось черезъ 2 мѣсяца послѣ вступленія Его на Престолъ.

Одинъ изъ воспитателей корпуса женился на моей дочери. Когда дошла до него очередь, я представилъ его на должность ротнаго командира. Махотинъ, по доносу на меня одного изъ претендовавшихъ на это мѣсто, отказалъ въ утвержденіи моего зятя. Я поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы лично переговорить и выяснить главному начальнику, что мой зять несетъ какъ бы

наказаніе за то, что женился на моей дочери и что онъ вполнѣ заслуживаетъ того назначенія, къ которому я его представилъ. Никакія мои убѣжденія не имѣли успѣха. Тогда я просилъ у Махотина позволенія объяснить дѣло лично военному министру. Ванновскій принялъ меня у себя въ кабинетѣ очень любезно и разспрашивалъ меня о корпусѣ. Когда онъ отпускалъ меня, я сказалъ ему: „Чтобы мнѣ спокойно уѣхать къ своему мѣсту служенія, я прошу у васъ позволенія переговорить о моемъ личномъ дѣлѣ“. Тогда Ванновскій спрашиваетъ: „Какъ вы желаете со мной говорить: какъ съ человѣкомъ или какъ съ военнымъ министромъ“.—Я говорю: „Какъ съ министромъ“. Ванновскій уже болѣе суровымъ голосомъ: „Хорошо, говорите министру“. Я разсказалъ ему свое дѣло. Выслушавъ меня внимательно, онъ очень добродушно и участливо сказалъ мнѣ: „Ну, посудите сами безпристрастно, удобно ли Вамъ служить съ родственникомъ, вѣдь вы не оберетесь всякихъ нареканій, даже при самыхъ безпристрастныхъ вашихъ распоряженіяхъ“.

„Признавая справедливость вашихъ словъ, я прошу перевести меня въ другой корпусъ, но не портите карьеры офицеру, который имѣетъ боевыя заслуги и подъ Вашимъ начальствомъ переходилъ Дунай въ Турецкую кампанію“.

Въ это время открывалась вакансія директора въ Полтавскомъ корпусѣ. Ванновскій согласился на мой переводъ и велѣлъ передать это Махотину.

Когда я прямо отъ военнаго министра пріѣхалъ къ Н. А. Махотину и передалъ ему свой разговоръ съ Ванновскимъ, то онъ очень сухо отвѣтилъ мнѣ: „Хорошо, вы будете переведены въ Полтаву, если военный министръ этого желаетъ, но Вашъ зять все-таки не будетъ ротнымъ командиромъ“. Тогда я написалъ письмо Ванновскому, въ которомъ выразилъ, что совершенно подчиняюсь тому рѣшенію, какое ему будетъ угодно принять въ моемъ дѣлѣ.—Я остался въ Симбирскѣ, а зять мой переведенъ воспитателемъ въ 1-й корпусъ въ Петербургъ, гдѣ скоро получилъ роту.

„Еще одно послѣднее сказаніе—и лѣтопись окончена моя“.

Въ теченіе 25 лѣтъ моего директорства въ Симбирскомъ кадетскомъ корпусѣ окончили курсъ 1.003 человѣка. Нѣкоторые изъ нихъ продолжали свое образованіе въ военныхъ академіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нѣкоторые занимаютъ уже видныя мѣста на государственной и общественной службѣ.

Упомяну здѣсь о тѣхъ извѣстныхъ мнѣ бывшихъ питомцахъ корпуса, которые съ честью исполнили то дѣло, къ которому готовились съ дѣтства, и для этого дѣла пожертвовали своею жизнью:

Убиты:

1) Николай Даниловъ—подъ Эрзерумомъ 1877 г., 135 пѣхотнаго полка.

2) Петръ Валевскій, поручикъ охранной стражи на Корейской границѣ въ 1900 г.

3) Дмитрій Ткаченко, поручикъ 9-го пѣхотнаго Ингерманландскаго Императора Петра I полка.—Въ сраженіи съ японцами у д. Сяодунтай 1904 г.

4) Николай Ярченко, того же полка поручикъ, въ сраженіи съ японцами у д. Сяодунтай 1904 г.

5) Иванъ Корольковъ,—10 пѣхотнаго Новоингерманскаго полка капитанъ. Въ бою подъ г. Ляояномъ, при д. Сыквантунь 1904 г. Здѣсь два раза отбивалъ ожесточенныя атаки и погибъ со всѣми чинами роты.

6) Николай Слюсаренко,—1-го Стрѣлково-Восточно-Сибирскаго Его Величества полка капитанъ. Подъ д. Ташичао въ 1905 г.

7) Иванъ Шмелингъ, того же полка штабсъ-капитанъ. Подъ Мукденомъ въ 1905 г.

8) Сергѣй Шулькевичъ,—1-го Восточно-Сибирскаго сапернаго баталіона штабсъ-капитанъ. Подъ г. Ляояномъ 1904 г.

9) Иванъ Салтовскій,—5-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка штабсъ-капитанъ. Во время штурма крѣпости Портъ-Артура въ 1904 г.

10) Михаилъ Коробковъ,—10-го Восточно-Стрѣлковаго полка штабсъ-капитанъ, подъ г. Ляояномъ въ 1904 г.

11) Борисъ Россинъ,—14-го Восточно-Сибирско-Стрѣлковаго полка капитанъ, во время штурма крѣпости Портъ-Артура 1904 г.

12) Иванъ Горбовскій-Заранекъ,—34-го Восточно-Сибирскаго полка подпоручикъ, въ сраженіи съ японцами 1904 г.

13) Иванъ Желтухинъ,—36-го Восточно-Сибирскаго полка поручикъ. Въ сраженіи съ японцами при д. Сандепу 1905 г.

14) Алексѣй Аверкіевъ,—9-й Артиллерійской бригады штабсъ-капитанъ. Въ сраженіи съ японцами.

15) Василій Абызовъ,—Квантунской крѣпостной артиллеріи подпоручикъ. Во время штурма крѣпости Портъ-Артуръ 1904 г.

16) Станиславъ Климовичъ,—34 Сѣвскаго графа Каменскаго полка капитанъ. Въ бою на Уфангуанскомъ перевозѣ въ 1904 году.

Получили орденъ Георгія 4-й степени:

1) Владиміръ Лѣнивцевъ. 1-й Сибирской Артиллерійской бригады поручикъ.

19 сентября 1904 г. въ бою подъ Сяліухецзы послѣ выбытія изъ строя 3-хъ офицеровъ вступилъ въ командованіе батарей и съ 7 съ половиной до 11 часовъ утра управлялъ огнемъ батареи, ослабилъ огонь трехъ японскихъ батарей и остановилъ нѣсколько разъ повторявшіеся натиски противника. Къ 10 часамъ утра оставалось прислуги только 9 человѣкъ. Когда батареѣ приказано было отходить, несмотря на убыль 40 лошадей, орудія и ящики были вывезены всѣ.

Искусно управлялъ огнемъ, и отражая натиски непріятеля, послѣднимъ отошелъ съ позиціи, убѣдившись въ благополучномъ отходѣ орудій и ящиковъ.

2) Мударъ Анзоровъ—45 драгунскаго Сѣверскаго Короля Датскаго полка корнетъ.

14 января 1905 года около дер. Ляндичау, узнавъ о наступающей японской ротѣ, онъ, по собственной иниціативѣ, стремительно бросился въ атаку, при чемъ было зарублено до 100 человѣкъ японцевъ, 17 взято въ плѣнъ и захвачено до 25 винтовокъ, 19 ручныхъ гранатъ и 5 лошадей съ полными вьюками, въ томъ числѣ лошадь ротнаго командира, во вьюкѣ котораго найдены были карты и важные документы.

Подробностей о гибели павшихъ въ бою я достать не могъ, исключая поручика Валевскаго. Подробности о немъ сообщены мнѣ частью матерью Валевскаго, а частью взяты изъ брошюръ Александровскаго военнаго училища.

Петръ Ивановичъ Валевскій окончилъ курсъ въ Симбирскомъ корпусѣ въ 1893 году, былъ выпущенъ изъ Александровскаго военнаго училища въ 1895 году, подпоручикомъ во 2-й Закаспійскій стрѣлковый батальонъ, а 1898 году перешелъ на службу въ охранную стражу Восточно-Китайской ж. д.

22 и 23 іюня китайскіе мятежники напали на посты Южной дороги. Валевскій успѣлъ собрать на ст. Мукденъ около 80 стражниковъ, отбилъ два штурма сильнѣйшаго непріятеля, вооружен-

наго артиллеріей, собралъ всѣхъ служащихъ дороги и, похоронивъ убитыхъ, пошелъ на соединеніе съ отрядомъ полковника Мищенко въ г. Ляоянъ. Отрядъ подъ начальствомъ Валевскаго вышелъ на линію жел. дор. ниже Мугдена. Дорога была уже разрушена. У станціи Салипа произошло столкновеніе съ китайцами. Подъ Валевскимъ была убита лошадь, но китайцы обращены въ бѣгство. Отрядъ благополучно дошелъ до моста чрезъ рѣку Хунь-хе. Защитники моста, 18 человѣкъ охранной стражи восторженно встрѣтили отрядъ Валевскаго. Близъ станціи Су-я-тунь отрядъ попалъ въ засаду. Завязалась горячая перестрѣлка, длившаяся около часа.

Валевскій, сберегая патроны, приказалъ стрѣлять только по перебѣгавшимъ китайцамъ. Къ вечеру китайцы, пользуясь своимъ огромнымъ численнымъ превосходствомъ, обошли отрядъ съ трехъ сторонъ. Положеніе становилось критическимъ. Въ это время прискакалъ казакъ и доложилъ Валевскому, что съ лѣваго фланга атакуетъ кавалерія, а съ фронта наступаютъ пѣшіе. Валевскій вскочилъ на коня и помчался къ лѣвому флангу—подъ нимъ была убитая вторая лошадь, и онъ пѣшкомъ добѣжалъ до цѣпи и скомандовалъ: „въ штыки!“ Китайцы были отбиты. Отрядъ продолжалъ путь всю ночь. Голодъ и жажда начинали давать себя чувствовать. Сухарей было немного, воды тоже не было—изъ колодцевъ пить боялись, такъ какъ вода въ нихъ была, повидимому, отравлена. Отрядъ начиналъ падать духомъ. Валевскій старался поддерживать и утѣшать мучимыхъ голодомъ, жаждою и усталостью людей надеждою на отдыхъ въ Ляоянѣ. Верстъ за 10 до Ляояна былъ сдѣланъ привалъ, чтобы придти въ него ночью. Съ закатомъ солнца двинулись далѣе. Мостъ на рѣкѣ Тайцзы былъ въ огнѣ. Не зная, есть ли кто изъ нашихъ въ Ляоянѣ, не рѣшались переходить въ бродъ. Была сдѣлана рекогносцировка, обнаружившая, что русскіе оставили Ляоянъ всего за 6 часовъ до прибытія отряда. Валевскій съ отрядомъ устроился на островѣ, представлявшемъ изъ себя котловину, заросшую кустарникомъ, который защищалъ отъ выстрѣловъ. Въ 5 часовъ вечера пребываніе отряда было обнаружено китайцами и ими сдѣлано нѣсколько нападеній, которыя всѣ были отбиты.

Послѣ всесторонняго обсужденія было признано правильнѣе всего идти въ Корею, такъ какъ вся линія желѣзной дороги была сплошь занята китайскими солдатами. Въ 10 часовъ вечера выступили съ мѣста стоянки вверхъ по рѣкѣ Тай-цзы, разсчитывая перевалить и идти по рѣкѣ Ялу въ Корею.

На слѣдующій день пройдя мимо Янь-тайскихъ копей, они довѣрились проводнику-китайцу, который завелъ ихъ въ ловушку. По крутой тропинкѣ поднимаясь въ гору, люди и лошади измучились. Когда спустились съ горы, послышались неожиданно выстрѣлы. Отрядомъ овладѣлъ паническій страхъ, и Валевскому съ трудомъ удалось водворить порядокъ. Позиція была крайне неудобна и отстрѣливаться было невозможно. Валевскій былъ убитъ пулей въ грудь.

Замѣтивъ на груди кровавое пятно, стоявшій вблизи солдатикъ подбѣжалъ къ нему и освободилъ его отъ пояса и шашки. Придя въ себя, Валевскій сталъ ощупывать себя у пояса, отыскивая револьверъ, чтобы пристрѣлить себя. Увидя его у солдатъ, онъ сказалъ: „Вы меня оставляете на истязаніе китайцамъ“;—„Никогда, Ваше Благородіе, умремъ вмѣстѣ съ Вами, но не отдадимъ китайцамъ“, отвѣчалъ солдатъ. Передъ смертью онъ просилъ окружившихъ его стоять другъ за друга, не разлучаться и не отдаваться китайцамъ въ руки живыми. Хотѣлъ передать команду, но не успѣлъ. Въ моментъ смерти онъ передалъ подошедшему унтеръ-офицеру Полипенко 200 руб. со словами: „Передайте мамѣ“. „Мы его тутъ и похоронили; вырыть яму было нельзя, но мы обложили его камнями и обсыпали мелкими камешками“, разсказывалъ Полипенко. Впослѣдствіи останки Валевскаго привезли въ Портъ-Артуръ, гдѣ торжественно похоронили.

Смерть Валевскаго привела въ отчаяніе его отрядъ. Раненые видѣли, что послѣдняя надежда на спасеніе для нихъ погибла. Начался разладъ, и люди раздѣлились на партіи и не многимъ удалось достигнуть Кореи.

Обладая прямымъ, честнымъ и твердымъ характеромъ, не щадя своей жизни ради спасенія своего любимаго отряда, Валевскій подчинялъ всѣхъ своему вліянію. Его просьбы, приказанія, требованія одинаково исполнялись безпрекословно. Всѣ недоразумѣнія онъ улаживалъ, мирилъ, былъ связующимъ звеномъ среди команды.

Понимая всю трудность задачи спасти команду, онъ часто повторялъ солдатамъ: „Головы и патроны беречь“. Онъ ободрялъ падавшихъ духомъ, стыдилъ трусившихъ при стычкахъ и былъ всегда впереди. Солдаты оцѣнили и крѣпко полюбили этого человѣка.

Въ 1903 году исполнилось 25 лѣтъ моего управленія Симбирскимъ кадетскимъ корпусомъ. День этотъ навсегда останется въ моей памяти. Черезъ Великаго Князя Константина

Константиновича я получилъ Милостивое поздравленіе отъ Государя Императора, чудное, теплое письмо отъ самого Великаго Князя, телеграмму отъ Великой Княгини и отъ многихъ бывшихъ моихъ питомцевъ. Сослуживцы съ воспитанниками устроили юбилейный обѣдъ и вечеръ, и много было высказано мнѣ задушевныхъ словъ.

Въ томъ же году, чувствуя себя уже состарившимся и усталымъ для нашего труднаго дѣла, я просилъ въ разговорѣ съ Военнымъ Министромъ Куропаткинымъ смѣнить меня, но Куропаткинъ отвѣтилъ мнѣ: „Теперь не время уходить, оставайтесь на Вашемъ посту“. Вскорѣ однако же я повторилъ свою просьбу письменно, прося уволить меня. Въ отвѣтъ я получилъ отъ Военнаго Министра письмо слѣдующаго содержанія: „Высоко цѣня Вашу продолжительную, полезную служебную дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ и весьма сожалѣя о Вашемъ рѣшеніи покинуть службу, я не могъ не признать за Вами права на заслуженный отдыхъ и почетный покой, а потому изъявляю согласіе на подачу Вами прошенія объ отставкѣ, по желанію, выраженному въ письмѣ ко мнѣ отъ 10-го августа“.

Въ декабрѣ послѣдовалъ приказъ по Военно-Учебнымъ заведеніямъ главнаго начальника Великаго Князя Константина Константиновича о моей отставкѣ. Приказъ столь для меня лестный, что я не могу воздержаться, чтобы не занести его въ въ мою лѣтопись:

„Высочайшимъ приказомъ директоръ Симбирскаго Кадетскаго Корпуса генералъ-лейтенантъ Якубовичъ уволенъ по прошенію въ отставку.

Служба названнаго Генерала по учебному вѣдомству проходила въ теченіе 38 лѣтъ послѣдовательно въ должностяхъ—воспитателя, инспектора классовъ и директора Кадетскаго Корпуса. На отвѣтственномъ посту Начальника учебнаго заведенія генералъ-лейтенантъ Якубовичъ пробылъ четверть столѣтія, и уже это одно обстоятельство свидѣтельствуетъ о той тяжелой утратѣ, какую несетъ вѣдомство съ уходомъ столь опытнаго и сердечно преданнаго своему дѣлу руководители и воспитателя дорогого Мнѣ юношества.

За время управленія Военно-Учебнымъ Вѣдомствомъ, я имѣлъ возможность близко узнать Николая Андреевича, какъ человѣка и сотрудника и оцѣнить его самоотверженную, примѣрную службу, за которую и прошу его принять Мою глубокую, сердечную благодарность“.

15 декабря я простился съ моими сослуживцами, изъ коихъ многіе сотрудничали со мною въ теченіе 25 лѣтъ, и съ воспитанниками, которые поднесли мнѣ икону Св. Чудотворца Николая, а сослуживцы почтили меня трогательнымъ адресомъ. Провожали меня и бывшіе мои питомцы.

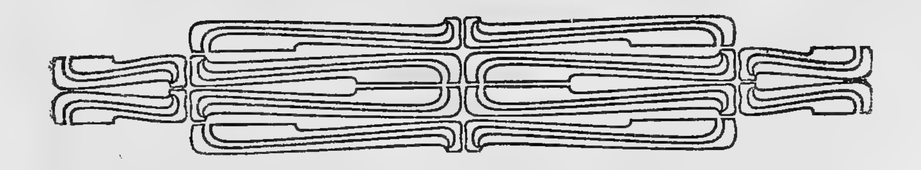
Дворянство Симбирской губерніи постановило просить меня вступить въ его ряды.

Покинувъ Симбирскъ, я поселился у себя въ имѣніи Тамбовской губерніи, отдаваясь воспоминаніямъ о дорогомъ мнѣ Корпусѣ.

Съ гордостью и сердечнымъ восторгомъ встрѣчаю я всякое хорошее извѣстіе о корпусѣ и о моихъ бывшихъ питомцахъ. Великую радость испытываю, когда случайно встрѣчаюсь съ ними, и великую скорбь, когда узнаю что-либо нехорошее.

Много Васъ, дорогіе мои, разбросано по Матушкѣ Россіи! Гдѣ Вы? Откликнитесь!

Н Якубовичъ.



Къ біографіи декабриста князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1826 г. кн. Сергѣй Григорьевичъ Волконскій написалъ два письма, довѣренности, первое на имя матери своей, княгини Александры Николаевны Волконской, а второе—къ тестю своему Николаю Николаевичу Раевскому.

Въ виду того интереса, какой представляютъ дѣятели передового движенія 1820 годовъ, приводимъ содержаніе означенныхъ выше документовъ безъ сокращеній.

1 письмо: „Милостивая Государыня Матушка княгиня Александра Николаевна! Въ Нижегородской и Ярославской губерніяхъ состоятъ за мною извѣстныя вамъ Кирюшинское и Заозерское недвижимыя имѣнія. Заботясь о платежѣ какъ казенныхъ, такъ и частныхъ долговъ моихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желая устроить извѣстное вамъ положеніе дѣлъ моихъ на самомъ прочномъ основаніи,—я покорнѣйше прошу васъ, Милостивая Государыня Матушка, принявъ помянутыя имѣнія мои въ полное ваше распоряженіе, не отказать мнѣ въ исполненіи слѣдующихъ моихъ предположеній: 1) если что для благоустройства показанныхъ имѣній по обстоятельствамъ нужно будетъ къ заведенному порядку дополнить, все оное учреждать по собственному вашему благоизобрѣтенію, и лица, коимъ ввѣрено управленіе тѣми имѣніями, снабжать такими уполномочіями, какія вы признаете для того нужными, распредѣляя всѣхъ должностныхъ людей и отрѣшая, въ случаѣ неспособности ихъ, по собственному вашему усмотрѣнію. 2). Уплачивая изъ доходовъ съ имѣній въ свое время казенные и частные долги мои

и удовлетворяя всѣмъ извѣстнымъ вамъ надобностямъ; въ необходимомъ случаѣ, для скорѣйшаго всего того устройства, дѣлать займы, какъ въ казенныхъ мѣстахъ, такъ и у частныхъ лицъ, по собственной вашей волѣ, испрашивая гдѣ слѣдуетъ установленнымъ порядкомъ нужныя для того по узаконеннымъ формамъ свидѣтельства. 3) Принявъ надлежащія мѣры къ очищенію лежащаго на Заозерскомъ имѣніи запрещенія, вмѣстѣ съ тѣмъ поставить съ братьями моими окончательный раздѣльный актъ, какъ въ разсужденіи сего имѣнія, такъ и другихъ имѣній, означенныхъ въ предварительномъ домовомъ раздѣльномъ актѣ, постановленномъ въ ноябрѣ прошлаго 1824 года, а равно и на счетъ имѣнія, вамъ самимъ по сему акту слѣдующаго. 4) Всѣ извѣстныя вамъ по имѣніямъ дѣла, и какія впредь случиться могутъ, производить во всѣхъ присутственныхъ и правительственныхъ мѣстахъ совершенно по благоусмотрѣнію вашему, дѣйствуя во всѣхъ случаяхъ, какъ по распоряженію имѣніями, такъ и по устройству помянутыхъ дѣлъ, съ тѣми правами, какія мнѣ самому Высочайшія узаконенія предоставляютъ; въ разсужденіи же приведенія въ исполненіе сдѣлки моей съ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ Григорьемъ Николаевичемъ Рахмановымъ на счетъ купленной мною у него Таврической губерніи въ Днѣпровскомъ уѣздѣ пустопорожней степи предпринять такія мѣры, какія вы необходимыми признать соизволите, и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставить безъ уваженія и тѣхъ моихъ предположеній, которыя по сей покупкѣ мною вамъ открыты, постановя съ продавцомъ, если вы сочтете нужнымъ, такой актъ, какого обстоятельства требовать будутъ. Наконецъ, 5) по всѣмъ вышеозначеннымъ предметамъ дѣйствуя полновластно и уполномочивая на приведеніе въ исполненіе вашихъ предположеній узаконенными довѣренностями тѣ лица, кои для того вами избраны будутъ, благоволите учреждать всѣ ваши по сему дѣйствія точно такъ, какъ, по благоусмотрѣнію вашему, обстоятельства того требовать будутъ: поелику все сіе предоставляю я въ полную вашу волю, и что вы, или уполномоченные, какъ по имѣніямъ моимъ, такъ и по дѣламъ во всѣхъ присутственныхъ и правительственныхъ мѣстахъ сообразно съ сею довѣренностію ни учините, впредь спорить и прекословить не буду. Имѣю честь быть съ сыновнимъ достодолжнымъ почтеніемъ, Милостивая Государыня Матушка, вашъ покорнѣйшій сынъ князь Сергѣй Григорьевъ сынъ Волконскій 4, генералъ-маіоръ“.

2 письмо: „Милостивый Государь Батюшка Николай Нико-

лаевичъ! Таврической губерніи въ Днѣпровскомъ уѣздѣ состоитъ за мною извѣстное вамъ Новобеньевское имѣніе и, сверхъ того, въ городѣ Одессахъ домъ и близь города хуторъ, также вамъ извѣстные. Руководствуясь дозволеніемъ вашимъ, покорнѣйше прошу васъ, Милостивый Государь Батюшка, имѣнія сіи принять въ полное ваше распоряженіе, и получая съ нихъ доходы, обращать на извѣстныя вамъ употребленія; къ улучшенію и управленію сихъ имѣній предпринимать такія мѣры, какія вы сами, по благоусмотрѣнію вашему, признать соизволите лучшими. Предоставляю вамъ полное право Одесской домъ продать за ту цѣну, которую признаете достаточною, или употребить оный домъ въ залогъ, для займа денегъ на мое имя въ казенныхъ ли мѣстахъ, или отъ частныхъ лицъ; равномѣрно, употребить оный домъ въ залогъ по казеннымъ всякаго рода подрядамъ, или поставкамъ, или въ обезпеченіе условій всякаго рода съ частными лицами; получаемыя же денежныя суммы, отъ продажи ли дома, или отъ займа, или отъ залога, обращать на извѣстное вамъ употребленіе. Увѣдомляю васъ также, Милостивый Государь Батюшка, что на Одесской хуторъ мною еще не совершена купчая крѣпость, а владѣлъ онымъ по предварительно учиненному покупному условному акту; и посему покорнѣйше прошу васъ, вмѣсто меня, совершить на оный хуторъ купчую крѣпость съ его сіятельствомъ Главнокомандующимъ 2-ю арміею, графомъ Витгенштейномъ, отъ котораго я оный хуторъ пріобрѣлъ покупкой, и при заключеніи оной имѣть въ виду для исполненія открытое мною вамъ намѣреніе. Въ производствѣ могущихъ встрѣтиться по симъ имѣніямъ разнаго рода дѣлъ, и подачѣ во всѣ присутственныя и правительственныя мѣста и лицамъ, по усмотрѣнію вашему, просьбѣ, въ подписи вмѣсто меня всякихъ актовъ о продажѣ или залогѣ Одесскаго дома и испрашивая, буде почтете нужнымъ, на оной оцѣночнаго свидѣтельства, въ подписи вмѣсто меня актовъ о купчей крѣпости на хуторъ я вамъ, или вы кому довѣрить соизволите, довѣряю; и что вы или ваши уполномоченные сообразно съ сею довѣренностію ни учините, впредь спорить и прекословить не буду. Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, Милостивый Государь Батюшка, вашъ покорнѣйшій сынъ князь Сергѣй Григорьевъ Волконскій, генералъ-маіоръ“.

И на томъ, и на другомъ письмахъ были сдѣланы слѣдующія надписи:

„Что сія довѣренность дана по собственной волѣ генералъ-

маіора князя Сергѣя Григорьева сына Волконскаго... (матери... тестю...) и во окончаніи подписана собственною его рукою, въ томъ свидѣтельствую военный министръ, генералъ-отъ-инфантеріи и кавалеръ Александръ Ивановъ сынъ Татищевъ. Въ томъ же свидѣтельствуя, подписуюсь генералъ-отъ-инфантеріи князь Дмитрій Ивановъ сынъ Лобановъ-Ростовскій.

Надо, однако, сказать, что засвидѣтельствованіе это было сдѣлано Татищевымъ „согласно съ прежними примѣрами", какъ значится въ отношеніяхъ его къ министру юстиціи отъ 3 и 12 мая 1826 г., при которыхъ были посланы указанныя довѣренности къ послѣднему, а князь Лобановъ-Ростовскій не отказался и самъ, по той же причинѣ, присоединиться къ свидѣтельству военнаго министра.

Письма эти, препровожденныя министромъ юстиціи въ 1-й департаметъ С.-Петербургской палаты гражданскаго суда, были обращены въ формальныя довѣренности, первое 5-го, а второе 14 мая 1826 года.

Въ томъ же 1826 году, 5-го мая, княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ было собственноручно написано, въ Петропавловской крѣпости, духовное завѣщаніе, главнѣйшія распоряженія по коему состояли въ слѣдующемъ:

1) Изъ благопріобрѣтеннаго имъ имѣнія опредѣлялъ онъ женѣ своей, княгинѣ Маріи Николаевнѣ Волконской, въ собственность купленную въ Таврической губерніи отъ тайнаго совѣтника Рахманова землю, съ переведенными на оную изъ родового имѣнія крестьянами; Одесскій хуторъ съ находящимися приономъ и при домѣ въ городѣ Одессѣ людьми и все безъ изъятія движимое имущество. Сверхъ того, предоставлялъ ей же получить изъ родового имѣнія указную часть къ одному мѣсту, не полагая въ оную крестьянъ при таврическомъ имѣніи, за которыхъ жена должна была заплатить назначенную имъ сумму.

2) Все родовое недвижимое имѣніе предоставлялъ малолѣтнему сыну своему Николаю, возлагая на одно это имѣніе платежъ всѣхъ своихъ частныхъ и казенныхъ долговъ, за исключеніемъ только долга опекунскому совѣту, лежавшаго на имѣніи, опредѣлявшемся на указную часть женѣ, который послѣдняя сама должна была заплатить. Изъ доходовъ съ того же, предоставлявшагося сыну, имѣнія Сергѣй Григорьевичъ назначалъ употребить на издержки по полученіи отъ Рахманова купчей.

3) Указывалъ образъ удовлетворенія долговъ и улучшенія состоянія сына, назначая для того продать нѣкоторыя родовыя имѣнія, не только въ его, Сергѣя Григорьевича, владѣніи бывшія, но и могшія впослѣдствіи достаться. Затѣмъ, опредѣлялъ, при какомъ возрастѣ сына его какую употреблять на содержаніе его сумму и, въ случаѣ смерти сына, просилъ братьевъ изъ родового имѣнія выдѣлить равную часть имѣнія ихъ сестрѣ.

6 мая С. Г. Волконскимъ были написаны къ этому завѣщанію дополнительныя статьи. Какъ самое завѣщаніе, такъ и дополненіе къ нему были засвидѣтельствованы генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, при чемъ послѣдній указалъ, что завѣщаніе ошибочно помѣчено составленнымъ 25 мая, тогда какъ писано оно Волконскимъ 5 мая 1826 г.

22 августа 1826 г. князь Николай Григорьевичъ Репнинъ писалъ къ Николаю Николаевичу Раевскому, что по завѣщанію С. Г. Волконскаго они, Репнинъ и Раевскій, назначены опекунами къ сыну завѣщателя. „Я уповаю,—говорилось въ этомъ письмѣ, — что вы не откажетесь раздѣлить со мною бремя, природою и довѣріемъ несчастнаго брата на насъ возложенное, и удостоите взойти со мною въ сношенія къ устройству порядка по имѣнію малолѣтняго и уплатѣ долговъ, на оное отнесенныхъ“.

Генералъ-отъ-инфантеріи Н. Н. Раевскій съ просьбою объ утвержденіи духовнаго завѣщанія Сергѣя Григорьевича обратился прямо къ Государю Императору и, получивъ Высочайшее соизволеніе на то, сообщилъ министру юстиціи, что Его Императорскому Величеству благоугодно, дабы министръ, сообразивъ завѣщаніе съ законами, представилъ Государю заключеніе свое о правильности или неправильности онаго.

16 ноября того же 1826 г. министръ юстиціи князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій внесъ всеподданнѣйшій докладъ по дѣлу о завѣщаніи, высказавъ мнѣніе свое, что „Сергѣй Волконскій до осужденія его, съ которымъ кончилось политическое его существованіе, имѣлъ невозбранное право распоряжать благопріобрѣтеннымъ имъ имѣніемъ по своей волѣ и усмотрѣнію; почему предположеніе его о предоставленіи женѣ своей въ Таврической губерніи земли и Одесскаго хутора, равно всего движимаго имущества, хотя могло бы быть выполнено, но для сего требовалось, чтобъ завѣщаніе то было предъявлено въ надлежащее судебное мѣсто и получило отъ онаго утвержденіе, или до осужденія его, Сергѣя, или же и послѣ,

токмо прежде истеченія двухъ мѣсяцевъ отъ времени послѣдовавшаго окончательнаго о немъ приговора. Поелику же не видно, чтобы сей порядокъ былъ сохраненъ, то, на основаніи указа 1 марта 1704 года, означенное предположеніе должно остаться безъ дѣйствія, а затѣмъ и поименованное имѣніе, такъ какъ Сергѣй Волконскій въ отношеніи къ гражданскимъ правамъ есть то же, что и мертвый, поступая въ наслѣдство къ сыну его, дѣлается у сего послѣдняго родовымъ имѣніемъ. Всѣ прочія распоряженія Волконскаго,—относительно оставленія за женою крестьянъ и дворовыхъ людей изъ родового имѣнія, сверхъ указанной части, хотя-бъ то было и за деньги; употребленія изъ доходовъ съ того же имѣнія издержекъ по истребованію отъ Рахманова купчей на таврическое имѣніе, равно предполагаемыхъ имъ средствъ къ заплатѣ долговъ и къ улучшенію состоянія сына своего, и объ образѣ раздѣла имѣнія въ случаѣ смерти того сына,—не могутъ быть приняты къ непремѣнному исполненію, ибо по общимъ указаніямъ никто не имѣетъ права возлагать на преемника въ родовомъ имѣніи произвольныхъ обязанностей и дѣлать ограниченіе въ свободномъ онымъ распоряженіи и пользованіи, тѣмъ паче при малолѣтствѣ того преемника, опредѣленные къ которому опекуны долженствуютъ управлять имѣніемъ не по намѣренію бывшаго владѣльца, а сообразно обстоятельствамъ къ лучшему, сколько возможно, сохраненію пользъ и выгодъ малолѣтняго, за упущеніе чего они отвѣтствуютъ предъ правительствомъ, не могущимъ принять въ извиненіе, что они дѣйствовали согласно неосновательной волѣ завѣщателя. Впрочемъ, — прибавилъ князь Лобановъ,—если изъ означенныхъ предположеній Сергѣя Волконскаго и со стороны опекуновъ будутъ признаны какія-либо полезными для малолѣтняго сына его, то отъ нихъ будетъ зависѣть, по мѣрѣ законной возможности, привести оныя въ исполненіе".

18 ноября 1826 г. статсъ-секретарь Муравьевъ сообщилъ министру юстиціи, что Государь Императоръ, разсмотрѣвъ докладную записку его, Высочайше соизволилъ:

1) Чтобъ о предметѣ исполненія по той духовной, въ отношеніи къ сыну Волконскаго, князь Лобановъ-Ростовскій вошелъ въ сношеніе съ его опекунами, будутъ ли они согласны на исполненіе по содержанію духовной, и тогда далъ бы дѣлу законное движеніе.

2) Что же касается до распоряженія, оною духовною дѣлаемаго въ имѣніи на пользу жены, то распоряженія сіи Его

Императорское Величество изволилъ всемилостивѣйше утверждать, хотя бы духовная и не была явлена въ узаконенномъ порядкѣ срочности, для воспріятія ея дѣйствія, ибо Его Величеству лично извѣстны обстоятельства, воспрепятствовавшія соблюденію сего порядка,—и Его Величество исполненіе по силѣ оной духовной бывшаго князя Сергѣя Волконскаго, въ отношеніяхъ къ его женѣ, изволилъ тогда же удостовѣрить своимъ на сіи отношенія всемилостивѣйшимъ соизволеніемъ.

Сообщая, 20 ноября 1826 г., о послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи Раевскому, князь Лобановъ-Ростовскій писалъ:

„Изъ личнаго съ вами объясненія бывъ извѣстенъ, что надъ малолѣтнымъ сыномъ Сергѣя Волконскаго опека еще не учреждена, безъ чего не могу приступить къ какому-либо распоряженію въ исполненіе изъясненнаго Высочайшаго повелѣнія, я нужнымъ призналъ отнестись къ вамъ, милостивый государь мой, что обязанность есть ближайшихъ родственниковъ онаго малолѣтнаго обратиться съ просьбою въ одну изъ опекъ тѣхъ уѣздовъ, въ вѣдомствѣ которыхъ состоитъ имѣніе, ему нынѣ послѣ отца принадлежащее, объ опредѣленіи къ нему опекуновъ, и когда сіи опекуны будутъ утверждены, тогда довести объ ономъ до моего свѣдѣнія,—послѣ чего я объявлю о послѣдовавшемъ Высочайшемъ утвержденіи распоряженій Сергѣя Волконскаго на пользу жены и войду въ сношеніе съ опекунами о предметѣ исполненія по духовной въ отношеніи къ сыну того Сергѣя“.

Въ мартѣ 1827 г. состоялось постановленіе Балахнинской дворянской опеки о назначеніи опекунами, въ помощь матери малолѣтняго князя Волконскаго, князя Репнина и Раевскаго, на что они изъявили полное свое согласіе и увѣдомили о томъ министра юстиціи, на запросъ послѣдняго вслѣдствіе Высочайшей воли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, министръ былъ поставленъ въ извѣстность, что таковыя обязанности они принимаютъ на себя „съ исполненіемъ всего сказаннаго въ духовномъ завѣщаніи Волконскаго“.

Получивъ сообщеніе объ учрежденіи опеки, министръ юстиціи, 18 апрѣля 1827 г., предложилъ о послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи Правительствующему Сенату, къ надлежащему исполненію.

Въ началѣ 1828 г., по смерти сына Сергѣя Григорьевича, генералъ Раевскій обратился къ генералъ-адъютанту Бенкен-

дорфу съ просьбою представить на разрѣшеніе Его Императорскаго Величества записку о правахъ княг. Волконской на оставшееся по смерти малолѣтняго имѣніе.

5 марта 1828 года начальникъ главнаго штаба графъ Дибичъ сообщилъ управлявшему министерствомъ юстиціи князю Алексѣю Алексѣевичу Долгорукову, что Государь Императоръ, не приступая къ разрѣшенію сего дѣла, Высочайше повелѣть ему соизволилъ предварительно отнестись къ нему, князю Долгорукову, о доставленіи свѣдѣнія: какія существуютъ на вышеприведенный случай узаконенія.

10 марта 1828 г. министръ юстиціи отвѣтилъ графу Дибичу, что „на основаніи законовъ о наслѣдствѣ, имѣніе, принадлежавшее собственно малолѣтнему внуку генерала Раевскаго послѣ отца его, за смертію того малолѣтняго, должно поступить въ родъ князей Волконскихъ, къ роднымъ дядямъ его; что же касается до имѣнія, предоставленнаго, по Высочайше утвержденному духовному завѣщанію, матери умершаго, то оное остается собственностію сей послѣдней".

Сообщеніе Бенкендорфа о такомъ разрѣшеніи вопроса Николай Николаевичъ Раевскій призналъ недостаточнымъ и 30 апрѣля того же 1828 г. изъ Елисаветграда, Херсонской губ., послалъ князю Долгорукову слѣдующее письмо:

Милостивый Государь,

Князь Алексѣй Алексѣевичъ!

Имѣю честь препроводить вашему сіятельству копію съ отношенія г-на генералъ-адъютанта Бенкендорфа по извѣстному вамъ дѣлу, изъ коего вы увидите, что оно не объясняетъ всего, что я спрашивалъ; почему прибѣгаю съ покорнѣйшею моею просьбою увѣдомить меня, какъ разрѣшить, *сохраняетъ ли моя дочь Волконская право на 7-ую часть имѣнія мужа ея*, о которомъ упомянуто въ его духовной, Высочайше утвержденной „касательно до того, что сказано въ пользу" „моей дочери"?

Хотя я отецъ, не считаю себя въ правѣ отказаться за нее отъ того, что закономъ ей слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что она живетъ для мужа въ ссылкѣ, оставя на всегда родителей и родныхъ, къ коимъ она нѣжно привязана!

Съ совершеннымъ почтеніемъ, имѣю честь пребывать вашего сіятельства!

Милостиваго Государя

покорный слуга

Николай Раевскій.

31 мая 1828 г. князь Долгоруковъ отвѣтилъ Раевскому, что жена дворянина, подвергшагося за преступленія политической смерти и не принимавшая въ тѣхъ преступленіяхъ участія, не лишается правъ, благородному званію дарованныхъ, а потому ей самой или чрезъ того, кому отъ нея довѣрено будетъ, не преграждается право о выдѣлѣ ей изъ родового мужа ея имѣнія указной части обратиться съ прошеніемъ въ подлежащее присутственное мѣсто той губерніи, въ которой состоитъ помянутое имѣніе.

Н. А. Мурзановъ.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 1-го по 22-е мая 1914 г.

Бенуа, Александръ. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Часть 1. Пейзажная живопись. Вып. 12. Спб., 1814. Изд. издат. Шиповникъ (Николаевская, 31). Тип. Двигатель (Казначейская, 6). 4° (24×30). 97—192 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 10.000 экз.

Бороздинъ, А. К., проф. Учебная книга по исторіи русской литературы. Часть 3-я. Литература послѣ Пушкина. Эпохи Императоровъ Николая I и Александра II. Кіевъ. 1914. Изд. книгоизд. „Сотрудникъ" (Александровская, 27). Тип. С. Г. Слюсаревскаго (Б. Васильковская, 61). 8° (18×25). 2 нен.+426+2 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 5.000 экз.

Краткій историческій очеркъ. Спб. Арсенала за 200 лѣтъ его существованія. 1714—1914. Подъ ред. В. Родзевича. Спб. 1914. Тип. Спб. Одиночной Тюрьмы (Арсенальная наб., 5). 8° (17×27). 118 стр. съ рис. Вѣсъ 15 л. 1.500 экз.

Лаврентьева, С. И. Пережитое (Изъ воспоминаній). Спб. 1914. Изд. автора. Тип. Сѣверная Печатня (В. О., 13 лин., 2). 8° (16×24). 327+II стр. Съ портр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 3.000 экз.

Никольскій, А. И. Реставрація иконъ и настѣнной иконописи въ Московскихъ соборахъ: Большомъ Успенскомъ, Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ въ 1770—1773 годахъ. Спб. 1913. Тип. Синодальная, 8° (17×25). 12 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Никольскій, А. И. Синодальный надзоръ въ области иконописанія въ XVII вѣкѣ. Спб. 1913. Тип. Синодальная. 8° (17×25). 14 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Новацкій, П. Южный Бугъ въ наше время или Гипанисъ по Геродоту за 5 столѣтій до Р. Х. (Оттискъ изъ Вѣстника археологіи и исторіи вып. XXII). Спб. 1913. Тип. Синодальная. 8° (19×27). 4 стр. Съ 2 карт. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Исторія русской интеллигенціи. Часть I. Собраніе сочиненій. Томъ VII. Спб. 1914. Изд. И. Л. Овсянико-Куликовской, 5-е. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16×24). XIII+320 стр. съ портр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 2 д. 7.000 экз.

Родзевичъ, В. Историческое описаніе Спб. Арсенала за 200 лѣтъ его существованія. 1712—1912 г.г. Спб. 1914. Тип. Спб. Тюрьмы (Арсенальная наб., 5). 8° (19×27). XXVI+624 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 160 экз.

Сташевскій, Е. Д. Къ исторіи Смоленской войны: Сборъ подводъ съ г. Москвы въ 1632 г. Кіевъ. 1914. Тип. 2-й Артели (Владимирская, 43). 8° (17×25) 45 стр. Вѣсъ 9 л. 100 экз.

Филипповичъ, П. Два неизвѣстныхъ стихотворенія Е. А. Баратынскаго. Кіевъ. 1914. Тип. насл. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (16×26). 18 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Аврором, П., свящ. Пребываніе Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Макарія Московскаго на своей родинѣ въ селѣ Шапкинѣ, Ковровскаго уѣзда, Владимірской губ. Спб. 1914. Тип. Алекс.-Невск. общ. трезв. (Обводный, 116). 8° (17×24). 37 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Здравосмысловъ, К. Я. 200-лѣтіе Александро-Невской Свято-Троицкой Лавры (1713—1913 г.г.). Тип. Синодальная. 8° (17×25) 17 стр. съ рис. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Кондаковъ, Н. П. Иконографія Богоматери. Томъ I. Спб. 1014. Изд. Отдѣл. Русскаго языка и Словесности Имп. Акад. Наукъ. Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 4° (20×28). 387 стр. 240 рис. и 7 табл. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 15 л. 2013 экз.

Розенбергъ, Владиміръ. Лѣтопись русской печати (1907—1914). М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ (Тверской бульв., 6). Тип. Т-ва Т. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (14×21). 102 стр. Ц. 70 к. Вѣсъ 11 л. 1.000 экз.

Рябининъ, И. С. Архивъ Царства Польскаго, Ч. I. Внутреннія дѣла Польши. М. 1914. Изд. Комис. печатанія Государств. грамотъ. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиженскій пер., с. д.). 8° (18×26). VIII+241 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 600 экз.

Святловскій, В., проф. Примитивно-торговое государство, какъ форма быта. Записки Историко-филологическаго Факультета Императорскаго Спб. Университета. Часть CXVIII. Спб. 1914. Тип. Герольдъ (7 рота, 26). 8° (16×24). II+II+350+II стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 1.000 экз.

Сиповскій, В. В., проф. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Томъ I. Вып. 2. Русская литература съ XI до XVIII в. Спб. 1914. Изд. Я. Башмакова и К° (Итальянская, 31), 8-е. Тип. Шмидта (Звенигородская, 20). 8° (16×22). 268 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 7.000 экз.

Актовыя книги Полтавскаго городового уряда XVII вѣка. Вып. III. Справы вѣчистыя 1672—1680 годовъ. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Черниговъ. 1914. Изд. Полтавской Губ. Учен. Архив. Коммис. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17×27). 124 стр. Вѣсъ 16 л. 300 экз.

Веселовскій, С. Б. Документы о постройкѣ Пустоозерской тюрьмы, о попѣ Лазарѣ, Иванѣ Красулинѣ и Григорьѣ Яковлевѣ. Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества. Спб. 1914. Тип. М. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (17×25). 28 стр. съ 2 табл. Вѣсъ 6 л. 100 экз.

Винскій, Г. С. Мое врем Записки. Редакція и вступительная статья П. Е. Щеголева. Спб. 1914. Изд. издат. Огни (Фонтанка, 38). Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (15×22). XII+159 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 19 л. 3.050 экз.

Гусевъ, Петръ. Новгородскій Дѣтинецъ по изображенію на иконѣ Михайловской церкви. Спб. 1913. Тип. Синодальная. 8° (20×28). 40 стр. Съ рис. Вѣсъ 11 л. 160 экз.

Дополненіе къ труду Д. А. Ровинскаго. Полное собраніе гравюръ Рембрандта со всѣми разницами въ отпечаткахъ. 94 фототипіи безъ ретуши, собранныя и напечатанныя Д. А. Ровинскимъ. Привелъ въ порядокъ и описалъ Н. Д. Чечулинъ. Спб. 1914. Изд. С. Н. Котова (Литейный пр., 53). Тип. Тов. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). f.° (34×43). 16 стр.+17—81 лист. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 20 л. 400 экз.

Карповичъ. М. А. Боевые подвиги русскихъ саперъ. Сборникъ историческихъ статей о боевой службѣ саперныхъ баталіоновъ. Часть I-я. Участіе саперъ въ полевыхъ сраженіяхъ и бояхъ. Люблинъ. 1914. Тип. Ш. Бромберга. 8° (14×21). 57 стр. съ рис. Вѣсъ 10 л. 310 экз.

Кованько, П. Реформа 19-го февраля 1861 года и ея послѣдствія съ финансовой точки зрѣнія (Выкупная операція 1861 г. – 1907 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. о-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингофсская, 6). 8°. (18×26). III+484+81+1 нен. стр. Ц. 3 р. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 500 экз.

Кучевскій, И. М. Памятка лейбъ-драгуна 1814—1914. Спб. 1914. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (18×26). 78 стр. Съ рис. и порт. Вѣсъ 22 л. 2.500 экз.

Родословіе Холмогоровыхъ. Историческая справка по документамъ. 1790–1913 г. М. 1914. Тип. Русскаго Т-ва (Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (18×27). 40 стр.+2 табл. Вѣсъ 11 л. 300 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Часть I. Вып. II. (Исторія русской письменности отъ начала до XVIII в.). Спб. 1914. Изд. Я. Башмакова (Итальянская, 31). 7-е. 1-й Спб. трудовой артели (Лиговская, 34). 8°. (16×22). XVI+251 стр. Ц. 1 р. 10 к. Вѣсъ 26 л. 10.000 экз.

Успенскій, И. Василій Андреевичъ Золотовъ. (Очеркъ изъ исторіи русской педагогики). Спб. 8° (17×25). 46 стр. Вѣсъ 6 л. 120 экз.

Шабловскій, Н. Н. Георгіевская старина. Историческіе очерки города Георгіевска, Терской области. Спб. 1914. Изд. Георгіевскаго город. управленія. Тип. В. Безобразова (В. О., Большой пр., 61). 4° (21×29). 99 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 27 л. 500 экз.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

димы будутъ дополненія и оговорки, — но что въ Россіи важные экономическіе интересы были абсолютно непримиримы съ самымъ принципомъ континентальной блокады, — это французскій „простой народъ", о которомъ говоритъ Фуше, повидимому, чуялъ инстинктомъ... Во всей Европѣ одинъ Александръ I-й умѣлъ принять должныя мѣры къ ослабленію наполеоновой системы и указомъ 1810 года нанесъ ей жестокій ударъ, послѣ котораго слѣдующимъ шагомъ могла быть только война. Исторія континентальной блокады—поучительный урокъ всѣмъ, кто, подобно нашимъ ближайшимъ западнымъ сосѣдямъ, теперь мечтаетъ объ экономическомъ захватѣ міра вмѣсто свободнаго соревнованія.

Русскіе граверы и литографы. Добавленіе къ „Словарю русскихъ граверовъ" Ровинскаго и „Описаніе нѣсколькихъ гравюръ и литографій" Тевяшова. Составилъ Н. Обольяниновъ. М. 1913.

У Ровинскаго и Тевяшова составитель нашелъ много пропусковъ по части „книжной" гравюры—ими не указаны многія гравюры, которыя не были выпущены отдѣльно, а прилагались къ книгамъ въ качествѣ иллюстрацій. Списокъ Н. Обольянинова обнимаетъ время не позднѣе 1860 года, въ немъ отмѣчены сто граверовъ. Большую часть книги занимаютъ „Матеріалы для словаря русскихъ литографовъ". Г. Обольяниновъ справедливо находитъ, что литографію до сихъ поръ почти игнорировали и наши собиратели, и историки искусства. „О такомъ индифферентизмѣ къ литографіи можно лишь пожалѣть, такъ какъ литографіи 1820—50 гг. представляютъ большой интересъ художественный и культурно-историческій и отличаются тонкостью работы, особенно хромо-литографіи 1840—50 гг., которыя достигли въ Россіи такого совершенства, что по тонкости, изящности и художественности исполненія превосходятъ современныя имъ нѣмецкія и французскія хромолитографіи... Между тѣмъ, работавшіе по литографіи мастера-художники совершенно неизвѣстны... Желая хотя нѣсколько пополнить пробѣлъ въ знакомствѣ съ старой русской литографіей и обратить вниманіе на этихъ неизвѣстныхъ тружениковъ, чернорабочихъ искусства, я рѣшилъ сообщить, хотя неполныя еще, свѣдѣнія объ подписныхъ литографіяхъ, приложенныхъ къ книгамъ съ 1817 по 1860 гг.". Г. Обольяниновъ обѣщаетъ вскорѣ закончить и издать указатель отдѣльныхъ подписныхъ литографій и литографированныхъ портретовъ. Въ настоящемъ спискѣ названы 324 литографа; изъ нихъ около 160 не упомянуты ни Ровинскимъ, ни Тевяшовымъ.

Н. Квашнинъ-Самаринъ. Княжья пѣснь. Историческая поэма въ 48 пѣсняхъ. Часть I. Спб. 1914.

Обладая солидными знаніями отечественной исторіи, авторъ пожелалъ создать эпическую поэму въ старинномъ стилѣ. Изложеніе событій до такой степени подробно, что въ концѣ первой части (а обѣщано еще три), написавъ чуть не тридцать тысячъ стиховъ, авторъ дошелъ лишь до 1154 года. Въ общемъ поэма интересна.

Отчетъ Имп. Россійскаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1912 г. и 1913.

Развивая свою обычную дѣятельность въ отчетномъ году Музей въ то же время обогащался приношеніями разныхъ лицъ и учрежденій и удачными покупками. Изъ новыхъ пріобрѣтеній слѣдуетъ отмѣтить библіотеку М. И. Забѣлиной, дочери извѣстнаго ученаго, болгарское Евангеліе XIII вѣка, грузинскую лицевую псалтырь XVI вѣка, роскошно изукрашенную азбуку XVII вѣка съ замѣчательными расписными инициалами, архивъ Я. М. Невѣрова. Тяжелую утрату понесъ Музей въ лицѣ П. И. Щукина, передавшаго Музею свое знаменитое хранилище рукописей, гравюръ и всевозможныхъ рѣдкостей.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ.** Тип. П. Усова. Лермонтовскій пр., 28.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLV-й. АВГУСТЪ. 1914 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: Портреты: 1) Государя Императора, 2) Императрицы Маріи Ѳеодоровны и 3) Николаевскій Смольный Институтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1914 года.

Подписная цѣна на 1914 годъ—9 руб., за границу—11 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1914 года.

Библіографическій листокъ.

Н. П. Черепнинъ. Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ. 1764 — 1914 г.г. Томъ первый. С.-Петербургъ. Государственная типографія. 1914.

По случаю 150-лѣтняго юбилея Смольнаго Института, основаннаго Императрицей Екатериной II, одно изъ двухъ его учрежденій дождалось наконецъ своей исторіи, а именно Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ. Г. Черепнинъ въ вышедшемъ нынѣ первомъ томѣ своего труда излагаетъ исторію Воспитательнаго Общества за время Екатерины II и Императрицы Маріи Ѳеодоровны (1764—1828 г.г.) на основаніи не только печатныхъ, но и рукописныхъ матеріаловъ, въ изобиліи подчерпнутыхъ изъ правительственныхъ и частныхъ архивовъ. Нельзя не отдать полной справедливости трудолюбію автора и его стараніямъ воспроизвести въ яркомъ свѣтѣ жизнь старѣйшаго въ Россіи женскаго учебнаго заведенія, посвященнаго удовлетворенію образовательной потребности въ средѣ высшихъ классовъ русскаго общества. Но фонъ рисуемой имъ картины нѣсколько уклоняется отъ исторической правды именно вслѣдствіе недостаточнаго параллельнаго изученія жизни другой составной части Смольнаго—такъ называемаго мѣщанскаго училища: трудъ г. Черепнина несомнѣнно выигралъ бы во всѣхъ отношеніяхъ, если бы онъ посвященъ былъ исторіи всего Смольнаго. Но и за то, что далъ онъ, должно поблагодарить автора, обнаружившаго недюжинную способность къ кропотливымъ архивнымъ изысканіемъ. Разумѣется, въ огромной его работѣ, притомъ срочной, встрѣчаются нѣкоторые пробѣлы, но они объясняются новостью поднятаго имъ матеріала, нуждающагося по нѣкоторымъ вопросамъ въ частной обработкѣ. Не можемъ однако не обратить вниманія г. Черепнина на смѣшеніе имъ двухъ отдѣльныхъ понятій: „кассетной суммы" и „кассетнаго капитала", составляющаго важнѣйшій фондъ Смольнаго института по мысли почившей Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Изъ числа напечатанныхъ писемъ Императрицы Маріи не указаны и не использованы изданныя нами въ 1897 г. по случаю 100-лѣтняго юбилея вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи „Lettres de S. M. Jmperatrice Marie Feodorovna à m—lle Nélidoff". Изданіе роскошно и умѣло иллюстрировано.

Е. Шумигорскій.

Д. И. Сосновскій. Охрана памятниковъ природы на Кавказѣ. (Записки Кавказскаго отд. Императорскаго Русск. Географическаго Общества, кн. XXVIII, вып. 3. Тифлисъ. 1913).

Наше время, съ его безжалостно истребляющей дары земли промышленностью, съ его неумѣніемъ жалѣть и беречь первозданную прелесть Божьяго міра, самую природу замѣтно обращаетъ въ достояніе исторіи. На нашихъ глазахъ мелѣютъ рѣки, рѣдѣютъ лѣса, вырождаются и исчезаютъ цѣлыя породы звѣрей, птицъ и рыбъ. Природа нищаетъ экономически, а съ нею бѣднѣетъ красота и поэзія, всегда щедро окружавшая людей. На Западѣ давно обратили серьезное вниманіе на это несомнѣнное общественное бѣдствіе, начинаютъ сознавать его и у насъ и уже заботятся о томъ, какъ бы его ослабить. Въ охранѣ нуждается прежде всего растительный міръ; въ заповѣдныхъ лѣсахъ и рощахъ легко будетъ уцѣлѣть и разной всюду преслѣдуемой бѣгающей и летающей твари. Къ счастью, Россія еще сохраняетъ довольно много дѣвственныхъ уголковъ, и еще есть время спасти эти оазисы и обратить ихъ въ неприкосновенныя обители и питомники природы. „Нашъ Кавказъ"— говоритъ авторъ — „съ его безконечнымъ разнообразіемъ климатовъ, рельефа, со сложной исторіей его фауны и флоры, по праву долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ по богатству сокровищами природы, которыми можетъ гордиться Россія. На Кавказѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ рѣдкихъ видовъ, цѣлыя области, представляющія собой наслѣдіе третичной эпохи и вплоть до нашего времени являющіяся какъ-бы живыми памятниками сѣдой древности. Ясно поэтому, что вопросъ объ охранѣ памятниковъ природы долженъ былъ найти себѣ особенно благопріятную почву именно у насъ на Кавказѣ, и этимъ-то объясняется его

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ и книжныхъ магазиновъ, принимающихъ подписку.

Редакція журнала «Русская Старина» доводитъ до свѣдѣнія, что **съ 1-го января будущаго 1915 года, подписная цѣна на это изданіе будетъ увеличена на одинъ рубль.**

Съ доставкой и пересылкой внутри Россійской Имперіи **вмѣсто 9-ти рублей—10 рублей; за границу, вмѣсто 11-ти рублей—12 рублей.**

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, будетъ дѣлаема скидка 5% съ подписной цѣны.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 18.

Николай

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взирала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо непріемлемыя для державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ Сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, Мы повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ Нашихъ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австріи Германія, вопреки Нашимъ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не, внемля завѣренію Нашему, что принятыя мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Намъ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди Великихъ Державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные Наши подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ Его народомъ и да отразитъ Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту Нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыселъ, Мы молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестныя войска Наши Божіе благословеніе.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцатый день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ*“.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій

и прочая, и прочая, и прочая,

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ:

Немного дней тому назадъ Манифестомъ НАШИМЪ оповѣстили МЫ русскій народъ о войнѣ, объявленной НАМЪ Германіей.

Нынѣ Австро-Венгрія, первая зачинщица міровой смуты, обнажившая посреди глубокаго мира мечъ противъ слабѣйшей Сербіи, сбросила съ себя личину и объявила войну не разъ спасавшей ее Россіи.

Силы непріятеля умножаются: противъ Россіи и всего славянства ополчились обѣ могущественныя нѣмецкія державы. Но съ удвоенной силою растетъ навстрѣчу имъ справедливый гнѣвъ мирныхъ народовъ и съ несокрушимою твердостью встаетъ передъ врагомъ вызванная на брань Россія, вѣрная славнымъ преданіямъ своего прошлаго.

Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли МЫ оружіе, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой НАШЕЙ Имперіи, боремся за правое дѣло. Въ предстоящей войнѣ народовъ Мы не одни: вмѣстѣ съ НАМИ встали доблестные союзники НАШИ, также вынужденные прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію.

Да благословитъ Господь Вседержитель НАШЕ и союзное НАМЪ оружіе и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 26 день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же НАШЕГО въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ*“.

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году въ историческомъ журналѣ „РУССКАЯ СТАРИНА“.

Вступая въ 1914 г. въ сорокъ пятый годъ своего существованія, ред. журн. „**Русская Старина**“ предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ѳ. Кони**.—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля“. „Житейскія встрѣчи“. **Дневныя записки генерала Патрика Гордона**, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и Петра Великаго. **С. Е. О.** — „Письмо Императора Александра I къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о взятіи Парижа“. „Письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны“. **П. А. Зотова**.—„Война за независимость славянъ 1877—78 г.г.“. Записки **Н. В. Исакова**.—„Военныя дѣйствія на Кавказѣ при кн. Воронцовѣ“. **Г. И. Бобрикова**.—Воспоминанія. **Е. С. Шумигорскаго**. — „Кристинъ въ перепискѣ съ княжной Туркестановой, изъ эпохи Александра I“. „Смольный монастырь“. „О запискахъ Екатерины II“. **А. З. Попельницкаго**.—„Спеціальная цензура книгъ“. **П. К. Козлова**.—„Асканія-Нова въ прошедшемъ и настоящемъ“. **А. М. Колонтай**.—„Записки генерала М. А. Домонтовича“ **П. Л. Юдина**.—„Посольство Марины къ шаху Аббасу“. „Лихолѣтье на Кавказскомъ рубежѣ“. **А. С. Панкратова**. — „Старообрядцы и Наполеонъ I“. **В. А. Андерсона**. — „Дневникъ И. М. Снѣгирева 1825—1828 гг.“ **Н. К. Полеваго**.—„Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1865—1870 г.г.“ (касаются Императора Александра II-го, Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева и др.). **Сообщ. Е. С. Шумигорскій**. — „Донесеніе Датскаго посланника Гастгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года“. „Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина“. „Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I“. **Н. А. Вилламова**.—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **С. Н. Брайловскаго**.—„Александръ Ѳедоровичъ фонъ-деръ-Бринкенъ на родинѣ“. **А. С. Лацинскаго**.—„Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамѣ въ 1814 году“. **В. А. Арсеньева**.—„Письмо Императора Александра I къ А. С. Кологривову“. Письма И. А. Гончарова къ Никитенко. **П. А. Висковатова**. „Письма В. А. Жуковскаго къ К. К. Зейдлицу“. **И. В. Мѣщанинова**. — „Два письма Аракчеева“. **И. П. Мордвинова**.—„Гибель крамольнаго рудомета“. „Демократъ двадцатыхъ годовъ“. „Непризнанный геній“. **Ф. П. Уловича**.—„Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій“. **Н. А. Мурзанова**.—„Къ біографіи декабристовъ: [кн. С. Г. Волконскаго и М. А. Лунина“. **В. Дометти**.—„Воспоминанія о спектакляхъ въ эрмитажномъ театрѣ“. **Н. П. Хитрово**.—„Послѣдній штурмъ Карса въ 1877 году“. **М. В. Безобразовой**.—„Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **В. А. Степанова**.—„Таинственный преступникъ“. **А. М. Самбурскаго**.—„Очерки изъ семейной жизни“. **Владиславлева**. — „Подонки родины“. **С. В. Танѣева**.—„Курьезы старой Москвы“. **З. А. Слезкинской**.—„Неудачная опека“. **С. С. Чеха**.—„Елена Ивановна Шидянская, капитанъ Амазонской роты“. **М. В. Станиславскаго**.— „Э. Ф. Направникъ“. **С. Н. Введенскаго**.—„Непригожія рѣчи о патріархѣ Филаретѣ“. „Демонскіе лики въ Рязани“. **Т. М. Оленникова**. — „Іеромонахъ Юрьева монастыря Платонъ и его рукописи“. **Е. С. М.**—„Депутатъ отъ Россіи“. **Н. Ф. Мельницкаго**.—„Среди казаковъ въ русско-японскую войну“. **Д. М. Лаврова**. — „Углицкій ссыльный колоколъ“. **Н. И. Морозова**.—„Люди и нравы за полвѣка“. **Б. В. Каховскаго**.—„Дневникъ М. И. Каховскаго о походѣ 1814 г.“ **Е. К. Андріяшевой**.—„Воспоминанія стараго педагога“. Воспоминанія **Е. А. Рагозиной, Е. К. Андреевскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Веселовскаго** и др.

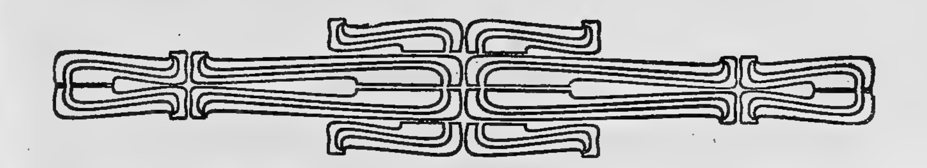
По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Также будутъ печататься съ 1 марта 1914 г. Воспоминанія графа **Н. П. Игнатьева** о поѣздкѣ по Европейск. столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.



Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. [1]).

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова).

Пріѣхавъ въ Вѣну 13/25 марта, я съ ранняго утра вступилъ въ переговоры съ г. Новиковымъ, чтобы ускорить свое свиданіе съ гр. Андраши, который по словамъ нашего посла въ тотъ день былъ очень занятъ въ совѣтѣ министровъ, и получить скорѣе аудіенцію у императора Франца-Іосифа, который собирался на охоту и долженъ былъ вернуться въ городъ только во вторникъ и тогда могъ принять меня; гр. Зичи тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ въ отель, чтобы узнать о ходѣ переговоровъ и передать мнѣ, что австро-венгерскій министръ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ свиданія со мною. Нашъ посолъ не успѣлъ еще просить гр. Андраши принять меня и предупредить его, что я не могу долго быть въ Вѣнѣ, такъ какъ я долженъ былъ спѣшить въ Петербургъ, какъ министръ самъ пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы обсудить со мною положеніе дѣлъ; я передалъ ему текстъ нашего проекта и перечислилъ вкратцѣ тѣ измѣненія, какія хотѣлъ внести въ него Сентъ-Джемскій кабинетъ.

„Я былъ нѣсколько удивленъ (какъ я и писалъ канцлеру изъ Берлина 16/28 марта), тѣмъ, что гр. Андраши считалъ необходимымъ исполнить желаніе Англіи относительно нашей демобилизаціи, считая ее немедленнымъ и естественнымъ послѣдствіемъ подписанія протокола. Онъ настаивалъ на томъ, что ее нельзя было ставить въ зависимость отъ заключенія мира съ Черногоріей, въ особенности въ случаѣ, ежели князь Николай

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1914 г.

Черногорскій не умѣрилъ-бы своихъ требованій, такъ какъ, настаивая на своемъ и не желая разоружиться, мы поощряли этимъ упорство Черногоріи [1]). Въ сущности, мнѣ казалось, что онъ изыскивалъ наименѣе обидный для насъ *способъ* принять на себя обязательство разоружить армію. Я доказывалъ гр. Андраши, какъ оскорбительно было для насъ подобное требованіе и какъ странно и преждевременно было бы предрѣшать международнымъ актомъ такую мѣру, цѣлесообразность которой могла быть рѣшена только Императоромъ Александромъ. Я просилъ гр. Андраши повергнуть этотъ вопросъ на обсужденіе императора Франца Іосифа, полагая, что монархъ по своимъ личнымъ взглядамъ *конечно не допуститъ*, чтобы споръ былъ перенесенъ на эту почву. Изъ свѣдѣній, полученныхъ гр. Андраши изъ англійскаго источника, онъ заключилъ, что англійскія требованія были слишкомъ категоричны [2]); я доказывалъ ему, что онъ ошибается, что переговоры еще не окончены, но что Англія, своимъ поведеніемъ, можетъ погубить все дѣло и вызвать русско-турецкую войну. Мой собесѣдникъ призналъ справедливость моихъ замѣчаній, но все-таки выразилъ готовность быть посредникомъ между императорскимъ и англійскимъ кабинетомъ".

Три часа спустя я поѣхалъ въ Staatskanzlei, чтобы отдать визитъ министру. Гр. Андраши принялъ меня немедленно. Онъ уже успѣлъ познакомиться съ текстомъ протокола и возражалъ теперь только противъ одной фразы, касавшейся заключенія мира съ Черногоріей въ предѣлахъ, намѣченныхъ конференціей. По его мнѣнію при этомъ условіи заключеніе мира было сомнительно, такъ какъ Турція не могла на него согла-

---

[1]) Это показывало ясно, что бѣльмомъ на глазу у гр. Андраши были по-прежнему славянскія княжества и, главнымъ образомъ, Черногорія, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ министръ иностранныхъ дѣлъ все еще воображаетъ, что Андраши поступалъ относительно насъ честно и искренно и относился къ нашей исконной политикѣ на Востокѣ „доброжелательно".

[2]) Это былъ обычный пріемъ сэра Г. Эллiота, который, желая вынудить согласіе правительства, при которомъ онъ былъ аккредитованъ, изображалъ взгляды своего правительства незыблемыми. Мнѣ это было извѣстно по опыту. Кромѣ того я слышалъ въ Парижѣ (еще до поѣздки въ Лондонъ), что стойкость Англіи объяснялась увѣренностью, что ей удастся войти въ соглашеніе съ Австріей, съ цѣлью противодѣйствовать нашимъ видамъ на Востокѣ и что Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ посланъ для этого въ Вѣну спеціальный тайный агентъ. Я предупредилъ объ этомъ канцлера телеграммою, чтобы онъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство.

Прим. авт.

ситься. Съ другой стороны и Черногорія не могла согласиться на уступки, которыя гр. Андраши считалъ неизбѣжными. Такимъ образомъ гр. Андраши невольно сознался въ томъ, что онъ принялъ, какъ я и подозрѣвалъ, выработанный конференціей проектъ новыхъ границъ Черногоріи [1]) по неволѣ единственно *потому*, что онъ былъ застигнутъ врасплохъ единодушнымъ рѣшеніемъ конференціи, подготовленнымъ мною съ перваго же засѣданія, и что онъ агитировалъ въ Константинополѣ въ пользу того, чтобы турки измѣнили условія мирнаго договора, и въ то же время совѣтовалъ князю Николаю Черногорскому быть сговорчивѣе, ежели онъ хочетъ обезпечить сохраненіе мира.

Министръ еще разъ предложилъ свое посредничество для переговоровъ между Петербургомъ и Лондономъ, а когда я заявилъ ему, что это не входитъ въ мою компетенцію и что я не могу обсуждать условій этого посредничества, то гр. Андраши просилъ телеграфировать объ этомъ въ Петербургъ, что́ я и исполнилъ въ тотъ же день.

Вотъ что я писалъ по этому поводу князю Горчакову: Видя, что переговоры съ Лондономъ не удаются, Австро-Венгрія, до сихъ поръ хранившая молчаніе (она не отвѣтила на циркулярную ноту), предлагаетъ свое посредничество, разумѣется при условіи, что оба союзные двора [2]) будутъ на то согласны. Въ такомъ случаѣ Вѣнскій кабинетъ обратится къ Лондонскому съ совѣтомъ и будетъ настаивать на томъ, чтобы протоколъ былъ подписанъ прежде всего, дабы подтвердить этимъ единодушіе Европы въ отношеніи Турціи, послѣ чего Вѣнскій кабинетъ заявитъ, что онъ удовлетворится декларацiей, сдѣланной представителемъ Россіи, послѣ подписанія протокола [3]). Въ этой декларацiи предполагалось сказать, что, въ виду достигнутаго кабинетами соглашенія, Его Императорскимъ Величествомъ будетъ приступлено къ демобилизацiи арміи, какъ только явится увѣренность въ томъ, что турецкое правительство серьезно подчинится совѣтамъ Европы.

---

[1]) Тогда какъ онъ старался увѣрить всѣхъ въ Цетиньѣ (и даже въ Петербургѣ), что никто, какъ онъ, содѣйствовалъ аннексiи нѣсколькихъ герцеговинскихъ округовъ къ Черногоріи.

[2]) Т. е. Вѣнскій и Берлинскій.

[3]) Достойно удивленія, что графу Андраши три дня спустя пришла та же мысль, какъ и гр. Шувалову. Не была ли она подсказана ему изъ Лондона при посредствѣ Бейста, который только выразилъ ее въ болѣе приличной формѣ.

„Вынужденный что-нибудь отвѣтить на настоятельные вопросы гр. Андраши, я сказалъ, что, не желая ничего предрѣшать, я лично нахожу, что такая постановка вопроса лучше извѣстныхъ мнѣ предложеній, сдѣланныхъ въ Лондонѣ, но такъ какъ переговоры еще продолжаются, то они могутъ увѣнчаться успѣхомъ и безъ вмѣшательства Австро-Венгріи. Гр. Андраши полагаетъ, что если сдѣланное имъ предложеніе будетъ поддержано остальными кабинетами, то Англія не рискнетъ отказаться подписать протоколъ, принявъ на себя отвѣтственность за свое изолированное положеніе [1]). Предложенія гр. Андраши клонились, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы взять на себя дѣятельную роль посредника, къ чему онъ очевидно стремился. Онъ доказываетъ мнѣ, что въ принципѣ мы уже согласились на извѣстную связь между демобилизаціей и подписаніемъ протокола, хотя я противъ этого энергично протестовалъ. Онъ показалъ мнѣ секретную памятную записку гр. Шувалова, переданную имъ графу Дерби, въ которой упоминалось о демобилизаціи русской арміи.

Гр. Дерби былъ, разумѣется, очень радъ имѣть подобный документъ и поспѣшилъ сообщить его своимъ агентамъ за границей и даже нѣкоторымъ посланникамъ, аккредитованнымъ въ Лондонѣ, между прочимъ Бейсту, чтобы оправдать этимъ свою настойчивость и склонить прочіе кабинеты послѣдовать его примѣру. Этимъ все объясняется; можно себѣ представить, какъ пріятно было нѣкоторымъ лицамъ въ Европѣ, и въ особенности гр. Шувалову, когда я появился и сталъ проводить совершенно иные взгляды. Есть полное основаніе думать, что злополучная памятная записка была передана русскимъ посланникомъ лорду Дерби до пріѣзда моего въ Парижъ и до моего свиданія съ гр. Шуваловымъ, когда послѣдній надѣялся еще подписать какой бы то ни было протоколъ до моего пріѣзда въ Англію.

Въ телеграммахъ, которыя гр. Андраши получалъ изъ Лондона и изъ Константинополя и съ содержаніемъ которыхъ онъ поверхностно познакомилъ меня, говорилось единогласно, что „какъ только въ Стамбулѣ убѣдились въ томъ, что Англія настаиваетъ на разоруженіи Россіи, всѣхъ охватилъ воинственный пылъ, у всѣхъ явилась надежда на спасеніе Турцію. „Въ

[1]) Гр. Андраши позабылъ исторію съ берлинскимъ протоколомъ. Когда я напомнилъ ему объ этомъ, онъ сказалъ мнѣ, что тогда были иныя обстоятельства и что „нельзя повторять ту же *ошибку* дважды“.
Прим. авт.

Константинополѣ только и говорятъ о призывѣ послѣднихъ редифовъ и о возвращеніи къ власти Мидхата", сказалъ мнѣ съ усмѣшкой гр. Андраши.

„Онъ полагаетъ, что турецкая армія увеличится такимъ образомъ почти на сто тысячъ человѣкъ, и соглашается съ тѣмъ, что мирное разрѣшеніе вопроса становится все менѣе и менѣе вѣроятнымъ".

„Мы коснулись между прочимъ вопроса о возвращеніи посланниковъ въ Константинополь и о возобновленіи сношеній съ Турціей [1]). Гр. Андраши согласился со мною, что въ виду хаоса, царствующаго въ Константинополѣ, и демонстративнаго отъѣзда представителей державъ, ихъ возвращеніе было бы неумѣстно до тѣхъ поръ, пока не будутъ достигнуты какіе-нибудь осязательные результаты совмѣстныхъ шаговъ, сдѣланныхъ европейскими державами. Такъ какъ державы отозвали посланниковъ съ общаго согласія, то онѣ должны были *условиться предварительно* и относительно ихъ возвращенія, а не дѣлать это каждая въ отдѣльности, какъ намѣренъ былъ повидимому поступить Лондонскій кабинетъ [2])".

Во вторникъ, 15 марта, я обѣдалъ у гр. Андраши, и послѣ обѣда снова говорилъ съ нимъ о положеніи дѣлъ. Въ среду я былъ принятъ императоромъ Францомъ-Іосифомъ, возвратившимся въ Вѣну. Говоря объ общемъ положеніи дѣлъ и въ частности о положеніи Россіи, созданномъ послѣдними событіями, я особенно настаивалъ на внѣшнихъ причинахъ, коими оно было обусловлено. „Мой августѣйшій монархъ, убѣжден-

---

[1]) Гр. Андраши, просто на просто, хотѣлъ послѣдовать примѣру Англіи и снова послать въ Константинополь гр. Зичи. Я высказалъ своему бывшему коллегѣ, какъ позорно было бы, поджавъ хвостъ, возобновить сношенія съ Турціей, и когда представился случай я намекнулъ на это въ разговорѣ съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ. Также откровенно я высказалъ свое мнѣніе и гр. Андраши, замѣтивъ, что послѣ подобнаго шага никто не повѣритъ болѣе пресловутому соглашенію трехъ дворовъ по дѣламъ Востока.

[2]) Сентъ-Джемскій кабинетъ думалъ въ то время послать въ Константинополь въ качествѣ посланника человѣка, котораго турки считаютъ наилучшимъ изъ своихъ друзей среди англійскихъ дипломатовъ, а именно одного изъ учредителей оттоманскаго банка, извѣстнаго руссофоба — Лайарда. Этого обстоятельства, въ связи съ распространившимся слухомъ, будто Англія требовала, чтобы русское войско было демобилизовано, было заглаза достаточно, чтобы сбить съ толку турокъ и вызвать среди нихъ броженіе; они только и мечтали вести войну до послѣдней крайности, чтобы принудить Англію вступить на защиту Константинополя.

ный въ солидарности интересовъ обѣихъ странъ въ настоящемъ фазисѣ Восточнаго вопроса, ожидаетъ, сказалъ я, со стороны своего союзника осязательныхъ доказательствъ согласія не только во время переговоровъ, но и въ случаѣ войны".

„Вмѣстѣ съ тѣмъ [письмо къ кн. Горчакову отъ 16 (28 марта)] я обратилъ вниманіе Его Величества на неосуществимость англійскихъ требованій, чтобы мы приступили къ демобилизаціи прежде, нежели будетъ достигнутъ какой-нибудь осязательный результатъ переговоровъ; я указалъ на то, что наша армія не могла стоять подъ ружьемъ неопредѣленное время: этотъ вопросъ слѣдовало рѣшить какъ можно скорѣе. Отвѣтъ императора Франца-Іосифа былъ какъ нельзя болѣе корректенъ и успокоителенъ. Его Величество вполнѣ понимаетъ наши возраженія относительно разоруженія и протокола. Считая себя связаннымъ съ нашимъ августѣйшимъ монархомъ честнымъ словомъ и считая себя обязаннымъ поддерживать съ нимъ соглашеніе, онъ заявилъ о своей полной готовности выполнить всѣ заключенныя имъ обязательства. Его Величество считаетъ столкновеніе на Востокѣ неизбѣжнымъ и убѣжденъ въ томъ, что турки никогда не сумѣютъ провести реформы съ цѣлью серьезно улучшить положеніе христіанъ.

„Императоръ полагалъ, что *конфликтъ произойдетъ годъ или два года позже, что болѣе соотвѣтствовало бы интересамъ Австро-Венгріи.* Онъ настаивалъ на необходимости сохранить миръ; это было желаніе всей Европы, тѣмъ болѣе, что если бы война возгорѣлась въ настоящее время, то Россію непремѣнно обвинили бы въ томъ, что она не дала турецкой конституціи и добрымъ намѣреніямъ новаго султана принести плоды".

Я воспользовался случаемъ, чтобы объяснить Его Величеству, что такое собственно турецкая конституція и какъ *призракъ* конституціи и такъ называемыя „добрыя намѣренія" султана проявляются въ Турціи подъ разными видами (въ видѣ хатти шерифовъ... и т. п.), съ цѣлью ввести въ заблужденіе Европу и дать заинтересованнымъ лицамъ возможность защищать, не краснѣя, стамбульскій режимъ.

Послѣ аудіенціи, я узналъ, что когда гр. Андраши докладывалъ императору о своемъ разговорѣ со мною относительно демобилизаціи, то Его Величество не колеблясь призналъ мои заявленія правильными и замѣтилъ министру, что это вопросъ чести, которымъ мы не могли поступиться, и что онъ напрасно настаивалъ, поддерживая точку зрѣнія англичанъ.

Императора Франца-Іосифа и его министра иностранныхъ дѣлъ очень озабочивали вопросы о возвращеніи на родину боснійскихъ и герцеговинскихъ эмигрантовъ, равно какъ и всѣ вообще вопросы, касающіеся этихъ двухъ провинцій. Вотъ что я писалъ объ этомъ изъ Вѣны, 15 (27 марта) на основаніи сообщеній, полученныхъ мною отъ графа Андраши и другихъ австро-венгерскихъ дѣятелей:

„Его Величество считаетъ осуществленіе обѣщаній, данныхъ на этотъ счетъ тремя державами, вопросомъ чести и хотѣлъ бы, чтобы объ этомъ было особо упомянуто въ протоколѣ. Англійскій посланникъ увѣрилъ его [1]) въ томъ, что петербургскій кабинетъ не соглашается на это. Я объяснилъ императору, что мы умышленно избѣгали касаться въ проектѣ протокола подробностей и что, принимая къ свѣдѣнію обѣщанія, данныя турецкимъ правительствомъ, мы подразумѣвали подъ этимъ, eo ipso, и обѣщанія, касающіяся эмигрантовъ; тѣмъ не менѣе, ежели его величество придаетъ этому значеніе, и если со стороны прочихъ кабинетовъ не будетъ возраженій, то не трудно будетъ вставить въ протоколъ фразу, съ упоминаніемъ объ обязательствѣ, принятомъ на себя Портою въ этомъ смыслѣ“.

Гр. Андраши сказалъ мнѣ, что онъ рѣшилъ выяснить немедленно вопросъ объ эмигрантахъ и добиться того, чтобы они вернулись на родину весною, ко времени посѣва; „иначе они останутся еще на годъ на шеѣ у Австро-Венгріи“. Онъ намѣревался требовать отъ Порты возврата трехъ милліоновъ флориновъ, затраченныхъ Австро-Венгріей на содержаніе боснійцевъ и герцеговинцевъ изъ-за того, что Порта не исполнила своихъ обязательствъ по отношенію къ нимъ. Если Порта сдержитъ свои обѣщанія, то Австро-Венгерское правительство не будетъ настаивать на денежномъ вознагражденіи. Въ противномъ случаѣ, если она уплатитъ требуемые имъ три милліона, онъ употребитъ ихъ на постройку жилищъ для эмигрантовъ и на ихъ обзаведеніе. Если Порта не захочетъ подчиниться этому требованію, онъ не станетъ задерживать эмигрантовъ и пропуститъ ихъ черезъ границу, чтобы они могли заработать себѣ на родинѣ кусокъ хлѣба [2]).

[1]) Съ правдивостью, которая всегда отличала сэра Г. Эллiота, когда дѣло шло о Россіи!

[2]) Несчастные эмигранты всегда эксплоатировались Австро-Венгріей, которая хотѣла добиться за ихъ счетъ аннексіи двухъ провинцій, но въ то же время предоставляла эмигрантамъ не католикамъ умирать съ голода.

По увѣренію гр. Андраши, князя Черногорскаго также крайне стѣсняютъ тѣ 80 тысячъ эмигрантовъ, которые укрывались въ его владѣнія, и обратился къ нему и къ англійскому (!) посланнику въ Вѣнѣ съ просьбой дать этимъ несчастнымъ возможность возвратиться на родину [1]). Князь Николай Черногорскій обратился къ посредничеству Австріи и Англіи будто бы потому, что мы отнеслись къ его предложенію холодно. Гр. Андраши и сэръ Г. Эллiотъ оцѣнили шагъ, сдѣланный княземъ Черногорскимъ, который обѣщалъ водворить эмигрантовъ на родину въ теченіе мѣсяца, къ времени посѣва.

Такимъ образомъ, если продлится ненормальный порядокъ вещей, вслѣдствіе котораго многочисленное христіанское населеніе не можетъ вернуться на родину и обрабатывать землю, а разсѣяно на чужбинѣ и обречено на всѣ бѣдствія изгнанія, то вся отвѣтственность за это падетъ на Турцію.

Я воспользовался своимъ пребываніемъ въ Вѣнѣ, чтобы собрать свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Черногоріи, Сербіи и прочихъ провинцій, возставшихъ противъ Порты, говорилъ съ извѣстными славянскими дѣятелями и съ людьми, имѣющими постоянныя сношенія съ этими странами, и изложилъ собранныя мною свѣдѣнія въ краткой запискѣ, посланной канцлеру 15 (27 марта):

1-ое „Изъ собранныхъ мною данныхъ вытекаетъ, что черногорцы готовы продолжать борьбу, считая ее неизбѣжной потому, что турки не только не проявляютъ никакой уступчивости, но требуютъ возврата Вассоевичей. Кромѣ того, такъ какъ стороны Албаніи замѣтно желаніе отдѣлиться отъ Турціи и стать независимой, то это поощряетъ черногорцевъ продолжать борьбу до тѣхъ поръ, пока албанцы не подчинятся требованіямъ турокъ и пока союзъ съ ними еще возможенъ. Въ настоящее время черногорцы имѣютъ повидимому достаточное количество артиллеріи, чтобы атаковать турецкія крѣпости; въ случаѣ русско-турецкой войны, они предполагаютъ произвести диверсію.

2-ое „Въ Сербіи: положеніе князя Милана видимо становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ... Въ случаѣ нашей войны съ турками, кн. Миланъ не можетъ принять въ ней

[1]) Это казалось мнѣ весьма сомнительнымъ, но, донося объ этомъ правительству, какъ мнѣ повелѣвалъ долгъ, я хотѣлъ обратить вниманіе кн. Горчакова главнымъ образомъ на то, что нужно было что-нибудь сдѣлать для эмигрантовъ, коихъ сэръ Г. Эллiотъ и гр. Андраши хотѣли эксплоатировать съ весьма понятной политической цѣлью.

участія, не рискуя, какъ говорятъ, быть свергнутымъ съ престола.

3-ое „Положеніе христіанскаго населенія Босніи и Герцеговины весьма плачевно. Какъ я и предвидѣлъ съ самаго начала возстанія, болѣе всего пострадало православное населеніе, которое совершенно разорено. Католики, которымъ Австро-Венгрія и католическое духовенство постоянно оказываютъ поддержку, потерпѣли гораздо меньше и пріобрѣли въ настоящее время такое значеніе, какого они никогда не имѣли въ этихъ провинціяхъ. По словамъ самого гр. Андраши, пограничнымъ властямъ приказано снискать любовь населенія, но въ то же время приняты мѣры къ тому, чтобы въ 18-дневный срокъ въ Боснію и Герцеговину могли вступить съ разныхъ сторонъ достаточныя силы“.

Турецкій посланникъ въ Вѣнѣ, Алеко-паша (кн. Вогоридесъ), пользуясь нашими прежними добрыми отношеніями, пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы переговорить „о протоколѣ и демобилизаціи русской арміи“,—двухъ вопросахъ, которые, какъ ему говорятъ со всѣхъ сторонъ, „тѣсно связаны между собой“. Давая, вкратцѣ, отчетъ о своей бесѣдѣ съ турецкимъ дипломатомъ, я писалъ канцлеру 15 (27 марта): „Я разубѣдилъ его въ этомъ и повторилъ ему то, что я говорилъ всѣмъ представителямъ Турціи, къ которыми мнѣ пришлось встрѣтиться въ столицахъ Европы, а именно, что единственный способъ достигнуть разоруженія Россіи и находится въ рукахъ самой Турціи: ей слѣдуетъ заключить миръ съ Черногоріей на основахъ, выработанныхъ конференціей, и какъ можно скорѣе выполнить въ провиціяхъ обѣщанныя реформы. Алеко-паша отвѣтилъ на это, что лица, относящіеся къ намъ доброжелательно въ Константинополѣ (именно Мехметъ Рушди-паша), хотѣли завязать непосредственныя отношенія между Портой и императорскимъ привительствомъ, назначивъ въ Петербургъ особаго посланника, какъ я это совѣтовалъ Алеко-пашѣ, въ первый мой проѣздъ черезъ Вѣну (возвращаясь съ петербургскаго совѣщанія). Была даже рѣчь возложить эту миссію на Рушди-пашу, но въ настоящее время снова взяло верхъ вліяніе Митхада. Я высказалъ турецкому посланнику свое сожалѣніе по этому поводу, присовокупивъ, что время не терпитъ и что это единственное средство спасенія, остающееся у Порты; турецкій патріотъ долженъ во что бы то ни стало желать сохраненія мира, такъ какъ вопреки всѣмъ иллюзіямъ, которыми убаюкиваютъ себя въ Константинополѣ, первый пушечный вы-

стрѣлъ можетъ быть для Европы сигналомъ окончательнаго разгрома Турціи и можетъ вызвать всевозможныя алчныя вожделѣнія".

Алеко-паша увѣрялъ меня въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ и обѣщалъ послать въ Константинополь спеціальнаго курьера, чтобы сообщить правительству о нашемъ разговорѣ и о серьезности положенія.

Я имѣлъ случай видѣть почти каждый день итальянскаго посланника, гр. Робилана, женатаго на родственницѣ моей жены. Посланникъ передалъ мнѣ сожалѣніе своего правительства по поводу того, что „и такъ старательно избѣгалъ посѣтить Италію во время моей поѣздки по Европѣ, несмотря на прекрасныя отношенія, существовавшія у меня со всѣми представителями Италіи, смѣнявшимися въ Константинополѣ. Гр. Робиланъ сказалъ обиженнымъ тономъ, что общественное мнѣніе Италіи справедливо оскорблено этимъ, тѣмъ болѣе, что это приписываютъ излишнему вниманію съ нашей стороны къ Австро-Венгріи и нашей готовности считаться съ ея щепетильностью, которая ровно ничѣмъ не оправдывается".

Генералу Чіальдини, повидимому, былъ сдѣланъ запросъ, почему онъ не настаивалъ на необходимости моей поѣздки въ Римъ и почему онъ взялся передать протоколъ.

Итальянскій посланникъ въ Парижѣ будто бы отвѣтилъ, что я ссылался на совершенный недостатокъ времени и даже отказался ѣхать черезъ Туринъ и Миланъ (это такъ и было на самомъ дѣлѣ), чтобы повидаться тамъ и переговорить съ лицомъ, которое было бы командировано мнѣ навстрѣчу.

Разсчитывая на мои личныя дружественныя отношенія къ гр. Робилану, я просилъ его передать мое извиненіе римскому двору и указать на то, что Римъ слишкомъ отдаленъ, что поѣздка въ Лондонъ не входила первоначально въ мой планъ и что въ то время, какъ я говорилъ съ генераломъ Чіальдини, меня и безъ того упрекали, что я слишкомъ медлю поѣздкой въ Вѣну; текстъ же протокола былъ сообщенъ мною представителямъ Италіи раньше, нежели Вѣнскому кабинету. Если бы я имѣлъ возможность проѣхать въ Италію, очевидно я посѣтилъ бы и Римъ, но по смыслу возложенной на меня миссіи я не могъ отсрочить своего возвращенія въ Петербургъ, куда я долженъ явиться дней черезъ пять-шесть; что касается свиданія съ уполномоченнымъ министерства въ Туринѣ или въ Миланѣ, то я не считалъ себя въ правѣ претендовать на это и надѣялся, что въ Италіи оцѣнятъ мотивы, которые заставили меня изъ дели-

катности отклонить это предложеніе, которое я считалъ не болѣе, какъ простой вѣжливостью и предупредительностью.

„Я сказалъ гр. Робилану (какъ я и писалъ канцлеру 16/28 марта), что точка зрѣнія нашихъ правительствъ на восточный вопросъ такъ тождественна, что намъ нѣтъ надобности долго обсуждать проектъ протокола, кромѣ того я выразилъ готовность условиться на этотъ счетъ съ итальянскими посланниками при тѣхъ дворахъ, которые я посѣтилъ. Льщу себя надеждой, что мои объясненія будутъ признаны удовлетворительными".

Я передалъ гр. Робилану послѣдній текстъ проекта протокола. Онъ телеграфировалъ въ Римъ и получилъ отвѣтъ, что итальянское правительство не видитъ препятствій къ тому, чтобы проектъ былъ принятъ. Тогда же итальянскій посланникъ заявилъ мнѣ по повелѣнію своего правительства, что Италія всегда будетъ дѣйствовать въ этомъ вопросѣ въ согласіи съ нами.

Онъ былъ видимо озабоченъ и хотѣлъ знать обѣщана ли намъ въ случаѣ войны матеріальная поддержка Австро-Венгріи и получитъ ли она въ видѣ вознагражденія какія-либо територіальныя пріобрѣтенія въ Турціи. Я уклонился отъ разговора на эту тему, замѣтивъ итальянскому дипломату, съ такимъ усердіемъ исполнявшему свои патріотическія обязанности, что миролюбивый исходъ, котораго мы добиваемся въ данную минуту, исключаетъ всякую мысль о раздѣлѣ Турціи, который державы считаютъ преждевременнымъ.

Вотъ телеграмма, посланная мною канцлеру въ среду, 16-го числа:

„Императоръ Францъ-Іосифъ одобряетъ протоколъ, считаетъ англійскія требованія относительно нашей демобилиціи непріемлемыми, изъявляетъ готовность оказать намъ услугу, высказавъ свое мнѣніе въ Лондонѣ и предложивъ компромиссъ, который, охраняя наше достоинство, успокоилъ бы, въ то же время, англичанъ относительно нашихъ намѣреній. Подтверждаю еще разъ, что Государь Императоръ можетъ разсчитывать на императора Франца-Іосифа какъ въ случаѣ сохраненія мира, котораго онъ страстно желаетъ, такъ и въ случаѣ войны, которой онъ болѣе не опасается съ тѣхъ поръ, какъ между нами заключено извѣстное соглашеніе. Андраши хотѣлъ бы, принявъ къ свѣдѣнію увѣренія турокъ, упомянуть въ протоколѣ объ обѣщаніяхъ, данныхъ нѣкогда Портою относительно возвращенія боснійскихъ и герцеговинскихъ эмигрантовъ. Бейстъ телеграфируетъ (изъ Лондона), что Дерби и Шуваловъ на это согласны. Способъ, предложенный Андраши (для рѣшенія затрудненій от-

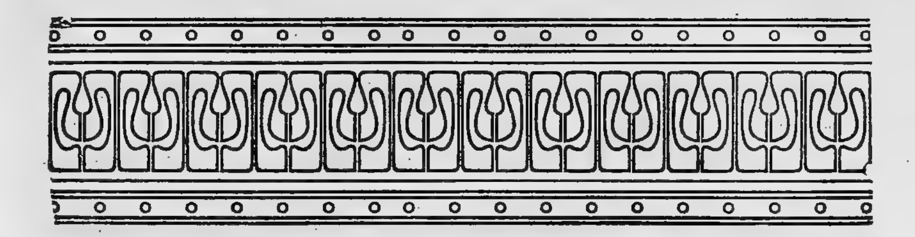
носительно демобилизаціи), кажется мнѣ предпочтительнѣе послѣдней Лондонской комбинаціи (Шувалова—Дерби). Андраши получилъ извѣстіе изъ Константинополя, что Порта, узнавъ о требованіи англичанъ относительно нашей демобилизаціи, на что мы отвѣтили отказомъ, призываетъ свои послѣдніе резервы. Поэтому Андраши боится, какъ бы наши непосредственные переговоры съ турками относительно демобилизаціи не заставили насъ объявить войну" [1]).

Удостоившись чести обѣдать у императора, въ среду 16/28 марта, я прямо изъ дворца отправился на желѣзную дорогу, чтобы ѣхать въ Берлинъ. Прощаясь съ гр. Андраши, я замѣтилъ, что онъ былъ обиженъ тѣмъ, что его предложеніе о посредничествѣ было такъ холодно принято петербургскимъ кабинетомъ, что ему до сихъ поръ не отвѣтили на него, хотя бы телеграммой, онъ приписывалъ это мнѣ, такъ какъ онъ всегда считалъ меня, совершенно напрасно, своимъ главнымъ политическимъ противникомъ; впрочемъ, этотъ разъ онъ принялъ меня чрезвычайно любезно и всячески высказалъ мнѣ свое уваженіе.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Австро-Венгрія, убѣдясь изъ переговоровъ съ петербургскимъ кабинетомъ въ томъ, что Россія справится со всѣми расходами и тягостями войны съ Турціей, доставивъ во всякомъ случаѣ неисчислимыя выгоды своей сосѣдкѣ, которая ограничивается обѣщаніемъ не вмѣшиваться въ войну и будетъ чужими руками жаръ загребать, выжидаетъ событій и не старается со своей стороны содѣйствовать улаженію дѣлъ на Востокѣ, чтобы избавить насъ отъ войны. А наши доморощенные сторонники соглашенія съ Австро-Венгріей и съ гр. Андраши и не подозрѣвали объ этомъ естественномъ результатѣ ихъ близорукой политики! *Прим. авт.*



Люди и нравы за полвѣка [1]).

XXXIII.

От номеровъ Молодякова до прогимназіи было ходу всего минутъ 5—7. Поэтому выйдя за четверть часа до девяти, я имѣлъ достаточно времени добраться до цѣли, съ любопытствомъ разглядывая встрѣчавшіеся по дорогѣ магазины, лавки и другія торговыя заведенія.

Въ большой передней, съ поломъ изъ крупнаго бѣлаго камня, встрѣтилъ меня швейцаръ Яковъ, мужчина лѣтъ сорока пяти, небольшого роста, плѣшивый, въ форменномъ мундирѣ, который шелъ къ нему, какъ къ коровѣ сѣдло. Яковъ мѣстный уроженецъ, крестьянинъ, отъ роду и до сей поры никуда не выѣзжавшій изъ родного села и единственный знакомый ему городъ былъ В. Понятно, что особой ловкостью онъ не отличался, столичной полировки не имѣлъ, но за то барскихъ кармановъ не касался; честность его, работоспособность и преданность были такія, какія, увы! въ наше время приходится разыскивать днемъ съ огнемъ. Онъ встрѣтилъ меня съ радушнѣйшей улыбкой на лицѣ, какъ будто стараго близкаго знакомаго, или родного человѣка.

— Мнѣ бы надо видѣть г. инспектора?

— Какъ прикажете о васъ доложить?

Я назвалъ свою фамилію и сталъ снимать пальто.

Яковъ принялъ мое платье, аккуратненько встряхнулъ его, повѣсилъ на вѣшалку и веселыми ногами направился въ квартиру инспектора, находившуюся тутъ же, въ нижнемъ этажѣ.

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1913 г.

Направо лѣстница вела въ верхній этажъ, весь занятый классами, канцеляріей, совѣтской комнатой, библіотекой, актовымъ заломъ и другими служебными комнатами. Этотъ большой домъ одного очень богатаго купца былъ купленъ городомъ для прогимназіи, и кромѣ того была большая двухъ-этажная пристройка, въ которой помѣщалась часть классовъ, шинельная и гимнастическій залъ.

Помѣщеніе нельзя было назвать роскошнымъ, но оно вполнѣ удовлетворяло всѣ потребности учебнаго заведенія, и при томъ заведенія далеко не переполненнаго...

Но—не будемъ забѣгать впередъ.

Вернувшійся Яковъ сообщилъ мнѣ, что меня просятъ въ кабинетъ, въ дверяхъ котораго я увидалъ тяжелую аляповатую фигуру моего новаго начальства, съ его чиновничьими котлетами на щекахъ, большими рачьими на выкатѣ глазами и головою-тыквой.

Онъ принялъ меня, повидимому, радушно; только брови его ушли куда-то въ верхній этажъ, да на черезчуръ высокомъ лбу его залегла толстая складка; все время, пока онъ бесѣдовалъ со мною, эта складка не покидала его физіономіи... На ея появленіе я не обратилъ вниманія, а, между тѣмъ, оказывается, она предвѣщала мнѣ не одно хорошее.

— Ну-съ... пойдемте къ женѣ чай пить,—началъ онъ: а то вы человѣкъ дорожный, небось проголодались.

— Благодарю васъ, Николай Ивановичъ. Цѣлыя сутки на пароходѣ только и зналъ, что пилъ чай.

— Ну, пойдемте... пойдемте... Познакомитесь съ моими...

И онъ двинулся къ двери, ведшей въ его квартиру, я—за нимъ. Прошли небольшую переднюю, вступили въ залъ. Это была очень большая комната, весьма приличная, свѣтлая, хотя и не особенно высокая; дальше виднѣлась гостиная, круглая комната съ дверью на балконъ, который выходилъ на базарную площадь. Что за фантазія была у строившаго этотъ домъ потомственнаго почетнаго гражданина вылѣзти на базарный балконъ и добровольно нюхать всѣ прелести базарной площади—право, не догадываюсь. Нужно сказать, что купчина имѣетъ большой мѣшокъ съ деньгами и страдалъ архитекторскою лихорадкой. Три громадные дома имѣлъ онъ въ городѣ; не мало денегъ стоили они ему, и не думаю, чтобы затраченные имъ капиталы приносили хорошій процентъ; просто тѣшилъ свое купецкое величество.

Пройдя гостиную, мы вступили въ столовую. Позволю себѣ

сдѣлать легкій набросокъ того, что встрѣтилъ я въ этомъ „внутреннемъ аппартаментѣ“. Этотъ набросокъ вамъ кое-что поразскажетъ.

За громаднымъ круглымъ столомъ, покрытымъ клеенкою небезупречной чистоты, сидѣла вся семья. На столѣ въ поэтическомъ безпорядкѣ валялись ломти пшеничнаго вѣсового хлѣба, баранки, плюшки, калачи. Ведерный самоваръ кипѣлъ во всѣ развалы; попахивало дымкомъ, гарью, но почтенная семья очевидно къ этому привыкла и не обращала вниманія.

На главномъ мѣстѣ, предъ самоваромъ, возсѣдала сама мадамъ инспекторша—дама лѣтъ сорока трехъ-пяти, довольно солидныхъ размѣровъ, некрасивая, малообразованная, но неглупая и очень добродушная. На ней надѣта широченная блуза изъ свѣтлаго ситца, которую ея горничная, взятая изъ барскаго дома, называла не иначе, какъ „подрамантъ“, что замѣняло собою старинное слово „пудръ-мантель“. За столомъ присутствовали и дѣти: сынокъ — малый лѣтъ девятнадцати, вышедшій изъ пятаго класса какого-то реальнаго училища, ибо „убоялся бездны премудрости и возвратился вспять“; три дѣвочки, изъ коихъ старшей было лѣтъ 15, а пятый отпрыскъ, послѣдышъ Миша, недавно появившійся на свѣтъ, еще потягивался въ своей постелькѣ. Старшая дѣвочка, Лиза, была чѣмъ-то больна, а потому давно покончила съ ученьемъ и больше занималась съ матерью хозяйствомъ; двѣ младшія учились въ мѣстной прогимназіи, и былъ ли въ нихъ какой толкъ—сказать не умѣю.

Несмотря на то, что было уже часовъ десять утра, вся инспекторская семья производила впечатлѣніе чего-то неряшливаго, безпорядочнаго: головы расчесаны кое-какъ, на скорую руку; умыванье производилось, повидимому, неособенно тщательно; костюмы давно требовали стирки...

Конечно, зашелъ обычный разговоръ о дорогѣ. Я разсказалъ все подробно, а за это время чай былъ покончень, и мы съ инспекторомъ ушли бесѣдовать въ кабинетъ.

Здѣсь мнѣ пришлось наткнуться на очень невеселую для меня новость: я ѣхалъ сюда на двѣ должности: помощника классныхъ наставниковъ и письмоводителя, что въ общемъ составляло 620 р. въ годъ и квартира — съ отопленіемъ и... хотѣлъ сказать съ освѣщеніемъ, но законъ про освѣщеніе ничего не говоритъ, а потому ограничимся законнымъ отопленіемъ.

По штатамъ гимназій и прогимназій 1871 года письмоводителю полагалось жалованья 400 р. безъ квартиры, а помощникамъ классныхъ наставниковъ въ гимназіяхъ 300 р., а въ прогимназіяхъ 220 р. и квартира. Какія соображенія блуждали въ головахъ господъ составителей устава, ей Богу не могу разгадать: работа одна и та же; требованія тѣ же... и вдругъ...

Да еще цифра-то какая—220 р.!

Ну, дай 200 р., какъ столоначальнику полицейскаго управленія, т. е. всемірно извѣстныя 16 р 33 к. въ мѣсяцъ; дай 240 р. для ровнаго счета по 20 р. въ мѣсяцъ; дай 250 р.— Это все-таки четверть тысячи... Но—220 р.? Ей Богу, не понимаю.

Одно остается предположить, что въ томъ году, когда составлялись штаты, было 11 мѣсяцевъ...

И такъ, уѣзжая сюда, я ожидалъ несомнѣннаго улучшенія своего существованія. Но вотъ, послушайте нашъ первый разговоръ съ новымъ начальствомъ, и вы тогда поймете мое пиковое положеніе...

— Ну-съ, Сергѣй Григорьевичъ!... началъ инспекторъ, усаживаясь въ свое кресло предъ письменнымъ столомъ и приглашая меня занять другое.

— Позвольте вамъ предложить папиросу...

Я взялъ папиросу, закурилъ и приготовился слушать съ полнымъ вниманіемъ.

— Вы незнакомы съ канцелярскимъ дѣломъ. Я, конечно, буду вамъ помогать въ этомъ, поучу васъ, это совсѣмъ не настолько трудно, какъ кажется.

— Думаю, что особой мудрости тутъ нѣтъ, и я разсчитываю съ ней сладить, такъ какъ утромъ у меня будетъ одно дѣло, а вечера я буду отдавать канцеляріи...

— Да вѣдь и утромъ вамъ никто не помѣшаетъ работать... Вы свободны...

— ?!

Понятно, что я вытаращилъ глаза и ждалъ разъясненія этого ребуса.

Помощникомъ классныхъ наставниковъ я назначилъ моего сына Николая, который рѣшительно отказывается продолжать учиться и хочетъ поступить на службу...

Судите сами, какое эта неожиданная новость должна была произвести на меня впечатлѣніе...

Квартирка, хоть и небольшая, тутъ для васъ найдется; можете ее посмотрѣть, на верху—въ мезонинѣ...

Хоть это-то, подумалъ я, слава Богу!

Далѣе для меня разговоръ становился не интереснымъ. Въ моей головѣ коломъ торчалъ только одинъ вопросъ: что же теперь дѣлать? Одинъ исходъ—вернуться назадъ, благо я уѣхалъ никому ничего не сказавши, и мѣсто мое было еще не занято. Я смѣло могъ разсчитывать на многихъ мѣстныхъ дѣятелей, всегда относившихся ко мнѣ съ отличнымъ расположеніемъ.

Такъ и рѣшилъ: проживу два—три дня, присмотрюсь къ обстоятельствамъ и удеру на старое пепелище. Чего же мнѣ еще ждать? Не денного же грабежа.

Пришелъ къ себѣ въ номеръ и принялся писать женѣ письмо съ пріятнѣйшими вѣстями. И прежде всего подъ страхомъ смертной казни вмѣнялъ ей въ обязаность упорно отрицать всякіе слухи о моемъ переходѣ на службу, благо еще двѣ недѣли вакаціоннаго времени было въ моемъ распоряженіи.

Да-съ, положеніе мое мѣнялось и мѣнялось очень скверно: не говоря уже о жалованіи и квартирныхъ деньгахъ, я могъ (въ то время) только исполнять обязанности письмоводителя изъ платы по найму, а занять эту административную, а не учебную должность я не могъ по своему низкому происхожденію.

Скверно! Очень скверно!

Но кто жъ могъ провидѣть, что мнѣ судьба рѣшила встрѣтиться на узенькой дорожкѣ съ инспекторскимъ сынкомъ...

На другой день явился въ канцелярію и сталъ знакомиться съ дѣлами.

— Вотъ-съ прежде всего, началъ инспекторъ съ любезнѣйшей улыбкой (какъ будто никакой свиньи онъ мнѣ и не думалъ подкладывать), надо донести въ округъ о вашемъ опредѣленіи на должность.

Счастіе разлилось и на моемъ лицѣ, въ то время, какъ па сердцѣ скребли кошки.

Благодарю! Осчастливилъ! О болѣе высшемъ благѣ я не смѣлъ и мечтать!

Принялся я сочинять бумагу въ округъ.

„Теръ и лобъ, и переносицу,
Въ потолокъ косилъ глаза,
Несъ такую околесицу,
А о дѣлѣ ни аза!“

(Некрасовъ).

Наконецъ, одолѣлъ и подалъ ему на просмотръ. Одобрилъ и только вставилъ одно слово...

Я написалъ: Имѣю честь донести... а онъ прибавилъ „Имѣю честь *почтительнѣйше* донести...

Ну, почтительнѣйше, такъ почтительнѣйше, такъ тому и быть. Мнѣ какое дѣло.

А вѣдь это было въ концѣ семидесятыхъ годовъ! Разгаръ либерализма...

Наука не пропала для меня даромъ: съ тѣхъ поръ я постоянно писалъ „почтительнѣйше", и выходило очень хорошо: всѣмъ было по вкусу...

Какъ видно, кашу масломъ, дѣйствительно, не испортишь...

Просидѣли мы съ нимъ часа два—три, а затѣмъ инспекторша прислала за нами кофе пить.

Это, конечно, было очень хорошо, и я почтительнѣйше потянулся за инспекторомъ.

Когда я опять поднялся на верхъ, то въ залѣ встрѣтилъ разгуливающаго господина, еще молодого человѣка, лѣтъ около 30-ти, бритаго, худого, блѣднаго, очевидно болѣзненнаго. Мы познакомились и начали болтать. Это былъ учитель приготовительнаго класса М. Странное впечатлѣніе произвела на меня эта фигура: потныя руки, синяки подъ глазами, впалая грудь, глухой голосъ и безпрерывный кашель...

Отъ него пахнуло могилой, а мнѣ что-то стало веселѣй...

Такъ подло созданъ родъ людской: на могилѣ одного возрождается надежда у другого...

Онъ былъ холостякъ, жилъ съ сестрою, пожилой дѣвушкой. Вечеромъ онъ зашелъ ко мнѣ въ номеръ, и мы отправились знакомиться съ городомъ. Часовъ въ девять заявились къ нему; самоваръ уже кипѣлъ на столѣ и стояла легонькая закусочка.

— Извините... водки не имѣю... вредно мнѣ...

— Пожалуйста, не надо. Одинъ я ее никогда не пью.

Безпокойные взгляды сестры, хоть и часто, но украдкой бросаемые ею на брата, еще болѣе убѣдили меня, что тутъ дѣло обстоитъ очень не благополучно. Самый воздухъ комнаты говорилъ о томъ же: удушливый, напоенный разной лѣкарственной дрянью, и одно, гдѣ-то вдали, отворенное окно.

Жутко чувствовалъ я себя въ этой обстановкѣ и не зналъ, какъ отсюда выбраться.

Пробило половина одиннадцатаго, и я, подъ благовиднымъ предлогомъ дать покой усталому хозяину, отыде во свояси...

XXXIV.

Само собою разумѣется, что содержаніе моего письма къ женѣ нѣсколько измѣнилось. Утромъ на свою палитру я заготовилъ красокъ самыхъ мрачныхъ тоновъ, а теперь... теперь мрачность понемногу разсѣивалась только потому, что другому предстояла будущность болѣе мрачная, на мрачномъ-то фонѣ его жизни ярко вспыхнула свѣтлая точка моего будущаго.

Но объ этомъ потомъ. Теперь я познакомлю васъ съ учителями.

Если инспекторъ былъ не изъ особенно ученыхъ людей, то и учителя тоже не блистали образованіемъ: набраны были, что называется, съ бору да съ сосенки: математикъ, четыре года тому назадъ служившій со мной въ уѣздномъ училищѣ того города, откуда я только-что пріѣхалъ, былъ дѣйствительный студентъ Московскаго университета конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ; долгое время онъ былъ на частной службѣ, управлялъ фабрикой, за что получалъ очень большое жалованье; не разъ бывалъ за границей и потомъ вдругъ очутился уѣзднымъ учителемъ въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, получая 24 р. 50 к. въ мѣсяцъ жалованья. Что за катастрофа была въ его жизни, ляпнувшая этого господина съ извѣстной высоты да прямо въ лужу, я не старался узнать, а что-то было...

Частенько я этого почтеннаго, красиваго старика заставалъ задумчивымъ... Онъ очень хорошо игралъ на скрипкѣ. Бывало, лѣтомъ изъ раствореннаго окна его квартиры несутся задушевные звуки скрипки... Заходишь къ нему и застаешь картину: худой, высокій старикъ, вздернувшій на лобъ большія крупныя въ золотой оправѣ очки, въ поношеномъ халатѣ, подпоясанномъ полотенцемъ, въ туфляхъ на босыхъ ногахъ, тихо прохаживается по комнатѣ со скрипкой въ рукахъ, глаза его устремлены въ одну точку... Сейчасъ видимо, что онъ весь въ быломъ... весь въ воспоминаніяхъ... Ходили по городу разсказы о какомъ-то его романѣ за границей... Затѣмъ жизнь въ уѣздномъ городѣ... Нечаянная женитьба на какой-то мѣщаночкѣ, кухарочкѣ, горничной или что-то въ этомъ родѣ... Съ открытіемъ прогимназій нашлось мѣсто и ему, и вотъ онъ воскресъ, вздохнулъ свободно.

Любилъ играть въ картишки, но игралъ какъ ребенокъ. Главное дѣло—думать не любилъ. Были господа, которые очень

злоупотребляли его слабостью... Партнеры говорятъ ему: „Ну, будетъ, бросай! Вѣдь безъ одной... Это видно“...

И онъ бросаетъ...

Я былъ хоть и очень молодъ, когда познакомился съ нимъ еще въ К., но уѣздная жизнь сдѣлала меня такимъ преферансистомъ, что мною не брезговали лучшіе игроки. И вотъ я помню такой случай: на Духовъ день въ клубскомъ саду былъ назначенъ танцовальный вечеръ. Я пріѣхалъ очень поздно, прямо къ танцамъ и не расположенъ былъ воевать на зеленомъ полѣ.

Барышни, увидя меня въ залѣ, какъ насѣдки закудахтали: рѣдко я доставлялъ имъ это удовольствіе (извините за нескромность); „ухажоръ“ былъ, какъ выражаются у насъ во всесословномъ клубѣ въ наше прогрессивное время...

Потанцуешь... погуляешь по саду... поухаживаешь... заглянешь во флигелекъ, гдѣ расположились карточная и буфетъ, присядешь около знакомыхъ партнеровъ и посмотришь на игру. Въ компаніи сидятъ: нотаріусъ, начальникъ станціи, одинъ помѣщикъ безъ помѣстья—все игроки, ухъ! какіе... и съ ними четвертый мой старый ребенокъ-товарищъ. Вижу, у старика игра большая, но закупился и приходится играть девять... А условія игры очень тяжелыя: курица бралась вся, вистъ отвѣтственный, кушъ полкопѣйки... При такихъ условіяхъ учительскую душу можно проиграть...

Сижу я и слышу нетерпѣливый голосъ начальника станціи:

— Ну, будетъ думать-то... вѣдь вотъ онѣ двѣ взятки-то...

Старикъ уже готовъ сдаться... Но проигрышъ серьезный, и онъ думаетъ...

Я заинтересовался игрой... внимательно всматриваюсь въ открытыя карты вистовщиковъ, соображаю и вижу, что игра, какъ будто бы, должна выиграться...

— И опять слышу:

— Да будетъ же... Вѣдь это, наконецъ, скучно становится... Ясно, что проиграна...

— Ну... это тоже какъ сказать... вставляю я словечко.

— Ну-ка, попробуй, выиграй, задорно отвѣчаетъ мнѣ желѣзнодорожникъ.

— И выиграю.

— Пари на десять рублей.

— Да... что жъ... идетъ. Только я самъ потомъ буду разыгрывать... запомни карты, отвѣчаю я.

Вынимаемъ по десяткѣ и кладемъ подъ подсвѣчникъ. Старикъ мой ободрился... начинаетъ думать... думать... Вижу, берется за ту карту, съ которой слѣдуетъ идти... идетъ и игра выиграна.

Я приподнялъ подсвѣчникъ, захватилъ двѣ красныхъ; какъ благовоспитанный молодой человѣкъ, сдѣлалъ глубокій реверансъ моему пріятелю-желѣзнодорожнику и устроилъ приличный ужинъ съ двумя, хоть и замужними, но не совсѣмъ приличными дамами... Это были тѣ самыя дамы, которыхъ докторъ Разновицкій во время танцевъ за ноги ловилъ...

А вотъ учитель русскаго языка былъ фруктъ совсѣмъ иного рода. Я очень смутился, когда встрѣтился съ нимъ въ первый разъ, а особенно когда отъявился къ нему съ визитомъ.

По первому впечатлѣнію судя, его можно было скорѣй признать... ну, какъ-бы вамъ сказать?.. Ну... чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ... Прокуроръ окружнаго суда... уѣздный предводитель дворянства... или что-нибудь въ родѣ этого, но никакъ не учитель захолустной четырехклассной прогимназіи. Хорошаго роста, довольно плотный красивый брюнетъ, лѣтъ тридцати двухъ-трехъ; одѣтъ всегда франтомъ: прекрасно сшитый форменный фракъ, бѣлье безупречной чистоты, всегда бѣлый или палевый галстухъ, пальто—послѣднее слово Парижа, шляпа—цилиндръ...

Ну, помилуйте, какой это учитель? Первый любовникъ императорскихъ театровъ, а не Лука Лукичъ Хлоповъ! Въ дурную погоду вмѣсто цилиндра носилъ фуражку изъ синяго сукна, съ кокардой, но опять таки съ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ формы—околышъ былъ не бархатный, а суконный. Какъ будто онъ стыдился быть учителемъ, ибо предпочиталъ носить фуражку кучерскаго образца съ кокардой, только бы не учительскую. Зимою у него перваго появилась вошедшая тогда въ моду шинель на мѣху кенгуру съ барашковымъ воротникомъ и высокая шапка изъ сѣрой хивинки, какія носятъ малороссы. Онъ уроженецъ Малороссіи, учился въ Кіевскомъ университетѣ; сынъ сельскаго священника, но тщательно скрывалъ свое происхожденіе. На лѣтнія каникулы онъ надѣвалъ дворянскую фуражку съ краснымъ околышемъ и всегда говорилъ, что ѣдетъ въ имѣніе на отдыхъ. А ужъ какое тамъ имѣніе, просто къ отцу-священнику на погостъ. Отрекался онъ отъ своего отца, тогда какъ именно тотъ за свою полувѣковую службу получилъ Владиміра, чѣмъ и предоставилъ сынку право тѣшить себя дворянскою фуражкой.

Познанія его были не ахти какъ крѣпки, а настойчивый хохлацкій характеръ не разъ ставилъ его въ положеніе не особенно пріятное. Помню, на экзаменѣ въ женской прогимназіи онъ одной ученицѣ подчеркнулъ ошибку, тогда какъ слово „птичка“ было написано вѣрно. Начальница, просматривая провѣренныя преподавателемъ работы, замѣтила его промахъ и при первомъ свиданіи обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Павелъ Осиповичъ, да какая же тутъ ошибка?

— Тутъ... а... Позвольте... я сейчасъ пенсне надѣну... а... тутъ... мягкій знакъ пропущенъ...

— Позвольте... да развѣ послѣ *ч* нуженъ мягкій знакъ?

— Непремѣнно-съ... потому что въ славянскомъ языкѣ... и пошелъ, и пошелъ молоть, что Богъ на душу послалъ, тогда какъ ничего не было легче, какъ признать свой промахъ и инцидентъ былъ бы исчерпанъ. Съ новымъ инспекторомъ онъ не сошелся, такъ какъ тотъ никакихъ славянскихъ доказательствъ знать не хотѣлъ. Видитъ мой дворянинъ, что дѣло плохо и на пустомъ тутъ не выѣдешь, началъ хлопотать о переводѣ и вскорѣ былъ перемѣщенъ въ губернскій городъ.

А остроумный былъ малый: анекдоты разсказывалъ прекрасно, большой хлѣбосолъ и любилъ жить на широкую ногу. Хотя семейство его состояло всего только изъ одной жены, но квартиру снималъ большую, и обстановка была вполнѣ приличная: пушистые ковры, мягкіе диваны, драпри самаго заковыристаго фасона и т. п. Любилъ горячую баню; парился до умопомраченія; голову мылъ не иначе какъ съ яичнымъ желткомъ. Вообще „соблюдалъ себя“. Передъ отпускомъ на Пасху, или на Рождество, обязательно заболѣвалъ дня за два до отпуска, а вечеромъ въ день отпуска выздоравливалъ, и являлся въ клубъ сражаться на зеленомъ полѣ. Отъ нечего дѣлать составилъ русскую грамматику, раздѣливъ ее на двѣ части. Новаго онъ въ своихъ произведеніяхъ ничего не ввелъ и появленіе на книжномъ рынкѣ его труда сенсаціи не произвело. Но тамъ было кое-что и замѣчательное, а именно—приложенные къ обѣимъ частямъ сборники диктантовъ. Онъ набралъ тамъ такихъ фразъ, отъ которыхъ мы помирали со смѣху.

Комическая жилка была вообще ему присуща, какъ малоросу, и играла въ немъ неустанно. Однажды, участвуя въ качествѣ чтеца въ литературно-музыкальномъ вечерѣ, я прочиталъ на bis нѣсколько фразъ изъ его сборника диктантовъ и успѣхъ былъ необычайный.

Вотъ и всѣ педагоги, имѣвшіе полномочные патенты на

преподаваніе, а дальше шли все и. д., (или какъ ихъ называли на общепонятномъ языкѣ „идолами“): славянинъ-классикъ слушалъ лекціи въ (кажется) Вѣнскомъ университетѣ, а остальные были набраны съ бору да съ сосенки. Учитель нѣмецкаго языка все-таки окончилъ гимназію и былъ нѣмецъ природный, превосходный человѣкъ: умный, нѣмецки-честный, начитанный; по познаніямъ онъ куда выше стоялъ нашихъ университантовъ, но... но... на грѣхъ связался тамъ съ теплой компаніей, много пилъ и до такой степени въ концѣ концовъ расшаталъ свое здоровье, что не только по лѣстницѣ могъ подыматься только держась за перила, но и не выносилъ никакой гримасы, никакого движенія носа, губъ, глазъ, рукъ, какъ тотчасъ же выдѣлывалъ то же самое. Старикъ-исправникъ, былой шалунъ-гусаръ, обратившійся въ дѣтство, очень тѣшился этимъ: начнетъ тереть пальцемъ по носу, и нѣмецъ третъ; исправникъ барабанитъ по столу, и нѣмецъ барабанитъ; исправникъ чешетъ въ затылкѣ, и нѣмецъ лѣзетъ туда же; исправникъ что-нибудь замурлычитъ и начнетъ притопывать въ тактъ ножкой, и нѣмецъ за нимъ; исправникъ храпнетъ носомъ, и нѣмецъ тоже. И при этомъ очень мирно бесѣдуютъ. Смотришь, смотришь на эту комедію, сознаешь, что бѣдный нѣмецъ страдаетъ, а между тѣмъ нѣтъ возможности удержаться отъ смѣха, захохочешь, и только тутъ опомнится нѣмецъ и начнетъ усовѣщевать сѣденькаго шалуна.

Оба они теперь давно въ могилахъ. Миръ праху ихъ!

Французъ былъ „аплике“, тоже изъ братьевъ-славянъ и скорѣй всего торговалъ въ Москвѣ мышеловками, терками и т. п. издѣліями.

Законоучитель, студентъ семинаріи, старый заслуженный соборный священникъ, о которомъ будетъ рѣчь впереди.

Вотъ и весь преподавательскій персоналъ, который, подъ руководствомъ почетнаго попечителя, стеръ съ лица земли прежняго инспектора.

Съ отъѣздомъ этого инспектора уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и его племянникъ, ворочившій всѣми дѣлами. Племянникъ этотъ имѣлъ всего только званіе уѣзднаго учителя по исторіи и географіи, и ему было разрѣшено округомъ преподавать эти предметы и въ мужской прогимназіи, и въ женской, да къ тому же онъ занималъ должности помощника классныхъ наставниковъ и письмоводителя.

Какъ его только хватало на это, надо удивляться.

Удивляйся тамъ сколько хочешь, а онъ зарабатывалъ до 2500 р. въ годъ, и слава Богу!

На его мѣсто прислали историка изъ Петербургскаго университета и опять дѣйствительнаго студента, и это былъ послѣдній дѣйствительный студентъ даже въ такой глуши, какъ В.

XXXV.

Когда я ознакомился съ протоколами педагогическаго совѣта за предыдущіе годы, такъ я не зналъ, что и подумать. Это какое-то засѣданіе городской думы, земскаго собранія, нѣмецкаго рейхстага, французской палаты депутатовъ, буйнаго австрійскаго парламента, гдѣ не стѣснялись депутаты даже вступать въ рукопашный бой, а ужъ никакъ не педагогическаго совѣта.

Предсѣдатель заявилъ о томъ-то...

Членъ совѣта такой-то удачно оппонируетъ.

Другой дополняетъ его...

Третій всѣмъ возраженіямъ дѣлаетъ окончательную сводку и празднуетъ побѣду надъ партіей глубокаго молчанія...

И все это дословно заносится въ протоколъ, а о дѣлѣ ни аза...

Хорошо! Ну, чѣмъ не Европа?

Засѣданія тянулись съ 7 до 12 часовъ, до часу ночи.

Сколько керосину одного выгорало...

Четыре года пространдалъ въ этомъ застѣнкѣ старикъ-инспекторъ, и наконецъ-то „тыква" извела изъ темницы душу его...

Про доброе сердце уѣхавшаго инспектора ходило по городу много разсказовъ подъ часъ характера чисто анекдотическаго, но разсказы безусловно фактически вѣрные. Напримѣръ:

Раннее лѣтнее утро. Водовозъ привезъ воду. Съ кухоннаго крыльца сходитъ въ халатѣ толстенькій, маленькій инспекторъ; остатки его косицъ на головѣ еще не приведены въ обычный порядокъ, т. е. не зачесаны и не приглажены щеточкой отъ ушей къ темени. Старикъ направляется къ водовозу, и начинается мирная бесѣда у Аѳанасія Ивановича съ Пульхеріей Ивановной.

— Ну, какъ поживаешь, Филиппычъ?

— Да ничего... Славу Богу... Живемъ пока...

— Ну, вотъ и славу Богу. Дѣтки-то есть что ли?

— Какъ же, родимый, есть. Старшему-то, поди, годовъ 35 будетъ...

— Женатъ?

— Вѣстимо женатъ... Нешто намъ безъ жены возможно...

— И дѣтки есть?

— Да малому пошелъ ужъ никакъ 14-й годокъ.

— Что жъ ты его не учишь?

— Учился, да бросилъ: все прошелъ.

— Ну, далеко еще не все... Отдавай къ намъ, человѣкомъ будетъ.

— И... и... и.., родимый! На васъ-то капиталу не хватитъ. За учебу-то сколько берете?

— 40 р. въ годъ.

— Ну, во!.. Гдѣ жъ ихъ взять-то. И радъ бы въ рай, да грѣхи не пущаютъ.

— Ничего, Богъ милостивъ, отдавай.. Мы заплатимъ.

— Ну... что жъ, раздумчиво произноситъ водовозъ, почесывая подъ огрызкомъ соломенной шляпы...

— Это спасибо... Да, нѣтъ, сомнѣвается Филиппычъ. Не подойдетъ намъ. Окромя этого денегъ надо много... и одежа...

— Да мы сошьемъ...

— И обувка другая...

— Купимъ...

— А тамъ книжки, тетрадки, ранецъ... Раззоренье!

— Все дадимъ, не безпокойся...

И малый въ гимназiи. Если года мѣшали поступить по уставу, то для старичка въ этомъ случаѣ устава не существовало.

И съ кузнецомъ, и съ портнымъ, и съ сапожникомъ поговоритъ также старый добрякъ, и, глядь, „кухаркины дѣти“ всѣ въ гимназiи. Да такъ и наколотилъ учениковъ до 160—180 человѣкъ.

Городъ и вообще общество должно было бы радоваться, а, между тѣмъ, главари его завели дрязги и въ эти дрязги и вмѣшали совѣтъ. Доходили ихъ препирательства нерѣдко и до попечителя округа, результатомъ чего и былъ обмѣнъ начальства. Одинъ черезчуръ разгонялъ учениковъ; другой черезчуръ собиралъ ихъ... Вотъ въ наказанiе и послалъ имъ Господь Тыкву...

Любопытны стали для меня засѣданiя совѣта.

Только-что говорунъ начнетъ развивать мою мысль, какъ изъ-за облакъ слышится гласъ:

— Не будемъ отвлекаться въ сторону. Вопросъ очень простъ и въ дебри съ нимъ заходить нѣтъ надобности.

— Но интересно было бы выслушать мнѣнiе г. П., говоритъ почетный попечитель.

— Уставъ говоритъ: почетный попечитель занимаетъ первое мѣсто въ совѣтѣ, но не предсѣдательствуетъ. А другою статьею предсѣдательство поручается начальнику заведенія, который и руководитъ преніями въ совѣтѣ.

— Да вѣдь преній-то никакихъ не было...

— Да ихъ тутъ и не нужно. Пренія только бы затемнили вопросъ... вопросъ крайне несложный... всѣмъ намъ вполнѣ понятный...

Вотъ ты тутъ съ нимъ и разговаривай.

— Я не могу допустить обсужденіе вопроса въ такой формѣ и баста!

Молчаніе. Переглядываются и молчатъ

Такъ провелъ онъ засѣданія три-четыре; скучно стало; почетный попечитель и ходить въ совѣтъ пересталъ...

Да и въ самомъ дѣлѣ, за чѣмъ же ходить, когда въ назиданіе потомства ни одного слова представителя общества не останется въ анналахъ совѣта!...

Протоколы стали коротенькіе: жилъ, былъ да и умеръ. И только.

Но такіе совѣты, какъ четвертные, или обсужденіе темъ для письменныхъ работъ, или о допущеніи къ экзаменамъ были очень продолжительны.

— Посылать почетному попечителю повѣстку о засѣданіи совѣта? спрашиваю я.

— А какъ же-съ?... Это наше-съ дѣло... наша обязанность...

— Да вѣдь онъ не ходитъ...

— А это ужъ его дѣло-съ...

. . . .

Скверная ранняя осень совсѣмъ свернула бѣднягу-учителя приготовительнаго класса; дышать нечѣмъ... сталъ тяжело себя чувствовать... силы его совершенно оставили, голосъ пропалъ и онъ вплотную слегъ въ постель.

Я попросилъ инспектора войти съ ходатайствомъ на время болѣзни учителя допустить меня къ исправленію его должности. Онъ исполнилъ мою просьбу, представилъ меня, и округъ разрѣшилъ.

Стой! у меня явилась надежда... На омраченномъ было небосклонѣ моей новой службы вновь яркій лучъ солнца прорѣзалъ скопившіяся тучи.

Много пришлось работать, очень много; но я былъ молодъ, силенъ и труда не боялся. Придешь въ канцелярію въ 8 часовъ. Въ девять идешь на урокъ и до 11; затѣмъ опять въ

канцелярію и до $2^1/_2$ ч. Только пообѣдаешь, глядь: за тобой уже пріѣхала лошадь, и отправляешься на частный урокъ. Вернешься въ шесть, попьешь чайку и въ канцелярію. Поработаешь до девяти, глядь, является инспекторъ. Онъ плотно пообѣдалъ; основательно выпилъ; легъ отдохнуть часика на три; всталъ, попилъ чайку и явился служить царю и отечеству. И могъ онъ такимъ образомъ дѣйствовать до часу, до двухъ ночи, а у тебя ужъ давно силы поистощились...

Часикамъ къ одиннадцати инспекторъ спустится къ себѣ, черезъ десять минутъ вернется и перышкомъ въ зубахъ ковыряетъ. Чистоту наблюдалъ. Одолѣвало меня любопытство разузнать, что сей сонъ обозначаетъ, да нѣтъ, никакъ не могъ.

Только разъ какъ-то, скучно что ли ему стало одному, или сжалился онъ надо мною, только слышу часовъ въ одиннадцать:

— А вы водку пьете?

— Иногда...

— Такъ пойдемте...

— Съ удовольствіемъ!...

Наконецъ-то дошли до дома!

Спускаемся къ нему въ кабинетъ; отворяется дверка шкафа, вдѣланнаго въ стѣну; вынимается оттуда четверть съ поповской водкой (большому кораблю — большое и плаванье); въ водкѣ виднѣются давно поблѣднѣвшія и потерявшія вкусъ лимонныя корки; берется съ полочки рюмка... Ну, какъ вамъ опредѣлить ея размѣры?... Конечно, трехдневнаго ребенка въ ней окрестить нельзя, но таковаго возраста котенка окунуть можно свободно...

Закуска разнообразіемъ не отличалась: она была всегда сезонная: кусочекъ рѣдички, кусочекъ огурчика свѣжаго, или малосольнаго, или соленаго, иногда покрывшагося плѣсенью; кусочки (преимущественно корочки) чернаго хлѣба, густо посыпаннаго солью; иногда появлялась колбаса и непремѣнно копченая, чтобы не протухла; если были у него наканунѣ гости, то предъ моимъ взоромъ красовались остатки селедки съ головой и хвостомъ (но никогда такъ не бывало, чтобы одинъ хвостъ да голова, хотя онъ ее тщательно обсасывалъ, приговаривая: „сельдиная головка съ мозжечкомъ“), которыя онъ тихонько тащилъ къ себѣ въ шкафъ, въ прокъ, какъ говорилъ онъ. Ни тарелокъ, ни ножей, ни вилокъ и никакихъ этакихъ белендрясъ у него не полагалось: можете прямо пальцами, а руки онъ всегда обтиралъ гдѣ-то подъ сюртукомъ...

Наше дѣло, конечно, маленькое, и мнѣ оставалось только слѣдовать примѣру начальства. Я ужъ потомъ поумнѣлъ-то: сталъ являться въ канцелярію въ старомъ платьѣ.

А то, думаю, такъ-то весь селедкой пропахнешь.

Чего добраго, собаки на улицѣ начнутъ принюхиваться...

Выпьемъ по двѣ, по три штучки и опять наверхъ заниматься. Такъ тянулось мѣсяца два. Вижу, дѣло плохо: при такихъ условіяхъ не надолго меня хватитъ: на такую работу лошадь нужна, а не человѣкъ.

Разъ какъ-то я особенно усталъ и меня за работой ужъ начало размаривать, ко сну позывать; а когда онъ увелъ меня къ себѣ водочки выпить, да по двѣ-то мы дернули, онъ и спрашиваетъ:

— Ужъ намъ еще по одной не пропустить ли?

— Не мѣшаетъ, отвѣчаю я.

Налилъ; выпили; грыземъ рѣдьку.

— А хорошо бы, Николай Ивановичъ, говорю я, еще бы по одной? А то какъ будто бы ни то, ни се.

— Можно.

Выпили.

— Ну, теперь пойдемте кончать, говоритъ онъ...

— И... и... кончать! Надъ нами не каплетъ! И завтра кончимъ... „Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжитъ"... Вдругъ заговорила рыбка человѣческимъ голосомъ.

— И то правда. Покойной ночи! соглашается онъ.

Вотъ только этимъ и отдѣлывался отъ него; а то онъ радъ сидѣть въ канцеляріи всю ночь, была бы водка, да человѣкъ, съ кѣмъ можно болты болтать, а ужъ въ зубахъ-то онъ самъ ковырять будетъ.

Скрутилъ онъ не одного меня; всѣмъ тяжеленько дышалось. Класснымъ наставникамъ вмѣнилъ въ обязанность, напримѣръ, посѣщать не только учениковъ, живущихъ на частныхъ квартирахъ, но и не проходить мимо учениковъ, жившихъ у родителей, если, конечно, въ этомъ имѣлась надобность. Да не такъ посѣщать, какъ гоголевскія крысы... „пришелъ, понюхалъ и пошелъ прочь", нѣтъ, ты посмотри, чѣмъ занятъ ученикъ, помоги ему въ чемъ нужно. Это, милый, не прогулка тебѣ для моціона, полировка крови, а службы, обязанность; ты за это 13 р. 06 коп. въ мѣсяцъ получаешь. Не шути!...

А общую ученическую квартиру, содержимую земствомъ, каждый классный наставникъ посѣщалъ раза по два въ недѣлю.

Объ этой квартирѣ у меня въ памяти сохранился любопытный случай, которому я готовъ посвятить особую главу подъ названіемъ

XXXVI.

Война алой и бѣлой розы.

Этотъ эпизодикъ мнѣ захотѣлось особенно выдѣлить, такъ какъ онъ затрагиваетъ весьма интересный вопросъ.

Я, кажется, уже говорилъ, что прогимназія содержалась на совмѣстныя средства казны, города и земства. Само собою разумѣется, что счастье пользоваться этимъ учебнымъ заведеніемъ выпало болѣе на долю горожанъ, а не жителей уѣзда.

Земство это очень скоро сообразило и рѣшило придти на помощь главному плательщику земскихъ сборовъ—мужичку. Оно отпустило еще тысячу рублей на содержаніе общей ученической квартиры для дѣтей крестьянъ и обѣднѣвшихъ дворянъ, обучавшихся въ прогимназіи и частью въ уѣздномъ училищѣ.

Мѣра справедливая, разумная, симпатичная, либеральная и все, что будетъ вамъ угодно.

Завѣдываніе хозяйственною частью квартиры было возложено на одного изъ членовъ земской управы. Надо сказать, что этотъ членъ былъ изъ мѣстныхъ купцовъ. Избраніе его стало поперекъ горла нѣкоторымъ земцамъ, которые сами щерили зубы на сладкій кусокъ земскаго пирога. Понятно, что дѣятельность этого члена очутилась подъ усиленнымъ надзоромъ земской партіи ощеренныхъ зубовъ; а ужъ тамъ, гдѣ дѣло касается собственныхъ проторей и убытковъ, тамъ интересы общественные какъ-то сами собой отодвигаются на почтительное разстояніе.

Мужиковатъ былъ этотъ членъ, грубъ, мало образованъ, но дѣйствовалъ онъ, нельзя не признать, разумно. Съ нѣкоторымъ пересоломъ, по-старинному, какъ его самого воспитывали, но вдумчиво относился къ общественнымъ деньгамъ, зря на вѣтеръ ихъ не бросалъ.

Онъ обиралъ изъ всѣхъ сельскихъ училищъ выдающихся учениковъ и доставлялъ въ гимназію на экзаменъ. Большинство изъ нихъ были украшеніемъ гимназіи во всѣхъ отношеніяхъ.

Какъ же онъ дѣйствовалъ?

Энергично, что и говорить! Но такая энергія, неодобряемая нашими законами, довела его до положенія крайне непріятнаго.

Учебное заведеніе очень было довольно земскими питомцами. Учились они въ большинствѣ очень хорошо, вели себя безукоризненно какъ дома, такъ и въ школѣ. Обязательное еженедѣльное посѣщеніе квартиры педагогическимъ персоналомъ всегда и все заставало въ порядкѣ; никакихъ нареканій не было, недовольства квартирой никто не выражалъ.

Такъ тянулось дѣло годъ, два...

На третій годъ (передъ новыми выборами) стали циркулировать по городу слухи, что завѣдующій ученической квартирой членъ земской управы истязуетъ учениковъ.

По субботамъ онъ устраиваетъ имъ генеральную ревизію: просматриваетъ полученныя учениками за недѣлю отмѣтки, просматриваетъ записи въ кондуитѣ и воздаетъ коемуждо по дѣламъ его—по слову священнаго писанія „сіи идутъ въ царство небесное, а сіи во огнь вѣчный, уготованный діаволомъ и аггелами его".

По субботамъ же топилась имѣвшаяся при квартирѣ и баня—все для учениковъ. Въ этой банѣ происходили такія сценки: къ моющимся въ ней дѣткамъ входитъ купецъ-земецъ и начинаетъ родительское внушеніе:

„Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ при томъ благословляй".

Все было готово къ услугамъ земскаго дѣятеля: и дѣтки въ райскомъ костюмѣ Адама до грѣхопаденія, и распаренныя лозы—вѣниковъ, и сторожъ на все готовый по первому мановенію руки названнаго родителя...

Все бы это ничего, но вотъ бѣда: членъ управы обладалъ очень большимъ носомъ, который постоянно требовалъ нюхательнаго табаку. Наслаждался членъ и экзекуціей, и въ то же время неустанно нюхалъ табакъ.

Сыпался ли этотъ табакъ на подвергающагося наказанію ученика, я не знаю, но ощеренные на земскій пирогъ зубы усмотрѣли въ этомъ истязаніе; во-время произвели врачебный осмотръ, составили протоколъ, препроводили его на благоусмотрѣніе прокурорскаго надзора и

„Подвели и упекли".

Возбуждается дѣло. Судъ. Наемникъ-аблакатъ распинался на всѣ корки; не столько оправдывалъ подсудимаго, сколько занимался бросаніемъ камней въ огородъ противниковъ.

Чѣмъ кончилось дѣло, я не помню. Кажется, пустяками. Но цѣль достигнута,—мѣсто около пирога освободилось...

— Пожалуйте, садитесь!

Перейдемъ теперь къ его преемнику.

На мѣсто дикаго изувѣра-купца былъ выбранъ наблюдателемъ, или хозяиномъ квартиры, интеллигентный, образованный помѣщикъ. Я былъ съ нимъ хорошо знакомъ, такъ какъ оба сына его у меня учились.

На упомянутой ученической земской квартирѣ жилъ сынъ крестьянина Е. Онъ перешелъ въ IV классъ и на будущій годъ долженъ былъ окончить курсъ. Учился онъ превосходно, на круглыхъ, вполнѣ заслуженныхъ пяткахъ всѣ три года и при томъ по всѣмъ предметамъ. Когда въ маѣ мѣсяцѣ онъ перешелъ въ IV классъ, я какъ-то и спрашиваю его:

— Нѣтъ ли у тебя брата?

— Есть,—отвѣчаетъ Е.

— А сколько ему лѣтъ?

— 11.

— Учится?

— Кончаетъ сельскую школу.

— И хорошо учится?

— Очень хорошо.

Жилось намъ въ то время порядочно; дѣтей было только одна дочка и то маленькая. И пришла мнѣ въ голову блажная мысль: взять младшаго брата Е., Кузьму, къ себѣ жить, и будетъ онъ учиться у меня въ приготовительномъ классѣ. Вѣдь не объѣстъ онъ меня и не стѣснитъ, такъ какъ квартира была довольно помѣстительная. А на будущій годъ я его устрою на земскую квартиру на мѣсто брата. Можетъ, изъ него и толкъ выйдетъ?

Переговорилъ объ этомъ съ земцемъ-помѣщикомъ, и онъ далъ мнѣ слово взять на квартиру младшаго брата, когда окончитъ курсъ старшій.

Вотъ и отлично; значитъ, все шло по-хорошему.

Иду домой и передаю женѣ мою геніальную мысль.

Хоть она мнѣ и ничего на это не отвѣтила, но я замѣтилъ, что ей это было не особенно пріятно. Но дѣло устроилось такъ, какъ я предполагалъ: мальчикъ прекрасно выдержалъ экзаменъ въ приготовительный классъ и поселился жить у меня.

Преспособный оказался мальчишка! Шелъ изъ первыхъ первымъ. Внизу моей квартиры была кухня, а рядомъ съ ней двѣ комнаты: одна служила столовой, а другую я отдалъ Кузьмѣ.

Маленькая дочка моя и гуляла съ нимъ, и играла, и въ саду, и на дворѣ, и дома. Разъ какъ-то жена и говоритъ мнѣ, что то у Сони стали пропадать игрушки, то у нея стали исчезать деньги. Подозрѣнія невольно падали на Кузьму. Кромѣ него некому было. Жена мнѣ говоритъ объ этомъ, а я, грѣшный человѣкъ, подумалъ въ то время, что это „придворная интрига“, наговоръ, такъ какъ попалъ къ намъ Кузьма противъ ея желанія.

Главное дѣло, что мнѣ вѣрить-то этому не хотѣлось: ужъ очень хорошій былъ ученикъ мой Кузьма!

Заслушаешься, бывало, когда онъ начинаетъ отвѣчать въ классѣ: плавно, увѣренно, послѣдовательно!

А дома уроками онъ почти и не занимался, развѣ исполнитъ какую-нибудь данную письменную работу.

Прошелъ годъ. Экзамены Кузьма сдалъ великолѣпно и переведенъ въ первый классъ съ наградой первой степени, а старшій братъ окончилъ курсъ такимъ же молодцомъ.

Я иду къ земцу-помѣщику и напоминаю ему его обѣщаніе. Онъ далъ слово, и Кузьма съ августа долженъ переселиться на земскую квартиру.

Прошло лѣто; въ августѣ привезли Кузьму и прямо на новое пепелище.

Въ октябрѣ, или ноябрѣ земецъ-помѣщикъ, какъ-то встрѣтясь со мной, говоритъ мнѣ:

— А что, Сергѣй Григорьевичъ, никакихъ художествъ вы не замѣчали за Кузьмой Е., когда онъ жилъ у васъ?

— Нѣтъ... никакихъ... А что?—насторожился я.

— Да жалобы на него—на руку нечистъ. Какъ поступилъ онъ на квартиру, стало многое пропадать, даже изъ запертыхъ сундуковъ.

Я хоть и вспомнилъ тутъ, что говорила мнѣ жена о Кузьмѣ, и все-таки отвѣтилъ, что у меня съ нимъ такихъ казусовъ не случалось.

Земецъ недоумѣнно пожалъ плечами, и на томъ разговоръ нашъ оборвался.

А я рѣшилъ поговорить съ Кузьмою откровенно, что называется по душамъ, ощупать его со всѣхъ сторонъ... Если возможно предупредить его.

На другой, на третій день, во время перемѣны я улучилъ удобную минуту, обнялъ Кузьму одною рукою за плечо, прижалъ его къ себѣ и сталъ ходить съ нимъ по залу взадъ и впередъ. Издали завелъ съ нимъ разговоръ, что вотъ, дескать,

я слышалъ, что на земской квартирѣ стали пропадать разныя вещи; что среди нихъ появился мальчикъ, который на руку нечистъ; читалъ ему, насколько это нехорошо, какъ это и стыдно, и опасно, какъ скверно можетъ кончиться для этого несчастнаго мальчика эта гадкая исторія.

Вижу, мальчикъ покраснѣлъ, опустилъ глазки долу. Вижу, у моего Кузьмы выступили на глазахъ слезы... Мальчикъ божится, что онъ въ этомъ не виноватъ...

Вотъ и рѣшай тутъ вопросъ: воръ передъ тобой, или не воръ?

Покраснѣть и заплакать можно и отъ боязни наказанія, но можно и отъ неосновательнаго подозрѣнія.

Я, по крайней мѣрѣ, не рѣшился бы сказать: да, виновенъ онъ! Но я не находилъ въ себѣ убѣжденія сказать и: „нѣтъ, не виновенъ“.

Наблюдая за нимъ во время нашего разговора, я чувствовалъ, какая трагедія разыгрывалась въ его дѣтской душѣ!

А на квартирѣ ужъ заботливо строили для него капканъ; за нимъ наблюдали десятки глазъ...

И поймали таки на мѣстѣ преступленія!..

Съ поличнымъ...

Собирайся, Кузьма, опять въ деревню. Будешь деревенскимъ кулакомъ, міроѣдомъ; можетъ быть по своему уму и образованію попадешь въ волостные писаря.

Будешь сосать кровь своей братіи!

Тебѣ не мудрено—ты знаешь, у кого что есть!

Ты знаешь всю деревенскую подноготную...

Ты маху не дашь...

Охулки на руку не положишь...

Грабь!..

Какъ бы поступилъ въ этомъ случаѣ истязатель-купецъ, я не знаю. Отъ выводовъ воздерживаюсь. Предоставляю охотно это сдѣлать кому и какъ угодно. Я свое дѣло сдѣлалъ: разсказалъ факты и становлюсь въ сторонку...

Жаль только мнѣ тебя, Кузьма! Можетъ быть, изъ тебя вышелъ бы замѣчательный человѣкъ, если бы не „грѣхъ юности твоея и невѣрѣнія твоего“.

Гдѣ ты, Кузьма? Что съ тобой? Откликнись... Тебя зоветъ твой старый учитель, стоя на краю могилы...

Я хотѣлъ на этомъ мѣстѣ поставить точку...

Но воспоминанія о тебѣ, Кузьма, навели меня на размышленія... Тяжелыя размышленія!..

За эти размышленія, я знаю, мнѣ достанется...

Ну, что жъ... пусть достанется...

Я все-таки отдамъ ихъ на судъ общественный...

Можетъ быть, они заставятъ кого-нибудь и подумать...

Тебя, Кузьма, такъ легко было вышибить изъ колеи интеллигентному земцу; съ легкимъ сердцемъ онъ выбросилъ ребенка на улицу... съ клеймомъ вора и, можетъ быть, на всю жизнь...

Пальца онъ своего не протянулъ, чтобы спасти человѣка...

Но, за то, все обошлось по-хорошему: тихо, смирно, благородно и вполнѣ законно.

Порокъ наказанъ... Добродѣтель торжествуетъ... Да чего же вамъ еще надо?

Неужели порки? Истязаній? нюхательнаго табачку?

А святая гуманность?!

Ну... я не знаю...

Неужели это называется гуманностью?

Гуманность—если съ улыбкою на устахъ, деликатнѣйшимъ образомъ объяснять: „согласитесь, господинъ Ер. (О! непремѣнно—господинъ!), что человѣка, занимающагося такими предосудительными дѣлами, какъ присвоеніе чужой собственности, мы не можемъ держать на общей квартирѣ! Это пагубный примѣръ для другихъ! Это зло (вы сами понимаете) не можетъ быть терпимо!.. Мы вамъ дурного не желаемъ... Мы видимъ въ васъ человѣка, заблудшагося, это правда, но... человѣка! Отправляйтесь въ свое Неѣлово-Горѣлово, и Богъ съ вами! Впередъ будьте умнѣе!

Воруйте, сколько хотите, но не попадайтесь.

Вотъ вамъ правило, которое приведетъ васъ и къ богатству, и къ почестямъ, и къ славѣ, и къ почетному гражданству...

А попадетесь...

Ну, тогда пеняйте на себя!..

Впрочемъ, валяй, Кузька! Не бойся! Все это одни страшныя слова! Помни одно: „были бъ денежки въ карманѣ, остальное пустяки“!

Съ денежками, братъ, адвокатъ вызволитъ изъ неволи, лобъ расшибетъ, а ужъ выведетъ тебя на широкую дорогу... Что тамъ разговаривать! Богъ... совѣсть... все это пустая пустыхъ! До Бога высоко, до Сибири далеко!..

Жарь, не стѣсняйся!

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія воспитанницы Патріотическаго института дореформеннаго времени.

Только-что прочла интересный и талантливо составленный очеркъ госпожи Водовозовой: „Дореформенный институтъ и преобразованія К. Д. Ушинскаго“ [1]), и невольно мысль моя перенеслась въ то далекое прошлое и въ памяти возстали давно забытые образы. Во имя этихъ послѣднихъ, хочу сказать нѣсколько словъ о Патріотическомъ институтѣ, въ которомъ я пробыла съ 1852 по 1858 годъ,—какъ разъ время, описанное г-жей Водовозовой.

Картины, изображенныя въ очеркѣ, такъ жизненно правдивы, такъ вѣрно рисуютъ дѣйствительность того времени, что почти все сказавное о Смольномъ можно повторить и о Патріотическомъ институтѣ. Но останавливаясь на описаніи взаимныхъ отношеній воспитательницъ къ воспитанницамъ и послѣднихъ другъ къ другу, на вліяніи института, на памяти, оставленной имъ послѣ многолѣтняго въ немъ пребыванія, я не могу не сказать: мы, патріотки, были счастливѣй смолянокъ, у насъ все было проще, сердечнѣй, а потому жилось намъ легче. Лично я съ теплымъ чувствомъ вспоминаю о времени, проведенномъ въ институтѣ, и о всѣхъ лицахъ, съ которыми пришлось соприкасаться въ продолженіе шести лѣтъ.

Вѣроятно, благодаря тому, что институтъ нашъ былъ не большой, начальницы его могли удѣлять болѣе времени, какъ на надзоръ за порядкомъ въ немъ, такъ и на болѣе близкое знакомство съ воспитанницами. Къ тому же традиціи института не требовали отъ нихъ чрезмѣрной важности, вотъ почему

[1]) „Русское Богатство“ 1908 г. №№ 7, 8, 9, 10, 11.

онѣ всѣ были доступны. А личныя свойства: сердечная доброта и мягкость характера давали тонъ всему институту.

Какъ просто и сердечно относились начальницы къ воспитанницамъ института, видно изъ разсказа г-жи Яковлевой [1]) о Л. Ѳ. Вистингаузенъ, бывшей 30 лѣтъ начальницею Патріотическаго института (съ 1818 по 1847 г.). Опытная воспитательница, женщина рѣдкой души, она не жалѣла себя въ своихъ заботахъ о ввѣренныхъ ей воспитанницахъ. Она была съ ними безпрестанно въ дортуарахъ и классахъ, и за столомъ. Однажды Государь Николай Павловичъ, неожиданно посѣтивъ институтъ въ обѣденное время, засталъ Луизу Ѳедоровну, обѣдающую съ дѣтьми. Это очень понравилось Государю и онъ, вернувшись во дворецъ, сообщилъ о томъ императрицѣ. Луиза Ѳедоровна знала лично каждую воспитанницу, слѣдила за всѣми и всѣмъ. Блѣдное личико, скучное или грустное выраженіе лица останавливали на себѣ ея вниманіе и вызывали желаніе узнать, въ чемъ дѣло, чтобы помочь. При трудно больныхъ она проводила ночи, ухаживая за ними, какъ за собственными любимыми дѣтьми. Никакія родства и связи не имѣли вліянія на ея отношенія къ дѣтямъ.

Въ Смольномъ другое было дѣло. Не говоря о г-жѣ Леонтьевой, поставившей себя въ исключительное положенія, но и послѣдующія начальницы продолжали держать себя съ высокомѣрною неприступностію и считались въ институтѣ какими-то недосягаемыми божествами. Нужно думать, что благодаря этому и нѣкоторые порядки, описанные г-жей Водовозовой, продолжали еще долго царствовать въ Смольномъ.

Говорю это по личному опыту.

Въ 1880 году, желая дополнить образованіе дочери моей, я рѣшила помѣстить ее въ одинъ изъ Петербургскихъ институтовъ. Къ сожалѣнію, по нѣкоторымъ, независѣвшимъ отъ меня, обстоятельствамъ выборъ мой остановился на Николаевской половинѣ Смольнаго. 13-лѣтняя, хорошо приготовленная дѣвочка была принята въ 3-й классъ, гдѣ большинство подругъ ея были 15—17 лѣтъ.

Тихая, застѣнчивая, впечатлительная и нервная, она терялась при каждомъ окрикѣ. А съ поступленія въ институтъ, она ничего, кромѣ крика, брани, толчковъ не слыхала и не видѣла. Никто не сказалъ ей добраго слова, никто же не принялъ участія, никто не помогъ ей. Всѣ, на себѣ испытавшія, знаютъ,

---

[1]) „Русская Старина“ 1871 г. Томъ III, стр. 385.

какое тяжелое время переживаютъ вновь поступающія, особенно если онѣ попадаютъ въ классъ, прошедшій уже нѣсколько лѣтъ институтской жизни. Ежедневные крики, брань, издѣвательства надъ новенькой, въ родѣ обливанія холодной водой, когда она засыпала; одно: „пошла прочь", когда больная отъ непривычнаго свѣта глазами, съ расширенными отъ атропина зрачками, она умоляла по очереди всѣхъ воспитанницъ разрѣшить ей послушать, какъ онѣ приготовляютъ урокъ, иначе ее ожидаетъ наказаніе за незнаніе его; крики классной дамы за все и про все, когда, отвѣчая урокъ французской литературы, дѣвочка, прекрасно зная языкъ, осмѣливалась замѣнить одно слово другимъ, а требовалось отвѣчать „въ зубряшку", т. е. слово въ слово [1]); крики инспектриссы, чуть не каждый день отчитывавшей классъ и т. д.—все это не могло не подѣйствовать на дѣвочку. Она не выдержала, и я черезъ три мѣсяца вынуждена была взять ее совсѣмъ изъ института по совѣту профессора Мержеевскаго, предупредившаго меня, что дѣвочку ожидаетъ столбнякъ, если я ее не возьму немедленно.

И долго потомъ я ничѣмъ не могла вызвать улыбки на ея лицѣ. Когда же въ разговорѣ съ инспектрисою (до начальницы меня не допустили) я высказала ей, что сама воспитанница института, о которомъ вспоминаю съ удовольствіемъ и благодарностію, я, менѣе чѣмъ кто-либо, могла ожидать такое безсердечное отношеніе, такую грубость и такіе безпорядки, то въ извиненіе получила въ отвѣтъ: дѣйствительно, классъ невозможный, онъ за 4 года выжилъ семь нѣмецкихъ классныхъ дамъ.

Время конечно беретъ свое, все, описанное г-жей Водовозовой и упомянутое мною, нужно думать, отошло въ область преданій. Теперь, какъ я слышала, въ Смольномъ другіе порядки, и одна изъ моихъ внучекъ, недавно вышедшая изъ него, добромъ поминаетъ и крѣпко стоитъ за свой институтъ.

Но вернусь къ Патріотическому институту. Я въ немъ, была при двухъ начальницахъ: Зассъ и Безобразовой и обѣ были такъ ласковы съ нами, что мы безбоязненно обращались къ нимъ съ нашими маленькими горестями, что было со мною не однажды.

Характера я была очень живого и хотя имѣла прекрасные баллы не только за ученіе, но и за поведеніе, тѣмъ не менѣе

[1]) За старостію учителя французскаго языка, рѣшено было дать ему дослужить до пенсіи, но преподаваніе литературы было возложено на классную даму.

очень часто попадалась въ разныхъ погрѣшностяхъ. Такъ однажды священникъ на урокѣ Закона Божія совѣтовалъ намъ: „если кто обидитъ тебя и явится желаніе отвѣтить на обиду какимъ-нибудь рѣзкимъ словомъ, то возьми въ ротъ воды и держи ее, пока не успокоишься". Вслѣдъ за урокомъ насъ повели въ рукодѣльный классъ, которымъ завѣдывала не симпатичная нѣмка Беккеръ. Говорила она съ какимъ-то акцентомъ, и ея грубый, трескучій голосъ дѣлалъ ея непрерывную воркотню особенно непріятною. На этотъ разъ не угодила ей работою я, и когда она стала грубо выговаривать мнѣ, то я, чтобы смолчать, сдѣлала видъ, что беру воду въ ротъ, а за тѣмъ на всѣ ея причитанія только махала головой и указывала на ротъ. Конечно, это вызвало смѣхъ подругъ, что окончательно взбѣсило Беккеръ, и она поспѣшила къ классной дамѣ съ жалобой на меня. И какъ я ни старалась увѣрить послѣднюю, что всему виною батюшка со своимъ совѣтомъ, тѣмъ не менѣе за мой haut-fait приходилось платиться пріемомъ, то есть въ первый пріемный день я лишалась свиданія съ родными, кто бы ни пріѣхалъ навѣстить меня. День былъ субботній, и такое наказаніе, всегда непріятное и конфузное, было мнѣ тѣмъ больнѣй, что на завтра, воскресеніе, я ожидала пріѣзда родителей, рѣдко посѣщавшихъ Петербургъ. Долго не думая, я въ первую свободную минуту отправилась къ maman и повѣдала ей и мое преступленіе, и раскаяніе, и горе, и получила отпущеніе грѣха своего. И мое обращеніе къ ней не вызвало осужденія ни со стороны подругъ, ни классной дамы, такъ оно считалось обыденнымъ дѣломъ. Вообще у насъ не существовало непріязни къ хорошимъ воспитанницамъ, Не было у насъ и „отчаянныхъ".

Поступила я въ институтъ мѣсяца за два до выпуска и попала въ классъ, три года проведшій въ институтѣ [1]). Естественно было ожидать цѣлый рядъ экспериментовъ надъ „новенькою", но классъ принялъ меня самымъ симпатичнымъ образомъ. Правда, вышучивали меня иногда, задавая напримѣръ вопросъ: „ѣла ли я физику съ молокомъ?"—вопросъ, на которомъ часто попадались новенькія, желавшія показать, что дома онѣ пользовались всѣми, безъ исключенія, деликатессами. Но всѣ шутки были такъ добродушны, что я съ удовольствіемъ

[1]) Въ то время всѣ воспитанницы дѣлились на 2 класса съ трехъгодичнымъ курсомъ въ каждомъ. Каждый же классъ дѣлился на три отдѣленія. Каждое отдѣленіе имѣло свой дортуаръ и по двѣ классныхъ дамы, дежурившихъ по очереди черезъ день.

поддавалась имъ. А когда въ числѣ фамилій воспитанницъ класса я услышала знакомыя мнѣ по Курску, какъ то Глѣбовой, Хелмской, Анненковой, Львовой, то скоро установились добрыя отношенія, которыя продолжались и когда этотъ классъ перешелъ въ старшій.

Классными дамами того отдѣленія, куда я временно попала, были: m-me Липранди и m-elle Розенъ. Послѣдней я обязана первымъ большимъ удовольствіемъ, испытаннымъ въ институтѣ.

Какъ-то вечеромъ, сидя въ рекреаціонномъ голубомъ залѣ, слѣдила я за играми подругъ. Вдругъ стремительно входитъ Розенъ, беретъ меня за руку и, ни слова не говоря, такъ же стремительно ведетъ меня съ собой. Не успѣла я оглянуться, какъ очутилась въ бѣломъ залѣ на колѣняхъ среди выпускныхъ, репетировавшихъ къ акту балетъ „pas de châles. Оказалось, что кромѣ 8—10 воспитанницъ младшаго класса, уже принимавшихъ участіе въ этомъ балетѣ, нужна еще одна маленькая дѣвочка, чтобы держать конецъ голубой шали, долженствовавшей изображать „А"—вензель Государыни—вотъ Розенъ и вспомнила меня. Много пріятныхъ минутъ доставило мнѣ это, особенно же счастлива я была, когда стало извѣстнымъ, что актъ будетъ во дворцѣ въ виду легкаго нездоровія Императрицы. Быть во дворцѣ, видѣть Царскую семью, любоваться всѣми чудесами, которыя моя дѣтская фантазія облекала въ волшебные образы, казалось маленькой провинціалкѣ недосягаемымъ блаженствомъ.

Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидала я это радостное событіе. Уже съ утра въ день акта весь институтъ былъ въ волненіи. Наконецъ насталъ моментъ—всѣ готовы, юныя личики такъ веселы, бѣлыя воздушныя платья такъ нарядны. Придворныя кареты доставили насъ во дворецъ. Актъ начался какъ всегда музыкою, затѣмъ шло пѣніе, характерные танцы съ pas de châles въ концѣ. По окончаніи этого послѣдняго Государыня Александра Өеодоровна подошла къ намъ и со словами: „ты не заснула, крошка" подала руку маленькой Березовской (круглой сиротѣ, привезенной 6-ти лѣтъ въ институтъ), сидѣвшей въ серединѣ вензеля, со сложенными рученками. Затѣмъ начался балъ.

Государыня удалилась во внутренніе покои, предоставивъ молодежи веселиться безъ стѣсненія. Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ и всѣ великіе князья танцовали съ выпускными, мы же маленькія сгруппировались въ концѣ зала, любуясь танцами.

Вдругъ подходитъ къ намъ Государь Николай Павловичъ со словами: „не скучно вамъ, дѣтки? Нравится вамъ у меня? Хотите видѣть всю мою хатку?“ На наше повторенное: „да, да, Ваше Величество“ Государь повелъ насъ по всѣмъ заламъ дворца, зимнему саду, и наконецъ мы пришли въ комнату, вѣроятно кабинетъ Государыни, гдѣ она сидѣла на креслѣ возлѣ стола. Государь быстро подошелъ къ ней и, ставъ на колѣни, поцѣловалъ ея руку, а свои обѣ заложилъ за спину. Этимъ примѣромъ воспользовались мы, ставъ кругомъ Государя на колѣни, старались цѣловать его руки, но Онъ отбивался, говоря: „не кусаться, дѣти! не кусаться!“

По возвращеніи въ залъ насъ напоили чаемъ, одѣлили сладостями, которыя разрѣшено было взять съ собой.

Объ этой поѣздкѣ долго вспоминали, много было разсказовъ о тѣхъ и другихъ подробностяхъ. Такъ между прочимъ разсказывали о комическомъ инцидентѣ съ одной изъ выпускныхъ, такъ волновавшейся, что забыла снять большія калоши, въ которыхъ и танцевала весь вечеръ.

Наступилъ выпускъ, мои временныя подруги перешли въ старшій классъ, а я попала въ 1-ое отдѣленіе младшаго, классными дамами котораго были Гагенъ и Бюсси-де-Рабютенъ. Первая простенькая и не могу сказать, чтобы очень развитая, но добрая, незлобливая, старалась по силѣ умѣнья помогать воспитанницамъ и своимъ мягкимъ обращеніемъ если не заслужила горячей любви всѣхъ, но и не возбуждала непріязни. Что же касается Бюсси-де-Рабютенъ, то это была выдающаяся личность. Хорошей фамиліи, прекрасно образованная, всегда спокойная и ровная въ обращеніи, религіозная безъ ханжества, въ высшей степени выдержанная, она имѣла громадное, благотворное вліяніе на воспитанницъ. Внимательно слѣдя за классомъ, она вела его твердою рукою и въ концѣ концовъ вполнѣ овладѣла имъ. Ея слово неодобренія имѣло гораздо болѣе значенія, чѣмъ десять наказаній. Огорчить ее считалось преступленіемъ, и классъ берегъ ее. Конечно, случались и шалости и недоразумѣнія между дѣтьми, но она умѣла дать всему вѣрную оцѣнку и своимъ вліяніемъ облагородить понятія дѣтей и взаимныя ихъ отношенія.

Въ рекреаціонное и свободное отъ занятій время лучшимъ нашимъ удовольствіемъ была бесѣда съ нею. Она умѣла и заинтересовать разсказомъ, и остро пошутить, и незамѣтно навести на добрую мысль и преподать урокъ нравственности. Врагъ шпіонства, наушничества и всякихъ низменныхъ побуж-

деній, она умѣла и намъ внушить это. Трудно повѣрить, но за 4—5 лѣтъ ея пребыванія въ классѣ ни одна воспитанница не была ею наказана. Классъ гордился этимъ и считалъ бы себя обезчещеннымъ, если бы кто заслужилъ наказаніе. Всегда при болѣе крупныхъ проступкахъ (какъ напримѣръ помню разъ при потерѣ изъ кармана одной изъ воспитанницъ куска сладкаго пирога, поданнаго за обѣдомъ) весь классъ чуть не со слезами умолялъ не наказывать виновной.

Много съ дѣтства испытавшая въ жизни, m-lle Бюсси (она была дочь эмигрантовъ, все потерявшихъ во время революціи) не придавала значенія ни знатности, ни богатству, тому же учила насъ.

Къ большому нашему горю m-lle Бюсси не довела классъ до выпуска. Застарѣлая, многолѣтняя болѣзнь вдругъ обострилась, и ей пришлось покинуть институтъ. Но добрыя сѣмена, посѣянныя ею, дали такіе крѣпкіе ростки, которыхъ никакія дальнѣйшія превратности не могли уничтожить. Классъ продолжалъ жить дружно безъ всякихъ раздѣленій на богатыхъ и бѣдныхъ, и отчаянныхъ и самъ уже слѣдилъ и наказывалъ за всякій недостойный поступокъ.

Я не называю и ничего не говорю о дамахъ другихъ отдѣленій и классовъ, потому что менѣе знала ихъ; но и между ними были достойныя личности. Однѣ пользовались большею симпатіею, другія меньшею; были и такія, которыхъ не любили, но не было между ними ни одной „Тюфяевой" (типъ, описанный г-жей Водовозовой).

Всѣ классныя дамы безъ исключенія заботились о ввѣренныхъ имъ воспитанницахъ, старались выдвинуть ихъ, обижались при случаѣ за своихъ и принимали къ сердцу интересы класса.

Для облегченія менѣе способнымъ во всѣхъ отдѣленіяхъ младшаго класса, выбирались лучшія по успѣхамъ и способностямъ дѣвочки и имъ поручали по 2—3 ученицы, за успѣхами которыхъ онѣ обязаны были слѣдить.

Часто—также классныя дамы обращались къ воспитанницамъ старшаго класса, прося ихъ въ каникулярное время подвинуть хорошихъ ученицъ, которымъ по чему-либо не давался тотъ или другой предметъ. Такъ одно лѣто я занималась математикой съ нѣсколькими ученицами 2-го отдѣленія младшаго класса.

Очень многія классныя дамы лѣтомъ помогали дѣтямъ составлять подвижныя игры. Вообще не только лѣтомъ, но и

всегда во внѣклассное время не запрещались и не преслѣдовались ни игры, ни шумъ, ни танцы, ни бѣготня.

И нужно признаться, что мы пользовались ими съ наслажденіемъ. Пробѣгаться хорошо, послѣ многихъ часовъ сидѣнія на мѣстѣ—какое удовольствіе!

Въ моемъ отдѣленіи, когда мы уже были въ старшемъ классѣ, образовалось нѣчто въ родѣ кружка любительницъ подвижныхъ игръ, къ которому конечно принадлежала и я. Классы наши помѣщались въ среднемъ этажѣ институтскаго зданія, въ верхнемъ же были дортуары [1]), и вотъ любительницы игръ въ праздники, а иногда въ будни, когда уроковъ для приготовленія было меньше, оправлялись въ свой дортуаръ и тамъ по дортуару и прилегающему коридору безустанно бѣгали и играли, пока звонокъ не напоминалъ объ ужинѣ. Розовыя, довольныя спѣшили мы въ классъ.

И такъ бы долго продолжалось, если бы не несчастный случай. Однажды, заснувъ блаженнымъ сномъ, послѣ такого пріятнаго времяпрепровожденія, я и моя сосѣдка были разбужены одною изъ участницъ игръ (кажется по фамиліи Булгаковой), сказавшей, что она не знаетъ, почему у нея кровь идетъ горломъ. Мы по неопытности не придали этому должнаго значенія и только утромъ заявили о томъ классной дамѣ, которая сейчасъ же отправила больную въ лазаретъ. Мѣсяцъ проболѣла бѣдная дѣвушка и такъ серіозно, что, несмотря на наши усиленныя просьбы, насъ ни разу къ ней не допустили, и мы увидѣли ее только... на столѣ.

Тутъ кстати скажу, что нашъ институтъ эпидемическія болѣзни рѣдко посѣщали и смертность была очень небольшая. За шесть лѣтъ пребыванія моего въ институтѣ, я кромѣ Булгаковой, помню только еще о смерти Барышевой (выпуска 1855 г.). Это была красивая, стройная, граціозная дѣвушка, отлично училась, прекрасно танцевала. Вдругъ за годъ до выпуска у нея стали болѣть глаза очень сильно, потомъ заболѣли ноги, и она съ трудомъ ходила. Разъ даже упала съ лѣстницы, но не соглашалась идти въ лазаретъ, боясь отстать въ занятіяхъ, пока наконецъ болѣзнь не сломила ее. Что у нея было, не знаю, но разъ попавъ въ лазаретъ, она изъ него не вышла. Особенно тяжело ей стало, когда наступилъ выпускъ, всѣ по-

[1]) Въ дортуарахъ мы бывали только во время сна, рекреаціонные же часы проводили въ залахъ, а уроки готовили въ классахъ, въ нихъ же проводили всѣ праздники.

други разъѣхались и она осталась одна. Только я съ нѣсколькими пріятельницами навѣщала бѣдную больную. Родные Барышевой жили гдѣ-то на югѣ, и, за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ, не могли пріѣхать къ ней. Институтское начальство сдѣлало для нее все, что было возможно, и очень баловало ее. Отдѣльная комнатка ея казалась такой свѣтленькой, столъ заставленъ былъ всякими лакомствами, всѣ желанія ея исполнялись, но ничто спасти бѣдняжку не могло.

Вообще уходъ за больными въ институтѣ былъ прекрасный. И докторъ и лазаретная дама были добры, ласковы, начальница часто навѣщала лазаретъ. Мнѣ все это пришлось испытать на себѣ много разъ, такъ какъ я часто болѣла, а послѣдніе годы каждую весну проводила приблизительно по 6-ти недѣль въ лазаретѣ.

Мои родители даже одно время хотѣли взять меня совсѣмъ изъ института, но я со слезами умоляла оставить меня, говоря, что мнѣ такъ хорошо живется.

Говорятъ, что институтки много сами вредили своему здоровію, считая, что блѣдность и эѳирность необходимыя качества молодой дѣвушки, а потому ѣли мѣлъ, грифель и т. д. Можетъ быть такъ было раньше, но въ мое время эти дикія понятія уже не существовали.

Мы, правда, любили покупать, но все болѣе существенное и питательное. Мысленно возвращаясь къ прошлому, я задаю себѣ вопросъ: дѣйствительно ли насъ плохо кормили? И мнѣ кажется, что не такъ качествомъ страдалъ нашъ столъ, какъ малымъ количествомъ выдаваемаго, что наблюдается и теперь въ институтахъ. Голодомъ, какъ и холодомъ, мы не страдали, какъ смолянки, но здоровые, молодые организмы требовали лучшаго питанія, и нѣтъ ничего удивительнаго, что каждый лишній, перепадавшій намъ кусочекъ доставлялъ большее удовольствіе. Съ какимъ наслажденіемъ нѣкоторыя, придя въ дортуаръ послѣ ужина, находили у себя подъ подушкой огромные ломти чернаго хлѣба, которыми добрыя феи, въ лицѣ дортуарной прислуги, одѣляли счастливицъ.

Не имѣя вѣроятно возможности обильнѣй кормить насъ, начальство разрѣшало намъ на наши деньги, хранившіяся у классныхъ дамъ, покупать булки, сладости и все другое. Должна признаться, что въ младшемъ классѣ бывали случаи незаконной покупки ситниковъ, маковникомъ, паточныхъ леденцовъ и т. д.—но кто же безъ грѣха?

По обычаю институтскому многія именинницы угощали классъ шеколадомъ. Заказывали мы иногда въ складчину пироги и другія вещи, подгоняя обыкновенно заказъ ко дню именинъ общаго предмета обожанія (и вѣроятно М. М. Стасюлевичъ и другіе преподаватели не знали и не подозрѣвали то количество вкусныхъ вещей, которое съѣдалось почитательницами во здравіе ихъ).

Роднымъ и знакомымъ не запрещалось приносить въ пріемные дни и передавать воспитанницамъ на руки всякаго рода гостинцы. Мы же предпочитали хоть попроще, да всего побольше и посытнѣе. Помню, какъ за мѣсяцъ приблизительно до выпуска, по окончаніи инспекторскаго экзамена, мы просили maman разрѣшить намъ отпраздновать это событіе танцами между собой. Maman охотно согласилась и обѣщала намъ музыку, но угощенье должно было быть наше. Мы раздѣлились на кружки въ 6—8 воспитанницъ, и каждая должна была внести въ кружокъ что-нибудь по силѣ возможности. Меня родители очень баловали, а потому мнѣ подруги назначили доставить что-нибудь особо хорошее.

Въ первый пріемный день, когда ко мнѣ съѣхалось много родныхъ и родственниковъ, я, радостная, оживленная, разсказывала и объ счастливо окончившихся экзаменахъ, и о предполагаемомъ вечерѣ и просила мать мою прислать мнѣ что-нибудь изъ ряда вонъ вкусное.

„Хочешь особыхъ какихъ конфектъ, пирожковъ?“

„Нѣтъ, мамочка, дорогая“.

„Фруктовъ, винограду, ананасовъ?“

„Нѣтъ... нѣтъ“.

„Можетъ быть, свѣжей клубники?“ (время было зимнее).

„Ахъ, нѣтъ, мамочка, что-нибудь получше“.

„Да что же наконецъ?“

„Ну вотъ, напримѣръ—курицу жареную“.

Общій взрывъ хохота, и затѣмъ эта несчастная курица долго служила поводомъ подразнить меня.

Дѣйствительно, институткамъ того времени жареная курица или утка считались самыми тонкими изысканными деликатесами, и отъ кусочка того или другого никогда не отказывались даже классныя дамы.

Упомянувъ выше объ обожаніи, не хочу пройдти молчаніемъ этого вопроса. Естественная потребность въ сердечной привязанности заставляла дѣвочекъ, на долгіе годы оторванныхъ отъ семьи и лишенныхъ ласкъ, вниманія и заботъ род-

ныхъ, искать, на комъ сосредоточить свою нѣжность, кому проявлять участіе и отъ кого ждать добраго чувства. И вотъ въ результатѣ:

1) Дружба воспитанницъ между собой.

2) Обожаніе.

Кромѣ дружескихъ отношеній между нѣсколькими подругами, очень часто двѣ сосѣдки, или случайно сошедшіяся во вкусахъ и понятіяхъ воспитанницы, заключали между собой нѣчто въ родѣ обѣта дружбы.

Существовавшій для этого кодексъ обязывалъ друзей во всемъ помогать одна другой, беречь и въ случаѣ нужды защищать другъ друга, а также дѣлиться всѣмъ, что выпадетъ на долю той или другой. Преступленіемъ считалось даже съѣсть конфетку, не удѣливъ другу половины. Если одинъ изъ друзей по болѣзни вынужденъ былъ пойдти въ лазаретъ, то оставшійся обязанъ былъ навѣщать его и не съ пустыми руками. Если же никто къ этому послѣднему на пріемъ не приходилъ, а слѣдовательно нечѣмъ было побаловать больную, то другу вмѣнялось въ обязанность просить болѣе счастливыхъ подругъ удѣлить что-нибудь изъ лакомствъ для больной—и никогда отказа не было, живо наполнялся мѣшочекъ къ радости просившей.

Такія дружбы длились годами и много скрашивали институтскую жизнь и не давали заглохнуть свѣтлымъ чувствамъ въ юныхъ душахъ.

Что же касается обожанія, то прежде всего нужно задать себѣ вопросъ, что такое обожаніе?

Взгляните, вотъ у одной изъ стѣнъ рекреаціоннаго зала неподвижно сидитъ маленькая дѣвочка. Выраженіе лица ея такое грустное, жалкое. О чемъ тоскуетъ она? Или вспомнился ей родной домъ, который она только-что покинула? Обидѣлъ ли ее кто? а можетъ заданный урокъ ей не удалось хорошо приготовить? Но видно, сильно болитъ ея сердечко. Случайно проходитъ мимо нея воспитанница старшаго класса. Грустное личико обратило на себя ея вниманіе, и невольно рука протянулась, чтобы приласкать дѣвочку, и тихій голосъ шепталъ слова ободренія—вѣдь и она, старшая, когда-то прошла черезъ то же. И личико маленькой озарилось радостной улыбкой, кто-то пожалѣлъ ее, ей легче, она уже не одна. И вотъ начинается обожаніе. При всякомъ случаѣ, маленькая старается увидать ту, которая пожалѣла ее. Къ ней обращается она со своими затрудненіями, къ ней робко ласкается она, и всегда личико ея сіяетъ при этомъ. Проходитъ годъ, другой—маленькая уже привыкла къ

институту, подружилась съ подругами и не тоскуетъ болѣе, но доброе чувство къ той первой, приласкавшей ее, остается навсегда. Воспитанницы младшаго класса обожали только воспитанницъ старшаго.

Теперь зайдемъ на 1-й урокъ только-что перешедшихъ въ первый классъ воспитанницъ. Какъ оживлены лица этихъ 13, 14-лѣтнихъ подросточекъ. Какъ весело онѣ оглядываютъ другъ друга—вѣдь онѣ уже не въ зеленыхъ платьяхъ, а въ коричневыхъ; онѣ уже большія, съ ними иначе обращаются! Вотъ сейчасъ войдетъ новый учитель! Какіе-то учителя въ старшемъ классѣ и что дадутъ они своимъ ученицамъ?

Вѣдь мысль ихъ просыпается, умишки начинаютъ работать, имъ уже нужно чего-то большаго! Да что же нужно, спрашивается, этимъ подросточкамъ отъ учителя—всего двѣ вещи: умственной пищи и вѣжливаго обращенія. И если преподаватель съ перваго же урока съумѣлъ заинтересовать своею лекціею слушательницъ, да при этомъ не грубъ, то обожаніе готово. Правильнѣе было бы назвать почитаніемъ, уваженіемъ, но институтки не знаютъ для опредѣленія своихъ чувствъ другого слова, какъ обожаніе. И какъ невинны эти обожанія! Ничего не требуя въ замѣнъ, выражалось оно лучшимъ приготовленіемъ уроковъ, тщательнѣе записанной лекціей, чище переписанной тетрадкой, лучше очиненнымъ для предмета перомъ, да еще развѣ съѣденнымъ въ честь его пирогомъ. Все это смѣшно и наивно, но все-таки что-то неясное, милое оставляли въ душѣ дѣвушекъ эти дѣтскія увлеченія.

Инспекторомъ классовъ при мнѣ былъ Максимовичъ, всегда вѣжливый, корректный, гуманный.

О преподавателяхъ и преподавательницахъ младшаго класса я ничего сказать не могу—мало сохранила ихъ въ памяти. Помню только учительницу русскаго языка Никифорову, очень толково и понятно преподававшую русскій языкъ. Ей мы обязаны тѣмъ, что наша орѳографія не хромала.

На иностранные языки уже съ младшаго класса было обращено особое вниманіе. Кромѣ уроковъ намъ иначе не позволяли говорить и между собой и съ классными дамами, какъ по-французски въ дежурство m-lle Бюсси, и по-нѣмецки въ дежурство m-lle Гагенъ. Благодаря этому пріобрѣли практическое знаніе языковъ не только знавшія ихъ до поступленія, но и начавшія изучать ихъ въ институтѣ. Ко времени выпуска почти всѣ свободно и бѣгло говорили по-французски и очень порядочно по-нѣмецки.

Меньшимъ успѣхомъ нѣмецкій языкъ обязанъ тому, что мы его не любили.

Для поощренія каждое воскресеніе и праздникъ дѣвочкамъ младшаго класса раздавали ленточки или вѣрнѣй тоненькіе шнурочки съ кисточками на концѣ,—голубой за хорошее поведеніе, а красный за успѣхи въ наукахъ. Не помню, продолжалось ли это и въ старшемъ классѣ.

Первые годы моего пребыванія въ институтѣ были омрачены Восточною войною. Такъ какъ большинство воспитанницъ принадлежало къ военнымъ семьямъ, то почти у каждой кто-нибудь изъ близкихъ былъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Съ жадностью ловили мы всѣ извѣстія. Какъ гордились первыми успѣхами; какъ восхищались геройскимъ подвигомъ Щеголева какъ смѣялись надъ адмираломъ Непиромъ; какъ весело декламировали комическіе стихи:

„Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ“ и т. д.

Но, увы, не продолжительна была наша радость. Стали доходить извѣстія о неудачахъ и крупныхъ потеряхъ. Въ институтѣ появился трауръ. И въ нашемъ отдѣленіи одна воспитанница (если память не измѣняетъ по фамиліи Щербакова) получила извѣстіе о кончинѣ отца. Потерявъ въ дѣтствѣ мать, она жила только мыслью объ отцѣ. Было у нея еще два брата, тоже военныхъ, но они не могли замѣнить ей отца. Очень убивалась бѣдняжка, надѣла трауръ (черный передникъ) и носила его уже три мѣсяца, какъ вдругъ неожиданно получаетъ письмо отъ отца. Онъ былъ по ошибкѣ показанъ въ числѣ умершихъ но былъ только очень боленъ и лежалъ въ Симферопольскомъ лазаретѣ и ранѣе не могъ дать извѣстіе о себѣ. Описать радость Щербаковой трудно; она плакала, кричала, рвала на себѣ передникъ, и мы думали, что она съ ума сойдетъ.

До курскихъ уроженокъ дошла вѣсть, что курское ополченіе, подъ начальствомъ генерала Бѣлявцева, геройски билось съ врагами и чуть не все легло костьми.

Тяжело жилось! Вдругъ разнеслась вѣсть о болѣзни, а затѣмъ о кончинѣ 18 марта 1855 г. Императора Николая Павловича. Горько плакали воспитанницы. Всѣ члены царской семьи, часто посѣщая насъ, очень баловали насъ вниманіемъ, но ни отъ кого институтки не видѣли столько ласкъ и заботъ, какъ отъ Государя Николая Павловича. Всегда у него находилась

милая шутка, доброе слово для нихъ, а потому больно было думать, что его уже нѣтъ.

Послѣдній разъ мы видѣли Государя на пожарѣ у насъ. Загорѣлся бѣлый залъ. Онъ соединялся съ главнымъ зданіемъ института не очень широкимъ проходомъ. Это бы, кажется, должно было дать надежду, что пожаръ далеко не пойдетъ, но огонь могло перекинуть, а потому начальница приказала всѣмъ институткамъ надѣть, на всякій случай, теплые салопы (извѣстные подъ названіемъ клоки), безобразные капора и идти въ церковь, самое отдаленное отъ зала мѣсто, имѣвшее отдѣльный выходъ на улицу. Какъ только пожаръ былъ замѣченъ, о немъ немедленно дано было знать Государю, и онъ тотчасъ же пріѣхалъ и оставался на пожарѣ, пока не удалось отстоять всѣ постройки и пожаръ не сталъ затихать.

Желая успокоить институтокъ, Государь пришелъ въ церковь. Мы его обступили, и онъ шутилъ съ нами, говоря, что мы совсѣмъ не храбрыя, такъ какъ испугались такого маленькаго пожара.

Весь институтъ одѣлся въ трауръ по случаю кончины Государя.

Она совпала съ переходомъ нашимъ въ старшій классъ. Какъ всегда были экзамены, по окончаніи которыхъ 26 апрѣля лучшимъ ученицамъ были розданы награды—книги. Мы сбросили зеленыя платья и надѣли коричневыя и съ того времени формально считались состоящими уже въ старшемъ классѣ. Какую радость испытали мы! Съ нами стали обращаться какъ со взрослыми, допускали пользоваться большей свободой, стали вывозить насъ, хотя очень рѣдко, но и это было большимъ развлеченіемъ. Такъ возили насъ: смотрѣть панораму въѣзда Государя Императора Александра Николаевича въ Москву на коронацію; въ Эрмитажъ, гдѣ мы осматривали всѣ рѣдкости; каждую масленицу ѣздили мы въ придворныхъ каретахъ подъ балаганы; наконецъ, лучшихъ воспитанницъ возили на акты: однѣхъ въ Смольный, другихъ въ Екатерининскій институтъ. Къ послѣднимъ принадлежала и я [1]).

Съ переходомъ въ старшій классъ стали измѣняться методы преподаванія. Такъ, при изученіи какъ иностранной, такъ и отечественной литературы, насъ стали знакомить съ произ-

[1]) Въ дореформенное время выпуски въ институтахъ чередовались: одинъ годъ выпускали воспитанницъ въ Смольномъ, другой въ Екатерининскомъ, третій въ Патріотическомъ.

веденіями ихъ. Господа: Миналь, Розе и учитель русской словесности (фамиліи его не помню) стали устраивать вечернія чтенія. Эти чтенія мы очень любили.

Преподавали у насъ естественную исторію и физику на русскомъ языкѣ. Былъ у насъ физическій кабинетъ, и мы съ большимъ интересомъ присутствовали на опытахъ.

Географію мы знали хорошо, такъ какъ учитель ея Парамоновъ часто дѣлалъ репетиціи. Правда, учебникъ не вполнѣ, можетъ быть, отвѣчалъ новѣйшимъ требованіямъ, но за то карту мы знали превосходно, рисовали все не только въ тетрадяхъ, но и на классной доскѣ на память, такъ какъ во время урока висѣвшія карты оборачивались къ стѣнѣ.

Недурно знали мы и математику въ предѣлахъ тогдашнихъ требованій; ее преподавалъ, если не ошибаюсь, Зуевъ.

Но самымъ любимымъ нашимъ предметомъ была исторія, благодаря талантливому лектору Михаилу Матвѣевичу Стасюлевичу. Молодой тогда адъюнктъ-профессоръ, онъ, увлекательно читая, умѣлъ сосредоточить вниманіе воспитанницъ и глубоко заинтересовать ихъ. А тонкая иронія, въ случаѣ незнанія урока или неудачнаго отвѣта, заставляла всѣхъ безъ исключенія готовиться къ классу. Лекціи Михаила Матвѣевича приходилось записывать и составлять для класса, который ихъ переписывалъ, по исправленіи Михаиломъ Матвѣевичемъ. Въ моемъ отдѣленіи записывать лекціи добровольно взялись Смиттенъ, Аклечеева и я (Студзинская). У меня до сихъ поръ хранится объемистая тетрадь съ собственноручной надписью Михаила Матвѣевича на заглавномъ листѣ: „Историческій сборникъ отдѣльныхъ разсказовъ, анекдотовъ, характеристикъ и объясненій къ общему курсу всемірной исторіи". Хорошею повѣркою нашихъ знаній была, предложенная имъ, работа составить „рѣку времени" какъ по древней, такъ и по средней исторіи, съ чѣмъ намъ удалось удачно справиться.

Такъ какъ одновременно съ нами Михаилъ Матвѣевичъ преподавалъ исторію и великимъ княжнамъ Лейхтенбергскимъ— дочерямъ Великой Княгини Маріи Николаевны, то очень часто составленныя нами историческія карты, а также и рѣка времени служили Ихъ Высочествамъ на урокахъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ у меня до сихъ поръ сохранились помѣтки Михаила Матвѣевича.

Но не въ одномъ умѣніи заинтересовать слушательницъ лекціями заслуга Михаила Матвѣевича, главное то, что ему удалось внушить намъ, что трудъ и полезное общественное

дѣло даютъ смыслъ жизни, что можно не задаваться чрезмѣрными задачами, такъ какъ всякое даже самое маленькое дѣло почтенно и достойно подражанія. Онъ совѣтовалъ намъ и на институтскихъ скамьяхъ пріучаться къ работѣ и не терять время, особенно лѣтомъ, когда у насъ такъ много свободныхъ часовъ. И даже при переходѣ со 2-го на послѣдній курсъ принесъ намъ прекрасную французскую книгу для перевода, обѣщая напечатать нашу работу, по окончаніи ея. Не помню теперь заглавія книги, но знаю, что это былъ сборникъ біографій историческихъ женщинъ Франціи. Съ какимъ восторгомъ принялись мы за работу. На мою долю досталась Женевьева, покровительница Парижа. Но не даромъ говоритъ пословица: „l'homme propose et Dieu dispose". Мечты наши не осуществились и работу нашу передать Михаилу Матвѣевичу намъ не удалось, такъ какъ, посланный за границу, онъ къ намъ осенью не вернулся. Уѣзжая на лѣто, онъ воспитанницамъ нашего курса оставилъ на память о себѣ по книгѣ составленнаго имъ „Общаго Курса Исторіи Среднихъ Вѣковъ", изданія 1856 г., экземпляръ котораго хранится у меня до настоящаго времени.

Законъ Божій у насъ проходили довольно подробно, но не очень мучили заучиваніемъ текстовъ. Священника своего (кажется по фамиліи Макіевскій) мы любили и уважали. Постились мы не такъ много, посѣщеніе церкви насъ не утомляло, и наше религіозное чувство не утрачивалось. Напротивъ, я лично никогда не говѣла съ такимъ благоговѣніемъ, какъ въ институтѣ. Былъ у насъ хорошій хоръ церковный изъ воспитанницъ.

Рукодѣліемъ насъ тоже не обременяли. Въ младшемъ классѣ учили шить, а въ старшемъ вышивать (по канвѣ, гладью, золотомъ). И знаніе, вынесенное въ этой отрасли, вполнѣ было достаточнымъ для домашняго обихода. Не помню, чтобы мы много готовили подарковъ.

Пѣнію, кромѣ церковнаго, и музыкѣ обучали за отдѣльную плату желающихъ.

Танцамъ насъ учила какая-то дама, но разъ Великая Княгиня Марія Николаевна, заставъ насъ за урокомъ, осталась недовольна нашею мазуркою, вслѣдствіе чего былъ приглашенъ Стуколкинъ.

Рисованіе шло не особенно успѣшно, да и трудно было ожидать успѣховъ при одномъ урокѣ въ недѣлю.

Что же касается кулинарнаго искусства, то нужно сознаться, что его каждой изъ насъ пришлось изучать уже дома.

Незамѣтно пролетѣли послѣдніе три года, и вотъ настали экзамены. Первые и самые серіозные назывались инспекторскими. Это была настоящая повѣрка знаній, рѣшавшая вопросы о наградахъ и аттестатахъ. Длились они довольно долго, такъ какъ на каждый предметъ давалось по 3—4 дня для приготовленія.

Лучшими моими подругами были: Адель Забѣлина, Катя Бѣляева, Китти Смиттенъ, Алина Аклечеева и Тоня Абаринова [1]). Мы по нѣкоторымъ предметамъ готовились вмѣстѣ къ экзаменамъ, и они вполнѣ благополучно окончились для всѣхъ насъ. Три послѣднія получили по шифру, Забѣлина и я по золотой медали, не помню, что получила Бѣляева.

По окончаніи этихъ экзаменовъ мы просили maman разрѣшить намъ отпраздновать это знаменательное событіе вечеромъ съ танцами. Очень весело прошелъ этотъ нашъ послѣдній семейный институтскій вечеръ.

Затѣмъ было еще 2 экзамена: Публичный, на который приглашались всѣ родные, и Царскій—спеціально для членовъ Царской Семьи. Каждый изъ этихъ экзаменовъ кончался однимъ днемъ, и на тотъ и другой назначались лучшія ученицы, при чемъ на каждый предметъ выбиралось по 8—10 воспитанницъ. Выборъ предметовъ, по которымъ нужно было отвѣчать на этихъ экзаменахъ, предоставлялся воспитанницамъ, и можно было ограничиться однимъ предметомъ, но дозволялось отвѣчать по 2—3-мъ; билеты заранѣе никому не назначались, а ихъ приходилось выбирать изъ кучи, лежавшей передъ начальницею, и потому намъ очень рекомендовалось не растеряться, если бы попался билетъ менѣе знакомый.

Благополучно окончились и эти экзамены, и насталъ день акта, который въ томъ году былъ въ институтѣ. Ни Государя, ни Государыни не было, но были Великія Княгини: Марія Николаевна, Александра Іосифовна и другія, Великіе Князья, принцъ Ольденбургскій, начальница съ своими гостями, попечители института, инспекторъ, учителя, родственники воспитанницъ, смолянки и екатерининки. Программа вечера была обычная: музыка, пѣніе и танцы.

Награды же раздавала намъ во дворцѣ Государыня Марія Александровна, послѣ чего намъ былъ предложенъ завтракъ,

---

[1]) Забѣлина въ замужествѣ Яковлева. Смиттенъ въ замужествѣ Христіани. Аклечеева въ замужествѣ Фонъ деръ Вейде. Я. Студзинская въ замужествѣ Лазарева.

сервированный на маленькихъ столикахъ, при чемъ за каждымъ изъ нихъ присутствовалъ кто-нибудь изъ членовъ Царской Семьи.

Еще нѣсколько дней, и мы покинули нашъ милый институтъ, гдѣ жилось такъ покойно и весело, покинули, не зная, что ждетъ каждую въ дальнѣйшей жизни.

Не знаю, достаточно ли я освѣтила моими короткими очерками учебно-воспитательную систему, примѣнявшуюся въ Патріотическомъ институтѣ, въ мое время. Я останавливалась на многихъ, можетъ быть не важныхъ и не интересныхъ подробностяхъ институтской жизни, но мнѣ хотѣлось этими мелочами лучше оттѣнить и духовный міръ институтокъ, и существовавшіе взгляды, нравы, отношенія, а также системы и методы, которые примѣнялись, чтобы тѣмъ сильнѣй подчеркнуть разницу переживавшагося одновременно въ Смольномъ и Патріотическомъ институтахъ.

Съ душевною болью читала первыя главы очерка г-жи Водовозовой, съ безконечною жалостью къ тѣмъ юнымъ созданіямъ, которымъ пришлось пройти черезъ тяжелый, описанный ею искусъ.

Злой рокъ, на цѣлыхъ 36 лѣтъ отдавшій въ почти безконтрольное распоряженіе г-жи Леонтьевой два большихъ института, именно этимъ, какъ мнѣ кажется, задержалъ на болѣе долгій срокъ естественное развитіе задачъ этихъ институтовъ. То, что въ Смольномъ стало примѣняться только съ появленіемъ К. Д. Ушинскаго, уже практиковалось въ Патріотическомъ: и программы были обширнѣй, и методы преподаванія другіе, и отношенія гуманнѣй. Думаю, что это нужно отнести къ болѣе широкому взгляду на образовательно-воспитательныя задачи института начальствующихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ Патріотическаго института. Конечно, рамки, въ которыя онъ былъ поставленъ, не допускали большихъ отступленій, а старый строй оставлялъ желать очень и очень многаго.

Всѣ общественныя явленія подчинены законамъ эволюціи. Развитіе общественной мысли повело въ шестидесятыхъ годахъ къ новымъ запросамъ, новымъ требованіямъ и стремленіямъ. Понятно, выяснилась необходимость измѣненія устарѣлыхъ педагогическихъ формъ и пріемовъ. Но очень возможно, что институты еще долго бы ждали, такъ необходимыхъ имъ, преобразованій, если бы не явилось такой энергичной, талантливой и душу въ дѣло положившей личности, какъ К. Д. Ушинскій. Я большая поклонница его и вполнѣ согласна съ г-жею Водово-

зовою, что заслуги Ушинскаго передъ обществомъ и родиной громадны и неоцѣнимы.

Госпожа Водовозова очень живо и увлекательно описываетъ все пережитое ею и ея сверстницами при наступленіи для Смольнаго зари обновленія. Нужно думать, что и на Патріотическомъ отразились благодѣтельныя реформы и привели къ желаннымъ результатамъ.

Но и дореформенный Патріотическій институтъ, несмотря на всѣ несовершенства своего строя, много давалъ своимъ воспитанницамъ. Конечно, институтъ не выпускалъ и не могъ выпускать изъ стѣнъ своихъ вполнѣ умственно развитыхъ и готовыхъ къ жизненной борьбѣ членовъ общества. Послѣ шестилѣтняго затворничества въ 16—17 лѣтнихъ дѣвушкахъ оставалось много юной наивности, мечтательности, безоблачной вѣры въ жизнь, но большинство изъ нихъ выходили вполнѣ готовыми къ дальнѣйшему развитію, выходили съ жаждой знанія, съ стремленіями къ возможно полезной дѣятельности. Привычка въ продолженіе многихъ лѣтъ надѣяться главнымъ образомъ на себя выработывала характеръ, самостоятельность, умѣніе найдтись во всѣхъ случаяхъ и положеніяхъ жизни и пріучала къ чувству общественности.

Къ сожалѣнію, служба моего мужа прошла почти вся на разныхъ окраинахъ, а потому я рѣдко бывала въ Петербургѣ, и мнѣ мало пришлось встрѣчаться со своими однокурсницами. Въ виду этого я не могу сказать, что сдѣлала жизнь, къ чему привела она большинство изъ нихъ. Но о тѣхъ, съ которыми мнѣ пришлось свидѣться, могу сказать, что онѣ вполнѣ исполнили свое назначеніе, однѣ какъ прекрасныя жены и матери, другія какъ незамѣнимыя труженицы на педагогическомъ поприщѣ, третьи какъ общественныя дѣятельницы.

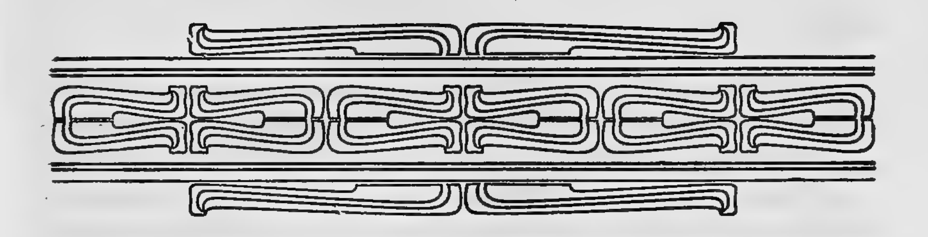
Судьба побаловала меня, дала мнѣ возможность встрѣтиться въ жизни со всѣми пятью пріятельницами, о которыхъ говорила выше, но къ сожалѣнію только по разу. Съ Китти Смиттенъ (Христіани) должна была свидѣться въ Курскѣ по возвращеніи моемъ изъ Благовѣщенска, гдѣ мужъ мой былъ военнымъ губернаторомъ, но, по злой ироніи судьбы, она заболѣла и умерла за недѣлю до моего пріѣзда.

Такъ много хорошихъ минутъ связано съ именами моихъ дорогихъ подругъ, что мнѣ и теперь доставило особое удовольствіе вспомнить и назвать ихъ. Я знаю, что онѣ сохраняли и сохраняютъ добрую, благодарную память объ институтѣ.

Что касается меня, то все то, что мнѣ удалось сдѣлать, когда, благодаря жизненнымъ удачамъ, я имѣла возможность приложить свои силы на служеніе обществу—все это я всецѣло отношу вліянію института, тому, что онъ далъ, чему научилъ меня.

Скоро исполнится столѣтіе нашему дорогому пріюту дѣтства и юности—Патріотическому институту. Богъ знаетъ, гдѣ я буду въ то время, пусть же эти строки будутъ моимъ привѣтомъ и горячимъ сердечнымъ спасибомъ нашей старушкѣ Alma Mater.

А. Лазарева.



Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава X [1]).

Пенджабъ и Афганская граница.

Во второй половинѣ 19-го столѣтія было три опасенія войны между Россіей и Англіей.

Первое при лордѣ Пальмерстонѣ въ 1864 г. по поводу Польши.

Второе при Биконсфильдѣ въ 1878 года по поводу Восточнаго вопроса. Оба эти событія имѣли, до извѣстной степени, мнимый предлогъ, а третье не имѣло даже и кажущагося предлога.

Третій поводъ для войны между Россіей и Англіей произошелъ въ 1885 г., но это было со стороны Англіи какое-то помраченіе ума. Этотъ поводъ при правленіи Гладстона не имѣлъ ни малѣйшаго основанія: онъ возникъ по поводу Афганской границы.

Когда филантропы утверждаютъ, что народы теперь образумились и не будутъ прибѣгать къ оружію, имъ обыкновенно возражаютъ: „А Пенджабъ".

Не было на свѣтѣ болѣе миролюбивыхъ людей, какъ Александръ III и Гладстонъ. Не было, вѣроятно, также двухъ людей, которые имѣли бы такое искреннее уваженіе другъ къ другу, какъ эти два человѣка. Гладстономъ восхищалась вся Россія, и хотя англійская нація не имѣла возможности знать

---

[1]) См. „Русская Старина", іюль 1914 г.

близко Императора Александра III, министры англійскіе отзывались о немъ какъ о человѣкѣ рѣдкой правдивости, честности и безъ всякой хитрости. Либеральная партія стала у власти, послѣ долгой выборной кампаніи, при чемъ каждый либеральный кандидатъ былъ противникомъ турокъ, а большинство изъ нихъ желали честно добраго соглашенія съ Россіей. Невозможно вообразить болѣе благопріятнаго соединенія силъ для созданія прекрасныхъ отношеній между Петербургомъ и Лондономъ въ началѣ 1885 года; однако, не прошло четырехъ мѣсяцевъ, какъ обѣ державы стали вооружаться, съ ногъ до головы, въ ежеминутномъ ожиданіи войны.

Это тѣмъ болѣе удивительно, что не было даже настоящихъ спорныхъ пунктовъ, не грозила опасность торговлѣ, не рисковали потерей прибылей, не было даже существеннаго затрудненія въ спорномъ вопросѣ. Англія и Россія согласились провѣрить сѣверо-западную границу Афганистана; осложненіе вышло изъ-за Пенджаба, но и это мѣстное осложненіе не должно было служить предлогомъ къ раздору. Граница вскорѣ потомъ была проведена, съ общаго согласія, и больше двадцати лѣтъ ни малѣйшаго недоразумѣнія не произошло съ той или другой стороны.

Но невѣроятность войны увеличивалась однимъ необычайнымъ обстоятельствомъ: сражающіеся не могли даже встрѣтиться на территоріи, чуть не послужившей casus belli. Войны часто возникали, когда военныя силы, въ большомъ числѣ, неожиданно сталкивались на географической границѣ, но сѣверная граница Афганистана была, безусловно, недостижима для британскихъ войскъ. Эмиръ, въ защиту котораго англичане яко-бы грозили Россіи войной, первый враждебно отнесся бы къ нимъ, если бы они прошли черезъ его владѣнія, спасая его границы отъ нападенія русскихъ.

Народнаго движенія въ пользу войны не существовало ни съ той, ни съ другой стороны. Англія въ ту минуту была поглощена трагической судьбой Гордона и тяжелыми послѣдствіями потери Хартума. Въ Россіи общее стремленіе было не увеличивать затрудненій Гладстона, но, несмотря на всѣ вліянія въ пользу мира, Англія и Россія тѣмъ не менѣе были на одинъ шагъ отъ войны и, что странно,—противодѣйствій войнѣ тоже не было. Никто ея не желалъ, но никто ей не противился.

Я сказалъ напрасно: „никто“, говоритъ Стэдъ, такъ какъ было въ оппозиціи одно лицо въ Россіи, и такое же лицо въ

Англіи, но каждые въ своей странѣ были athanasius contra mundum.

Въ Англіи нашелся одинъ министръ, который рѣшился противиться Гладстону и его коллегамъ, это былъ Чемберленъ, который въ то время не былъ еще завзятымъ торіемъ. Внѣ кабинета никто не зналъ объ оппозиціи Чемберлена воинственной политикѣ Гладстона. Вся печать въ Великобританіи, за исключеніемъ однако „Пэль Мэлъ Газетъ“, грозила войной Россіи. Въ Москвѣ было то же настроеніе. „Московскія Вѣдомости“ печатали статьи г-жи Новиковой о терпѣніи и миролюбіи, но самъ Катковъ смотрѣлъ на нее, какъ на мечтательницу, и читающая публика не раздѣляла ея мнѣній, а нѣкоторые считали ее чуть ли не измѣнницей.

Благодаря дружбѣ съ Катковымъ, г-жа Новикова получила его согласіе печатать, въ его газетѣ, горячіе призывы къ русскимъ людямъ въ пользу англо-русскаго союза; и во время Пенджабскаго столкновенія г-жа Новикова продолжала писать свои дружественныя статьи, вовсе не обращая вниманія на враждебность двухъ Великихъ Державъ, которыя она мечтала соединить неразрывной дружбой. Въ день появленія ея статьи, къ ней пріѣхала одна вліятельная дама. „Что Вы скажете о сегодняшней Катковской статьѣ? воскликнула та съ негодованіемъ. Вѣдь онъ печатаетъ вещи, которыя только могъ бы внушить ему англійскій агентъ. Не стыдно ли ему? Кто это О. К.? C'est revoltant“, заключила она.

Россія, несомнѣнно, была правѣе Англіи. Время это теперь такъ далеко, что, разсматривая безпристрастно эти безумныя событія, приходишь къ заключенію, что англичане были вполнѣ неправы. И по этому неправому дѣлу, въ спорѣ, возбужденномъ британскими офицерами, поступокъ которыхъ нельзя иначе назвать, какъ непростительнымъ вѣроломствомъ, Англія, при Гладстонѣ, грозила войной Россійской Имперіи на сушѣ и на морѣ. Никогда, въ наше время, не предполагалась такая сумасшедшая и преступная борьба, однако, исключая Чемберлена въ англійскомъ кабинетѣ и г-жи Новиковой въ Москвѣ, все народонаселеніе Россіи и Англіи было готово, болѣе или менѣе, равнодушно покориться судьбѣ. Христіанская церковь молчала. Ни одного публичнаго собранія для протеста противъ безполезной войны въ обѣихъ странахъ не состоялось. На предложеніе „Пэль-Мэлъ-Газеты“ о посредничествѣ, былъ данъ суровый отпоръ, даже газетой „Дели Ньюсъ“, которая въ то время ввела своихъ кричащихъ собратьевъ провин-

ціальной прессы въ безумный джингоизмъ. Споръ этотъ давно забытъ, онъ касался полоски въ пятьдесятъ миль безводной степи на самомъ сѣверо-западѣ Афганистана.

Выдающіеся пункты распри были напечатаны 26-го марта 1885 г. въ „Пэль-Мэлъ-Газетъ", въ шести слѣдующихъ параграфахъ, вмѣстѣ съ вызовомъ къ отвѣту всякаго, кто бы сталъ опровергать ихъ достовѣрность.

Мы требуемъ отъ нашихъ современниковъ, прежде чѣмъ сказать слово, могущее быть принятымъ за угрозу войной, обратить вниманіе на слѣдующіе тезисы, которые, если не могутъ быть опровергнуты, въ случаѣ нарушенія мира, навлекутъ на Англію всю вину и преступность несправедливой войны:

1) Россія и Англія согласились, въ маѣ, передать на рѣшеніе соединенной комиссіи вопросъ, что считать границами Афганистана и не Афганистана.

2) А во всей оспариваемой территоріи нѣтъ мѣстъ, которымъ названіе Афганистана было бы болѣе спорнымъ, какъ Пенджабъ.

3) Вопросъ о томъ, былъ ли Пенджабъ въ Афганистанѣ или нѣтъ, былъ порученъ сэру Питеръ Лумздену и его комиссіи.

4) Но когда соглашеніе съ Россіей состоялось, въ оспариваемой мѣстности не оказалось ни афганцевъ, ни русскихъ; ближайшіе афганцы находились въ Бала Мургабѣ, а ближайшіе русскіе—въ Сарахсѣ.

5) Когда же Россія и Англія заключали окончательныя условія для отправки соединенной комиссіи, долженствующей рѣшить принадлежность всѣхъ спорныхъ земель, афганцы внезапно захватили Пенджабъ, въ іюнѣ, и владѣютъ имъ съ тѣхъ поръ.

6) Тутъ русскіе заявили протестъ, но такъ какъ Англія не вызвала афганцевъ, то Россія сама въ октябрѣ отвѣтила тѣмъ, что послала маленькій отрядъ въ Пулихатунъ.

Въ заключеніе нужно прибавить, что на занятіе Пенджаба афганцами русскіе отвѣтили занятіемъ Зульфикара, вслѣдствіе чего англійская печать закричала о войнѣ. Положеніе казалось серьезнымъ, въ мартѣ, въ апрѣлѣ оно казалось безнадежнымъ, такъ какъ 30-го марта генералъ Комаровъ напалъ на афганскую армію, захватившую Пенджабъ въ іюнѣ, и выгналъ ее съ позиціи. Афганцы потеряли 500 человѣкъ, свой лагерь и всѣ припасы. Когда эти извѣстія пришли въ Лондонъ, Гладстонъ самымъ мелодраматичнымъ тономъ обвинилъ поведеніе Россіи, и всѣ думали, что война неминуема. На войну голосовали 11,000,000 фс. и адмиралтейству былъ данъ приказъ

приготовить флотъ къ немедленной войнѣ съ Россіей и Франціей—такъ по крайней мѣрѣ сэръ Куперъ Ки, начальникъ морскихъ силъ, сообщилъ Хобаръ-Пашѣ, который съ большой радостью пріѣхалъ объявить объ этомъ въ редакцію „Пэль-Мэлъ-Газеты".

Для очистки гавани рѣшено было нагрузить корабли изъ Судана для предполагаемой войны, оставляя несчастные гарнизоны на произволъ судьбы.

Кромѣ этого, 11-ти милліонный взносъ былъ обѣщанъ на 21-е апрѣля, но 4-го мая Гладстонъ объявилъ, что препятствіе къ мирному соглашенію съ Россіей удалено и что оба правительства рѣшили, въ случаѣ несогласія, могущаго возникнуть, обратиться къ третейскому суду одного царствующаго лица дружественной державы. На другой день стало извѣстно, что сэръ Питеръ Лумзденъ былъ отозванъ въ Англію, и что всякая опасность войны миновала. Внезапное паденіе затѣи было поразительно; оно объясняется позднимъ открытіемъ, что эмиръ, въ пользу котораго англичане подняли весь шумъ, не придавалъ ни малѣйшаго значенія оспариваемой безлюдной мѣстности и что онъ ни за что не пропустилъ бы англійскія войска черезъ Афганистанъ для войны съ Россіей. Смѣшная нелѣпость—защищать нетребующаго защиты человѣка, который скорѣе самъ объявилъ бы войну Англіи, чѣмъ разрѣшить войну за свои границы, была наконецъ понята англійскими министрами, которые нашли единственный выходъ въ предложеніи обратиться къ посредничеству главы дружескаго государства.

Время было тревожное для Англіи. Гордонъ только-что умеръ въ Хартумѣ. Общественное мнѣніе было сильно возбуждено противъ Гладстона, хотя виноватъ былъ не онъ. Правительство сознавало, что послѣ униженія, перенесеннаго въ Хартумѣ, министры не имѣли права подвергнуть страну новому униженію въ Средней Азіи. Не будь необыкновеннаго терпѣнія со стороны Россіи и здраваго смысла эмира,—произошло бы скандальное событіе: война была бы объявлена Гладстономъ Россіи, въ союзѣ съ Турціей, въ надеждѣ, что кровь, пролитая въ Средней Азіи, будетъ цѣлебнымъ бальзамомъ для жестоко поврежденнаго престижа Англіи въ Суданѣ.

Въ то время единственнымъ доброжелателемъ Россіи въ Англіи считалась „Пэль-Мэлъ Газета".—Какъ и въ 1877-78 годахъ, говоритъ Стедъ, мы съ Ольгой Алексѣевной Новиковой единодушно работали въ пользу мира. Фактъ, что въ столицѣ Англіи есть хоть одна газета, сильно поддерживающая интере-

сы Россіи, смягчилъ нѣсколько горечь, испытываемую въ Петербургѣ и Москвѣ. Письмами и частыми телеграммами мы обмѣнивались съ „О. К“ необходимыми свѣдѣніями, чтобъ останавливать минутное безуміе, и лозунгъ нашъ, смѣло провозглашаемый среди общаго волненія, былъ: „Англо-Русскій Союзъ“.

Въ тотъ самый день, когда генералъ Комаровъ прогналъ афганцевъ изъ Пенджаба, Стедъ писалъ въ „Пэль-Мэлъ Газетѣ“: Россія и Англія должны дѣйствовать заодно въ Азіи. Рѣшеніе Средне-Азіатскаго вопроса можетъ осуществиться только англорусскимъ союзомъ, онъ станетъ неизмѣримо затруднительнѣе въ случаѣ англо-русской войны.

„Безполезны Ваши статьи, милый Стедъ“, сказалъ Хобаръ-Паша, садясь въ покойное кресло редакціи. Вы одиноки, и всѣ газеты, всѣ политики противъ Васъ. На этотъ разъ Вы побѣждены. На дняхъ я выѣзжаю въ Константинополь, чтобъ приготовить проходъ британскаго флота черезъ Босфоръ въ Черное море. Вы боролись хорошо, но проиграли игру“.

„На видъ дѣло стоитъ не хорошо“, сказалъ Стедъ, но войны не будетъ. Русскіе дѣйствуетъ прямо, мы виноваты, но какъ-нибудь это мы уладимъ. Такъ шли дни за днями. Въ одно прекрасное утро, въ началѣ мая, приходитъ Хобаръ-Паша и говоритъ Стеду: „Я пришелъ съ Вами проститься. Никогда не думалъ, чтобы все такъ уладилось. Я побитъ, но поздравляю Васъ съ успѣхомъ“. „Теперь, прибавилъ онъ, я скажу туркамъ, чтобъ они бросились въ объятія Россіи, Англія имъ безполезна. Прощайте“. Я никогда больше не видѣлъ Хобаръ-Пашу, говоритъ Стедъ, это грубый прямой морякъ, котораго многіе изъ насъ посадили бы въ тюрьму за его помощь туркамъ въ 1877-78 году.

Г-жа Новикова сообщала мнѣ подробно о русскомъ мнѣніи и о видахъ русскаго правительства.

Претензія англичанъ состояла въ томъ, что членъ комиссіи генералъ Зеленый долженъ былъ встрѣтить англійскаго члена комиссіи сэра Питера Лумзденъ, 13-го октября, на границѣ. Раньше этого числа было заявлено, что г. Зеленый боленъ и не можетъ прибыть до февраля. Самъ сэръ Лумзденъ пріѣхалъ 19-го ноября. По наущенію англійскихъ офицеровъ, афганцы заняли Пенджабъ въ іюнѣ. Русскіе, раздраженные этой попыткой предупредить рѣшеніе комиссіи, заняли другіе выгодные пункты оспариваемой территоріи.

Русское правительство рѣшило, что послѣ случившагося неблагоразумно продолжать разграниченіе на мѣстѣ. Лучше бы-

ло установить прямыми сообщеніями съ Лондономъ, должна ли граница быть проведена только географическая или смѣшанно географическо-этнографическая? Русское правительство послало въ Лондонъ Лессара, чтобъ вести переговоры на мѣстѣ. Обвиненіе русскаго правительства въ вѣроломствѣ основывалось на болѣзни генерала Зеленаго и на измѣнившихся по этому случаю условіяхъ. Подозрѣвали, что Россія желаетъ или разрыва или захвата лучшихъ мѣстъ оспариваемой земли, а фактъ, что афганцы завладѣли территоріей по подстрекательству англичанъ, былъ удобно игнорированъ въ Лондонѣ, на этомъ фактѣ произошелъ весь споръ.

Г-жа Новикова, говоритъ Стедъ, описывала ему, 19-го февраля, свое свиданіе съ весьма авторитетнымъ лицомъ, которому было извѣстно все, что касалось иностранной политики въ Имперіи. Это свиданіе, опубликованное въ „Пэль-Мэлъ Газетѣ", 24-го февраля, изображаетъ какъ нельзя болѣе кратко и ясно—поступокъ Россіи. Ольга Алексѣевна просила авторитетное лицо сообщить ей совершенную истину о выступленіи русскихъ войскъ въ территорію, на что онъ отвѣчалъ:

„Сэръ Питеръ Лумзденъ взялъ съ собой двухъ или трехъ молодыхъ людей, какъ г-нъ Стивенъ, которые говорятъ по-русски и которые вообразили, что дѣлаютъ услугу Англіи, подбивая афганцевъ занимать далеко за предѣлами ихъ границъ позиціи. Афганцы, подъ вліяніемъ этихъ англичанъ, заняли Пенджабъ, никогда не принадлежавшій Афганистану. Наши военные, видя и слыша всюду непріязненное отношеніе англичанъ, отвѣтили на это выступленіемъ съ своей стороны; пошли они дальше, чѣмъ было нужно, такъ что ошибка была съ обѣихъ сторонъ, но начали англичане".

Если бы Гладстонъ и лордъ Гранвиль потрудились прочитать то, что было сообщено г-жей Новиковой, и вникли бы въ суть дѣла, никакой тревоги не было бы, такъ какъ разслѣдованіе открыло бы то, что теперь неоспоримый фактъ, т. е. что афганцы дѣйствовали по подстрекательству Стивена и капитана Іетъ.

Пятница, 22-е марта.

„Я почти не имѣю надежды, чтобы вопросъ о границахъ былъ мирно разрѣшенъ, если Деферинъ, или его начальникъ эмиръ, потребуютъ, чтобъ русскіе отступили. Меня огорчаетъ мысль о разрывѣ между Россіей и Англіей, также какъ брата, но, повѣрите ли, Катковъ, Аксаковъ и друг. охотно бы проучили Англію... Это ужасно!

Но англійское общество такъ несвѣдуще, оно принимаетъ каждую копеечную газету за истину и мудрость и повторяетъ все, что читаетъ. Не будь „Пэль-Мэлъ Газетъ", не знаю, до чего бы дошла у насъ ненависть къ Англіи. Она принесла огромную пользу.

„Между прочими заблужденіями того времени явилось извѣстіе, что русскіе хотятъ взять Гератъ".

Москва, 29/17 марта 1885 года.

„Я была сегодня въ домовой церкви князя Долгорукова. Генералъ-губернаторъ очень любезенъ и очень озабоченъ воинственнымъ тономъ англійской печати. Онъ говоритъ: „Англія воображаетъ почему-то, что мы желаемъ завладѣть Афганистаномъ, а въ особенности Гератомъ". Я только-что возвратился изъ Петербурга, гдѣ видѣлся съ генераломъ Черняевымъ, и онъ, даже онъ, отвергаетъ всякую идею о Гератѣ. „Мы бы его не удержали", заключаетъ Черняевъ. Меня мысль о войнѣ приводитъ въ отчаяніе. Ваша статья прекрасна. Какъ было бы ужасно, если допустили бы войну между Россіей и Англіей! Восьмилѣтніе труды наши были бы потеряны, и какая была бы это ужасная борьба... Да поможетъ вамъ Богъ въ вашихъ мирныхъ усиліяхъ! заключаетъ г-жа Новикова.

Москва, 30/18 марта 1885 года.

„Я написалъ статью для „Моск. Вѣдом." о Лессарѣ и наполовину это протестъ противъ глупости нашей дипломатіи не прервать переговоры, какъ только афганцы заняли Пенджабъ въ юнѣ. Вотъ гдѣ ошибка Россіи. Катковъ исключилъ этотъ параграфъ. По сегодняшнему объясненію, данному мнѣ, наши думали мирно уладить вопросъ, не допуская русскую публику озлобиться противъ Англіи. Какъ глупо! „Вы меня удивляете, говоря, что Зеленый не былъ серьезно боленъ. Я слышала о его болѣзни отъ разныхъ лицъ въ Петербургѣ и помню слова Сталя: Гирсъ сердится на меня за мой скептицизмъ къ болѣзни Зеленаго. Мнѣ такъ напріятна эта неожиданная ссора. Да,—наша честная энергичная восьмилѣтняя работа, кажется, разлетится въ прахъ! Это ужасно!

„Я всею душою вѣрна русско-англійскому соглашенію, но ваша глупая печать не права, задирая слишкомъ часто Россію".

Въ апрѣлѣ г-жа Новикова пишетъ:

„Какъ странно? Вы все отгадали въ вашей передовой статьѣ 28-го марта?

И дѣйствительно Зеленый чуть-чуть не отправился въ Пенджабъ. Его болѣзнь пришла кстати. Мы слишкомъ довѣряли мудрости Гладстона. Вотъ въ этомъ вся суть дѣла. Герцогъ Аргальскій не лучше другихъ. Я чувствую себя отвратительно. Это будетъ ужасная война, если вы ее сейчасъ не оставите. Помоги вамъ Богъ!

Въ тотъ же день она прибавляетъ:

„Повидимому, Государь доволенъ моей работой въ Англіи; мужъ мой произведенъ въ генералъ-лейтенанты, это третій классъ изъ четырнадцати, какъ видите, отличіе. Отъ души благодарю за все, за все, что вы сдѣлали на пользу великаго дѣла".

Слѣдующее письмо угрожающее:

Москва, 3-е апрѣля 1885 г.

„Сильное чувство горечи у всѣхъ, планъ таковъ: на англійскія слова отвѣтить русскими дѣлами и если призывъ запасныхъ у васъ состоялся, мы не отступимъ отъ такой же мѣры. Все это худо, и я сильно горюю".

Вторникъ, Пасхальн. нед., 7-е апр. 1885 г.

„Сегодняшнія „Моск. Вѣдом." называютъ васъ будильникомъ англійской совѣсти и въ подробности приводятъ ваши слова. Могу ли я не радоваться?"

„Когда я дѣлаю упрекъ въ недостаткѣ энергіи у русскихъ, не протестовавшихъ противъ занятія Пенджаба, я слышу одинъ отвѣтъ: „Было опасно, такъ какъ это составило бы осложненіе Гладстону. Мы надѣялись обойтись безъ этого и пошли впередъ тогда только, когда увидали, что онъ не могъ исправить фальшивый шагъ своихъ соотечественниковъ".

Слѣдующее письмо написано послѣ того, что генералъ Комаровъ очистилъ Пенджабъ отъ афганцевъ.

Москва, 31 марта 1885 г.

„Наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ препятствуетъ объявленію мною очень важнаго и достовѣрнаго факта, который наше правительство желаетъ скрыть, изъ уваженія!!! къ серу Эдуардъ Торнтонъ и Гладстону, а именно, что нападеніемъ афганцевъ распоряжались и командовали англійскіе офицеры. Скажите, пожалуйста, зачѣмъ скрывать такіе поступки? не идіотизмъ ли это?

„Прелестенъ отказъ афганцевъ пропустить англійскіе войска черезъ ихъ земли. Здѣсь это очень всѣхъ забавляетъ. Мно-

гіе обвиняютъ Комарова въ томъ, что, очистивъ Пенджабъ отъ афганцевъ, самъ ушелъ оттуда. Я думаю, онъ только исполнилъ свой долгъ и доказалъ свою честность".

Москва, 3/17 апрѣля 1885 г.

„Зачѣмъ лордъ Дефферинъ такъ глупо поступаетъ? Зачѣмъ произноситъ такую злую и лживую рѣчь въ Индіи; онъ описываетъ поступокъ Комарова, какъ ничѣмъ не вызванное нападеніе русскихъ? Вѣдь онъ же знаетъ, что это неправда. У насъ всѣ (включая „Моск. Вѣд."), крайне возмущены вашимъ Вице-Королемъ. Англія выдумываетъ предлоги, чтобы выиграть время; мы готовы. Англія намъ грозила и сдѣлала дерзость; мы слово свое сдержали, мы не разсылали агентовъ во всѣ стороны. Русскіе теперь стремятся наказать англичанъ за всѣ англійскія оскорбленія, но что касается до меня, то вы легко можете понять, какъ все на мнѣ больно отзывается".

„Васъ здѣсь называютъ единственнымъ честнымъ англичаниномъ, который, одинъ, можетъ спасти Англію отъ униженія и безумія. Имя ваше дѣлается популярнымъ. Я горжусь вашей работой".

10/22 апрѣля.

„Я все время старалась успокоить Каткова и другихъ, которые въ страшномъ гнѣвѣ на англійскую печать".

Москва, 16/28 апрѣля 1885 г.

„Какое страшное время приходится переживать; нелѣпыя угрозы англійской печати производятъ свое роковое дѣйствіе. Но какъ могъ Гладстонъ предъявить такое безумное требованіе русскому правительству—отозвать Комарова! Онъ обвиняетъ его за исполненіе долга. Это ужасно! Распря кажется неизбѣжной теперь.

„Великая держава, какъ Россія, не можетъ переносить оскорбленій въ угоду англійскимъ журналистамъ, которымъ выгодна эта игра", вотъ отвѣтъ, получаемый мною отъ всѣхъ умѣренныхъ, хладнокровныхъ людей. Но у насъ нѣтъ денегъ, нѣтъ промышленности, позволяю я себѣ замѣтить иногда.

„Это ничего не значитъ, духъ страны долженъ быть высокъ, это первое качество великаго народа, имѣющаго великое будущее...

„Это правда, но отъ этого не легче".

18/30 апрѣля, 1885.

„Въ Россіи думаютъ, что Дефферинъ, Лумсденъ и вся англійская печать наносятъ намъ оскорбленія за наше миролюбіе.

Другой причины нѣтъ. Англія стремится добыть свой кредитъ въ 11.000.000 этимъ временемъ. Дѣло въ томъ, что мы и теперь страдаемъ за наши Берлинскія ошибки. Въ нашу силу не хотятъ вѣрить. Англійская печать привыкла къ мысли, что Россія не отвѣчаетъ на запугиванія или угрозы просто изъ боязни, мои соотечественники говорятъ: намъ война не страшна. Наоборотъ. Мы не будемъ брать Индію, но можемъ страшно повредить Англіи и низвести ее на роль второстенной державы.

„Все это ужасно. Конечно, Англія потеряла частью свой престижъ, подумайте, какую мощь, какую неимовѣрную мощь, представляли бы Россія и Англія, если бъ, вмѣсто ссоры, въ глазахъ языческихъ племенъ, они были бы друзьями и союзниками? Почему англо-русскій союзъ кажется невозможнымъ? Какъ можетъ Гладстонъ заниматься безсмысленными нападками, и Богъ вѣсть почему обвинять Комарова одного изъ благороднѣйшихъ людей“?

Телеграмма Новиковой изъ Москвы.

30 апрѣля 1885 года.

Стэду.

„Въ отчаяніи. Телеграфируйте впечатлѣнія.

Новикова“.

Отвѣтъ.

„Миръ обезпеченъ, если дадутся мирныя объясненія.

Стэдъ“.

Когда произошла радостная перемѣна настроенія, Стедъ опять писалъ:

„Низко кляняюсь Вамъ. Хорошо, очень хорошо боролись, дорогой другъ! Побѣда Ваша, уваженіе къ Вамъ, всѣхъ благородныхъ сердецъ, глубже, чѣмъ когда-либо.

Катковъ, все время скептически относившійся къ возможности мирнаго исхода, написалъ блестящую передовую статью, восторженно восхваляя проницательность г-жи Новиковой и смѣлость, съ которой она противилась всеобщему пессимизму. Такое признаніе произвело, конечно, большую сенсацію.

Послѣ этой бури, у Ольги Алексѣевны явились новыя тревоги отъ извѣстія приближающагося паденія кабинета Гладстона, случившагося въ іюнѣ, и отъ слуховъ объ укрѣпленіи Герата.

Петербургъ 14/26 мая 1885.

„Я устала физически, но довольна нравственно и благодарна за Вашу энергичную работу, но меня огорчаетъ мысль, что Гладстонъ серьезно думаетъ выйти въ отставку. Это все-же несчастье".

Она снова пишетъ.

Петербургъ 17/29 мая 1885.

„У меня былъ генералъ Черняевъ. Онъ такъ открыто порицалъ въ Россіи занятіе, не только Пенджаба, но и Мерва, что этотъ протестъ ему стоилъ губернаторства въ Ташкентѣ „Мервъ несчастная деревушка, никуда негодная", сказалъ онъ, что намъ нужно, это не быть во власти дикихъ племенъ. Пусть Англія возьметъ Афганистанъ, если можетъ, чѣмъ ближе мы будемъ въ сосѣдствѣ съ англичанами, тѣмъ *ближе мы станемъ къ англо-русскому союзу*, единственно важной вещи для обѣихъ сторонъ, въ Средней Азіи. Большой престижъ возстановился бы для Россіи и Англіи, если бы сталъ извѣстенъ міру этотъ взглядъ. Очень глупо со стороны англичанъ укрѣплять Гератъ и дать намъ болѣе опаснаго и безпокойнаго сосѣда, чѣмъ были афганцы. Эта политика Англіи не достойна теперешняго кабинета. Афганцы достаточно невыносимы, я ихъ хорошо знаю"!..

„Отставка Гладстона произведетъ печальное дѣйствіе. Никому такъ не вѣрятъ и никого такъ не уважаютъ у насъ, какъ его. Удивительно, право, какъ онъ любимъ! Нѣмецкій военный attaché мнѣ говорилъ: „когда узнали о смерти Гордона, русскіе были глубоко огорчены, гораздо болѣе, чѣмъ многіе англичане, которыхъ я знаю. И тогда даже не винили Гладстона, а говорили, что виноваты другіе министры, на которыхъ онъ, какъ конституціональный министръ, понадѣялся. Не говорила ли я Вамъ почти то же самое? Это будетъ ужасный ударъ, если уйдетъ человѣкъ, во всякомъ случаѣ, правдивый и незлобный. Я бы желала знать, кто далъ идею объ укрѣпленіи Герата? это хуже занятія афганцами Пенджаба. Здѣсь боятся пріѣзда Сэра Роберта Моріе и все же не вѣрятъ, чтобы Гладстонъ участвовалъ въ этомъ назначеніи. Бисмаркъ отказался отъ него напрямикъ. Моріе прославился во всей Европѣ своимъ неуживчивымъ характеромъ.

30/18 мая 1885.

Обѣдала у Зиновьева [1]), онъ сказалъ мнѣ, что ежеминутно ждетъ увѣдомленія отъ Сталя о подписаніи протокола.

---

[1]) Директоръ Азіатскаго Департамента въ министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, въ то время.

„Я“: протоколъ, отчего не договоръ“?

„Онъ“: Потому, что мы хотимъ покончить какъ можно скорѣе съ афганскими затрудненіями. Къ несчастью, намъ придется, вѣроятно, весьма скоро протестовать. Англія не хочетъ бросить свои дурныя замашки. Вмѣсто того, чтобъ честно соединиться съ нами и представить азіатскимъ племенамъ соединенную власть Россіи и Англіи, англичане укрѣпляютъ Гератъ. Такимъ ли способомъ можно упрочить дружескія отношенія съ нами? Сэръ Эдуардъ Торнтонъ сказалъ полушутя, полусерьезно, послѣдній разъ, что я его видѣла: „самое мирное рѣшеніе было бы раздѣлить Афганистанъ между Англіей и Россіей“. Я оставила это замѣчаніе безъ отвѣта. Англичане страшно болтливы, они печатаютъ все, что имъ скажутъ по секрету (не всѣ, не всѣ, восклицаетъ О. К.). Я изучаю теперь ихъ послѣднюю Синюю книгу—иногда она очень неосторожна. Они дѣлаютъ пропуски, измѣняютъ смыслъ прибавленіемъ не сказанныхъ словъ“.

„Я“: Почему Гирсъ говоритъ о военной партіи? Вы знаете, что у насъ въ Россіи партій нѣтъ. „Онъ“: Я не знаю, какое именно выраженіе было употреблено. Гирсъ хотѣлъ отмѣтить наше расположеніе и силу сопротивленія, которая всегда является, если затронуто національное чувство. Во время національнаго испытанія вся страна дѣлается военной партіей“.

„Зиновьевъ просилъ меня ставить ему вопросы обо всемъ, что я желаю знать. Онъ готовъ показать мнѣ всѣ документы, касающіеся этихъ дѣлъ, въ слѣдующій мой пріѣздъ“.

Послѣ отставки Гладстона, г-жа Новикова, выражая въ письмѣ свои сожалѣнія, послала ему копію воздаваемыхъ ему сочувственныхъ отзывовъ въ „Journal de St.-Petersbourg“ и книгу г-на Le Pleé.

Гладстонъ отвѣчалъ:

Доллсъ-Хил-Кильбернъ

1-е іюля 1885.

„Дорогая г-жа Новикова, какъ ни трудно мнѣ касаться политики, въ данную минуту, я долженъ благодарить Васъ за любезную присылку мнѣ слишкомъ благопріятной и снисходительной статьи „Journalde St.-Petersbourg“, а также книги, о которой я не имѣю понятія, но которую я принимаю отъ Васъ съ удовольствіемъ.

„Я оставилъ службу удовлетвореннымъ, во многихъ отношеніяхъ, положеніемъ дѣлъ; но я былъ бы еще болѣе счастливъ,

если бъ переписка объ Афганской границѣ достигла тогда того заключенія, котораго еще такъ недавно, казалось, нельзя было ожидать.

„Мои соотечественники снисходительно относятся къ многимъ моимъ недостаткамъ теперь; обыкновенно люди чувствуютъ состраданіе къ павшимъ. Ежедневно замѣтна возрастающая преклонность лѣтъ, ощущается мною самимъ гораздо болѣе, чѣмъ другими.

„Примите, съ моей благодарностью увѣреніе въ моей неизмѣнной преданности.

Гладстонъ".

10 Доунингъ Стритъ.

Уайтъ-Холъ 7 іюля 1885 г.

„Дорогая г-жа Новикова, благодарю Васъ за интересное письмо и его содержимое. Я готовъ завидовать Вашимъ неполитическимъ стремленіямъ.

Вашъ искренно преданный Гладстонъ".

Лондонъ 31 іюля 1885.

„Дорогая г-жа Новикова. До сихъ поръ я только благодарилъ Васъ за присланную мнѣ книгу Ле-Плей. Я не ожидалъ такой замѣчательной вещи, какою я, прочитавъ часть ея, теперь ее нахожу. Мнѣ она кажется соединеніемъ неутомимаго прилежанія нѣмца съ остроуміемъ и живостью француза. Такого внимательнаго соціальнаго наблюденія я не встрѣчалъ давно. Мнѣ нравится его уваженіе къ установленнымъ обычаямъ и власти, также какъ его мнѣніе о тѣхъ, которые, подъ впечатлѣніемъ минуты, готовы перестраивать государства, монархіи и общество вообще. Однако, мнѣ любопытно узнать, какъ онъ поддержитъ свою идею относительно „стараго порядка" (Ancien regime) во Франціи. Онъ, какъ будто бы, допускаетъ, что особеннаго вреда для Франціи не было, исключая монархической централизаціи и небрежнаго отношенія придворнаго дворянства къ имущественнымъ обязанностямъ. Этому трудно повѣрить, я бы желалъ знать, что бы сказалъ на это Токвиль, будь онъ живъ. Я вѣрю, безусловно, въ спасительное дѣйствіе мѣстнаго самоуправленія и думаю, что никто не станетъ опровергать, что революціи въ иныхъ случаяхъ не уменьшали зла во Франціи, а въ иныхъ случаяхъ даже его увеличивали. Все же Франція великая страна и должна остаться таковой.

„Я еще не познакомился съ личнымъ отношеніемъ г-на Ле-

Плей къ религіи, но и теперь уже я склоненъ чувствовать къ нему большое уваженіе.

„Мнѣ очень жаль, что не вижу успѣха въ переговорахъ между нашими двумя государствами. Вы знаете мою обычную свободу мнѣній о моемъ отечествѣ, и не думаю, чтобы Вы подмѣтили въ моихъ словахъ строгую критику поведенію Россіи или другихъ странъ, но я жду съ нетерпѣніемъ, чтобъ договоръ о Пенджабѣ былъ приведенъ въ окончательное исполненіе.

„Слова мои должны ограничиваться самымъ необходимымъ, мнѣ публичныя рѣчи запрещены и предписано ежедневное лѣченіе горла. Въ концѣ будущей недѣли надѣюсь быть на морѣ. Еще разъ прошу принять мою благодарность и увѣреніе въ искренней преданности.

Гладстонъ“.

Было бы несправедливо, говоритъ Стедъ, въ заключеніи этой главы не упомянуть о высокихъ заслугахъ Лессара въ дѣлѣ умиротворенія. Онъ былъ молодой и мало извѣстный инженеръ, когда былъ посланъ въ Лондонъ, въ 1885 году, чтобъ установить основныя правила, по которымъ проведены были бы границы. Онъ плохо говорилъ по-англійски, но его искусство, его прямота, его совершенное знаніе предмета и прекрасный характеръ дѣлали его идеальнымъ орудіемъ, вполнѣ успѣшно проводимыхъ имъ, переговоровъ. Онъ зналъ факты. Онъ осмотрѣлъ каждый вершокъ оспариваемой земли. Онъ никогда не терялъ голову и не оставлялъ васъ безъ отвѣта на какой-нибудь фактъ или доводъ. Онъ пожималъ плечами надъ тѣмъ, что ему казалось невообразимой глупостью, но въ общемъ онъ всегда былъ въ хорошемъ настроеніи и довелъ дѣло до подписи Англо-Русскаго протокола 10-го сентября 1885 года, обезпечившаго съ тѣхъ поръ непрерывный миръ по всей границѣ.

Лордъ Фицморисъ, въ его книгѣ: „Жизнь лорда Гранвиля“, утверждаетъ, что раздоръ въ Пенджабѣ былъ дѣломъ рукъ Бисмарка. Онъ пріобрѣлъ Германіи половину Новой Гвинеи. По поводу этого мнѣнія, которое совершенно совпадаетъ съ мнѣніемъ графа Игнатьева о началѣ распри, на Балканахъ, Стедъ приводитъ интересный разговоръ свой съ Лессаромъ въ 1899 г., въ которомъ Лессаръ, говоря о необходимости дружескихъ отношеній между Англіей и Россіей, привелъ, въ подтвержденіе, Перендскую сказку, могущую служить иносказа-

тельнымъ принципомъ иностранной политики всѣхъ государствъ.

Онъ говоритъ:

„Что больше всего меня удивляетъ—это англофобія и руссофобія. Когда нибудь мы съ Вами, несомнѣнно, будемъ воевать, всѣ народы воюютъ и будутъ всегда воевать, но смѣшно воевать преждевременно. Исторія учитъ, что народы воюютъ съ своими ближайшими соперниками. Вы толкнете того, кто идетъ по пятамъ, а не того, что отъ Васъ за версту. Онъ можетъ быть страшнѣе врагъ, когда дойдетъ до Васъ, но до тѣхъ поръ Вы его оставляете въ покоѣ. Россія на сто лѣтъ позади Англіи политически и экономически. Черезъ столѣтіе она можетъ васъ догнать, но теперь война съ Россіей просто глупость, вотъ націи, съ которыми Вамъ придется воевать въ недалекомъ будущемъ: Германія и Соединенные Штаты. Вотъ очевидные соперники Англіи. Рано или поздно они нападутъ на ваше первенство на моряхъ и какъ вы смѣшны будете, если истратите свои средства и силы на Россію, которая только жаждаетъ, еще вѣкъ впередъ, ничего больше какъ развивать свои внутреннія силы". Разговоръ происходилъ въ то время, когда война съ бурами только-что возникла, Стедъ захотѣлъ узнать отъ человѣка, правдивость котораго ему была извѣстна и внушала ему полное довѣріе, угрожаетъ или нѣтъ какое-нибудь осложненіе во время этой войнѣ? Вопросъ былъ поставленъ прямо:

„Желаете Вы или нѣтъ разрушенія Англіи, какъ великой державы? Я сознаю, что мы съ Вами поступали отвратительно, эта проклятая война насъ свяжетъ на долго. Если Россіи захочетъ насъ раззорить, лучшаго случая, чѣмъ этотъ, ей не найти. Я хочу знать теперь, когда наши правители предоставили Британскую Имперію какъ овцу на закланіе, желаетъ ли Россія видѣть насъ съ перерѣзаннымъ горломъ? Лессаръ помолчалъ прежде, чѣмъ отвѣтить, потомъ онъ сказалъ:

„Нѣтъ, я не желаю крушенія Англіи. Она была и вѣроятно будетъ враждебна Россіи и часто она раздражаетъ насъ своей обычной оппозиціей, мы желали бы видѣть ее униженной, но разрушенной нѣтъ, это дѣло другое. Не думаю даже, чтобы въ интересахъ Россіи было разрушеніе Англіи", прибавилъ онъ. Стедъ отвѣчалъ: „Въ такомъ случаѣ, не думаете ли Вы, что Вы бы могли намъ помочь избѣжать войны? Напоминаніе о другихъ важныхъ вопросахъ могло бы заставить

нашихъ самонадѣянныхъ идіотовъ придти къ сознанію своей отвѣтственности".

Лессаръ покачалъ головой.

„Нѣтъ, сказалъ онъ, это было бы слишкомъ опасно, да какой интересъ намъ спасать васъ отъ этой войны? Англія не станетъ сильнѣе послѣ этого опрометчиваго шага.

Онъ говорилъ съ легкой циничной улыбкой, но говорилъ правду. На три года, по крайней мѣрѣ, Англія была вычеркнута изъ международной политики.

„Но Вы сказали, что не желали бы разрушенія Англіи, замѣтилъ Стедъ. „Разрушеній, конечно, нѣтъ, но если она добровольно хочетъ уменьшить свою боевую мощь, не намъ на это жаловаться, откровенно отвѣчалъ Лессаръ. Мы не отвѣтственны за войну, мы можемъ пользоваться ея результатами съ чистой совѣстью. Я Вамъ разскажу исторію, которая объяснитъ Вамъ лучше всего точку зрѣнія Россіи. Въ то время, какъ Зиновьевъ былъ нашимъ посланникомъ въ Тегеранѣ, Скобелевъ покорилъ Геокъ-Тепе и уничтожилъ силу тепскихъ туркменовъ. Этимъ способомъ русская граница соединилась съ границей Персіи. Шахъ и великій визирь очень встревожились, и Зиновьевъ поѣхалъ къ великому визирю, чтобъ объяснить ему, какъ неоснователенъ ихъ страхъ.

„Зиновьевъ сказалъ красивую рѣчь, указывая на безразсудство страха со стороны персіянъ. Россія была другомъ и союзницей Персіи. Что касается туркменовъ, они съ незапамятныхъ временъ были шайкой разбойниковъ. Никогда не было такого спокойствія на сѣверной границѣ Персіи, какъ со времени побѣды Скобелева. Ранѣе отправлялись, ежегодно, экспедиціи съ требованіемъ плѣнныхъ или съ цѣлью мщенія, теперь этого не существуетъ. Персидскій крестьянинъ спокойно спитъ. Персидская казна избавлена отъ большого, ежегоднаго расхода. Почему бы великому визирю не радоваться такому счастливому для Персіи обстоятельству? „Великій визирь слушалъ съ большимъ вниманіемъ, когда Зиновьевъ кончилъ, онъ отвѣчалъ: „Слова Вашего Превосходительства, слова правды и мудрости, граница спокойна. Теперь таки насъ не тревожатъ, и Россія—нашъ добрый другъ и сосѣдъ". Онъ помолчалъ. „Но скажите, Ваше Превосходительство, если бъ Вамъ пришлось выбирать между злой кошкой или добронравнымъ тигромъ, кого Вы предпочли бы, Ваше Превосходительство? А въ чемъ же мораль этой притчи, относительно настоящаго?" спросилъ Стедъ.

„Вотъ въ чемъ", отвѣтилъ Лессаръ, для насъ Англія злая кошка, а Германія добронравный тигръ. Вы можете царапать насъ сколько угодно, этимъ вы только можете надоѣдать Россіи. Германія во всемъ относится прекрасно къ Россіи. Она готова измѣнить свое намѣреніе, чтобы сдѣлать угоднѣе намъ. Интересовъ своихъ она не пожертвуетъ, но интересами своихъ друзей и союзниковъ пожертвуетъ съ наслажденіемъ, чтобъ не разсердить насъ. Во всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ ближняго или дальняго Востока, мы можемъ настолько же надѣяться на поддержку Германіи, насколько быть увѣренными въ оппозиціи Англіи. Но если Германія когда-нибудь поссорилась бы съ Россіей, она можетъ нанести намъ ударъ прямо въ сердце. Итакъ „Итакъ", повторилъ Стедъ.

„Итакъ, какъ націи должны прежде всего помнить свои жизненныя нужды, а не предаваться чувствамъ своихъ народовъ, Россія, пользуясь добрыми отношеніями Германіи и чувствуя къ ней все недоброжелательство Англіи, не можетъ забыть, что отъ Великобританіи настоящей опасности ей теперь не грозитъ, чего нельзя сказать о Германіи. Представляется вопросъ: увеличило бы Германію исчезновеніе Англіи? Какъ военная держава, Англія ничего не представляетъ для Россіи. Вы пошлете сто тысячъ солдатъ въ Африку. Что изъ этого? сто тысячъ человѣкъ здѣсь или тамъ ничто для той настоящей войны, о которой мы всегда должны думать. Вашенъ, какъ международный перевѣсъ Германіи, вашъ флотъ. Вы можете не дать намъ имъ воспользоваться, но фактъ его существованія, какъ силы, умѣряетъ честолюбіе нѣмцевъ. Если бъ погибъ вашъ флотъ, то это усилило бы воинственность Германіи, а къ такому несчастью Россія не можетъ быть равнодушна.

Во время войны Лессаръ часто бесѣдовалъ съ Стедомъ, онъ говорилъ, что ему любопытно было бы знать, во что оцѣнитъ Германія свою поддержку англичанамъ въ бурской войнѣ? Стедъ предполагалъ, что она получитъ Самоу и еще какіе-нибудь пустяки. „Неужели, воскликнулъ Лессаръ, Германія удовлетворится такой малостью". Вѣдь Германія оказала вамъ громадную услугу, предотвративъ вмѣшательство Европы въ бурскій вопросъ. О такой для васъ бѣдѣ германскій императоръ не допускалъ даже и рѣчи, несмотря на симпатіи къ бурамъ своего народа.

Стедъ говоритъ, что онъ часто вспоминалъ эти слова, когда печать осыпала упреками англійское правительство въ постыдной услужливости Германіи въ вопросѣ о Венецуэлѣ и Баг-

дадской дорогѣ. Но Стедъ снова возвращается къ вопросу о Пенджабѣ. Когда Гладстонъ произнесъ свою вызывающую рѣчь о Пенджабѣ, говоритъ авторъ, г-жа Новикова потеряла терпѣнье. Она писала Стеду 1-го мая 1885 г.: „Гладстонъ сошелъ съ ума? почему онъ такъ грубо выражается, если онъ не желаетъ войны? Какъ Вы мало знаете афганцевъ, если довѣряетесь теперешнему эмиру. Лордъ Дефферинъ, повидимому, вовсе не такъ уменъ, какъ предполагалось. Я Вамъ разскажу одинъ фактъ, о которомъ узнала вчера вечеромъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ генералъ Крыжановскій имѣлъ длиный разговоръ съ туркестанцемъ Абдуръ Рахманомъ. Онъ увѣрялъ русскаго генерала, что Россія можетъ сдѣлать все, что хочетъ съ Индіей. „Пошлите, сказалъ онъ, одного русскаго солдата на Гималаи, и вся Индія возстанетъ“. Въ ту минуту, какъ Вы дѣйствительно станете угрожать Англіи, весь Афганистанъ и вся Индія будутъ на Вашей сторонѣ“.

Такая вспыльчивость со стороны г-жи Новиковой доказываетъ, какъ больно ей чувствовать, что Гладстонъ грозилъ войной Россіи въ спорѣ, въ которомъ, какъ впослѣдствіи было доказано, вся вина была на сторонѣ Англіи.

Гладстонъ, однако, не могъ вполнѣ извинить русскимъ, что онъ считалъ недружелюбнымъ поступкомъ противъ его правительства въ этой борьбѣ.

Послѣ отставки, онъ писалъ г-жѣ Новиковой: „Я надѣюсь, что будетъ найденъ какой-нибудь разумный способъ, чтобъ установить единственный не рѣшенный вопросъ относительно афганской границы и тѣмъ покончить долго тянущееся дѣло. У васъ и у насъ слишкомъ много серьезной, но недоконченной работы, чтобъ задаваться новой“.

Черезъ восемь лѣтъ, когда Гладстонъ снова покидалъ кабинетъ, та же нотка неудовлетворенности звучитъ въ его письмѣ:

10 Доунингъ Стритъ

Уайтхолъ 15 апр. 1892 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Будьте увѣрены, что лучшія наши желанія сопутствуютъ Вамъ на Вашемъ пути въ Россію.

„Надѣюсь, что Вы будете содѣйствовать согласію между нашими странами и ихъ взаимному уваженію.

„Благодарю Васъ за присланную мнѣ интересную книгу и прошу принять мною написанное маленькое сочиненіе объ Ирландскомъ вопросѣ.

„Надѣюсь еще, что если не я, то другіе министры успѣшнѣе пріобрѣтутъ расположеніе правительства Вашего великаго государства, чѣмъ это сдѣлалъ я въ 1885 г.

Вамъ искренно преданный

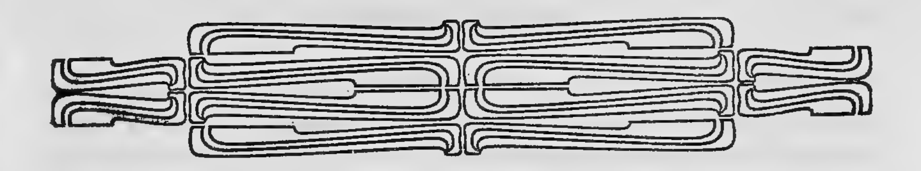
Гладстонъ".

Справедливость относительно русскаго правительства, говоритъ Стедъ, требуетъ сказать, что, будь всякій другой, а не Гладстонъ во главѣ англійскаго кабинета, сильное доказательство нашего вѣроломства скоро заставило бы очнуться нашихъ правителей, а до кризиса все-таки дѣло бы не дошло.

Самый фактъ полнаго довѣрія къ Гладстону заставилъ русскихъ избѣгать всякой непріятности ему; отсюда возникли замедленіе, недоразумѣнія и даже возможность войны. Понятенъ, поэтому, гнѣвъ русскихъ, когда взамѣнъ своей сдержанности передъ враждебностью англійскаго общественнаго мнѣнія Гладстонъ ему уступалъ и даже готовъ былъ объявить Россіи войну изъ-за Пенджаба.

Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Смольный институтъ и его роль въ исторіи женскаго образованія въ Россіи.

Первое по времени своего основанія женское учебное заведеніе въ Россіи, Смольный институтъ, недавно праздновало свой столѣтній юбилей въ лицѣ одной изъ составныхъ своей частей—Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Другая часть его—Александровскій институтъ, возникшій изъ Мѣщанскаго училища, основаннаго въ 1764 г. императрицей Екатериной одновременно съ Воспитательнымъ Обществомъ, почему-то въ юбилеѣ этомъ не участвовалъ, совмѣстно съ аристократической своей сестрою, быть можетъ именно вслѣдствіе разночиннаго, плебейскаго своего происхожденія, скромно стушевываясь въ ореолѣ славы старшей сестры. Для исторіи женскаго образованія однако и Воспитательное Общество, и Александровскій институтъ имѣютъ одинаковую важность и значеніе, и пока Смольный институтъ въ развитіи этихъ двухъ своихъ учрежденій представлялъ собою одно цѣлое, опредѣляя тѣмъ задачи женскаго образованія въ Россіи не для одного только класса русскаго общества,—до тѣхъ поръ только онъ и былъ „образцовымъ" въ буквальномъ смыслѣ этого слова учебнымъ заведеніемъ для всей сѣти русскихъ женскихъ учебныхъ заведеній, учреждавшихся по его образцу на основаніи его педагогической практики. Отъ него пошли и заведенія для „благородныхъ" дѣвицъ, и заведенія для „разночинныхъ" подъ широкимъ и просвѣщеннымъ руководительствомъ супруги императора Павла, императрицы Маріи Ѳеодоровны, тридцать два года управлявшей Смольнымъ институтомъ (1796—1828 г.). Время императрицы Маріи Ѳеодоровны было поэтому золотымъ временемъ Смольнаго института, когда онъ дѣйствительно по своей дѣятельности стоялъ

во главѣ русскаго женскаго образованія. Марія Θеодоровна развитіемъ сѣти женскихъ заведеній, по образцу Смольнаго, практически, сообразно потребностямъ времени, осуществила мысли великой его основательницы, императрицы Екатерины II, въ заботахъ своихъ о женскомъ образованіи и воспитаніи не отдѣляя интересовъ „благородныхъ" дѣвицъ отъ „разночинныхъ" и созидая системы воспитанія какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ. „Дворянство и мѣщанство, писала Императрица Марія Θеодоровна, вступая въ управленіе Смольнымъ, оба имѣютъ одинаковое священное право на благодѣянія монарха, на заботы, которыя мы прилагаемъ къ нимъ, но каждое въ своей сферѣ". Этимъ объяснялась разница въ постановкѣ учебно-воспитательной части въ обоихъ отдѣленіяхъ Смольнаго, введенная императрицей. „Вижу, объясняла она свои распоряженія по этому поводу, большія неудобства въ смѣшеніи благородныхъ дѣвицъ съ мѣщанками, ибо несомнѣнно, что обязанности и назначеніе послѣднихъ во многихъ отношеніяхъ различествуетъ отъ обязанностей и назначенія благородныхъ дѣвицъ; поэтому смѣшивать ихъ въ воспитаніи значитъ вредить имъ обѣимъ, ихъ отношенія совершенно различны и пріобрѣтеніе талантовъ и пріятныхъ для общества искусствъ, которое существенно въ воспитаніи благородной дѣвицы, становится не только вреднымъ, но и пагубнымъ для мѣщанки, ибо это ставитъ ее внѣ своего круга и заставляетъ искать опаснаго для ея добродѣтели общества. Если же, напротивъ, воспитаніе благородныхъ дѣвицъ вмѣстѣ съ мѣщанскими приноровить къ ограниченному плану, необходимому для послѣднихъ, то потеря для первыхъ становится очевидною". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она желала сохранить въ Смольномъ институтѣ оба типа женскаго образованія. Вынужденныя въ 1797 г. вслѣдствіе огромнаго количества желавшихъ поступить на „благородную" половину Смольнаго, увеличить въ ней число штатныхъ мѣстъ съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ штата на мѣщанской половинѣ, императрица Марія въ слѣдующемъ же году основываетъ въ Петербургѣ спеціальный мѣщанскій Маріинскій институтъ на собственный свой счетъ, а чрезъ годъ, чтобы не упразднять мѣщанскаго училища въ Смольномъ, открыла новый „благородный" институтъ, училище ордена св. Екатерины. Еще чрезъ нѣсколько лѣтъ открыты были женскіе институты обоихъ типовъ и въ Москвѣ. Эти новыя учебныя заведенія созданы были по образцу обоихъ отдѣленій Смольнаго института.

Въ вышедшей по поводу 150-лѣтняго юбилея Смольнаго института „Историческомъ очеркѣ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ“, къ сожалѣнію, совершенно не уяснена связь между „благородной“ и „мѣщанской половиной“ Смольнаго института, а ровно и причины любопытнаго для историка женскаго образованія явленія—упорнаго желанія двухъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ государынь развивать оба типа женскаго образованія въ стѣнахъ одного и того же заведенія. Между тѣмъ, это желаніе имѣло свои основанія для развитія сѣти женскихъ учебныхъ заведеній для всей Россіи и вызывалось потребностями эпохи. Исторіи Смольнаго института нельзя понять въ должномъ историческомъ освѣщеніи, ограничиваясь изложеніемъ исторіи одного изъ его отдѣленій, ибо Смольный пріобрѣлъ себѣ славу праматери женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи именно какъ разсадникъ женскаго образованіи обоихъ типовъ, и самое сосуществованіе ихъ въ одномъ и томъ же заведеніи подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ не осталось безъ вліянія на каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Къ этой любопытной темѣ мы, можетъ быть, еще вернемся впослѣдствіи.

Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ дороги были интересы и Communauté (Воспитательнаго общества), и мѣщанскаго училища: въ заботахъ о нихъ и личномъ своемъ вниманіи къ ихъ питомицамъ она не отдѣляла ихъ одно отъ другого. Но въ составѣ этихъ заведеній въ ея управленіе произошли многія перемѣны: въ Communauté принимались уже съ 1803 г. дѣвицы не изъ одного родового дворянства, но и дочери полковниковъ и статскихъ совѣтниковъ, хотя бы они были не изъ природныхъ дворянъ, а въ мѣщанское училище—дочери оберъ-офицерскихъ чиновъ—военныхъ до чина капитана и гражданскихъ до чина восьмого класса, а также дочерей купцовъ, священниковъ, медиковъ, учителей, художниковъ, не имѣющихъ штабъ-офицерскаго чина, но 50 мѣстъ изъ ста оставлены были исключительно для мѣщанскихъ дочерей. При общемъ стремленіи къ образованію составъ мѣщанскихъ воспитанницъ былъ, конечно, смѣшанный, не такъ однороденъ, какъ въ Communauté: въ числѣ принятыхъ были дочери придворныхъ лакеевъ, унтеръ-мастеровъ, служителей Воспитательнаго дома—и штабъ-лѣкаря; башмачниковъ, портныхъ, конюховъ—и протопоповъ; подмастерьевъ—и учителей; почтальоновъ—и подпоручиковъ, нотаріусовъ и т. п. Съ 1812 года въ мѣщанское училище пріемъ дѣвицъ сталъ строже: дочери дьяконовъ, канцеляристовъ, под-

мастерьевъ уже не были допущены къ баллотировкѣ, а съ 1814 года, когда для обезпеченія участи военныхъ сиротъ при училищѣ образовано было военное отдѣленіе, большинство воспитанницъ училища стало составляться изъ дочерей низшихъ чиновниковъ военной и гражданской службы или личныхъ дворянъ.

Сообразно съ этимъ сословнымъ характеромъ обѣихъ половинъ Смольнаго, опредѣлялась цѣль воспитанія дѣвицъ, обучавшихся въ нихъ, и учебная программа. Для дѣвицъ Communauté воспитаніе носило характеръ свѣтскій, эстетическій, для мѣщанской—практическій, утилитарный, приспособленный къ трудовой жизни. Но объединило воспитаніе благородныхъ и разночинныхъ общее требованіе, положенное въ его основу, образованіе ума, сердца и характера. „Если онѣ будутъ любить ученіе, трудъ и порядокъ, писала императрица, то могутъ надѣяться быть счастливыми женами и матерями, особенно если къ талантамъ и познаніямъ, какіе имъ даются въ заведеніи, присоединятъ хорошій характеръ“. Кромѣ языковъ русскаго, французскаго и нѣмецкаго, воспитанницы обучались Закону Божію, географіи, исторіи и ариѳметикѣ, съ тою разницей, что благородныя проходили еще въ старшемъ возрастѣ логику, геометрію, натуральную исторію, опытную физику и статистику; зато мѣщанскія, чтобы „учиниться добрыми хозяйками“, практически изучали хозяйство. Изученіе французскаго языка было на первомъ планѣ въ обоихъ отдѣленіяхъ, тѣмъ болѣе, что изъ мѣщанскаго училища императрица брала лучшихъ воспитанницъ для замѣщенія должностей классныхъ дамъ въ институтахъ; музыкѣ, танцамъ и рукодѣлію также отведено было по нѣскольку часовъ въ недѣлю. Но программа мѣщанскаго училища расширялась постепенно сама собой вслѣдствіе стремленія императрицы, чтобы его воспитанницы съ успѣхомъ занимали мѣста учительницъ и гувернантокъ въ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ домахъ. Особенно обращено было вниманіе на изученіе французскаго языка, знаніе котораго въ то время составляло предметъ первой необходимости. Въ самомъ институтѣ воспитанницы обязаны были говорить на немъ для практики даже между собою, въ ущербъ русскому языку, и нѣкоторые предметы, напр. географія, исторія и даже физика также преподавались на французскомъ языкѣ. Изящнымъ искусствамъ: танцамъ, пѣнію, музыкѣ, рисованію, какъ искусствамъ свѣтскимъ, въ Communauté отводилось гораздо больше времени, чѣмъ въ мѣщанскомъ училищѣ, гдѣ преимущественно занимались рукодѣліемъ, для чего отводились дневные часы.

Императрица
МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

Разумѣется, что показной, свѣтской стороной воспитанія и обученія воспитанницы Communauté отличались въ большей степени, чѣмъ ихъ мѣщанскія подруги. Ихъ образованіе имѣло литературный оттѣнокъ, сами онѣ пріучались съ первыхъ шаговъ своихъ въ институтѣ къ умѣнію держать себя въ обществѣ. Ихъ обучали декламаціи, заставляли читать и писать стихи; разыгрывать музыкальныя пьесы и играть на сценѣ предъ избраннымъ обществомъ. Если вообще научное преподаваніе хромало въ институтахъ, такъ какъ хорошихъ учителей было немного, то умѣнье показать товаръ лицомъ, произвести пріятное впечатлѣніе на собравшихся любителей просвѣщенія было необходимою принадлежностію ихъ, особенно въ Communauté, куда являлись постоянно почетные русскіе и иностранные гости. Это умѣнье проявлялось на такъ называемыхъ публичныхъ экзаменахъ, въ большинствѣ случаевъ похожихъ на театральныя представленія, гдѣ пѣніе, декламація, танцы и музыка воспитанницъ, прельщавшихъ зрителей своей „юностію“ и „невинностію“, являлось лучшею аттестаціей „промышлявшаго о нихъ начальства“. Въ этомъ отношеніи мѣщанскія воспитанницы были несравненно ниже благородныхъ, даже потому что имъ не считали нужнымъ давать книгъ для чтенія. „Осмѣливаюсь сказать, доносилъ инспекторъ Смольнаго Малоземовъ въ 1810 году, что сіи воспитанницы (выпускныя мѣщанскаго училища), пользуясь гораздо меньшими способностями и образованіемъ себя, нежели благородныя и можетъ быть по предназначеніямъ своей судьбы не имѣя въ блистательныхъ (sic) знаніяхъ надобности, далеко въ оныхъ, а потому можетъ быть и умѣя (sic), отстали отъ первыхъ. Но многія очень при добромъ сердцѣ, послушаніи и посредственныхъ своихъ знаніяхъ можетъ статься по достоинству будутъ пользоваться (сіе говорю изъ многихъ примѣровъ) лучшею несравненно участью, нежели онѣ, изъ какой щедротами Высочайшей покровительницы своей пріяты, и слѣдовательно вмѣстѣ съ симъ исполнять благотворительныя Ея намѣренія о ихъ благосостояніи“. Къ свѣтской жизни воспитанницы Communauté пріучались на балахъ и празднествахъ, часто устраивавшихся въ Смольномъ институтѣ; на нихъ присутствовало лучшее петербургское общество и даже дипломатическій корпусъ. Кромѣ того, во второе воскресенье каждаго мѣсяца въ Communauté происходили assemblées, начинавшіяся съ ученическаго концерта и заканчивавшіяся баломъ, съ участіемъ знатныхъ особъ и почетныхъ гостей. Императрица давала въ эти случаи особыя указанія относительно

воспитанницъ. „Существенно важно, писала она начальницѣ, заботиться о внѣшности воспитанницъ, ихъ осанкѣ, о томъ, чтобы придать грацію ихъ тѣлу. Эти послѣднія качества, какими бы они ни казались пустыми, всегда придаютъ пріятность въ жизни и иногда доставляютъ прочное и продолжительное благосостояніе". Въ дни собраній институтки обязательно должны были быть въ букляхъ. На праздникѣ Смольнаго института въ 1809 г. воспитанницы танцовали балетъ, по словамъ извѣстнаго любезника того времени, графа Рибопьера, „оставившій за собою все, что ставилось въ Большомъ театрѣ, потому что дѣйствующими лицами были дѣвицы, которыя возбуждали сочувствіе по родству своему съ знатными особами и восхищали зрителей дѣвственной своей граціей". Для надобностей Communauté при немъ состоялъ оркестръ изъ 12 музыкантовъ.

Таково было увлеченіе свѣтскою жизнью въ то широкое время, что ему не могла противостоять сама императрица, которая ясно сознавала, что большинству смолянокъ даже изъ Communauté предстояла жизнь, сопряженная съ трудомъ, заботами и даже нуждою. „Не слѣдуетъ ни на минуту терять изъ виду ихъ состоянія и будущаго назначенія, писала она начальницѣ. Поэтому надо стараться отстранять отъ нихъ все, что противорѣчило бы этому состоянію и этому назначенію, все, что могло бы имъ внушить вкусъ къ этому призрачному міру, химерическимъ существамъ и экзальтированнымъ чувствамъ, къ этому прекрасному идеалу (beau idéal, который такъ часто вредитъ „дѣйствительному благу" (bien reel)... Къ чему бы послужило блестящее воспитаніе, которое только увеличило бы непріятности ихъ положенія и привело бы къ тому, что это положеніе стало бы для нихъ невыносимо? Большинство этихъ дѣвицъ бѣдны, надо заранѣе пріучать ихъ къ мысли о бѣдности. Многія будутъ жить въ деревняхъ: надо приготовлять ихъ къ уединенію. У нѣкоторыхъ могутъ оказаться родители, не получившіе хорошаго воспитанія—пусть онѣ будутъ убѣждены, что надо научиться жить со всякаго рода людьми, лишь бы они были честны. Всѣ, по выходѣ изъ Общества, увидятъ себя окруженными примѣрами порока и соблазнами искушеній; поэтому надо ихъ такъ приготовить, чтобы въ критическую минуту испытаній, опасности и лишній всякаго рода онѣ не были захвачены врасплохъ, находя въ самихъ себѣ, благодаря запечатлѣнному въ нихъ глубокому уваженію къ религіи, основу добродѣтелей, опирающихся на вѣрѣ, и которая

сдѣлаетъ ихъ способными восторжествовать надъ препятствіями, встрѣченными ими на пути своей карьеры... Великое искусство воспитанія заключается въ томъ, чтобы научить ихъ такому способу мышленія, который позволялъ бы имъ находить въ самихъ себѣ и вокругъ себя всѣ свои удовольствія и всѣ свои радости".

Эти наставленія императрицы Маріи Ѳеодоровны, равно какъ и многія другія ея распоряженія по нравственному и физическому воспитанію дѣтей, являющіяся, къ сожалѣнію, идеальными даже для нашего времени, не нашли себѣ почему-то мѣста въ „Историческомъ очеркѣ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ", составленномъ ко дню его юбилея, несмотря на прекрасное знакомство автора съ архивнымъ матеріаломъ. За то авторъ его, г. Черепнинъ, отводитъ цѣлую главу—XXI—описанію развлеченій и празднествъ въ Смольномъ, утверждая, что яко бы „Императрица считала, что періодически (sic) устраиваемыя торжества и развлеченія не препятствуютъ работѣ, наоборотъ, давая отдыхъ отъ труда, временно отвлекая вниманіе въ совершенно иную область, освѣжаютъ (sic) силы воспитанницъ для дальнѣйшей серьезной работы". Такъ какъ эти развлеченія требовали участія самихъ воспитанницъ и долгой предварительной подготовки этихъ маленькихъ пѣвицъ, музыкантшъ, танцорокъ и декламаторшъ, выступавшихъ предъ избранной публикой чуть не по два раза въ мѣсяцъ въ своего рода публичныхъ экзаменахъ, то приведенныя слова автора „Историческаго очерка" являются своего рода насмѣшкой. Г. Черепнину слѣдовало бы подтвердить приписываемыя имъ императрицѣ мнѣнія, то, что „она считала", ссылками на подлинныя ея выраженія, а не приписывать ей свои объясненія, не выдерживающія никакой критики и противорѣчащія здравымъ педагогическимъ требованіямъ, которыя она высказывала въ своихъ инструкціяхъ начальницамъ того же Воспитательнаго Общества и въ своей съ ними перепискѣ. Въ другихъ институтахъ эти „развлеченія" не допускались въ такой степени, какъ въ Воспитательномъ Обществѣ, и уяснить причины этого для г. Черепнина было бы важнѣе, чѣмъ дѣлать полсотню архивныхъ ссылокъ на то, какія именно почетныя лица посѣщали Смольный. Образъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, какъ воспитательницы, и ея педагогическія воззрѣнія заслуживали бы со стороны историка воспитательнаго общества бóльшаго вниманія и разбора. Для этой цѣли автору „Очерка" было необходимо сравнить жизнь Воспитательнаго

общества за время императрицы Маріи съ жизнію другихъ институтовъ, и тогда яснѣе бы сдѣлалось положеніе его какъ института „аристократическаго“. Много матеріаловъ для этого собрано уже въ извѣстной книгѣ г-жи Лихачевой: „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“, которая по сію пору является лучшей исторической работой о просвѣтительной дѣятельности императрицы Маріи. Г-жа Лихачева пробуетъ объяснить „аристократическое“ воспитаніе слѣдующими словами: „Хотя императрица очень заботилась о томъ, чтобы воспитанницы разныхъ институтовъ получали воспитаніе и образованіе соотвѣтственно ихъ будущему состоянію, но такъ какъ большинство ею основанныхъ институтовъ предназначалось для дочерей дворянства, то, при организаціи учебной части въ институтахъ по личной инціативѣ императрицы, она имѣла главнымъ образомъ въ виду воспитаніе дворянскихъ дѣтей, а образованіе мѣщанскихъ должно было имѣть характеръ профессіональный, т. е. приготовлять воспитательницъ и учительницъ въ частныхъ домахъ. Руководствуясь искреннимъ желаніемъ дать дворянкамъ самое лучшее образованіе и воспитаніе, императрица естественнымъ образомъ должна была находить это „лучшее въ томъ, какое получать дѣвушки, принадлежавшія къ высшему кругу общества. Идеаломъ образованной дѣвушки этого круга была такая, которая отлично говорила по-французски и имѣла вообще литературное образованіе, въ остальномъ у нея не только могли, но должны были быть самыя поверхностныя знанія, ибо въ воззрѣніяхъ этого круга на первомъ мѣстѣ стояла боязнь учености, подъ которою и теперь часто понимается сколько-нибудь основательное образованіе,—учености, бросающей, въ глазахъ людей свѣтскихъ, тѣнь смѣшного и скучнаго на человѣка вообще, а тѣмъ болѣе на женщину. Такое образованіе было совершенно достаточно для той жизни, къ которой готовились дѣвушки самаго высшаго круга, но въ институтахъ, даже въ Смольномъ, *онѣ составляли ничтожное меньшинство*, а большинству предстояла не только жизнь „въ свѣтѣ и обществѣ“, но и болѣе трудныя задачи. Вотъ для нихъ казалось бы необходимымъ образованіе, направленное на воспитаніе внутренняго человѣка, такое, которое, развивая ихъ мыслительныя способности, пріучало бы ихъ думать и понимать окружающіе ихъ предметы, цѣнить не внѣшнюю ихъ сторону, а вникать въ ихъ сущность, однимъ словомъ, имѣющее цѣлью умственное развитіе воспитанницъ“... „Императрица, продолжаетъ г-жа Лихачева, часто говорила о

необходимости привить воспитанницамъ такія свойства, которыя сдѣлали бы ихъ способными найтись при трудныхъ обстоятельствахъ жизни, находить счастье въ самихъ себѣ и т. п., но достигнуть этого она считала возможнымъ привитіемъ воспитанницамъ скромности, покорности судьбѣ, довольства малымъ. Мысль о благотворномъ, именно въ этомъ смыслѣ, вліяніи развитого знаніемъ ума—ей не являлась, и данное ей направленіе женскому образованію прочно и надолго привилось въ институтахъ".

Отъ „скромности, покорности, довольства малымъ", конечно, далеко до тѣхъ „освѣжающихъ" теорій, которыя приписалъ императрицѣ г. Черепнинъ. Но г-жа Лихачева права и въ томъ отношеніи, что „аристократизмъ" Смольнаго она разсматриваетъ, какъ уступку императрицы требованіямъ времени, того высшаго общества, изъ котораго выходили нѣкоторыя смолянки, а не были плодомъ ея симпатій къ свѣтскому направленію воспитанія дѣвицъ, а также къ „освѣжающимъ" развлеченіямъ, заполнявшимъ ихъ учебное время. Въ этомъ легко можно убѣдиться, если вникнуть въ положеніе другихъ институтовъ, зависѣвшихъ отъ руководства императрицы Маріи Ѳеодоровны, и сравнить ихъ жизнь съ жизнію воспитательнаго общества. Тогда получилась бы дѣйствительная историческая перспектива, которая показала бы, что „аристократизмъ" и „освѣжающее" направленіе въ институтахъ, господствовавшіе въ Воспитательномъ обществѣ, прочно и надолго утвердились отнюдь не по желанію Маріи Ѳеодоровны. На развитіе его въ воспитательномъ обществѣ имѣли вліяніе особенно начальницы его, близкія къ придворнымъ кругамъ (Адлербергъ), и вліятельныя лица, въ немъ жившія и хранившія традиціи первоначальнаго своего воспитанія въ Смольномъ при Екатеринѣ, исключительно свѣтскаго (Нелидова). Лица эти, сами отрѣшенныя отъ дѣйствительной жизни, не замѣчали или не хотѣли замѣчать, что обѣднѣніе дворянства, даже высшаго, шло уже со временъ Александра I впередъ гигантскими шагами и что большинство смолянокъ, даже изъ записанныхъ въ шестую книгу и принадлежавшихъ къ титулованному дворянству, должны были готовиться не къ свѣтской, а трудовой жизни.

Императрица Марія Ѳеодоровна понимала это лучше ближайшихъ своихъ помощницъ. Задумавъ приготовлять воспитанницъ институтовъ къ единственному тогда доступному для женщинъ роду общественной дѣятельности—къ педагогическому дѣлу, императрица начала учрежденіе педагогическихъ клас-

совъ именно съ Воспитательнаго Общества. Въ 1803 г. учреждая пепиньерскій классъ при обществѣ, она предписала оставить въ немъ изъ числа окончившихъ курсъ двѣнадцать воспитанницъ, лучшихъ по успѣхамъ и поведенію и заслуживающихъ вниманія „по крайней своей бѣдности“ (par extrême pauvreté); на мѣщанской половинѣ классъ этотъ учрежденъ былъ лишь на три года позже. Цѣлью учрежденія пепиньеръ было приготовленіе хорошихъ классныхъ дамъ для институтовъ, а также учительницъ и гувернантокъ въ частные дома. Но выборъ въ пепиньерки былъ очень строгъ, а знанія въ научныхъ предметахъ оказывались у смольянокъ невысокими, и не всѣмъ желающимъ можно было остаться при институтѣ въ пепиньерскомъ классѣ, такъ что заполнять комплектъ приходилось кандидатками изъ другихъ заведеній. Хотя на изученіе французскаго языка въ Смольномъ обращено было самое строгое вниманіе, но знаніе грамматики было плохое. „Даже выпущенныя изъ Смольнаго съ благородной половины съ золотою медалью писали по-французски съ большими ошибками“, пишетъ г-жа Лихачева. Вѣроятно, въ отвѣтъ на замѣчанія объ этомъ императрицы, ей писали: „мы и теперь не можемъ отвѣчать, что всѣ будутъ правильно писать по-французски: у насъ есть такія, которымъ никакъ не удается понять грамматику“. Озабоченная слабыми успѣхами воспитанницъ, императрица писала начальницѣ Адлербергъ: „Мы должны, Mütterchen, хорошо учить, это самая главная и первая наша обязанность“. Не удостоенныя выбора въ пепиньерскій классъ воспитанницы должны были оставаться при знаніяхъ, вынесенныхъ ими изъ института.

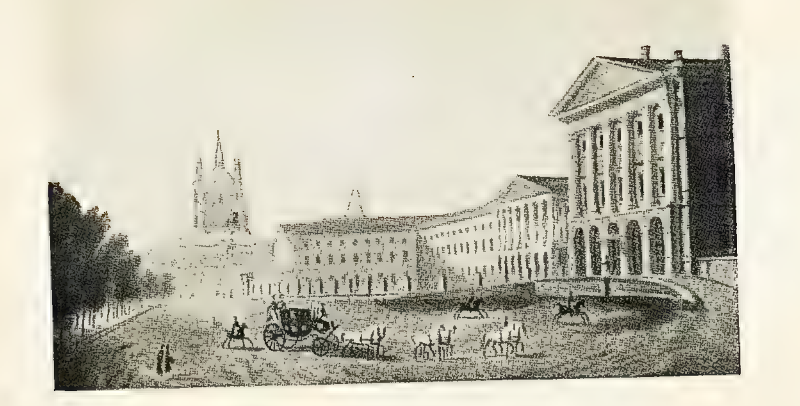
Въ своемъ „Историческомъ очеркѣ“ г. Черепнинъ рисуетъ преподаваніе въ Смольномъ на должной высотѣ, основываясь на программахъ и инструкціяхъ. Этотъ методъ изслѣдованія, конечно, едва-ли цѣлесообразенъ. „Если основываться на программахъ женскихъ учебныхъ заведеній послѣдняго десятилѣтія жизни императрицы Маріи, говоритъ г-жа Лихачева, при условіи, конечно, что предписанный программами курсъ проходился серьезно, если имѣть въ виду усиленныя заботы императрицы въ это десятилѣтіе объ ученіи воспитанницъ, хорошій выборъ инспекторовъ и учителей, то можно было бы ожидать, что воспитанницы институтовъ будутъ выходить изъ нихъ не только литературно образованными, но и съ достаточнымъ среднимъ общимъ образованіемъ... Но сущность дѣла не въ этомъ, а въ томъ, какъ преподавались и какія имѣлись въ виду цѣли

при преподаваніи воспитанницамъ научныхъ предметовъ". И въ дѣйствительности, именно по отношенію изъ Воспитательному Обществу, гдѣ два раза въ мѣсяцъ „освѣжались" и много времени употребляли на подготовку къ этому дѣлу, дѣло обстояло далеко не благополучно... Изъ донесеніи инспекторовъ классовъ: Малоземова, Лодія и Германа видно, что учебное дѣло двигалось очень плохо и вели его большею частью на показъ. Въ трехлѣтнемъ курсѣ приходилось только сто учебныхъ недѣль, учителя были плохи и думали только приноравливаться къ требованіямъ начальницы и классныхъ дамъ, а какія это были требованія, видно, между прочимъ изъ того, что учитель Соколовъ, избранный въ 1813 году на должность инспектора, не былъ утвержденъ по желанію начальницы Адлербергъ, находившей, что у него „нѣтъ достоинства во внѣшности". Поступившій въ 1830 г. въ преподаватели Смольнаго проф. Никитенко засталъ еще тамъ учебное дѣло въ полномъ застоѣ и въ самыхъ неприглядныхъ условіяхъ. Разумѣется, что картины идиллическаго, казеннаго благополучія, рисуемыя кистью г. Черепнина изъ жизни Воспитательнаго Общества, не относятся къ области исторіи и нуждаются въ другомъ освѣщеніи. Тогда только обнаружится, въ какой тяжелой обстановкѣ и съ какими сотрудниками приходилось работать императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ и какихъ нечеловѣческихъ усилій ей стоило наладить учебно-воспитательное дѣло въ женскихъ заведеніяхъ, ею основанныхъ. Смольный институтъ—былъ единственный, не основанный ею, и поступилъ подъ ея управленіе, проживъ 32 г. въ Екатерининское время своею обособленною жизнью и создавъ за этотъ огромный для учебнаго заведенія промежутокъ времени свои особыя традиціи, съ которыми бороться было не легко даже Маріи Θеодоровнѣ. Управленіе ею Смольнаго института было для нея вѣчною, напряженной работой любящей матери надъ избалованнымъ ребенкомъ, успѣхамъ котораго она радовалась, быть можетъ болѣе, чѣмъ успѣхамъ другихъ ею созданныхъ учрежденій. Но въ этой кропотливой работѣ и вырисовывается истинный, величавый образъ Маріи Θеодоровны. Видимъ ли мы его въ „Очеркѣ" г. Черепнина?

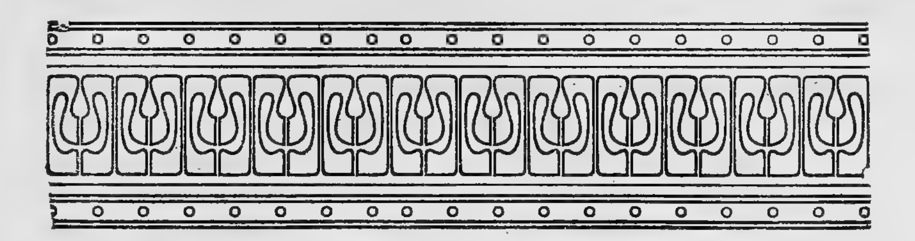
Доказательствомъ особой любви къ Смольному Маріи Θеодоровны является, между прочимъ, учрежденіе ею для него въ 1796 г. такъ называемой кассетной суммы, образовавшейся изъ ежегодныхъ пожертвованій самой императрицы и другихъ членовъ Царской Семьи. Императрица желала, чтобы ежегодныя пожертвованія каждаго изъ членовъ Царской Семьи про-

должались до тѣхъ поръ, пока проценты съ образовавшагося капитала изъ пожертвованій даннаго лица не будутъ равняться суммѣ ежегоднаго пожертвованія. Ежегодные расходы изъ кассетной суммы распредѣлялись пропорціонально на всѣ отдѣльные взносы. Ко времени кончины императрицы кассетная сумма возрасла до 1.000.000 руб. Въ массѣ ссылокъ, которыми снабжаетъ г. Черепнинъ свои свѣдѣнія объ образованіи кассетной суммы и кассетнаго капитала (оба эти понятія имъ смѣшиваются), мы не встрѣчаемъ однако указаній на повелѣніе императрицы Маріи Ѳеодоровны 1817 г. о выдѣленіи изъ кассетной суммы особаго капитала со спеціальной цѣлью въ 412.500 р. асс., представляющаго особую важность для опредѣленія цѣли принадлежащаго Воспитательному Обществу кассетнаго капитала и способа его употребленія. Желательно было бы видѣть это повелѣніе императрицы Маріи въ печати цѣликомъ.

Е. Шумигорскій.



Николаевскій Смольный Институтъ.



Угличскій ссыльный колоколъ [1]).

О граде, ты граде, богоспасаемый граде Угличъ! горькую чашу испилъ ты за русскую землю!

Слова лѣтописца.

I.

Въ субботу на шестой недѣлѣ по Св. Пасхѣ, 15 мая 1591 года, въ 12 часу дня городъ Угличъ огласился набатнымъ звономъ съ колокольни Спасо-Преображенскаго собора. Звономъ сзывали жителей г. Углича къ мѣсту ужаснаго убійства, вѣроятнѣйшій свидѣтель злодѣянія сторожъ Спасо-Преображенскаго собора Михайло Дмитріевъ Кузнецовъ, случайно находившійся на колокольнѣ и отсюда видѣвшій все происшедшее и прибѣжавшій къ нему по набору пономарь дворцовой Константино-Еленинской церкви изъ вдовыхъ священниковъ Өедотъ Аөанасьевъ, по прозванію Огурецъ [2]).

Былъ обычный обѣденный часъ; кто собирался обѣдать, кто уже и началъ свой обѣдъ; раздавшійся рѣзкій и усиленный набатъ въ городѣ у Спаса мгновенно измѣнилъ настроеніе покоившагося города. „Пожаръ, пожаръ въ городѣ“, говорилъ каждый, бросая свой столъ и домъ и направляясь по звону, въ Кремль, ко Спасу. Ни огня, ни дыму не было однако же видно, а набатъ былъ сильнѣе и сильнѣе, подхватываемый со-

---

[1]) Статья составлена на основаніи главнымъ образомъ двухъ дѣлъ по возвращенію колокола; одно—Угличской Городской Управы, а другое—Л. Ө. Соловьева, хлопотавшаго, по порученію Угличской Городской Думы о возвращеніи колокола.

[2]) Слѣдственное дѣло объ убіеніи Димитрія Царевича. Собр. Гос. грам. и догов. стр. 109, т. II.

сѣдними колокольнями; звонили въ городѣ и въ посадахъ. Что же означало это смятеніе? Какъ электрическій токъ мгновенно облетѣла городъ громоносная фраза: „Царевича зарѣзали". Кто знаетъ близко русскій народъ, кому приходилось слышать, какъ, напримѣръ, во время базара, ярмарки, деревенскаго праздника „по обѣщанію", среди шума-гама безпечно гуляющихъ вдругъ облетаютъ праздныя толпы слова: „человѣка убили",—тотъ хорошо знаетъ, какое магическое дѣйствіе производятъ эти два слова. „Гдѣ?" и по нѣмому указанію протянутой руки толпы утихаютъ и безмолвныя спѣшатъ. Прерывается пѣснь, смолкаетъ разговоръ, прекращается споръ, брань; каждый въ перегонку спѣшитъ къ мѣсту происшествія. Легко при этомъ замѣтить, что рядомъ съ движеніемъ простого любопытства тутъ каждымъ ощущается то, что на народномъ языкѣ выражается словами: „по тѣлу пробѣжала дрожь". Можно представить себѣ, какое смущеніе и смятеніе въ народѣ произвели эти ужасныя слова: „Царевича зарѣзали". Изъ города, изъ посадовъ, изъ слободъ, изъ монастырей, казаки съ судовъ, стоявшихъ на Волгѣ, всѣ старъ и младъ, безъ различія званій, спѣшили, тѣснились, лѣзли въ Кремль, ко Спасу. Но вотъ цѣль достигнута: взорамъ представляется окровавленный отрокъ, убивающаяся мать, избитая, окровавленная кормилица, братья царицы... „Кто, гдѣ душегубцы"? Царица объявила имена убійцъ, а кто-то сказалъ, что они „въ дьячей избѣ". И толпа осадила дьячью избу; убійцы заперлись въ ней и рѣшили защищаться, но это было напрасно: „казаки съ судовъ" и чернь посадская разнесли сѣни, вышибли двери и окна, выволокли изъ избы Никиту Качалова и Данила Битяговскаго: „тутъ ихъ и побили до смерти" [1]). Михаилъ Битяговскій, завѣдывавшій всѣми дѣлами и хозяйствомъ вдовствующей царицы, первоначально пытался взойти на колокольню и остановить набатъ, подъѣхалъ къ царевичеву дворцу, ворота котораго были отперты для него Кирилломъ Махавиковымъ; во дворѣ оказалась толпа посадскихъ и всякихъ другихъ людей, успѣвшая собраться ко дворцу по набату. Приблизившись вмѣстѣ съ Даниломъ Третьяковымъ къ дьячей избѣ, стараясь унять, разговорить расходившуюся чернь, дерзнулъ сказать заблаговременно выдуманную имъ, или можетъ быть съ Борисомъ Годуновымъ ложь, что царевичъ самъ умертвилъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни, но толпа не слушала и съ угрожающими возгласами стала нападать на нихъ

[1]) Слѣдственное дѣло, стр. 105 и друг.

самихъ, такъ что они сочли благоразумнымъ удалиться, „утекли" на княжій дворъ, „въ хоромы на верхъ, въ покои царицы и въ брусяную избу". Толпа поспѣшила за ними и изъ брусяной избы бѣглецовъ „вытащили и убили". Оставался еще главный изъ убійцъ зачинщикъ Осипъ Волоховъ. Совершивъ преступленіе, онъ убѣжалъ въ домъ М. Битяговскаго, вѣроятно находившійся близъ Кремля, на набережной за каменнымъ ручьемъ. Къ этому дому направилась толпа; тамъ схватила она и привела его къ бездыханному тѣлу мученика; затѣмъ вывели еле живого отъ побоевъ изъ церкви и на глазахъ царицы убили, а надъ трупомъ, по показанію матери его Василисы,—„прохалкали, что надъ зайцемъ" [1]), то есть общимъ дружнымъ хохотомъ выразили особое удовольствіе, какъ будто убили не человѣка, а зайца. „Да тутъ же,—пишутъ угличскіе разсыльники въ своей челобитной [2]), Михайло Нагой велѣлъ убити и посадскихъ людей трехъ человѣкъ, Саву плотника, да каменьщика Митю Суздальца, да мужика бѣлотѣльца, да Михайловыхъ людей, Битяговскаго четырехъ человѣкъ, да Осиповыхъ людей, Волохова двухъ человѣкъ; а велѣлъ Михайло посадскихъ людей убити за то, что они разговаривали, чтобы тѣхъ людей, которыхъ нынче побили, не побивали за посмѣхъ", и „безъ государева вѣдома", т. е. убивали, смѣялись и хохотали, не дожидаясь суда и слѣдствія отъ государя. Злодѣи, кончаясь, облегчили свою совѣсть искреннимъ признаніемъ, наименовавъ и главнаго виновника смерти царевича Бориса Годунова; мамку царевича оставили живую для важныхъ показаній; вѣроятно, устрашенная казнію и сознаніемъ злодѣевъ, она также не запиралась въ участіи съ ними; но прежде чѣмъ посадить ее въ заключеніе, посадскіе люди,—по показанію самой В. Волоховой, позорили ее: „ободрали ее и простоволосу держали предъ царицей [3]). Вмѣстѣ съ Осипомъ Волоховымъ въ домѣ М. Битяговскаго толпа схватила жену Битяговскаго и двухъ его дочерей и привела къ Спасу, къ тѣлу царевича, „хотѣли ихъ побити", но архимандритъ Воскресенскаго монастыря Ѳеодотъ и игуменъ Алексѣевскаго монастыря Савватій „ухватили Михайлову жену съ дочерьми и отняли ихъ и убити ихъ не дали". Въ довершеніе расправы надъ убійцами чернь и посадскіе люди раззорили самое гнѣздо

---

[1]) Слѣдств. дѣло стр. 107.

[2]) ibid. стр. 107.

[3]) ibid. стр. 118—119.

злодѣевъ—дворъ М. Битяговскаго. „А на Михайловъ дворъ Битяговскаго пошли всѣ люди міромъ и Михайловъ дворъ разграбили и питье изъ погреба въ бочкахъ выпивъ и бочки кололи, а девять лошадей Михайла Битяговскаго,—по показанію конюха Данила Михайлова, бывшаго участникомъ въ описанной расправѣ съ убійцами,—увели на конюшню царевича. Тѣла убитыхъ стащили и бросили въ городской ровъ.

Народъ совершилъ страшное отомщеніе убійцамъ, движимый чувствомъ ненависти къ ихъ злодѣянію и изъ любви къ погубленной ими царской отрасли; но это отомщеніе было все же беззаконно, какъ самосудъ и самоуправство, и потому, не могло быть оправдано даже усердіемъ къ роду царскому. Мало того, своимъ неразуміемъ и неосмотрительностью угличане подали поводъ Борису прикрыть свое злодѣяніе позорнымъ для нихъ именемъ „возмутителей". Они поняли это, опомнились, притихли и съ безпокойствомъ ожидали распоряженій изъ Москвы, куда „къ царю Ѳеодору послали съ вѣстью, яко братъ его отъ рабъ убіенъ бысть; вѣстника же онаго на Москвѣ приведоша къ Борису Годунову. Борисъ же, взявъ отъ него посланныя писанія, повелѣ переписати, яко бы одержимъ былъ тяжкимъ недугомъ и заклалъ себѣ небреженіемъ Нагихъ, и донесе оныя писанія царю Ѳеодору [1]). Выслушавъ сообщеніе о смерти брата, царь Ѳеодоръ „плакаше о немъ зѣло по многи дни", хотѣлъ самъ отправиться въ Угличъ для изслѣдованія дѣла, но Годуновъ подъ разными предлогами удержалъ его, и Ѳеодоръ наконецъ сказавъ: „да будетъ воля Божія", всему повѣрилъ [2]).

Для соблюденія внѣшняго вида правосудія требовалось изслѣдовать подробно всѣ обстоятельства дѣла. Съ этою цѣлью царемъ, или вѣрнѣе Годуновымъ, посланы были въ Угличъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, окольничій Андрей Клешнинъ и думный дьякъ Елизаръ Вылузгинъ, занимавшій весьма важную должность въ управленіи государствомъ, а для совершенія пристойнаго погребенія назначенъ былъ крутицкій митрополитъ Геласій. Всѣ эти лица были доброжелателями Годунова, не исключая и Шуйскаго. Шуйскій, правда, нѣсколько лѣтъ былъ въ опалѣ и ждалъ гибели отъ Годунова, а старшій братъ его Андрей Шуйскій уже погибъ по волѣ Бориса, но теперь хитрый правитель успѣлъ помириться съ Василіемъ и даже вступилъ съ нимъ въ родственный союзъ, женивъ его мень-

[1]) Новый лѣтописецъ, по изд. кн. Обленскаго, стр. 34—35.
[2]) Исторія Госуд. Росс. Н. М. Карамзина, т. X, стр. 84.

шаго брата на своей юной свояченицѣ и давъ ему санъ боярина. Шуйскій, человѣкъ хитрый и уклончивый, разсчиталъ, что если онъ поведетъ слѣдствіе такъ, что Борисъ будетъ имъ не доволенъ, то все-таки Борису ничего не сдѣлаетъ, потому что верховнымъ судьею будетъ тотъ же Борисъ, а себя подвергнетъ впослѣдствіи его мщенію. Шуйскій рѣшилъ вести слѣдствіе такъ, чтобы Борисъ былъ имъ вполнѣ доволенъ.

Слѣдствіе было произведено неправильно и недобросовѣстно; осмотра тѣла царевича не сдѣлали; людей, убившихъ Битяговскаго съ товарищами, не допросили; царицу тоже не спрашивали. Показанія, снятыя съ разныхъ лицъ, кромѣ показанія одного Михаила Нагого, гласили одно, что царевичъ зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Одни лгали, показывая, что сами видѣли, какъ происходило дѣло, другіе показывали тоже, не выдавая себя очевидцами [1]). Тѣло царевича было предано землѣ въ Угличскомъ Спасо-Преображенскомъ соборѣ.

Для доклада царю Ѳеодору Іоанновичу въ слѣдствіи было написано, что царевичъ заклался самъ, играя ножемъ въ тычку въ припадкѣ падучей болѣзни и что дьякъ Битяговскій и прочіе съ нимъ убиты народомъ совершенно невинно, по наущенію Нагихъ, враждовавшихъ противъ Битяговскаго. Нагіе вышли кругомъ виноваты и всѣхъ ихъ сослали въ разные города и заточили по тюрьмамъ. Царицу Марію Ѳеодоровну за небреженіе сына постригли неволею въ монахини, съ именемъ Мареы и сослали въ монастырь св. Николая на Выксѣ, въ Череповецкій уѣздъ. Тѣла злодѣевъ Битяговскаго и товарищей его, кинутыя угличанами въ яму, извлекли, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою честью; а гражданъ, виновныхъ развѣ въ томъ, что они неосмотрительно жили въ одномъ городѣ съ наслѣдникомъ престола Московскаго государства, казнили смертью, какъ измѣнниковъ и убійцъ, числомъ около 200; другимъ за смѣлыя рѣчи отрѣзали языки, иныхъ заточили, 60 семействъ сослали въ Сибирь и заселили ими городъ Пелымъ.

Тогда же подвергся ссылкѣ въ г. Тобольскъ и набатный колоколъ, обвиняемый въ томъ, что звонилъ при убіеніи царевича. Какъ особенность, этотъ колоколъ увѣнчивался крестнымъ

---

[1]) Подробно о слѣдственномъ дѣлѣ въ нашей книгѣ: Святый Страстотерпецъ благовѣрный князь Угличскій Царевичъ Димитрій, Московскій и всея Россіи Чудотворецъ, ц. 75 к.

знаменіемъ [1]), и поверхъ ушей на немъ доселѣ сохранилось возвышеніе въ родѣ Голгофы, на которой утвержденъ былъ крестъ. Согласно обычаю того времени, сохранившемуся вплоть до восемнадцатаго вѣка, увѣчить осужденныхъ въ ссылку преступниковъ,—рвать имъ ноздри, а иногда отрѣзать уши, чтобы отмѣтить ихъ и лишить надежды на успѣхъ побѣга,—и ссыльный колоколъ не избѣгъ этого варварскаго позора. Приказано было сбросить его съ Спасской колокольни и, лишивъ крестнаго знаменія, неблагосклонно надъ нимъ учинивъ, наказать его на площади, при соотвѣтствующей обстановкѣ, 12 ударами плетей; кромѣ того, приказано было вырвать у него языкъ и отрубить одно ухо,—это служило, какъ добавочное наказаніе и знакъ позора.

Когда угличанамъ былъ объявленъ такой жестокій приговоръ о ссылкѣ ихъ въ далекій край и когда наступило первое апрѣля 1592 года,—день ихъ высылки,—то въ Угличѣ былъ великій плачь и стенаніе, такъ какъ угличане сочли себя несправедливо наказанными [2]). Много несчастныхъ домохозяевъ съ женами и дѣтьми послѣдовали въ ссылку, сопровождаемые стрѣльцами и коннымъ приказомъ; набатный колоколъ ссыльные должны были тянуть на себѣ.

Цѣльный годъ несчастные угличане должны были страдать въ пути, прежде чѣмъ достигли мѣста своей ссылки, и можно съ увѣренностью сказать, что многіе изъ нихъ еще дорогой отъ изнуренія и болѣзни легли костьми, а большинство померли вскорѣ по прибытіи въ Пелымъ,—городъ, расположенный въ

---

[1]) Колокола, украшенные поверхъ ушей крестомъ, доселѣ сохранились при нѣкоторыхъ Угличскихъ церквахъ; а въ Московскомъ кремлѣ увѣнчанъ крестомъ „Царь-колоколъ“.

[2]) Сохранившійся подъ № 934 въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ древній Переяславскій лѣтописецъ такъ изображаетъ плачь злополучныхъ угличанъ: „Понеже и соблюдателей святаго царевича премного оскорбляетъ и по различнымъ градомъ и странамъ поточаетъ, но и весь царскій домъ похищаетъ, несытный, и до толика неточно всея царево-челобитныя сгнавы и спострадатели конечно изнуряетъ и многія потребляетъ и жизни временныя лишаетъ, но чтобы и колоколъ той великій, въ него же за убіеніе святаго царевича клирикъ церковный въ набатъ звоняше, бывъ на соборной колокольнѣ, и того злобный Борисъ обрестова и заточивъ изгнаніемъ своего царственнаго двора и столько града Углича и соборныя церкви разлучи и въ Сибирскую страну во градъ Тобольскъ нуждою съ Углича сославъ и неблагословна его учинивъ и церковнаго благовѣстія лишивъ и къ набатней башнѣ его неблагословна быти сопричте и простому звону соедини“.

Выпись изъ лѣтописи въ дѣлѣ Л. Ѳ. Соловьева, стр. 21.

мѣстности болотистой и неудобной для земледѣлія. Таковое заключеніе приходится сдѣлать на основаніи „Сибирской исторіи“ Фишера (С. П. Б. 1774 г.), гдѣ между прочимъ сказано, что въ 1621 году при провѣркѣ жителей въ Пелымѣ оказалось только „30 человѣкъ ссыльныхъ изъ Углича, которыхъ царь Борисъ Годуновъ для прикрытія учиненнаго по его повелѣнію надъ царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ смертоубійства приказалъ сослать въ сіе пустынное мѣсто“. Пелымскій воевода князь Петръ Горчаковъ объявилъ прибывшимъ угличанамъ наказъ, въ которомъ значилось, чтобы заставить угличанъ рубить городъ вмѣсто сгорѣвшаго въ 1521 году и оставаться въ немъ. Угличане слезно просили воеводу разрѣшить имъ послать въ Москву къ царю Ѳеодору Іоанновичу челобитную о помилованіи, но челобитная прибыла въ Москву, когда Ѳеодора Іоанновича уже не было въ живыхъ.

Не мало натерпѣлся дорогой и ссыльный колоколъ: станокъ, на которомъ его везли по горамъ, оврагамъ, болотамъ и рытвинамъ, долженъ былъ много разъ поломаться, а колоколъ падать; не даромъ же края его избиты и поломаны; при подъемахъ, подбиваясь подъ него ломомъ и вагами, невольно ломали края его. Онъ прибылъ въ Тобольскъ въ первой партіи ссыльныхъ, отправленныхъ изъ Углича въ Тобольскъ и Пелымъ. Тогдашній тобольскій воевода, князь Лобановъ-Ростовскій приказалъ колоколъ безъ уха сдать приказной избѣ, гдѣ онъ и былъ записанъ „первоссыльнымъ неодушевленнымъ съ Углича“.

Но все-таки онъ оказался болѣе счастливымъ, чѣмъ его товарищи по несчастью. По своему матеріалу онъ несравненно болѣе способенъ, чѣмъ человѣческое тѣло сопротивляться времени и страданіямъ, а потому онъ пережилъ свою рану и дождался, хотя и не скоро, возвращенія въ свой родной Угличъ.

II.

Первая попытка угличанъ вернуть изъ далекой Сибири въ родной городъ знаменитый свой памятникъ—ссыльный колоколъ относится къ 1849 году. Иниціатива этого дѣла принадлежитъ небольшому кружку любителей мѣстной старины и этнографіи края,—каковыми тогда были два угличскихъ мѣщанина Иванъ Петровичъ Серебренниковъ съ сыномъ его Василіемъ Ивановичемъ (ум. 1885 года) и штатный смотритель Угличскихъ городскихъ училищъ Ѳедоръ Харитоновичъ Киссель (ум. 10-го мая 1852 года) [1].

[1]) Угличанинъ 1906 г. № 4 и 1907 г. №№ 94—100.

На одной изъ вечеринокъ И. П. Серебренниковъ передалъ Кисселю свою мысль,—возбудить предъ правительствомъ ходатайство о возвращеніи въ Угличъ изъ Тобольска ссыльнаго колокола. Мысль эту поддержалъ Василій Ивановичъ, а особенно восторженно она была встрѣчена авторомъ „Исторіи г. Углича“ Ѳ. Х. Кисселемъ, который отъ радости захлопалъ въ ладоши и запрыгалъ.

По предложенію Ѳ. Х. Кисселя, было написано письмо на имя смотрителя Тобольскаго уѣзднаго училища, оказавшагося впослѣдствіи В. И. Скорбневымъ, съ просьбою о сообщеніи имъ нѣкоторыхъ свѣдѣніи о тогда еще загадочномъ колоколѣ. Г-нъ Скорбневъ удовлетворилъ желаніе угличскихъ патріотовъ и въ отвѣтномъ письмѣ сообщилъ довольно подробныя свѣдѣнія о его первоначальномъ назначеніи и о дальнѣйшей его судьбѣ, а также его вѣсъ и особыя примѣты. Въ дополненіе къ описанію приложенъ былъ рисунокъ ссыльнаго узника.

Полученіе свѣдѣній о существованіи историческаго колокола совпало какъ разъ съ пріѣздомъ въ Угличъ по дѣлу угличскихъ старообрядцевъ чиновника особыхъ порученій при ярославскомъ губернаторѣ Ивана Сергѣевича Аксакова, писателя, славянофила, которому И. П. Серебренниковъ передалъ свою мысль и просилъ его совѣта и указаній, какъ удобнѣе возбудить предъ правительствомъ ходатайство о возвращеніи памятника въ Угличъ. Аксаковъ, восторженно одобривъ эту мысль, сказалъ: „Теперь самое удобное время для возбужденія ходатайства: въ виду смутъ на западѣ, правительство признало, что самою тонкою политикою съ его стороны будетъ поддерживать любовь ко всему отечественному, а потому это дѣло будетъ имѣть полный успѣхъ“. При этомъ Иванъ Сергѣевичъ предложилъ Серебренникову свое посредничество въ подачѣ прошенія угличанъ министру внутреннихъ дѣлъ. Серебренниковы составили прошеніе и собрали до сорока подписей угличскихъ гражданъ; но почему-то прошеніе не было подписано ни городскимъ головой—Суринымъ, ни соборнымъ проторіереемъ Д. Поповымъ. Подбадриваемое участіемъ И. С. Аксакова, дѣло о возвращеніи колокола за счетъ угличскихъ гражданъ быстро двинулось впередъ: прошеніе на Высочайшее имя черезъ И. С. Аксакова передано министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому, которымъ и было вскорѣ доложено на Высочайшее разсмотрѣніе.

Письмомъ отъ 16 августа И. С. Аксаковъ сообщилъ Серебренникову о положенной Государемъ Императоромъ резолюціи

на прошеніи угличанъ слѣдующаго содержанія:—„Удостовѣрившись предварительно въ справедливости существованія колокола въ Тобольскѣ и по сношеніи съ оберъ-прокуроромъ, просьбу сію удовлетворить“. Письмо свое И. С. Аксаковъ закончилъ словами:“ Дай Богъ только, чтобы онъ (колоколъ) поскорѣе вернулся.—Приготовьте ему торжественную встрѣчу“.— Но этимъ пылкимъ желаніямъ суждено было осуществиться лишь спустя сорокъ два года и оба Серебренниковы и Киссель не дожили до той торжественно-религіозной встрѣчи, какою почтили угличане въ 1892 году возвращеніе трехсотлѣтняго ссыльнаго.

Исполняя повелѣніе Монарха, министръ вошелъ въ сношеніе съ и. д. оберъ-прокурора Св. Синода Карасевымъ, который обратился съ запросомъ о ссыльномъ колоколѣ къ Георгію архіепископу Тобольскому. Архіепископъ сообщилъ Св. Синоду, что въ Тобольскѣ при крестовой Свято-Духовской церкви тамошняго архіерейскаго дома дѣйствительно находится корноухій колоколъ, слывущій ссыльнымъ и что въ „краткомъ показаніи о сибирскихъ воеводахъ“. написанномъ на основаніи преданія, въ Тобольскомъ архіерейскомъ домѣ 1791 года и напечатанномъ въ Тобольскѣ въ 1792 году на страницѣ 4-й подъ № 1594 годомъ есть запись: „въ 1593 году присланъ былъ въ Тобольскъ въ ссылку колоколъ безъ уха, въ который били въ набатъ, какъ царевичу Димитрію на Угличѣ сдѣлалось убіеніе“. Но въ заключеніе архіепископомъ было сказано, что съ полною достовѣрностью утверждать, что названный колоколъ есть тотъ самый, который присланъ изъ Углича въ Тобольскъ, нѣтъ основанія по отсутствію первоначальныхъ историческихъ о семъ документовъ въ мѣстныхъ архивахъ,—какъ объ этомъ доложилъ ему одинъ изъ мѣстныхъ протоіереевъ, наводившій справки, по порученію епархіальной власти, въ мѣстныхъ архивахъ.

Затѣмъ, Св. Синодъ сдѣлалъ предписаніе Ярославской духовной консисторіи собрать точныя свѣдѣнія, не извѣстно ли епархіальному начальству или духовенству г. Углича чего-либо положительнаго о томъ колоколѣ, о возвращеніи котораго изъ Тобольска просятъ угличскіе граждане. Вслѣдствіе этого духовная консисторія, съ утвержденія тогдашняго архіепископа ярославскаго и ростовскаго Евгенія, указомъ отъ 25 іюля 1850 года сдѣлала сообразное тому предписаніе угличскому духовному правленію; въ этомъ предписаніи велѣно было обратить вниманіе и на архивъ правленія. Но такъ какъ ходатай-

ство о возвращеніи колокола возбуждено было безъ участія городского головы и соборнаго духовенства, то духовное правленіе отнеслось къ запросу совершенно оффиціально, отвѣтивъ, что при угличскихъ церквахъ, по розысканіи мѣстнаго духовенства, ничего относящагося къ этому вопросу не оказалось; а что касается до архива духовнаго правленія, то хранящіяся въ немъ бумаги восходятъ не далѣе 1740 года и, разумѣется, онъ не могъ послужить никакимъ документомъ по вопросу о колоколѣ. Но за всѣмъ тѣмъ нѣкоторыя лица изъ угличскаго духовенства выставили на видъ мѣстное преданіе, свидѣтельствующее о ссылкѣ угличскаго набатнаго колокола въ Тобольскъ и, какъ на доказательство этого, ссылались на извѣстія объ этомъ обстоятельствѣ, находящіяся „въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ", Новикова, въ „Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина и въ „Памятникахъ московскихъ древностей", Снѣгирева. Преосвященный Евгеній, донося Св. Синоду, прибавилъ, что епархіальному начальству „ничего положительно объ означенномъ колоколѣ неизвѣстно".

Св. Синодъ, разсмотрѣвъ приведенныя угличскимъ духовенствомъ свѣдѣнія о колоколѣ, нашелъ ихъ, точно такъ и сообщенныя преосвященнымъ Георгіемъ неудовлетворительными и въ опредѣленіи своемъ, подписанномъ 11 мая 1851 года, объявилъ, что сими свѣдѣніями не подтверждается мысль, что сей колоколъ есть тотъ самый, которымъ возвѣщено было въ Угличѣ убіеніе царевича Димитрія, и что, вѣроятно, мысль сія уже поколеблена въ понятіяхъ самихъ угличскихъ жителей извѣстіемъ, напечатаннымъ въ ярославскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1850 года № 5.—Этимъ и окончилась первая попытка угличанъ возвратить свой ссыльный корноухій колоколъ.

III.

Въ № 5 за 1850 годъ ярославскихъ губернскихъ вѣдомостей дѣйствительно помѣщена была замѣтка „Ссыльный угличскій колоколъ въ Тобольскѣ" слѣдующаго содержанія:

Самый замѣчательный въ историческомъ отношеніи изъ привезенныхъ въ Сибирь колоколовъ есть, конечно, Угличскій корноухій (такъ его именовали тобольцы) тотъ самый, въ который били въ Угличѣ въ набатъ, по случаю умерщвленія царевича Димитрія Борисомъ Годуновымъ. Не терпя изобличителей своего преступленія, одушевленныхъ отправилъ онъ въ Пелымъ, а неодушевленнаго, съ отсѣченіемъ уха, сослалъ въ 1593 году въ Тобольскъ. Здѣсь онъ висѣлъ сначала на Спасской коло-

кольнѣ, но потомъ, какими-то судьбами попалъ на соборную, наконецъ въ 1837 году, по распоряженію архіепископа тобольскаго Аѳанасія, снятъ оттуда и повѣшенъ подлѣ архіерейскаго дома, при крестовой архіерейской церкви, подъ небольшимъ деревяннымъ навѣсомъ. Цѣлью послѣдняго перемѣщенія было то, чтобы показать, если потребуется, эту историческую достопримѣчательность Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику, который въ 1837 году былъ въ Тобольскѣ, а также и то еще, что передъ тѣмъ временемъ была перестроена крестовая церковь и колокола побольше при ней не имѣлось. Теперь Угличскій колоколъ сзываетъ къ богослуженію, бывающему въ крестовой церкви; но доколѣ онъ висѣлъ на соборной колокольнѣ въ него отбивали часы и при пожарныхъ случаяхъ били въ набатъ. Вѣсу въ Угличскомъ колоколѣ 19 пуд. 20 фун. Онъ корноухій, т. е. съ отсѣченнымъ ухомъ, что сдѣлано, какъ замѣчено было, по приказанію Бориса Годунова и звукъ имѣетъ рѣзкій и громкій; по краямъ его вырѣзана (а не вылита) слѣдующая надпись: „Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи Благовѣрнаго Царевича Димитрія, въ 1593 году, присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку въ градъ Тобольскъ, къ церкви Всемилостиваго Спаса, что на торгу, и потомъ на Софійской колокольнѣ былъ набатный“. Складъ надписи, форма буквъ новѣйшаго времени и упоминаніе о томъ какую должность отправлялъ колоколъ, доколѣ находился на колокольнѣ Софійскаго каѳедральнаго собора, очевидно показываетъ, что надпись не древняя; да есть слухъ, что и самый колоколъ не настоящій: Угличскій когда-то и по какому-то случаю разбился, его перелили, но ухо отсѣкли у вновь отлитаго для того, что такъ было у первообраза его“. Другое замѣчаніе: Карамзинъ въ 245 примѣч. къ X т. своей „Исторіи Россійскаго Государства“ сказалъ: „въ Тобольскѣ между колоколами церкви Всемилостивѣйшаго Спаса, показываютъ набатный Угличскій колоколъ, коего звукъ извѣстилъ тамошнихъ жителей объ убіеніи Димитрія царевича“. Нѣкогда, впрочемъ, никакъ не ранѣе половинѣ прошедшаго столѣтія, это было такъ: но когда была писана и издана „Исторія Россійскаго Государства“ было уже иначе. Подобная ошибка допущена въ „Памятникахъ московской древности“, Снѣгирева, на стр. 201 и въ описаніи монастырей, епархій и замѣчательныхъ церквей, въ Рос. Имперіи находящихся, изданныхъ при полномъ христіанскомъ мѣсяцесловѣ 1825 года на стр. 145. Замѣтка эта перепечатана въ ярославскія вѣдомости изъ „Москвитянина“, а туда съ нѣ-

которыми неважными измѣненіями взята изъ „Маяка“ за 1845 годъ.

Дѣйствительно, замѣчаніе Н. М. Карамзина о томъ, при какой изъ тобольскихъ церквей находился въ его время угличскій ссыльный колоколъ, невѣрно; въ то время, когда жилъ Карамзинъ, Спасской церкви въ Тобольскѣ уже не существовало и колоколъ находился на другомъ мѣстѣ. Ошибочны также показанія о колоколѣ, помѣщенныя въ „Памятникахъ московской древности“ Снѣгирева въ „Описаніи монастырей, епархій и замѣчательныхъ церквей, въ Россійской Имперіи находящихся“.

Замѣтки объ Угличскомъ ссыльномъ колоколѣ принадлежатъ тобольскому археологу священнику, а впослѣдствіи протоіерею А. Сулоцкому, тому самому, который по порученію тобольской духовной консисторіи наводилъ справки въ мѣстныхъ архивахъ объ угличскомъ ссыльномъ колоколѣ и донесъ консисторіи, что имъ не открыто никакихъ документовъ о ссылкѣ колокола, и хотя существуетъ въ городѣ колоколъ съ подобною странною надписью, но происхожденіе его неизвѣстно.

Впослѣдствіи о. Сулоцкій измѣнилъ свой первоначальный взглядъ на ссыльный колоколъ.

Въ другой своей статьѣ „Замѣчательные по Сибири колокола и между ними ссыльный угличскій“, напечатанной въ № 10 тобольскихъ губернскихъ вѣдомостей за 1858 годъ, онъ уже признаетъ ссыльный колоколъ за настоящій угличскій. Конечно, говоритъ онъ, слухъ о разбитіи колокола и переливкѣ его не вымышленъ мною; я его слышалъ отъ лицъ значительныхъ и, повидимому, отъ знатоковъ сибирскихъ древностей, отъ людей образованныхъ (есть изъ нихъ и живые, есть и умершіе). Но, продолжаетъ онъ, признаюсь откровенно (истина для меня выше мелочного самолюбія) мною онъ былъ принятъ безъ критики, единственно на основаніи авторитета и безъ осмотрительности пущенъ въ ходъ печатно, даже за предѣлы Тобольска. Перемѣна въ мысляхъ о. Сулоцкаго объ угличскомъ колоколѣ произошла, какъ онъ самъ заявляетъ, не вслѣдствіе сторонняго вліянія, а вслѣдствіе новаго тщательнѣйшаго съ критикою обзора ссыльнаго колокола и надписи на немъ.—Обстоятельство важное, когда самый предметъ убѣждаетъ изслѣдователя въ своей подлинности.

Изъ говорившихъ о. Сулоцкому о неподлинности угличскаго колокола одни утверждали, пишетъ онъ, что онъ разбился еще на пути въ Тобольскъ, гдѣ-то около Тюмени, т. е. въ то

время, когда его везли въ ссылку, и тогда онъ былъ перелитъ; другіе, напротивъ, увѣряли, что онъ или разбился при паденіи старой соборной колокольни около 1780 года, или растопился во время такъ называемаго большого тобольскаго пожара 27—28 апрѣля 1788 года и послѣ того или другого случая немедленно колоколъ былъ перелитъ, послѣ чего и ухо у него отсѣчено по примѣру его первообраза. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ изъ этого слуха никакого точнаго вывода сдѣлать нельзя. Сибирскіе колокола, какъ и вообще всѣ церковныя принадлежности, а равно и все духовное сословіе въ Сибири, съ перваго появленія здѣсь русскихъ было сборное изъ разныхъ русскихъ городовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1592 году „по государеву царю и великаго князя Θеодора Ивановича всея Россіи указу“ велѣно послать въ Сибирь въ новый городъ Таборы образы, книги и все церковное строеніе *и колокола*, а священника въ тотъ новый городъ Таборы велѣно воеводѣ князю П. И. Горчакову взять изъ Перьми угличскаго, а дьякона, ѣдучи въ Сибирь [1]) взять въ Ростовѣ [2]).—Въ сентябрѣ 1599 года царь Борисъ Θедоровичъ велѣлъ березовскому воеводѣ Ивану Волынскому построить въ с. Кодѣ церковь Живоначальныя Троицы и послалъ туда все церковное строеніе, въ томъ числѣ и колокола [3]). Въ 1602 году, по указу царя Бориса Θедоровича отправлены были изъ Москвы въ г. Верхотурье иконы, книги, царскія двери и колоколъ, съ тѣмъ, чтобы колоколъ былъ пересланъ въ Пелымъ [4]). Кипріанъ, первый тобольскій епископъ (1620—1624), привезъ съ собой изъ Москвы для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ паствы не только богослужебныя книги, ризы, стихари, ладонъ, миро, но и колокола и снабжалъ ими новопостроенные храмы [5]). Нѣкоторые колокола привезены въ Сибирь даже изъ-за границы. Такъ въ Тобольскѣ на Богородицкой церкви имѣется одинъ колоколъ, выписанный изъ Голландіи и литый въ Амстердамѣ [6]).

Видимо въ Сибири на первыхъ порахъ ея завоеванія лить колокола было некому и только впослѣдствіи лили колокола въ

---

[1]) Чрезъ Троице-Сергіеву Лавру, Ростовъ и Ярославль, а съ другого конца по р. Тавдѣ подлѣ Пелымя и Таборъ шелъ тогда первоначальный путь изъ Москвы въ Сибирь.

[2]) Миллеръ. Описаніе Сибирскаго царства, Спб. 1750 г., стр. 234.

[3]) Митр. Макарій. Исторія Русской церкви, т. X, стр. 75.

[4]) Тамъ же.

[5]) Проф. П. Буцинскій. Цер. Вѣд. 1912 г. стр. 632.

[6]) Пылаевъ. Объ Угличскомъ ссыльномъ колоколѣ. Историческій Вѣстникъ 1890 года Октябрь.

Тюмени и Енисейскѣ, по большой части грубой отдѣлки, не большіе и не особенно благозвучные [1]). Звукъ же корноухаго колокола рѣзкій и громкій. Согласимся, впрочемъ, говоритъ Сулоцкій, что въ 1593 году нашелся мастеръ для переливки сосланнаго Борисомъ Годуновымъ изъ Углича, но разбившагося колокола. Отчего же, однако, не видно изъ сибирскихъ лѣтописей, какъ напечатанныхъ уже (напримѣръ въ III части Древней Россійской Вивліоѳики подъ названіемъ „Записки къ Сибирской исторіи служащія", а также лѣтописи Саввы Есипова, бывшаго дьяка архіерейскаго дома), такъ и остающихся еще въ рукописяхъ (напримѣръ Сибирской Лѣтописи Черепанова, хранящейся въ тобольской семинарской библіотекѣ и др.) ни однимъ словомъ не упомянуто ни о разбитіи, ни о переливкѣ ссыльнаго колокола, тогда какъ въ иной изъ нихъ, напримѣръ, хранящейся въ семинарской библіотекѣ, словоохотливый авторъ говоритъ о всякой мелочи.

Еще неправдоподобнѣе, говоритъ авторъ, слухъ о неподлинности угличскаго колокола во второмъ его видѣ. Положимъ и здѣсь, что колоколъ или разбился при паденіи старой соборной колокольни около 1780 года, или растопился въ большой пожаръ 1788 года и что тотчасъ перелили его; но отъ чего же желавшіе сохранить угличскій колоколъ, какъ историческую цѣнность, хотя и въ перелитомъ видѣ, заботившіеся о томъ, чтобы увѣковѣчить память какъ о ссылкѣ, такъ и о послѣдующей его судьбѣ надписью на немъ самомъ, отчего эти лица не приказали мастеру отлить надпись на самомъ колоколѣ. Дѣло это для колокольныхъ мастеровъ весьма обыкновенное. Допустимъ и то, что или мастеръ не взялся за отливку надписи или сами распоряжавшіеся этимъ дѣломъ вспомнили о надписи уже послѣ переливки колокола и потому приказали ее вырѣзать. Но въ такомъ случаѣ цвѣтъ поверхности колокола и цвѣтъ буквъ вырѣзанной на немъ надписи былъ бы совершенно одинаковый; а этого-то и нѣтъ: цвѣтъ поверхности колокола сѣрый или сѣроватый, какъ обыкновенно бываетъ у старыхъ давно литыхъ колоколовъ, цвѣтъ же надписи на немъ гораздо свѣтлѣе, новѣе [2]).

Не можетъ быть, чтобы дѣйствительно случившееся разби-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Невѣрный слухъ о растопленіи Угличскаго колокола во время большого тобольскаго пожара произошелъ, по мнѣнію о. А. Сулоцкаго, оттого, что подобное обстоятельство дѣйствительно случилось тогда съ нѣкоторыми соборными колоколами, какъ напр., съ трехсотеннымъ.

тіе и переливка колокола не оставили по себѣ въ мѣстности гораздо отчетливѣйшей памяти, нежели каковъ означенный слухъ съ его неопредѣленными выраженіями: „когда-то и по какому-то случаю“. Довольно подробныя свѣдѣнія о томъ, въ какое время и въ какомъ мѣстѣ находился колоколъ, какое имѣлъ назначеніе, куда поступилъ потомъ и проч. показываютъ, что тогдашнее тобольское общество постоянно имѣло его, такъ сказать, въ виду, какъ предметъ особенно замѣчательный по своей исторической древности. Твердая увѣренность въ этомъ вызвала потребность выразить ее надписью на самомъ колоколѣ и тѣмъ какъ будто заставляетъ его самого говорить о своей исторической участи. Надпись сдѣлана, съ достовѣрностью можно полагать, по распоряженію Тобольскаго преосвященнаго Варлаама, управлявшаго тобольской епархіей съ 1768 по 1802 годъ. Въ то время колоколъ былъ снятъ съ Софійской колокольни. Приказывая вырѣзать на колоколѣ надпись, архіепископъ основывался на древнемъ преданіи, которое гласитъ, что настоящій колоколъ дѣйствительно есть тотъ самый, который былъ сосланъ изъ Углича въ Тобольскъ Борисомъ Годуновымъ. Преданіе сіе, въ началѣ переходившее изъ устъ-въ-уста, въ 1792 году было занесено въ „Краткое сказаніе о сибирскихъ воеводахъ“, написанное на основаніи преданія въ Тобольскѣ въ 1793 году. Таковое Тобольское преданіе о корноухомъ колоколѣ, за отсутствіемъ подлинныхъ и притомъ оффиціальныхъ документовъ о его происхожденіи, во всякомъ случаѣ служитъ достаточнымъ основаніемъ для признанія его за подлинный; ибо опровергнуть это преданіе, за отсутствіемъ твердыхъ основаній, очень трудно. Нѣтъ надобности, что надпись не древняя; пускай сдѣлали бы ее еще позднѣе; тутъ дѣло не въ томъ, когда сдѣлана надпись, а въ слѣдствіе какой мысли сдѣлана. Невозможность и несообразность помѣщенія подобной надписи на колоколѣ неподлинномъ видна сама собою. Въ области русскихъ древностей,—говоритъ извѣстный историкъ археологъ И. Забѣлинъ,—очень многое остается и до сихъ поръ подлиннымъ на основаніи только однихъ преданій, такъ какъ преданія въ иныхъ случаяхъ бываютъ достовѣрнѣе самыхъ документовъ [1]).

Замѣчательно, говоритъ о. Сулоцкій,—что надпись на ссыльномъ колоколѣ вырѣзана именно въ то время, въ которое пред-

---

[1]) Отношеніе Императорскаго Историческаго Музея отъ 23 августа 1891 г. № 542, дѣло Л. Ѳ. Соловьева, л. 69—70.

полагается переливка его, т. е. между 1780—1797 гг. Доказательство справедливости сего замѣчанія находится на самомъ колоколѣ, въ самой надписи на колоколѣ. Въ ней говорится... „а потомъ (онъ) на Софійской колокольнѣ былъ часобитнымъ". „На Софійской колокольнѣ былъ"—изъ этихъ словъ очевидно, что надпись вырѣзывалась въ такое время, когда ссыльный колоколъ не былъ на соборной (Софійской) колокольнѣ, а такихъ случаевъ съ колоколомъ было только два: первый между 1780—1797 гг., второй съ 1836 г., когда колоколъ спущенъ былъ съ соборной колокольни и повѣшенъ подлѣ архіерейской церкви подъ небольшимъ навѣсомъ. Но при послѣднемъ случаѣ надписи не вырѣзывали: иначе по недавности случая объ этомъ знали бы въ Тобольскѣ многіе, особенно соборяне и распоряжавшіеся перестройкой передъ тѣмъ временемъ домовой архіерейской церкви и всѣмъ до нея касавшимся, и я самъ отъ нихъ, или даже отъ самого преосвященнаго Аѳанасія слышалъ бы о томъ; да и надпись, судя по образованности распорядителей (покойнаго игумена Макарія и ключаря П. М. Карпинскаго) была бы составлена, безъ всякаго сомнѣнія, немного потолковѣе, пограмотнѣе въ сравненіи съ той, какая теперь существуетъ на колоколѣ (Тобольскія губернскія вѣдомости 1858 г. № 10).

Подлинность угличскаго колокола подтверждается не только надписью, которая на немъ имѣется, но вообще всѣмъ его внѣшнимъ видомъ. Разсматривая колоколъ, нельзя не замѣтить, что поверхность его очень старая и отъ древности самая мѣдь сѣраго цвѣта. При самомъ тщательномъ осмотрѣ не найдется ни малѣйшаго даже намека на то, что этотъ колоколъ не настоящій Подрывающіе довѣріе къ колоколу обыкновенно говорятъ, что настоящій колоколъ когда-то разбился и его перелили, а ухо отсѣкли у вновь отлитаго для того, что такъ было у первообраза. Такое мнѣніе впервые появилось на мѣстѣ ссылки колокола—въ Тобольскѣ. Но первообразъ, т. е. угличскій ссыльный колоколъ, какъ извѣстно, при наказаніи лишенъ былъ не только уха, но и крестнаго знаменія, т. е. креста, утвержденнаго поверхъ ушей колокола на возвышеніи въ родѣ Голгофы, на которой и доселѣ не трудно замѣтить круглое углубленіе, гдѣ утвержденъ былъ крестъ, снятый съ колокола передъ наказаніемъ его плетьми. Видимо, въ Тобольскѣ не знали, что корноухій колоколъ до наказанія увѣнчивался крестомъ: въ противномъ случаѣ авторъ статьи, подрывая довѣріе къ подлинности корноухаго колокола, не преминулъ бы сказать, что при пере-

ливкѣ его отсѣкли у него не только ухо, но и отлили на немъ углубленіе, гдѣ можно утвердить крестъ, какъ было у первообраза. Сохранившееся доселѣ на угличскомъ ссыльномъ колоколѣ мѣсто, гдѣ утвержденъ былъ крестъ,—это есть одно изъ сильныхъ доказательствъ подлинности угличскаго колокола.

Основываясь на всемъ приведенномъ, можно сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что находившійся въ Тобольскѣ при Крестовой Свято-Духовской церкви корноухій колоколъ есть дѣйствительно тотъ самый, которымъ въ 1591 году, въ роковой день 15 мая, въ обычный обѣденный часъ, соборный сторожъ Михаилъ Кузнецовъ и вдовый священникъ Ѳедотъ, по прозванію Огурецъ, набатнымъ звономъ встревожили мирный Угличъ и что передаваемый замѣткою Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостей слухъ о разбитіи и переливкѣ колокола не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія и не можетъ нисколько поколебать мысль о подлинности этого колокола.

IV.

Въ 1887 году среди угличанъ опять возникъ вопросъ о возвращеніи ссыльнаго колокола въ родной городъ Угличъ. Въ этомъ году въ „Новомъ Времени“ за 22 августа была помѣщена между прочимъ замѣтка о томъ, что въ Тобольскѣ имѣется колоколъ, сосланный туда изъ Углича, по повелѣнію Бориса Годунова, за то, что въ него звонили въ набатъ, когда убили царевича Димитрія. Прочитавъ объ этомъ, проживающій въ то время въ С.-Петербургѣ угличскій гражданинъ Леонидъ Ѳедоровичъ Соловьевъ задался мыслью, во что бы то ни стало, добиться возвращенія въ Угличъ ссыльнаго колокола, какъ неотъемлемой собственности г. Углича и какъ предметъ исторической древности. Своею мыслью г. Соловьевъ подѣлился съ проживающими въ С.-Петербургѣ своими земляками, и тѣ отнеслись къ нему живымъ сочувствіемъ и полною готовностью участвовать въ тѣхъ расходахъ, какіе потребуются по этому дѣлу.

По приглашенію г. Соловьева, угличане собрались для совѣщанія 11 января 1888 года и избранный предсѣдателемъ собранія Л. Ѳ. Соловьевъ, привѣтствуя собравшихся своихъ земляковъ, обратился къ нимъ съ рѣчью такого содержанія:

„Вамъ, конечно, уже извѣстно, что мы собрались сюда затѣмъ, чтобы вмѣстѣ обдумать способъ ходатайства о возвращеніи изъ Тобольска колокола, который по повелѣнію Бориса Годунова въ 1592 году вывезенъ былъ туда изъ нашего род-

ного Углича. Я считаю не лишнимъ, милостивые государи, напомнить Вамъ въ короткихъ словахъ ту страницу исторіи, которая говоритъ о тяжеломъ, гнусномъ преступленіи, совершенномъ въ 1591 году въ нашемъ родномъ городѣ—объ убіеніи царевича Димитрія. Этотъ прискорбный фактъ до сихъ поръ темнымъ пятномъ лежитъ на исторіи родного нашего города. Но не одно только напоминаніе исторіи бросаетъ укоръ намъ, угличанамъ, и вызываетъ въ насъ тяжелое чувство,—нѣтъ, нашъ изгнанникъ колоколъ, пока онъ остается вдали отъ насъ, на чужбинѣ, въ Тобольскѣ, служитъ намъ постояннымъ напоминаніемъ о гнусномъ злодѣяніи, совершенномъ когда-то въ нашемъ родномъ городѣ и тяжелымъ гнетомъ, лежащимъ на его исторіи. Но, милостивые государи, исторія какъ безпристрастная цѣнительница событій, бросая укоръ мѣсту, гдѣ совершилось страшное дѣло, должна снять позоръ съ людей и предметовъ, непричастныхъ къ этому дѣлу, и исторія давно уже по справедливости оцѣнила фактъ, она указала уже настоящихъ злодѣевъ и нашъ изгнанникъ—колоколъ, по суду исторіи, оказался нимало непричастнымъ къ тяжелому событію 1591 года; онъ терпитъ, если можно такъ выразиться, незаслуженное наказаніе—ссылку по оговору. Настало время исправить ошибку—снять позоръ съ невиннаго. Будемъ же ходатайствовать о его возвращеніи на родину, къ намъ въ Угличъ. Звонъ его въ нашемъ родномъ городѣ напоминаетъ ему о томъ счастливомъ времени, когда Угличъ былъ незабытымъ далекимъ угломъ, а цвѣтущимъ торговымъ городомъ, имѣвшимъ далеко немалое значеніе въ семьѣ другихъ русскихъ городовъ. Пусть наши земляки подъ его звонъ вспомнятъ далекое прошлое своего города; пусть подъ этотъ звонъ они воспрянутъ духомъ и по примѣру своихъ предковъ постараются поставить свой родной городъ на тотъ уровень, на которомъ онъ былъ въ болѣе счастливое время“.

Въ заключеніе своей рѣчи, предсѣдатель собранія предложилъ обществу рѣшить вопросъ, какъ удобнѣе повести дѣло о возвращеніи колокола, чрезъ угличскую ли городскую думу или обратиться непосредственно съ ходатайствомъ къ Государю Императору. Собраніе единогласно рѣшило просить угличскую городскую думу присоединиться къ общему желанію петербургскаго общества угличанъ и принять участіе въ возвращеніи въ Угличъ ссыльнаго колокола. Постановленіе собранія земляковъ занесено было въ протоколъ и скрѣплено 59 подписями.

Угличскій городской голова, съ разрѣшенія ярославскаго

губернатора внесъ протоколъ на обсужденіе городской думы и, по обмѣнѣ гласныхъ мнѣніями, выяснилось, что собраніе, вполнѣ сочувствуя возвращенію ссыльнаго колокола въ Угличъ, не находитъ препятствій къ возбужденію проживающими въ С.-Петербургѣ земляками этого ходатайства предъ правительствомъ. Въ виду сего, единогласно постановлено: выразить отъ имени думы г. Соловьеву глубокую благодарность за иниціативу вопроса о возвращеніи въ Угличъ изъ Тобольска ссыльнаго колокола съ искреннимъ пожеланіемъ возможнаго скорѣйшаго разрѣшенія этого вопроса и увѣдомить его, что со стороны городского общественнаго управленія не встрѣчается препятствій къ возбужденію предъ Его Императорскимъ Величествомъ ходатайства о возвращеніи въ Угличъ ссыльнаго колокола.

Получивъ уполномочіе на ходатайство отъ угличской городской думы, г. Соловьевъ 18 апрѣля 1888 года принесъ всеподданнѣйшую просьбу на Высочайшее имя, и Государь Императоръ 19 мая изволилъ начертать слѣдующую резолюцію: „Просьбу угличанъ удовлетворить и ссыльный угличскій колоколъ возвратить, ежели таковой окажется въ Тобольскѣ“. На основаніи таковой резолюціи, командующій Императорскою главною квартирою генералъ-адъютантъ Рихтеръ 27 мая за № 11357 препроводилъ прошеніе г. Соловьева въ Министерство внутреннихъ дѣлъ, а министръ передалъ его на заключеніе Св. Синода.

Опасаясь, какъ бы дѣло о возвращеніи колокола не окончилось такъ же неудачно, какъ ходатайство угличанъ въ 1849 году, г. Соловьевъ счелъ необходимымъ, съ своей стороны обратиться съ просьбою къ преосвященному Авраамію, епископу тобольскому о высылкѣ ему удостовѣренія, какъ о мѣстѣ нахожденія колокола, такъ и о томъ, въ какомъ видѣ и съ какого именно времени ссыльный угличскій колоколъ находится въ Тобольскѣ. Отвѣтъ получился неутѣшительный. Тобольская духовная консисторія, отношеніемъ отъ 26 октября 1888 года за № 6572, чрезъ полицію объяснила г. Соловьеву, что при церкви тобольскаго архіерейскаго дома дѣйствительно имѣется колоколъ съ извѣстной уже намъ надписью, но „кто и по чьему приказанію вырѣзалъ таковую надпись, а равно и когда, отъ кого и въ какомъ видѣ полученъ былъ первоначально въ Тобольскѣ сей колоколъ—неизвѣстно, церкви Всемилостивѣйшаго Спаса что на торгу въ Тобольскѣ нѣтъ, да и неизвѣстно, гдѣ существовалъ такой торгъ, или торжекъ“. Вообще, по мнѣнію консисторіи, нѣтъ основанія утверждать, по отсутствію первона-

чальныхъ историческихъ данныхъ, что названный колоколъ есть тотъ самый, который былъ присланъ изъ Углича въ Тобольскъ.

Такой отвѣтъ тобольской духовной консисторіи можно объяснить или нежеланіемъ ея дать нужныя свѣдѣнія о ссыльномъ колоколѣ, или же совершеннымъ незнаніемъ исторіи города.

Какъ только основанъ былъ городъ Тобольскъ (1586 г.), въ немъ построены и первыя церкви царскимъ воеводою Чулковымъ: Вознесенская, Троицкая и затѣмъ Спасская [1]). Что дѣйствительно въ Тобольскѣ существовала Спасская церковь, въ этомъ удостовѣрялъ г. Соловьева дѣйствительный членъ уральскаго общества любителей естествознанія и тобольскаго губернскаго статистическаго комитета Флоріанъ Ляхмайеръ письмомъ отъ 2 января 1889 года [2]). Онъ пишетъ: „стоитъ только взглянуть на планъ города Тобольска до 1698 года и подъ № 7 она (Спасская церковь) значится; подъ № 18—Спасская башня и часы, подъ литерою В—Спасская улица продольная на горѣ; подъ лит. Л.—Спасская улица поперечная; всѣ эти названія говорятъ въ пользу существованія Спасской церкви. Далѣе, продолжаетъ Ляхмайеръ, на планѣ подъ №№ 50, 51 и 49 находились гостиный дворъ, таможня, торговые ряды, а по народному изреченію „торгъ“ или „торжокъ“ и приходился онъ какъ разъ противъ церкви Всемилостиваго Спаса. Отсюда и названіе Спасской церкви „на торгу“. Эта церковь была ближайшей къ воеводской приказной избѣ.

Колоколъ сосланъ былъ въ г. Тобольскъ, когда еще не была учреждена тобольская епархія и Сибирь въ церковномъ отношеніи состояла подъ вѣдѣніемъ Всероссійскаго патріарха, а въ гражданскомъ отношеніи до 1708 года нынѣшняя Тобольская губернія, какъ часть Сибири, управлялась воеводами, зависѣвшими непосредственно отъ Сибирскаго приказа въ Москвѣ и всѣ оффиціальныя сношенія столицы съ Сибирью, не исключая и дѣлъ церковныхъ (до учрежденія въ 1620 г. тобольской епархіи) направлялись прямо къ воеводамъ. Ссыльный колоколъ безъ уха и языка Борисомъ Годуновымъ, по всей вѣроятности, направленъ былъ въ вѣдѣніе воеводы, а отсюда въ ближайшую церковь, каковою была церковь Всемилостиваго Спаса „на торгу“. Можно допустить и то, что по смерти Годунова колоколъ въ церкви былъ выпрошенъ у начальства, такъ

---

[1]) Исторія Русской церкви, Митр. Макар., т. X, стр. 75; Покровскій Сибирскія епархіи, Прав. Собесѣдникъ 1811 г., стр. 642.

[2]) Дѣло Л. Ѳ. Соловьева, лист. 28—30.

какъ въ то время, какъ мы уже говорили, въ Сибири въ колоколахъ былъ сильный недостатокъ.

Что же касается до заявленія тобольской духовной консисторіи объ отсутствіи въ тобольскихъ архивахъ первоначальныхъ историческихъ данныхъ о ссыльномъ колоколѣ, то ихъ дѣйствительно можетъ и нѣтъ; всѣ постройки въ г. Тобольскѣ на первыхъ порахъ его устройства были деревянныя, не исключая церквей и казенныхъ учрежденій; при частыхъ пожарахъ и татарскихъ набѣгахъ они уничтожались, а вмѣстѣ съ зданіями гибли и документы; но память о ссылкѣ въ Тобольскѣ корноухаго колокола сохранилась прочно, и потому событіе это записано въ лѣтописи, какъ Сибирскія, такъ и Угличскія. Вотъ, напримѣръ, свидѣтельство угличской лѣтописи: „Колоколъ (соборный) благовѣстной, большой, сосланъ послѣ убіенія благовѣрнаго царевича Дмитрія въ ссылку въ Тобольскъ Борисомъ Годуновымъ для того, что когда заклали убійцы его, царевича, то въ него въ тотъ часъ нѣкій, усмотрѣвъ сіе убійство, началъ зычно и необычно звонить и народъ въ городъ (т. е. въ крѣпость, гдѣ былъ дворецъ) сзывать, и на тотъ тогда горько-несчастный гласъ гражданъ множество сошлося и убійцъ Борисовыхъ изымаша и каменіемъ побиша“. А вотъ, какъ будто въ отвѣтъ, свидѣтельство Сибири: „Въ 1593 году присланъ былъ въ Тобольскъ, въ ссылку, колоколъ безъ уха, въ который били въ набатъ, какъ Дмитрію царевичу на Угличѣ сдѣлалось убіеніе; нынѣ же на Софійской колоколнѣ набатный“ [1]. Или: „1503 года поставленъ первый Пелымскій городъ, а ставилъ воевода, князъ Петръ Горчаковъ датошными людьми, а насадиша его угличанами, ссыльными людьми за убіеніе царевича Димитрія Ивановича; они и городъ ставили. А колоколъ, въ который благовѣстили какъ царевичу Дмитрію убіеніе на Угличѣ учинилось, сосланъ въ Сибирь, въ Тобольскъ, къ церкви ко Всемилостивому Спасу, что на торгу; а нынѣ онъ на Софійской колокольнѣ часобитной“ [2].

Не приводимъ другихъ извѣстій, подтверждающихъ дѣйствительность ссылки въ Тобольскъ угличскаго колокола, какъ болѣе или менѣе основанныхъ на предыдущихъ, такъ какъ фактъ ссылки въ Тобольскъ угличскаго колокола не подлежитъ сомнѣнію.

---

[1]) Краткое сказаніе о сибирскихъ воеводахъ, Тобольскъ, 1792 г., стр. 4.

[2]) Записки къ Сибирской Исторіи служащія,—Древняя Россійская Вивліоѳика. т. III, ч. VI, стр. 80, изд. 1895 г.

Горя нетерпѣніемъ, г. Соловьевъ неоднократно обращался съ просьбою къ министру внутреннихъ дѣлъ сообщить ему о ходѣ дѣла. Получивъ въ отвѣтъ 12 декабря 1888 года, что министерствомъ дѣло еще не разрѣшено, въ виду неполученія по сему предмету отзыва оберъ-прокурора Св. Синода, г. Соловьевъ обратился съ просьбою къ синодальному оберъ-прокурору оказать ему содѣйствіе по возвращенію колокола, при чемъ въ прошеніи объяснилъ историческія данныя, которыя при рѣшеніи дѣла послужили бы къ удовлетворенію ходатайства угличанъ. Св. Синодъ, по предложенію оберъ-прокурора, разсмотрѣвъ прошеніе г. Соловьева и свѣдѣнія, по содержанію прошенія доставленныя преосвященнымъ тобольскимъ, а также справку изъ производившагося въ 1850 году въ Св. Синодѣ дѣла по сему колоколу, въ январѣ 1889 года опредѣлилъ предоставить синодальному оберъ-прокурору сообщить министру внутреннихъ дѣлъ, что Св. Синодъ не встрѣчаетъ препятствій съ своей стороны къ удовлетворенію ходатайства гражданъ г. Углича, если по сему предмету состоится соглашеніе между тобольскимъ и ярославскимъ епархіальными начальствами, о чемъ и дано было знать преосвященнымъ ярославскому и тобольскому.

На просьбу ярославскаго архіепископа Іонаѳана дать согласіе къ отправленію въ Угличъ находящагося въ Тобольскѣ при домовой архіерейской церкви ссыльнаго изъ Углича колокола, преосвященный тобольскій Авраамій отвѣтилъ письмомъ отъ 4 апрѣля 1888 года за № 1063, что, по мнѣнію тобольскаго губернатора В. А. Тройницкаго, вопросъ о возвращеніи ссыльнаго колокола не подлежитъ епархіальному начальству, такъ какъ колоколъ тотъ съ незапамятныхъ временъ висѣлъ на городской площади и былъ часобитнымъ, а слѣдовательно не составляетъ собственность домовой архіерейской церкви. Въ заключеніе преосвященный пишетъ, что губернаторъ распорядился перемѣстить колоколъ въ историческій тобольскій музей, а для обмѣна за счетъ музея для архіерейскаго дома былъ отлитъ такого же размѣра колоколъ. Что касается до тобольскаго городского общественнаго управленія, то оно, освѣдомясь о ходатайствѣ г. Соловьева, возбудило по сему дѣлу споръ, доказывая, съ одной стороны, что колоколъ не тотъ, который сосланъ изъ Углича, а съ другой—что если бы даже и тотъ самый, то, по силѣ закона о давности, онъ составляетъ уже собственность Тобольска.

Въ виду сего, г. Соловьевъ вынужденъ былъ для болѣе точ-

наго и положительнаго доказательства изыскивать въ археологическихъ и историческихъ музеяхъ и другихъ мѣстахъ свѣдѣнія, какъ о тождествѣ колокола, такъ равно и о времени ссылки и мѣстѣ его нахожденія и, кромѣ сего, обращался въ консультацію гг. присяжныхъ повѣренныхъ, состоящую при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, съ вопросомъ о томъ, подходитъ ли подъ силу давности закона угличскій колоколъ, такъ какъ онъ считался ссыльнымъ и составляетъ по роду своему имущество церковное. Въ разрѣшеніе этого вопроса консультація сообщила г. Соловьеву, что такъ какъ сказанный колоколъ въ вѣдѣніи г. Тобольска никогда не находился, то и право собственности на основаніи закона о давности распространяться на него не можетъ. Вслѣдствіе чего дѣло о семъ, въ порядкѣ обжалованія рѣшеній тобольской городской думы и тобольскаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, было доведено до Правительствующаго Сената. Но въ виду чрезмѣрной медленности производства дѣла въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, г. Соловьевъ, въ періодъ этого времени, вторично повергнулъ предъ Государемъ Императоромъ просьбу свою о возвращеніи въ Угличъ изъ Тобольска ссыльнаго колокола. Прошеніе было сдано на заключеніе Св. Синода, и исполнявшій обязанности оберъ-прокурора Св. Синода, тайный совѣтникъ Смирновъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ на благоусмотрѣніе Его Величества и, ко всеобщей радости угличанъ, Государь Императоръ въ 19 день іюля 1891 года собственноручно изволилъ начертать: „Я полагаю, что все-таки можно вернуть его обратно въ г. Угличъ, такъ какъ въ Тобольскѣ онъ совершенно не нуженъ и легко замѣнить его другимъ“.

Несмотря на это, тобольскія власти рѣшили во что бы то ни стало удержать за собой помилованный царскою волею колоколъ. Въ чрезвычайномъ засѣданіи комитета тобольскаго губернскаго музея 13 октября 1891 года, по предложенію предсѣдателя собранія, тобольскаго губернатора, постановлено было войти съ ходатайствомъ въ министерство государственныхъ имуществъ со всеподданнѣйшей просьбой комитета музея объ оставленіи навсегда въ г. Тобольскѣ корноухаго колокола, въ виду того, что онъ для Тобольска представляетъ значительный историческій интересъ и обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Ходатайство это не имѣло успѣха и комитетъ тобольскаго музея въ общемъ собраніи 2 февраля 1892 года постановилъ во исполненіе Высочайшей воли передать колоколъ угличскому городскому обществу по уплатѣ послѣднимъ 600 руб. и колоколъ выдать

тому лицу, которое явится съ яснымъ и должнымъ уполномочіемъ городского общества.

Видимо, тобольцамъ не такъ легко было растаться съ угличскимъ колоколомъ. Да и доселѣ они не перестаютъ показывать въ музеѣ „угличскій колоколъ", сдѣланный г. Флоріаномъ Ляхмайеромъ изъ папье-маше, вѣсомъ 5 пуд., выкрашенный и бронзированный подъ натуральный цвѣтъ, такъ что, не ударяя въ колоколъ, разницу можно найти только ощупью. Приготовленъ онъ былъ на Сибирско-Уральскую выставку въ Екатеринбургѣ, гдѣ и удостоенъ медали [1]).

V.

Вскорѣ послѣ Монаршаго разрѣшенія, гражданами г. Углича была избрана депутація изъ трехъ лицъ: И. А. Жаренова, И. А. Истомина и В. Н. Кашинова, которые 27 апрѣля 1892 г. отправились въ Тобольскъ за возвращеніемъ желаннаго колокола и прибыли туда 9 мая. Предъявивъ уполномочіе отъ угличской городской управы на полученіе ссыльнаго колокола, они вручили музею 600 рублей за всѣ расходы, понесенные имъ на отливку новаго колокола для архіерейскаго дома, и въ тотъ же день приняли колоколъ изъ музея въ присутствіи губернатора. Угличская депутація, покинувъ Тобольскъ, возвратилась на родину съ колоколомъ 20 мая въ 11 часовъ ночи. Когда пароходъ подошелъ къ пристани, на берегу ожидало его духовенство и масса жителей, жаждавшихъ встрѣтить неодушевленнаго ссыльнаго, томившагося въ Тобольскѣ 300 лѣтъ. Этотъ нѣмой свидѣтель всего прошлаго былъ дружно поднятъ народомъ съ парохода, и шествіе, при неумолкаемыхъ крикахъ: „ура" направилось къ собору, гдѣ онъ былъ поставленъ на паперти. При постановкѣ колокола городской голова М. А. Жареновъ благодарилъ: бывшаго при семъ купца Л. Ѳ. Соловьева за его труды по ходатайству о возвращеніи колокола, увѣряя, что заслуга его никогда не забудется народомъ; б) уполномоченныхъ думы, потрудившихся по дѣлу доставки колокола изъ

---

[1]) Письмо г. Ляхмайера угличскому городскому головѣ отъ 25 октября 1888 года, гдѣ онъ предлагаетъ купить за 200 рублей сдѣланный имъ колоколъ со всѣми подробностями и документами тобольскаго полицейскаго правленія. Дѣло угличской городской управы, лист. 4—5.

Примѣчаніе: За послѣднее время одинъ изъ посѣтителей угличскаго музея сказалъ, что онъ ѣдетъ изъ Тобольска и видѣлъ въ тамошнемъ музеѣ колоколъ, который ему называли „ссыльнымъ угличскимъ", и только тогда убѣдился въ неподлинности тобольскаго колокола, когда вспомнилъ, что въ тотъ колоколъ не звонятъ.

Тобольска въ Угличъ и в) все городское общество за усердіе при переноскѣ колокола съ пароходной пристани. На всю остальную часть ночи избранъ былъ изъ числа гражданъ, подъ управленіемъ купца Н. А. Бычкова, почетный караулъ.

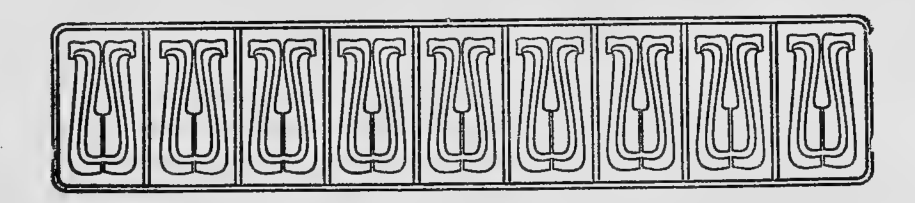
На другое утро возвращенный колоколъ поднятъ былъ на особо устроенный пьедесталъ. Послѣ богослуженія въ соборѣ духовенство вышло съ крестнымъ ходомъ къ мѣсту нахожденія колокола; здѣсь совершенъ былъ молебенъ съ поминовеніемъ невинно пострадавшихъ и убіенныхъ угличанъ и многолѣтіемъ всѣмъ ревнителямъ, сотрудникамъ и благотворителямъ по дѣлу возвращенія колокола. Послѣ окропленія колокола святой водой, сдѣлано было въ него нѣсколько ударовъ.

Послѣ рокового событія 15 мая 1591 года, спустя 300 лѣтъ, г. Угличъ вновь огласился звукомъ „набатнаго колокола". Потомки древнихъ угличанъ, пострадавшихъ за смерть св. страстотерпца царевича Дмитрія, впервые услыхали тотъ звукъ колокола, который служилъ предвѣстникомъ печальныхъ событій, бывшихъ послѣ 1591 года. И на сей разъ печальный звонъ напомнилъ гражданамъ о тѣхъ страданіяхъ и гоненіяхъ, которыя выпали на долю ихъ предковъ.

Того же 21 мая состоялось экстренное засѣданіе городской думы, въ которомъ, по случаю доставленія въ Угличъ дорогого памятника, угличскаго ссыльнаго колокола, возвращеннаго по Всемилостивѣйшему Монаршему благоволенію къ Угличу, постановлено было подвергнуть чрезъ ярославскаго губернатора къ стопамъ Его Императорскаго Величества выраженія одушевляющихъ всѣхъ обывателей города чувствъ безграничной и неизмѣнной вѣрноподданнической преданности и благодарности за Всемилостивѣйшее вниманіе къ Угличу. Въ томъ же засѣданіи постановлено было присвоить Л. Ѳ. Соловьеву званіе почетнаго гражданина города Углича въ благодарность за понесенные имъ труды по возвращенію ссыльнаго колокола.

Колоколъ въ настоящее время помѣщается во дворцѣ царевича Димитрія и подвѣшенъ на особомъ *пьедесталѣ*, такъ что въ него можно звонить.

Дм. Лавровъ.



Основаніе Смольнаго Монастыря.

(Ко дню 150-лѣтія со дня открытія Смольнаго института—4 августа 1764 г.).

I.

Историческія свѣдѣнія о мѣстности, занимаемой Смольнымъ монастыремъ —Шведскій фортъ Сабина.—Селеніе Спасское.—Смольный дворъ.—Натуральный кабинетъ Петра Великаго.—Лѣтній загородный дворецъ великой княжны Елисаветы Петровны.—Намѣреніе ея, уже Императрицы, основать на мѣстѣ своего загороднаго дворца, женскую, иноческую обитель.

На лѣвомъ берегу Невы, въ 7-ми верстахъ отъ ея устья, а по теченію въ 10-ти, тамъ, гдѣ, круто поворачивая на сѣверъ, она образуетъ довольно обширный мысъ, во времена шведскаго владычества надъ всѣмъ Невскимъ прибрежьемъ, въ 1698 году, стоялъ шведскій фортъ [1]) Са-

---

[1]) На картѣ шведскаго полковника Кроніорта, приложенной къ писцовымъ книгамъ Ижорской земли, изданныхъ Кеппеномъ, чертежъ этого форта изображенъ очень отчетливо. Карта Кроніорта изображаетъ мѣстность Невскаго прибрежья въ 1698 году, отъ устья рѣки Невы съ ея островами, до мѣста, занимаемаго нынѣ Александро-Невскою лаврою. На мѣстѣ Смольнаго монастыря, на берегу Невы, стоитъ фортъ Сабина, въ формѣ треугольнаго окопа, упираясь своими валами прямо въ рѣку. Мѣстность, занимаемая фортомъ, нынѣ занята стариннымъ садомъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Почти напротивъ форта, на правомъ берегу Невы, расположенъ Ніеншанцъ, въ формѣ правильной крѣпости, съ нѣсколькими бастіонами и фасами, а позади его разбросанныя постройки образуютъ небольшой городокъ. Вблизи форта не видно особыхъ строеній исключая съ лѣвой стороны нѣсколькихъ небольшихъ домиковъ, на мѣстѣ нынѣшнихъ градскихъ богадѣленъ или Александровскаго училища. Покойный академикъ Пекарскій въ статьѣ своей „Петербурская старина“ (Современникъ—1860 г., іюль) также замѣчаетъ, что на планѣ Петербурга 1705 г. „тамъ, гдѣ теперь соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній (Смольный) находились развалины старинныхъ шведскихъ укрѣпленій“. Въ 1860-хъ

бина (Sabina). Фортъ этотъ приходился почти противъ Ніеншанца, расположеннаго на правомъ берегу Невы, при устьѣ рѣчки Охты, впадающей въ Неву. Стратегическое значеніе этихъ двухъ укрѣпленныхъ на обоихъ берегахъ рѣки пунктовъ было то, чтобы удобнѣе и вѣрнѣе обстрѣливать находящагося на рѣкѣ непріятеля. Въ этой же мѣстности, невдалекѣ отъ форта, находилось селеніе Спасское, въ которомъ жили православные ижорцы, имѣвшіе у себя молитвенный храмъ [1]). По взятіи Ніеншанца и по разрушеніи шведскихъ укрѣпленій, когда возникавшій Петербургъ сталъ обзаводиться флотомъ и верфями,— близъ мѣста, занимаемаго фортомъ, устроенъ былъ Петромъ Великимъ Смольный дворъ, или обширная площадь, огороженная палисадомъ и обведенная каналомъ, „гдѣ лежала смола, приготовляемая про весь корабельный флотъ, а—кругомъ крѣпкіе караулы приставлены были для охраненія отъ огня“ [2]). Возникавшія побли-

годахъ, при разведеніи небольшого садика, примыкающаго къ одной изъ юго-западныхъ башенъ каменной ограды Смольнаго монастыря, на глубинѣ около полуаршина, отрытъ былъ слой костей, который шелъ кругомъ ямы, раскопанной аршина на два въ діаметрѣ. Быть можетъ, это была общая могила или завоевателей, или защитниковъ укрѣпленій,—бывшихъ на мѣстѣ Смольнаго Монастыря.

[1]) На планѣ полковника Кроніорта это селеніе—не показано. Не видно также этого селенія и на планѣ мѣстности Петербурга, за годъ до его основанія, приложенномъ къ „Панорамѣ С. Петербурга“ Башуцкаго, изд. 1834 г. Но на старыхъ планахъ Петербурга, изданныхъ Цыловымъ, на планѣ 1700 г. на лѣвомъ берегу Невы, противъ Ніеншанца, показано селеніе Spaskoi, которому и даютъ названіе русскаго села Спасскаго съ церковію. См. Городскія поселенія Россійск. Имперіи, Томъ VII. XIX въ историческихъ свѣдѣніяхъ о Петербургѣ;—также Пекарскій — Современникъ 1860 г. іюль. Кеппенъ въ объясненіи къ картѣ Кроніорта (Писцовыя книги Ижорской земли, томъ 1, отд. 2, стр. 122), не упоминая о селеніи Спасскомъ, замѣчаетъ только, что „о часовнѣ православныхъ ижорцевъ, на мѣстѣ нынѣшняго Смольнаго монастыря, упоминаетъ еще въ 1701 году епископъ Аѳанасій“. Но на какого Аѳанасія епископа ссылается онъ здѣсь и гдѣ Аѳанасій упоминаетъ о часовнѣ — Кеппенъ не указываетъ.

[2]) Истор.-географ. и топограф. описаніе Петербурга Рубана, изд. 1774 стр. 191. Здѣсь же приложено изображеніе Смольнаго двора, см. таблицу XIV фигура 15. Чертежъ его въ историч. планахъ Петербурга, изд. по Высоч. повелѣнію Департаментомъ военныхъ поселеній. Смольный дворъ расположенъ былъ, какъ можно предполагать, съ сѣверной стороны монастыря, на мѣстности, занимаемой нынѣ зданіями градскихъ богадѣленъ и богадѣльни цесаревича Николая. Г. Пятковскій въ изслѣдованіи своемъ о Воспитательномъ Домѣ („Русск. Стар.“ 1875 г.), говоря о первоначальномъ помѣщеніи дома на лѣвомъ берегу Невы, съ сѣверной стороны Смольнаго монастыря, на мѣстѣ нынѣшнихъ градскихъ богадѣленъ,—

зости къ Смольному двору строенія вскорѣ также отъ него стали получать свои названія. Такъ, быть можетъ, одновременно съ устройствомъ Смольнаго двора, вблизи его былъ построенъ Петромъ Великимъ небольшой загородный домъ; въ домѣ этомъ помѣщалась библіотека и кунсткамера съ кабинетомъ императора, и этотъ домъ также назывался Смольнымъ домомъ [1]). Въ 1720 году Государь построилъ для дочери своей, великой княжны Елисаветы Петровны, въ этой же мѣстности, на берегу Невы, лѣтній загородный дворецъ, и этотъ дворецъ, по близости отъ него Смольнаго двора, также получилъ названіе Смольнаго [2]). Въ 1733 году вблизи двора — положено было начать „новое строеніе Конной гвардіи свѣтлицъ“ [3]). Натуральный кабинетъ

замѣчаетъ, что при переводѣ дома въ Милліонную улицу, прежнія строенія его предположено было продать и первая публикація объ этомъ была послана въ комиссію при Академіи Наукъ 12 апр. 1779 г. въ такомъ видѣ: „продается именующійся Воспитательный Домъ, - къ заведенію фабрики, или завода, весьма способный, при чемъ обширный лугъ, огороженный изъ побитыхъ свай полисадомъ, мѣрою жъ земли длиною: по берегу Невы рѣки 274, отъ Невы со стороны Новодѣвичьяго монастыря, по каналу, (этимъ каналомъ обведенъ былъ лугъ) и со стороны жъ мѣста лейбъ-гвардіи Коннаго полку по 198 саженъ“. Упоминаемые въ публикаціи обширный лугъ, огороженный палисадомъ и обведенный каналомъ,— на которые указываетъ и Рубанъ въ своемъ описаніи Смольнаго двора, заставляютъ предполагать, что въ 1779 году это были его остатки.

[1]) Корниловичъ въ статьѣ своей „Русской Старинѣ“ стр. 24 пишетъ: „въ четыре или пять часовъ Петръ, безъ чаю и кофе, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся съ тростью въ одной рукѣ и съ записною книжкою въ другой смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, или въ адмиралтейство“. Натуральный кабинетъ государя составляли библіотека и кунсткамера, какъ говоритъ Рубанъ. (стр. 161). При этомъ домѣ былъ и садъ, упоминаемый въ описаніи Петербурга Богданова подъ № 5: „садъ при Смольномъ домѣ, что нынѣ Воскресенскій Новодѣвичій монастырь“. Остатки этого сада сохранились до нынѣ.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1863 г. Замѣтка о лѣтнихъ дворцахъ.

[3]) Рубанъ изд. 1779 г. „но когда начали въ 1733 году противъ Канецъ (т. е. противъ Ніеншанца, Nyen—skans) селить конную гвардію, тогда оный Смольный дворъ перевели на другое мѣсто“. Лейбъ-гвардіи конный полкъ былъ переименованъ Императрицею Анною изъ лейбъ регимента, находившагося въ Ригѣ. Указъ о переименованіи полка состоялся еще въ 1730 г., но время 1730—1733 г. прошло въ комплектованіи, обмундированіи и проч. По прибытіи въ Петербургъ изъ Риги въ 1733 г. полкъ занялъ казармы Кирасирскаго Минихова полка. Казармы эти находились близъ Смольнаго двора, противъ Охтенскихъ слободъ. Мѣстность эта занята въ настоящее время такъ называемыми Аракчеевскими казармами. Все строеніе, занятое въ 1733 г. коннымъ полкомъ, состояло изъ двухъ дворовъ: конюшеннаго и полковаго штаба.—Первый имѣлъ видъ четверо-

Императора также былъ выведенъ. Но—дворецъ великой княжны Елисаветы Петровны остался и продолжалъ служить мѣстомъ ея лѣтняго пребыванія до самаго вступленія ея на престолъ. Проживая зимою въ собственномъ дворцѣ, близъ Царицына Луга, великая княгиня лѣтніе мѣсяцы проводила обыкновенно на берегу Невы, въ своемъ загородномъ Смольномъ домѣ, почти въ уединеніи, окруженная немногими приближенными къ ней людьми, тогда еще незамѣтными по своему общественному положенію, но впослѣдствіи, со вступленіемъ ея на престолъ, получившими при дворѣ ея важное значеніе. Быть можетъ воспоминанія о времени, проведенномъ ею въ этой мѣстности, вдали отъ шума и суеты жизни придворной,—внушили ей, уже Императрицѣ, мысль—основать здѣсь женскую, иноческую, обитель, для устройства которой мѣстность ея загороднаго дома, по своему уединенію и отдаленности отъ центра города, представляла самыя благопріятныя условія. Въ столицѣ, на томъ же лѣвомъ берегу Невы, не вдалекѣ отъ Смольнаго дворца Императрицы, уже существовалъ мужской монастырь — Александро-Невскій,

---

угольника, стороны котораго составляли конюшни, а внутреннее пространство занималось собственно казармами о 12 покояхъ. Второй дворъ—полковаго штаба, заключалъ въ себѣ большой каменный домъ для дежурныхъ офицеровъ, канцеляріи и вообще штаба. Въ 1739 г. Императрица Анна, указомъ отъ 12 декабря, повелѣла во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ учредить солдатскія слободы. Но это повелѣніе приведено было въ исполненіе только при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Она приказала сломать старыя казармы конной гвардіи и оставить только каменный домъ штаба. Архитекторомъ Боенвалемъ была выстроена новая слобода. Слобода эта представляла также четвероугольникъ, прорѣзываемый по прямому направленію отъ Литейнаго двора къ Смольному дворцу Императрицы—одною улицею, называвшеюся Большою, впослѣдствіи Воскресенскою, идущею отъ площади Воскресенскаго Смольнаго собора къ Таврическому дворцу. Параллельно этой Большой улицѣ, составляя одинъ изъ фасовъ четвероугольника, шла другая, на которой было выстроено 10-ть офицерскихъ домовъ, съ особыми при каждомъ изъ нихъ дворами. Эта улица называлась Офицерскою. Нынѣ она переименована въ Тверскую. По мѣсту расположенія полка близъ Смольнаго монастыря произошли названія улицъ: Манежной, Конногвардейской и Кавалергардской. Въ каменномъ домѣ полковаго штаба, хорошо сохранившемся до нынѣ, на небольшомъ плацу, — противъ послѣдняго флигеля къ Смольному монастырю Аракчеевскихъ казармъ,—въ третьемъ этажѣ, помѣщалась церковь лейбъ-гвардіи коннаго полка, во имя Благовѣщенія Пр. Богородицы, освященная въ 1743 году декабря 12-го и упраздненная въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Изъ этой церкви, какъ увидимъ ниже, и былъ совершенъ крестный ходъ къ мѣсту закладки Смольнаго монастыря, 1748 года, октября 30-го. См. Историк.-статист. свѣдѣнія о Спб. эпархіи. Выпускъ V, стр. 294.

основанный въ 1710 году отцомъ ея, Петромъ Великимъ,—но не было обители женской монашеской.—Государыня, всегда отличавшаяся благочестіемъ, любовію къ Церкви и церковной обрядности,—желала восполнить этотъ пробѣлъ въ церковно-религіозной жизни столичнаго города и, основывая въ немъ женскую иноческую обитель имѣла въ виду еще и ту цѣль, какъ думаютъ нѣкоторые, чтобы, передавъ управленіе государствомъ избранному ею наслѣднику, самой удалиться отъ міра и провести остатокъ дней своихъ въ покоѣ молитвенномъ [1]).

II.

Приготовительныя работы къ постройкѣ монастыря.—Письмо Θеодосія архіепископа С.-Петербургскаго къ кабинетному члену Василію Ивановичу Демидову о чинѣ монастырской закладки.—Предложеніе Симона архіепископа псковскаго Св. Синоду о Крестномъ ходѣ для закладки Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря.—Надпись на камнѣ, положенномъ при закладкѣ собора.—Назначеніе строителемъ монастыря графа Растрелли и распоряженія императрицы по постройкѣ.—Ходъ работъ и причина ихъ медленности.—Состояніе работъ по монастырю по кончинѣ императрицы Елисаветы Петровны.

Приготовительныя работы къ постройкѣ монастыря, можно предполагать, начались еще съ 1746 года,—такъ какъ незадолго передъ этимъ въ Смольномъ дворцѣ Императрицы произошелъ пожаръ, уничтожившій главный его корпусъ, [2]) почему дворецъ, еще ранѣе оставленный ею, не представлялъ уже удобствъ для

---

[1]) „Въ первые четыре года съ прилежаніемъ занималась управленіемъ государственнымъ... но и тогда имѣла она намѣреніе передать бразды правленія своему племяннику, великому князю Петру Θеодоровичу и окончить дни свои въ монастырѣ. Для сего въ 1744 г. приказала она строить на берегу Невы, Воскресенскій дѣвичій монастырь“. Вейдемейеръ. Исторія царствованія Елисаветы Петровны. Часть II, стр. 54.

[2]) Бракосочетаніе наслѣдника престола, великаго князя Петра Θедоровича происходило 21-го августа 1745 года, и зима этого года была проведена при дворѣ въ большихъ увеселеніяхъ. У многихъ вельможъ даны были маскарады, на которыхъ присутствовалъ и дворъ. Но эти удовольствія были прерваны болѣзнію великаго князя.—На послѣднемъ изъ маскарадовъ, который былъ данъ генералъ-полиціймейстеромъ Алексѣемъ Даниловичемъ Татищевымъ въ загородномъ домѣ Императрицы, на Смольномъ дворѣ, великій князь простудился и занемогъ сильною горячкою. Такъ какъ главный корпусъ дворца сгорѣлъ и оставались только два флигеля,—то въ одномъ изъ нихъ танцовали, а въ другомъ приготовленъ былъ ужинъ. По окончаніи танцевъ, всѣ отправились къ ужину въ другой флигель, а—затѣмъ обратно въ первый. Дѣло было въ январѣ мѣсяцѣ и всѣ шли по снѣгу. Великій князь захворалъ на другой день. Вейдемейеръ. Часть 1, стр. 53 примѣч.

жилого помѣщенія и въ 1746 году былъ уже сломанъ. Занимаемая имъ мѣстность была очищаема для новой постройки. Происходило копаніе рвовъ для кладки фундамента, забивка свай и приготовленіе матеріаловъ. Два года спустя, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1748 года кабинетный членъ Василій Ивановичъ Демидовъ, вѣроятно по порученію Императрицы, письменно спрашивалъ преосвященнаго Θеодосія, архіепископа С.-Петербургскаго о чинѣ, бываемомъ при основаніи монастыря и о необходимыхъ принадлежностяхъ его закладки, прося сообщить ему письменныя свѣдѣнія о томъ порядкѣ, въ которомъ совершена была закладка монастыря Александро-Невскаго. Преосвященный, исполняя желаніе кабинетнаго члена, писалъ къ нему отъ 26 іюня 1748 года: „Милостивой мой государь, Василій Ивановичъ! По требованію вашего превосходительства какія могли найтись записки о началѣ Невскаго монастыря, при семъ послалъ, такожъ и чинъ, бываемый при закладываніи вновь монастыря, выписавъ изъ требника Могилянскаго,—сообщаю жъ; по мнѣнію жъ моему весьма бы хорошо и при намѣреваемомъ зачатіи монастыря, единъ большой камень съ надписью положить (кромѣ мощей), ибо обыкновеніе вездѣ таково бываетъ, что въ память вѣчную первый на фундаментѣ полагаютъ съ надписью камень, а паче въ такихъ большихъ и знатныхъ строеніяхъ, который уповательно положенъ при зачатіи Невскаго монастыря,—токмо о немъ извѣстія не сыскано. Впрочемъ же все сіе въ разсужденіе ваше отдавъ, пребуду моего милостиваго благодѣтеля всегдашній богомолецъ. Θеодосій, архіепископъ С.-Петербургскій [1]).

Письмо было писано въ іюнѣ 1748 года, а 29 октября, того же года, преосвященнымъ Симономъ, архіепископомъ

[1]) Θеодосій (Янковскій) изъ намѣстниковъ Сергіевой Лавры, съ учрежденія въ 1742 году—единоличной каѳедры въ Спб. епархіи, былъ вторымъ архіепископомъ. Управлялъ епархіею пять лѣтъ (1745—1750). Сконч. въ 1750 г. 22 апрѣля и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ, въ церкви Благовѣщенія, у праваго клироса. Историк. статист. свѣдѣнія о Спб. епархіи. V, 165. При письмѣ архіепископа Θеодосія приложена и выписка изъ требника Могилянскаго: *чинъ основанія новаго монастыря и ограды его:* „аще каменный основатися имать монастырь, святитель, или отъ него установленный іерей, во-первыхъ, повелѣваетъ художникомъ измѣряти и ископати мѣсто, идѣже основаніе монастырскія ограды быти имать; пріуготовляти же каменія имѣлъ. Къ зачатію зданія особые же пріуготовляются четыре камени, четвероугольные и на коемждо ихъ три кресты искованы. И поставятъ камень единъ надъ ровомъ и востокомъ, на стольцѣ, второй же на средней странѣ сѣверной такожде поставляется, третій же на средней странѣ западной,—четвертой же на средней южной странѣ“.

Псковскимъ и Нарвскимъ, было внесено въ Св. Синодъ предложеніе слѣдующаго содержанія: „Ея Императорское Величество въ высокомонаршее въ зимнемъ Ея Имп. В-ства домѣ присутствіе соизволила объявить, что Ея Имп. В-ство въ честь и хвалу Божію намѣрены, при С.-Петербургѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Ея Имп. В-ства дворецъ, называемый Смольный, состоитъ, воздвигнуть вновь дѣвичій монастырь, съ церковнымъ и прочимъ принадлежащимъ монастырскимъ зданіемъ, которое на томъ мѣстѣ, въ высочайшее Ея Имп. В-ства присутствіе имѣетъ быть при зачатіи заложено въ наступающую недѣлю, т. е. сего же октября 30 дня; чего для при томъ же Ея Имп. В-ство указала, онаго 30-го числа мнѣ божественную литургію отслужить въ состоящей лейбъ-гвардіи коннаго полку церкви, откуда, по совершеніи литургіи, съ крестнымъ хожденіемъ всему святѣйшему правительствующему Синоду, съ присутствіемъ находящихся нынѣ здѣсь духовнаго чина персонъ и священнослужителей всѣхъ здѣшнихъ церквей, отъ каждой по единому священнику, слѣдовать на показанное къ Смольному дворцу мѣсто, гдѣ надлежащее молитвословіе по церковному чиноположенію отправить“ [1]. 30-го октября 1748 года, по установленному церемоніалу, съ крестнымъ ходомъ изъ церкви лейбъ-гвардіи коннаго полка, находившейся по близости къ Смольному дворцу [2], и была совершена закладка собора, а вмѣстѣ съ нимъ и всего монастырскаго зданія,—при чемъ Императрицею положенъ былъ мраморный камень съ надписью „отъ Ея Величества аппробованною“ слѣдующаго содержанія: „Въ лѣто 1748-е, октября въ 30-й день, въ благополучное царствованіе Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей и Великой Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійской, къ началу сего строенія святыя церкви Воскресенія Христова, сей первый камень собственными Ея Величества руками положенъ. Основана же сія святая церковь на мѣстѣ, гдѣ былъ собственный Ея Величества дворецъ, называемый

---

[1] Синод. архива дѣло 1748 г. № 32. См. также XII Св. Закон. № 9546. Къ Синодальному дѣлу приложенъ и реэстръ участвующимъ въ крестномъ хожденіи духовнымъ персонамъ. Кромѣ семи архіереевъ въ реэстрѣ показано до 80-ти человѣкъ духовенства.

Членъ Св. Синода, архіепископъ Симонъ (Тодорскій) потому явился выразителемъ въ настоящемъ дѣлѣ воли монаршей, что по обязанности законоучителя наслѣдника престола и его супруги имѣлъ доступъ ко двору и Императрица чрезъ него пожелала объявить Св. Синоду свою волю объ основаніи монастыря.

[2] См. выше въ 1-й гл. примѣч. 6-е, въ концѣ.

Смольный". Строителемъ монастырскихъ зданій былъ назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, знаменитый зодчій того времени, графъ Растрелли, носившій званіе оберъ-архитектора. Помощниками ему были даны архитекторы Христіанъ Кнобель и итальянецъ Бертольди.

Представленные графомъ Растрелли планы, чертежи и фасады всему строенію были одобрены и утверждены Императрицею. Для большей же наглядности и для лучшаго ознакомленія ея со всѣми подробностями широко и роскошно задуманнаго проекта монастырскаго зданія, его строителемъ была представлена Императрицѣ устроенная имъ, весьма изящной работы и въ большихъ размѣрахъ, деревянная модель всего монастыря, съ соборомъ въ центрѣ онаго, четырьмя церквами по угламъ и громадною колокольнею при въѣздѣ въ монастырское зданіе [1]). Въ сооруженіи всѣхъ построекъ монастырскихъ,—собора, церквей и корпусовъ зданія, въ ихъ внѣшней и внутренней отдѣлкѣ, строителемъ былъ избранъ стиль эпохи возрожденія (à la rénaissance), общій многимъ важнѣйшимъ произведеніямъ его въ столицѣ. По красотѣ своихъ формъ, изяществу стиля и работы,—предполагавшееся сооруженіе монастыря было по истинѣ царственное, а по своимъ размѣрамъ едва-ли не единственное въ Россіи. Поэтому грандіозный проектъ знаменитаго зодчаго требовалъ и громадныхъ средствъ для своего выполненія. Государыня не отказывала въ нихъ строителю монастыря и не жалѣла денежныхъ средствъ. По ея приказанію, въ помощь Ярославскимъ и Костромскимъ каменщикамъ и рабочимъ при постройкѣ назначено было 1.500 человѣкъ нижнихъ чиновъ, къ которымъ впослѣдствіи приказано было прибавить еще 500. Въ 1749 году, первомъ годѣ послѣ закладки, было ассигновано и выдано изъ Соляного комиссаріата полковнику Мордвинову, состоявшему при строеніи монастыря, 20.000 руб. По израсходованіи ихъ, въ томъ же году, выдано еще 20,000 руб. По смѣтѣ графа Растрелли на построеніе собора, въ шесть лѣтъ, требовалось по 130.000 руб. на годъ. Спустя восемь лѣтъ послѣ

[1]) Постройка этой колокольни не состоялось, и она существуетъ только на планахъ и въ модели. По высотѣ своей это было бы первое зданіе въ свѣтѣ, на четыре сажени превышающее Хеопсову пирамиду. Фундаментъ ея былъ заложенъ и выведенъ при въѣздѣ къ собору,—но потомъ разобранъ. Модель Смольнаго монастыря первоначально находилась въ Академіи Художествъ. Въ 1860-хъ годахъ была передана ею Смольному монастырю и хранилась въ большомъ залѣ онаго, принадлежащемъ Вдовьему дому.—Возобновленная и исправленная на суммы дома, она въ 1870-хъ годахъ была взята обратно Академіею.

закладки, въ 1756 году, мы встрѣчаемъ два его требованія,— первое—на окончаніе четырехъ угловыхъ церквей—15.000 руб. и второе—на окончаніе собора—20,000 руб. Наконецъ къ послѣднему году царствованія Елисаветы Петровны, къ 1761-му относится отпускъ изъ Соляного комиссаріата для окончанія строеніемъ всего Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря въ три года, на каждый годъ по 120.000 руб.

Принимая живѣйшее и ближайшее участіе относительно всего какъ внѣшняго, такъ и внутренняго устройства монастыря, Государыня желала, чтобы все въ немъ соотвѣтствовало величію задуманнаго ею дѣла и было по выполненію роскошно. Сюда относятся ея распоряженія о золоченіи главъ церквей монастырскихъ, о приготовленіи колоколовъ для собора, праздничнаго въ 12.000 пудовъ, по образцу колокола Троицко-Сергіева монастыря, за Москвою, и вседневнаго, на подобіе повседневнаго колокола на Иванѣ Великомъ. Оба колокола обязался вылить колокольный мастеръ, цейхмейстеръ Михаилъ Маторинъ. Докладъ о колоколахъ представлялъ въ 1754 году Императрицѣ, состоявшій при строеніи монастыря графъ Виллимъ Виллимовичъ Ферморъ.—Къ этому же времени относятся распоряженія императрицы о заготовленіи для монастыря сосудовъ церковныхъ и иконъ. Сосудовъ приказано было приготовить четыре серебряныхъ вызолоченныхъ, съ изображеніями, на первыхъ — распятія Христова, тайной вечери, воскресенія Христова; на вторыхъ — приказано было къ двумъ первымъ изображеніямъ прибавить Знаменіе Пр. Богородицы,—на третьихъ—Захаріи и Елисаветы, а на четвертыхъ—великомученицы Екатерины. Послѣднія изображенія заставляютъ предполагать,—во имя какихъ святыхъ Государыня желала устроить престолы въ четырехъ церквахъ монастырскихъ. Для собора же ею было сдѣлано распоряженіе объ устройствѣ сосудовъ изъ чистаго золота,—одного—мастеру Вестерину, а другого итальянцу Марціону.

Относительно внутренней отдѣлки монастырскихъ храмовъ, еще въ 1750 году, состоялся именной указъ графу Фермору,— чтобы онъ приказалъ бы оберъ-архитектору графу Растрелли озаботиться составленіемъ рисунковъ лѣпныхъ украшеній для церквей монастырскихъ, а также чертежей для иконостасовъ. Приказано было представить „проекты оныхъ, чертежи и модели для окончательнаго опредѣленія Ея Величеству“. Въ 1753 году было подтверждено объ этомъ же графу Растрелли и имъ представлены чертежи и проекты. При этомъ оба графа требо-

вали на устройство иконостасовъ особой суммы и кромѣ того для работы тѣхъ иностранныхъ мастеровъ, которые въ то время отдѣлывали мраморомъ парадную лѣстницу Зимняго дворца. Указъ о приведеніи требованія ихъ въ исполненіе относится къ 1761-му году, но выполненъ не былъ, потому что въ этомъ году, 25 декабря, послѣдовала кончина Императрицы. Не состоялось и ея послѣднее распоряженіе отъ 19-го ноября, того же года, о приготовленіи иконостасовъ для всѣхъ церквей монастыря изъ кованнаго серебра, доставляемаго съ Колыванскаго Воскресенскаго завода. Кромѣ графа Фермора, для наблюденія за ходомъ работъ, при постройкѣ монастыря состояли: полковникъ Мордвиновъ, затѣмъ съ 1762 г. премьеръ-маіоръ Василій Перекусихинъ, князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, а по увольненіи Перекусихина въ полкъ—Яковъ Данненбергъ [1]).

---

[1]) Весьма многія изъ предположеній, какъ зодчаго, такъ и императрицы по строенію монастыря—не были приведены въ исполненіе и сохранились только на планахъ и въ модели. Такъ не состоялась постройка громадной колокольни и не были вызолочены главы монастырскихъ храмовъ. Не были устроены и сосуды, иначе бы они сохранились въ церквахъ монастырскихъ. (Изъ вещей церковныхъ, относящихся ко времени царствованія императрицы Елисаветы Петровны, въ Смольномъ монастырѣ сохранилась одна только чаша для освященія воды, изъ чистаго серебра: вѣсомъ 45 фунт. 72 золот., хранящаяся въ церкви Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Чашу эту почитаютъ даромъ императрицы устрояемому ею монастырю). Не были выполнены и лѣпныя украшенія на мраморныхъ стѣнахъ собора. Лѣпная работа по рисункамъ графа Растрелли произведена была и сохранилась въ настоящее время только въ двухъ церквахъ монастырскихъ,—св. Великомученицы Екатерины и св. Захаріи и Елисаветы, принадлежащихъ Вдовьему дому,—а также въ залѣ средняго этажа сѣверо-западной башни монастыря,—обращенномъ въ 1867 году въ церковь для Александровскаго училища,—и на двухъ парадныхъ лѣстницахъ монастырскихъ корпусовъ—сѣвернаго и восточнаго. Въ послѣднемъ корпусѣ, въ покояхъ верхняго и средняго этажей,—нынѣ занятыхъ лазаретомъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, сохранились во многихъ комнатахъ живописные плафоны, сюжеты которыхъ заимствованы изъ библіи и миѳологіи. Не состоялись также распоряженія императрицы и объ устройствѣ сосудовъ и иконостасовъ монастырскихъ. Единственный иконостасъ, устроенный въ Смольномъ монастырѣ по чертежу графа Растрелли, находится въ церкви св. Великомученицы Екатерины (принадлежащей въ настоящее время Вдовьему дому), первомъ монастырскомъ храмѣ, освященномъ при открытіи монастыря и Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ въ 1764 году. Но и этотъ иконостасъ, можно съ достовѣрностію предположить, устроенъ уже по кончинѣ Императрицы Елисаветы Петровны, вообще не любившей въ церковномъ искус-

Постройка громаднаго монастырскаго зданія шла медленно, и самыя обстоятельства того времени не вполнѣ благопріятствовали успѣшному ходу работъ. Семилѣтняя война съ прусскимъ королемъ, начавшаяся въ 1756 году и продолжавшаяся до самой кончины Императрицы,—много задержала окончательную постройку монастыря, по недостатку финансовыхъ средствъ. Завѣдывавшій работами, по кончинѣ Императрицы Елисаветы Петровны, директоръ канцеляріи строенія дворцовъ и садовъ, Иванъ Ивановичъ Бецкій, не благоволилъ къ графу Растрелли, вслѣдствіе несходства взглядовъ на строительное дѣло. Широко задуманные планы геніальнаго зодчаго, требовавшіе для своего выполненія громадныхъ издержекъ, не нравились Бецкому, желавшему все устроить возможно дешевле. Впрочемъ, со вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины, зданіе монастыря было уже окончено и получило внѣшнюю и внутреннюю отдѣлку. И хотя Рубанъ, въ своемъ описаніи Петербурга, и замѣчаетъ о Смольномъ монастырѣ, въ 70-хъ годахъ, что „сія обитель и въ ней церковь (т. е. соборъ) великолѣпнѣйшимъ образомъ сооруженія еще не окончены [1]), но это нужно понимать въ смыслѣ неокончательной отдѣлки внутренней, нѣкоторыхъ частей монастырскаго зданія, которое въ общемъ своемъ видѣ было уже готово [2]), а къ 1764 году и приспособлено къ

ствѣ западныхъ нововведеній и потому не терпѣвшей въ церквахъ разныхъ изображеній херувимовъ,—какъ это видно изъ одного случая, разсказаннаго княземъ Шаховскимъ въ его запискахъ и отнсеящагося вѣроятно къ 1743 году, въ которомъ была освящена церковь лейбъ-гвардіи коннаго полка,—близъ Смольнаго. „Случилось мнѣ,—пишетъ князь, „быть въ вечеру во дворцѣ, и Ея Величество, увидѣвъ меня и подозвавъ, изволила мнѣ съ неудовольствіемъ говорить: чего-де синодъ смотритъ? я-де-была вчера-сь на новоосвященіи сдѣланной при полку конной гвардіи церкви, въ которой-де на иконостасѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ по приличности и надлежало быть живоизображеннымъ ангеламъ, поставлены рѣзные, на подобіе купидоновъ,—болваны,—чего-де наша церковь не дозволяетъ“. (Зап. кн. Шаховскаго, стр. 108—по изд. 1821 г.).

[1]) Опис. Петербурга, изд. 1779 г. 449.

[2]) За исключеніемъ внутренней отдѣлки собора, зданіе котораго еще къ 1757 году было отстроено, покрыто и оштукатурено снаружи,—но внутри не было отдѣлано и заставлено лѣсами. Въ такомъ видѣ соборъ оставался 84 года (со времени закладки въ 1748 г.) до 1832 г.—Храмъ пришелъ въ крайнее запустѣніе. Окна его были заколочены,—на кровлѣ зданія и куполахъ росла трава, появились наконецъ цѣлыя деревья,—березы, рябины и ели. Забытый и запущенный, онъ сдѣлался какъ бы притчею въ народѣ, такъ какъ объ этомъ строеніи и объ его зданіи ходили нелѣпые слухи и разсказы. Когда въ 1832 г. по повелѣнію Императора Николая Павловича, исполнявшаго желаніе своей Августѣйшей Матери,

жилому помѣщенію,—такъ какъ въ этомъ году Императрицѣ Екатеринѣ угодно было открыть въ немъ учрежденіе, съ характеромъ уже не уединенно-созерцательнымъ, но учебно-воспитательнымъ,— мы говоримъ объ основаніи въ зданіяхъ Смольнаго монастыря въ 1764 году перваго женскаго учебно-воспитательнаго заведенія въ Россіи, извѣстнаго подъ именемъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, а затѣмъ въ слѣдующемъ, въ 1765-мъ, и училища для мѣщанскихъ.

III.

Вліяніе идей XVIII вѣка на возникновеніе въ Россіи перваго женскаго учебно-воспитательнаго заведенія, въ связи съ основаніемъ Императрицею Екатериною нѣкоторыхъ благотворительныхъ учрежденій. Участіе И. И. Бецкаго въ ихъ устроеніи. Уставъ его о воспитаніи 200-тъ благородныхъ дѣвицъ. Указъ Сенату 5-го мая 1764 г. объ учрежденіи при Воскресенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Правила пріема въ него, изложенныя въ Уставѣ. Отношеніе общества русскаго къ Указу 5-го мая. Докладъ графа Салтыкова Императрицѣ изъ Москвы, о дѣвицахъ, желавшихъ вступить въ открываемое заведеніе. Переписка его по этому случаю съ И. И. Бецкимъ. Отмѣна дня открытія заведенія—28 іюня 1764 г. на 4-е августа.

XVIII вѣкъ, въ особенности его вторая половина, замѣчателенъ, какъ извѣстно, усиленнымъ развитіемъ въ средѣ европейскаго общества идей человѣколюбія, любви и состраданія къ ближнимъ, а также и возбужденіемъ вопроса о лучшихъ способахъ и средствахъ къ воспитанію и образованію юноше-

---

Имп. Маріи Θеодоровны, всегда сожалѣвшей о запустѣніи и этого величественнаго зданія, было приступлено къ его исправленію и окончательной внутренней отдѣлкѣ, то никто не рѣшался, какъ говорятъ, принять на себя очистку его обширныхъ подвальныхъ помѣщеній отъ накопившихся въ нихъ въ теченіе многихъ лѣтъ мусора и грязи. Суевѣрный страхъ заставлялъ видѣть въ нихъ мѣсто жительства какихъ-то темныхъ силъ. Но одинъ изъ подрядчиковъ, по нѣкоторомъ размышленіи, не усомнился приступить къ работѣ по очисткѣ подваловъ собора и, какъ говорятъ, извлекъ изъ нихъ много хорошаго лѣсу и другихъ цѣнныхъ матеріаловъ, которые и обратилъ въ свою пользу.

Къ этому же времени неокончательной отдѣлки собора, къ концу 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія, относится происшедшій въ немъ несчастный случай съ помощникомъ аптекаря при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ—Доронтомъ. Это былъ молодой человѣкъ и страстный голубиный охотникъ.—Но такъ какъ въ зданіи собора голубей водилось множество, то этотъ любитель и отправлялся за ними на охоту въ соборъ и большею частію—ночью. Нужно замѣтить, что верхніе ярусы хоръ собора тогда еще не были обнесены рѣшетками и были, какъ и теперь, нѣсколько покаты. Въ одну изъ такихъ экскурсій, несчастный, оставивъ

ства. Все это не могло не быть извѣстнымъ императрицѣ Екатеринѣ, близко знакомой со всѣми твореніями знаменитыхъ мыслителей своего вѣка, а съ нѣкоторыми изъ нихъ находившейся и въ частой перепискѣ. Какъ женщина ума обширнаго, обладавшая глубокимъ политическимъ тактомъ, она всегда умѣла отличать пустое фразерство отъ мыслей дѣльныхъ, равно какъ и ложь отъ истины,—но и какъ женщина по природѣ, она не могла не сочувствовать многимъ гуманнымъ идеямъ современныхъ ей знаменитыхъ мыслителей,—а какъ государыня обширной страны, не могла и не желать осуществленія нѣкоторыхъ изъ нихъ для блага своего народа. Такъ изъ числа вопросовъ, тогда затронутыхъ, въ особенности интересовалъ всѣхъ вопросъ объ несчастной участи тѣхъ дѣтей, „коихъ матери злосчастныя—покидаютъ, оставляютъ, или что злѣе—умерщвляютъ". Въ заботѣ и состраданіи къ ихъ участи, государыня рѣшилась осуществить мысль, нѣкоторыхъ друзей человѣчества, объ устройствѣ для этихъ несчастныхъ особыхъ убѣжищъ и для выраженія своей воли нашла себѣ ревностнаго исполнителя въ лицѣ И. И. Бецкаго. Воспитанный за границей, въ самомъ круговоротѣ идей того времени, самъ нѣкогда по рожденію поставленный въ возможность на себѣ испытать участь отвергнутыхъ матерями дѣтей, этотъ по истинѣ другъ человѣчества глубоко былъ проникнутъ чувствовали любви и состраданія къ ближнимъ. По его проекту были открыты сначала въ Москвѣ, въ 1763 году, а впослѣдствіи и въ Петербургѣ, воспитательные домы, которые, какъ писала императрица въ манифестѣ отъ 1 сентября 1763 года, „какъ богоугодное и государственное учрежденіе будетъ на вѣки подъ

фонарь въ колокольной башнѣ собора, поскользнулся на высотѣ слишкомъ 30 саженъ, упалъ внизъ и расшибся до смерти.

Начавшіяся въ 1832 году работы по обновленію и окончанію собора продолжались до 1835 года. Но при этомъ относительно внутренней его отдѣлки уже не имѣлось въ виду держаться проекта Растрелли, требовавшаго большихъ издержекъ. При министерствѣ финансовъ была учреждена комиссія подъ предсѣдательствомъ дѣйств. ст. сов. фонъ-Трейблюта. Работы и составленіе проекта внутренней отдѣлки поручены были архитектору Стасову подъ ея наблюденіемъ. Храмъ былъ освященъ 20 іюля 1835 года.—Въ дѣлахъ о построеніи Смольнаго монастыря сохранился и чертежъ иконостаса главнаго придѣла собора,—работы графа Растрелли,—но онъ также не былъ приведенъ въ исполненіе.—Устроенный при реставраціи собора въ 1875 году, иконостасъ, по рисунку мастера—Шрадера, по невѣдѣнію о хранящемся проектѣ иконостаса графа Растрелли, представляетъ слабую, хотя и дорого стоющую попытку поддѣлаться подъ стиль знаменитаго зодчаго.

особливымъ Монаршимъ покровительствомъ и призрѣніемъ". Другой современный вопросъ, занимавшій императрицу, касался необходимости раціональнаго воспитанія молодого поколѣнія, на началахъ религіозныхъ и нравственныхъ. И здѣсь она нашла себѣ точнаго выразителя своихъ мыслей и воли въ томъ же ревностномъ сотрудникѣ по устройству созидаемыхъ ею учрежденій. „Единственное средство, писалъ онъ въ своемъ *генеральнымъ учрежденіи о воспитаніи*, представленномъ императрицѣ, „приравнять Россію къ прочимъ просвѣщеннымъ государствамъ Европы состоитъ въ томъ, чтобы образовать въ ней среднее, или третье сословіе,—а для достиженія сего единое токмо (средство) остается: произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцевъ и матерей, которые дѣтямъ бы своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣтямъ, итакъ слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки. Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ иного способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ на пятомъ и на шестомъ году [1]).

Для молодого поколѣнія мужескаго пола, кромѣ училищъ духовныхъ, издавна получившихъ свое начало, существовало въ Петербургѣ учрежденіе, заслужившее себѣ довѣріе и расположеніе дворянства,—это сухопутный шляхетскій, впослѣдствіи 1-й кадетскій корпусъ,—основанный еще въ 1732 году. Затѣмъ въ 1762 голу, при императрицѣ Екатеринѣ, были открыты артиллерійскій и инженерный корпуса, впослѣдствіи 2-й кадетскій. Но ничего не было сдѣлано въ учебно-воспитательномъ отношеніи для воспитанія и образованія молодого поколѣнія женскаго, несмотря на очевидную важность его вліянія какъ на улучшеніе быта частнаго и общественнаго, такъ и на развитіе будущихъ поколѣній. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ въ воспитаніи русскаго юношества, и дать обществу русскому образованныхъ женщинъ, добровоспитанныхъ женъ и матерей, а самой женщинѣ русской возможность успѣшнѣе и лучше выполнить свое прекрасное назначеніе въ семьѣ и обществѣ,—великая государыня и задумала основать первое женское заведеніе въ Россіи. И здѣсь исполнителемъ ея монаршей воли и лучшимъ выразителемъ ея мыслей о женскомъ

---

[1]) Генеральн. учрежденіе о воспитаніи, стр. 6.

воспитанія дѣвицъ—явился И. И. Б. По порученію только императрицы имъ былъ составленъ—„*Уставъ воспитанія двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ*", до сихъ поръ, за немногими исключеніями, которыя были данію своему вѣку, не потерявшій своего важнаго значенія въ педагогическомъ отношеніи и послужившій впослѣдствіи образцомъ и главнымъ руководствомъ для устройства возникавшихъ у насъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Планъ воспитанія дѣвицъ, начертанный Бецкимъ, былъ одобренъ и утвержденъ императрицею, и 5-го мая 1764 года состоялся ея указъ Сенату слѣд. содержанія: Въ новостроющемся С.-Петербургскомъ Воскресенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ учредили Мы воспитывать непрерывно до двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ и при семъ онаго воспитанія конфирмованный Нами Уставъ—прилагаемъ,—повелѣвая его напечатать и разослать по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ,—дабы вѣдая о семъ новомъ учрежденіи, которое при освященіи монастыря дѣломъ самымъ начнется будущаго іюня 28 дня, сего года, каждой изъ дворянъ могъ, ежели пожелаетъ, дочерей своихъ, въ младенческихъ лѣтахъ, препоручить сему Нами учрежденному воспитанію, такъ, какъ въ уставѣ предписано. Начальницею же къ сему воспитанію Мы уже опредѣлили княжну Анну Долгорукую, а правительницею—умершаго статскаго дѣйствительнаго совѣтника— де-Лафона, жену, вдову Софію де-Лафонъ.

Екатерина.

(Въ Сарскомъ селѣ, маія 5 дня 1764 года) [1]).

Конечно, тогдашнее общество русское, по новости этого дѣла, прежде всего заинтересовалось правилами пріема во вновь открываемое заведеніе—и они съ точностію были обозначены въ уставѣ. По содержанію своему раздѣленныя на двѣ главы, изъ коихъ въ первой, подраздѣленной еще кромѣ того на шесть отдѣловъ, заключающихъ въ себѣ положеніе о четырехъ возрастахъ дѣвицъ и инструкціи начальницѣ, ея помощницѣ-правительницѣ, надзирательницамъ, учительницамъ и мастерамъ,—правила пріема изложены въ 9-ти пунктахъ. Число дѣвицъ перваго должно было состоять изъ 50-ти, не свыше 5-ти и 6-ти лѣтъ. Въ первомъ году по принятіи ихъ и въ слѣдующіе два года, сказано было, „хотя и убылыя мѣста случатся, ни единыя

---

[1]) Полное Собр. Закон. № 12. 154.

болѣе принимать не дозволяется; но оный пріемъ всегда возобновлять по прошествіи трехъ лѣтъ (§ 2). При пріемѣ требовалось представить въ совѣтъ удостовѣреніе о дворянскомъ происхожденіи дѣвицы (§ 3), а также метрическое о рожденіи и крещеніи (§ 4). Недостаточные родители, дѣтямъ которыхъ давалось предпочтеніе предъ другими, могли прописывать свою службу и средства отъ имѣнія,—а сироты—отцовскую службу,—былъ ли онъ раненъ, или убитъ на войнѣ (ibid.). Свидѣтельство о состояніи недостаточномъ родителей дѣвицы, не должно быть никому извѣстно, кромѣ начальницы, а въ случаѣ какого-либо сомнѣнія, должно быть удостовѣрено отъ дворянства (§ 5). Всѣ эти документы вручались начальницѣ, которая, удостовѣрившись, что на дѣвицѣ была оспа, запечатывала ихъ въ пакетъ, вносила въ списокъ принимаемую,—а документы отправляла подъ № въ архивъ для храненія до выпуска (§ 6). Затѣмъ вручала принятую учительницѣ для экипировки въ платье заведенія и пріемъ оканчивался (§ 7). „Все оное разумѣется о здоровыхъ дѣвицахъ, а увѣчныя, слѣпыя и т. п. также имѣющія болѣзнь, которая другимъ вредитъ можетъ, принимаемы не будутъ“ (§ 8). Кромѣ того уставъ требовалъ—чтобы родители и родственники дѣвицы—дали письменное обязательство въ томъ, что „они по собственному своему произволенію и видя будущую дочерямъ ихъ отъ сего воспитанія пользу, препоручаютъ въ опеку совершенно до 18 лѣтъ возраста, такъ что до исходу того двѣнадцатилѣтняго времени, ни подъ какимъ видомъ обратно требовать ихъ не станутъ“ (§ 9). Наконецъ, если дѣвица при окончаніи курса осиротѣетъ, или, по какимъ-либо причинамъ,—пожелаетъ сама еще остаться въ Обществѣ, то это ей разрѣшается на два, или на три года, только не въ числѣ воспитанницъ классныхъ [1]).

Какъ же отнеслось общество и притомъ лучшая часть его, дворянство, къ мысли своей великой государыни? Къ сожалѣнію нужно сказать,—что тогдашнее общество, не сознавая еще всей важности и необходимости женскаго образованія, взглянуло на учрежденіе перваго заведенія, какъ на нововведеніе и встрѣ-

[1]) Во второй главѣ Устава въ 42 §§-хъ изложены сначала общія понятія о воспитаніи, затѣмъ говорится объ обученіи наукамъ и художествамъ, а также домашнему хозяйству, о съѣздахъ и собраніяхъ при заведеніи, о концертахъ въ немъ и драматическихъ представленіяхъ. Затѣмъ о пищѣ, одеждѣ, гуляньяхъ и забавахъ, о комнатахъ, мыльняхъ, лазаретѣ и проч. Въ концѣ главы приложенъ штатъ заведенія. Мы еще нѣсколько разъ вернемся къ уставу.

тило извѣстіе о немъ холодно и недовѣрчиво. Отцы и матери не рѣшались разстаться съ своими дочерьми и притомъ въ такомъ раннемъ возрастѣ, который самъ по себѣ требовалъ еще домашняго попеченія и ухода. Ихъ пугала самая мысль о долгой разлукѣ съ ними, и самое представленіе о жизни ихъ дѣтей, въ особенности родителей провинціальныхъ, въ столицѣ, на чужбинѣ,—и притомъ еще въ монастырѣ—рѣшительно дѣйствовало на нихъ самымъ отталкивающимъ образомъ. Все это было весьма естественно при неподготовленности общества и новизнѣ для него дѣла, и великій умъ государыни хорошо предвидѣлъ всѣ предубѣжденія тогдашняго большинства дворянства относительно задуманнаго ею учрежденія, но не смущался этимъ. Не было принято никакихъ мѣръ понудительныхъ,—но было выражено только желаніе—привлечь родителей къ отдачѣ дѣтей въ заведеніе, освобождая ихъ отъ всякой платы за воспитаніе и обученіе и предоставляя всѣмъ имъ равное обезпеченное содержаніе. Все это правительство принимало на собственный счетъ. Послѣдствія не замедлили оправдать ожиданія Императрицы, но на первыхъ порахъ, только разумное и просвѣщенное меньшинство вполнѣ оцѣнило благія намѣренія и цѣли своей мудрой монархини и ясно сознало, что „преодолѣть суевѣріе вѣковъ, дать народу новое воспитаніе и, такъ сказать, новое порожденіе,—есть дѣло совокупленное съ невѣроятными трудами и прямая оныхъ польза остается вся потомству“ [1]). Вотъ почему Уставъ Воспитательнаго Общества, разосланный при указѣ 5 мая, „по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ“, не встрѣтилъ себѣ тамъ привѣтственнаго сочувствія. Только изъ Москвы, голосъ которой всегда первымъ откликается на всякій призывъ воли монаршей, послышался и притомъ сряду по полученіи тамъ устава, сочувственный откликъ, но и онъ, кажется, не имѣетъ благопріятнаго успѣха.

10-го мая 1764 года, московскій главнокомандующій, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ [2]), вошелъ съ докладомъ импе-

[1]) Генеральн. учрежд. стр. 2.

[2]) Графъ П. С. Салтыковъ, фельдмаршалъ, побѣдитель Фридриха Великаго въ Семилѣтнюю войну при Кунерсдорфѣ,—былъ извѣстенъ своею храбростію. Но при появленіи въ Москвѣ въ 1770 г. чумы, онъ, будучи въ ней главнокомандующимъ, къ общему удивленію, не оказалъ нужной твердости духа, оставилъ столицу и выѣхалъ въ свою деревню. Вслѣдствіе этого потерялъ расположеніе императрицы, — просилъ отставки и былъ уволенъ отъ службы 7 апрѣля 1772 г. Душевная скорбь свела его въ могилу въ декабрѣ того же года.

ратрицѣ слѣд. содержанія: „Всемилостивѣйшая Государыня! На послѣдней почтѣ имѣлъ честь получить высочайшее В. и. В-ства повелѣніе и при письмѣ г. Бецкаго копію съ регламента о воспитаніи благородн. дѣвицъ, В. и. В-ствомъ высочайше аппробованнаго, а какъ уже здѣсь, въ Москвѣ, по учиненному отъ меня разглашенію о семъ В. и. В-ства высокомонаршемъ намѣреніи, которое теперь и самымъ дѣломъ къ пріумноженію благополучія вѣрноподданныхъ открылось, — за нѣсколько дней предъ симъ, явились 10-ть благородн. дѣвицъ, желающихъ быть участницами сего всемилостивѣйшаго воспитанія, изъ коихъ нѣкоторыя не были еще въ оспѣ, то во исполненіе высочайшаго В. и В-ства повелѣнія, всеподданнѣйше представляя о семъ В. и. В-ству,—дерзаю при томъ испросить, соизволите-ль В. и. В-ство всемилостивѣйше указать, сихъ желающихъ отправлять теперь въ Петербургъ. — На сіе В. и. В-ства всемилостивѣйшаго повелѣнія ожидая, повергаю себя со всеглубочайшимъ респектомъ въ высокомонаршую В. и. В-ства щедроту".

Того же 10-го мая отправлено было имъ письмо и къ И. И. Бецкому. „Государь мой! Иванъ Ивановичъ"! писалъ графъ. „За почтенныя письма В. Пр-ства и присланной по Высоч. Е. И. В. соизволенію аппробованной регламентъ о воспитаніи благ. дѣвицъ, также и описаніе иллюменаціи, имѣю долгъ В. Пр-ству засвидѣтельствовать чувствительнѣйшую мою благодарность и совершенно признаться въ томъ, что В. Пр-ство сверхъ услугъ моихъ и употребленныхъ мною при заложеніи Воспит. Дома старанія и труда, по одной только благосклонности Вашей ко мнѣ за то меня благодарить весьма изволите,— что я хотя по преданности моей, а больше по ревностному рабскому усердію моему, соотвѣтствуя всеподданнѣйше высоч. Всемил. Государыни соизволенію, наиточнѣйше исполнять обязанъ былъ. При семъ за нужное нахожу объявить В. Пр-ству, что по разглашенію моему здѣсь, явились еще прежде нижеслѣдующія, кои желая воспользоваться Е. и. В. высоч. милосердіемъ, просятъ къ принятію ихъ на воспитаніе, а именно: (слѣдуютъ имена и фамиліи и лѣта 10 дѣвицъ). И хотя между тѣмъ просила меня о принятіи дочери своей подполковника Ветича жена его, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, мужемъ своимъ здѣсь безъ всякаго пропитанія оставленная, которыя поданную ко мнѣ отъ нея челобитную о томъ представили уже Е. и. В., однако какъ онъ, Ветичъ, чужестранецъ, и изъ дворянъ ли, того неизвѣстно, то въ разсужденіе сего не могу

включить ея въ сіе число желающихъ, коихъ, какъ уповательно, впредь еще гораздо больше будетъ. И когда онѣ будутъ отправлены въ Петербургъ, то гдѣ имъ по прибытіи тамъ явиться, о томъ испрашиваю наставленія“. Въ концѣ письма графъ напоминаетъ Ивану Ивановичу о стѣнѣ Бѣлаго города, на разобраніе которой безъ именного указа не осмѣливается.— Въ заключеніе проситъ благосклоннаго отвѣта.

Иванъ Ивановичъ Бецкій, замѣтивъ, что графъ не обратилъ должнаго вниманія на тѣ лѣта, которыя для пріема положены были въ уставѣ,—такъ какъ въ числѣ дѣвицъ, только двѣ, въ письмѣ графа были показаны 5-ти и 6-ти лѣтъ, а остальныя имѣли отъ 9-ти, 10-ти, 11-ти, до 12-ти и даже одна была 15-ти лѣтъ—писалъ къ нему отъ 14 мая. „М. Г. мой! графъ П. С. Письмо В. С-тва отъ 10-го мая сего жъ мѣсяца, имѣлъ честь получить и на оное покорно доношу, что по высочайше апробованному генеральному учрежденію и уставу о воспитаніи благородн. дѣвицъ,—принимать будутъ только 5-ти и въ исходѣ 6-го года, въ чемъ наистрожайше наблюдаемо будетъ; которыя съ надлежащимъ свидѣтельствомъ въ С.-Петербургъ, при Воскресенскомъ монастырѣ, въ Совѣтъ—являться должны. А имѣющія болѣе сихъ лѣтъ, слѣдовательно и желающія въ Москвѣ, о коихъ отъ В. С-тва объявлено—приняты быть не могутъ.

Между тѣмъ графъ Салтыковъ, извѣстивши императрицу о дѣвицахъ, желавшихъ поступить въ заведеніе, и озабоченный ихъ отправкою въ Петербургъ—не упомянулъ о ихъ лѣтахъ въ своемъ докладѣ ей 10-го мая и не ожидая даже отъ И. И. Бецкаго отвѣта, помѣщеннаго выше, на письмо свое, послалъ къ нему другое, отъ 13-го числа. „Государь мой Иванъ Ивановичъ! Полученный мною отъ В. Пр-ства планъ о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ, пока печатный еще не вышелъ, по приказу моему здѣсь списыванъ и многимъ уже сообщенъ. — В. Пр-ство послѣднимъ письмомъ отъ 3-го сего маія увѣдомить меня изволили, что открытіе сего воспитанія послѣдуетъ 28-го будущаго іюня, а въ томъ же письмѣ получилъ я высочайшее Е. И. В-ства повелѣніе объ отправленіи въ Петербургъ желающихъ, коихъ по сіе число оказалось 10-ть, и о которыхъ прежнимъ письмомъ моимъ В. Пр-ству сообщилъ,— на казенномъ ли коштѣ, буде онѣ по неимуществу своему сами съѣхать чѣмъ не имѣютъ.—А какъ и всѣ онѣ бѣдные люди, да и впредь таковыхъ уповательно много являться будетъ, — сверхъ же того, матери или родственники проводить ихъ до мѣста пожелаютъ, а при нихъ и служанкамъ быть надлежитъ,

также для проѣзду коляскамъ и такому человѣку, — которому препровожденіе ихъ препоручить, то во уваженіе сего, какъ нынѣшней случай, такъ и на всегдашнее время, испрашиваю у В. Пр-ства доложить Е. и. В-ству: поскольку каждой соизволитъ указать дать на проѣздъ и за чьимъ присмотромъ ихъ отправлять,—покоевыя подъ нихъ коляски покупать, или брать изъ Конюшенной конторы, буде тамъ какія найдутся.

Старый фельдмаршалъ видимо надоѣдалъ Бецкому своими мелочными разспросами въ столь ясномъ, казалось, для послѣдняго, дѣлѣ и потому отвѣтъ былъ слѣдующій: Мил. Г. графъ Петръ Семеновичъ! Е. и. В-ство повелѣла на письмо В. С-тва отписать, что въ публикованномъ манифестѣ и уставѣ о воспитаніи благор. дѣвицъ—всѣ обстоятельства показаны, по которымъ и принимать будутъ. По полученному жъ мною отъ В. С-тва письму Е. В-ству доложить время еще не улучшилъ, а когда можно будетъ—доложу. Но дабы затѣмъ о пріѣздѣ дѣвицъ къ 28-му числу сего мѣсяца остановки не послѣдовало, не изволите ли сами во отправленіи способы изыскать". О чемъ донеся съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч. маія 24-го дня 1764 г.

Мы не имѣемъ отвѣта графа на это письмо къ нему Бецкаго, посланъ 24 мая, но не думаемъ, чтобы онъ остался доволенъ отвѣтомъ послѣдняго. Его могло оскорбить нѣкоторое невниманіе къ нему сподвижника императрицы и къ его заботамъ по отправкѣ дѣвицъ, хотя и неподходящихъ по Уставу, въ Петербургъ. Изъ отвѣта Бецкаго видно, что онъ, видя неподходящія лѣта большинства Московскихъ дѣвицъ, не сдѣлалъ и доклада государынѣ о выдачѣ имъ прогонныхъ денегъ. Между тѣмъ императрица, заинтересованная московскими кандидатками, удивлялась, что, слишкомъ два мѣсяца спустя послѣ доклада о нихъ 10 мая, не имѣетъ о нихъ никакого извѣстія. Это вѣроятно дошло до свѣдѣнія графа и вызвало слѣдующій отвѣтъ на письмо къ нему Бецкаго отъ 8-го іюля, — къ сожалѣнію также не сохранившееся. „Государь мой, Иванъ Ивановичъ! Почтенное письмо В. Пр-ства отъ 8-го сего мѣсяца, мною сей день полученное, привело меня въ великое оскорбленіе о томъ, что Е. и. В-ство, всемилостивѣйшая Государыня, удивляться изволитъ, что о благородныхъ дѣвицахъ никакого извѣстія отъ меня не имѣетъ,—а В. Пр-ство, исполняя притомъ высочайшее Е. и. В-ства повелѣніе увѣдомить не оставили, что кромѣ тѣхъ, о коихъ вамъ прежде сообщалъ, никакая въ настоящія по уставу о благ. дѣвицахъ лѣта не явилась, въ противномъ же случаѣ, въ то жъ самое время, въ силу вы-

сочайше даннаго мнѣ повелѣнія, желающія въ Петербургъ были бы отправлены. Сей случай неоспоримымъ образомъ къ сожалѣнію нашему даетъ намъ знать, что еще въ нравахъ нашего дворянства осталась прежнихъ временъ суровость, которая не допускаетъ ихъ воспользоваться безпримѣрною Е. и. В-ства матернею щедротою. Впрочемъ и пр. іюля 15 окт. 1764 г.

Бецкій отвѣчалъ Салтыкову: Мил. Г-рь мой, графъ Петръ Семеновичъ!

„Письмо В. С-тва отъ 15 сего мѣсяца съ почтеніемъ получилъ и на оное имѣю честь мнѣніе мое донести, дабы изъ явившихся благород. дѣвицъ, о которыхъ въ письмѣ В. С-тва отъ 10 маія объявлено было, выбравъ прислать въ положенныя по уставу лѣта.—При семъ прилагаю отданное мнѣ отъ Е. и. В-ства письмо, поданное въ Ригѣ отъ Алексѣя Шишкина о его дочеряхъ, изъ которыхъ Варвару и прочихъ, буде явятся въ нынѣшнемъ году, по освидѣтельствованіи, на основаніи устава, покорно прошу отправить въ Петербургъ. Впрочемъ и проч. Иванъ Бецкой. 26 іюля, 1764 г. [1]).

Неизвѣстно, были ли приняты дѣвицы изъ Москвы, имѣвшія и законныя лѣта—полковника Тимашева дочь 5-ти лѣтъ и прапорщика Синявина—6-ти. Вѣроятно доставлены не были,—потому что въ спискахъ перваго пріема этихъ фамилій—нѣтъ. — Упоминаемыя въ послѣднемъ письмѣ Бецкаго дѣти Шишкина были въ Москвѣ у своего дѣда и Варварѣ было 5 лѣтъ,—но также не была доставлена.—Во всякомъ случаѣ во всемъ этомъ дѣлѣ нельзя не отдать справедливости графу Салтыкову, какъ первому изъ губернскихъ администраторовъ, оказавшему свое сочувствіе и содѣйствіе къ открываемому Императрицею первому женскому учебному заведенію, и еще ранѣе доказавшему свое усердіе при устройствѣ въ Москвѣ Воспитательнаго Дома.

Такъ какъ открытіе монастыря и заведенія, по указу 5-го мая, назначено было 28-го іюня, въ день восшествія на престолъ Императрицы,—то къ этому дню сдѣланы были и всѣ необходимыя приготовленія въ монастырскомъ зданіи.

И. И. Бецкій еще 7-го мая сдѣлалъ предложеніе конторѣ строенія монастыря, чтобы къ 28-му іюня „какъ монастырь ко

---

[1]) Переписка хранится при бумагахъ И. И. Бецкаго, въ архивѣ Смольнаго Института за №№ 3, 4; 8, 9 и 10. Черновыя письма писаны Бецкимъ собственноручно. Недостаетъ только письма его къ графу-Салтыкову отъ 8-го іюля 1764 года, равно какъ и отвѣтнаго письма графа на письмо къ нему Бецкаго, отъ 24-го мая.

освященію, такъ надобные для пребыванія г-жи начальницы и правительницы, дѣвицамъ и другимъ, опредѣленнымъ по уставу, людямъ, покои и прочее, въ исправность привесть и во всѣхъ мѣстахъ чистоту имѣть, дабы ни въ чемъ остановки и препятствія быть не могло“ [1]). Но назначенное въ этотъ день торжество не могло состояться. Препятствіемъ къ тому послужилъ отъѣздъ Императрицы 20-го іюня въ Лифляндію, для свиданія въ Ригѣ съ королемъ польскимъ Станиславомъ Понятовскимъ [2]).—Государыня возвратилась въ Петербургъ 23-го іюля, и днемъ открытія назначено было 4-е августа.

Къ этому дню должны были собраться, какъ юныя питомицы для заведенія, такъ и тѣ обитательницы монастырскаго зданія, пребываніе которыхъ въ немъ и даетъ ему собственно названіе монастыря.

IV.

Желаніе Императрицы въ зданіи Смольнаго монастыря устроить небольшую иноческую женскую обитель.—Записка митрополита Димитрія Сѣченова св. Синоду о выборѣ монахинь.—Протоколъ Синода о вызовѣ монахинь изъ монастырей московскихъ: Новодѣвичьяго и Вознесенскаго и изъ Смоленска, изъ монастыря Вознесенскаго.—Совмѣстное доношеніе св. Синоду митрополитовъ: Тимоѳея московскаго и Амвросія Крутицкаго о выбранныхъ монахиняхъ изъ московскихъ монастырей.—Списокъ монахинь.—Доношеніе св. Синоду Парѳенія, епископа Смоленскаго о выбранныхъ монахиняхъ и ихъ списокъ.—Отправка монахинь въ Петербургъ.—Докладъ комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ о штатѣ для Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря и штатъ онаго.—Прибытіе монахинь въ Петербургъ къ 28-му іюня.

Устроивая первое женское учебно-воспитательное заведеніе въ Россіи въ томъ зданіи, которое его высокою основательницею собственно предназначалось для женской иноческой обители,— Императрица Екатерина, въ признательномъ воспоминаніи о своей Теткѣ, къ памяти которой всегда питала благоговѣйное уваженіе и любовь, желала и за основаннымъ ею зданіемъ и при новомъ его назначеніи, сохранить прежнее, устроивъ въ немъ женскую иноческую обитель, хотя далеко уже не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она предполагалась ея августѣйшею предшественницею [3]). Съ этою цѣлію ею дано было пове-

---

[1]) Дѣло Бецкаго,—въ архивѣ Общ. бл. дѣвицъ, № 2.

[2]) XVIII вѣкъ, историческій сборникъ. Переписка Императрицы Екатерины съ Н. И. Панинымъ, по дѣлу Мировича.

[3]) Изъ письма Императрицы къ Вольтеру отъ 30 января 1772 г. видно, что число монахинь—въ Смольномъ монастырѣ Императрицею Елисаветою Петровною предполагалось въ 300 чел. „Вы знаете, пишетъ

лѣніе митрополиту Новгородскому Димитрію Сѣченову, озаботиться выборомъ игуменьи и монахинь для вновь устрояемаго монастыря. Исполняя повелѣніе Императрицы, преосвященный, 28 апрѣля 1764 года, вошелъ запискою въ Синодъ, слѣд. содержанія: „Ея Имп. В-ство, въ будущее празднество высочайшаго своего восшествія на всероссійскій престолъ, т. е. іюня 28 дня, намѣреніе воспріять соизволила—въ С.-Петербургскій Воскресенскій Дѣвичій монастырь ввести игуменью и отъ двѣнадцати до шестнадцати старицъ,—а притомъ (приписано: за первый случай) шестьдесятъ малолѣтнихъ дѣвицъ, дворянскихъ дочерей, для воспитанія въ томъ же монастырѣ". (Приписано: которыхъ послѣ до двухъсотъ будетъ).

„Высочайшее Ея И. В-ства повелѣніе состоитъ въ томъ,—чтобы игуменья была честнаго и добраго житія, такъ какъ и всѣ старицы, изъ которыхъ званіе нѣкоторымъ опредѣляется обыкновенныхъ старческихъ властей, а нѣкоторыя во время службы Божіей пѣть должны на крылосахъ и притомъ за больными дворянскими дочерьми, которыя въ монастырѣ будутъ воспитываться,—ходить. Надобно при томъ же, чтобы помянутыя старицы были,—ежели можно, изъ дворянокъ, и житія и обхожденія благороднаго и опрятнаго, которыхъ Ея Имп. В-ство повелѣваетъ искать прежде изъ Смолянокъ [1]). (Приписана: Кропотова и Козловская въ Новодѣвичьемъ Московскомъ монастырѣ, или въ Вознесенскомъ").

Св. Синодъ, выслушавъ записку преосвященнаго Димитрія, протоколомъ отъ того же апрѣля 28 дня 1764 года опредѣлилъ: 1. Преосвященнымъ митрополитамъ: Тимоѳею Московскому и Амвросію Крутицкому послать указы, чтобы они, „обще состоящихъ въ Московскихъ: Новодѣвичьемъ и Вознесенскомъ монастыряхъ игуменій и монахинь — персонально пересмотрѣли и чрезъ кого пристойно наидостовѣрнѣйше развѣдали,—кто изъ нихъ каковаго житія и состоянія, изъ какихъ

Императрица Вольтеру,—что 500 дѣвицъ воспитываются въ томъ монастырѣ, который предназначался для пребыванія 300-тъ невѣстъ Христовыхъ". Бумаги Имп. Екатерины II, хранящіяся въ Госуд. Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ. Собр. и изд. академикомъ Як. Гротомъ.—Томъ III. 1762—1774.

[1]) Т. е. изъ урожденокъ Смоленской губерніи, или быть можетъ, изъ монастырей Смоленской эпархіи Синод. архива дѣло объ опредѣленіи въ С.-Петербургскій Воскресенскій монастырь, именуемый Смольный, монахинь и о штатѣ сего монастыря. 1764 г. № 49-й. Въ запискѣ, внесенной Преосвящ. Димитріемъ въ Синодъ, указанныя приписки сдѣланы посторонней рукою и нѣтъ подписи Преосвященнаго.

чиновъ и какихъ лѣтъ и есть ли между ними такія именно, которыя по означенному Е. И. В-ства Высочайшему благоволенію ко вмѣщенію въ Воскресенскій монастырь достойными и для пѣнія способными быть могли. А какъ небезъизвѣстно, что между монахинями въ тѣхъ монастыряхъ находятся изъ дворянокъ, по фамиліи, одна Кропотова, а другая Козловская, того ради и объ оныхъ противъ вышеписаннаго жъ развѣдавъ, обстоятельно жъ св. Синоду представили“. Во 2-хъ, такой же указъ послать преосвященному Смоленскому Парѳенію, чтобы онъ „учинилъ самое вѣроятнѣйшее развѣдываніе о состоящихъ монахиняхъ въ Смоленскѣ и съ достовѣрнѣйшимъ описаніемъ ихъ состоянія и годности представилъ бы св. Синоду, въ полномъ обстоятельствѣ, какъ наискорѣе возможно“, дабы къ назначенному сроку можно было бы отправить монахинь изъ Москвы и изъ Смоленска. Въ 3-хъ, указы преосвященнымъ и записку митрополита Димитрія отправить съ нарочнымъ канцелярскимъ служителемъ св. Синода, которому какъ можно скорѣе ѣхать сначала въ Москву, а потомъ въ Смоленскъ. Нарочному дать двѣ готовыя подводы и прогонныя деньги и по пріѣздѣ въ Москву и Смоленскъ употреблять всевозможное стараніе, чтобы свѣдѣнія о монахиняхъ были представлены въ св. Синодъ въ самомъ непродолжительномъ времени,—а по отправленіи свѣдѣній ожидать ему изъ св. Синода указа въ Смоленскѣ. Подлинный подписали 28 апрѣля 1764 г. Димитрій, митрополитъ Новгородскій, Гавріилъ, архіепископъ С.-Петербургскій, Аѳанасій, епископъ Ростовскій, Лаврентій, архимандритъ Троицко-Сергіевой лавры, Кириллобѣлозерскій архимандритъ Симонъ.

За монахинями съ указами къ преосвященнымъ отъ 29-го апрѣля былъ отправленъ синодальный регистраторъ Николай Чернявскій, при чемъ этому чиновнику была дана инструкція: „будучи въ пути, обидъ никому не чинить, также ото лживыхъ и тебѣ точно неизвѣстныхъ дѣлъ воздерживаться и по дорогамъ тѣмъ жителей въ безпокойство приводить—не дерзать. Ежели что въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности, онаго въ партикулярныхъ письмахъ никому не писать, а поступать въ томъ, какъ имянный—блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя Императора Петра Великаго—1724 г. генваря 13-го дня, указъ повелѣваетъ“.

Чернявскій ѣхалъ быстро и 4-го мая былъ уже въ Москвѣ. Преосвященные Московскій и Крутицкій, получивъ указы, 10-го числа того же мѣсяца, отправили въ Синодъ совмѣстное доно-

шеніе и обстоятельный списокъ избранныхъ для Воскресенскаго монастыря монахинь, что и было получено Синодомъ 16-го числа. „И по силѣ оныхъ указовъ, писали преосвященные, „въ предписанныхъ Новодѣвичьяго и Вознесенскаго монастыряхъ о имѣющихся игуменьяхъ и монахиняхъ разсматривано и чрезъ кого надлежательно наидостовѣрнѣйше развѣдывано было; почему оныхъ Новодѣвичьяго и Вознесенскаго монастырей игуменьи, какъ небезъизвѣстно имѣются,—первая, по не молодымъ ея лѣтамъ, въ слабости здоровья, вторая имѣетъ отъ рожденія себѣ болѣе шестидесяти лѣтъ.—А изъ имѣющихся въ тѣхъ монастыряхъ монахинь ко вмѣщенію въ Воскресенскій Дѣвичій монастырь достойными быть оказались, а именно: изъ дворянъ,—показанная въ указѣ,—Новодѣвичьяго монастыря монахиня Елпидифора Кропотова, Евгенія Яцынина, Маргарита Дурова. Изъ купечества: Максимилія Прохорова, Анатолія Петровна.—Изъ малороссіянокъ: Дороѳея Петрова.

Приложенъ списокъ монахинь и Вознесенскаго монастыря (Московскаго): изъ дворянъ Тыртовыхъ—соборная монахиня Анатолія, изъ дворянъ Ржевскихъ—крылосная монахиня Іонія. Изъ приказныхъ: соборная жъ и главная уставщица Епафродита Милюкова.—Всего изъ московскихъ монастырей—девять человѣкъ.

Затѣмъ слѣдуетъ вѣдомость, въ которой за подписью преосвященныхъ,—показаны званіе, лѣта, грамотность и послушаніе:

Новодѣвичьяго монастыря: 1) Елпидифора Ивановна, дочь Кропотова, великороссіянка, бригадирская дочь, сорока лѣтъ, грамотѣ умѣетъ,—соборная [1]). 2) Намѣстница Евгенія Михайлова дочь Яцынина, изъ Смоленскаго шляхетства, пятидесяти двухъ лѣтъ,—грамотѣ умѣетъ. 3) Маргарита Александрова, дочь Дурова, великороссіянка, изъ дворянъ, сорока одного года,—гробовая [2]), грамотѣ умѣетъ. 4) Анатолія Петрова дочь, великороссійскаго купечества, тридцати лѣтъ,—пряденіе и шитье четокъ, грамотѣ умѣетъ. 5) Максимилія Прохорова дочь, великороссійскаго купечества, тридцати лѣтъ, шьетъ четки, грамотѣ умѣетъ. 6) Дороѳея Петрова дочь, малороссіянка, двадцати лѣтъ, грамотѣ умѣетъ, пряденіе.

---

[1]) Соборными монахинями называются тѣ, которыя вмѣстѣ съ игуменьею, намѣстницею и казначеею засѣдаютъ въ совѣтѣ по дѣламъ монастырскимъ. Изъ нихъ и составляется совѣтъ,—духовный соборъ.

[2]) Гробовою—называется монахиня, находящаяся во время богослуженія при мощахъ и наблюдающая за чистотою раки.

Объ означенныхъ всѣхъ монахиняхъ, въ доношеніи Новодѣвичьяго монастыря игуменьи съ сестрами объявлено, что онѣ житія и состоянія—добропорядочнаго.

Такая же вѣдомость представлена и отъ Вознесенскаго московскаго монастыря. Изъ Дворянства: 1) соборная монахиня Анатолія Ильина Тыртова, изъ дѣвицъ, — дочь Нарвскаго пѣхотнаго полка поручика Ильи Семенова Тыртова, житія и состоянія достойнаго, грамотѣ и шить золотомъ умѣющая, и обхожденія благороднаго и опрятнаго. Тридцати четырехъ лѣтъ. 2) Крылосная Іонія Ивановна, изъ дворянъ Ржевскихъ, изъ дѣвицъ, дочь прежнихъ служебъ жильца, Ивана Ржевскаго, житія и состоянія добраго, грамотѣ, пѣть и читать умѣющая. Сорока восьми лѣтъ. 3) Соборная, надъ крылосными главная уставщица, хотя не изъ дворянъ, но достоинствомъ сихъ преимущественная, Епафродита Милюкова, изъ дѣвицъ, дочь Нижняго Новгорода подъячаго, Ивана Милюкова, житія и состоянія достойнаго и обхожденія благороднаго и опрятнаго. Грамотѣ, писать, читать и пѣть знающая, и уставъ чтенія и пѣнія исправлять и надъ другими крылосными смотрѣть—способная. Тридцати восьми лѣтъ.

Доношеніе преосвященнаго Смоленскаго Пароенія отъ 11 мая,—было получено синодомъ 17-го. „Въ здѣшнемъ Смоленскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, доносилъ преосвященный, „всѣхъ монахинь числомъ 45-ть, изъ коихъ, по особо персональному моему усмотрѣнію и достовѣрнѣйшему развѣданію, нашлось ко вмѣщенію въ Воскресенскій монастырь способныхъ только пять монахинь, ибо почти большая часть между оными старыхъ, лѣтъ отъ 60, 90 и болѣе да и больныхъ много, которыя сами себѣ отъ другихъ помощи требуютъ,—а прочія суть мало годныя и природою разныхъ чиновъ, а не изъ шляхетства,—почему и быть въ такомъ знатномъ монастырѣ—не способны. Кто же тѣ выбранныя и какихъ лѣтъ и чему обучены,—о томъ реэстръ. И оныя всѣ житія и состоянія суть честнаго и природою изъ Смоленскаго и заграничнаго польскаго шляхетства и великороссійскаго дворянства“. Далѣе преосвященный извѣщалъ, что настоящее представленіе въ Петербургъ онъ отправляетъ съ нарочнымъ своей консисторіи чиновникомъ Шишковскимъ,—а по почтѣ чрезъ Москву, послать опасался, „для того, что оная медлительно ходитъ и чтобъ не послѣдовало остановки“. Въ заключеніе преосвященный присовокупляетъ—„какое благоразсмотрѣніе послѣдуетъ, всѣхъ ли тѣхъ выбранныхъ, или же нѣкоторыхъ монахинь, и какихъ именно и на

какомъ коштѣ отправить,—о томъ прошу Вашего Святѣйшества указа":

1) Аркадія Рарогова, намѣстница, изъ Смоленстаго шляхетства, пятидесяти двухъ лѣтъ,—рукодѣлье прядильное и вязаніе чулокъ. 2) Пямфилія Свихова, ризничая, изъ зарубежнаго польскаго шляхетства, пятидесяти лѣтъ, вязаніе чулокъ. 3) Дометіана Стунѣева, крылошанка, 38 лѣтъ изъ великороссійскаго дворянства, шитье золотомъ. Александра Шубинова, крылошанка, тридцати пяти лѣтъ, изъ Смоленскаго шляхетства, шитье бѣлья. Евменія Шубинова, крылошанка, тридцати лѣтъ, изъ Смоленскаго шляхетства, шитье бѣлья.

Такимъ образомъ число монахинь,—избранныхъ для открываемаго въ столицѣ монастыря, ограничивалось четырнадцатью, изъ коихъ девять были изъ монастырей Московскихъ—Новодѣвичьяго и Вознесенскаго и пять изъ монастыря Смоленскаго Вознесенскаго. 2-го іюня 1764 г. въ собраніи св. Синода, Димитрій, митрополитъ Новгородскій, словесно объявилъ о соизволеніи Императрицы на отправку въ Петербургъ означенныхъ монахинь и объ отпускѣ имъ изъ коллегіи экономіи прогонныхъ денегъ—каждой монахинѣ на двѣ лошади, а Елпидифорѣ Кропотовой, на четыре, и на содержаніе въ пути каждой монахинѣ по десяти рублей, а Кропотовой—пятнадцать. Синодальному регистратору Чернявскому предписывалось доставить монахинь Смоленскихъ, вмѣстѣ съ Московскими и къ отправкѣ тѣхъ и другихъ изъ Москвы „возъимѣть наиприлежное стараніе".

14-го іюня 1764 г. отъ учрежденной о церковныхъ имѣніяхъ комиссіи состоялся всеподданнѣйшій докладъ Императрицѣ о штатѣ служащихъ при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.—Въ докладѣ было сказано: „по высочайшему Вашего Имп. В-ства повелѣнію С.-Петербургскому Воскресенскому Дѣвичьему монастырю, для игуменьи, монахинь и прочихъ чиновъ, комиссіею штатъ учиненъ, въ которомъ для знатности города и того монастыря, также и для дороговизны, денежные оклады противъ прочихъ штатныхъ 1-го класса монастырей — съ отличностію положены и одной для высочайшей В. Имп. В-ства аппробаціи подносится при семъ, съ таковымъ всеподданнѣйшимъ представленіемъ, что не соизволите-ль В. Имп. В-ство повелѣть, положенную сумму, по тому штату, въ тотъ монастырь, отпускать изъ доходовъ коллегіи экономіи, такъ какъ и на прочіе монастыри по штатамъ сумму изъ тѣхъ же доходовъ отпускать велѣно. Болѣе же все опое комиссія

передаетъ въ высочайшее В. Имп. В-ства благоволеніе. В. Имп. В-ства всеподданнѣйшіе раби: Димитрій, митрополитъ Новгородскій, Гавріилъ, архіепископъ С.-Петербургскій, Василій Суворовъ, князь Сергій Гагаринъ, Григорій Тепловъ, Иванъ Меллисино, Тимоѳей Текутьевъ. Оберъ-секретарь Михайло Остолоповъ.

На подлинномъ собственною Е. Имп. В-ства рукою подписано: „Быть по сему. А сумму отпускать изъ Собственной Нашей Вотчинной Канцеляріи. Іюня 14-го дня 1764 года“.

При докладѣ приложенъ и штатъ монастыря. Въ немъ положено: Игуменья—1-на. Ей содержанія 300 руб., да ей же за хлѣбъ и за протчую всякую собственно для ея принадлежащую провизію, а притомъ и на фуражъ лошадямъ—300 руб. Казначея 1-на. Ей 300 руб. А намѣстницы для того не полагается, что во всѣхъ монастыряхъ оныхъ не положено. Монахинь — 12-ть, имъ каждой по 100 руб. При ономъ монастырѣ духовнику для монахинь быть изъ іеромонаховъ Александро-Невскаго монастыря, для чего и жалованья ему не полагается. Священниковъ—5-ть, изъ нихъ одному, который вмѣсто протопопа быть имѣетъ: 200 руб. А прочимъ четыремъ по 150. Діаконовъ 5-ть. Изъ нихъ первому—120 руб., а прочимъ четыремъ по 100 руб. Изъ нихъ же, кто будетъ трудиться въ обученіи катехизиса, прибавляется сверхъ жалованья—100 руб. Дьячковъ—5-ть, каждому по 60 руб. Просфирня—1-на, ей—24 руб. На просфоры и на церковныя потребн.—200 руб. Итого—1.944 р. Подъячій—1-нъ, ему—60 руб. Служителей для всякихъ потребныхъ въ монастырѣ услугъ,—въ томъ числѣ и звонарей—12-ть, каждому по 24 руб. Для услуженія имѣть наемныхъ женщинъ, которыхъ поручить въ распоряженіе игуменьи. Ихъ 20-ть, по 18 руб. Итого 360 руб. Всего на оный монастырь имѣетъ быть—4.752 руб. На подлинномъ „Быть по сему“.

Св. Синодъ, получивъ 16-го іюня отъ комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ высочайше утвержденные докладъ и штатъ новаго монастыря, указомъ отъ 18-го іюня предписывалъ архіепископу С.-Петербургскому Гавріилу „учинить надлежащее распоряженіе, въ немедленномъ времени, дабы означенныя во оной Воскресенскій монастырь монахини, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, по принятіи отъ кого надлежитъ въ томъ монастырѣ, пристойныхъ для жительства имъ покоевъ, безъ всякой остановки въ томъ монастырѣ водворены быть могли“. Впрочемъ мы видѣли, что И. И. Бецкій, какъ главный распорядитель въ дѣлѣ открытія монастыря и заведенія, еще ранѣе,

7-го мая, далъ надлежащія инструкціи въ этомъ случаѣ Конторѣ строенія Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря.

Между тѣмъ Московская Синодальная Контора, въ репортѣ своемъ св. синоду отъ 19-го іюня, полученномъ 23 іюня, доносила, что выѣхавшій изъ Москвы въ Смоленскъ, за монахинями, чиновникъ Чернявскій, какъ онъ, такъ и послѣдніе „и по сіе время въ Москву не прибыли и никакого извѣстія оттуда (изъ Смоленска) о нихъ нѣтъ;—а понеже до 28 іюня осталось только 11-ть дней и дабы за промедленіемъ оныхъ Смоленскія и Московскія монахини въ пути до С.-Петербурга промедлить не могли, и ко оному числу заблаговременно прибыли,—того ради, сего 16-го іюня, то она положила: обрѣтающихся въ Московскихъ двухъ монастыряхъ монахинь отправить въ С.-Петербургъ, не ожидая изъ Смоленска особо“. Затѣмъ Контора извѣщала, что „монахини въ путь сего 14 іюня дѣйствительно выступили и для препровожденія ихъ въ пути и требованія подводъ,—посланъ при нихъ Конторы св. Синода солдатъ Семенъ Волковъ“. Что было причиною задержки въ пути монахинь изъ Смоленска,—изъ дѣлъ не видно, но—изъ доношенія преосвященнаго Смоленскаго св. Синоду отъ 12-го іюня, полученнаго 30 числа того же мѣсяца, оказывается, что онѣ были отправлены въ Петербургъ 12-го числа. Какъ тѣ, такъ и другія впрочемъ прибыли въ Петербургъ къ назначенному дню, не зная объ отмѣнѣ торжества. — Московскія монахини—25 іюня, а Смоленскія 27-го и вступили въ монастырское зданіе.

V.

Торжество освященія перваго монастырскаго храма и открытіе монастыря и заведенія. Назначеніе для послѣдняго четырехъ попечителей и первый пріемъ воспитанницъ. Первое посѣщеніе дѣвицъ Императрицею. Число воспитанницъ къ концу 1764 года. Открытіе въ февралѣ мѣсяцѣ 1765 года при Смольномъ Монастырѣ Мѣщанскаго Училища. Цѣль его учрежденія и пріемъ воспитанницъ. Раздѣленіе воспитанницъ обоихъ заведеній на четыре возраста и первоначальная программа ихъ обученія. Дополненія къ этой программѣ. Учебно-воспитательный персоналъ при заведеніяхъ и его обязанности по уставу. Правила воспитанія, изложенныя въ уставѣ для дѣвицъ вообще и въ особенности для четвертаго возраста. Сенъ-Сирскій институтъ во Франціи и различіе въ правилахъ воспитанія дѣвицъ Смольнаго и Сен-Сира; живущіе внѣ монастырскаго зданія и надзоръ за сохраненіемъ въ монастырѣ спокойствія и порядка.

4-го августа 1764 года совершилось освященіе перваго монастырскаго храма, во имя св. великомученицы Екатерины, а вмѣстѣ съ нимъ открытіе монастыря и основаннаго при немъ

заведенія для дѣвицъ. Современникъ и очевидецъ этого событія такъ описываетъ порядокъ торжества. Къ 9-ти часамъ утра, всѣ знатныя обоего пола особы, генералитетъ, иностранные послы и министры прибыли въ монастырь и собрались въ покояхъ начальницы заведенія княжны Анны Сергѣевны Долгорукой и затѣмъ слѣдовали въ церковь, освященіе которой совершалъ, вмѣстѣ съ членами св. Синода и прочимъ духовенствомъ, митрополитъ Новгородскій Димитрій Сѣченовъ. Во время литургіи, назначенная императрицею настоятельницею новаго монастыря, Московская монахиня Елпидифора Кропотова, была произведена во игуменьи. Въ концѣ литургіи, Кирилло-бѣлозерскій архимандритъ Симонъ говорилъ слово, „сходственное, къ случаю освященія храма и о пользѣ воспитанія юношества, съ неоспоримыми доказательствами истинныхъ похвалъ мудрой и человѣколюбивой того Основательницы“. По окончаніи богослуженія, изъ орудій, поставленныхъ на берегу Невы, за монастырскою оградой, произведенъ былъ 101 пушечный выстрѣлъ и всѣ приглашенные отправились осматривать зданіе монастыря и приготовленное въ немъ помѣщеніе для дѣвицъ: „При этомъ, замѣчаетъ очевидецъ, „природные всѣ единогласно милосердному и человѣколюбивому учрежденію монархинѣ своей съ восторгомъ благодареніе изъявляли, а чужестранцы, какъ примѣчено, не льстивыми похвалами соотвѣтствовали“.

Во время обѣденнаго стола, за которымъ присутствовало 120 персонъ, было пито, при пушечной пальбѣ, здоровье Высокой Основательницы заведенія и затѣмъ послѣдовалъ разъѣздъ. Толпы народа наполняли монастырскую площадь и множество любопытныхъ тѣснилось въ обширныхъ корридорахъ монастырскаго зданія“ и на лицахъ тѣхъ гуляющихъ людей, заключаетъ очевидецъ свое описаніе, „знаки сердечнаго удовольствія, не лестно изображенные представлялись“ [1]).

---

[1]) Прибавленіе къ 70-му № С.-Петерб. Вѣдомостей 1764 г. Вторникъ, 31-го августа.

Освященная 4-го августа 1764 года первая монастырская церковь съ 1809-го принадлежитъ помѣщающемуся въ зданіи монастыря Вдовьему Дому. По своей внутренней отдѣлкѣ, храмъ этотъ представляетъ единственное, сохранившееся во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ, вполнѣ заключенное произведеніе графа Растрелли. Здѣсь все выполнено по чертежамъ и рисункамъ знаменитаго зодчаго. Въ размѣщеніи образовъ иконостаса и въ ихъ содержаніи нельзя также не замѣтить личнаго усмотрѣнія и распоряженія Императрицы Екатерины. Всѣ иконы второго яруса, въ формѣ медальоновъ, по своему содержанію, заключаютъ въ

Такъ какъ по уставу Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, въ совѣтѣ заведенія положено было присутствовать четыремъ попечителямъ, „изъ гг. сенаторовъ, или другихъ именитыхъ особъ, которые должность свою отправляютъ изъ одной чести и любви къ ближнему, засѣдая въ собраніи, какъ для совѣта, и свидѣтельства дворянства благородныхъ дѣвицъ, такъ и для экономіи“, то Императрицею были назначены попечителями: графъ Петръ Панинъ, И. И. Бецкій, князь Петръ Трубецкой и Сергѣй Козьминъ. Вмѣстѣ съ начальницею они и составляли совѣтъ заведенія. 7-го августа происходило ихъ первое засѣданіе, при чемъ былъ произведенъ и первый пріемъ воспитанницъ. Хотя число вакансій для пріема въ первый возрастъ, или классъ, было опредѣлено въ 50 дѣвицъ, но доставлено было только 11, которыя и были всѣ приняты. Это были

себѣ воспоминанія о важнѣйшихъ событіяхъ въ жизни основательницы монастыря императрицы Елисаветы Петровны и ея преемницы въ окончательномъ устройствѣ монастырскаго зданія, Императрицы Екатерины и близкихъ къ ней особъ царствующаго дома. Такъ надъ мѣстнымъ образомъ Спасителя помѣщенъ св. мученикъ Севастіанъ, день рожденія императрицы Елисаветы Петровны, декабря 18-го 1709 года, а надъ иконою Божіей матери св. Климентъ, Папа Римскій и св. Петръ Александрійскій, въ день памяти которыхъ 25 ноября 1741 года совершилось ея восшествіе на престолъ. Надъ ними помѣщенъ св. евангелистъ Маркъ, въ день памяти котораго 25 апрѣля 1742 г. она была помазана на царство. На лѣвой сторонѣ иконостаса помѣщенъ образъ Рождества Предтечи, а въ немъ св. Захарія и Елисавета, какъ день ея тезоименитства—сентября 5-го, а надъ лѣвыми, сѣверными, вратами алтаря—Рождество Христово, день ея кончины, декабря 25 1761-го года. На правой сторонѣ иконостаса, надъ храмовымъ образомъ великомуч. Екатерины, изображены: священномуч. Январій,—день рожденія императрицы Екатерины 21-го апрѣля 1729 г. и св. Екатерина, день ея тезоименитства ноября 24-го. На лѣвой сторонѣ иконостаса, надъ образомъ Рождества Предтечи: священномуч. Харлампій и св. Евстафій, первый день рожденія имп. Петра III, февраля 10-го 1728 г., а второй наслѣдника престола, вел. кн. Павла Петровича, сентября 20 1754 г. Надъ ними: св. ап. Петръ и Павелъ, какъ день ихъ тезоименитства іюня 29. До реставраціи храма, произведенной въ 1859 году, всѣ его лѣпныя украшенія были вызолочены по синему фону. Куполъ былъ закрытъ и въ немъ постановленъ механизмъ большихъ башенныхъ часовъ, съ колоколами, часовымъ и получасовымъ. Послѣ реставраціи 1859 г. по открытіи купола, механизмъ часовъ былъ снятъ и оставлены одни только циферблаты. Позолота лѣпной работы окрашена колеромъ. Упразднено царское мѣсто (устроенное у юго-западнаго угла храма), на которомъ часто присутствовали при богослуженіи императрицы: Екатерина и Марія Ѳеодоровна и снятъ балдахинъ надъ престоломъ, стоявшій надъ гробомъ послѣдней при погребеніи ея въ Петропавловскомъ соборѣ.

почти исключительно дочери лицъ, жившихъ въ столицѣ и служившихъ въ гвардіи и при дворѣ. Провинціи и губерніи не прислали ни одной кандидатки.

Три мѣсяца спустя, 23 ноября того же года, Императрица въ первый разъ познакомилась съ воспитанницами, прибывъ въ монастырь утромъ въ 10 часовъ, въ сопровожденіи многихъ придворныхъ особъ. Встрѣченная начальницею, правительницею и попечителями, она слѣдовала въ комнаты первой, гдѣ собраны были воспитанницы вмѣстѣ съ своими учительницами. Такъ какъ это былъ канунъ дня тезоименитства императрицы, то дѣти здѣсь принесли ей „всеподданнѣйшее поздравленіе, яко матери своей и государынѣ", а одна изъ воспитанницъ, графиня Марія фонъ-Вальстейнъ, 5 лѣтъ, „говорила Ея Величеству на французскомъ языкѣ краткую рѣчь, сколько лѣта и состояніе ея дозволили". Государыня, выразивъ свое благоволеніе учащимъ и учащимся, слѣдовала въ церковь, гдѣ была встрѣчена Гавріиломъ, архіепископомъ С.-Петербургскимъ и слушала божественную литургію и молебствіе. По окончаніи богослуженія, возвратясь снова въ покои начальницы, она принимала поздравленіе отъ монахинь, при чемъ игуменья и казначея были допущены ею къ рукѣ. Здѣсь были представлены Императрицѣ образцы работъ и рукодѣлій воспитанницъ, „сколько по краткости сего воспитанія отъ нихъ ожидать было можно и которые однакожъ довольно пріобрѣли высочайшую ея Имп. В-ства аппробацію и удовольствіе". Побывъ нѣсколько времени при обѣденномъ столѣ дѣвицъ, государыня, милостиво простившись со всѣмъ обществомъ, выѣхала изъ монастыря въ первомъ часу. Это было ея первое знакомство съ заведеніемъ, воспитанницъ котораго, впослѣдствіи, она всѣхъ знала по фамиліямъ и именамъ [1]).

Доставка дѣтей въ заведеніе шла медленно и въ послѣдніе мѣсяцы 1764 года было принято только 7 дѣвицъ, такъ что къ концу этого года, всѣхъ воспитанницъ состояло 18, а общее число живущихъ въ монастырскомъ зданіи, считая служащихъ учащихъ и монахинь—не превышало 200 человѣкъ. Но общество русское по-немногу уже начинало знакомиться съ устройствомъ и порядками перваго женскаго воспитательнаго заведенія и въ началѣ 1765 года было доставлено въ него 28 дѣвицъ; такъ что къ марту мѣсяцу, этого года, число воспитанницъ уже приближалось къ цифрѣ полнаго комплекта для пер-

---

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1764 года, № 95-й. Ноябрь 26 ч.

ваго пріема, положенной въ уставѣ. Ихъ было уже 46 человѣкъ.

Но заботы Императрицы о женскомъ образованіи въ Россіи не были направлены исключительно на одно только привелегированное сословіе — дворянское. Ея желаніе было привлечь къ этому важному дѣлу всѣ общественныя сословія, чтобы плодами воспитанія и образованія могли воспользоваться дѣти всѣхъ званій и состояній. Неутомимый ея сподвижникъ и сотрудникъ въ дѣлѣ воспитанія юношества, И. И. Бецкій, будучи президентомъ Академіи Художествъ, не задолго до открытія Восп. Общества благородн. дѣвицъ, устроилъ при Академіи мужское училище для дѣтей разныхъ званій,—извѣстное подъ именемъ училища мѣщанскихъ мальчиковъ. Такое же училище, по мысли императрицы и по плану Бецкаго, предположено было открыть и при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, для дѣвочекъ всѣхъ сословій, подъ именемъ Училища мѣщанскихъ дѣвушекъ. „Для пользы общества", писалъ онъ, въ проектированномъ имъ уставѣ новаго женскаго заведенія, „не меньше требуется, чтобы всякаго чина и женской полъ воспитанъ былъ въ добронравіи и въ приличныхъ состоянію его знаніяхъ и рукодѣліяхъ". 31-го января 1765 года уставъ Мѣщанскаго училища былъ утвержденъ Императрицею. Училище, помѣщаясь въ зданіи Смольнаго монастыря, должно было состоять подъ управленіемъ начальницы и совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, которымъ въ уставѣ предписывалось „заимствуя изъ утвержденныхъ по сіе время и въ народъ выданныхъ учрежденій, снабдить сіе училище равномѣрными распорядками, дабы благоучрежденнымъ воспитаніемъ обоего пола юношества произвесть новое порожденіе, отъ котораго бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли, въ сходствіе высочайшаго намѣренія Ея Импер. В-ства".

Число воспитывающихся въ Мѣщанскомъ училищѣ опредѣлено было въ 240 человѣкъ и правила пріема въ него были тѣ же, какъ и въ Воспит. Обществѣ бл. дѣвицъ. Для перваго пріема открыто было 60 вакансій и 15 февраля, спустя двѣ недѣли послѣ утвержденія устава, въ училище было доставлено требуемое число воспитанницъ. Люди простые и знающіе нужду сочувственнѣе отнеслись къ благому учрежденію Императрицы и охотнѣе ввѣряли ему воспитаніе своихъ дѣтей, нежели сословія привелегированныя. Большинство принятыхъ дѣтей — были дочери нижнихъ чиновъ полковъ гвардіи, затѣмъ слѣдо-

вали дѣти служителей придворнаго вѣдомства, разночинцевъ, ремесленниковъ, купеческаго сословія, наконецъ были 4-е и податного состоянія, съ вѣчнымъ, какъ сказано въ спискѣ воспитанницъ, отъ него увольненіемъ.—На содержаніе обоихъ заведеній ассигновано было 2.500.000 руб.

Воспитанницы, какъ Общества бл. дѣвицъ, такъ и Мѣщанскаго училища по уставу раздѣлялись на четыре возраста: первый отъ 6—до 9 лѣтъ, вторый отъ 9—до 12-ти, третій отъ 12—до 15 и четвертый отъ 15—до 18 лѣтъ. Такимъ образомъ каждая воспитанница, вступая въ заведеніе не старше 6-ти лѣтъ, обязана была пробыть въ немъ не менѣе 12-ти. Каждому возрасту присвоены были и платья особаго цвѣта: для перваго коричневаго, или кофейнаго, для второго — голубого, для третьяго—сѣраго и для четвертаго—бѣлаго цвѣта. Предметами обученія въ Воспит. Обществѣ бл. дѣвицъ были: въ первомъ возрастѣ — законъ Божій, языки—русскій и иностранные [1]), ариѳметика, рисованіе, музыка, танцованіе и рукодѣліе. Во второмъ возрастѣ къ тѣмъ же предметамъ прибавлялись еще исторія и географія; кромѣ того воспитанницъ этого возраста начинали знакомить съ нѣкоторою частію экономіи или домашняго хозяйства. Въ третьемъ возрастѣ продолжалось изученіе тѣхъ же предметовъ, но введено было—преподаваніе наукъ словесныхъ, подъ которымъ разумѣлось чтеніе книгъ историческаго и нравоучительнаго содержанія. Воспитанницъ кромѣ того знакомили съ нѣкоторыми правилами архитектуры и геральдики, а изъ искусствъ обучали еще скульптурѣ и мастерству токарному. Съ домашнимъ хозяйствомъ воспитанницы этого возраста знакомились уже на практикѣ. Курсъ четвертаго, послѣдняго, возраста состоялъ въ общемъ повтореніи всего пройденнаго, а домашняя экономія изучалась здѣсь уже каждою воспитанницею во всѣхъ подробностяхъ. Кромѣ очередного присутствованія на кухнѣ, воспитанницы должны были сами выбирать для стола провизію и припасы, — вести имъ счеты и представлять ихъ начальницѣ, производить по нимъ поставщикамъ уплату и наблюдать въ хозяйствѣ чистоту и опрятность. Можно съ достовѣрностію предположить, что такая постановка дѣла въ дѣйствительности знакомила дѣвицъ съ правилами домашней экономіи и пріучала ихъ къ хозяйству. Воспитанницы этого возраста назначались также по оче-

[1]) Изъ иностранныхъ языковъ положено было обучать французскому, нѣмецкому и итальянскому. Но въ такомъ раннемъ возрастѣ вѣроятно обучали которому-нибудь одному.

реди для преподаванія въ младшій классъ. Цѣль этого постановленія была та, чтобы съ одной стороны облегчить труды учительницъ,—а съ другой, имѣлось въ виду, что воспитанницы, пріобрѣвъ еще—въ заведеніи нѣкоторую практику — въ преподаваніи, „навыкнутъ заблаговременно, какъ имъ, будучи матерями, обучать дѣтей своихъ и въ собственномъ своемъ воспитаніи найдутъ себѣ великое вспоможеніе, въ какомъ бы состояніи имъ жить ни случилось“.

Предметы преподаванія въ Мѣщанскомъ училищѣ были тѣ же. Введеніе въ программу образованія мѣщанскихъ дѣвушекъ иностранныхъ языковъ, музыки, пѣнія и танцованія могло казаться для того времени страннымъ и даже не соотвѣтствующимъ самой цѣли учрежденія училища, „дабы всякаго чина и женской полъ былъ воспитанъ въ приличныхъ состоянію его знаніяхъ и рукодѣліяхъ“. Но любовь Государыни, въ дѣлѣ воспитанія, обнимала собою безъ сословнаго различія всѣхъ ея подданныхъ. Ея желаніе было въ этомъ отношеніи быть щедрою ко всѣмъ безъ изъятія. Но это введеніе въ программу Мѣщанскаго училища иностранныхъ языковъ и изящныхъ искусствъ имѣло еще цѣлію приготовить способныхъ воспитанницъ училища къ занятію должностей учительницъ въ обоихъ заведеніяхъ. Для дѣвицъ Воспитательнаго Общества, какъ дочерей дворянъ, считалось неудобнымъ и даже унизительнымъ, во мнѣніи тогдашняго общества, принимать на себя скромное служебное званіе наставницы и воспитательницы. Но это званіе и служебное положеніе, которое могли занять, по окончаніи курса, при заведеніяхъ, воспитанницы Мѣщанскаго училища, весьма могло льстить самолюбію какъ ихъ самихъ, такъ и въ особенности ихъ родителей и родственниковъ. Наконецъ, такая программа, доставляя дѣтямъ, разныхъ званій и состояній, такія познанія и свѣдѣнія, которыя считались въ то время роскошью и были доступны только для высшихъ классовъ общества, могла служить важнымъ средствомъ для привлеченія дѣтей въ заведеніе. Впрочемъ уставомъ не была упущена изъ виду и главная цѣль его учрежденія. Такъ въ немъ обращено было особенное вниманіе на усовершенствованіе воспитанницъ въ различнаго рода рукодѣліяхъ,—въ шитьѣ, вязаньѣ и вышиваньѣ. Въ немъ предписывается также, чтобы онѣ дѣйствительно выполняли всѣ доступныя ихъ силамъ работы по домашнему хозяйству,—умѣли бы сами стряпать, чистить, мыть и проч. Зная, наконецъ, недостаточное семейное положеніе родителей воспитанницъ, состави-

тель устава озаботился и о нѣкоторомъ матеріальномъ обезпеченіи дѣвицъ по окончаніи ими курса. При каждомъ пріемѣ въ училище, на каждую воспитанницу ассигновалась особая сумма въ 50 руб., которая и полагалась въ банкъ для приращенія, и составившійся капиталъ, по окончаніи курса, дѣлился вмѣстѣ съ основною суммою поровну между дѣвицами. Къ этому же капиталу присоединялась и сумма, вырученная отъ продажи рукодѣлій, сработанныхъ ими въ продолженіе пребыванія своего въ заведеніи.

Окончившія курсъ воспитанницы Мѣщанскаго училища или выдавались замужъ, „за достойныхъ по ихъ состоянію жениховъ“ или по желанію и способности могли вступать на службу наставницами при Восп. Обществѣ и училищѣ, „съ договоромъ и съ заплатою“, какъ сказано въ уставѣ. Тѣ же, которыя пожелали бы еще остаться въ училищѣ для пріисканія занятій, могли оставаться въ немъ три года, но не въ числѣ классныхъ и пользоваться отъ заведенія помѣщеніемъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ, „а для отвращенія праздности“, сказано было въ уставѣ, „во всемъ прочемъ должны довольствоваться за заплату изъ прибыли отъ продажи собственныхъ трудовъ, которой инако пріобрѣсть не могутъ, какъ трудолюбіемъ, искусствомъ и вкорененною въ нихъ во время юныхъ ихъ лѣтъ — добродѣтелью“. По окончаніи этихъ трехъ лѣтъ, онѣ выпускались изъ училища съ аттестатомъ и денежнымъ вознагражденіемъ.

Въ обоихъ заведеніяхъ преподаваніе было поручено учительницамъ и учителямъ. Въ первыхъ двухъ возрастахъ, раздѣленныхъ на четыре отдѣленія, полагалось въ каждомъ отдѣленіи по одной учительницѣ, а въ остальныхъ двухъ, раздѣленныхъ на два, назначено было и по двѣ учнтельницы для каждаго возраста. Считая 12-ть монахинь, обязанныхъ по уставу также обучать грамотѣ, число преподавательницъ простиралось до 24-хъ. Учителей, или какъ ихъ называли тогда—мастеровъ, было семь, не считая священника, двухъ учителей рисованія четырехъ музыки, и двухъ танцмейстеровъ. Такимъ образомъ въ учебномъ персоналѣ преобладалъ элементъ женскій. Возлагая на учительницъ, въ особенности въ двухъ младшихъ возрастахъ, все дѣло преподаванія, уставъ имѣлъ въ виду ту цѣль, что онѣ, какъ женщины, отличаясь большимъ терпѣніемъ, нежели мужчины,—въ дѣлѣ начальнаго обученія юныхъ питомицъ, принесутъ и болѣе пользы. Но для осуществленія этой мысли, въ тогдашнее время, когда такъ мало было образован-

ныхъ русскихъ женщинъ, необходимо было обратиться къ помощи иностранокъ, за немногими исключеніями, видящихъ въ своей учебно-воспитательной профессіи только средство къ жизни и не всегда сознающихъ важность возлагаемыхъ на нихъ обязанностей первыхъ воспитательницъ ввѣреннаго ихъ попеченію юношества.—Впрочемъ это участіе иностранокъ въ преподаваніи было полезно въ томъ отношеніи, что по уставу особенное вниманіе было обращено на изученіе воспитанницами иностранныхъ языковъ, на которыхъ онѣ должны были — „исправно читать, писать и говорить“. Въ связи съ этимъ изученіемъ иностранныхъ языковъ на практикѣ,—уставъ предписывалъ преподавательницамъ „приваживать воспитанницъ къ правильному читанію и вперять въ нихъ охоту къ чтенію книгъ, какъ для собственнаго ихъ увеселенія, такъ и для происходящей отъ того пользы“. Для этого рекомендовано было завести избранную библіотеку, чтобы развить въ воспитанницахъ вкусъ къ хорошему чтенію, какъ къ одному изъ главныхъ средствъ собственнаго образованія.

Преподаваніе другихъ предметовъ не отличалось обширнымъ объемомъ. Обученіе ариѳметикѣ ограничивалось только первыми четырьмя правилами, какъ наиболѣе необходимыми при веденіи домашняго хозяйства. Изученіе исторіи и географіи состояло также въ сообщеніи воспитанницамъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній. Относительно же введенія въ програму архитектуры и геральдики, нужно замѣтить, что преподаваніе первой ограничивалось ознакомленіемъ воспитанницъ съ главнѣйшими ея правилами и стилями, а также составленіемъ ими несложныхъ чертежей, — что̀ могло служить для нихъ хорошимъ пособіемъ при обученіи рисованію; а знаніе послѣдней, по тогдашнимъ понятіямъ, считалось необходимымъ для всякаго благовоспитаннаго дворянина, — чтобы умѣть различать и толковать гербы важнѣйшихъ въ государствѣ фамилій, и введеніе ея въ кругъ преподаваемыхъ въ Воспит. Обществѣ предметовъ, очевидно, было сдѣлано въ угожденіе духу того времени, для котораго дороги были всякіе знаки внѣшнихъ отличій.

Впрочемъ, въ скоромъ времени, при переходѣ воспитанницъ того же перваго пріема въ третій и четвертый возрасты, эта первоначальная программа получила нѣкоторыя дополненія.

Такъ изъ протоколовъ испытаній, произведенныхъ воспитанницамъ этихъ возрастовъ въ 1775 году, мы видимъ, что въ кругѣ наукъ словесныхъ, кромѣ риторики и поэзіи, введено

было преподаваніе логики. При изученіи исторіи обращено особенное вниманіе на новѣйшій ея отдѣлъ и на хронологію. Воспитанницъ знакомили съ миѳологіею. Преподаваніе математики расширено прибавленіемъ алгебры и геометріи. Наконецъ введено преподаваніе естественной исторіи и экспериментальной физики. — Такое расширеніе круга учебныхъ предметовъ, въ связи съ усиленнымъ упражненіемъ воспитанницъ въ изученіи иностранныхъ языковъ, а также искусствъ и рукодѣлій,—заставляетъ признать получаемое ими образованіе вполнѣ достаточнымъ для тогдашняго времени. Императрица заботилась не о томъ, чтобы воспитанницы блестѣли своими познаніями въ обществѣ, хотя къ тому онѣ имѣли возможность, но ея желаніе было, чтобы развитіе ихъ шло правильно и сообразно съ природою и главное вниманіе ея было обращено на ихъ нравственное воспитаніе. „Искусство доказало, читаемъ мы въ генеральномъ учрежденіи о воспитаніи юношества въ Россіи, что просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердцѣ его не вкорены. Посему ясно, что корень всему добру и злу — воспитаніе". Оба устава, какъ Воспит. Общества, такъ и мѣщанскаго училища и проникнуты глубокимъ убѣжденіемъ въ важности и необходимости нравственнаго воспитанія, въ его многостороннихъ и благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ, и тѣ правила и совѣты, которые начертаны въ нихъ для руководства, въ столь трудномъ дѣлѣ, воспитательному персоналу заведеній, служатъ лучшимъ выраженіемъ педагогическихъ взглядовъ передовыхъ и мыслящихъ людей той эпохи.

Помѣщая воспитанницъ въ закрытомъ заведеніи, уставъ, съ самаго ихъ вступленія въ оное, уже освобождалъ родителей и родственниковъ отъ всякаго о нихъ попеченія, не разрѣшалъ дѣвицамъ отпусковъ къ нимъ въ домы и самое свиданіе съ ними въ заведеніи дозволялъ только въ назначенные для того дни и часы, въ присутствіи начальницы и воспитательницъ. Послѣднія обязаны были безотлучно находиться при дѣвицахъ и въ особенности наблюдать, чтобы онѣ не оставались однѣ съ служанками и не вступали съ ними въ разговоры. Въ педагогическомъ отношеніи послѣднее правило было весьма важно и показывало, съ какою заботливостью старались огородить воспитанницъ отъ всякаго дурного вліянія. „Неоспоримо, сказано было въ генеральномъ учрежденіи, что частое—съ людьми

безъ разбору обхожденіе внѣ и внутрь заведенія—весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей". Служить добрымъ примѣромъ для воспитанницъ и должны были всѣ служащіе при заведеніи, начиная съ его начальницы.—Утверждаемая въ своей должности всегда высочайшею властью, она пользовалась обширнымъ полномочіемъ въ своихъ распоряженіяхъ по заведенію и дому. — Уставъ предписывалъ ей, прежде всего, „быть любимой и почитаемой всѣми", во всѣхъ распоряженіяхъ по заведенію и дому поступать съ крайнимъ благоразуміемъ и кротостію, „въ то же время снисходя чисто сердечно въ состояніе подчиненныхъ ей людей", „Строгость и твердость, читаемъ въ уставѣ, суть иногда великія добродѣтели,—но бываютъ временемъ и такіе случаи, въ коихъ требуется особливое искусство, чтобы оныя согласить съ порядкомъ и тишиною во всемъ училищѣ". Здѣсь указывается на необходимость для нея обладать извѣстнымъ педагогическимъ тактомъ, безъ котораго немыслимо бываетъ правильное и стройное веденіе всего учебно-воспитательнаго дѣла. Сохраняя всегда спокойствіе духа „съ непринужденною веселостію", она должна была сообщать такое настроеніе и всему подчиненному ей обществу, „а особливо молодымъ дѣвицамъ, дабы симъ способомъ отвращенъ былъ и самой видъ всего того, что скукою, грустію или задумчивостію назваться можетъ". Наконецъ, заботясь о благосостояніи ввѣреннаго ей заведенія,—она обязана была слѣдить за правильнымъ расходованіемъ суммъ по его содержанію, „чтобы благоразумною экономію сберегаемые отъ опредѣленной годовой суммы остатки, могли въ свое время быть употребляемы въ приданое дѣвицамъ".

Помощница начальницы, носившая въ уставѣ званіе правительницы, — раздѣляла съ начальницею труды по управленію заведеденіемъ и въ случаѣ ея отсутствія исправляла ея должность. Правительницѣ, какъ поставленной въ болѣе близкія и частыя отношенія къ учащимъ и учащимся, предписывалось въ особенности остерегаться, „чтобы отнюдь ни при какомъ случаѣ не сдѣлать ничего—суровость, досаду или гнѣвъ изъявляющаго, и въ присутствіи дѣвицъ не сказать чего-либо непристойнаго, или огорчительнаго". — Подчиненныя ей надзирательницы, которыхъ полагалось по одной для каждаго возраста, исполняли обязанности нынѣшнихъ классныхъ дамъ и обязаны были не отлучаться отъ дѣвицъ, „ни во время, ученія, ни при отдохновеніи". Дѣлаемыя ими внушенія и замѣ-

чанія не должны были быть суровы и рѣзки, — а тѣмъ болѣе „пристрастны“. „Если бъ, говоритъ уставъ, кому случилось, въ какомъ-нибудь дѣлѣ, придти въ раздраженіе и не одумавшись сердце свое изъявить надъ молодою дѣвицею (что весьма часто бываетъ у безразсудныхъ учительницъ и учителей), то такой поступокъ совсѣмъ неблагоразуменъ и крайне отъ сего остерегаться должно“. При налагаемыхъ на виновныхъ взысканіяхъ, и надзирательницы всегда должны были обращать вниманіе на „возрастъ и разумъ воспитанницы“ и помнить, что „напрасно, или не по важности вины употребляемая строгость обыкновенно бываетъ поводомъ къ преступленію, совершенно опровергаетъ порядокъ добраго воспитанія и приводитъ въ уныніе питомца, коего ожесточившееся тѣмъ сердце отвратится отъ своего воспитателя“. Имѣя въ виду предписаніе устава, чтобы воспитанницы всегда находились въ спокойномъ и веселомъ расположеніи духа, надзирательницы обязаны были— „собственныхъ, или домашнихъ своихъ огорченій воспитываемымъ дѣтямъ отнюдь никогда не показывать, — но всячески оныя отъ нихъ скрывать должно“.

Относительно учительницъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ исполняли и обязанности ближайшихъ къ дѣтямъ воспитательницъ, уставъ предписывалъ, чтобы воспитанницы видѣли въ нихъ не строгихъ наставницъ, готовыхъ читать имъ скучныя наставленія за малѣйшее нарушеніе порядка, но особъ, любящихъ своихъ питомицъ и въ свою очередь пользующихся у нихъ любовію и уваженіемъ. Онѣ должны были всячески стараться, чтобы дѣвицы „не привыкали излишне важничать,—а потомъ и унылой видъ являть“, но были бы скромны, вѣжливы, ласковы и учтивы,—но, прибавляетъ уставъ, „не принужденно“. Послѣднее показываетъ, что умѣнье держать себя и обладать хорошими манерами пріобрѣтается не чрезъ обученіе онымъ, но является само собою, какъ слѣдствіе добраго воспитанія и примѣра.— Въ дѣлѣ класснаго обученія, онѣ не должны были „отягощать незрѣлый еще разумъ излишними понятіями“; ибо, продолжаетъ уставъ, „не всѣ могутъ быть равнаго сложенія, найдутся и скоропонятныя и медлительныя въ понятіи“. Съ послѣдними уставъ предписывалъ „не поступать суровымъ и непріятнымъ образомъ“. „Стараніемъ, искусствомъ и трудами, сказано было, „не чувствительно достигнуть можно до того, отъ чего прямо происходитъ, что та, или другая въ наукѣ худо успѣваетъ“. Правила прекрасныя, къ сожалѣнію очень часто упускаемыя изъ виду современною педагогикою.

Учительницы наконецъ въ обращеніи съ воспитанницами должны были держать себя доступно и просто, чтобы послѣднія относились къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и не тяготились ихъ постояннымъ присутствіемъ. Для этого уставъ предписывалъ, „какъ скоро дѣвицы иностранные языки разумѣть и оными говорить начнутъ, тогда учительницы, по окончаніи классовъ, употребляютъ по нѣскольку времени съ ними на разговоры, дозволяя каждой сказывать и объяснять свои мысли съ пристойною вольностію“. Онѣ должны были также „поощрять, чтобы дѣвицы на иностранныхъ языкахъ между собою сколь можно чаще разговаривали“. Этимъ достигался успѣшный результатъ при изученіи ими иностранныхъ языковъ.

„Если же, сказано было, въ какихъ наукахъ учительницъ не сыщется,—„то опредѣляются учители, или мастера“. Это въ особенности относилось къ преподаванію исторіи, географіи, архитектуры и геральдики,—а также и къ искуствамъ.—Учителямъ предписывалось держать себя благопристойно и „поступать съ дѣвицами со всякою учтивостью, должной ихъ полу и породѣ“. Когда имъ необходимо было прибѣгать къ примѣрамъ для поясненія уроковъ, то они должны были дѣлать „это въ пристойныхъ, а отнюдь не въ грубыхъ, или подлыхъ изображеніяхъ“.

Какихъ-либо особыхъ мѣръ взысканія за нарушеніе дисциплины мы не встрѣчаемъ въ уставѣ. Въ отдѣлѣ „о воспитаніи“ мы находимъ одно только главное средство къ исправленію провинившейся воспитанницы,— это публичный выговоръ, или пристыженіе, предъ цѣлымъ—классомъ, или въ присутствіи всего Воспитательнаго Общества,—„дабы стыдъ одной служилъ навсегда къ воздержанію другихъ отъ подобныхъ поступковъ“. Средство весьма сильное само по себѣ и даже опасное иногда по своимъ послѣдствіямъ. Но оно вѣроятно употреблялось только въ крайнихъ случаяхъ.—Въ уставѣ оно показано за нарушеніе благочинія во время богослуженія.

Особеннымъ вниманіемъ всего Воспитательнаго общества должны были пользоваться дѣвицы старшаго возраста, „поелику въ ономъ, по достиженіи пятнадцати лѣтъ, уже начинаютъ онѣ собирать плоды девятилѣтнихъ трудовъ своихъ, въ первыхъ трехъ возрастахъ понесенныхъ“.—Онѣ должны были служить примѣромъ для воспитанницъ прочихъ возрастовъ, обязанныхъ относиться къ нимъ почтительно, какъ къ помощницамъ своихъ преподавательницъ. Само начальство заведенія должно было оказывать имъ предпочтеніе предъ другими.—„Чтобы придать

дѣвицамъ симъ, читаемъ въ уставѣ,—надлежащую и приличную смѣлость въ поведеніи,—необходимо установить должно въ семъ обществѣ, по праздничнымъ, или по воскреснымъ днямъ—собранія,—для пріѣзжающихъ изъ города дамъ и кавалеровъ и другихъ почтительныхъ людей, съ дозволенія г-жи начальницы". Эти собранія назначались или для концертовъ или для спектаклей, или же для обыкновенныхъ вечеровъ съ музыкою и танцами. Здѣсь воспитанницы, предъ избранною публикою могли показывать свое искусство въ музыкѣ вокальной и инструментальной, а также въ исполненіи сценъ и цѣлыхъ пьесъ драматическаго или комическаго характера, преимущественно иностранныхъ авторовъ, для чего при заведеніи предполагалось устройство небольшого театра.—На этихъ собраніяхъ, воспитанницы старшаго возраста должны были хозяйничать, принимать и занимать гостей, „дабы черезъ то навыкнуть могли къ непринужденному и учтивому поведенію, не испытывали бы застѣнчивости и въ случаѣ о всемъ могли пристойно и благородно—изъясняться". Императрица, помѣщая воспитанницъ въ закрытомъ заведеніи, вдали отъ города и притомъ въ стѣнахъ монастыря, устройствомъ увеселительныхъ собраній, желала, насколько возможно было, разнообразнѣе и привлекательнѣе обстановить жизнь своихъ юныхъ питомицъ.—Она не желала, чтобы онѣ были совершенно замкнуты отъ всякихъ сношеній съ остальнымъ обществомъ; напротивъ, прилагала стараніе о томъ, чтобы воспитанницы еще въ заведеніи знакомились съ правилами свѣтскихъ приличій,—пріобрѣтали-бы изящныя манеры, не терялись бы въ присутствіи постороннихъ и не были бы застѣнчивы и дики.

Въ этомъ отношеніи, основанное при Смольномъ монастырѣ, первое женское учебное заведеніе въ Россіи представляло совершенный контрастъ въ сравненіи съ тогдашнимъ положеніемъ своего прототипа, Сенъ-Сирскаго Института, основаннаго во Франціи въ концѣ XVII-го столѣтія и считавшаго себѣ, въ описываемое нами время, уже около 80-ти лѣтъ существованія. Уставъ этой almae matris всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній, начертанный опытною рукою его начальницы, г-жи де-Ментенонъ, послужилъ образцомъ и для устава Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Правила обоихъ уставовъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, представляютъ поразительное сходство, даже до мельчайшихъ подробностей.—Оба заведенія имѣли одну и ту же цѣль:—дать обществу образованныхъ женщинъ, добровоспитанныхъ женъ и матерей.—Но институтъ Сенъ-Сирскій,

только въ первые годы своего существованія, удовлетворялъ этому назначенію,—а затѣмъ принялъ чисто монашеское устройство. Основанный въ 1686 году Людовикомъ XIV, близъ Версаля,—для воспитанія дочерей французскаго дворянства,—онъ былъ любимымъ учрежденіемъ короля, часто посѣщавшаго заведеніе для присутствованія на спектакляхъ воспитанницъ,—разыгрывавшихъ предъ нимъ трагедіи Расина.—Эта близость къ институту Версаля, частыя посѣщенія короля и его свиты, похвалы и рукоплесканія, которыя они щедро расточали воспитанницамъ на институтскихъ спектакляхъ, наконецъ, та придворная роскошь и обстановка,—которыми любилъ окружать основанное имъ заведеніе король,—все это, говоритъ историкъ Сенъ-Сира [1]), наполняло сердца юныхъ дѣвицъ тщеславіемъ и гордостію, развивало въ нихъ страсть къ свѣтскимъ удовольствіямъ.—Институтъ впалъ въ крайность—онъ вообразилъ, что принадлежитъ ко двору.—„Стеченіе высшаго общества, говорятъ въ своихъ мемуарахъ Сенъ-Сирскія дамы, обращеніе съ самыми остроумными людьми того времени, ихъ похвалы и рукоплесканія—сдѣлали нашихъ дѣвицъ гордыми, самонадѣянными и непослушными. „Сенъ-Сиръ теперь въ модѣ,—говорятъ онѣ и воображаютъ, что на нихъ смотритъ весь свѣтъ“. Виновна въ этомъ была отчасти сама г-жа де-Ментенонъ, поручившая воспитаніе дѣвицъ монахинямъ молодымъ, дурно понимавшимъ цѣль учрежденія заведенія и сама обращавшая болѣе вниманія на развитіе въ дѣвицахъ свѣтскаго остроумія и утонченнаго свѣтскаго обращенія. Замѣтивъ свою ошибку, она рѣшилась загладить ее немедленной рѣзкой реформой въ воспитаніи своихъ дѣвицъ [2]). Прежде всего были прекращены публичные спектакли въ институтѣ. Дѣвицы играли изрѣдка, исключительно для короля и его семейства. Но со смертію короля и это прекратилось. Институтъ замкнулся отъ всякихъ сношеній съ обществомъ и по смерти главной своей руководи-

---

[1]) Lavallée. Histoire de la maison Royale de St. Cyr. Ch. XVI. 252.—

[2]) Сущность желаемой реформы г-жа де-Ментеномъ выразила въ слѣд. словахъ монахинямъ-воспитательницамъ: „Учите нашихъ дѣвицъ быть воздержанными на чтеніе и всегда предпочитать ему рукодѣліе и занятія по хозяйству.—Имъ несравненно нужнѣе умѣнье вести себя въ свѣтѣ по-христіански и—мудро управлять семьей, чѣмъ выказывать себя учеными героинями.—Женщины всегда знаютъ только въ половину, и обыкновенно самое ничтожное знаніе дѣлаетъ ихъ гордыми, тщеславными, болтуньями и—отвращаетъ ихъ отъ всего положительнаго.“ Lavallée. Histoire—Ch. XVI. 52.

тельницы, г-жи де-Ментенонъ, скончавшейся въ 1719 году, четыре года спустя по кончинѣ короля, остановился неподвижно и какъ-бы замеръ на уставѣ и правилахъ, начертанныхъ при его основаніи.

Въ продолженіе трехъ четвертей столѣтія въ немъ не было сдѣлано никакихъ перемѣнъ, сообразныхъ съ духомъ времени. Институтъ впалъ въ другую крайность. Въ описываемое нами время онъ принялъ совершенно монашеское устройство. Въ немъ не было другихъ воспитательницъ кромѣ монахинь.— Воспитанницы, по окончаніи курса, почти всѣ принимали монашество или разъѣзжались по разнымъ монастырямъ, и оставались въ Сенъ-Сирѣ въ званіи учительницъ или разъѣзжались. Только немногія возвращались въ свои семьи или выходили замужъ.

Благодаря непосредственному наблюденію и попеченію императрицы, Смольный институтъ избѣжалъ всѣхъ этихъ крайностей.—Хотя онъ былъ основанъ въ стѣнахъ монашеской обители и сами воспитанницы его извѣстны были въ обществѣ, по мѣсту своего жительства, болѣе подъ именемъ монастырокъ,— онъ въ то же время никогда не былъ монастыремъ.—Монашескій персоналъ не имѣлъ въ немъ того преобладающаго вліянія, какое мы замѣчаемъ въ Сенъ-Сирѣ.—Весьма немногочисленный, онъ занималъ при институтѣ положеніе служебное и подчиненное.—Обязанности монахинь состояли не столько въ обученіи малолѣтнихъ воспитанницъ грамотѣ, сколько въ выполненіи возлагаемыхъ на нихъ начальствомъ послушаній: участвовать въ клиросномъ чтеніи и пѣніи при богослуженіи и въ хожденіи за больными дѣвицами въ лазаретѣ.—Тѣмъ и ограничивалась при институтѣ вся ихъ дѣятельность. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вольтеру, отъ 23-го марта 1772 года, Императрица, дѣлая намекъ на извѣстный ей образъ жизни Сенъ-Сирскихъ затворницъ—прямо высказываетъ ему свой взглядъ на воспитаніе своихъ дѣвицъ. „Мы далеки, пишетъ она, отъ мысли сдѣлать изъ нихъ монахинь. Напротивъ, мы воспитываемъ ихъ такъ, чтобы онѣ могли украсить собою семейства, въ которыя вступятъ.—Мы не хотимъ ихъ сдѣлать ни жеманными, ни кокетками, но любезными, способными воспитывать своихъ собственныхъ дѣтей и имѣть попеченіе о своемъ домѣ“. Въ другомъ письмѣ отъ 25 іюня того же года, напоминая Вольтеру о пьесахъ, обѣщанныхъ имъ для воспитанницъ Смольнаго, императрица пишетъ ему:—„мой монастырь отнюдь

не варварское учрежденіе,—онъ поручаетъ себя вашимъ попеченіямъ" [1]).

Порядокъ жизни воспитанницъ, какъ въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, такъ и въ Мѣщанскомъ училищѣ, по уставу, былъ одинъ и тотъ же.—Онѣ вставали въ 6-ть часовъ утра и время до 8-ми часовъ употребляли на туалетъ, молитву и чтеніе евангелія. Въ 8-мь часовъ воспитанницы завтракали, а въ 9-ть начинались классы и продолжались до полудня. Въ 12-ть часовъ обѣдали. Послѣ обѣда до 2-хъ часовъ назначенъ былъ отдыхъ, а въ 2 часа опять начинались классы и продолжались до 5-ти часовъ. Въ 5-ть часовъ назначены были, въ извѣстные дни недѣли, классы музыки, пѣнія и танцованія, или же время, отъ 5-ти до 8-ми часовъ, употреблялось на отдыхъ и приготовленіе къ слѣдующему дню уроковъ. Уставъ предписывалъ, чтобы дѣвицы, въ хорошую погоду, возможно чаще пользовались чистымъ воздухомъ и прогулками въ саду. Для больныхъ указано было выбрать такое помѣщеніе, которое бы „наиболѣе способствовало облегченію ихъ болѣзни,—близъ сада, или имѣющее положеніе къ какому-либо увеселительному виду". Для помѣщенія лазарета и былъ выбранъ восточный корпусъ монастырскаго зданія, обращенный къ Невѣ и саду.—Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ занимало южный корпусъ монастыря, а мѣщанское училище—сѣверный,—въ срединѣ котораго находилось обширное зало для публичныхъ собраній.—Въ сѣверо-восточномъ углу монастырскаго зданія находилась общая для монахинь и дѣвицъ церковь Св. Великомученицы Екатерины,—а въ сѣверо-западномъ, въ верхнемъ этажѣ—церковь Св. Захаріи и Елизаветы, освященная одновременно съ устройствомъ мѣщанскаго училища.

Служащіе при монастырѣ и заведеніи мужескаго пола и ихъ семейства, общее число коихъ было около 100 человѣкъ, равно какъ и причтъ монастырскій—помѣщались внѣ монастыря—на такъ называемомъ запасномъ Смольномъ дворѣ. Дворъ этотъ существовалъ еще до открытія монастыря и устроенъ былъ для храненія припасовъ, назначенныхъ для продовольствія Высочайшаго двора и его служителей. Состоя въ вѣдомствѣ собственной Ея Имп. В-ства вотчинной канцеляріи, онъ находился подъ управленіемъ мундшенка. Здѣсь же, кромѣ служащихъ,

---

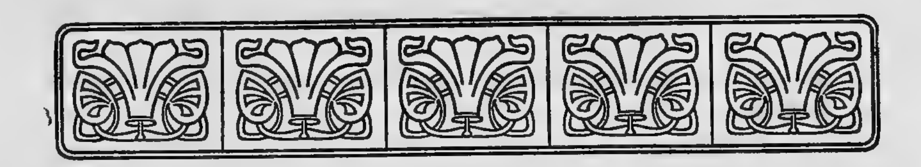
[1]) Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Госуд. Архивѣ Министер. Иностр. Дѣлъ. Собр. и изд. акад. Я. Гротомъ. Томъ III. 1762—1774.

помѣщались лица разныхъ придворныхъ званій, находившіяся въ отставкѣ.

Для наблюденія за порядкомъ внутри и внѣ монастырскаго зданія установленъ былъ бдительный надзоръ. Въ инструкціи швейцарамъ предписывалось: ворота монастыря всегда держать замкнутыми, чтобы никто не могъ ни войти, ни выдти безъ ихъ вѣдома. „Во время публичныхъ съѣздовъ, сказано было, ниже оберъ-офицерскаго чина, или званія, никого отнюдь не пропускать". Вечеромъ съ 1-го марта по 1-е сентября въ 10-ть часовъ,—а въ прочіе мѣсяцы въ 8½—они обязаны были звонить въ колоколъ, „дабы непринадлежащіе къ монастырю обоего пола люди выходили,—затѣмъ спустя полчаса болѣе никого не впускать и не выпускать, ни подъ какимъ видомъ, какого бъ званія ни были", исключая священника и доктора, „да и то, сказано было, по повелѣнію г-жи начальницы". Въ концѣ инструкціи швейцарамъ ставилось на видъ, что „такъ какъ они носятъ двора Ея Имп. В-ства ливрею, которая уже показываетъ ихъ въ достоинствѣ офицера",—то они должны вести себя такъ,—чтобы каждый оказывалъ имъ „учтивость, пріятность, благопристойность, правду и совѣстные поступки". „Въ противномъ же случаѣ, сказано было, ежели какое насиліе, безчинство или грубость кто окажетъ,—а по учиненному довольному въ томъ снисхожденію и терпѣнію миновать будетъ не можно,—онаго, какого бы званія ни былъ—велѣть караульнымъ задерживать, дабы какъ монаршей ливреѣ, такъ должности и привратникову званію почтеніе упущено не было". О всѣхъ происходимыхъ иногда „необыкновенныхъ приключеніяхъ"—швейцары обязаны были вести журналъ и подавать его для просмотра въ засѣданіе Совѣта [1]).

Сообщилъ **Е. С. Шумигорскій.**

[1]) Дѣла архива Общества бл. дѣвицъ.—Инструкція швейцарамъ составлена Сергѣемъ Козьминымъ,—членомъ Совѣта.



Время службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ.

Проявленіе добрыхъ чувствъ и добраго настроенія.

I.

Положеніе русскихъ людей, занесенныхъ служебными обстоятельствами на далекую окраину, въ среду населенія, укладъ жизни котораго далеко отъ уклада жизни русскаго человѣка, оторванныхъ отъ всего родного, что съ юныхъ лѣтъ дорого сердцу русскаго человѣка, было вообще тяжелое, тѣмъ болѣе, что не только эта оторванность угнетала русскаго человѣка, но и положеніе среди населенія, не всегда дружелюбно относящагося къ русскимъ людямъ и безусловно равнодушнаго и индифферентнаго ко всему русскому. Особенно угнетенное состояніе испытывали русскіе люди въ знаменательные и памятные дни русской жизни и русской исторіи, когда повышалось русское народное чувство и сильнѣе билось русское сердце, переживая важнѣйшіе моменты русской государственной жизни. Въ такіе моменты чувствовалась особенная потребность для русскаго человѣка оттѣнить эти моменты въ своемъ обыденномъ быту, не оставаться равнодушнымъ и безучастнымъ къ этимъ народнымъ переживаніямъ. Если такія чувства испытывалъ каждый отдѣльный человѣкъ, каждая семья, то тѣмъ болѣе должно было переживать это чувство цѣлое отдѣльное учрежденіе, особенно такое учрежденіе, какъ гимназія, задачею которой было воспитаніе подростающихъ поколѣній въ уваженіе къ великимъ дѣяніямъ и великимъ событіямъ. Въ силу этихъ соображеній Радомская мужская гимназія не оставляла ни одного знамена-

[1]) См. „Русск. Стар.", октябрь 1913 г.

тельнаго въ жизни русскаго народа событія безъ соотвѣтственнаго чествованія этого событія. Къ устройству такихъ чествованій побуждали гимназію также и распоряженія Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое придавало важное воспитательное значеніе чествованію историческихъ событій и дѣяній великихъ людей земли русской и рекомендовало въ дни знаменательныхъ историческихъ событій разъяснять учащимся значеніе этихъ событій съ цѣлью вызвать въ нихъ патріотическое настроеніе. Тѣмъ большее значеніе придавало Министерство Народнаго Просвѣщенія такимъ юбилейнымъ чествованіямъ великихъ русскихъ людей и годовщинамъ знаменательныхъ событій земли русской, которыя торжественно праздновала вся Россія. Въ такіе дни учащіеся были освобождаемы отъ учебныхъ занятій, и Министерство давало учебнымъ заведеніямъ указанія относительно характера и порядка школьныхъ празднествъ.

Чествованіе историческихъ событій имѣло одинаковое значеніе, какъ въ центральной Россіи, гдѣ горячо отзывались на эти событія сердца русскихъ людей, такъ равно и на окраинахъ Россіи; даже на окраинахъ школьныя чествованія событій русской земли имѣли еще большее значеніе, нежели въ центральной Россіи, ибо въ центрѣ Россіи годовщина событія сильнѣе всѣми чувствуется, нежели на окраинахъ, равнодушныхъ къ такимъ событіямъ, поэтому чествованіе на окраинахъ общегосударственныхъ историческихъ событій имѣетъ важное значеніе для окраиннаго населенія, напоминая ему о государственной связи его съ общимъ для всѣхъ отечествомъ; для русскаго же населенія и русскихъ воспитанниковъ, обучающихся въ окраинныхъ учебныхъ заведеніяхъ, эти чествованія являются великимъ утѣшеніемъ въ ихъ отчужденности отъ центра Россіи. Въ силу этихъ соображеній, Радомская гимназія всегда охотно и торжественно праздновала важнѣйшіе царскіе дни и всѣ юбилеи, какъ вслѣдствіе сознанія воспитательнаго значенія школьныхъ патріотическихъ чествованій, такъ и потому, что имѣла къ этому всѣ средства: въ составѣ гимназіи находились талантливые преподаватели, какъ Я. И. Добровольскій, А. С. Извѣковъ, способные не только разъяснить учащимся въ актовой рѣчи значеніе чествуемаго событія, но и увлечь слушателей полнотою, законченностію, изяществомъ изложенія и глубокимъ подъемомъ чувства; кромѣ этихъ талантливыхъ и, такъ сказать, присяжныхъ ораторовъ гимназіи, произносили рѣчи на празднествахъ гимназіи и другіе препо-

даватели,—Д. И. Срѣтенскій, Е. И. Киричинскій, Д. Я. Русановъ, Е. П. Гацкевичъ; гимназія имѣла великолѣпный и громадный актовый залъ, почти на двѣ тысячи душъ; имѣла церковные и свѣтскіе хоры, прекрасный струнный и духовой оркестры; воспитанники гимназіи, какъ русскаго, такъ, къ чести ихъ сказать, и польскаго происхожденія, охотно принимали участіе въ школьныхъ празднествахъ въ качествѣ исполнителей, и публика охотно посѣщала эти школьныя празднества.

Въ виду польскаго состава учебнаго заведенія гимназія, при праздновaніи такихъ событій въ жизни Россіи, которыя соприкасались съ судьбою польскаго народа, не впадая въ крайности польскаго шовинизма и щепетильности, избѣгала, однако же, затрогивать такіе факты, которые будили у поляковъ тяжелыя воспоминанія о судьбѣ ихъ отечества, такъ, напримѣръ: въ годовщины столѣтняго юбилея кончины Императрицы Екатерины Великой и Суворова въ собраніи учащихся были произнесены рѣчи—въ юбилей Екатерины Великой учителемъ Гацкевичемъ: „Характеристика Екатерины Великой“ и учителемъ Извѣковымъ: „Екатерина Великая, какъ писательница и нравственно философскія идеи въ ея сочиненіяхъ“, въ юбилей Суворова: „участіе Суворова въ семилѣтней войнѣ, его походы въ Турцію и переходъ черезъ Альпы“, но во всѣхъ этихъ рѣчахъ были обойдены молчаніемъ факты, которые могли возбудить въ учащихся польскаго происхожденія тяжелыя чувства.

Юбилейныя празднованія обыкновенно начинались совершеніемъ соотвѣтствующихъ богослуженій въ церкви и римско-католическомъ костелѣ, затѣмъ слѣдовали торжественные акты или чтенія для учащихся. Всѣ торжества гимназіи могутъ быть раздѣлены на два разряда: на празднованія религіозныхъ событій и празднованія событій патріотическаго и всероссійскаго характера. Изъ торжествъ перваго рода отмѣчу: празднованіе тысячелѣтія со дня блаженной кончины св. Меѳодія, и празднованіе столѣтія крещенія Руси; а изъ празднованій событій патріотическаго характера отмѣчу: празднованіе и ознаменованіе событій въ Отсу и въ Боркахъ, празднованіе священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны 14 мая 1896 г., а также ознаменованіе горестнаго событія—кончины Императора Александра III.

При чествованіяхъ нѣкоторыхъ событій наблюдалось если воодушевленіе и лояльность чувствъ, то доброе и сочувствен-

ное настроеніе со стороны учащихся польскаго происхожденія и нѣкоторой части польскаго общества.

I. Тысячелѣтіе со дня блаженной кончины первоучителя славянъ св. Меѳодія было отпраздновано Радомскою гимназіей весьма торжественно, при чемъ въ праздновании приняли участіе и католики, безъ сомнѣнія, потому, что память св. Кирилла и Меѳодія одинаково чтится какъ православною, такъ и римско-католическою церковію. 6 апрѣля 1885 г., въ день тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, торжественныя богослуженія были отправлены какъ въ православной церкви, такъ и въ римско-католическомъ костелѣ. Въ актовой залѣ гимназіи состоялось торжественное собраніе, которое открылось пѣніемъ тропаря св. Кириллу и Меѳодію и благодарственно-хвалебнаго гимна: „Тебѣ, Бога хвалимъ". По окончаніи пѣнія были произнесены рѣчи директоромъ гимназіи В. Г. Смородиновымъ: „О значеніи дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія" и учителемъ Д. И. Срѣтенскимъ: „Кириллъ и Меѳодій, какъ просвѣтители славянъ"; закончилось торжество пѣніемъ гимна: „Славяне, пѣснію высокою почтимъ апостоловъ славянъ" и народнаго гимна: „Боже, Царя храни" и раздачею публикѣ и православнымъ учащимся изданнаго славянскимъ благотворительнымъ обществомъ „Жизнеописанія св. Кирилла и Меѳодія".

На другой день, 7-го апрѣля 1885 г., было устроено для учащихся литературное утро, состоявшее въ декламаціи учащимися стихотвореній, касающихся подвиговъ славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія, въ пѣніи соотвѣтствующихъ торжеству пьесъ и въ чтеніи ученическихъ сочиненій, написанныхъ на тему о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, и въ заключеніе было прочитано: „Жизнеописаніе свв. Кирилла и Меѳодія", по брошюрѣ Рогова, въ сопровожденіи туманныхъ картинъ, воспроизводящихъ дѣянія славянскихъ первоучителей и мѣстности поприща ихъ дѣятельности.

Директоромъ гимназіи было испрошено разрѣшеніе попечителя Варшавскаго учебнаго округа на устройство публичнаго чтенія въ залѣ мѣстнаго клуба; но это чтеніе не состоялось. Такъ какъ контроль надъ публичными чтеніями находится въ вѣдѣніи губернскихъ властей, то губернаторъ потребовалъ для просмотра брошюру Рогова: „Святые Кириллъ и Меѳодій" и, несмотря на то, что эта брошюра была разрѣшена для публичныхъ чтеній, онъ всю ее испещрилъ вставками и сокращеніями: не только выброшены были изъ брошюры споры свв. Кирилла и Меѳодія съ приверженцами ученія о filioque

и объ отправленіи богослуженія только на латинскомъ языкѣ, но даже вездѣ слова „православіе“ и „католичество“ были замѣнены словомъ „христіанство“, такъ что этими исправленіями дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія была до того обезличена, что они являлись во всемъ послушными слугами папъ, вслѣдствіе этого директоръ отказался отъ устройства публичнаго чтенія въ клубѣ, а повторилъ вечеромъ чтеніе для воспитанницъ Радомской женской гимназіи.

Такъ русская администрація ревниво оберегала щепетильность поляковъ не только въ національномъ, но и въ религіозномъ отношеніи. Губернаторъ Толочановъ, любившій литературу, тщательно собиравшій коллекціи русскихъ и заграничныхъ художественныхъ изданій, былъ кабинетный человѣкъ и держался умиротворяющей политики, почему многіе русскіе считали его полякующимъ. Впрочемъ, Толочановъ представлялъ не исключительный типъ администратора, оберегающаго польскую щепетильность: исторія знаетъ примѣры подобныхъ администраторовъ, начиная со временъ болѣе отдаленныхъ. Такъ еще въ 1840 году, даже такой администраторъ, какъ Намѣстникъ Царства Польскаго князь Паскевичъ, призналъ въ приспособленной Павлищевымъ къ доброму согласію между поляками и русскими учебной книгѣ „русской исторіи“, составленной этимъ послѣднимъ по Устрялову, нѣкоторыя выраженія неумѣстными въ учебникѣ и приказалъ попечителю Окуневу таковыя исключить изъ него и замѣнить другими, болѣе соотвѣтственными. Между прочимъ, приказано было исключить слѣдующія мѣста: „латинскіе миссіонеры совершали обряды на непонятномъ языкѣ“; „въ самыхъ храмахъ славили Бога на мертвомъ непонятномъ языкѣ“; „проповѣдывалъ крестовый походъ противъ нѣмецкаго императора Фридриха II“, а въ выраженіи „исповѣдывать латинскую вѣру“ замѣнить слово „латинскую“ словомъ „католическую“ [1]).

Далеко раньше образованія въ Варшавѣ партіи польскихъ угодовцевъ существовали угодовцы русскіе, въ лицѣ мѣстной администраціи; но система угодливости полякамъ всегда приносила для русскаго дѣла менѣе благопріятные результаты, нежели твердая русская политика и твердая система.

II. Чествованіе Радомскою мужскою гимназіей *900 лѣтія крещенія Руси*, въ виду того, что годовщина этого событія при-

---

[1]) См. В. Смородиновъ. „Русскій языкъ въ Радомской мужской гимназіи“.

ходилась въ каникулярное время, было соединено съ годичнымъ актомъ гимназіи, 14 іюня. Актъ открылся пѣніемъ гимназическимъ хоромъ тропаря равноапостольному князю Владиміру, послѣ чего исполненъ концертъ Бортнянскаго: „Сей день его же сотвори Господь“, и затѣмъ преподавателемъ А. С. Извѣковымъ была прочтена рѣчь: „Христіанство у славянъ и государственное и общественное значеніе православія въ Россіи“. Послѣ акта, окончившагося пѣніемъ народнаго гимна, учащимся, преимущественно православнаго исповѣданія, было роздано изданное Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ „Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра“. 15-го іюля, въ день празднованія 900-лѣтія крещенія Руси, во временной церкви, помѣщавшейся въ зданіи гимназіи, было совершено торжественное богослуженіе, съ водосвятіемъ, на городской площади; учащіеся православнаго исповѣданія участвовали въ церковной процессіи.

III. *Ознаменованіе Радомскою мужскою гимназіею чудеснаго событія въ Боркахъ, 17-го октября 1888 года* носило трогательный и торжественный характеръ. Необходимо замѣтить, что не только русскіе, но и поляки проявили въ этомъ дѣлѣ необычную для нихъ корректность въ отношеніи выраженія чувствъ по поводу чудеснаго спасенія Императорской Семьи. Эту корректность поляковъ, въ данномъ случаѣ, надобно полагать, слѣдуетъ приписывать не столько патріотическимъ чувствамъ этого населенія, сколько его религіозности: поляки народъ очень религіозный, и явное чудо милости Божіей къ Царской Семьѣ не могло не поразить ихъ религіознаго чувства, и потому и учащіе и учащіеся такъ отзывчиво и охотно приняли участіе въ ознаменованіи чуда милости Божіей къ Августѣйшей Семьѣ и въ празднествахъ по этому поводу.

22 октября 1888 года, въ день совершенія въ г. Радомѣ торжественнаго молебствія по поводу спасенія драгоцѣнной жизни Государя Императора и Августѣйшей Семьи Его, учащіе и учащіеся, предъ отправленіемъ на богослуженія, были собраны въ актовой залѣ гимназіи, гдѣ директороиъ была прочтена телеграмма Министра Императорскаго Двора о крушеніи царскаго поѣзда и по окончаніи чтенія сказана была имъ слѣдующая рѣчь: „Ужасающія подробности телеграммы Министра Императорскаго двора о крушеніи царскаго поѣзда на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ, 17-го октября, показываютъ, какая страшная опасность угрожала драгоцѣнной жизни нашего возлюбленнаго Государя и Его Семьи. Если мы

представимъ себѣ, что въ поѣздѣ, потерпѣвшемъ крушеніе,— жертвою котораго были 21 человѣкъ убитыхъ и 37 раненыхъ,— находились Государь Императоръ, Государыня Императрица и Августѣйшія Дѣти ихъ Величествъ, мысль цѣпенѣетъ отъ ужаса, какое страшное несчастіе угрожало Императорскому Дому и нашему дорогому отечеству, Россіи. Но Господь, въ своей неизмѣримой благости, чудесно спасъ Царя и Россію. Осѣнимъ себя крестнымъ знаменіемъ въ знакъ благоговѣйнаго благодаренія Господу Богу за явленное Имъ намъ милосердіе и принесемъ сегодня въ храмахъ горячія молитвы всеблагому Провидѣнію за чудесное спасеніе драгоцѣнной жизни нашего Государя и Его Августѣйшей Семьи отъ грозившей Имъ великой опасности, здѣсь же въ настоящемъ собраніи нашемъ съ умиленіемъ выслушаемъ благодарственно-хвалебную пѣснь: „Тебѣ, Бога хвалимъ", какъ выраженіе нашего благодаренія Богу, за Его милосердіе къ намъ. Послѣ этихъ словъ гимназическимъ хоромъ была пропѣта пѣснь: „Тебѣ, Бога хвалимъ". Послѣ пѣнія директоромъ учащимся были разъяснены подробности крушенія Императорскаго поѣзда и указано величіе души Монарха, явившаго себя мужественнымъ человѣкомъ и истиннымъ христіаниномъ во время страшной катастрофы на желѣзной дорогѣ,—какъ Государь, дивно спасенный Промысломъ Божіимъ, по выходѣ изъ обломковъ разбитаго вагона, первую свою заботу устремляетъ на раненыхъ; несмотря на страшныя минуты, пережитыя въ моментъ крушенія поѣзда, несмотря на пронизывающій дождь, Государь распоряжался лично оказаніемъ помощи раненымъ, утѣшалъ и ободрялъ ихъ, приказалъ обезпечить семейства убитыхъ, перевезти въ Петербургъ останки несчастныхъ жертвъ крушенія, и, только по исполненіи долга христіанина и Государя, вошелъ въ приготовленный для Его Величества вагонъ. Затѣмъ разсказано было, какъ по прибытіи на станцію Лозовую, вблизи которой находилась церковь, Государь приказалъ пригласить духовенство и велѣлъ отслужить панихиду по жертвамъ несчастнаго случая и благодарственное молебствіе Господу Богу за спасеніе Свое, Своей Семьи и любимой Имъ Россіи, — какъ Свое человѣколюбіе и христіанское смиреніе Государь простеръ еще далѣе, — какъ на станціи Лозовой Государь пригласилъ въ залъ, на поздній обѣдъ, поѣздную прислугу и всѣхъ служителей и какую умилительную картину представляла эта трапеза Государя, дивно спасеннаго всеблагимъ Промысломъ Божіимъ, и, послѣ всѣхъ пережитыхъ имъ минутъ крушенія, въ хри-

стіанскомъ смиреніи и отечески раздѣляющаго хлѣбъ-соль со своими подданными. Послѣ окончанія этой рѣчи и заключичительныхъ словъ ея гимназическимъ хоромъ былъ пропѣтъ народный гимнъ: „Боже, Царя храни", и затѣмъ всѣ отправились въ храмы по принадлежности вѣроисповѣданій.

27-го октября 1888 года, происходило экстренное засѣданіе педагогическаго совѣта Радомской мужской гимназіи для обсужденія вопроса о способѣ ознаменованія событія 17-го октября 1888 года, и на этомъ засѣданіи совѣта постановлено: 1) повергнуть, установленнымъ порядкомъ, къ Стопамъ Его Императорскаго Величества выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ отъ имени служащихъ Радомской мужской гимназіи; 2) въ знакъ благодаренія всеблагому Промыслу Божію, дивно спасшему отъ опасности жизнь Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи и въ воспоминаніе на вѣчныя времена объ этомъ событіи, соорудить, на средства служащихъ, икону св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго и поставить таковую въ Свято-Николаевской соборной церкви, помѣщающейся временно въ зданіи гимназіи, съ тѣмъ, что если временная церковь будетъ обращена въ гимназическую, то таковая икона должна остаться въ этой церкви, для благоговѣйнаго поклоненія и назидательнаго напоминанія учащимъ и учащимся о чудесномъ событіи 17-го октября 1888 года.

Воспитанники гимназіи приняли тоже живое участіе въ выраженіи чувствъ благодаренія Господу Богу за спасеніе Государя Императора и Его Семьи: ученики православнаго исповѣданія сдѣлали пожертвованія на пріобрѣтеніе лампады къ иконѣ св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго; ученики римско-католическаго исповѣданія сдѣлали пожертвованіе на сооруженіе иконы Спасителя для римско-католическаго костела, при чемъ живописныя работы иконы безвозмездно исполнилъ учитель чистописанія и рисованія И. А. Пинко, а на данныя учениками деньги пріобрѣтены матеріалы для живописныхъ работъ и богатая рама; наконецъ, по желанію учащихся еврейскаго закона вѣры, составлена мѣстнымъ раввиномъ благодарственная Господу Богу молитва за спасеніе Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи.

Икона св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго для православной церкви исполнена художникомъ Харламовымъ въ С.-Петербургѣ и представляетъ копію иконы Неффа, находящейся въ Исаакіевскомъ соборѣ; дубовый рѣзной кіотъ къ иконѣ, высотою въ 5 аршинъ, въ византійскомъ стилѣ въ

формѣ часовни съ куполомъ, исполненъ въ мастерской училища Цесаревича въ С.-Петербургѣ. Икона установлена въ церкви позади праваго клироса; панданомъ къ ней служитъ икона св. равноапостольной Маріи Магдалины, сооруженная Радомскою женскою гимназіей.

Икона для римско-католическаго костела, исполненная учителемъ Пинко, представляетъ Христа Спасителя, ходящаго по водамъ и спасающаго утопающаго апостола Петра. Эта икона есть копія религіозной картины Плакгорста. Икона большихъ размѣровъ; фигуры, изображенныя на ней, въ натуральную величину. Къ иконѣ сдѣлана металлическая доска съ надписью, на латинскомъ языкѣ, что икона сооружена учениками Радомской гимназіи въ память спасенія „Августѣйшаго, Благочестивѣйшаго Императора Александра III отъ великой опасности, угрожавшей Ему 17 — 29 октября 1888 года“. Эта икона установлена была въ костелѣ на видномъ мѣстѣ. Но какъ не прочно все въ этомъ прекраснѣйшемъ изъ міровъ и какъ мѣняются вѣянія и настроенія людей: охватившее всѣхъ религіозное и патріотическое настроеніе съ теченіемъ времени начало ослабѣвать, особенно въ католическомъ населеніи, и когда начались въ польскомъ обществѣ патріотическія броженія, икона Спасителя, по какимъ-то соображеніямъ, была перенесена съ виднаго и эффектнаго мѣста въ такую часть костела, гдѣ она была мало видна; эти соображенія объяснились только тогда, когда исчезла и мѣдная доска къ иконѣ съ текстомъ изъ псалма и надписью, по какому поводу и кѣмъ сооружена икона.

Освященіе иконъ для церкви и римско-католическаго костела въ память событія 17-го октября 1888 года происходило въ высокоторжественный день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 15-го мая 1889 года, въ присутствіи учащихся по принадлежности исповѣданій, служащихъ въ гимназіи лицъ и представителей мѣстной администраціи, во главѣ съ начальникомъ губерніи.

Въ тотъ же день происходило въ мѣстной синагогѣ торжественное чтеніе составленной, по желанію воспитанниковъ Радомской гимназіи еврейскаго закона вѣры, молитвы за спасеніе Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи, 17-го октября 1888 года. Предъ чтеніемъ молитвы раввиномъ А. Г Перламутеромъ была сказана, съ обращеніемъ къ учащимся, рѣчь на текстъ: „Господи, силою Твоею возвеселится Царь“; по окончаніи чтенія молитвы пропѣтъ былъ народный гимнъ:

„Боже, Царя храни“. На чтеніи молитвы, отпечатанной на атласѣ и вставленной въ великолѣпную золотую раму, присутствовали нѣкоторые представители мѣстной администраціи во главѣ съ начальникомъ губерніи. При входѣ въ синагогу почетныхъ гостей встрѣчалъ мѣстный раввинъ; въ синагогѣ разставлено было нѣсколько отдѣльныхъ столиковъ, покрытыхъ бѣлыми скатертями; посѣтителей усадили за столиками; почетные гости хотѣли было снять съ головы треуголки, но ихъ просили не снимать головныхъ уборовъ и, во время пѣнія хоромъ еврейскихъ воспитанниковъ гимназіи народнаго гимна, они стоятъ въ синагогѣ, какъ на парадѣ, приложивши руку къ треуголкѣ.

Ознаменовано служащими въ Радомской мужской гимназіи и новое милосердіе Божіе къ россіи и Императорскому Дому, выразившееся спасеніемъ драгоцѣнной жизни Первороднаго Сына Монарха земли русской отъ злодѣйскаго покушенія *въ Японіи, въ Отсу, 29-го апрѣля 1891 года*, по единогласному рѣшенію служащихъ въ гимназіи опредѣлено въ память этого событія соорудить на собственныя средства икону Христа Спасителя и поставить таковую въ актовой залѣ гимназіи. Живописныя работы по сооруженію иконы безвозмездно исполнилъ учитель рисованія Радомской мужской гимназіи И. А. Пинко.

IV. Въ 1894 году Радомская мужская гимназія, наравнѣ со всей Россіей, переживала *тревожные дни болѣзни и кончины Императора Александра III.* 21-го октября 1894 года получено было отъ Начальника Радомской губерніи горестное извѣщеніе, что Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ III въ Бозѣ почилъ 20-го октября въ 2 часа 15 минутъ пополудни. Это горестное извѣщеніе было сообщено директоромъ гимназіи учащимся по классамъ: при сообщеніи извѣстія о кончинѣ въ Бозѣ почившаго Незабвеннаго Императора воспитанники преклоняли колѣна и творили тихую молитву объ упокоеніи души почившаго Государя. Въ тотъ же день была совершена торжественная панихида по почившемъ Императорѣ, по окончаніи которой состоялось принесеніе присяги на вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу и Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Георгію Александровичу. При принесеніи присяги учащимися римско-католическаго исповѣданія въ костелѣ, едва не разыгрался инцидентъ изъ-за вопроса: на какомъ языкѣ должна произно-

ситься присяга. Римско-католическое духовенство, чуткое къ обереганію націоналистическихъ и клерикальныхъ тенденцій, выразило мысль, что присяга должна быть произносима всѣми католиками на томъ языкѣ, на которомъ отправляется дополнительное богоуслуженіе, т. е., на языкѣ польскомъ; но послѣ разъясненія администраціи и указанія на то, что принесеніе присяги учащимися, хорошо понимающими русскій языкъ, не требуетъ необходимости прибѣгать къ польскому языку, присяга спокойно произведена была на русскомъ языкѣ. Въ Радомѣ инцидентъ съ присягой прошелъ благополучно, благодаря умѣренности взглядовъ и тактичности настоятеля радомскаго римско-католическаго прихода, но во многихъ городахъ возникали по этому вопросу разногласія и недоразумѣнія, и присяга приносилась даже чиновниками на польскомъ языкѣ, пока не послѣдовало административное разъясненіе этого вопроса.

Къ чести поляковъ надобно сказать, что въ горестные дни болѣзни и кончины Императора Александра III они были вообще корректны, за небольшими исключеніями, и не увеличивали горечи чувствъ русскаго населенія злорадствомъ или неумѣстными инцидентами. Величавый образъ великаго душою русскаго богатыря Императора Александра III и преждевременная трогательная кончина Его въ Крыму способны были умилить и не склоннаго къ чувствительности человѣка, а вступленіе на престолъ Императора Николая II порождало въ полякахъ надежды на уступки и благодѣянія имъ, а въ довольно сильной средѣ поляковъ партіи угодовцевъ, на первыхъ порахъ, до посѣщенія Государемъ Варшавы, возбуждало и чувства лояльности.

Во всѣ воскресные дни, до погребенія въ бозѣ почившаго Императора Александра III воспитанники православнаго исповѣданія присутствовали на совершенныхъ послѣ литургіи панихидахъ, а въ 9, 20 и 40 день по кончинѣ почившаго Императора и въ день погребенія, были совершены заупокойныя литургіи; воспитанники римско-католическаго исповѣданія разучили траурную обѣдню (Requiem) и пѣли таковую на заупокойныхъ служеніяхъ въ костелѣ. Въ день погребенія почившаго Императора Александра III, предъ отправленіемъ воспитанниковъ на заупокойное богослуженіе, директоръ гимназіи обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Сегодня въ невыразимой скорби, въ глубокомъ трауръ, не только Россія, но и весь цивилизованный міръ: сегодня въ усыпальницѣ русскихъ Государей, въ Петропавловскомъ соборѣ, въ С.-Петер-

бургѣ, предается погребенію владыка полміра, нашъ великій въ бозѣ почившій Императоръ Александръ III; сегодня короли и принцы, уполномоченные государствъ всего свѣта, депутаты отъ удрученной горемъ стомилліонной Россіи и всего славянства въ послѣдній разъ прощаются съ прахомъ усопшаго Царя-Миротворца, и, преклоняя колѣна предъ его гробомъ, молятъ Господа Бога объ упокоеніи въ небесныхъ обителяхъ души почившаго Императора, бывшаго Миротворцемъ Европы, отцомъ и великимъ родителемъ Россіи, примѣромъ христіанскихъ и семейныхъ добродѣтелей, завѣщавшимъ на смертномъ одрѣ своимъ народамъ любовь къ правдѣ, искренности и дорогой нашей родинѣ—Россіи“.

„Перенесемся же мыслію и мы къ этому драгоцѣнному гробу и сегодня въ храмахъ принесемъ искреннія и горячія молитвы объ упокоеніи души въ бозѣ почившаго Царя-Миротворца, Императора Александра III“.

Въ двадцатый день по кончинѣ Императора Александра III учащіеся были собраны, въ 2 часа дня, въ актовой залѣ гимназіи, въ которой портретъ Царя-Миротворца былъ декорированъ черной матеріей, и послѣ краткой рѣчи директора гимназіи, обращенной къ воспитанникамъ, было прочтено прекрасно составленное, на основаніи оффиціальныхъ телеграммъ и достовѣрныхъ газетныхъ извѣстій, учителемъ А. С. Извѣковымъ „Описаніе послѣднихъ дней жизни, блаженной кончины и погребенія Императора Александра III“, съ краткою характеристикою его дѣяній. Это весьма трогательное чтеніе о великой утратѣ было выслушано служащими и учащимися стоя. По окончаніи чтенія православнымъ гимназическимъ хоромъ было пропѣто: „Со святыми упокой“, а по произнесеніи законоучителемъ священникомъ Юхновскимъ возгласа—„вѣчная память“. Умилительное повѣствованіе о блаженной, праведной кончинѣ и славныхъ дѣяніяхъ почившаго Императора Александра III и прекрасное пѣніе гимназическаго хора произвели, подъ вліяніемъ пережитыхъ минутъ, неизгладимое и потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ.

Ко дню погребенія въ бозѣ почившаго Императора гимназія облеклась въ траурное убранство: зданіе было декорировано черными флагами, колонны портика доверху были обтянуты черною матеріей; между колоннами и по панели были уставлены черные хоругви съ иниціалами въ бозѣ почившаго Императора Александра III и короною; также были декорированы парадная лѣстница и верхній корридоръ, ведущій въ церковь

Прибавлю къ этому, что въ выраженіи внѣшнихъ знаковъ скорби, по случаю кончины Императора Александра III, городомъ Радомомъ и его обитателями выказано было замѣчательное единодушіе: не только правительственныя учрежденія, но и частныя квартиры были декорированы глубокимъ трауромъ. Главная улица г. Радома, Люблинская, на которой помѣщалось большинство правительственныхъ учрежденій и квартиры русскихъ чиновниковъ, была сплошь убрана черными флагами, а балконы и подъѣзды были декорированы черною матеріею, вслѣдствіе чего городъ представлялъ удручающій видъ и возбуждалъ тяжелыя чувства горя. Въ выраженіи знаковъ скорби, по случаю кончины Императора Александра III, приняли участіе и многіе поляки. Этотъ фактъ пріятно отмѣтить, особенно послѣ того, какъ Россіи и русскому населенію Царства Польскаго пришлось быть свидѣтелями другихъ временъ и другого настроенія поляковъ,—когда все русское преслѣдовалось и поносилось, рвались царскіе портреты и даже русскихъ людей разстрѣливали на улицахъ, какъ куропатокъ.

До истеченія сорокового дня съ кончины Императора Александра III, уроки свѣтскаго пѣнія въ гимназіи были замѣнены церковнымъ пѣніемъ, а уроки музыки и танцевъ отмѣнены. Предполагавшееся 9 ноября, по случаю 50-лѣтія со дня кончины баснописца И. А. Крылова литературно-музыкальное утро было отмѣнено.

Въ молитвенную память о въ бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III служащими въ Радомской мужской гимназіи православнаго исповѣданія сооружена была икона Распятія Господня для алтаря гимназической церкви. Съ цѣлію выраженія почтенія въ памяти Императора Александра III гимназіей была великолѣпно отпечатана составленная директоромъ В. Г. Смородиновымъ книга: „Свѣдѣнія о происходившихъ въ Радомской мужской гимназіи торжествахъ въ честь и память Императора Александра III“, а также составленная учителемъ А. С. Извѣковымъ брошюра: „Послѣдніе дни жизни и погребенія Императора Александра III“.

Торжественное празднованіе Радомской мужской гимназіей всерадостнаго событія — *священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ* продолжалось три дня. Наканунѣ коронаціи ученики православнаго исповѣданія присутствовали въ гимназической церкви на торжественной всенощной. Въ первый день коронаціи всѣ городскіе ученики гимназіи предъ отправленіемъ на богослуженіе были собраны въ актовой залѣ гимназіи, гдѣ

имъ было разъяснено директоромъ значеніе всерадостнаго событія — священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ и было прочтено вступленіе изъ брошюры: „Русскимъ дѣтямъ про священное коронованіе", послѣ чего былъ исполненъ гимнъ.

На второй день коронаціи ученики присутствовали на торжественномъ богослуженіи въ храмахъ, по принадлежности исповѣданій, а православные ученики участвовали въ процессіи и всенародномъ благодарственномъ молебствіи, совершенномъ на одной изъ городскихъ площадей, и несли святыя иконы. На третій день празднованія коронаціи въ Радомской мужской гимназіи, въ актовой залѣ гимназіи, состоялись чтеніе учителемъ Извѣковымъ составленной имъ рѣчи: „О священномъ коронованіи русскихъ императоровъ на царство", и музыкальное утро, во время котораго наличнымъ составомъ гимназическаго хора и оркестра былъ исполненъ маршъ Гинзбурга: „Многи лѣта, православный русскій Царь", отрывки изъ оперы „Жизнь за Царя" и финалъ изъ той же оперы „Славься, славься". Чтеніе и музыкальное утро, на которомъ присутствовали губернаторъ И. Г. Подгородниковъ, представители администраціи и значительное число публики, закончилось трижды повтореннымъ гимномъ.

По окончаніи чтенія и музыкальнаго утра учащимся были ро зданы портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, отпечатанные золотомъ съ иниціалами Ихъ Императорскихъ Величествъ, короною и надписью „14 мая 1896 г.", программы чтенія о священномъ коронованіи и музыкальнаго утра, а затѣмъ учащимся было предложено угощеніе, состоявшее изъ стакана шеколада съ печеніями, а музыкантамъ и пѣвчимъ, кромѣ того, были розданы въ особыхъ коробкахъ, съ иниціалами Августѣйшихъ Именъ и надписью 14 мая 1896 г. „отъ Радомской мужской гимназіи"—конфекты.

По случаю всерадостнаго событія гимназія была роскошно убрана и иллюминована: по обѣимъ сторонамъ портика были установлены двѣ арки, украшенныя матеріей національныхъ цвѣтовъ, вдоль же фронтона гимназіи установлены декораціи, украшенныя коронами, орлами и звѣздами, все зданіе было убрано щитами и зеленью. По вечерамъ зданіе было иллюминовано лампіонами, кубыстиками, шарами и плошками, горѣло около 2.000 огней. Торжества прошли съ большимъ воодушевленіемъ и подъемомъ духа. Иллюминація и убранство Радома были невиданныя для этого скромнаго городка. На торжества

коронаціи, несмотря на роспускъ воспитанниковъ на каникулы за исключеніемъ 8 класса, въ которомъ шли экзамены, охотно явились не только всѣ городскіе ученики, но и многіе изъ живущихъ въ окрестностяхъ города Радома, а музыканты, на счетъ гимназіи, пріѣхали и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей.

Упомяну еще объ одномъ фактѣ, отрадномъ для гимназіи, и свидѣтельствующемъ о добромъ направленіи дѣятельности воспитательнаго персонала этого учебнаго заведенія. Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя призваннаго на постъ Министра Народнаго Просвѣщенія Зенгера Его Величествомъ вмѣнено Министру въ обязанность разработать вопросъ о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи лицъ, призванныхъ нести учебную службу и воспитательную. Въ ознаменованіе акта заботливаго попеченія Его Императорскаго Величества о матеріальномъ обезпеченіи лицъ, призванныхъ нести службу въ учебныхъ заведеніяхъ, служащими въ Радомской мужской гимназіи было пожертвовано въ домовую гимназическую церковь металлическое золоченое трехъярусное паникадило. На всеподданнѣйшемъ докладѣ о таковомъ пожертвованіи Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Государь Императоръ собственноручно начертать соизволилъ:

„Прочелъ съ удовольствіемъ“.

II.

Участіе Радомской мужской гимназіи въ торжественной встрѣчѣ ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, 15 августа 1885 года, и посѣщенія гимназіи высокопоставленными и начальствующими лицами.

Проѣздъ чрезъ Радомъ Государя Императора Александра III-го и Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны произошелъ 15-го августа 1885 года, т. е. до начала учебныхъ занятій въ гимназіи, когда еще не всѣ ученики съѣхались въ городъ, поэтому выборъ воспитанниковъ для участія во встрѣчѣ и составленіе хора представляли значительное затрудненіе, тѣмъ болѣе, что распоряженіе губернскихъ властей объ участіи гимназіи въ торжественной встрѣчѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ на станціи Радомъ было сдѣлано всего за нѣсколько часовъ. Накануне прослѣдованія Императорскаго поѣзда чрезъ Радомъ наличное число учащихся было собрано въ гимназіи, и изъ нихъ сформированъ не полный хоръ и

сдѣланъ выборъ учащихся для участія во встрѣчѣ, но отъ губернскихъ властей послѣдовало увѣдомленіе, что встрѣчи Ихъ Императорскихъ Величествъ при проѣздѣ чрезъ Радомъ не будетъ; но рекомендовано было, на всякій случай, собрать учащихся въ гимназіи на слѣдующій день къ десяти часамъ утра; но и на этотъ разъ сообщено было, что встрѣчи не будетъ, поэтому учащіеся были отпущены по домамъ. Въ 1 часъ 30 минутъ пополудни, по распоряженію и. д. начальника губерніи вице-губернатора барона Буксгевдена, было дано знать гимназіи, что въ 3 часа дня для торжественной встрѣчи Ихъ Императорскихъ Величествъ должны быть собраны и отправлены на станцію Радомъ 50 воспитанниковъ мужской гимназіи. Немедленно были разосланы посланцы въ ближайшіе къ гимназіи дома, гдѣ проживали ученики, и на ученическія квартиры съ объявленіемъ о сборѣ въ гимназію; наскоро выбраны 50, болѣе прилично одѣтыхъ учениковъ, и отправлены на вокзалъ. При выборѣ случайно собравшихся въ гимназію учениковъ не было времени розыскивать пѣвчихъ, которыхъ въ хорѣ участвовало около 80 человѣкъ, поэтому гимназія явилась навстрѣчу безъ хора, и только, благодаря энергіи преподавателей церковнаго и свѣтскаго пѣнія Рыбацкаго и Левицкаго, до времени прибытія царскаго поѣзда учащіеся мужской и женской гимназіи, подъ аккомпаниментъ военнаго оркестра, въ теченіе двухъ часовъ, разучили гимнъ, и, по прибытіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, вполнѣ удовлетворительно исполнили его. По выходѣ изъ вагона Ихъ Императорскихъ Величествъ и по пріемѣ депутацій отъ города, Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили направиться въ ту сторону, гдѣ находились воспитанники мужской и воспитанницы женской гимназіи и послѣ разговора съ начальникомъ Радомской учебной дирекціи и начальницей женской гимназіи соблаговолили подойти къ воспитанникамъ мужской гимназіи и милостиво привѣтствовать ихъ словами: „Здравствуйте, дѣти“, на что ученики громко и стройно отвѣтили: „Здравія желаемъ Вашему Императорскому Величеству“, затѣмъ представитель гимназіи былъ осчастливленъ Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицею вопросами о состояніи и нуждахъ Радомской мужской гимназіи. Встрѣча была торжественная и задушевная и прошла стройно и безъ непредвидѣнныхъ случайностей, за исключеніемъ одного эпизода: когда Государыня Императрица подала руку начальницѣ Радомской женской гимназіи Александрѣ Богодаровнѣ Суворовой, то та крѣпко и съ воодушев-

леніемъ пожала ей руку; но отъ избытка чувствъ уста говорятъ.

Подробное описаніе участія Радомской мужской гимназіи во встрѣчѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ при проѣздѣ по Ивангородо-Домбровской желѣзной дорогѣ чрезъ станцію Радомъ изложено въ составленной директоромъ Радомской мужской гимназіи В. Г. Смородиновымъ, предназначенной для музея Императора Александра III-го книгѣ. „Свѣдѣнія о происходившихъ въ Радомской мужской гимназіи торжествахъ въ честь и память Императора Александра III-го и о празднествахъ въ Его Царствованіе".

III.

Посѣщенія Радомской мужской гимназіи архіепископомъ варшавскимъ Леонтіемъ, Министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Деляновымъ, варшавскимъ генералъ-губернаторомъ Свѣтлѣйшимъ княземъ Имеретинскимъ и другими высокопоставленными и начальствующими лицами.

Архіепископъ Леонтій прибылъ въ Радомъ 19-го августа 1885 года. Прибытіе высокопреосвященнаго Леонтія въ г. Радомъ съ цѣлью посѣщенія православной паствы прямого отношенія къ Радомской гимназіи не имѣло; это событіе само по себѣ принадлежитъ къ обычнымъ явленіямъ въ жизни православнаго населенія внутри Имперіи; но въ Привислинскомъ краѣ прибытіе въ городъ православнаго архіепископа является выдающимся фактомъ.

Послѣ мѣстнаго причта и прихода епископъ ближе всего имѣетъ касательство къ учебнымъ заведеніямъ, какъ блюститель преподаванія закона Божія; поэтому пріѣздъ въ городъ архіепископа былъ для мѣстныхъ учебныхъ заведеній не безразличенъ, а пріѣздъ требовательнаго и честолюбиваго архіепископа Леонтія способенъ былъ иногда причинить мѣстному учебному начальству и безпокойство: въ Сувалкахъ или Маріамполѣ, точно не помню, во время проѣзда архіепископа Леонтія за городомъ, въ каретѣ, имъ встрѣчено было нѣсколько учениковъ, которые не поклонились ему, не замѣтивши его, а, можетъ быть, и демонстративно, и архіепископъ отнесся къ этому случаю съ такимъ нескрываемымъ неудовольствіемъ, что на ноги было поставлено все мѣстное и учебное начальство съ цѣлью выясненія этого факта или обнаруженія виновныхъ.

Никто не отрицалъ высокаго положенія и значенія право-

славнаго архіепископа въ Привислинскомъ краѣ, но примѣненіе къ лицамъ инославныхъ исповѣданій установленныхъ для православныхъ знаковъ почтенія къ архипастырямъ, какъ-то: подхожденіе подъ благословеніе, цѣлованіе руки вызывало иногда недоразумѣнія и при посѣщеніи высокопреосвященнымъ Леонтіемъ Радомской гимназіи.

Побывавъ на урокахъ Закона Божія, архіепископъ обошелъ нѣкоторые классы и, между прочимъ, побывалъ на урокѣ латинскаго языка въ 6 классѣ и предложилъ одному изъ учениковъ, сидѣвшихъ на первой скамейкѣ, Рылко, перевести указанное имъ мѣсто изъ латинскаго автора. Архіепископъ Леонтій похвалилъ ученика за успѣшность его въ латинскомъ языкѣ; Рылко почтительно поклонился высокому посѣтителю: архіепископъ неоднократно повторилъ свою похвалу, и ученикъ продолжалъ кланяться. Бывшій въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ архіепископа, начальникъ Радомской учебной дирекціи В. М. Добровольскій, не громко началъ подсказывать ученику: „поцѣлуй въ руку", но ученикъ по-прежнему продолжалъ стоять и по временамъ кланяться. Архіепископу Леонтію не понравилось, что ученикъ, католикъ, не подошелъ къ нему подъ благословеніе и не поцѣловалъ его въ руку, и, вышедши изъ класса, онъ сказалъ съ оттѣнкомъ неудовольствія: „Вотъ, какіе они"!

Относительно архіепископа Леонтія необходимо сказать, что при немъ высоко стоялъ престижъ православія въ Привислинскомъ краѣ и онъ прилагалъ къ этому большія заботы. Особенные труды прилагалъ онъ къ рѣшенію уніатскаго вопроса и съ непоколебимою твердостью и настойчивостью заботился о возвращеніи въ лоно православной церкви древне-русскихъ людей, совращенныхъ въ унію и католичество происками и насиліемъ приверженцевъ римской куріи. Заслуга его въ этомъ дѣлѣ, весьма велика. Архіепископъ Леонтій отличался честолюбіемъ, иногда рѣзкостью рѣчи, строгостью и суровою требовательностью, за что́ многіе его не любили, хотя всѣ уважали его и цѣнили его заслуги и боялись его; являлись къ нему на поклонъ, ибо, пользуясь своею силою и своимъ положеніемъ, онъ могъ безъ особаго труда ссадить съ мѣста любого администратора, найдя его неспособнымъ къ поддержанію въ краѣ авторитета православія и началъ русской государственности. Особенно его боялось и льстило ему духовенство, которое онъ держалъ въ большой дисциплинѣ. Хотя въ душѣ не всѣ духовныя лица питали къ нему любовь. Безъ сомнѣнія,

изъ духовной среды распространено было извѣстіе о мнимой смерти въ С.-Петербургѣ высокопреосвященнаго Леонтія.

Во время пребыванія архіепископа Леонтія въ С.-Петербургѣ, на чредѣ служенія въ Святѣйшемъ Синодѣ, въ понедѣльникъ, на первой недѣлѣ великаго поста, въ Варшавѣ получена была телеграмма о внезапной его кончинѣ; телеграмма была за подписью, не вызывавшею сомнѣнія въ ея подлинности. По полученіи телеграммы о внезапной кончинѣ архіепископа Леонтія, духовенство распорядилось, по окончаніи часовъ и вечерни въ соборѣ, отслужить панихиду по скончавшемся архипастырѣ. Въ храмѣ уже начали собираться нѣкоторые представители мѣстной администраціи и духовенство уже стояло въ алтарѣ въ облаченіяхъ, но почти предъ самымъ выходомъ на панихиду ключаремъ Варшавскаго собора получена была, въ отвѣтъ на его запросъ объ обстоятельствахъ смерти владыки, телеграмма, что архіепископъ живъ и здоровъ. Въ Варшавскомъ соборѣ панихида, конечно, была отмѣнена, но телеграмма епископу Холмскому не поспѣла вовремя и преосвященнымъ владыкою была отслужена торжественная панихида объ упокоеніи души архіепископа Леонтія. Когда получена была телеграмма, что владыка благополучно здравствуетъ, вышелъ небольшой конфузъ, хотя всѣ утѣшали себя тѣмъ, что если, по народной примѣтѣ, кого-либо преждевременно хоронятъ, то мнимый покойникъ долго будетъ жить.

Посѣтили Радомскую гимназію также епископы Модестъ и Гедеонъ, викаріи Холмско-Варшавской епархіи, и архіепископы Флавіанъ и Іеронимъ. Епископъ Модестъ составлялъ совершенную противоположность архіепископу Леонтію: онъ отличался необыкновенною скромностію и смиреніемъ. Онъ посѣтилъ Радомскую гимназію 4 сентября 1884 года. Епископъ Гедеонъ прибылъ въ Радомъ 25 февраля 1895 г. для служенія панихиды надъ гробомъ въ бозѣ почившаго великаго князя Алексѣя Михаиловича, во время остановки траурнаго поѣзда на станціи Радомъ, при слѣдованіи онаго по Ивангородо-Домбровской желѣзной дорогѣ по пути изъ Санъ-Ремо. Епископъ Гедеонъ, по прибытіи въ Радомъ, посѣтилъ соборную церковь, помѣщающуюся въ зданіи гимназіи, и, по выслушаніи установленнаго молебнва, обратился къ паствѣ и учащимся съ глубоко назидательнымъ словомъ. Поблагодаривъ за торжественную встрѣчу, епископъ сказалъ, что въ этой встрѣчѣ онъ видитъ доказательство того, что и на далекой окраинѣ, вдали отъ центра русской и религіозной жизни, русскіе люди не

оскудѣваютъ въ вѣрѣ и присущей русскому народу любви къ пастырямъ церкви; приглашалъ паству хранить и укрѣплять въ себѣ эти чувства, посѣщать возможно чаще храмъ, возносить Господу Богу молитвы и затѣмъ, обращаясь къ воспитанникамъ и воспитанницамъ, владыка разъяснилъ дѣтямъ необходимость молитвы, ея благодатное значенiе и силу для человѣка, наставлялъ дѣтей молиться ежедневно, утромъ и вечеромъ, ибо молитвой получаются человѣкомъ разумѣнiе, преуспѣянiе въ дѣлѣ развитiя религiознаго и нравственнаго, укрѣпленiе въ любви къ отечеству и Престолу. 26 февраля его преосвященство служилъ литургiю и по случаю годовщины дня рожденiя въ Бозѣ почившаго Императора Александра III и девятаго дня по кончинѣ великаго князя Алексѣя Михаиловича—торжественную панихиду.

Высокопреосвященный Флавiанъ, архiепископъ Холмско-Варшавскiй, послѣ митрополитъ Кiевскiй, прибылъ въ Радомъ 22 мая 1894 года. Его Высокопреосвященство служилъ литургiю 22 мая, а 23 мая, по окончанiи богослуженiя, служилъ панихиду по скончавшемся митрополитѣ Московскомъ Леонтiи, 23-го же мая Его Высокопреосвященство производилъ испытанiе по закону Божiю ученикамъ 6 и 8 классовъ. Испытанiе происходило въ убранной зеленью и флагами библiотечной залѣ гимназiи, гдѣ предъ испытанiемъ были собраны всѣ православные ученики и учащiя въ гимназiи лица православнаго исповѣданiя. Его Высокопреосвященство былъ встрѣченъ пѣнiемъ „Христосъ воскресе" и „исъ-полла-эти-деспота". Во время испытанiя архiепископъ предлагалъ многимъ воспитанникамъ вопросы. Отвѣтами экзаменовавшихся Его Высокопреосвященство остался доволенъ и всѣмъ выставилъ баллъ пять. Архiепископъ Iеронимъ прибылъ въ Радомъ 27 января 1902 года для освященiя новаго православнаго собора и посѣтилъ помѣщающуюся въ зданiи гимназiи церковь. Всѣ эти архипастыри оставили о себѣ въ сердцахъ учащихъ и учащихся самое свѣтлое и неизгладимое воспоминанiе.

В. Г. Смородиновъ.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 22-го мая по 12-е іюня 1914 г.

Боргманъ, А. И. Отечественная исторія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1914. Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (16 × 23). IV + 164 стр. съ 48 рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 19 л. 5.000 экз.

Бурцевъ, А. Е. Жизнь русскаго народа, его нравы и обычаи въ картинахъ художниковъ и въ снимкахъ съ натуры. Вып. 2-й. Дѣтскія игры и забавы. Спб. 1914. Тип. Вейерманъ (Благовѣщенская пл., 3). 4° (24 × 25). 49—105 стр. Съ рис. Вѣсъ 30 л. 125 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Избранныя сочиненія. Редакція проф. А. К. Бороздина. Часть I и II. Спб. 1914. Изд. издат. Огни. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (15 × 21). XXIV + 212 + 187 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 2 л. по 5.000 экз.

Глазуновъ, А. А. Матеріалы для исторіи русской иконописи. Вып. I. Два изображенія св. Алексія — Человѣка Божія, ангела царя Алексія Михайловича, въ Звенигородскомъ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ. М. 1914. Тип. Русск. Печатня (Б. Садовая, 14). 8° (16 × 24). 11 стр. + 2 листа рис. Вѣсъ 6 л. 500 экз.

Гоголь, Николай Васильевичъ. Сочиненія. Спб. 1914. Изд. С.-Петербургской Городской Думы. Тип. Акц. Общ. Тип. Дѣла въ Спб. (7-я рота, 26). 8° (15 × 22). XIX + 568 стр. съ портр. и рис. Вѣсъ 1 ф. 31 л. 12.000 экз.

Дрейеръ, В., фонъ. Разгромъ Болгаріи. Вторая Балканская война. 1913 г. Спб. 1914. Изд. 2-е Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 4° (16 × 24). IV + 190 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 65 к. Вѣсъ 30 л. 500 экз.

Дуброва, Е. Письма къ русской женщинѣ. Шамордино, Калужской губ. 1914. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевской жен. пустыни. 8° (15 × 24). 20 стр. Вѣсъ 2 л. 4.500 экз.

Жуковскій, В. А. Избранныя баллады. Біографическій очеркъ. Текстъ. Примѣчанія. Критическія статьи. Спб. 1914. Изд. Н. П. Карбасникова (Гостиный дв., 19). Тип. Кюгельгенъ, Гличъ и К° (Екатерингофскій, 17). 8° (15 × 20). 141 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 12 л. 500 экз.

Записки восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ XXII. Вып. 1 и 2. Спб. 1914. Тип. Импер. Академіи Наукъ (В. О., 9-я л., 12). 8° (19 × 27). XXVI + 246 стр. + 2 табл. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 605 экз.

Краткое сказаніе о жизни и трудахъ Святыхъ Славянскихъ учителей Кирилла и Меѳодія. Спб. 1914. Изд. Училищ. Совѣта при Св. Синодѣ. Тип. Синодальная. 8° (15 × 22). 20 стр. Съ рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Кузнецовъ, I., свящ. Московскій Покровскій и Василія Блаженнаго Соборъ. Святые: Василій и Іоаннъ Блаженные Христа ради юроди

вые. Московскіе чудотворцы. Спасскія ворота. Лобное мѣсто. М. 1914. Тип. Русск. печатня (Б. Садовая, 14). 16° (13 × 17). 84 стр. Съ рис. и план. Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Ла-Бартъ-де, Ф., гр. Литературное движеніе на Западѣ въ первой трети XIX столѣтія. I. Люди сумерчной поры. II. Романтическій сюжетъ (1780—1830). Лекціи. М. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (18 × 26) X + 245 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 3.000 экз.

Макаренко, Николай. Путевыя замѣтки и наброски о русскомъ искусствѣ. Вып. I. Бѣлозерскій край. Спб. 1914. Изд. А. А. Жукова. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (21 × 26). 58 стр. съ рис. Вѣсъ 22 л. 1.200 экз.

Никитинъ, Иванъ Саввичъ. Сочиненія съ біографіей составлен. М. Ѳ. де-Пуле. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 3-е (Пятницкая, с. д.). 8° (19 × 28). V + 3 нен. + 376 стр. съ рис. + 1 портр. Ц. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 10.000 экз.

Николаю Ивановичу Карѣеву ученики и товарищи по научной работѣ. 1873—1913. Спб. 1914. Тип. Брокгаузъ и Ефронъ (Прачешный, 6). 4° (20 × 28). XXIII + 385 стр. съ портр. Вѣсъ 2 ф. 19 л. 1.000 экз.

Новиковъ, А. И. М. В. Ломоносовъ. Біографія, разборъ его главныхъ произведеній, темы и планы. Спб. 1914. Изд. кн. скл. А. И. Загряжскаго, 2-е (В. О., Кадетская, 29). Тип. Улей (Кирпичный, 3). 8° (15 × 23). 54 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Общая исторія Европейской культуры. Подъ ред. профессоровъ: И. М. Гревса, Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, Н. И. Карѣева и М. И. Ростовцева. Томъ IV. Людвигъ Фридлендеръ. Картины изъ бытовой исторіи Рима въ эпоху отъ Августа до конца династіи Антониновъ. Часть I. Перев. подъ ред. Ѳ. Зѣлинскаго и С. Меликовой. Спб. 1914. Изд. и тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ (Прачешный пер., 6). 8° (19 × 28). IV + 628 стр. Вѣсъ 2 ф. 26 л. 5.000 экз.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Томъ III. Книга 5. Партіи. Ихъ составъ, развитіе и проявленіе въ массовомъ движеніи, на выборахъ и въ Думѣ. Спб. 1914. Тип. Общ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 8° (18 × 28). 643 стр. Ц. 5 р. Вѣсъ 2 ф. 26 л. 5.200 экз.

Объ иконѣ Божіей Матери, именуемой „Неопалимая Купина“ № 143. Листки Казанской Амвросіевской женской пустыни, с. Шамордино. 1914. Изд. и тип. Казанской Амвросіевской жен. пустыни. 8° (15 × 23). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Отдѣлъ I. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій. Томъ XXI. Боевыя дѣйствія въ 1812 г. (декабрь мѣсяцъ). Спб. 1914. Изд. Главн. Упр. Генеральн. Штаба. Тип. Бережливость (Невскій, 139). 8° (17 × 25). VI + 543 стр. Вѣсъ 2 ф. 8 л. 500 экз.

Памяти протоіерея Іоанна Ильича Тихомирова. Спб. 1914. Тип. П. Усова (Лермонтовскій пр., 28). 8° (17 × 25). 57 стр. съ рис. Вѣсъ 12 л. 300 экз.

Платоновъ, С. Ѳ. Сокращенный курсъ русской исторіи для средней школы. Спб. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43).

8° (15×22). IV+436 стр. Съ 8 карт. Ц. 1 р. 80 к. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 20.000 экз.

Р—нъ, В. и Л. Садко-купецъ богатый гость. Отчего перевелись витязи на святой Руси. Русскія народныя былины. М. 1914. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 18° (12×18). 31 стр. Вѣсъ 2 л. 30.000 экз.

Смирновъ, Петръ, прот. Исторія христіанской православной церкви. Спб. 1914. Изд. 29-е. Тип. М. Н. Фроловой (Галерная, 6). 8° (16×23). 295 стр. съ карт. Ц. 1 р. Вѣсъ 27 л. 2.000 экз.

Тонковъ, Р. Р. Иванъ Ивановичъ Ползуновъ и его первая въ мірѣ сдвоенная паровая машина въ связи съ послѣдующимъ развитіемъ машино-строенія въ XVIII столѣтіи. Къ 150-лѣтію машины. Спб. 1914. Тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 8° (16×24). 59 стр. съ рис. Вѣсъ 7 л. 5.500 экз.

Чеховъ, Антонъ. Разсказы. Спб. 1914. Изд. тип. Тов. А. Ф. Маркса (Измайловскій пр., 24), 8° (15×22). 390 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 5.000 экз.

Изсѣкина, Е. Н. Изъ исторіи женской личности въ Россіи. Лекціи и статьи. Спб. 1914. Тип. Б. Я. Вольфа (Невскій, 126). 8° (15×22). VIII+307 стр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 26 л. 1.200 экз.

Алексѣевъ, В. Двѣнадцатый годъ. Дешевая библіотека для семьи и школы. М. 1914. Изд. ред. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 18), 2-е Тип. К. Л. Меньшова (Арбатъ, Никольскій пер., 21). 8° (15×21). 64 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 8 л. 3.000 экз.

Бальмонтъ, К. Д. Полное собраніе стиховъ. Томъ I. М. 1914. Изд. Книгоизд. Скорпіонъ. Тип. В. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (19×24). 267 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 2.000 экз.

Барановъ, Евгеній. Пѣвецъ горъ и другія легенды сѣвернаго Кавказа. Съ рис. А. П. Апсита М. 1914. Изд. Д. П. Ефимова. Тип. Вильде (М. Кисловка, 3). 8° (15×23). 63+1 нен. стр. Съ рис. Складъ: Кн. маг. А. Д. Друтманъ (Арбатъ, 35). Ц. 40 к. Вѣсъ 9 л. 3.000 экз.

Вагнеръ, П. П. Любимцы народа. Разсказы для дѣтей. М. 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина (Ваганковскій пер., 9). Тип. А. Поплавскаго (Лялинъ пер., с. д.). 8°. (15×20). 139 стр. съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 13 л. 3.000 экз.

Валько-Отшельникъ. Герои (изъ дѣтскихъ воспоминаній). Съ рис. А. Кучеренко. М. 1914. Изд. Д. П. Ефимова. Тип. Вильде (М. Кисловка, 3). 8° (15×23). 53+3 нен. стр. съ рис. Адресъ склада: кн. маг. А. Д. Друтманъ (Арбатъ, 35). Ц. 30 к. Вѣсъ 8 л. 3.000 экз.

Времена крѣпостного права. Деревня. Библіотека новой школы. Для старшихъ. № 4. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (13×17). 47 стр. Ц. 4 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Георгіевскій, Г. П. А. Н. Оленинъ и Н. И. Гнѣдичъ. Новые матеріалы изъ Оленинскаго архива. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ XCI, № 1. Спб. 1914. Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (16×22). 137 стр. Вѣсъ 18 л. 363 экз.

Гоголь, Н. В. Записки сумасшедшаго. Иллюстрированная Гоголевская библіотека М. 1914. Изд. А. С. Панафидиной, 2-е, (Лялинъ пер., 11). Тип. Земля. 16° (12×16). 39 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Григорій, А. Историческое описаніе Московскаго Златоустовскаго

монастыря. М. 1914. Тип. И. Ефимова, (Б. Якиманка, с. д.). 8° (16 × 24), 144 стр. съ рис. Вѣсъ 13 л. 2.000 экз.

Денисовъ Леонидъ. Жизнь преподобнаго Василія Новаго и повѣствованіе ученика его Григорія о мытарствахъ, открытое ему въ видѣніи преподобной Ѳеодорой. М. 1914. Изд. Е. Коноваловой и К° (Б. Андроньевская, с. д). Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8° (14 × 22). 48 стр. съ рис. Вѣсъ 6 л. 5.000 экз.

Древности-Труды коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Подъ ред. И. П. Машкова. Т. V. М. 1914. Тип. В. И. Воронова (Моховая д. кн. Гагарина). 4° (26 × 35). 151 стр. + XVIII листовъ рис. Вѣсъ 2 ф. 4 л. 625 экз.

Дубровскій, Н. Полный толковый словарь всѣхъ общеупотребительныхъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ съ указаніемъ корней. М. 1914. Изд. А. Д. Ступина, 21-е. (Никольская, ряд. съ Ремесл. Упр.) Тип. Русск. Т-ва (Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (15 × 20). 768 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 48.000 экз.

Дунаевъ, Б. И. Городъ Сольвычегодскъ. Историко-культурный очеркъ. Путешествіе изъ Москвы въ Петербургъ черезъ Двинскія земли, Бѣломорье и Озерный край. М. 1914. Тип. Русск. Т-ва (Чистые Пруды, Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (18 × 27). 16 стр. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Дѣтская Энциклопедія. Томъ IX. Подъ ред. проф. Ю. Н. Вагнера, С. А. Князькова, И. П. Козловскаго, Н. Л. Морозова, проф. С. И. Метальникова, М. В. Новорусскаго. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 4° (20 × 27). 256 стр. съ рис. Вѣсъ 2 ф. 26 л. 6.000 экз.

Жирковъ, Ив. Избранныя русскія сказки. Книжка V. Для средняго возраста. Библіотека народной школы. М. 1914. Изд. Рязанск. учебн. мастерской И. Ѳ. Жиркова, 7-е (Рязань, Александровская, с. д.). Тип. А. И. Мамонтова (Арбатская пл., Филипповскій пер., 11). 8° (15×22). 69 + 5 нен. стр. съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 8 л. 6.000 экз.

Житіе преподобной матери нашей Ѳеодоры Александрійской, въ мужскомъ образѣ подвизавшейся. (Память 11-го сентября). М. 1914. Изд. Е. Коноваловой и К° (Лубянско-Ильинскія торг. помѣщ., 6—8). Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16 × 24). 47 стр. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Жуковскій, В. А. Роландъ Оруженосецъ. Плаваніе Карла Великаго. Рыцарь Роллонъ. Иллюстрированная Библіотека Соч. В. А. Жуковскаго № 17. М. 1914. Изд. 2-е, кн. скл. М. В. Клюкина (Ваганьковскій пер., 9). Тип. Мысль. Н. П. Мяснянкинъ и К° (Петровка, 17). 16° (13×17). 16 стр. съ рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 1 л. 4.000 экз.

Жуковскій, В. А. Сказка о Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ. Книга для чтенія на второмъ году обученія. Библіотека новой школы. XVIII. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 4-е (Пятницкая, с. д.). 16° (13 × 17). 48 стр. съ рис. Ц. 4 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Загоскинъ, М. Н. Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году. Историческій романъ. Иллюстрированная библіотека соч. М. Н. Загоскина. М. 1914. Изд. М. К. Клюкина, 4-е Ваганьковскій пер., 9). Тип. В. Г. Венгерова (Мясницкая, 20). 16° (14 × 18). 270 стр. Вѣсъ 18 л. 8.000 экз.

Загоскинъ, М. Н. Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 г.

Историческій романъ. Вып. II. М. 1914. Изд. и тип. журн. „Воинъ и Пахарь". 8° (15 × 22). 65–128 стр. Вѣсъ 6 л. 2.250 экз.

Исторія іезуитскаго ордена, составленная по подлиннымъ отчасти неизданнымъ документамъ аббатомъ Геттэ, авторомъ Исторіи церкви во Франціи и многихъ другихъ историческихъ сочиненій. Т. I. Книга 5-я. Переводъ О. А. Циклинской. М. 1914. Тип. Русская Печатня. Я. М. Сарандинаки (Арбатъ, 29). 8° (15 × 23). 135 стр. Вѣсъ 9 л. 4.200 экз.

Кончина и погребеніе Архіепископа Антонія, Тверского и Кашинскаго. Тверь. 1914. Тип. Н. М. Родіонова (Трехсвятская, д. Шиканова). 8° (16 × 25). 35 стр. Вѣсъ 6 л. 100 экз.

Краткій указатель Московскихъ церквей. М. 1914. Тип. Русская Печатня (Б. Садовая, 14). 8° (15 × 23). 33 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 5 л. 600 экз.

Къ пятидесятилѣтію земства 1864–1914 г. Очерки экономической дѣятельности земства. Сборникъ статей Кн. Дм. И. Шаховского, С. Л. Маслова, М. Н. Вонзблейна, Н. Я. Казимирова, Д. М. Шорыгина, А. П. Левицкаго, А. С. Орлова, З. С. Каценеленбаума и В. В. Хижнякова. М. 1914. Изд. ред. Вѣстникъ сельск. хоз. (Смоленскій бульв., 57). Тип. О. Л. Сомовой (Б. Никитская, 60). 8° (15 × 24). IX + 121 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Лукомскій, С. К. и Модзалевскій, С. Л. Малороссійскій Гербовникъ, съ рисунками Егора Нарбута. Спб. 1914. Изд. Черниговскаго дворянства. Тип. Сиріусъ. 4° (20 × 29). XXV + 213 стр. + LXVIII табл. + 12 стр. Вѣсъ 3 ф. 15 л. 600 экз.

Львовъ, Г. Е., кн. и Полнеръ, Т. И. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. М. 1914. Изд. 8-е, Задруга (Н. Кисловка, 1). Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., с. д.). 8° (16 × 24). 60 + 4 нен. стр. Ц. 12 к. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Львовъ, Г. Е., кн. и Полнеръ, Т. И. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. М. 1914. Изд. 9-е, Задруга (Н. Кисловка, 1). Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., с. д.). 8° (16 × 24). 60 + 4 нен. стр. Ц. 12 к. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Львовъ, Г. Е., кн. и Полнеръ (Т. И. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. М. 1914. Изд. 10-е, Задруга, (Н. Кисловка, 1). Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., с. д.). 8° (16 × 24). 60 + 4 нен. стр. Ц. 12 к. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Львовъ, Г. Е, кн. и Полнеръ, Т. И. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. М. 1914. Изд. 11-е, Задруга (Н. Кисловка, 1). Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., с. д.). 8° (16 × 24). 60 + 4 нен. стр. Ц. 12 к. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Марксъ, Н. Легенды Крыма. Рисунки К. Арцеулова. Вып. второй М. 1914. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 4° (24 × 30). 63 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 23 л. 1.500 экз.

Норовъ, А. С. Война и Миръ (1805—1812). По поводу сочиненія Толстого „Война и Миръ". М. 1914. Изд. об-ва потомковъ участниковъ отечеств. войны (Трубниковскій пер., 15). Тип. Московская. 8° (15 × 22). 59 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Объ искусствѣ и художникахъ. Размышленія отшельника, любителя изящнаго, изданныя Л. Тикомъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ послѣсловіемъ и примѣчаніями П. Н. Сакулина. Москва-Ярославль. 1914

Изд. Кн-ва К. Ф. Некрасова. Тип. К. Ф. Некрасова Ярославль. 16° (13 × 19). IV + 107 + XIII + 4 нен. стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 23 л. 2.000 экз.

Платонова, А. Ѳ. Святитель Христовъ Питиримъ, епископъ Тамбовскій. Спб. 1914. Изд. Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ. Тип. Синодальная. 16. (14 × 18). 56 стр. Ц. 8 к. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Плехановъ, Г. В. Исторія русской общественной мысли. Томъ I. Спб. 1914. Изд. Тов. Міръ. Тип. Земля (Москва, 1-я Мѣщанская) и В. Безобразова (В. О. Больш. пр., 61). 8° (18 × 26). 304 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 5.000 экз.

Полевой, П. Сказка о смѣломъ Алешѣ-Поповичѣ. Рис. К. В. Лебедева. Библіотечка Ступина. М. 1914. Изд. 5-е А. Д. Ступина (Никольская). Тип. Печатникъ (Хапиловская, 54). 16° (11 × 15). 48 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 12.000 экз.

Празднованіе двадцатипятилѣтія пастырскаго служенія протоіерея С. М. Маркова при Московской Параскевіевской, въ Охотномъ ряду, церкви. М. 1914. Тип. Русск. Печатня (Б. Садовая, 14). 8° (16 × 23). 74 стр. съ рис. Вѣсъ 12 л. 1.000 экз.

Протоіерей Іоаннъ Петровичъ Ключаревъ. М. 1914. Тип. Русск. Печатня (Б. Садовая, 14). 8° (15 × 23). 4 стр. съ рис. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Пушкинъ, А. С. Кавказскій плѣнникъ. Поэма. Иллюстрированная Пушкинская Библіотека № 2. Спб. 1914. Изд. Ф. Павленкова, 11-е. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 16° (10 × 15). 36 стр. съ портр. и рис. Ц. 3 к. Вѣсъ 2 л. 25.000 экз.

Саліасъ, Е. А., гр. Собраніе сочиненій. Томъ X. Джеттатура. Панъ круль. Запра. М. 1914. Изд. А. А. Карцева (Моховая, противъ университета). Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Салтыковскій пер., 9). 8° (15 × 23). 528 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 2.400 экз.

Сандомирскій, Михаилъ. Марина Мнишекъ. Стихи. Предисловіе Арсенія Альвигина. М. 1914. Изд. Кн-ва Жатва. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 16° (13 × 17). 34 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Столпянскій, П. Старый Петербургъ. Спб. 1914. Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 16° (10 × 16). 27 стр. Вѣсъ 2 л. 75 экз.

Суворовскій Музей. Спб. 1914. Тип. Имп. Николаевск. воен. акад. (Суворовскій, 32-б). 8° (14 × 22). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Таблицы по исторической геологіи. Съ приложеніемъ петрографической таблицы. (Для слушателей проф. А. П. Павлова). М. 1914. Изд. Кн. маг. Студенческ. издательство. Тип. В. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 4° (26 × 35). 10 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Толстой, Л. Н. Упустишь огонь—не потушишь. Дѣвчонки умнѣе стариковъ. Книжка для чтенія на третьемъ году обученія. „Библіотека новой школы". Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова № 31. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 3-е (Пятницкая, с. д.) 16° (13 × 18). 32 стр. Съ портр. Ц. 3 к. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Флорентійскія чтенія. Леонардо да Винчи. Эдмондо Сольми. Воскресеніе трудовъ Леонардо. Марсель Реймондъ. Воспитаніе Леонардо. Анжело Конти. Леонардо какъ живописецъ, Витторіо Спикаццола. Леонардо какъ архитекторъ. Антоніо Фаваро. Леонардо въ исторіи опытныхъ наукъ. Филиппо Ботацци. Леонардо какъ біологъ и анатомъ. Бенедетто Кроче. Леонардо какъ

философъ. Изидоро дель Лунго. Леонардо какъ писатель. Жозефэнъ Пеладанъ. Эпилогъ. Лука Бельтрами. Аэропланъ Леонардо. Пер. съ итальянскаго I. А. Маевскаго. М. 1914. Изд. I. А. Маевскаго. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., с. д.). 8° (20×28). 304 стр. Съ рис. Ц. 4 р. Вѣсъ 2 ф. 14 л. 2.000 экз.

Чудесныя исцѣленія у гробницы о. Іоанна Кронштадтскаго. М. 1914. Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный пр., 14). 16° (13 × 18). 16 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Ясная Поляна. Краткое описаніе и свѣдѣнія для посѣтителей. Съ картой, 4 планами и 6 фототипіями. М. 1914. Изд. Толстовскаго об-ва въ Москвѣ. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (13 × 17). 64 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 7 л. 2.000 экз.

Аксаковъ, С. Т. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. Сидоровымъ. М. 1914. Изд. 5-е. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (17×25). XIX + 672 стр. съ рис. и портр. Ц. 80 к. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 5.000 экз.

Алексѣй Михайловичъ Введенскій (некрологъ) 1863—1914 года. (Изъ № 17 Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей). Владиміръ. 1914. Изд. и тип. Копль. 8 (17 × 25). 12 стр. + 1 портр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Антикварный книжный магазинъ С. Н. Котова. Каталогъ книгъ № 17 по исторіи, археологіи, нумизматикѣ, искусству, исторіи литературы и критики, языкознанію и военные. Спб. 1914. Тип. Г. А. Бернштейна (3 Рождественская, 7-а). 4° (16 × 23). 59—86 стр. Вѣсъ 1 л. 1.500 экз.

Багалѣй, Д. И. Русская исторія. Съ картами, планами и снимками съ памятниковъ древности и искусства. Пособіе къ лекціямъ для высшей школы и руководство для учителей и самообразованія. Т. I. Княжеская Русь (до Іоанна III). М. 1914. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (17 × 25). VIII + 513 стр. съ рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 3 л. 5.000 экз.

Барановъ, Евгеній. Сказки Тверскихъ казаковъ. Съ рис. В. Комарова. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (15 × 12). 228 + 1 нен. стр. съ рис. Ц. 85 к. Вѣсъ 22 л. 3.000 экз.

Бокадоровъ, Н. К. Исторія западно-европейской литературы XVI—XVII в.в. Сервантесъ и Шекспиръ. Лекціи, читанныя въ осенній семестръ 1912 г. Кіевъ. 1914. Изд. слушат. Кіевск. высш. жен. курсовъ. Тип. 1-й Кіевск. Артели Печ. Дѣла (Трехсвятительская, 5). 8° (16 × 23). 480 + III стр. Складъ: Кн. маг. Просяниченко (Фундуклеевская, 6). Ц. 2 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 1.000 экз.

Борисовъ, Ѳ. П. Родное въ народной школѣ. Книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ для III и IV г.г. обученія. М. 1914. Изд. Т-ва В. В. Думновъ (Мясницкая, д. Обидиной). 2-е. Тип. Русск. Т-ва (Чистые Пруды, Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (18 × 27). VI + 392 стр. съ рис. и портр. Ц. 70 к. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 10.000 экз.

Бурцевъ, А. Е. Жизнь русскаго народа, его нравы и обычаи. Вып. 3. Рекруты и новобранцы. Спб. 1914. Тип. Е. Вейерманъ и К° (Благовѣщенская пл., 3). 4° (24 × 25). 107—138 стр. съ рис. Вѣсъ 26 л. 125 экз.

Валаамскій монастырь. Краткое историческое описаніе и стихотвореніе, посвященное сей обители. Спб. 1914. Изд. Валаамскаго монастыря

2-е. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8° (13 × 20). 40 стр. съ рис. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Випперъ, Р. Древняя Европа и Востокъ. Учебники для младшихъ классовъ гимназій. М. 1914. Изд. и тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (17 × 24). 176 стр. съ рис. Складъ: Книж. маг. В. С. Спиридонова и А. И. Михайлова (Моховая). Ц. 80 к. Вѣсъ 18 л. 5.000 экз.

Воскресенскій, Алексѣй. Многоскорбный ученикъ Преподобнаго Серафима Саровскаго, игуменъ Павло-Обнорскаго монастыря Іоасафъ въ схимѣ Серафимъ († 20 ноября 1884 года). Вологда. 1914. Тип. П. А. Цвѣткова. 8° (18 × 28). 189 + 1 нен. стр. Вѣсъ 17 л 1.000 экз.

Гоголь, Н. В. Повѣсть Тарасъ Бульба. Иллюстрированная Гоголевская библіотека, № 81. М. 1914. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер. соб. д.), 6-е. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9). 16° (11 × 15). 206 стр. + 8 лис. рис. Ц. 18 к. Вѣсъ 9 л. 10.000 экз.

Горный, Михаилъ. Походъ на Афганцевъ и бой на Кушкѣ (1885 г.). Воспоминаніе бывшаго рядового Андрея Баландина. М. 1914. Изд. Е. Коноваловой и К° (Б. Андроньевская, с. д.). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный пр., 14). 18° (12 × 18) 108 стр. Вѣсъ 3 л. 12.000 экз.

Давыдовъ, Н. В. Изъ прошлаго. М. 1914. Изд. 2-е. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16 × 23). 432 + 1 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 3.000 экз.

Денисовъ, Л. Жизнь и чудеса св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія. М. 1914. Изд. Е. Коноваловой и К°. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (14 × 22). 47 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Дмитріевскій, А. А., проф. Императорское Православное Палестинское Общество и его дѣятельность за истекшую четверть вѣка (1882—1907). Историческая записка. Спб. 1907. Тип. В. Ѳ. Киршбаума (Новоисаакіевская, 20). 8° (18 × 28). III + 332 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 3.000 экз.

Ермакъ—покоритель Сибири. М. 1914. Изд. Об-ва ознакомл. съ истор. событіями Россіи. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (13 × 22) 12 стр. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Житіе, подвиги и чудеса святителя Питирима, епископа Тамбовскаго. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8° (15×22). 39 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Житіе преподобнаго отца нашего Іосифа Волоколамскаго. М. 1914. Тип. Русская Печатня (Б. Садовая, 14). 8° (15 × 22). 23 стр. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Житіе святителя Питирима II-го, епископа Тамбовскаго и чудеса отъ его нетлѣнныхъ мощей. М. 1914. Изд. А. Д. Сазонова (Лубянская пл., Китайскій пр., д. Человѣколюб. об-ва). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный пр., д. 14). 18° (11 × 18). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 12.000 экз.

Заринъ, А. Первый взлетъ. Разсказъ изъ времени правленія царевны Софіи. II. Доброволецъ. Разсказъ изъ времени Петра Великаго. М. 1914. Изд. Кн. скл. М. В. Клюкина (Ваганьковскій пер., 9) 2-е. Тип. Мысль Н. П. Меснянкинъ и К° (Петровка, 17). 16° (14 × 19). 79 + 1 нен. стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 5.000 экз.

Заринъ, А. По-хорошему. Разсказъ изъ времени царя Ѳеодора

Алексѣевича. М. 1914. Изд. Кн. скл. М. В. Клюкина (Ваганьковскій пер., 9) 2-е. Тип. Мысль Н. П. Меснянкина и К° (Петровка, 17). 16° (14 × 19). 48 стр. Съ рис. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Заринъ, А. Стрѣлокъ. Разсказъ изъ времени царствованія Императрицы Анны Іоанновны. Сказка. Разсказъ изъ жизни Императрицы Елисаветы Петровны. М. 1914. Изд. Кн. скл. М. В. Клюкина (Ваганьковскій пер., 9) 2-е. Тип. Мысль Н. П. Меснянкина и К° (Петровка, 17). 16° (14 × 19). 54 + 2 нен. стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 4.000 экз.

Изъ жизни великихъ угодниковъ, святителей и мучениковъ. Сборникъ духовно-нравственныхъ разсказовъ. Новая школьная библіотека кружка учащихъ, подъ редакц. Н. Булгакова и Ив. Сахарова. № 26 2-й годъ. М. 1914. Изд. Сотрудникъ школъ. А. К. Залѣсской (Воздвиженка, д. Армандъ). Тип. П. П. Рябушинскаго (Путинковскій пер., соб. домъ). 16° (13 × 18). 68 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Иларіонъ, архим. Священное Писаніе и Церковь. (От. изъ журн. „Голосъ Церкви". № 3, за 1914 г.). М. 1914. Тип. А. И. Снѣгиревой. 8° (16 × 24). 39 стр. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Илья-Муромецъ—крестьянскій сынъ. По народнымъ былинамъ разсказано В. Острогорскимъ. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 8-е (Пятницкая, с. д.). 8° (14 × 21). 36 стр. Съ рис. Ц. 8 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Иностранцевъ, М. Отечественная война 1812 года. Операціи 2-й Западной арміи князя Багратіона отъ начала войны до Смоленска. Спб. 1914. Изд. и тип. Импер. Николаевской Военной Академіи (Суворовскій, 32б). 8° (17 × 25). XXVI + 603 стр. Съ 3 порт. и 25 схемами. Ц. 4 р. Вѣсъ 3 ф. 13 л. 1.000 экз.

Кислинская, Эм. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ и его пѣсни. Спб. 1914. Изд. пост. ком. народныхъ чтеній, 4-е. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер., 11). 16° (12 × 18). 30 стр. съ 3 рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 6.000 экз.

Кіяновскій, М. Гробница боярина Артамона Матвѣева. М. 1914. Изд. Московск. отд. Имп. Росс. военно-историч. об-ва. Тип. Штаба Московск. военн. округа (Остоженка, Всеволожскій пер., д. Военн. вѣд.). 4° (23 × 30). 16 стр. съ рис. Вѣсъ 7 л. 750 экз.

Клочковъ, М. В., проф. Земскіе соборы. Историческій очеркъ. Спб. 1914. Изд. 2-е, испр. и доп. П. В. Луковникова (Лештуковъ пер., 2). Тип. Энергія (Загородный пр., д. 17). 8° (14 × 20). 120 стр. съ 17 рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 10 л. 5.000 экз.

Ключевскій, В., проф. Исторія сословій въ Россіи. Курсъ, читанный въ Московскомъ университетѣ въ 1886 году. М. 1914. Изд. 2-е. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., Путинковскій пер., с. д.). 8° (15 × 23). XVI + 253 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 25 л. 3.000 экз.

Козыревой, В. Краткая Священная Исторія Ветхаго завѣта. М. 1914. Изд. А. С. Панафидиной (Покровка, Лялинъ пер., с. д.), 17-е. Тип. т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (14 × 22). 109 + 3 нен. стр. съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 12 л. 5.000 экз.

Корниловъ, А. Курсъ исторіи Россіи XIX вѣка. Часть III. М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ (Тверской бульв., 6). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (15 × 21). 330 + 1 нен. стр. + 2 карты. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 5.000 экз.

Кукель. Знаменитый русскій герой Михаилъ Дмитріевичъ Скобе-

левъ. Бѣлый генералъ. Разсказъ. М. 1914. Изд. Е. Коноваловой и К°. (Лубянско-Ильинскія торг. помѣщ., 6-8). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный проѣздъ, 14). 18° (12×17). 108 стр. Вѣсъ 3 л. 12.000 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Казачья колыбельная пѣсня. Стихотвореніе. Рис. А. Н. Комарова. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8° (22×28). 16 нен. стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 11 л. 5.000 экз.

Липаевъ, Ив. Ѳедоръ Ивановичъ Шаляпинъ. Пѣвецъ-художникъ. Біографія-характеристика. Спб. 1914. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 16° (13×18). 60 стр. Съ портр. Ц. 30 к. Вѣсъ 6 л. 500 экз.

Лукомскій, Г. К. О нѣкоторыхъ памятникахъ старинной архитектуры Переславля-Залѣсскаго и о печальномъ состояніи памятниковъ церковнаго зодчества Горицкаго Переславльскаго монастыря. Спб. 1914. Тип. Градоначальства (8 рота, 20-б). 8° (19×27) 47 стр. Съ рис. Вѣсъ 13 л. 200 экз.

Мирлесъ, Александръ. Темникъ-Хрестоматія „Важнѣйшія темы". Томъ I. Сборникъ сочиненій на литературныя темы. I. Народная поэзія. II. Древняя литература. III. Новая литература. (275 сочиненій основныхъ и 60 дополнительныхъ). Кіевъ. 1914. Изд. книгоизд. И. И. Самоненко, 5 вновь перераб. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатинъ, 40). 8° (16×24). 2 нен. + 528 стр. Адресъ склада: Кн. маг. Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29). Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 3.000 экз.

Мирлесъ, Александръ. Темникъ-Хрестоматія „Важнѣйшія темы". Сборникъ сочиненій на отвлеченныя, историческія, литературно-отвлеченныя и др. темы. (224 темы основныя и 205 дополнительныхъ). Томъ III. Кіевъ. 1914. Изд. книгоизд. И. И. Самоненко, 5-ое. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 2 нен. + 460 стр. Адресъ склада. Кн. маг. Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29). Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 2.000 экз.

Михайловъ, М. Л. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. П. В. Быкова. Томъ IV. Марья Ивановна. Святки. Кормилица. Дуняша. Деревня и городъ. Напраслина. Спб. 1914. Изд. и тип. Т-ва А. Ф. Марксъ (Измайловскій пр., 29). 8° (15×22). 334 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 28 л. 3.250 экз.

Молитва, тропарь и кондакъ преподобному и богоносному отцу нашему Макарію Желтоводскому и Унжескому Чудотворцу. М. 1914. Тип. Синодальная. 4° (33×46). 1 листъ съ рис. Вѣсъ 2 л. 3.000 экз.

Молчановъ, П. Титъ Ливій. Вторая пуническая война и ея герои. XXI—XXX. Хрестоматія для чтенія и перевода въ VII и VIII классахъ гимназій съ объяснительными введеніями и планами городовъ и сраженій. М. 1914. Изд. Т-ва В. В. Думновъ, насл. бр. Салаевыхъ (Мясницкая, 5), 6-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9). 8° (15×23). VIII + 256 стр. съ рис., карт. и план. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсъ 22 л. 2.100 экз.

Морозовъ, А. В. Каталогъ моего собранія русскихъ гравированныхъ и литографированныхъ портретовъ. Алфавитный указатель М. 1913. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., соб. д.). 4° (27×37). 142 стр. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 500 экз.

Мутеръ, Рихардъ. Исторія живописи отъ среднихъ вѣковъ до нашихъ дней. Пер. В. Фриче. Нидерландское и нѣмецкое возрожденіе и

эпоха Барокко. Т. II. Вып. I и II. М. 1914. Изд. Кн-ва Печатникъ. Тип. П. П. Рябушинскаго. 4° (22 × 30). 162 стр. + 11 лист. рис. Вѣсъ 2 ф. 13 л. по 4.500 экз.

Н. Г., прот. А. П. Доброклонскій. Преп. Ѳеодоръ, исповѣдникъ и игуменъ Студійскій. 1 часть. Его эпоха, жизнь и дѣятельность. Одесса. 1913 г. XX + 972 + XC + 10. Цѣна 5 руб. (Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевск. Дух. Академіи“ 1914 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16 × 24). 15 стр. Вѣсъ 2 л. 65 экз

Назаревскій, В. В. Изъ исторіи Москвы 1147—1913. Иллюстрированные очерки. М. 1914. Тип. Т-ва Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 4° (20 × 28). VI + 373 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 2.000 экз.

Народная вѣра въ святость Патріарха Ермогена и плоды этой вѣры — чудеса, совершающіяся по его молитвамъ. М. 1914. Тип. А. И. Снѣгиревой. 8° (17 × 25). 55 стр. Вѣсъ 5 л. 10.100 экз.

Новый Энциклопедическій Словарь. Девятнадцатый Томъ. Ивовыя—Итальянское искусство. Спб. 1914. Изд. и тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ (Прачешный пер., 6). 8° (19 × 27). 979 столбц. + VI стр. Съ рис. и карт. Вѣсъ 2 ф. 31 л. 16.000 экз.

Новѣйшія явленія милости Божіей, по молитвамъ святителя Павла, митрополита Тобольскаго. № 85. Свѣтъ Печерскій. Кіевъ. 1914. Изд. и тип. Кіево-Печерской Успенской лавры. 8° (15 × 22). 4 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 11.200 экз.

Описаніе къ плану гор. Вильны эпохи отечественной войны. Составлено подъ ред. Н. Бернацкаго. Вильна. 1912. Тип. Штаба Виленскаго Военнаго Округа. 8° (17 × 25). 16 стр. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Перенесеніе и встрѣча иконы „Умиленія Пресвятыя Богородицы“ въ село Заозерье изъ Ростова Великаго. Угличъ. 1914. Тип. И. А. Дикарева (Московская, соб. д.). 16° (10 × 15). 11 стр. Ц. 4 к. Вѣсъ 1 л. 350 экз.

Перетцъ, В. Н. Новые труды по источниковѣдѣнію древне-русской литературы и палеографіи. Критико-библіографическій обзоръ. Вторая серія. XLIV—LV. Съ приложеніемъ текстовъ „Сказанія о Сивиллахъ“. Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17 × 25). 64 стр. Вѣсъ 8 л. 150 экз.

Петровъ, Г., свящ. Княжны-подвижницы. Разсказъ. Спб. 1914. Изд. Постоян. Ком. Народныхъ чтеній. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 16° (12 × 18). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Полисадовъ, Гр. Памяти митрофорнаго протоіерея Д. Ѳ. Пѣвницкаго. (Изъ № 16 Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей). Владиміръ. 1914. Тип. Коиль. 8° (17 × 26). 12 стр. + 1 портр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Полные анекдоты о Балакиревѣ. М. 1914. Изд. А. Д. Сазонова (Лубянская пл., Китайскій пр., д. Человѣколюб. о-ва). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный проѣздъ, 14). 18° (13 × 18). 24 стр. Вѣсъ 1 л. 12.000 экз.

Поповъ, А. Н. Мелочи архіерейской жизни XVII—XVIII в.в. (изъ прошлаго Архангельской епархіи). (Перепечатано изъ № 7 „Извѣстій Арх. О-ва Изуч. Русск. Сѣвера“ за 1914 г.). Архангельскъ. 1914. Тип. Губернская. 8° (17 × 25. 14 стр. Вѣсъ 2 л. 60 экз.

Поповъ, В. И. „Отблески“. Хрестоматія для изученія теоріи словесности. Ч. III. Для учениковъ среднихъ и старшихъ классовъ средней общеобразовательной школы. Спб. 1914. Тип. Герольдъ (7 рота, 26). 8° (17 × 24). 615 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсъ 2 ф. 23 л. 16.100 экз.

Потребныя свѣдѣнія усердствующихъ поклониться св. мощамъ Святителя Николая Миръ-Ликійскаго Чудотворца. Калуга. 1914. Изд. Козельской Введенск. Оптиной пустыни. Тип. Казанской Амвросіевск. пуст. при с. Шамординѣ. 8⁰ (15 × 23). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 5.000 экз.

Пузицкій, В. Отечественная исторія съ иллюстраціями для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1915. Изд. Т-ва В. В Думновъ, (Мясницкая, 5), 15-е. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., с. д.). 8⁰ (16 × 23). 347 + 2 нен. стр. съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 27 л 10.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Каменный Гость. Драматическій очеркъ. Иллюстрированная Пушкинская библіотека. № 20. М. 1914. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер., с. д.), 4-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9). 16⁰ (11 × 15). 41 + 1 нен. стр. + 3 листа рис. Ц. 3 к. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Русская религіозная Мысль. Женскій вопросъ. I. (Н. В. Гоголь). II. (Н. И. Пироговъ). III. (В. С. Соловьевъ) № 42. М. 1914. Тип. А. И. Снѣгиревой. 8⁰ (16 × 22). 4 нен. стр. Ц. 2 к. Вѣсъ 1 л. 2.500 экз.

Русская религіозная мысль. Іисусъ Христосъ и христіанство. (Изъ переписки графини А. А. Толстой съ Л. Н. Толстымъ) № 44. М. 1914. Тип. А. И. Снѣгиревой. 4⁰ (18 × 23). 4 нен. стр. Ц. 2 к. Вѣсъ 1 л. 2.500 экз.

Русская религіозная мысль. О воспитаніи. (П. Г. Рѣдкинъ). М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой. 8⁰ (16 × 22). 4 нен. стр. Ц. 2 к. Вѣсъ 1 л. 2.500 экз.

Русская религіозная мысль. Христіанское назначеніе женщины (Іоаннъ. епископъ Смоленскій). № 43. М. 1914. Тип. А. И. Снѣгиревой. 8⁰ (16 × 22). 4 нен. стр. Ц. 2 к. Вѣсъ 1 л. 2.500 экз.

Свириденко, С. Нюренбергскіе мейстерзингеры. Рихарда Вагнера. Общедоступный очеркъ. Спб. 1914. Изд. В. Бессель и К⁰ (Невскій, 54), Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8⁰ (15 × 22). 52 + 9 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 6 л. 2.000 экз.

Святитель Христовъ Павелъ митрополитъ Тобольскій (№ 60). Кіевъ. 1914. Изд. и тип. Кіево-Печерск. Успенск. Лавры. 8⁰ (15 × 22). 4 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Св. угодники—слава и вѣнецъ Церкви Христовой (№ 10). Кіевъ. 1914. Изд. Кіевск. Епарх. Миссіонерск. Совѣта, 4-е. Тип. Кіево-Печерск. Успенск. Лавры. 8⁰ (15 × 22). 4 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Семеновъ, М. Исторія и теорія русской словесности для городскихъ, по положенію 1782 г., училищъ, торговыхъ школъ и низшихъ техническихъ училищъ. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Якиманка, д. Кириллова), 8-е, 8⁰ (16 × 24). 336 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 26 л. 10.000 экз.

Сказаніе о святителѣ Питиримѣ, второмъ епископѣ Тамбовскомъ. (По поводу причисленія его къ лику святыхъ). Кіевъ. 1914. Изд. и тип. Кіево-Печерской Успенской Лавры. 8⁰ (15 × 22). 16 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Сказка объ Алешѣ-Поповичѣ, русскомъ богатырѣ. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8⁰ (12 × 18). 96 стр. Вѣсъ 4 л. 12.000 экз.

Сказка о славномъ сильномъ богатырѣ Бовѣ Королевичѣ. М. 1914. Изд. А. Д. Сазонова (Лубянская пл., Китайскій пр., д. Человѣколюб. об-ва).

Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный проѣздъ, 14). 18^0 (12×18). 24 стр. Вѣсъ 1 л. 12.000 экз.

Смирновъ, Петръ, прот. Начальныя свѣдѣнія изъ исторіи церкви. Спб. 1914. Изд. 16-е. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8^0 (16×23). 79 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 8 л. 10.000 экз.

Таберіо, Н. Парсифаль. Историческое происхожденіе сказаній о Парсифалѣ. Содержаніе и краткій музыкальный разборъ драмы-мистеріи того же названія Р. Вагнера. Спб. 1914. Изд. А. И. Воронецъ (Рыбацкая, 15). Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8^0 (15×24). 66 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 10 л. 3.600 экз.

Тургеневъ, И. С. Записки охотника. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ 1847—1876. Спб. 1914. Изд. 15-е стереотипное. Тип. Глазунова (Казанская, 8). 8^0 (17×26). VIII + 385 стр. съ портр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 15.000 экз.

Удивительное чудо во время крестнаго хода въ Петербургѣ. Исцѣлѣніе безногой женщины, которая встала и пошла за крестнымъ ходомъ М. 1914. Тип. И. З. Бѣльцова (Чистые пруды, 14). 8^0 (35×45). 1 лист. съ рис. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Флоринскій, Николай, свящ. Свѣдѣнія о Владимірскомъ Успенскомъ женскомъ монастырѣ, въ которомъ почиваютъ мощи св. мученика Авраамія. Владиміръ. 1914. Изд. 5-е. Тип. В. А. Поркова. 8^0 (15×22). 20 стр. Вѣсъ 2 л. 2.000 экз.

Шероцкій, К. Очерки по исторіи декоративнаго искусства Украины. 1. Художественное убранство дома въ прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1914. Изд. журнала Искусство. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 4^0 (26×36). 141 стр. Съ рис. Адр. склада: Кн. маг. Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29). Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 1 л. 400 экз.

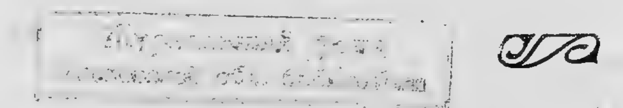
Шмидтъ, А. Къ 10-лѣтію русско-японской войны. Стихотворенія. Спб. 1914. Тип. В. Безобразова и К° (В. О., Большой пр., 61). 8^0 (15×22). 100 стр. Ц. 34 к. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Шостацкій, Е. К. Покореніе Лейпцига. Битва народовъ. Сраженіе подъ Лейпцигомъ 5, 6 и 7 октября 1813 г. Спб. 1914. Тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 8^0 (15×22). 28 стр. Ц. 12 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Шостацкій, Е. К. Разгромъ арміи Наполеона. Сраженіе подъ Лейпцигомъ 4 октября 1813 г. Спб. 1914. Тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 8^0 (15×22). 20 стр. Ц. 8 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Ѳоменко, Кл., прот. Сіонъ. (Церковно-археологическій экскурсъ). (Оттискъ изъ журн. „Труды Кіевск. Дух. Академіи“ 1914 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8^0 (17×24). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

могучій ростъ и быстрые успѣхи, достигнутые имъ въ сравнительно короткій срокъ. Единственнымъ обстоятельствомъ, тормозящимъ и, порой, почти исключающимъ проведеніе этой идеи въ жизнь является малая культурность населенія, которое, добровольно охраняя, съ одной стороны, небольшіе заказники въ видѣ такъ называемыхъ священныхъ деревьевъ, священныхъ рощъ и т. п., съ другой стороны хищнически и по-дѣтски неразумно истребляетъ лѣса, вытаптываетъ скотомъ лѣсныя поляны и луга способствуя этимъ вторженію вредныхъ ксерофитовъ и совершенному измѣненію первобытной физіономіи страны. Проводить эту идею въ жизнь можно только путемъ упорной культурной работы, внѣдряя въ плоть и кровь мѣстнаго населенія сознаніе важности охраненія участниковъ первобытной природы“.

Недавно возникла спеціальная комиссія по охранѣ памятниковъ природы на Кавказѣ и немедленно взяла подъ свое попеченіе нѣсколько наиболѣе рѣдкихъ и подвергающихся особенной опасности древесныхъ породъ. Благодаря ея дѣятельности признаны заповѣдными слѣдующіе заказники: 1) роща эльдарской сосны на горѣ Эльяръ-оуги, 2) Лагодехское ущелье, 3) Пицундская сосновая роща, 4) Роща итальянской сосны близъ с. Наджвія, 5) Мазитское ущелье въ Арешскомъ уѣздѣ, 6) Телетскій заказникъ близъ Тифлиса. Къ охранѣ въ ближайшемъ будущемъ намѣчены: 1) роща крымской сосны близъ с. Архипо-Осиповки, 2) заросли царственнаго папоротника близъ Адлера, 3) самшитовыя заросли въ Ткварчельской лѣсной дачѣ, 4) лавровая роща на г. Урта въ Зугдидскомъ уѣздѣ, 5) озеро Гёкъ-гёль близъ Елисаветполя, 6) сосновый заказникъ близъ г. Сарыкамыша, Карсской области, и 7) березовая роща на Гунибскомъ плато въ Дагестанѣ. Изъ этихъ заповѣдныхъ мѣстъ нѣкоторыя представляютъ собою небольшіе уголки, другія—значительнѣе; Лагодехское ущелье самый крупный заказникъ, по своей величинѣ (3.500 десятинъ) и разнообразію породъ должно стать настоящимъ „національнымъ паркомъ“ Закавказья. Къ охранѣ комиссія намѣрена привлечь интеллигентныя силы изъ мѣстнаго населенія. „Однако“, — находитъ авторъ—„нельзя ограничиться одними только этими мѣропріятіями. Необходимо, чтобы бережное отношеніе не только къ заказникамъ, но и вообще всей живой природѣ дошло до сознанія народа, проникло въ его плоть и кровь. Тогда не понадобится суровыхъ мѣръ для охраны заповѣдныхъ участковъ, тогда и само населеніе придетъ на помощь Природоохранительной комиссіи въ дѣлѣ осуществленія дѣйствительной охраны. Само собой разумѣется, что этого нельзя достигнуть ни циркулярами, ни приказами, ни вообще какими-либо административными мѣрами. Для этого необходимо, чтобы заботливое отношеніе къ природѣ достигалось воспитаніемъ въ извѣстномъ направленіи, чтобы эту идею могъ воспринять подготовленный умъ. Здѣсь дѣятельнымъ проводникомъ можетъ явиться сельскій учитель, ближе всего стоящій къ народу и могущій развивать въ дѣтяхъ любовь къ природѣ съ первыхъ же шаговъ ихъ школьной жизни. Для этой цѣли могли бы послужить бесѣды, чтенія, наконецъ, устраиваемые время отъ времени праздники древонасажденія. Только тогда, когда мѣропріятія Природоохранительной комиссіи найдутъ себѣ откликъ у самого коренного населенія страны, можно считать охрану памятниковъ природы обезпеченной вполнѣ. Необходимо, чтобы охраненіе памятниковъ природы на Кавказѣ не ограничилось только выдѣленіемъ заказниковъ и ихъ охраной, хотя бы даже вполнѣ дѣйствительной.

Необходимо на ближайшее время составить для каждаго заказника подробное описаніе его геологическихъ и почвенныхъ особенностей, его фауны и флоры. Тогда мы будемъ имѣть какъ бы два рода документовъ: живые національные парки, сохранившіеся на фонѣ измѣненныхъ до неузнаваемости культурныхъ пространствъ, и печатные томы, содержащіе въ себѣ тотъ же матеріалъ, обработанный въ горнилѣ человѣческой мысли.

И надолго сохранятся тогда для потомства заказники—эти разрозненные листы нѣкогда одной цѣлой книги, разорванной руками человѣка, пробивающаго себѣ путь къ благополучію и культурѣ. Слѣдовало бы, по примѣру Кавказа, основать подобныя комиссіи и въ другихъ мѣстностяхъ нашего отечества, — всюду, гдѣ есть надобность, и гдѣ еще не поздно. Пусть не исчезаетъ живая старина русской природы.

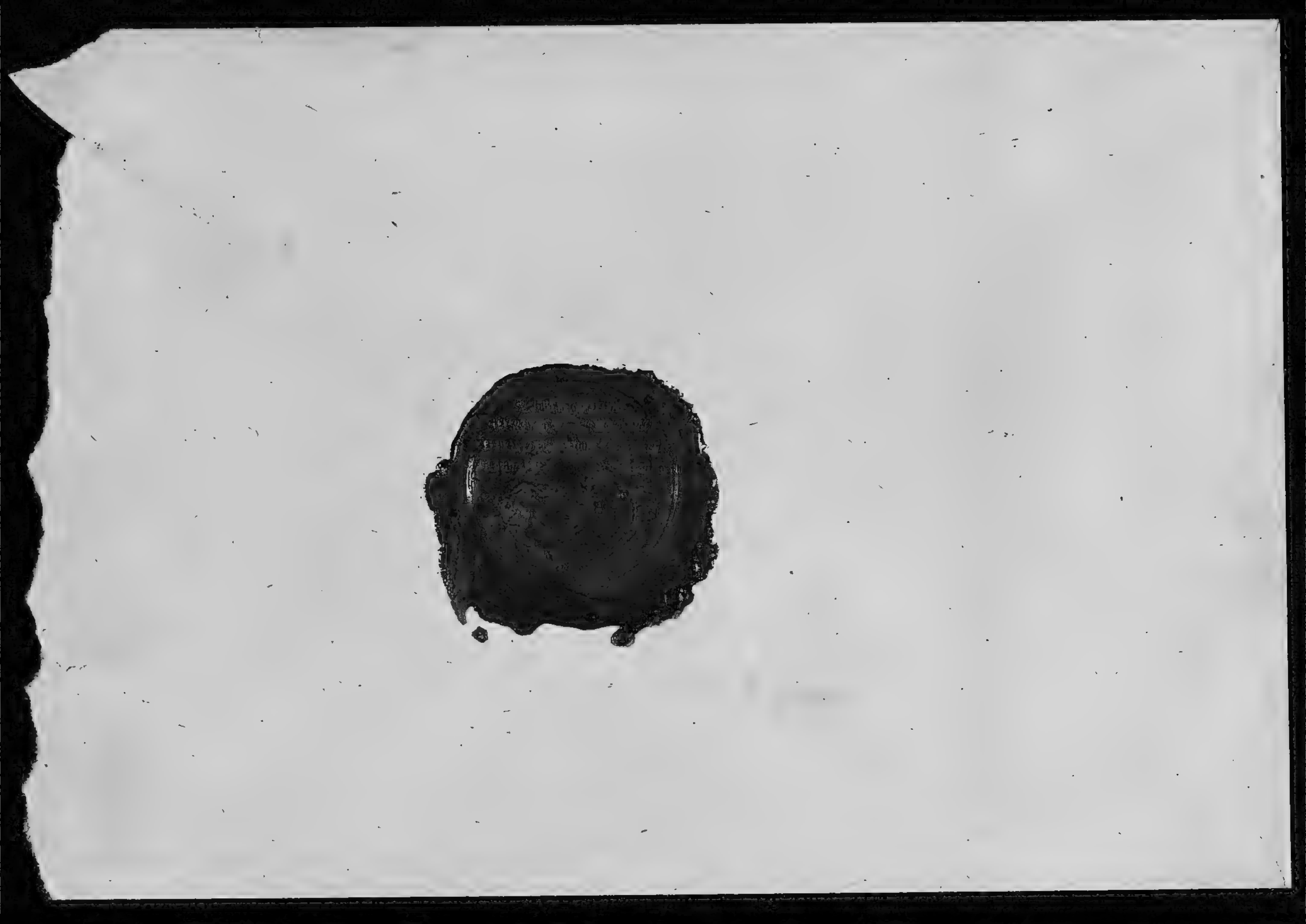
Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ.** Тип. П. Усова. Лермонтовскій пр., 28.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ВАСИЛІЮ ПАВЛОВИЧУ П Р О С Е Л К О В У

Г.ДИРЕКТОРУ ЗАРАЙСКАГО ТЮРЕМНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

№-34



СТАРШАГО ДИРЕКТОРА
ЗАРАЙСКАГО
УѢЗДНАГО ТЮРЕМНАГО
ОТДѢЛЕНIЯ
ФЕВРАЛЯ 6 ДНЯ 1915г.
№- 34.

Превосходительству
ЕГО ~~ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ~~
ДИРЕКТОРУ ЗАРАЙСКАГО ТЮРЕМНАГО
ОТДѢЛЕНIЯ..Василiю........
Павловичу Г. Праскову...

Превосходительство
ПРОШУ ВАШЕ ~~ВЫСОКОБЛАГОРОДІЕ~~ ПОЖАЛОВАТЬ ВЪ ЗАСѢДАНIЕ ОТДѢЛЕНIЯ ИМѢЮЩЕЕ БЫТЬ 9 ФЕВРАЛЯ ВЪ 8 ЧАС. ВЕЧЕРА ВЪ ЗДАНIИ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНIЯ ВОПРОСОВЪ СВЯЗАННЫХЪ СЪ ПЕРЕВОДОМЪ ВЪ РЯЖСКЪ НАЧАЛЬНИКА ТЮРЬМЫ МИЛОВАНОВА КАКЪ ЗАВѢДЫВАЮЩАГО ДѢЛОПРОИЗВОДСТВОМЪ ТЮРЕМНАГО ОТДѢЛЕНIЯ.-

СТАРШIЙ ДИРЕКТОРЪ [signature]